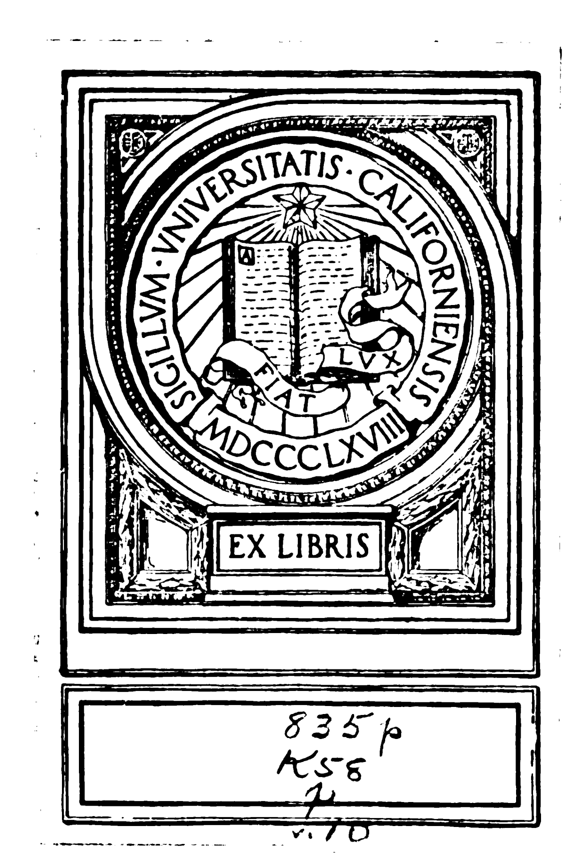
UC-NRLF
B 3 879 242


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

НАШЪ ВѢКЪ

ВЪ РУССКИХЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

По опредѣленію Общества:
1872, Мая 22, и 1873 года, Декабря 15.
Секретарь Общества и Редакторъ изданія

П. Безсоновъ.

Повторяется по прежнему просьба и предупрежденіе: не перепечатывать.

ПѢСНИ

PESNI

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

П. БЕССОНОВА.

Выпускъ 10.

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

Выписка изъ протоколовъ Общѣства Любителей Россійской Словесности *).

1873 года, Декабря 15, CCLXXXVIII засѣданіе, п. 5 и 6. — Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что, согласно протоколу 285-го засѣданія **), въ началѣ будущаго новаго года выйдетъ изъ печати *) изданный имъ по порученію Общества 10-й выпускъ «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» и что имъ въ черновыхъ матеріалахъ подготовленъ уже къ печати выпускъ 11-й, составляющій ближайшее продолженіе, пополненіе и заключеніе выпусковъ предъидущихъ, Былевыхъ и Историческихъ пѣсень, именно обнимающій собою такъ называемыя *Пѣсни Безымянныя* и *Молодецкія*, съ цѣною по объему въ 1 р. 50 к. за экземпляръ. — По прежнимъ примѣрамъ, выразивъ вновь издателю признательность, Общество постановило: по выходѣ въ свѣтъ выпуска 10-го, разослать его ближайшимъ гг. членамъ, а расплату произвести чрезъ казначея по предъявленіи окончательныхъ разсчетовъ; относительно же выпуска 11-го утвердить предположенія издателя и предоставить ему немедленно, при первой возможности, приступить къ печатанію.**

---

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

**) Отпечатанъ при 9-мъ выпускѣ.

***) Выходъ замедлился по особымъ обстоятельствамъ.

I.

ФРАНЦУЗЪ.

ПРИ ФРАНЦУЗАХЪ.

1.

(Губ. Тульской, у. Ефремовскаго).

Не въ лузяхъ-то вода полая разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-порохомъ.

Французскій король царю Бѣлому отсылается:
«Припаси-ка ты мнѣ квартиръ-квартиръ, ровно сорокъ тысячь,
«Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки.»
На это нашъ православный царь призадумался,
Его царская персонушка перемѣнилася [1]).
Передъ нимъ стоялъ генералушка—самъ Кутузовъ.
Ужь онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
« «Не пужайся ты, нашь батюшка, православный царь!
« «А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
« «Середи пути, на своей земли,
« «А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,
« «А мы скатерти ему постелимъ—вольны пули,
« «На закусочку поставимъ—каленыхъ картечь [2]);

---

[1]) Измѣнился въ лицѣ.—[2]) Такъ какъ сравненіе не родилось здѣсь самостоятельно, а занято изъ пѣсней старшаго времени, то оно перебито и примѣнено неловко Ср. выпускъ 9.

« «Угощать его будутъ—канонерушки,
« «Провожать его будутъ—всё козáчушки.» »

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Какъ во той-то было во Французской земелюшкѣ,
Проявился тамъ сукинъ врагъ [1]) Наполеонъ король.
Собиралъ онъ себѣ армеюшку по разнымъ земелюшкамъ,
Нагружалъ онъ свои галерушки разными товарами,
Какъ да и тѣми было товарами — свинцомъ-порохомъ;
Да и пишетъ онъ газетушку царю Александрушкѣ:
«Какъ прошу я тебя, Александра царь, прошу не погнѣваться!
«Изготовь ты мнѣ фатерушки въ самой кременнóй [2]) Москвѣ,
«А мнѣ, королю Французскому, царскія свои палатушки.»

На стулу́-то сидитъ Александра царь, очень призадумался,
Его царская персонушка въ лицѣ перемѣнялася.
Передъ нимъ стоитъ генералушка—самъ Кутузовъ князь:
« «Ты не бось, не бось, Александра царь, да не пугайся ты!
« «Какъ мы стрѣтимъ его, сукина врага, середи пути,
« «Мы яствице приготовимъ ему—бомбы съ ядрами,
« «А другое отошлемъ ему—пушки сы лафетами,
« «На закусочку подадимъ ему славную чинёночку [3]),—
« «Его вóйны сы знамёнами назадъ воротилися [4]).» »

---

[1]) Такъ въ народѣ говорятъ: „сукинъ котъ“ и т. п., сливая два выраженія въ одно.—[2]) Каменной; примѣнено ко „Кремлю.“—[3]) Начинку.—[4]) Такъ что его воины назадъ воротилися—воротятся.

Какъ на ту пору нашъ Александра царь крѣпко
возрадовался,
20. Закричитъ-то—возгласитъ Александра царь своимъ
громкимъ голосомъ:
— Постарайтеся, мои дѣточки, козаки военные!
— Какъ да и буду я васъ жаловать много кавалерами,
— Большую часть буду жаловать офицерами,
— И отпущу васъ, мои дѣточки, на славный Тихій [1])
Донъ!—

(Ср. сборн. г. Савельева, С. П. Б., 1866).

* *

Пѣсни этого образца и зачала („Пишетъ-пишетъ") появились въ народѣ со временъ Елизаветы, съ войны Шведской (см. вып. 9, стр. 80 и дал.), откуда простерлись послѣ на Прусскую, потомъ Французскую и наконецъ при Николаѣ на Турецкую. Въ настоящемъ случаѣ этотъ образецъ взятъ народомъ изъ его творческой памяти и *только примѣненъ* къ Французамъ.

Вообще, какъ убѣдятся читатели далѣе, такъ называемая—въ литературѣ—„отечественная война" *вызвала* у народа разнаго рода творческія воспоминанія, а по воспоминаніямъ болѣе или менѣе яркіе образы, съ тѣмъ или другимъ ихъ *примѣненіемъ*, но вновь *не создала* въ народномъ творчествѣ почти ровно ничего, за исключеніемъ нѣсколькихъ искоръ или блёстокъ, которыя найдемъ въ концѣ этого отдѣла.

Такъ и слѣдующее за симъ „видѣнье" перелицовано повтореніемъ изъ творческой эпохи „Петровской," гдѣ начинаетъ собою войну Сѣверную (вып. 8, стр. 114 и дал.).

Дѣло идетъ о Москвѣ-городѣ, а какъ скоро о *городѣ*, то, мы знаемъ изъ всего выпуска 9-го, должна необходимо явиться въ творчествѣ представительница—*дѣвушка*:

Привидѣлся сонъ.
Разорили Москву.

1.

(Данковъ, губ. Рязанской).

Не спалось дѣвкѣ—не дрямалось,
Ничего во снѣ не видалось,

[1]) Постоянный эпитетъ Дона, какъ Дуная у Славянъ Южныхъ.

Только видѣлось — сонъ безчастный:
Какъ буйны вятры подымались,
Сы хоромъ верха сорывали
Што по самыи по окошки,
По хрустыльныи по стекольцы [1]).

Не спалось дѣвкѣ—не дрямалось,
Ничего во снѣ не видалось,
Только видѣлось дѣвкѣ:
Какъ Французъ Москву разоряе,
Красну дѣвицу въ полонъ взяли,
Генералушку подарили [2]);
Красная дѣвица слезно плача,
Генералъ дѣвку унимая,
Шелковымъ платкомъ утирая:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
«Я куплю тобѣ три подарка.»
— Не хочу твоихъ трехъ подарковъ:
— Ты пусти, пусти вы Россею,
— Сь родомъ-племеномъ повидаться,
— Съ отцомъ — съ матерью распроститься.—

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

2.

(Губ. Московской, у. Звенигородскаго, Воронки).

Привидѣлся безсчастный сонъ, —
Дукътъ вѣтры со вихрями,
Съ хоромъ верхи сорываютъ
По самые по окны,

---

[1]) Сонъ этотъ значитъ вотъ что: слѣдуетъ объясненіе; но самый уподобленный предметъ и сама дѣйствительность опять представляются сномъ. — [2]) Это извѣстная намъ исторія изъ Шведскихъ и Прусскихъ походовъ, сосредоточенная главнымъ образомъ на Румянцовѣ (вып 9).

По хрустальныя по стёкла [1]):
Французъ Москву разоряетъ,
Съ того конца зажигаетъ [2]),
Въ полонъ дѣвокъ забираетъ.
Одна дѣвка слезно плачетъ,
Французъ дѣвку унимаетъ:
«Не плачь, дѣвка, не плачь, кра́сна!
«Куплю тебѣ три подарка,—
«Первый подарокъ—алу ленту въ ко́су,
«А другую голубую,
«А третію разноцвѣтну.»
— Не надо мнѣ твоихъ трёхъ подарковъ:
— Пусти меня въ свою землю,
— Мнѣ съ батюшкой повида́ться,
— Мнѣ съ матушкой распрости́ться. —

(Запис. П. В. Кирѣевскимъ 1833, Августа 26).

* *

То же. Разоренье.

1.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго, дер. Темерязевка).

Черезъ рѣчку за рѣку́ взбуливалася [1]) волна.
Взбуливалася волна: подымалася у насъ война,
Подымалась вся Французская земля.
Сквозь Россіюшку она прошла,
Во Москву-городъ зашла:
Въ Москвѣ мало стояла̀, много штурму сдѣлала,
Кровопитья больше того пролила.

(Запис. кн. Костровымъ).

*

[1]) Это значитъ, что... — [2]) Съ одного конца до другаго.

[1]) Взбушевалась. Ср. „буль-буль“ о водѣ, какъ она сочится и набираетъ волну.

2.

(Въ губерніяхъ Приволжскихъ).

Былъ я на горѣ, на высокой, на крутой [1]):
Тутъ построена матушка Москва,
Всѣмъ губернюшкамъ Москва—она честь-хвала;
Расхвалилъ Москву [2]) Францъ Поліо́нъ [3]):
Поліо́ньщикъ парень молодой,
Нѣтъ заботы за нимъ никакой.
Изъ конца въ конецъ всю Москву прошелъ,
Кромѣ Маши [4]) не нашелъ.
Середь Москвы силу становилъ,
Онъ и началъ силушку смекать:
Нѣту сорока полковъ.

Закричимте-ка мы, братцы, «Ура,»
Мы, «Ура», братцы-солдатушки!
Заряжайте пушки мѣдныя,
Выпаляйте въ каменнў стѣнў [5]):
Стѣна ка́менна пошатнулася,
Бѣла глина повалилася,
Мать сыра̀ земля разступилася.

(Доставлено г. Лихутинымъ).

* *

[1]) Творческій пріемъ—смотрѣть на разоренный городъ съ горы—начался и взятъ съ разоренья Берлина (см. вып. 9).—[2]) Расхвастался Москвою.—[3]) Наполеонъ: какъ извѣстно по картинѣ въ народномъ вкусѣ, осмыслявшей имя,—„лежитъ *на полѣ онъ.*"—[4]) Помянутой дѣвушки, представительницы города: при Румянцовѣ она обратилась въ *Марью Ѳедоровну* (вып. 9).—[5]) Стѣну „городо́вую," при которой непремѣнно является дѣвушка. Это взрывъ стѣны Кремлевской, позднѣе изъ дѣла Французовъ обращенный въ дѣло Русскихъ солдатъ, какъ брали они непріятельскія стѣны въ разныя войны (см. вып. 9 въ нѣсколькихъ мѣстахъ).

Ошеломленный нашествіемъ и погромомъ, народъ сосредоточивался съ трудомъ: еще труднѣе было сосредоточиться въ творчествѣ. Образы, безъ того слабые, ибо занимались изъ прошлаго, разбѣгались передъ дѣйствительностью, бившею слишкомъ больно. Попытавшись сосредоточиться въ исторической части образовъ на извѣстныхъ *мѣстностяхъ*, пѣсня начала, было, *съ Москвы:* Москва отдана и разрушена; явилась „дорожка *отъ Можая до Москвы*:" но она „разорёная" по преимуществу; перешли отъ нея къ *Смоленску* и потверже стали впервые лишь *подъ Парижемъ*, *туда* шли, *тамъ* опомнились, *оттуда* заговорили и запѣли. Такія поприща творческаго пути увидимъ мы сейчасъ по пѣснямъ. Но, такъ какъ все это были тогда лишь пути и дороги, а не прочныя стоянки и вѣковое житье-бытье (процессъ творчества, а не отвердѣвшій результатъ его и не созрѣвшій плодъ), по этому, какъ и въ самой дѣйствительности, увидимъ мы въ творчествѣ безпрестанное двойство, движеніе то впередъ, то назадъ. Отъ Парижа шли къ Москвѣ Французы, отъ Москвы къ Парижу мы: событія того и другаго направленія переливаются одно въ другое, смѣшиваются и путаются. Вы видѣли: Москву разоряютъ Французы, Москву берутъ Русскіе; на „разорёной дорожкѣ отъ Можая до Москвы" слышенъ гулъ то отъ Бородина, то отъ Малоярославца; то Смоленскъ, то Красный на передней сценѣ одной и той же пѣсни; то Наполеонова похвальба Парижемъ, то наши бѣды подъ нимъ, то Французъ хвастаетъ Москвою, то мы Парижемъ. *Туда и сюда* царствуетъ повсюду: повернуть можно одинаково и образы, и самыя имена.

Подобно какъ на мѣстностяхъ, пѣснотворчество пыталось остановиться и на *лицахъ:* сперва *Александръ*, потомъ *царевичъ Константинъ*, далѣе *Кутузовъ* и наконецъ уже *Платовъ*. Всѣ „бушвавшія" волны творчества стихли въ концѣ на Платовѣ: на немъ остановилось посильное творчество, на немъ, сколько могло, удовлетворилось, на немъ кончилось и дальше его не пошло.

„Разорёная путь-дорожка" самая распространенная, самая представительная *для двѣнадцатаго года:*

Разорена путь-дорожка отъ Можая до Москвы.

1*).

(Симбирскъ и Приволжскія губерніи).

Разорёна путь-дороженька
Отъ Можайска до Москвы:

*) Пѣсня въ нынѣшнемъ употребленіи „Бесѣдная."

Еще кто ее ограбилъ?
Непріятель-воръ Французъ.
Разоримши путь-дорожку,
Въ свою землю жить пошелъ;
Въ свою землю жить пошелъ,
Къ Парижу́ подошелъ;
Не дошедши до Пари́жа,
Сталъ хвалиться Парижо̀мъ.
« «Не хвались-ка, воръ Французъ,
« «Своимъ славнымъ Парижо̀мъ!
« «Какъ у насъ ли во Россіи
« «Есть получше Парижа̀:
« «Есть получше, пославнѣе,—
« «Распрекрасна жизнь—Москва;
« «Распрекрасна жизнь—Москва:
« «Москва чисто убрана̀;
« «Москва чисто убрана̀:
« «Дикарёчкомъ выстлана̀;
« «Дикимъ камнемъ выстлана̀,
« «Жолтымъ пескомъ сыпапа;
« «Жолтымъ пескомъ сыпана,
« «На бумажкѣ списана [1]);
« «На бумажкѣ списана,
« «Въ село Урень при́слана.»

(Доставлено г. Лихутинымъ).

*

2.

(Губ. Тверской, у. Калязинскаго).

Разорёная путь-дорожка
Отъ Можая до Москвы:

---

[1]) Нарисована; лубочныя картины съ видами Москвы, которыми обыкновенно рабочій народъ запасался передъ праздникомъ и уносилъ съ собою или отсылалъ въ деревню, въ подарокъ, для развѣски по стѣнамъ избы.

Ужь и кто тебя, дорожку,
Кто дорожку разорилъ?
Разорилъ меня, путь-дорожку,
Непріятель-воръ Французъ.
Разоривши путь-дорожку,
Въ свою землю жить пошелъ;
Въ свою землю въ путь пошелъ,
Ко Парижу подошелъ:
— Ужь ты Па́рижъ, ты Пари́жъ,
— Парижъ славный городокъ!—
« «Есть получше Парижо́чка,—
« «Есть прекрасная Москва:
« «Москва мо́стомъ мощена̀,
« «Бѣлымъ камнемъ выстлана̀ [1])!»

Какъ по этой по дорожкѣ
Шолъ Ванюша, шолъ-прошолъ,
Шолъ-прошолъ по ней Ванюша,
Къ душѣ Машѣ въ домъ зашолъ [2]):
«Ужь ты Маша, душа Маша,
«Маша горька сирота!»

(Записа́но нами).

*

3.

(Губ. Московской, у. Звенигородскаго, Ворѳнки).

Разорёна [1]) путь-дорожка отъ Можаю [2]) до Москвы:
Разорилъ-то путь-дорожку [3]) непріятель-воръ Французъ.

---

[1]) Сначала слова Французовъ, потомъ отвѣтъ Русскихъ.—[2]) Это помянутая дѣвушка, которой привидѣлся сонъ о разореньѣ Москвы и которая сама сиротствомъ своимъ представляетъ разорёную Москву: но, разумѣется, повторяя эти наслѣдованные образы, пѣсня теперь разумѣетъ обыкновенную Машу и съ нею переходитъ къ личному лиризму.

[1]) Во [2]) Разорёный; [3]) [4]) Разорёная. — [2]) [2]) [3]; [4]) [5]) [6]) отъ Можая. — [3]) [2]) Разорилъ эту дорожку; [3]) Разорилъ-то ли путь-дорожку; [4]) Разорилъ эту путь-дорожку, [5]) Но кто эту путь дорожку, Но кто ее разорялъ? Разорялъ эту дорожку; [7]) Какъ и кто эту путь-дорожку разорилъ? Разорилъ....

Разорёмши путь-дорожку [1]), въ свою зёмлю жить пошолъ [5]);
Въ свою зёмлю жить пошолъ, ко Парижу подошолъ [6]):
— Ты Парижъ мой, Парижóкъ, Парижъ славный городокъ [7])!—
« «Есть получше, есть важнѣе, распрекраснѣй—жизнь-Москва:
« «Всей Россіи красота, королёчкамъ честь-хвала,
« «Дикимъ камнемъ устланá, желтымъ пескомъ сыпана [8]).»»
По тому ли по песочку шолъ Ванюша, шолъ-прошолъ,
Шолъ Ванюша, шолъ-прошолъ, къ душѣ Машенькѣ зашолъ:

---

[1]) [2]) [5]) [7]) Разоривши...; [3]) Разорилъ-то ли.... [4])Разорилъ эту...; [6])...дороженьку.— [5]) [2]) Во свою землю ушолъ; [4]) *Этихъ словъ нѣтъ;* [5]) Во свою землю пошолъ; [6]) Во свою землю пошолъ, Во свою землю пошолъ...; [7]) „жить“—нѣту.— [6]) *Послѣ 4-го стиха:* [2]) Подошедши постоялъ, Самъ головкой покачалъ; [4]) Подошедши ко Парижу, Не долго простоялъ, Таки рѣчи говорилъ, Парижъ городъ восхвалилъ; въ 8-мъ варіантѣ 1—4 стиховъ нѣтъ.—[7]) [3]) Ты Парижъ ли мой....; [4]) этого стиха нѣтъ; [5]) Парижъ, Парижъ, Парижокъ....; [6]) Ты Парижъ мой, Парижочёкъ....; [7]) Ты Парижъ городъ, ты губерня Парижъ, славний городокъ; [8]) Парежъ мой, Парежокъ, Парежъ..—[8]) [2]) На ту пору случилися Здѣсь Донскіе козаки: „„Не хвалися, воръ Французъ, Своимъ славнымъ Парижóмъ: У нашего ли царя Есть получше городокъ, Есть получше, покраснѣй, — Распрекрасна жизнь-Москва;““ [3]) „„Не хвались-ко ты, воръ Французъ, Своимъ славнимъ Парижóмъ: Какъ у Бѣлаго царя Есть и лучше города, Есть получше и покраше—Славный Питеръ, Жизнь-Москва. По чему жь она славна? Потому она славна: Москва крѣпостью крѣпкá, Всё по плану строенá, Въ Москвѣ каменни всё дома, Сѣрымъ камнемъ выстланá, Путь-дорожка широка.““ [4]) „„Не хвались-ка, воръ Французъ, Своимъ славнымъ Парижóмъ: У нашего царя Есть получше города, Есть получше, пославнѣе,— Славний Питеръ и Москва. По чему Москва славна? По плану строенá, Дикарёчкомъ улицы выстланы. По этой по улицѣ Дѣтинушка шолъ-прошолъ, Несъ гитару подъ полой. Люди говорятъ: „„чей такой?““ Маша говоритъ:— милой мой!—[5]) „„Есть получше Парижà—Распрекрасна жизнь-Москва, Всей Россіи красота: Вся по плану строенá, Бѣлымъ камнемъ устланá, Алымъ цвѣтомъ сыпана. Государыня пришла, Полкъ солдатовъ привела, Государю честь-хвала.““ [6]) „„Пославнѣе Парижочику, Распрекрасна жизнь-Москва, Всей Россіи красота, Государю честь-хвала.““ [7]) „„Есть славнѣе, поважнѣе—Одна матушка Москва, Одна матушка Москва, Дикимъ камнемъ устланá.““ [8]) „„Не хвалися, не хвалися, воръ Французъ! Есть получше, есть получше Парежá: Все въ насъ каменна Москва, Да (о)на жь камнемъ выстланá, Желтымъ пескомъ в(у)сыпана.““

«Ахъ ты Машенька, Машуха, Маша горька сирота,
«Маша гóрька сирота, есть горючая слеза [*])!»

(Запис. П. В. К—мъ Іюля 21, 1833 г.).

* *

Этой пѣсни 8 варіантовъ: 1) записанъ въ Воронкахъ, Московск. губ., принятъ за текстъ; 2) въ г. Данковѣ Рязанской губерн.; 3) въ Тотемскомъ уѣздѣ, запис. г. Карнауховымъ; 4) запис. Языковымъ въ Симбирской губ.; 5) запис. г. Туринымъ въ Тверской губ., у. Старицкаго; 6) въ Тамбовской губ., запис. А. Н. Поповымъ; 7) въ Твери, запис. П. В. К—мъ отъ извощика, 1834, Сентября 17; 8) въ с. Колпнѣ, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губ., запис. П. И. Якушкинымъ. Изъ 7 послѣднихъ подведены варіанты.

По этой же дорожкѣ, обратнымъ путемъ, двигался Русскій къ Смоленску, на границу и до самаго Парижа: путь ознаменовался пѣснею, но, разумѣется, съ разными уклоненіями, какъ по мѣсту, такъ по творческимъ пріемамъ, чему служатъ примѣромъ слѣдующіе образцы:

То же, и переправа (черезъ Березину и друг.).

1.

Г. Рязанской, у. Скопинскаго.

Мы на óградѣ стояли, не думали ни о чемъ,
Только думали о томъ,—пріубраться хорошо.
Не успѣли пріубраться, къ намъ указы часто шлютъ,
Къ намъ указы часто шлютъ,—въ походъ скоро итти намъ.
Во походѣ трудно было,—всю дорогу маршемъ шли,
Всю дорогу маршемъ шли, къ Волгѣ [1]) рѣчкѣ подошли.
Мы у рѣчки простояли—перевоза здѣся нѣтъ.
Несчастли́вый вышелъ часъ,—подымался съ горъ туманъ,
Подымался съ горъ туманъ, Французъ силу собиралъ.

---

[*]) Это стихъ „двойной,“ намъ извѣстный, такъ что каждый можно раздѣлить на двѣ половины, какъ это сдѣлано у насъ выше подъ №№ 1 и 2-мъ.

[1]) Разумѣется, здѣсь Волга вставлена позднѣе, подобно какъ ниже Ярославль, Кострома, Саратовъ.—Стихъ *двойной*.

Разорёный [2]) путь-дорожка отъ Можайска до Москвы.
Ужь кто эту путь-дорожку, ужь кто это разорилъ?
Разорилъ тоё дорожку непріятель-воръ Французъ.
Разорёмши путь-дорожку, въ свою землю жить пошолъ,
Въ свою землю жить пошолъ, ко Парижу подошолъ:
— Ужь Парижъ мой, Парижóкъ, Парижъ славный городокъ! —
« «Не хвались своимъ Пари́жемъ, не хвалися, воръ Французъ!
« «Есть получше, покраснѣе,—распрекрасна жизнь-Москва:
« «Москва камнемъ выстлана́, желтымъ пескомъ всыпана.» »

(Записано и доставлено намъ—П. А. Безсонову—М. П. Лисицынымъ).

*

2.

(Г. Рязанской, Раненбургъ).

Мы стояли на границѣ, мы не думали ни объ чемъ,
Только думали-гадали,—намъ убраться хорошо,
Намъ убраться хорошо, во походъ скоро итти.
Во походъ скоро пошли, ко новой рѣчкѣ [1]) подошли.
Несчастли́въ тотъ перевозецъ,—подымался съ горъ туманъ,
Подымался съ горъ туманъ, Французъ силу забиралъ,
Французъ силу забиралъ, сорокъ пушекъ заряжалъ,
Сорокъ пушекъ заряжалъ, путь-дорожку разорялъ [2])

---

[2]) Согласуется то съ „путь“ (въ его позднѣйшемъ муж. р.), то съ „дорожкой.“

[1]) Ср. выше: забывши подлинную, всячески описываютъ рѣку. — [2]) Можно было бы подумать, что это — дѣйствительное начало пѣсни: на самомъ же дѣлѣ начало это приставлено позднѣе, не при движеніи Француза къ Москвѣ, а при обратномъ движеніи Русскихъ. Слѣдующій образецъ еще лучше обличаетъ приставку, сдѣланную въ дальнѣйшемъ походѣ.

Разорилъ эту путь-дороженьку непріятель-воръ Французъ.
Не въ свою землю пошолъ, къ новой рѣчкѣ подошолъ.
Во свою землю пошолъ, ко Парижу подошолъ:
— Ты Парижъ мой, Парижо́къ, Парижъ славный городокъ! —
« «Есть получше, есть покраше, есть покраше Парижа́, —
« «Бѣлокаменна Москва!» »

*

3.

(Оттуда же).

На зорѣ было то, на зорюшкѣ,
На зорѣ я была [1]), я на утрешной,
На высходѣ было краснаго солнушка,
На закатѣ-то только свѣтла мѣсяца,
У насъ сдѣлалось только несчастьице:
Только я ли, млада, глупость сдѣлала,
Только я ли, млада, дружка бросила.
Я за то-то я яго любить бросила,—
Только пьяно милый напивается.

Мы стояли на границѣ, не думали ни объ чемъ,
Только думали-гадали,—намъ убраться хорошо,
Намъ убраться хорошо, вы походъ скоро иттить.
Вы походъ скоро пошли,—къ новой рѣчкѣ подошли.
Несчастливъ этотъ перевозяцъ,—подымался съ горъ туманъ,
Подымался съ горъ туманъ, Французъ силу забиралъ,
Французъ силу забиралъ, сорокъ пушекъ заряжалъ,
Сорокъ пушекъ заряжалъ, путь-дорожку разорялъ.

---

[1]) Дѣвушка, извѣстная намъ героиня эпохи—разоренія Москвы: передѣлано на личный лиризмъ, изъ несчастной переправы сдѣлано несчастье любовной разлуки.

Разорилъ эту путь-дорожуньку непріятель-воръ Французъ.
Не въ свою землю жить пошолъ,
Онъ пошолъ,—къ новой рѣчкѣ подошолъ;
Во свою землю пошолъ,—кы Парижу подышолъ:
— Ты Парижъ мой, Парижо́къ, Парижъ славный городокъ!—
« «Есть получше, есть покраше, есть покраше Парижка̀,—
« «Бѣлокаменна Москва!» »

(Обѣ пѣсни записаны П. И. Якушкинымъ).

* *

На той же, разореной дорожкѣ, выступаютъ

„Ахъ вы горы мои, горы *Воробьевскія*,
Воробьевскія горы вы, Московскія,"

гдѣ въ отвѣтъ орлу во́ронъ разсказываетъ, какъ видѣлъ убитымъ тѣло бѣлое—*офицерское*. Но ближайшее разсмотрѣніе нашей науки или, что̀ то же, нашего навыка, убѣждаетъ, что это лишь примѣнено къ „Французу" и эпохѣ, а на самомъ дѣлѣ возникла пѣсня объ горахъ *Ташевыхъ* и на степяхъ *Саратовскихъ*, гдѣ убитъ Безъимянный Молодецъ. Посему мы лучше помѣстимъ это, со всѣми варіантами, въ пѣсняхъ „Молодецкихъ Безъимянныхъ."

Между тѣмъ, въ связи съ предыдущими тремя образцами, движеніе продолжалось, въ дѣйствительности и въ творчествѣ; и, какъ сейчасъ видѣли мы *Волгу*, такъ разбитое творчество пробуетъ стать твердою ногой поочередно въ *Ярославлѣ*, *Костромѣ*, *Саратовѣ*, пока не попадаетъ на подлинную дорогу, по которой шло къ опредѣленной цѣли— *къ Парижу*. Въ этомъ направленіи руководною нитью остаются лишь имена *Краснаго* и *Смоленска*, *Березины*, *цесаревича Константина;* связь образцовъ столь слаба, что поддерживается даже такими ничтожными выраженіями и обстоятельствами въ пѣснѣ, какъ *плачъ сенаторовъ*, *походный указъ*, *несчастливый перевозъ*, *соломенные домы*, *чорненькій курьеръ*, и т. п.

Начинается это пѣснею, гдѣ еще слышенъ отголосокъ временъ Екатерины и Павла:

На галерахъ.

1.

(Москва).

Охъ, вы братцы, молодцы.
Государевы гребцы!
Пушки-ружья зарядите,
Легки шлюпочки купите,
Во походъ скоро ступите.
Плавнёшенько расплывали,
Къ Ярославлю подъѣзжали:
Въ воду якори бросали,
На крутъ берегъ выходили,
Намъ квартиры отводили.
Квартерушки получили,
Во царёвъ кабакъ вступили,
Зелена вина купили,
По двѣ чары на́ день пили.
Мы не для́ того и пили,
Что пьянымъ намъ быти:
Вѣдь мы для́ того и пили,
Чтобы вéселымъ быть,
Всеё силу порубить [1]).
Одинъ чёрненькой курьеръ
Весьма намъ много надоѣлъ [2]):
Онъ гулять насъ съ собой бралъ,
Разнымъ школамъ обучалъ.
И мы такъ скоро взялись,
На галерахъ поднялись:
Хорошо намъ, братцы, быть,
На галерахъ гребцами слыть.

---

[1]) Это взято изъ заголовка пѣсень о Прусскомъ походѣ: см. вып. 9.—[2]) Мы его увидимъ и ниже въ другихъ пѣсняхъ

Какъ на встрѣчу намъ попалъ
Графъ Орловъ генералъ:
Въ Москву-городъ отъѣзжалъ,
Государыню встрѣчалъ.
Какъ позволила царица
Во дворецъ галерамъ быть:
Господа шляпы посняли,
Графъ Суворовъ-то, ура,
Ахъ, ура, братцы, ура,
Государыня была,
Что была, была, была,
Честь намъ жаловала [3]).

Какъ пора намъ, братцы, тамъ,
Дожидаются насъ тамъ:
Во царёвомъ кабакѣ
Сидятъ добры молодцы,
Они го́ловы повѣся,
А удалый съ нами здѣсь,
Шубёночка на немъ нова есть.
Мы возьмемъ вина осьмуху,
Наберемся его духу:
Мы ударимъ, братцы, въ ухо,
А мало, такъ въ другое [4])!

(Запис. П. В. К—мъ отъ извѣстной намъ 70-лѣтней старухи мѣщанки: ср. выпускъ 9, стр. 250).

*

Отъ Ярославля къ Костромѣ:

---

[3]) Государыню увидимъ и ниже.— [4]) По поводу этого „пьянаго“ конца, извѣстнаго и въ другихъ солдатскихъ пѣсняхъ, нужно замѣтить, что какъ въ тогдашней дѣйствительности, такъ и въ пѣснѣ встрѣчаемъ часто переходъ отъ растеряннаго отчаянія къ пьяному удальству и самому удалому пьянству. Кажется никогда еще Русской человѣкъ такъ не пилъ, какъ „на развалинахъ пылающей Москвы.“

2.

(Грязовецкій уѣздъ).

Здравствуй, братцы-молодцы,
Государевы гребцы!
Къ Костромѣ мы подъѣзжали,
Въ воду якори бросали,
На крутъ берегъ выходили,
Во царевъ кабакъ вступили,
Зелена вина купили,
По двѣ чары нá день пили:
Не для́ того, чтобы пьянымъ намъ напиться,
Но для того, чтобъ веселымъ быть,
Со Французомъ поступить.
Что Французскій энаралъ
Намъ на встрѣчу-то попалъ,
А мы честь ему воздали,
Всѣ пушечки заряжали,
Въ его ядрышкамъ [1]) бросали.
А мы скоро возняли́сь,
На галерахъ поднялись.
Одинъ чёренькой кульеръ
Весьма очень надоѣлъ [2]):
Онъ велѣлъ пѣсни спѣваться
И въ рожки играть учаться [3]).

(Записано г. Карнауховымъ).

*

Отъ Костромы къ Саратову:

---

[1]) Ядрышками. — [2]) Ср. его выше. — [3]) Учащательное отъ „учиться“ (научаться).

3.

(Губ. Орловской, у. Малоарханг., дер. Темерязевка).

Заплакали сенаторы всѣ ясныя очи:
« «Вы не плачьте, сенаторы, авось Богъ поможить [1])!» »
Пошли наши сенаторы во городъ Саратовъ.
Во городѣ въ Саратовѣ рѣчушка Вошлўшка [2]):
Какъ на этой на Вошлушкѣ стоялъ воръ Французикъ.
Французъ рано уставаитъ, жандаровъ [3]) взбужаитъ:
«Молодые жандарята, вы сѣдлайте кóней,
«Поѣдемъ мы, жандарята, во чистое поле!»
Смотритъ же іонъ, высматриваитъ Россійскую силу:
Стоитъ сила вó три ряда, еще во четыре [4]),
Огонь горитъ, стрѣла летитъ, Французъ утекаитъ.

(Запис. кн. Костровымъ).

* *

Теперь-то, отъ Саратова, Красный и Смоленскъ, а вмѣстѣ цесаревичъ Константинъ:

Красный, Смоленскъ.
Цесаревичъ (самъ царевичъ) Константинъ.

1.

(Шенкурскъ).

Государь прислалъ указъ:
Снаряжайся-ко, солдатъ,

---

[1]) Это, по пѣснямъ, слова Александра или Платова (ср. ниже).—[2]) Она сбивается на „Веснушку,“ а Веснушка на „Вислушку“.—[3]) Такъ звали Французскую конницу, хвостатую, сходную съ тогдашними нашими жандармами.— [4]) Это по вліянію пѣсни Малорусской: „Лежать Ляхи на три шляха, еще на четыре (см. вып. 9).“

Въ государевъ весь мундиръ,
Бери суму на плечо,
Востру саблю на бедро!
Промежь собой говорятъ [1]):
« «Далеко городъ Саратъ!» »
Запечалился солдатъ:
Сухари велятъ сушить,
Сухари не пироги,
Во дорожкѣ дорогй;
Сухарями зубы трётъ,
Сапогами нóги бьётъ.
Капитанъ вѣры не йметъ:
Во Смолень-городъ ведётъ,
Всѣ заставушки пройдётъ,
Во Смолень-городъ зайдётъ.

Пѣсню нову запоёмъ
Про солдатское житьё:
« «Прощай, друзья, прощай, братъ,
« «Прощай, здѣшній бѣлый свѣтъ [2])!» »
Собирались на совѣтъ,
На Саратовски мѣста,
Со Французомъ воевать.

Славный воинъ Константинъ
Собиралъ всѣхъ на суда,
На мелкіе карбасà,
На черные корабли:
Вдоль по морю мы пошли.
Станемъ зиму зимовать,
Станемъ вёсну весновáть [3]).

(Запис. г. Борисовымъ, доставлено М. П. Погодинымъ).

*

[1]) Слова солдатъ. — [2]) Вмѣсто „городъ бѣлъ Саратъ.“ — [3]) Отсюда въ другихъ образцахъ сдѣлали рѣку „Веснушку.“

2.

(Г. Рязанской).

Полно, братцы, намъ крушиться,
Перестанемъ тосковать!
Мы давайте лучше пѣсни распѣвать:
Мы не сами про себя,
Про ходеньице своё [1]),
Какъ мы въ лагеряхъ стояли,
На дождю мокли-дрожали,
Какъ по утру въ осьмой часъ
Стали строить во хрунтъ насъ.
Предводитель съ нами былъ
Самъ царевичь Константинъ;
Онъ по армьи разъѣзжалъ,
Платкомъ слёзы утиралъ,
Всѣмъ приказы раздавалъ:
«Полковнички, генералы,
«Не щадя пролейте кровь!»
Тогда армія вскричала,
Въ одинъ голосъ закричала:
« «Мы готовы съ тобой воевать,
« «Кровь по каплѣ проливать!» »

*

3.

(Г. Тамбовской).

Во двѣнадцатомъ году
Объявилъ Французъ войну,

---

[1]) Ср. вып. 9 о Прусскомъ походѣ: „Мы не сами про себя, про Прусскаго короля.“

Объявилъ Французъ войну
Въ славномъ городѣ въ Данско́мъ [1]).
Мы подъ Да́нскоемъ стояли,
Много нужды и горя приняли́ [2]),
Всё приказа мы ждали́ [2]).
Мы дождалися приказу,
Во семомъ часу ночи́:
Закричали всѣмъ во фрунтъ.
Повелитель съ нами былъ
Самъ царевичь Константинъ:
«Господа ли вы, бояры,
«Всё полковнички мои!....»

(Запис. А. Н. Поповимъ).

*

4.

(Сабурово, г. Орловской, у. Малоархапг.).

Полно вамъ, снѣжочки,
На тало́й землѣ лежать:
Полно вамъ, солдаты,
Въ полѣ лагеремъ стоять [1])!
Сочинялись нонче новы моды:
Изъ соломы строить до́мы.
Хоть три версты снѣгъ въ колѣна,
Мы съ охотою идёмъ;
Нападётся игдѣ дровъ полѣно,
Съ большой радостью берёмъ.
Французъ, шельма ты, грубитель,
Полно съ нами тебѣ грубовать!

(Запис. 1843 г. П. И. Якушкинимъ).

* *

---

[1]) Въ Гданскѣ, Данцигѣ.—[2]) Много нужди принимали, Все приказа ожидали.

[1]) Полународная, полусочиненная: начало изъ пѣсни XVIII в. (вып. 9, стр. 306).

То же и Березина.

1.

(Г. Симбирской).

Похвалялся (воръ) Французъ
Всю Россію разорить;
«Разорёмши Россіюшку,
«Къ быстрой рѣчкѣ [1]) подойду!»
Подошедши къ быстой рѣчкѣ,
Сталъ хвалиться табуномъ:
«Запружу я рѣчку Берёзу
«Своимъ Польскимъ табуномъ;
«Запружомши рѣчку Берёзу
«Словно по́ мосту пройду;
«Самъ на о́тстань прочь пройду,
«Къ Государю подойду:
«Государь ты, князь,
«Главный императоръ нашъ,
«Александра Бѣлой царь [2])!»

Во Смоленскомъ городи́
Стояли по колѣнъ въ крови́.
Сухарёвъ намъ, хлѣба выдавали,
Платья всякого спущали:
« «Надѣвайте, Русскіе солдаты,
« «Цвѣтно̀ платье на себя!» »
Да не полно ль вамъ, солдаты,
Во невѣрной землѣ жить,
Не пора ли вамъ, солдаты,
Во Россію выходить?
Мы снѣгами шли въ колѣно,
Показалось три версты;

---

[1]) Подобно какъ выше „къ новой рѣчкѣ“ и т. д. — [2]) Переходитъ въ слова Русскихъ.

По полѣну дровъ нашли,
Находили по полѣну дровъ,—
Со всей радостью берёмъ,
Огонёчекъ разведёмъ,
Нову моду заведёмъ:
Изъ соломы строить домъ,
Утѣшенье было въ немъ.

(Запис. Языковымъ).

Это изъ числа многочисленныхъ „народныхъ“ передѣлокъ или извращеній, которымъ подвергались тогдашнія солдатскія пѣсни, большею частію утраченныя для насъ въ подлинномъ видѣ, который всё-таки былъ конечно получше. Въ прежнее время, мы видѣли, участіе „народной“ стихіи улучшало пѣсню „солдатскую:“ теперь на оборотъ. Да и чтò можно было передѣлать народу изъ образца, въ которомъ воспѣвалось типически:

По колѣнъ въ водѣ стояли,
Хлѣба-соли не примали,
Много горя увидали,
Очень было студенò,
Между прочимъ тяжело!

*

2.

(Дер. Касимовка, г. Орловской, у. Малоархаиг.).

Какъ повыше было Смоленска гòрода,
Что пониже было села Краснаго,
Что подъ рощею подъ зелёною,
Подъ берёзою кудрявою [1]),
На большòмъ зелёныемъ лугу̀,
Стоялъ тутъ лагерь Русской арміи,

---

[1]) Такъ придумывало и распространялось творчество, заслышавъ въ пѣснѣ „Березину.“

Русской арміи, гвардейскихъ солдатъ.
Призадумавшись сидятъ, на Смоленскъ городъ глядятъ:
Овладѣли славнымъ городомъ непріятельски полки,
Ужь досталось всё святое непріятельскимъ рукамъ.
« «Какъ бы, братцы, намъ приняться, Смоленскъ городъ свободи́ть,
« «Смоленскъ городъ свободить, непріятеля побить?» »
Вдругъ послышалась тревога
У палатки командирской [2]):
Всѣ солдаты встрепенулися,
Ру́жья взявши въ ряды становилися.
Какъ и вышелъ передъ войско Волконскій князь,
Волконскій князь, командиръ этихъ солдатъ;
Ужь и взго́воритъ солдатамъ Волконскій князь:
«Охъ вы, храбрые солдаты, государю вѣрные,
«Государю вѣрные, командиру послушные!
«Мы пойдемъ-ко къ непріятелямъ гостить,
«Къ непріятелямъ гостить, Смоленскъ городъ свободи́ть!»
Какъ пошли-то солдатушки Смоленскъ городъ свобождать,
Смоленскъ городъ свобожда́ть, Французовъ выгонять[2],
Ко Смоленску приступили, они ружья зарядили,
Они ружья зарядили, въ непріятеля палили,
Много били, истребили, остальныхъ-то полонили,
Полонивши ихъ топили во Берёзонькѣ рѣкѣ,
Потопивши отдыхали на зелёномъ на лугу́,
На зелёныемъ лугу пѣсни пѣли во кругу́.

(Запис. П. В. К—мъ отъ женщины).

* *

Даже такіе некрупные образы, какъ почтарь и маркитантъ, не имѣли силъ для полнаго своеобразія и занимали многія выраженія изъ XVIII вѣка (ср. вып. 9 и отчасти 8):

---

[2]) Размѣръ сбитъ, какъ слѣдуетъ въ пересказѣ на распѣвъ изъ устъ женщины вставлявшей, при томъ ходячія тогдашнія „патріотическія" выраженія.

Сборы подъ Парижъ.

1.

(Губ. Тульской).

Не зоря-то—зоря занимается,
Изъ-за той ли изъ зори солнце выкатáется:
Выкаталася сила-армія,
Сила-армія на [1]) царя Бѣлаго.
Напередъ идетъ силы-арміи—
Напередъ идетъ молодой почтарь,
Молодой почтарь, самъ не тря́хнется;
На плечахъ лежатъ кудри русые,
На плечахъ лежатъ—не ворóхнутся.
Подходилъ молодой почтарь
Да онъ къ каменнóй Москвѣ,
Закричалъ молодой почтарь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«И вы здравствуйте, цѣловальнички,
«Да вотъ вы Московскіе!
«Выставляйте-тъ-ка вина-пóлпивца
«Да вы на пять сотъ рублей,
«Сладкой водочки да вишнёвочки
«Да вы на всю тысячу:
«Напоить бы намъ силу-армію
«Да намъ пьяно дó-пьяна,
«Веселѣй бы силѣ-арміи
«Да ей во походъ итти,
«Веселѣй бы силѣ-арміи
«Да ей Парижъ-городъ брать!»

(Запис. К. Дм. Кавелинымъ).

* *

Подъ Парижемъ, какъ мы говорили, оказывается собственно то же, что подъ Березиной, Смоленскомъ и ранѣе; только опредѣленнѣе, такъ что предыдущія черты явно направляются и собираются къ Парижу, гдѣ способнѣе было устояться и сосредоточиться самой пѣснѣ:

---

[1]) Она.

Подъ Парижемъ. Константинъ.

1.

(Тверь).

Подъ Парижемъ мы стояли,
Въ полѣ мокрые дрожали,
Повелѣнья дожидали.
Двадцатаго Ноября,
На разсвѣтѣ было дня,
Самъ царевичъ Константинъ
Предводитель у насъ былъ,
По корпусамъ разъѣзжалъ,
Самъ приказы отдавалъ:
«Вы начальники полковъ,
«Не щадя пролейте кровь!
«Солдатушки, не робѣйте,
«Пуль-пороху не жалѣйте!»
Вся армія закричала,
Въ одинъ голосъ отвѣчала:
« «Охъ ты, храбрый Константинъ,
« «Предводительствуй одинъ!
« «Рады съ тобой воевать,
« «Кровь до капли проливать!»»

(Запис. г. Турининымъ; пѣлъ отставной солдатъ, бывшій подъ Парижемъ).

*

2.

(Губ. Тверской).

Подъ славнымъ было городомъ Парижемъ,
Собиралося Россійское славное войско.
Они лагери занимали въ чистомъ полѣ,
Шанцы и батареи тамъ порыли,

Пушечки и мортирушки тамъ становили.
Константинъ-то нашъ по арміи разъѣзживаетъ,
Онѣ пѣхоту и кавалерію разсчитываетъ:
«Надѣвайте вы, солдатушки, платье бѣло,
«По у́тру вамъ, милые, будетъ дѣло!
«Когда Богъ намъ поможетъ Парижъ взяти,
«Отпущу я васъ, любезны, въ него погуляти!»

(Записано тѣмъ же, отъ солдата въ отставкѣ, бывшаго на Парижскомъ смотру. „Константинъ Павловичъ, прибавлялъ онъ, обѣщалъ пустить насъ погулять въ Парижѣ по-свойски, а Благословенный не позволилъ").

* *

Попытка сколько ни будь связать тогдашнюю эпопею послѣдовательною нитью въ пѣснѣ оказалась такъ слаба эпическими силами народа, что въ состояніи была произвести лишь слѣдующій отрывокъ, возбуждающій недоумѣніе, тотъ ли это самый народъ, который продолжалъ еще пѣть Былины Владиміровы, Московскія или хоть Петровскія—въ родѣ похода противъ Шведовъ:

Французъ. Кутузовъ. Платовъ. Витгенштейнъ.

1.

(Губ. Московской, у. Звенигор., Воронки)

Французъ вступилъ въ Москву въ гости,
Оставилъ свои кости;
Сдѣлалъ въ Москвѣ пожаръ,
Москва дала смертный ударъ.
Всемилостивый Спасъ
Всѣхъ Французовъ потрясъ.
Князь Кутузовъ
Побилъ Французовъ:
Наречёнъ Смоленскій князь,
Потопталъ Французовъ въ грязь.
Платовъ генералъ
Послѣднихъ покаралъ.
Собирались мы, ребятушки уда́леньки,

Въ дорожку въ Прагу,
Варить брагу:
Собирались съ пушками, съ ружьями,
Съ пистолетами, съ бомбами, съ ядрами,
Со всей съ пороховой казной.
Во имя Отца
Подымаютца́
Наши храбрыя сердца
На Французскія тѣла.
Наши рубятся, палятся,
Французы какъ столбы валя̀тся.
Былъ князь Ветьштитьштейнъ:
Вступилъ въ Парижъ,
Сдѣлалъ Наполеону крыжъ.
Маршъ, маршь, правой, лѣвой,
Во фрунть!
Закричимъ: «Ура! ура!
Государыня была, была [1])!»

(Запис. П. В. К—мъ 1838, Авг. 19).

Пѣсня эта, впрочемъ, сама по себѣ длиннѣе и имѣетъ особое начало, довольно странно привязанное, которое приведемъ ниже въ своемъ мѣстѣ.

* *

Какъ въ литературѣ и пѣсняхъ „сочиненныхъ," о коихъ ниже, такъ и въ устномъ творчествѣ занимаетъ мѣсто тогдашній союзъ нашъ съ Нѣмцами, частнѣе съ Прусаками: но, по связи этихъ пѣсней съ походами XVIII вѣка, легко сливавшимися съ началомъ вѣка XIX-го до 12-го года, мы помѣстимъ ихъ въ послѣдующемъ Дополненіи къ выпуску 9-му. Теперь же ограничимся лишь однимъ образцомъ, и то больше „козацкимъ:"

---

[1]) Этотъ припѣвъ, можетъ быть наслѣдованный еще отъ Екатерины, уже попадался намъ выше, и выступала даже сама государыня.

Русскіе съ Нѣмцами.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Что́ это за диво—за диковинка?
Отда́ютъ нашу армеюшку непріятелю,
Непріятелю—королю Прусскому [1])!
Шла-прошла наша армеюшка подъ Познань-городъ:
Онъ [2]) всю нашу армеюшку перездравствовалъ,
Штабушкамъ-офицерушкамъ онъ честь воздалъ,
И Донскимъ козакамъ онъ приказъ отда́лъ,
Чтобъ были мы пріубраны-пріубраты,
Чтобъ ружья были чисты, сабли остры́,—
За утра будетъ у насъ батальица генеральская,
Съ невѣрными Французами, съ басурманами.
Они билися-рубилися день до вечеру,
Осеннюю ночушку до бѣло́й зори́.
Не бѣлые гуси съ моря подымалися:
Донскіе козаки́ идутъ со батальицы.

(Ср. сборн. г. Савельева, 1866 г.).

Въ эпическомъ творчествѣ о Французѣ пѣсня, послѣ Константина, какъ говорили мы, ищетъ сосредоточиться на *Кутузовѣ*. Онъ выступаетъ при самомъ объявленіи войны, при Александрѣ (ср. выше № 1 и 2), а теперь самостоятельнымъ, главнымъ представителемъ и героемъ. Но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, онъ цѣликомъ повторяетъ собою Шереметева при Петрѣ (въ дѣлѣ съ маіоромъ Шведскимъ), отчасти Краснощокова при Елисаветѣ (въ дѣлѣ съ Прусской королевной; ср. вып. 8 и 9), отчасти же повторяется послѣ въ Платовѣ (см. ниже). Это свидѣтельствуетъ конечно о „народности“ Кутузова, но вмѣстѣ также объ ослабленіи эпоса, себя повторяющаго.

---

[1]) Такъ сильны еще были слѣды недавняго ряда войнъ противъ Прусаковъ.—
[2]) Король П русскій.

Кутузовъ.

1.

(Новгородъ).

Собирался-снаряжался графъ Кутузовъ,
Со своими со любезными полками,
Со своими со дородными молодцами.
Воѣзжали во чисто̀ поле гуляти,—
Не гуляти выѣзжали, — воевати.
Во полонъ брали Французскаго маіора,
Повели того маіора къ фельмаршалу,
Что къ то́му ли ко графу ко Кутузову.
Еще сталъ графъ Кутузовъ его спрашивати,
Честью-лестью [1]) онъ маіора уговариваетъ:
«Ты скажи-скажи, маіорикъ, всеё правду, —
«Еще много ль во Парижѣ у васъ войска?»
— У насъ во Парижѣ войска сорокъ тысячь,
— У самаго Наполеона—смѣты нѣту.—
Какъ ударилъ графъ Кутузовъ его въ щёку:
«Врёшь ты, врёшь ты, врёшь, маіорикъ, всё лукавишь:
«Иль меня, графа Кутузова, не знаешь?
«Я вашего хра́бра войска не боюся,
«До само́го Наполеона доберуся.»

(Запис. П. В. К—мъ, 1884. 8 Сентября, отъ крестьянки Ѳёклы).

* *

2.

(Чердынь).

Собирался графъ Кутузовъ воевати,
Что со тѣми ли со полками гренадерскими.

---

[1]) Всячески (безъ представленія объ обманѣ, какъ можно бы подумать по слову „лести“).

Есаулы—караулы порубили,
Что Французскаго маіора въ полонъ взяли;
Привели того маіора ко фельдмаршалу;
Ужь какъ сталъ его фельдмаршалъ, сталъ выспрашивать:
«Ты скажи-скажи, маіоръ, правду истинну,—
«Ужь какъ много ли въ Парижѣ вашей силы?»
— Во Парижѣ нашей силы сорокъ тысячь,
— А съ самимъ-то Бонапартомъ—смѣты нѣту.—
Какъ ударилъ графъ Кутузовъ въ праву щёку:
«Ужь ты врёшь, шельма-маіоришка, врёшь-плутуешь;
«Не меня ли, славна воина, пугаешь?
«Я Французской вашей силы не боюся,
«Ко вашему Бонапарту въ Москву тороплюся.»

(Запис. г. Карнауховымъ).

*

3.

(Губ. Новгородская и Пермская).

Что не красное солнце да возсіяло [1]):
Возсіяла у Кутузова острая сабля.
Выѣзжаетъ князь Кутузовъ въ чисто поле,
Онъ беретъ съ собою силу—да гранадеровъ,
Гранадеровъ онъ и есауловъ.
Гранадеры и есаулы не сробѣли,
Что Французскаго маіора въ полонъ взяли,
Повели они маіора ко фельдмарталу,
Ко тому же князю да ко Кутузову,
Ко Михáйлу его да къ Ларивоновичу.
Начинаетъ князь Кутузовъ его спрашиватъ:
«Ты скажи-скажи, маіорикъ, сущую правду,—
«Еще много ли у васъ да во Парижѣ—

---

[1]) Якушк. „Что не красное-то с. возс.“

«У васъ много ль во Парижѣ стоитъ силы [2])?»
— Стоитъ силы во Парижѣ сорокъ тысячь,
— По приступу генеральскому смѣты нѣту.—
На то [3]) князь Кутузовъ да разсердился,
Ужь какъ бьетъ-то [4]) онъ маіора да по рожѣ,
Онъ по рожѣ да во правую во щёку:
«Ужь ты врёшь, ты врёшь, маіорикъ, врёшь-плутуешь,
«Меня, князя Кутузова, всё проводишь,
«Всё проводишь меня ты да стращаешь;
«Я вашей силы-то не боюся [5]),
«За генеральскіе приступы я примуся.»

(Запис. и доставлено намъ Ст. П. Кораблевымъ; послѣ помѣщено у П. И. Якушкина, 1865, какъ сообщенное А. А. Григорьевымъ, — оттуда у насъ варіанты).

*

4.

(Губ. Тульской, у. Чернскій).

Не красно̀ солнце въ чистомъ полѣ возсіяло:
Возсіяла тутъ графа Кутузова сабля острая.
Разбили яны, есаулы, караулы крѣпкіе,
Французскаго маіора въ полонъ взяли,
Повели его ко фельдмаршалу,
Къ тому ли ко фельдмаршалу графу Кутузову.
Сталъ его графъ спрашивать:
«Ты скажи, маіоръ Французскій,
«Сколько у васъ силы?»
— «У насъ силы смѣты нѣтъ,
— «У самого-то Наполеона въ Парижѣ сорокъ тысячь.—
«Ахти, врёшь-плутуешь, Россійскаго графа ты стращаешь;

---

[2]) У Як. только второй изъ сихъ двухъ стиховъ. — [3]) „Какъ на это.“—[4]) „Какъ ударилъ.“—[5]) „Ужь я силы-то вашей да не боюся.“

«Я силу свою соберу, васъ всѣхъ, Французовъ, на повалъ всѣхъ положу,
«Самого-то Наполеона въ полонъ возьму.»

(Запис. П. В. К—мъ).

* *

Теперь въ заключеніе мы переходимъ къ *Платову*. Въ немъ пѣснотворчество того времени, а вмѣстѣ и духъ народный, выражавшійся складнымъ пѣсеннымъ словомъ, нашли себѣ окончательное средоточіе и, хотя все-таки стихій своеобразныхъ здѣсь немного, но, сколько ихъ есть, средоточіе для нихъ полное явилось только въ Платовѣ.— Потому пѣсни о Платовѣ повторяютъ въ себѣ и совмѣщаютъ: всѣ поприща или стадіи помянутаго пройденнаго пути—отъ границы до Москвы и отъ Москвы до Парижа; большую часть выраженій, уже намъ встрѣчавшихся, образовъ и чертъ, признаковъ того или другаго отдѣла пѣсни, повторяемыхъ при Платовѣ почти дословно (мы ихъ укажемъ въ сноскахъ); имена мѣстностей, лицъ и героевъ, выводимыхъ *снова* при Платовѣ или *имъ замѣщаемыхъ*. Но, кромѣ того, какъ случалось намъ это встрѣчать не разъ и прежде, образъ Платова, наиболѣе яркій и по вліянію на творчество сильный, притянулъ къ себѣ признаки, черты и образы пѣсней изъ эпохъ предыдущихъ, даже цѣликомъ пѣсни оттуда, *по поводу Платова* возродившіяся изъ полузабвенія въ памяти народной: о Шведской и Прусской войнѣ, о войнѣ Турецкой и Румянцовѣ, о Петровскомъ Шереметевѣ, о Лопухинѣ и послѣднемъ богатырѣ Московскихъ историческихъ былинъ—Краснощоковѣ. Изъ лицъ историческихъ и изъ образовъ творческихъ не Александръ, не Константинъ и не Кутузовъ заняли у народа главное мѣсто въ эпопеѣ тогдашней, — по нимъ послѣдовательно прошелъ творческій духъ народный, но на комъ остановился, окрѣпъ и окончательно себя, сколько достало силы, выразилъ, — это былъ Платовъ. Платовъ у народа — вся Россія того времени; вся народно-поющая о томъ времени Россія—Платовъ.

Пѣсня о Прусской войнѣ и Лопухинѣ примѣняется къ Платову въ слѣдующемъ образцѣ, конецъ котораго цѣликомъ уже приведенъ у насъ въ вып. 9, стр. XLII, XLIII, а весь образецъ повторяетъ собою напечатанное у насъ въ 9 вып. стр. 95—104:

Платовъ на Француза.

1.

(Губ. Арханг.).

Заводилася война
Середи бѣла(го) дня:

А что начато палить,—
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.
Только видно во дыму:
Не ясёнъ соколъ летитъ (летаетъ),
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крýтой по горѣ,
Самъ на вóрономъ конѣ.
По козáкамъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
«Вы козáки, вы козáки,
«(Вы) военные мои,
«Удалые молодцы!
«Безъ размѣрушки пейте [1])
«Зелёнаго [2]) вина:
«Посмѣлѣе поступайте [3])
«Со Французомъ воевать!»
« «Ужь мы рады воевать,
« «Слезны капли проливать [4])!» »

Не пыль вó полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ.
Онъ валитъ-таки, валитъ,
Самъ подваливаетъ;
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь [5]) выговариваетъ:
— Еще много [6]) генераловъ,—
— Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
— Всея (ё) матушку Россеюшку
— Въ полонъ себѣ возьму;
— Въ [7]) полонъ себѣ возьму,

---

[1]) По сличенію должно быть или „вы пейте," или „не пейте" (ср. ниже).—[2]) Д. б. „Вы—что—да зелёнаго."—[3]) Двигайтесь впередъ.—[4]) Послѣ этого и начинается почти дословно повтореніе пѣсни о Прусскомъ походѣ.—[5]) Слово лишнее.—[6]) Сколь ни есть.— [7]) Д. б. „Во."

— Въ каменну́ Москву зайду!—
Генералы испугались,
Платкомъ [8]) слёзы утирали [9]),
Въ поворотъ [10]) слово сказали:
« «Не бывать тебѣ, злодѣю,
« «Въ нашей ка́менной Москвѣ,
« «Не видать тебѣ, злодѣю,
« «Бѣлокаменныхъ церквей,
« «Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
« «Золотыхъ нашихъ крестовъ [11])!» »
. . . .

(Ср. вып. 9).

*

А что *платокъ*, по отдаленности мѣста и забывчивости, явился тамъ, гдѣ бы слѣдовалъ *Платовъ*, доказательство въ слѣдующемъ образцѣ:

2*).

(Г. Орловской).

Не пыль во полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ,—
Французъ съ арміей валитъ,
Генераламъ говоритъ:
«Генералы, генералы,
«Я возьму вашу Москву,
«Я со вашихъ со церквей
«Кресты-гла́вы пособью!»

---

[8]) Осмыслено вмѣсто забытаго, по отдаленности Архангельска, *Платова*.— [9]) Ср. выше образцы—„Заплакали сенатóры Свои ясны очи.“—[10]) На оборотъ, въ отвѣтъ.—[11]) Послѣ этого слѣдуетъ уже о Лопухинѣ и нами напечатано въ 9-мъ выпускѣ.

*) Пѣсня такъ называемая „тягольная.“

Ужь какъ сталъ Французъ палить,
Только дымъ-сажа валитъ;
Во томъ ли во чаду
Кра́сна солнца не видать.
Графъ Плато́въ [1]) генералъ
Разъѣзжаетъ на конѣ,
На своемъ добромъ конѣ,
По кру́той по горѣ;
Подъѣзжаетъ графъ Плато́въ
Ко силушкѣ своей,
Ко Донскимъ коза́камъ [2]):
— Охъ вы, братцы-молодцы,
— Вы Донскіе козаки́!
— Нельзя ли вамъ, ребяты,
— Караулы крѣпки скрасть?—
« «Не велика эта страть—
« «Караулы крѣпки скрасть!» »
Караулы покрада́ли,
За Дунай-рѣку метали.
Графъ Платовъ генералъ
Усю силушку побилъ:
Онъ которую [3]) побилъ,
Которую [3]) потопилъ,
Остальную его [4]) силушку
Онъ у плѣнъ забралъ,
Во Сибирь-городъ сослалъ.

(Запис. П. В. К—мъ).

*

---

[1]) Этотъ выговоръ, кое-гдѣ принятой (ср. ниже), всего ближе и породилъ изъ себя *платокъ*, развитый въ предыдущемъ образцѣ.—[2]) Отсюда начинается дословное сходство съ пѣснями о Турецкомъ походѣ при Румянцовѣ (см. вып. 9, стр. 213—218), а частію это же повторяется въ Турецкомъ походѣ позднѣйшемъ.—[3]) Одну—другую.—[4]) Француза.

3.

(Г. Симбирской).

Отъ своихъ чистыхъ сердецъ
Совьемъ Платову вѣнецъ [1]),
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсни запоёмъ;
Сами пѣсни запоёмъ,—
Какъ мы въ арміи живёмъ.
Мы въ армéюшкѣ бывали,
Провіянты получали;
Провіянты получали,
Ни въ чемъ горя не знали [2]).
У насъ много пуль-картечь,
Намъ [3]) нéкуда беречь.

Наши начали палить,—
Только дымъ столбомъ валитъ:
Каково есть красно солнышко,
Не видать [4]) во дыму́,
Во солдатскіимъ пылу́.
Ни ясёнъ сокóлъ летаетъ,
Козакъ Платовъ разъѣзжаетъ,
Онъ по гóркѣ по горѣ́,
Самъ на вóрономъ конѣ́.
Онъ проѣхалъ, проскакалъ,
Три словечушка сказалъ:
— Ой еси, вóины-козáки [5]),
— Разудáлы молодцы́!
— Вы пейте-ка безъ мѣрушки
— Зелёное вино,

---

[1]) Это начало изъ „сочиненной“ пѣсни о Румянцовѣ: вып. 9, стр. 288, 289.—[2]) Д. б. „мы не знали“ или „не знавали.“ — [3]) „Намъ ихъ.“ — [4]) „Не видно.“—[5]) „Гой еси Донскіе козаки.“

— Получайте-ка безъ разсчёту
— Государевой казны!—

Какъ не пыль въ полѣ пылитъ,—
Французъ съ арміей валитъ,
Генералушкамъ грозитъ:
«Ужь и я васъ, генералы,
«Во ногахъ всѣхъ вотопчу,
«Въ каменну́ Москву взойду,
«Стѣну ка́менну пробью;
«Стѣну ка́менну пробью,
«Караулы всѣ смѣню,—
«Караулы крѣпки,
«Перемѣны рѣдки [6]),—
«Свои новы постановлю!»

(Запис. А. М. Языковнимъ).

*

4.

(Г. Моск., у. Звенигор., Воронки).

Совьемъ Пла́тову вѣнецъ изъ своихъ чистыхъ сердéцъ [1]),
На головушку надѣнемъ, нову пѣсню запоёмъ,—
Какъ мы въ арміи живали, браліанты [2]) получали,
У насъ много пушкарцевъ [3]), ино не куда дѣвать.
И мы начали палить, только дымъ столбомъ валитъ:
Каково есть красно солнушко, не видно во дыму.

---

[6]) Это вставлена жалоба солдатъ на тяжесть Прусской войны: вып. 9, стр. 101.

[1]) Стихъ *двойной*: въ предидущемъ образцѣ мы раздѣлили его на двѣ половины, теперь печатаемъ сплошь. — [2]) Провіанты: пѣсня отъ солдатъ прямо перешла въ остальныя массы народа.— [3]) Вмѣсто „пуль-картечей;“ уподоблено „мушкатерцамъ, мушкатерамъ.“

Не ясёнъ сокóлъ летаетъ, козакъ Платовъ разъѣзжаетъ,
Онъ по крýтой по горѣ, самъ на вóрономъ конѣ.
Козакъ Платовъ наскакалъ, три словечушка сказалъ:
— Ой вы воины-козáки, разудáлы молодцы!
— Ужь вы пейте безъ мѣры зелёнаго вина,
— Получайте безъ разсчету государеву казну! —

Что не пыль въ полѣ пылитъ, не дубровушка шумитъ,
Не дубровушка шумитъ,—Французъ съ арміей валитъ.
Онъ валитъ-таки, валитъ, генералушкамъ грозитъ:
«Ужь и я васъ, генералы, во ногахъ стопчу,
«Во ногахъ стопчу, стѣны кáменны пробью,
«Въ каменнý Москву взойду, караулы всѣ займу!»

(Запис. П. В. К—мъ. 1833 г. Авг. 16).

*

5.

(Г. Тульской).

«Господа вы енералы!
«Во ногахъ я васъ стопчу,
«Во ногахъ я васъ стопчу,
«Во каменнý Москву войду!»
Енералы испугались,
Они плакали-рыдали,
Платкомъ слезы утирали [1];
Енералы не смолчали,
На отвѣтъ ему сказали:
« «Не бывать тебѣ, злодѣю,
« «Въ каменнóй нашей Москвѣ,

---

[1]) Ср. выше.

« «Не снимать тебѣ, злодѣю,
« «Золотыхъ съ церквей крестовъ!» »

Наши начали палить,—
Только дымъ-сажа валитъ:
Каково есть красно солнышко,—
Не видно во дыму.
Не ясёнъ соколъ летаетъ,
Козакъ Платовъ разъѣзжаетъ;
Онъ и ѣздилъ по горѣ,
На своемъ ворономъ конѣ;
Онъ поближе подскакалъ,
Три словечушка сказалъ:
— Ужь вы братцы, вы ребята,
— Вы Донскіе козаки́!
— Ужь вы пейте-ка безъ мѣрушки
— Зелёнаго вина,
— Безъ разсчету получайте
— Государевой казны! —

(Запис. К. Дм. Кавелинымъ).

*

6 *).

(Г. Московской и того же уѣзда, с. Ильинское).

Мы гуляли во лужкахъ, забавлялись во кружкахъ,
Мы гуляли, цвѣты рвали, мы вѣночки совивали,
Совивали, совивали, на головку надѣвали,
На головку надѣвали, нову пѣсню запѣвали [1]):

---

*) Пѣсня протяжная.

[1]) Вся эта картина возникла собственно изъ того, что „На зеленомъ (или „при долинѣ") на лугу Стоитъ армія въ кругу, Лопухинъ ѣздитъ въ полку" и т. п., изъ пѣсней о Прусскомъ походѣ (вып. 9), а потомъ изъ побѣднаго „вѣнка," свивавшагося Румянцеву и Платову.

Какъ мы въ арміи живали, ничего горя не знали,
У насъ пушекъ много есть, намъ ихъ нѣкуда дѣвать.

Какъ мы начали палить, дыма-тъ [2]) съ сажею валитъ:
Каково есть красно солнушко,—не видно во дыму!
Не ясёнъ соколъ летаетъ, графа-тъ [2]) Платовъ разъѣзжаетъ,
Онъ на крутой на горѣ, самъ на вороно́мъ конѣ;
Онъ поѣхалъ—засвисталъ своимъ Донскимъ козака́мъ:
— Гей вы братцы, (вы) ребята, вы товарищи мои!
— Вы не пейте, ребята, зелёнаго вина,
— Пожалѣйте, ребята, государевой казны [3])!—

Ужь какъ въ полѣ пыль пылитъ, во дубровѣ лѣсъ шумитъ,
Во дубровѣ лѣсъ шумитъ,—Французъ съ арміей валитъ.
Онъ поближе подходилъ, генераламъ пригрозилъ;
Генералы испугались, слёзно плакали-рыдали,
Платкомъ слёзы утирали, три словечушка сказали:
« «Не видать вору Французу [4]) нашей ка́менной Москвы,
« «Золотыхъ нашихъ крестовъ, бѣлыхъ-ка́менныхъ мостовъ!» »

(Запис. П. В. К—мъ 30 ноября 1832 г.).

*

Въ слѣдующемъ образцѣ вмѣсто Платова подставленъ позднѣе *Паскевичъ*, а это по связи его съ *Варшавой*, которую мы видѣли и еще увидимъ въ подобныхъ же пѣсняхъ:

---

[2]) Т. е. „дымъ-тъ, графъ-тъ.“—[3]) Народъ пожалѣлъ наконецъ казны послѣ того, какъ приказывали ее—по пѣснямъ — усердно расточать Румянцевъ, Суворовъ и всѣ прочіе полководцы. — [4]) „*Воръ*-Французъ,“ техническое названіе, принято народомъ въ древнемъ смыслѣ, какъ употреблялось о бродячихъ, разбойничьихъ толпахъ и гулящихъ людахъ, кои „заворовались:“ а въ такомъ видѣ, разбитыми толпами, бродили у насъ Французы.

7.

То же.

(Паскевичъ).

(Г. Орл., у. Малоархангел., Сабурова).

Да не пыль въ полѣ пылитъ,
Межь дубровушекъ шумитъ,—
Французъ армію валитъ.
Французъ къ мосту подъѣзжаетъ,
Генераламъ онъ грозитъ:
«Ужь вы братцы-генералы!
«Мы войдемъ въ вашу Москву,
«Во ногахъ васъ потопчу,
«Золоты кресты сорву!»
« «Не достанется собакѣ
« «Во ногахъ насъ потоптать,
« «Золотыхъ крестовъ сорвать!» »

Не ясёнъ соко́лъ летаетъ,—
Графъ Паскевичъ разъѣзжаетъ
На своемъ борзо́мъ конѣ,
Онъ приказываетъ:
— Ужь вы бейтесь, братцы, не робѣйте,
— Кровь до капли проливайте! —

(Запис. П. И. Якушкинымъ 1848 г.)

Подобнымъ же образомъ „Французы" нерѣдко подставлялись вмѣсто „Прусаковъ" или послѣдніе замѣнялись первыми, какъ скоро изъ временъ Прусскихъ пришлось примѣнять пѣсню къ Французскимъ, и это мы видѣли уже не разъ въ вып. 9-мъ, на примѣръ на стр. 104 или въ цѣлой пѣснѣ на стр. XLIV, XLV, и т. д.

* *

Слѣдующіе образцы представляютъ переходъ отъ приведенныхъ сейчасъ къ дальнѣйшимъ о Платовѣ, такъ какъ присоединяютъ черты и признаки, встрѣчавшіеся намъ прежде, по дорогѣ отъ Москвы до Вислы и Варшавы, до границы и самаго Парижа. Внѣшнимъ отличіемъ ихъ является ссылка на пришедшій „указъ,“ на возвѣщенный „походъ,“ дурной „перевозъ,“ затѣмъ „приступъ къ городу:“

Платовъ на приступѣ: подъ Варшавой, подъ Парижемъ.

1.

(Г. Саратовской).

Какъ слали намъ указы не весёлы:
Намъ объ наборѣ говорили,
Насъ, молодцевъ, выбирали въ гусары,
Не женатыхъ, холостыхъ.
У насъ ко́ни вороны́е,
Сѣдѣлица золотыя,
Въ рукахъ поводочки шелковы́е.
У насъ ружья были заряжо́ны,
Мы стояли на присту́пѣ,
Въ непріятелей палили,
Сражалися весело́.
Сраженьице долго шло,
До бѣло́й до зори.
Какъ зоринька занялась,
Вся силушка собралась:
Стали тѣла разбирать,
Своихъ Русскихъ узнавать [1].
Много силушки побили
И конями потоптали.
Отдыхали мы день весь
Съ предводителемъ своимъ здѣсь.

---

[1]) Опять изъ пѣсни о Прусскомъ походѣ и Лопухинѣ.

Въ глухую полно́чь
Ушолъ Французъ съ силой прочь [2]).

(Ср. Терещенко, „Б. Р. народа,“ ч. 2, стр. 416).

*

А что здѣсь время Платова и онъ самъ,—слѣдуютъ.

2.

Похвалился воръ-Французикъ Россію взять:
Заплакали сенато́ры горькими слезами [1]),
Выходилъ же козакъ Платовъ:
— Вы не плачьте, сенато́ры, можетъ Богъ поможетъ!—
Поздно вечеромъ солдатамъ приказъ отдавали,
Не далеко походъ сказанъ,—есть городъ Аршава.
Тамо рѣчушка Песочна [2]), стоитъ воръ-Французикъ,
Черезъ рѣчушку Весну́шку [2]) перевозу нѣту.
Поздно вечеромъ коза́камъ приказъ отдавали:
— Вы козаки и солдаты, слушайте приказу,—
— Пушки-ружья зарядите,
— Безъ моего безъ приказу огня не сдавайте [3])!—
Генерала-тъ козакъ Платовъ
Со праваго пла́нту [4]).

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

Слѣдующій образецъ, сюда же примыкающій, замѣчателенъ тѣмъ, что соединяетъ въ себѣ начало и признаки, одинакіе съ пѣснями о битвахъ Суворова противу Французовъ и съ Костюшкою (вып. 9, стр.

---

[2]) Ср. въ другихъ образцахъ „Французъ утекаетъ.“

[1]) Ср. выше тѣ же слезы: здѣсь утѣшеніе отъ Платова.—[2]) Ср. выше трудный перевозъ на рѣчкахъ разнаго имени, здѣсь же съ указаніемъ на Вислу (Вислушку).—[3]) Не прекращайте.—[4]) Флангу.

414, 415; 263), выводитъ Александра и Платова съ Донцами, позднѣе же, какъ увидимъ мы, сливается съ пѣснями о взятіи Эривани и Варшавы (вотъ почему, недавно мы видѣли, въ подобные образцы проникъ Паскевичъ):

3.

(Земля Войска Донскаго).

Ни двѣ тучюшки, ни двѣ грозныя вмѣстѣ сыходилися:
Двѣ армеюшки превеликія вмѣстѣ съѣзжалися,
Французская армеюшка съ Россійскою;
Какъ Французская Россійскую очень призобидѣла.
Ни ясмёнъ [1]) сокóлъ по крутымъ горамъ—соколикъ [2]) вылётывалъ,
Александра царь по армеюшкѣ конёмъ рѣзко [3]) бѣгаетъ,
Онъ журитъ-бранитъ Россійскаго повелителя [4]):
«Мы на штó—про штó сами худо сдѣлали,
«Для же мы покинули сзади полки Дóнскіе?»
Не успѣлъ бы [5]) нашъ Александра царь слово молвити,
Сы правой руки — сы сторонушки [6]) бѣгутъ полки Донскіе,
Напередъ у нихъ выбѣгаетъ Платовъ генералушка,
Обнажомши вострую сабельку—её на голо держалъ [7]).
Приложили вострыя пики ко чернымъ гривáмъ,
Закричали-загичали, сами на ударъ пошли.
Тутъ Французская армеюшка очень потревожилась,
Бонапартскія знамёнушки назадъ воротилися.
Какъ во ту пору Александра царь очень много радовался,
Называетъ онъ Донскихъ козаковъ всѣхъ кавалерами,
А урядниковъ называетъ всѣхъ офицерами,

---

[1]) Весьма часто въ народѣ вмѣсто „ясёнъ:“ причастная форма отъ глагольнаго корня *яс.* — [2]) Соколъ-соколикъ. — [3]) Рѣзво?—[4]) Странно въ пѣснѣ: не лишняя ли это стыдливость записавшаго, вмѣсто „Кутузова“ или подобнаго?—[5]) Было.—[6]) Со правой руки-сторонушки.—[7]) Ср. выше возсіявшую вострую саблю въ рукахъ Кутузова.

Офицерушковъ называетъ маiорушками,
Маiорушковъ называетъ полковничками,
А полковничковъ называетъ генералушками.

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г.).

*

Подобныя пѣсни см. ниже.

Теперь подъ Парижемъ (передѣлка или порча изъ солдатской „сочиненной“):

4.

(Г. Симбирской, Ставишное).

Только сказано намъ—походъ скорой
Подъ Француза подъ врага.
Мы походу не устрашились,
Весьма радовались,
Мы надѣялись на Бога
И на храбрость на свою,
Исполняли мы службу вѣрну
И удивляли всю вселенну.
Всякой хочетъ городъ взять,
Свою силу оказать;
Всякой хочетъ подступить,
Всякой хочетъ всю вселенну удивить.
Когда съ нами будетъ Платовъ,
Умереть съ нимъ хорошо!
Графъ Платовъ генералъ
По корпусамъ разъѣзжалъ;
По корпусамъ разъѣзжалъ,
Приказъ скорый раздавалъ:
Чтобъ были козáченьки
Всѣ убрáны хорошо,
Что заýтра намъ, братцы,
Въ походъ скоро итти.

Опять графъ Платовъ
Генераламъ возвѣщалъ:
«Охъ вы гой еси, генералы,
«Слуги вѣрные Бѣлому царю!
«Еще какъ намъ, генераламъ,
«Парижъ городъ взять?
«Ужь подкопомъ ли копать,
«Иль посла въ него послать?»
« «Страшенъ Парижъ городъ:
« «Будемъ штурмою его брать!» »

(Запис. А. М. Языковымъ).

* *

Здѣсь-то, передъ приступомъ, по обычаю, заведенному въ историческихъ новыхъ пѣсняхъ, Платовъ беретъ *маiора* для допросовъ, повторяя собою Шереметева, Краснощокова, а всего ближе заслоняя Кутузова, у котораго только и была эта особенность въ творческомъ образѣ, и та отнимается:

Платовъ и маiоръ.

1.

(Воронки, Моск. губ., у. Звенигор.).

Нашь батюшка козакъ Платовъ воружáлся,
Подъ Москвою со полками собирался,
Набираетъ козакъ Платовъ ясауловъ,
Посылаетъ ясауловъ подъ Француза.
Ясаулы-то Француза порубили,
А Французскаго маiора въ полонъ взяли;
Повели этого маiора ко фельдмаршалу,
Ко тому ко фельдмаршалу ко Кутузову,
Сталъ его Кутузовъ выспрашивать:
«Ты скажи-скажи, маiорикъ, ты скажи, Французскiй,
«Ужь и много ль у тебя силы во Парижѣ?»
— У меня силы въ Парижѣ сорокъ тысячь,

— У самого Наполеёна смѣты нѣту.—
Какъ ударилъ его Кутузовъ его въ щеку:
«И ты врёшь ли всё, маіорикъ, лицемѣришь!
«Я угрозъ вашихъ Французскихъ не боюся,
«До самого Наполеёна доберуся,
«Доберуся, доберуся я, съ нимъ порублюся.»
Не красно̀ солнце въ чисто̀мъ полѣ возсіяло,
Возсіяла у Кутузова вострая сабля,
Надъ твоей ли [1]) надъ Французской головою.

(Запис. П. В. К—мъ 23 Іюля 1833 г.).

*

2.

(Г. Саратовской).

Какъ поѣхалъ нашъ графъ Платовъ воевати,
Съ славнымъ войскомъ, съ храбрымъ войскомъ — съ козака́ми:
Съ нимъ Донскаго войска много, войска много,
Войска много, войска много, сорокъ тысячь.
Эсаулы караулы порубили,
Офицеровъ и маіоровъ въ полонъ взяли.
Какъ спросилъ же графъ нашъ Платовъ у маіора:
«Ты скажи мнѣ, молодой маіоръ, всю правду,—
«Много ли у васъ войска въ Парижѣ?»
— Во Парижѣ у насъ, Платовъ, войска много,
— Много войска, много войска,—смѣты нѣту.—
«Я угрозовъ [1]), молодой маіоръ, не боюся:
«Вотъ я завтра же въ Парижъ къ вамъ заберуся.»
Заблистали остры сабли надъ главами,

---

[1]) Обращеніе къ Французу—маіору.

[1]) Употреблялось у насъ и въ муж. родѣ—„угровъ (именит. падежъ)."

И вороты намъ въ Парижъ отворили,
И знамёна намъ Французы преклонили.

*

Слѣдующій образецъ присоединяетъ кромѣ того начало изъ пѣсней XVIII в. о Шведской войнѣ, перенесенное впрочемъ и на Французскую (какъ мы видѣли въ первыхъ №№ этого выпуска), самъ же Платовъ забѣгаетъ впередъ въ войну Турецкую, сдерживаясь только именемъ Александра:

3.

(Земля Войска Донскаго).

Пишетъ-пишетъ султанъ Турецкій царю Бѣлому,
И хочетъ султанъ Турецкій Русскую землю взять:
« «Отберу я всю Русскую землю,
« «Въ кременну́ [1]) Москву стоять пойду,
« «Поставлю своихъ благовѣровъ [2]) по купеческимъ домамъ,
« «А самъ я, Турецкій султанъ, стану въ Николаевскомъ дворцѣ [3])!» »
Затужился-загоревался Александрушка,
И пошелъ въ кручинѣ по кременно̀й Москвѣ,
И сталъ спрашивать нашъ Александрушка посланца, Турецкаго маіорина:
«Ты скажи-скажи, маіоринъ, всю правду,—
«Много ли вашей силушки Турецкой собрало́ся?»
— Сорокъ тысячъ батальоновъ, а эскадроновъ смѣты нѣтъ.—
Тутъ его царская персонушка съ лица измѣнилася [4]),
Его бѣлыя руки и ноги подломилися.

---

[1]) Ср. выше.—[2]) Можно бы подумать, что это переводъ „мусульманъ,“ въ самомъ же дѣлѣ испорчено изъ „бригадировъ“ и „гренадеровъ,“ извѣстныхъ въ этой роли по пѣснямъ о Шведской войнѣ (вып. 9). — [3]) Доказательство, что пѣсня поднялась къ Платову изъ эпохи И. Николая.—[4]) Ср. выше; тождесловіе: *персонушка—съ лица.*

Тутъ Матвѣй Ивановичъ [5]) Платовъ приподнялся,
И возговорилъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
— «Врёшь ты, врёшь, маіоринъ, облыгаешься,
— «Ты, маіоринъ, дюжа [6]) выхваляешься!
— «Я вашей силушки не боюся
— «И во славный Царь-градъ уберуся!
— «Ты не бойся, нашъ православный царь:
— «Втрѣчать его пошли гренадерушковъ,
— «Потчивать его заставь канонерушковъ,
— «Столъ поставь изъ мѣдныхъ пушечекъ,
— «А скатерти постели—всё лафетушки,
— «Закусочки имъ поставь—мелкія пўлечки,
— «А провожать ихъ пошли Донскихъ козако̆въ!—»

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

Обращаемся къ той *главной* роли Платова, гдѣ онъ чертами своими далеко восходитъ въ пору эпическую и даже миѳическую, а изъ историческихъ лицъ цѣликомъ повторяетъ въ себѣ Краснощокова (ср. подробности въ пѣсняхъ, касающихся сего послѣдняго, вып. 9). Это— столь уже извѣстные намъ образы—передѣванья *купцомъ*, появленія *въ гости ко врагу* (въ настоящемъ случаѣ къ *Французу*, *Французскому королю*, прямѣе *Бонапарту*), въ промежуткѣ *приступъ къ городу* (въ настоящемъ случаѣ къ *Москвѣ* или къ *Парижу*), ловкость *обмануть* врага и, по выѣздѣ, *насмѣшка надъ обольщеннымъ*; посредницей же является порою *дочь* врага, *королевна дѣвушка*. И такъ:

Платовъ въ гостяхъ: у Француза, Французскаго короля, Бонапарта.

1.

(Г. Оренбургской и Приволжье).

Святорусская земля,
Много горя приняла [1]),

---

[5]) Ср. *Ивана Матвѣевича Краснощокова* (вып. 9).—[6]) Очень, крѣпко.

[1]) Такъ начинаются пѣсни о подобныхъ случаяхъ преимущественно со времени Прусской войны и съ Краснощокова (ср. вып. 9, стр. 150),—обращеніемъ къ Руси.

Прошла слава про тебя!
Прошла слава про тебя:
Про Платóва козакà;
Про Платóвà козака:
Государь его любилъ,
Къ себѣ въ гости попросилъ,
Ему бороду обрилъ [2]),
Позументы съ груди снялъ,
Купцомъ его наряжалъ,
Ко Французу посылалъ,
Подорожну [3]) написалъ.

Подъѣжалъ же козáкъ Плáтовъ
Ко Францу́зову дворцу.
У Француза дочь Арина [4]).
Купцу рѣчи говоритъ [5]):
«Охъ ты купчикъ мой, купецъ!
«Поди ко мнѣ на крылéцъ.»
За праву́ руку взяла,
Во палаты повела,
Вина рюмку налила:
«Выпей рюмку, хочешь—двѣ,
«Скажи правду всеё мнѣ
«Про Платова козакà [6]). »
— Можно так его узнать:
— Алы ленты на плечахъ,
— Позументы на груди.—
«Охъ ты купчикъ мой, купецъ!
«Покажи-ка мнѣ потретъ?»

---

[2]) По пѣсни Платовъ передѣлся, такъ что его не узнали: слѣдовательно долженъ былъ обрить усы-бороду; а бороду брить Донскому и вообще козаку (Великорусскому) не законно; какъ же это извинить? Государевымъ приказомъ, необходимостью передѣванья. И вотъ пѣсня на всѣ лады возится съ этимъ образомъ и словомъ (ср. бороду Чернышова въ неволѣ у врага и ниже бороду козаковъ при Александрѣ).—[3]) Гдѣ выставилъ его *купцомъ*.—[4]) Вотъ и знакомая намъ, миѳическая, королевна дѣвушка —[5]) Должно бить „говорила"; для этого созвучія явилась и дочь съ именемъ *Арины*.—[6]) За симъ отвѣтъ Платова.

Онъ потре́та-тъ [7]) вынималъ,
Изъ палаты побѣжалъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ:
— Охъ вы воины, коза́ки,
— Удалы́е молодцы́!
— Подавайте мнѣ коня,
— Ко высокому крыльцу [8])!—

Онъ садился на коня, —
Ровно пташечка влетѣлъ [9]);
Соѣзжалъ онъ со дворца,—
Ровно птичка пролетѣлъ;
Подъѣзжалъ Плато́въ коза́къ
Ко Французову окну:
— Ты воро́на [10]), воръ-Французъ,
— Загумённая карга́ [11])!
— Не умѣла ты, ворона,
— Ло́вить ясна сокола̀, —
— Пла́това [12]) козака̀! —

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Елецкій уѣздъ).

Россейская наша земля,
Разорёна до конца [1]),
До Платова козака̀ [2])!

---

[7]) Т. е. „портретъ тъ“; какъ скоро вынулъ, должны были узнать, а потому побѣжалъ.—[8]) Д. б.: „Охъ вы в. коз., Подавайте мнѣ коня, Удалому молодцу, Ко высокому крыльцу.“—[9]) „взлетѣлъ.“—[10]) Употребительная въ сихъ пѣсняхъ (вып. 9) брань здѣсь еще болѣе кстати: примѣняется къ *вору* (какъ осмысляется у народа самое имя *вороны* и *воробья*).—[11]) То же, что ворона (собственно *кривая*).—[12]) Д. б. „Что Платова.“

[1]) Ср. „дорожку отъ Можая до Москвы.“—[2]) Вплоть до Платова: одинъ онъ остался цѣлъ, молодцомъ.

Какъ Платовъ енералъ
Іонъ подъ арміей гулялъ,
Ко Хранцузу заѣзжалъ.
Хранцузъ его шумовалъ [3]),
На скоры́ ноги ўставалъ [4]),
За бѣлы́ руки хваталъ,
У палату уводилъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
На подносѣ подносилъ,
Его милости просилъ [5]):
«Што выкушай, купчина,
«Ты ласковый молодчина!
«Я въ Москвѣ и самъ бывалъ,
«Много самъ людей знавалъ;
«Одного вора не ўзналъ, —
«Што Пла́това козака̀;
«Кабы кто мнѣ указалъ, —
«Много [6]) денегъ-казны далъ!»
— А по што́ казну терять?
— Его та́къ можно признать:
— Іонъ лицомъ, лицомъ-собой —
— Словно братецъ твой родной [7]);
— Ру́сы ку́дерьки на нёмъ —
— Што на братцу на твоёмъ [8]).—

Выходилъ душа Плато́въ
На широкой дворъ гулять,
Закричалъ душа Плато́въ
Своимъ громкимъ голосо́мъ:
— Вы ребята, вы ребята,
— Вы Донскіе козакѝ!

---

[3]) Приглашалъ его въ гости, въ собраніе (гдѣ говоръ, шумъ). — [4]) „ставалъ.“ — [5]) Просилъ его милость, объ милости — выпить. — [6]) Много бъ. — [7]) Просто, безъ денегъ и хлопотъ. — [8]) Собственно должно бы быть *мой, моемъ;* но поющій соображаетъ, — вѣдь тогда Платова тотчасъ бы узнали? И запутываетъ дѣло, чтобы Французъ не узналъ предстоящаго.

— Вы подайте мнѣ коня —
— Словно ясна соколà;
— А ешто [9]) (вы мнѣ) подайте
— Чернильницу со перомъ [10]), —
— Напишу я письмецо
— На Хранцузское лицо [11]),
— (Што) пошлю я письмецо
— Ко Хранцузу-Королю:
— «Ты ворона,—ты сорока,
— «(Ты) Хранцузской королёкъ!
— «Не зъумѣла ты, ворона,
— «Ловить сóкола въ хорóмахъ,
— «Не зъумѣла ты, сова,
— «Ловить ясна соколà!» —

(Запис. А. В. Марковичъ).

*

3.

(Самарскій край).

Ты Россія, ты Россія,
Свято-руская земля,
Много славы, много чести,
Много горя ты снесла!

Платовъ козакъ генералъ
По всей арміи гулялъ [1]),
Всѣмъ указы, всѣмъ приказы,

---

[9]) Еще.—[10]) Соображеніе: еслибы на словахъ сказалъ къ лицу, это было бы близко, успѣли бы схватить, а издалека не долетѣлъ бы голосъ; и такъ лучше объясниться письмомъ.—А вмѣстѣ напоминается Лопухинъ съ его извѣстною чернильницей (вып. 9).—[11]) Съ обращеніемъ (адресомъ) ко Французу.

[1]) Варіантъ; „Онъ по Франціи гулялъ.“

Всѣмъ маршруты отдавалъ,
Всѣмъ приказы раздавалъ [2]).
Къ Французу[3]) въ гости заѣзжалъ:
Французъ его не узналъ,
За бѣлы руки прималъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
На подносѣ подавалъ;
На подносѣ подавалъ
И купчишкой [4]) называлъ:
«Ты купчина, ты купчина,
«Ты купеческой сынокъ!
«Выпей рюмку, выпей двѣ,
«Скажи правду всеё мнѣ, —
«Про Платова козакà [5]):
«Кто бы это мнѣ сказалъ,
«Казны-денегъ много бъ далъ!»
— Ну на что̀ казну терять?
— Его та́къ можно у́знать:
— Ты садись проти́въ меня,
— Ты гляди всё на меня, —
— Платовъ точно какъ и я! —

Ужь Французъ прямо догадался,
Платовъ скоро убирался,
По часты́мъ ступня́мъ [6]) бѣжалъ,
Всё записочки бросалъ;
На крылечко выходилъ,

---

[2]) Д. б. „разсылалъ.“ — [3]) Невозможно: не разслышано „къ Французъ у гости (*у* слилось: къ Французу *въ* гости).“ — [4]) Д. б. „купчишкой,“ купчищей. — [5]) Варіантъ:

Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
Всѣхъ купцовъ и су́дьевъ зналъ:
Одного только не зналъ —
Я Платова козака.

[6]) Ступенькамъ—лѣстницы.

Громкимъ го́лосомъ кричалъ [7]:
— Вы коза́ки, вы коза́ки,
— Вы коза́ченьки мои!
— Вы подите—приведите
— Моего добра̀ коня,
— Вы подите—приведите
— Со коню́шняго двора! —
На коня Плато̀въ садился, —
Точно соколъ возвился̀:
— Ты ворона, ты сорока,
— Загумённая карга!
— Не съумѣла ты, ворона,
— Ясна со́кола ловить,
— Ловить ясна сокола̀, —
— Что Платова козака, —
— Что Платова козака̀, —
— Платовъ самъ былъ у тебя! —

(Ср. Сборникъ г. Варенцова 1862 г.).

*

4.

(Г. Рязанской.

Ужь ты матушка моя, Россія,
Много нужды приняла,

---

[7]) Хотя и разбрасывалъ записочки (ср. предыдущій образецъ), но вмѣстѣ, вѣрнѣе подлиннику, и самъ кричалъ голосомъ. Варіантъ:

Французъ скоро догадался,—
Приказалъ ко̀ня сѣдлать;

(чтобы догнать Платова; но коня беретъ Платовъ:)

Платовъ скоро догадался,—
Приказалъ коня подать.
Онъ садился на коня,
Самъ посмѣивался:
„Ты ворона, ты ворона"...

Много нужды, много страсти,
Не возможно вспомянўть!

Нашь [1]) Платовъ генералъ
По всей арміи гулялъ,
Ко Французамъ заѣзжалъ.
Французъ Платова встрѣчалъ,
Ворóта [2]) отворялъ,
Бѣлы скатерти [2]) разстилалъ,
За дубовой столъ сажалъ,
Съ ноги̑ нá ногу ступалъ [3]),
Рюмку водки наливалъ,
На подносѣ подавалъ:
«Выпей рюмку, выпей двѣ,—
«Скажи правду всеё мнѣ!
«Всѣхъ въ Россіи знаю я,
«Сенатóровъ и господъ,—
«Одного-то я не знаю,—
«Платова козакà [4]):
«Много бы я казны далъ,
«Кто бы Платова указалъ!»
— Намъ на што (Французъ) казну терять?
— Его тáкъ можно узнать:
— Его личико бѣлéнько,—
— Спохоже на мене;
— Русые кудри [4])—
— Какъ на брату на моéмъ.—

У Француза дочь Арина,
Таки рѣчи зговорила [5]):
« «Вы козáки, вы козáки,
« «Вы Донскіе козаки̑!

---

[1]) Д. б. „А нашь (а какъ подъемъ дыханія при запѣвѣ).“—[2]) Д. б. „Онъ ворота;“ „бѣлу скатерть.“—[3]) Переминался въ суетливости, какъ бы угостить гостя.—[4]) Записано не совсѣмъ хорошо, съ пропусками—„что, а что“ и т. п.—[5]) Взговорила.

« «Вы подайте [6]), приведите
« «Его во́рона коня̀;
« «Онъ и сядить, и поѣдить
« «Во святую свою Русь [7])!» »
— Ужь ты во́рона воро́на,
— Загумённой чорный грачь!
— Не умѣла ты, ворона,
— Во своихъ когтяхъ держать:
— Ты умѣй, ворона,
— Во чисто̀мъ полѣ поймать!—

(Запис. В. Н. Трубниковъ).

*

5.

(Той же губерніи, у. Зарайскаго, село Гололобово).

Ты Росея, ты Росея, ты Росейская земля!
Про тебе, наша Росея, далеко̀ слава прошла:
Про Платова козака̀, Росейскаго во́ина̀.

Вотъ какъ Пла́това-тъ [1]) козакъ,
Онъ во Франціи гулялъ,
Со Французомъ воевалъ,
Французъ его не узналъ.

---

[6]) „Подите.“—[7]) Извѣстная намъ Арина, по извѣстному преданію, дѣлается посредницей. сдаетъ городъ и отца пришельцу, помогаетъ сему послѣднему (см. подробности въ 9-мъ выпускѣ). Между тѣмъ она помогаетъ и позднѣйшему соображенію творчества: Платовъ былъ одинъ, гдѣ бы взять ему козаковъ (по древнему же миѳу, какъ при Саломонѣ, толпа скрытыхъ сотоварищей слѣдуетъ за героемъ и является внезапно)? Арина и кличетъ ихъ. Да и послѣднія слова могутъ быть вложены въ уста ей же, какъ упрекъ отцу: этимъ избѣгалась помянутая трудность, какъ могли донестись слова героя ко врагу, трудность, которую — мы видѣли—хотѣлось устранить даже записочками.

[1]) Платовъ-тъ,—Платовъ-то.

Самъ [2]) къ парату [3]) подъѣзжалъ,
Ко паратному крыльцу;
Іонъ безъ спросу—безъ докладу
Самъ къ палатушкѣ пошолъ,
Чорный киверъ скидавалъ,
Французъ ево не узналъ,
За кўпчика почиталъ,
За бѣлыя руки бралъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
На подносѣ подавалъ.
Выпилъ рюмку нашъ козакъ,
Въ разговоръ онъ съ нимъ входилъ:
«Я въ Москвѣ сколько бывалъ,
«Всѣхъ судей вашихъ знавалъ;
«Одного только не зналъ—
«Я Платова козакà,
«Росейскаго вóинà:
«Я бы скóлько [4]) казны далъ,
«Кто бъ мнѣ яго юказалъ!»
— Вамъ на што казны терять?
— Его тáкъ можно узнать.
— Посмотрите-т-ка [5]) на меня:
— Точно таковъ и Платóвъ!
— Эполеты съ золотòмъ,

---

[2]) Платовъ —[3]) На парадную, дворцовую площадь и къ парадному крыльцу: слово сходно съ „Парижемъ." — [4]) Много (сколь велико — велико; quantum). — [5]) Это *т* передъ *ка* въ нынѣшнемъ повелительномъ обоего числа при 2-мъ лицѣ („возми-т-ка, возмите-т-ка") совпадаетъ съ извѣстнымъ древнѣйшимъ повелительнымъ, которое равно и достигательному, и неопредѣленному. Сохранилось оно у Малой Руси, - на *ть*. Въ Сл. П. И. „вонзить!" У насъ также: „подать!" „бѣжать!" „взять!" и т. п. Видя родство его съ достигательнымъ и неопредѣленнымъ (которое равно уже существительному и не знаетъ различія лицъ или числъ) убѣждаемся, что оно примѣнялось въ языкѣ собственно *ко всѣмъ лицамъ и числамъ,* тогда какъ прочія формы повелительнаго специально отвѣчали *тому или другому* числу и лицу; а нынѣ, сказано, это *т* при *ка* употребляется, какъ и все повелительное, лишь во 2-мъ лицѣ.

— Чорный киверъ со перомъ,
— Перчаточки съ серебромъ.—

(Запис. 1843 г. П. И. Якушкинымъ).

*

Поющіе позднѣе задавались невольнымъ вопросомъ,—кто же это жалуется на бѣды Россіи и горюетъ ея горемъ (а жаловались, мы знаемъ по 9-му выпуску, герои на трудность походовъ, весь народъ на тяжести войны). Невольный вопросъ невольно же, безъ разсудочнаго разсчета, вызывалъ къ отвѣту, и возбужденное симъ творчество создало слѣдующій *дополнительный* образъ, какъ начало къ пѣснѣ. Здѣсь прежде всего горюетъ покинутая дѣвушка объ миломъ, пропавшемъ безъ вѣсти на войнѣ. Милый „мо́лодецъ," хотя и безъименный, является самъ представителемъ Россіи, постигнутой бурями брани. Онъ самъ было пропалъ въ водоворотѣ, но—вздохнулъ изъ глубины волнъ, вздохнулъ изъ глубины сердца: и, какъ вздохъ изъ груди утопленника является признакомъ его жизни, еще не совсѣмъ загибшей, его дыханія, еще возможнаго, такъ за вздохомъ мо́лодецъ спасается, выходитъ на свѣтъ Божій, ступаетъ ногою на твердую землю, на землю свято-Русскую. Вздохнувши, опомнившись послѣ долгихъ страданій, обыкновенно называютъ первымъ самое дорогое въ жизни, самое милое существо: мо́лодецъ назвалъ имя Россіи. „Ахъ, сколько она приняла горя" среди бурь воинскихъ: „ахъ, сколько я перестрадалъ," — это одно и то же, ибо здѣсь, говоримъ, самъ мо́лодецъ въ образѣ своемъ выражаетъ Россію. За тѣмъ, какъ скоро названа *вся* Россія, общій образъ ея даетъ распознать и черты частныя: локализируется мѣстность, именуется „Уральская" сторона, съ ея козачествомъ. Для Россіи же и козачества славный герой того времени и выразитель — Платовъ. За вздохомъ слово, за словомъ и именемъ раздается пѣсня, въ пѣснѣ воспѣвается Платовъ. Платовъ—тотъ же герой, что и первый безъименный мо́лодецъ, и такой же представитель Россіи, и среди такихъ же волнъ и бурь, чуть было среди нихъ не сгибшій, но спасенный тою же „памятью" о Россіи, тою же любовію къ ней, изъ-за чего и поднималъ труды свои. Такова связь образовъ *наглядная* и тотчасъ *слышная*. О связи болѣе глубокой, основанной на преемствѣ образовъ творческихъ изъ отдаленной древности донынѣ, сказано у насъ въ примѣчаніяхъ.—И такъ:

6.

(Г. Симбирской).

Милой нéживъ, нездорóвъ, совсѣмъ бéзъ вѣсти пропалъ [1])!
Въ лёгку лодочку запалъ, тонкой парусъ раскаталъ,
На дéревцо подымалъ, во синё море бѣжалъ,
Чáсты нéводы металъ, бѣ́лу рыбицу поймалъ,
Синё море всколыхалъ [2]) серéдь мóря потонулъ,

[1]) Это начало должно быть собственно таково: „Какъ сказали про милóго, Милой неживъ не здоровъ;“ изъ разряда пѣсней—„Вы кустики, вы кусточки“, „Ты злодѣй-злодѣй чужа-дальна сторона“ и т. п.: пѣсни изстари идущія, воинскія, потомъ въ частности *солдатскія* и *рекрутскія*, съ одной стороны о тяжести походовъ, съ другой о горѣ любящихъ, разставшихся по причинѣ похода (ср. вып. 9 и другіе послѣ).—[2]) Начавши приведеннымъ сейчасъ стихомъ, пѣсня восходитъ постепенно къ началу еще старшему, о нашихъ *древнихъ* походахъ. Походы эти, съ самаго появленія дружиннаго быта, сопряженные, разумѣется, съ величайшими трудностями среди дикости первобытныхъ народовъ и среди дѣвственности дикой природы, соединялись въ представленіи, а потому и выражались творческимъ образомъ въ соединеніи со страшными переворотами во всей внѣшней природѣ: все колебалось, моря и рѣки волновались, рыба уходила на дно, темные лѣса преклонялись, вянула трава, разбѣгались звѣри, разлетались птицы и, будто среди волнъ взбушевавшаго моря, человѣкъ по необходимости умалялся, терялся, тонулъ, вообще же терпѣлъ напасти, всевозможныя трудности и страданія. Таково первое появленіе Олега въ Былинахъ и столь извѣстное по нашимъ изданіямъ описаніе первыхъ походовъ его (ср. сборники Кирѣевскаго, Рыбникова и др.), таковы бѣдствія похода, изображенныя въ Словѣ о полку.

Мало по малу, въ самомъ эпосѣ, возникаетъ лиризмъ: исполненное грусти и тревожнаго участія, унылое настроеніе души и трепетъ сердца за судьбу героя, которому предстоятъ такія страсти и ужасти. Еще при Добрынѣ, на примѣръ, при самомъ рожденіи этого героя, обреченнаго на трудныя и дальнія поѣздки богатырскія, въ самомъ началѣ Былины, всѣ бѣды разволновавшихся бурныхъ событій изображены какъ живописный переворотъ въ нѣдрахъ природы внѣшней, какъ появленіе необычайнаго звѣря, измѣнившаго все лицо земли (Кир. 2, стр. 1—9): но Добрыня же послужилъ и первымъ представителемъ лиризма. Извѣстно по Былинамъ и многократно повторяется изображеніе его глубокой грусти, почти что отчаянія, когда ему назначались тяжелые подвиги и указывался Владиміромъ далекій походъ или скорый отъѣздъ. Чѣмъ позднѣе, чѣмъ ближе эпосъ къ нашему времени, тѣмъ больше та-

Тяжелёхонько вздохнулъ, всю Россію вспомянулъ:

кихъ мотивовъ, а именно въ пѣсняхъ воинскихъ и наконецъ солдатскихъ: представителемъ самымъ яркимъ Шереметевъ, съ его грустною пѣснею, полною слезъ, при разставаньѣ съ семьею и Москвою, при выступѣ въ поле (ср. вып. 8). Пѣсни XVIII вѣка переполнены жалобами на трудности походовъ и приступовъ, увлажены слезами героевъ и героинь, оторванныхъ войною отъ родины, отъ земли, отъ любви и семьи (вып. 9). Но, если такъ тревожны судьбы жизни воинской и вообще геройской, если такъ ѣдко вередятъ онѣ всякое человѣческое сердце и сама внѣшняя природа не холодна, не безучастна къ сему, напротивъ изображается въ трепетѣ, въ дрожи и въ сотрясеньѣ: то понятно, какъ же сильны и ярки, какъ трогательны и возбудительны, какъ глубоки и древни должны быть творческіе образы самаго героя — дѣйствующаго среди походовъ, въ водоворотѣ брани страдающаго, напрягающаго крайнія силы, не щадящаго ни души, ни живота своего. И точно, онъ безпрерывно и попеременно-то взлетаетъ за облака соколомъ, то ширяется кречетомъ и коршуномъ, то бѣгаетъ по подземельямъ горностаемъ и норкою, то опускается на дно моря и рѣкъ рыбою, то идетъ въ ровень съ лѣсомъ, то стелется ковылемъ-травою, клонится березою, разбивается и мечется по кустамъ ракитовымъ, выростаетъ въ дубъ, простирается по раздолью и по полю. Позднѣйшимъ Историческимъ пѣснямъ остались отъ всей этой былой исторіи подвиговъ одни лишь сравненія героя— съ соколомъ, съ кречетомъ и коршуномъ, съ бѣлой рыбицей, съ зайцемъ и горностаюшкой, съ куликомъ болотнымъ, съ березами, дубомъ, ковылемъ, кустикомъ и т. д. Но, даже и тутъ, и въ наши позднія времена, это не одни красивыя сравненія и не отвлеченныя уподобленія: герой, какъ Краснощоковъ, является *дѣйствительнымъ* соколомъ, а въ соотвѣтствіе и врагъ—лютый король—*дѣйствительнымъ* ворономъ, лютымъ звѣремъ, сѣрымъ котикомъ, сизой уткою и бѣлой рыбицей. Это *уже* въ XVIII вѣкѣ: тѣмъ больше, когда выше и старше, всякой крупный герой, а по отцвѣту отъ него и въ параллели—всякой врагъ его, также герой, въ дѣйствительности *оборачиваются*, живутъ *оборотнемъ* (почему и позднѣе всякой *молодецъ* въ народѣ представляется *оборотливымъ*). Таковъ Микита Романовичь—и враги его Ливики; еще больше—Игорь и Всеволодъ (буй-туръ), со врагами Половцами; еще больше безъустанный Потыкъ и Лиховидьевна жена его; Добрыня и Маринка; Алеша и Тугаринъ (летающій змѣемъ); Олегъ—Вольга—Волхъ (вѣщій, оборотливый), и т. д. Что же это значитъ? Еще шагъ за рубежъ Исторической и Эпической пѣсни, и—мы въ области *Сказочной*: это извѣстные и не разъ, въ первыхъ выпускахъ нашего изданія, очерченные *разные виды и смѣны бытія*, которые проходитъ главный герой сказочной, т. е. миѳической и доисторической эпохи, Иванъ или Янъ, изъ заоблачья спускаясь въ подземелье, съ суши уходя въ море и рѣку, по всѣмъ царствамъ природы перекидываясь и оборачиваясь какъ оборотень, отъ человѣка молодца до животнаго, до растенія и даже бездушнаго камня, а изо льда и трескучаго мороза поднимаясь до жаръ-птицы и палящаго солнца. Оттуда-то, изъ сказочной эпохи Ивана, оттуда и пала тѣнью или вѣрнѣе отблескомъ вся эта вереница творческихъ образовъ на эпоху Историческую, на Эпосъ, пѣсню Былевую,

« «Ты мать наша, Россія, свято-Русская земля,

на этихъ перекидышей и оборотней, какими явились историческіе герои отъ Олега до Краснощокова.

Наконецъ, изъ того же сказочнаго міра, именно изъ обширной области, занятой въ народномъ творчествѣ лицомъ Саломона, изъ числа многихъ превращеній его всякими оборотнями, наслѣдованы знакомые намъ образы героя, *передѣтаго купцомъ въ гостяхъ у врага* и вылетающаго соколомъ изъ вражескихъ когтей чернаго ворона, на удивленье обстоящей дружины: наслѣдованы и перешли опять на Олега, Скопина, Одоевскаго, Петра, Краснощокова и въ заключеніе на Платова (ср. вып. 9, стр. 147, 148 и дал.).

И такъ пѣсня, по поводу которой говоримъ мы, какъ ни нова и ни мелка она, соединяетъ въ себѣ по немногу самыя крупныя черты нашего эпическаго творчества и связуетъ тѣснѣйшею связію нашъ вѣкъ съ временами за тысячу лѣтъ. Въ концѣ своемъ, въ главномъ изложеніи, разсказываетъ она о трудныхъ подвигахъ Платова, передѣтаго купцомъ въ гостяхъ у врага и вылетающаго соколомъ изъ гнѣзда вороньяго; но Платовъ—представитель всего козачьяго міра, а вмѣстѣ „свѣтъ-Уральской стороны," откуда шла пѣсня; онъ подвигами своими будитъ въ сей поющей сторонѣ мысль о цѣлой „мать-Россіи, свято-Русской землѣ;" земля эта, матушка свято-Русская земля „много горя приняла", — привычное зачало пѣсней того разряда, который мы теперь печатаемъ; зачаломъ вызванъ „дополнительный", какъ назвали мы, образъ, образъ цѣлой Россіи, цѣлаго горя ея, въ цѣпи историческихъ подвиговъ, ею подъятыхъ за всѣ прошлые вѣка; подвиги браней, войнъ и тяжкихъ походовъ рисуются картинами, неизмѣнно повторяющимися въ вѣковомъ творчествѣ Былинъ: картинами взволнованной цѣлой природы, „всколыхавшагося моря", уловленной „неводомъ бѣлой рыбицы", легкой лодочки среди бури, и самого молодца, единственнаго, хотя и безъимяннаго живаго существа, обреченнаго на подвигъ, существа дорогаго, „потонувшаго" въ семъ водоворотѣ. Къ нему-то, къ милому, привязанъ самый первый стихъ пѣсни, занятый также изъ образцовъ старшихъ: „Милый не живъ, не здоровъ, совсѣмъ безъ вѣсти пропалъ".—На оборотъ, путемъ обратнымъ, съ самаго зачала пѣсни исчезаетъ милый, какъ исчезаетъ онъ въ пѣсняхъ воинскихъ и столькихъ солдатскихъ, уходя отъ любезной и отъ семьи въ трудный походъ. Куда пропалъ онъ? Слѣдуетъ картина изъ древнѣйшаго творчества: онъ въ утлой ладьѣ, онъ гонится за бѣлой рыбицей на дно моря, онъ всколыхалъ море со дна, буря пронеслась по всей природѣ, молодецъ самъ потонулъ... Но послышался вздохъ его, онъ вспомнилъ Россію, свою матушку; буря и волны—это ея подлинный образъ среди тяжкихъ войнъ и бранныхъ ужасовъ. Молодецъ вышелъ со дна моря на эту, обагренную кровью, родную землю: уже не безъимянный представитель ея, а сама она на широкой сценѣ; въ Россіи козачество, въ козачествѣ „свѣтъ Уральская сторона", на Уралѣ пѣсни, пѣсня поетъ о козакѣ Платовѣ, историческомъ представителѣ тогдашней Россіи, тогдашняго козачества; Платовъ въ трудномъ подвигѣ съ Французомъ, обрисованъ яркими чертами изъ старшихъ вѣковъ Русскаго творчества. Къ нему-то, къ Платову,

« «Свѣтъ Уральска сторона [3]), со Пла́товымъ козакóмъ!» »

У Пла́това козака̀ не обрита [4]) борода:
Чрезъ законъ Платòвъ ступилъ [5]), себѣ бороду обрилъ.
Онъ за то её обрилъ: государь его любилъ,
Въ одежду свою обрядилъ, къ Французу въ гости проводилъ.
Французъ Платова не узналъ, за купца его считалъ,
Во палаты въ гости бралъ, за дубовый столъ сажалъ,
За дубовый столъ сажалъ, напиточки выдавалъ.
Выпилъ [6]) рюмку, выпилъ двѣ:
«Скажи правду всеё мнѣ,

шла вся эта древность, чтобы сосредоточить на немъ выстраданные свои творческіе образы.

Повторяемъ еще разъ: тѣмъ и дорога пѣсня наша, что, въ самыя послѣднія минуты свои, сейчасъ же, въ глазахъ нашихъ и въ живомъ слухѣ, будитъ такое слово, которое слышалось въ эпосѣ за тысячи лѣтъ; животворитъ образъ, который рисовался подъ солнцемъ, еще не раздѣлявшемъ временъ и лѣтъ въ доисторическую пору; называетъ историческаго героя, почти вчера между нами жившаго, такими именами, какія ронились въ языкѣ, еще не знавшемъ имени Россіи, быть можетъ не знавшемъ имени Славянскаго, а впервые только заговорившемъ,—когда языкъ былъ народомъ, народъ языкомъ, еще безъ имени, коимъ крещенъ народъ въ исторіи, но уже съ творчествомъ, благословившимъ его на долгую жизнь историческую. И кто здѣсь счастливѣе, кто погордится: мы ли, ежеминутно черезъ пѣсню въ родствѣ и бесѣдѣ съ незапамятными предками, или же предки, подарившіе наслѣдникамъ такое творческое слово, которое безъ записи, изъ устъ въ уста, пережило далеко самихъ творцовъ, а уловленное письмомъ и печатью переживетъ еще, кажется, самаго главнаго творца, самый народъ? Лишь бы наблюсти намъ ближайшій урокъ пѣсни: ловя письмомъ ея слово, какъ неводомъ рыбицу, хотя бы потонуть середь этого необъятнаго моря, именуемаго творчествомъ народнымъ, но потонувши вздохнуть и вспомянуть „мать-Россію!“ Тогда пусть потонетъ одинъ, и другой, и третій: а за вздохомъ ихъ пѣсня будетъ раздаваться, будутъ ея чтители, собиратели и издатели.

[3]) Очевидно, что отсюда, изъ Уральскаго козачества, пронеслась пѣсня о козакѣ Платовѣ въ этомъ именно образцѣ: отсюда дошелъ образецъ и на Волгу, въ край Симбирскій.— [4]) Какъ слѣдуетъ Великорусскому козаку (и старообрядцу); о „бородѣ“ ср. выше.— [5]) Переступилъ черезъ законъ, черезъ заповѣданную черту (ср. *конъ*, откуда игра „*конъ за конъ*“, отъ одной черты переходъ за другую,—древнѣйшій пластическій образъ, родоначальникъ юридическаго понятія): явился *преступникомъ*. Дальше отыскивается извиненіе сему проступку.— [6]) Платовъ.

«Про Платова козака?»
— У Платова козака много силы, смѣту нѣтъ [7]).—
Французская дочь [8]) стала рѣчи говорить:
« «Ты купецъ ли мой, купецъ, покажи свой билетъ [9])?» »

Платовъ-унтеръ [10]) догадался, выходилъ вонъ на крылецъ,
Закричалъ своимъ громкимъ голосо́мъ:
— Вы слуги мои вѣрны, подавай скоро коня!—
Слуги вѣрны услыхали, скоро коня подавали,
Садился Платовъ-унтеръ на сво́го коня,
Соѣзжаетъ Платовъ-унтеръ со Французскаго двора,
Подъѣзжаетъ Платовъ-унтеръ ко Французскому двору [11]),
Закричалъ же Платовъ-унтеръ своимъ громкимъ голосо́мъ:
— Ты карга ли, ты ворона, загумённая карга!
— Не умѣла ты, ворона, ясна со́кола поймать,
— Ясна со́кола поймать, ему крылышки [12]) ощипать!—

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

Обращеніе къ Россіи и воспоминаніе объ ея тяжкомъ, много разъ подъятомъ, горѣ, послуживъ зачаломъ пѣсней о Краснощоковѣ (вып 9, стр. 150), обратилось въ *спеціальное*, преимущественное зачало пѣсней *о Платовѣ*: тутъ высказалось все горе, объявшее Россію въ роковой *двѣнадцатый годъ*. Но дѣтямъ и внукамъ сего года уже не нравилось

---

[7]) Это отвѣтъ Платова. „Смѣту нѣтъ“—переставились звуки вмѣсто „смѣты нѣту“.—[8]) Дочь Француза, Французскаго короля, королевна, посредница между отцемъ и пришельцемъ. Вѣроятно подлиннѣе: „Французова дочь Арина, она рѣчи говорила“.—[9]) Гдѣ пришелецъ прописанъ, съ примѣтами, по коимъ можно было узнать его; отсюда въ другихъ образцахъ „портретъ“.—[10]) Унтеръ-офицеръ, урядникъ: старше, чѣмъ „генералъ“, какъ зовутъ Платова другіе образцы. Но, признаться, все-таки не совсѣмъ ловкое и удачное слово: нѣтъ ли тутъ особой порчи? — [11]) Ко двору и дворцу Француза. Платовъ ускакалъ, и однако же необходимо, чтобы насмѣшливый отзывъ его услышанъ былъ Французомъ; въ другихъ образцахъ помогаютъ этому записочки, здѣсь Платовъ возвращенъ, чтобы слова его дошли по адресу.—[12]) Д. б. „крылья“.

каждый разъ, повторяя пѣсню, непремѣнно горевать, или же, такъ какъ пѣсня самая распространенная, то горевать постоянно и безпрестанно; казалось это и не кстати, когда пѣсня поетъ о торжествѣ Платова. И вотъ, прежнее начало — *Россiйская земля* удержана лишь на столько, на сколько по ней гулялъ и разъѣзжалъ Платовъ, какъ мѣсто и поприще его подвиговъ:

7*).

(Уѣзда Московскаго, с. Ильинское).

По Росейской по землѣ
Графа-тъ Платовъ разъѣзжалъ,
Ко Французу заѣзжалъ.
Французъ его не узналъ,
За купчика почиталъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Графу Платову подносилъ:
«Выпей-выкушай, купеческiй сынокъ!
«Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
«Командéровъ много зналъ,
«Командéровъ и судей,
«Много прочiихъ людей;
«Одного только не зналъ—
«Графа Платова козакà:
«Кабы кто мнѣ указалъ,
«Половину бъ злата далъ!
«Можно ль какъ его узнать?»
— Ты взгляни-ка на меня,
— На яснаго соколà:
— Точно братъ его родной!—
Графа-ть Платовъ догадался [1],
Изъ палатовъ [2]) вонъ пошолъ:

---

*) Пѣсня „протяжная“.

[1]) Уже не видно, почему и о чемъ.—[2]) Ср. выше „угрозовъ.“

Становился графа-тъ Платовъ
На парадное крыльцё:
Графа-тъ Платовъ похвалялся:
— Не умѣла ты, ворóна,
— Соколà въ рукахъ держать!—

(Запис. П. В. К—мъ 4-го Авг. 1832 г.).

*

Если же *Россійская земля* только за тѣмъ, чтобы Платовъ по ней гулялъ и разъѣзжалъ, то конечно по какой же другой иначе и за чѣмъ ее вспоминать? Отсюда образцы, гдѣ онъ ѣздитъ просто „*по долинамъ*“ и „*по арміи*:“

8.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельск., дер. Тетеря).

Платовъ генералъ
По долинамъ разъѣзжалъ,
Всѣмъ указы развозилъ [1]).
Ко Хранцузамъ въ гости заѣзжалъ,
Хранцузъ его не узналъ,
Купчиной называлъ:
«Ты купчина, купчина,
«Купеческой сынъ!
«Я Россію вашу знаю,
«Генераловъ всѣхъ спознавъ;
«Одного только не знаю—
«Платова козакà:
«Кто бы мнѣ его указалъ,
«Много бъ изъ казны денегъ далъ!»

---

[1]) Прибавлено еще дальше въ объясненіе того, за чѣмъ Платовъ разъѣзжалъ „по долинамъ.“

— На что казну терять?
— Можно та́къ его узнать;
— Ты взгляни-ка на меня:
— Онъ точно какъ и я.—

Хранцузъ догадался,
Платовъ скоро подымался,
По ступенечкамъ бѣжалъ,
Записочки бросалъ;
На крылечко выбѣгалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
— Вы коза́ки, козаки̇, товарищи мои!
— Подите—приведите мого̀ добраго коня!—
На коня Платовъ садился,
Громче того [2]) закричалъ:
— Ты ворона, ты ворона,
— Французскій Бонапартъ!
— Не умѣла ты, ворона,
— Яснаго со́кола ловить,
— (Что) яснаго сокола̀—Платова козака̀!—
Хранцузъ на коня садился,
Въ погонь за нимъ бѣжалъ;
Платовъ назадъ оглянулся,
Онъ насмѣшечки давалъ [3]):
— Ты ворона, ты ворона!
— Не умѣла ты, ворона,
— Яснаго сокола въ клѣтку заковать!—

(Запис. 1843 г. П. И. Якушкинымъ; то же записано въ Симбирскѣ Д. А. Валуевымъ).

*

---

[2]) Еще усиленное стараніе пѣсни, чтобы слова Платова дошли до Француза.—[3]) Еще новый образъ для той же цѣли.

9.

(Шенкурскъ).

Ужь какъ Платовъ енералъ
Онъ по арміи гулялъ.
Усы-бороду обрилъ,
Ко Хранцюзу въ гости загулялъ.
Какъ Хранцюзъ-то его не узналъ,
За бѣлы́я руки бралъ,
Во нову горницю повёлъ,
За дубовый столъ садилъ,
Цаемъ-кофеемъ поилъ:
«Ужь ты пей, душа-купецъ,
«Ты Московскій молодецъ!
«Ужь я самъ въ Москвѣ бывалъ,
«Много добрыхъ людей зналъ;
«Одного вора не зналъ,—
«Я Платова козака̀:
«Еще кто бы мнѣ его сказалъ,
«Тому бы много денегъ далъ!»

Вотъ тутъ Платовъ распрощался,
Надъ Хранцюзомъ онъ смѣялся:
— Ахъ воро́на ты, воро́на,
— Ты Хранцузская ко́рона [1])!
— Не умѣла ты, воро́на,
— Ясна со́кола ловить,
— Добра мо́лодца убить:

---

[1]) Страннымъ совпаденіемъ, по Гречески *корона* (κορώνη) значитъ и ворону, и корону (какъ кривня, загнутыя—у вороны по клюву, корпусу и лукавству, у короны по формѣ) то же въ Латинск. *corona* и *corvus* (curvus); въ остаткахъ же Греческихъ свадебныхъ пѣсней и причитаній, при этомъ словѣ игра смысломъ—то вороны, то короны или вѣнца.

— Ужь я былъ у тя въ гостяхъ,
— Во твоихъ востры́хъ когтяхъ!—.

(Запис. г. Борисовымъ, доставлено М. П. Погодинымъ).

*

Однако былъ еще выходъ изъ старшаго запѣва *о Россійской землѣ*: вмѣсто нея, естественнѣе казалось, чтобы погоревала *земля Французская*, потерпѣвшая отъ наѣздовъ Платова, и чтобъ она *пронесла славу* про героя:

10.

(Г. Саратовской).

Какъ Французская земля
Много горя приняла
Отъ Платова козака̀.

Платовъ ко́закъ ко Французу
Въ гости—въ гости заѣзжалъ;
Онъ безъ спросу, безъ докладу,
Во палатушку взошелъ;
Платовъ Богу помолился
На всѣ стороны [1]),
Челомъ Французу
Низенькой поклонъ [1]).
Еще [2]) Французъ не узналъ,
На рѣзвы́ ноги вставалъ,
За купчика почиталъ [3]),

---

[1]) Записано дурно, а пѣвецъ изъ стиха, безъ того уже половиннаго, выдѣлывалъ отрѣзокъ въ родѣ припѣва, какъ мы знаемъ то изъ прежнихъ примѣровъ. — [2]) Его. — [3]) Согласно позднѣйшему, ошибочно обдѣланному виду пѣсни, представляется, что не Платовъ передѣлся купцомъ (какъ слѣдуетъ подлинно), а счелъ его такимъ Французъ.

За дубовой столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Онъ Платову подносилъ:
«Выпей, купчикъ, выпей любчикъ,
«Ты купеческій сынокъ!
«По Россіи я гулялъ,
«Много Русскихъ людей зналъ,—
«Одного я не зналъ,—
«(Что) Платова козака̀;
«Кабы кто мнѣ указалъ [4]),
«(То бы) [5]) казны-денегъ много далъ!»
— На что казну-деньги терять?
— Его можно та́къ видать:
— Погляди(-ка) на меня,—
— Я похожь на Платова козака,
— Ровно братъ онъ мнѣ родной,
— Какъ отъ матери одной.—

Прочь Французикъ отвернулся,
Платовъ надъ нимъ усмѣхнулся [6]).
«Вишь [7]) Платовъ, Платовъ,
«Вотъ онъ пошелъ [8])!»
Покрай крылéцъ [9]) взошелъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
— Кабы были мои вѣрные слуги,
— Подвели бы мнѣ коня,
— Я бы сѣлъ—полетѣлъ,
— Самъ бы пѣсеньку запѣлъ [10]):
— «Ужь ты разиня ворона [11]),
— «Загумённая карга!

---

[4]) Въ концѣ прибавлено совсѣмъ излишне: „его.“—[5]) Лишнее.—[6]) Новая увертка позабывшихъ пѣсню: *насмѣшка* Платова, выраженная дѣломъ и словомъ, представляется *усмѣшкою* на лицѣ, когда отвернулся Французъ.—[7]) Видишь, смотри.—[8]) Слова Француза въ догонку узнаннаго Платова.—[9]) Обыкновенный оборотъ въ народной, особливо эпической, рѣчи, вмѣсто „крыльца.“—[10]) Еще шагъ въ передѣлкѣ: слова, въ подлинникѣ адресованныя ко Французу, представлены пѣснею, пропѣтою Платовымъ по отъѣздѣ, притомъ условно, еще слабѣе—„запѣлъ он.“— [11]) Д. б. „Ужь разиня ты ворона.“

— «Не съумѣла, ворона,
— «Ясна(го) сокола держать:
— «Выѣзжай-ка ты, ворона,
— «Во чисто̀ поле гулять,
— «Со мной силушки пытать!» —

(Ср. Терещенко, „Б. Р. Н.“ ч. 2).

*

Дальше приплетена уже и *Польская земля*:

11.

(Вологда).

Польская земля
Много силы побрала;
А Френцюская земля
Таку славу пронесла [1])
Про Плато̀ва коза̀ка:

Чрезъ законъ Платовъ отупилъ [2]) —
Свою бороду обрилъ,
Волоса свои остригъ,
Къ Фре́нцюзъ въ гости заѣждялъ.
Єво Френцюзъ ни узналъ,
На крылецько выбѣгалъ,
За билыя руки бралъ,
За дубовъ столъ посадилъ,

---

[1]) На нашемъ языкѣ то же, что ознаменовалась славою Платова, и во Франціи же, гдѣ это случилось, сложилась про Платова пѣсня, разнесенная оттуда повсюду.—[2]) Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ твердое *л*, особенно въ концѣ причастія на *лъ*, выговаривается какъ въ Бѣлорусскомъ (ср. наше изданіе „Бѣлор. пѣсней“), или какъ въ Сербскомъ, т. е. какъ самое краткое *у* или *о*, слышное между нами у многихъ „картавыхъ,“ близко къ *в*, можно это писать: *ступиъ*, *обриъ*, *бываъ*.

Рюмку водки наливалъ,
Купцынушкой называлъ:
«Ушь ты здраствуешь, купецъ,
«Ты Московской молодецъ!
«Вишь, я самъ въ Москвѣ бывалъ,
«Многихъ тамъ людей зналъ [3]),
«Ужь-то всекихъ-то людей,
«Генераловъ и судей;
«Одново вора не узналъ, —
«Що Платова козака:
«Кто бы мнѣ-ка указалъ,
«Тому много бъ казны далъ!»
А спроговоритъ Платовъ:
— Тѣ [4]) на що казна терять [5])?
— Можно такъ ёво узнать:
— Що вѣдь Платово-тъ [6]) такой,—
— Мнѣ какъ брателко родной,
— Только матери другой [7]). —

А Френцюза доць Ирина,
Изъ шомышки [8]) выходила,
Съ купцёмъ рици говорила:
« «Ужь ты здраствуешь, купецъ,
« «Ты Московской молодецъ!
« «Покажи-ко свой портретъ?»»
Онъ потретикъ вынималъ [9]),
На крылецько выбѣгалъ,
Громкимъ голосомъ скрыцялъ:
— Ажь [10]) вы служки, вы слуги,

---

[3]) Д. б. „знавалъ."—[4]) Тебѣ.—[5]) Древнее словосочиненіе (ср. прежніе выпуски).—[6]) Платовъ-тъ, Платовъ-то.—[7]) Искусственная прибавка, заставляющая Платова хитрить, чтобы его не тотчасъ узнали.—[8]) Одна изъ трехъ частей зимней избы, занимаемая хозяевами, въ родѣ нашей клѣти, холодной, свѣтелки; въ лѣтней же избѣ одна изъ двухъ частей, семейная, хозяйская (другая называется просто „избою" и отдѣляется „перерубомъ." У П. И. Савваитова подробности.—[9]) И, вслѣдъ за симъ, долженъ былъ уже бѣжать, чтобы не схватили.—[10]) Какъ на Сѣверѣ Олонецкомъ „*Ай же.*"

— Ажь Донскіё козаки!
— Приведитё-ко коня
— Подъ Платова козака! —
А Платовъ козакъ садилсе,
Що ясенъ соколъ взлетѣлъ:
— Ворона ты, ворона,
— Френцюская ворона!
— У тебя-то, у вороны,
— Во вострыхъ когтяхъ я былъ:
— Не умѣла ты, ворона,
— Ясна сокола вовить [11])!—

А що Платово-тъ козакъ
Въ цисто поле выѣждялъ,
Востру саблю забиралъ;
А Френцюзское-тъ [12]) король
У себя волосьё рвалъ,
На сыру землю металъ,
Много силы накликалъ,
Въ цисто поле отряжалъ.
А какъ Платово-тъ козакъ
Тотцясъ пушки заряжалъ,
Да Френцюза прогонялъ.

(Записано П. И. Савкьтовымъ, 17 марта 1841 года; ср. Москвит. Ч. III, 1841 г.).

*

Въ слѣдующихъ двухъ образцахъ вмѣсто спеціальнаго начала этому рязряду пѣсней, взято другое, изъ времёнъ же Французской войны, помѣщенное у насъ гораздо прежде въ образцахъ другаго разряда:

[11]) Ловить, по означенному произношенію.—За симъ прибавка къ подлинному оставу пѣсни, излагающая послѣдствія, въ удовлетвореніе любопытныхъ.—[12]) Т. е. „Френцюской-тъ.“

12.

(Губ. Орловской).

Вдоль по рѣчкѣ по рѣкѣ
Сбушевалася [1]) волна:
Подымалася война,
Все Французская земля.
Скрозь Россеюшку прошла,
Вы Москву городъ зашла;
Немножко побыла:
Много шурмы [2]) сдѣлала,
Много крови пролила, —
Всё до Бѣлаго царя,
До Донскóго козакà [3]).

У Донского козака
Не стрижóна голова,
Не бри́тая борода:
Козакъ гóлову остригъ,
Онъ и бороду обрилъ,
Во Француза [4]) въ гостяхъ былъ
Французъ его не узналъ,
Всё за купчика считалъ,
За дубовой столъ сажалъ,
Стаканъ водки подносилъ:
«Выкушай, купецъ,
«Ты удалый молодецъ!»

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

---

[1]) Ср. это выраженіе въ пѣсняхъ выше.—[2]) Вóроха, заворошки, броженія, смятенія (ср. въ прежнихъ выпускахъ „*шуръ* метать" и т. п.).—[3]) Платова, козака по преимуществу, представителя козачеству. Ср. подобное выраженіе выше: все всполошилось, вплоть до царя и Платова.—[4]) У Француза (въ Орловск., Тульск. и Калужск. краяхъ *у* въ *в*, а *в* въ *у*),

13.

(Уѣздъ Лихвинскій).

Вдоль по рѣчкѣ по рѣкѣ,
Вдоль по быстрой, широкой,
Всколыхалася волна:
Подымалася война,
Вся Французская земля.
Во Москву городъ вошла,
Много дѣла сдѣлала,
Много крови пролила,
Всё до Бѣлаго царя.

У Платова козака̀
Обстриженa голова;
Обобривши бороду [1]),
Французъ въ гости къ себѣ звалъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Сладкой водки наливалъ,
На подносѣ подносилъ:
«Да ты выпей-ка, купецъ,
«Разудалый молодецъ!»

*

Слѣдующее начало пѣсни, еще новое, отвѣчаетъ однако въ точности подобному же началу въ пѣсняхъ о Краснощоковѣ (вып. 9, стр. 146, 179—181):

---

[1]) Когда онъ обрилъ себѣ бороду, Французъ его позвалъ въ гости (т. назыв. „анаколуѳія,“ непослѣдовательность „казеннаго“ словосочиненія).

14.

(Москва).

Споёмьте, братцы, пѣсню про Платова козака̀, удалова молодца̀ [1].

Ужь какъ Платова-тъ козакъ всѣмъ воинамъ воинъ былъ,
Государь его любилъ, часто звѣздами дарилъ.
Собирался графъ Платовъ на Архангелъ во Покровъ [2],
Къ Бонапарту побывать, насмѣшечку отсмѣять [3]).
Платовъ бороду обрилъ, къ Бонапарту въ гости былъ.
Бонапарта-тъ не узналъ, за купчину принималъ,
За уборный столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
Рюмку водки наливалъ, (онъ) Платова угощалъ:
«И ты выкушай, купчина, ты купеческій сынокъ!
«Всю Росею вашу знаю, генераловъ всѣхъ спозналъ,—
«Одного только не знаю,—(я) Платова козака̀:
«Я бы много злата далъ, кто бъ Платова указалъ!»
—Вотъ за чѣмъ злато терять, можно та́къ его узнать!—
Онъ портретецъ вынималъ, на бѣлы́я руки [4]) клалъ:

---

[1]) Стихъ *двойной*, который встрѣчался намъ въ этомъ разрядѣ пѣсней и выше, на прим. въ № 6-мъ, вообще же пѣсня *очень складная*.—[2]) Старинные *народные сроки: Михайловскій, объ Михайлѣ, объ Архангелѣ* (6-го Сентября, потомъ 8 Ноября), извѣстный по всей древней Руси, даже Сѣверозападной, отчасти въ Польшѣ, и *о Покровѣ*, 1 Октября, нѣсколько поновѣе происхожденіемъ. —Пѣсня произошла и сложена когда очистили уже Москву и вздохнули.—[3]) За его продѣлки въ Москвѣ.—Кстати замѣтить, что вообще народъ нашъ, съ одной стороны по природѣ одаренный значительно юморомъ и комизмомъ, а съ другой столь же значительно дичавшій и одичавшій (за недостаткомъ средствъ образованія и развитія въ „Новой“ Россіи), считаетъ и называетъ *насмѣшками, шутками, баловствами* и т. п. дѣйствія, по нашему вовсе не похожія на то; это на каждомъ шагу слышно и въ творчествѣ: таковъ подвигъ Платова, весь представляемый насмѣшкою и съ особенной любовію изображенный въ концѣ пѣсни браннымъ адресомъ; таковы по пѣснямъ „насмѣшечки“ и „шуточки“, когда оторвутъ кому ни будь руку, ногу, даже голову; такъ „балуютъ“ и „шалятъ“, когда грабятъ и убиваютъ, и т. п.—[4]) Французу.

— Вотъ портретецъ [5]) мой, словно братецъ мнѣ родной,
— Словно братецъ мнѣ родной, отца съ матерью одной [6])!—

Бонапарта-тъ догадался, изъ палатъ вонъ побѣжалъ,
А и Платовъ не сидѣлъ, сѣлъ на коня,—полетѣлъ.
Онъ по ступочкамъ [7]) скакалъ—всё записочки бросалъ:
— Ты ворона, ты ворона, ты Французскій король!
— Не умѣла ты, ворона, ясна сокола ловить:
— Выѣжай же ты, ворона, въ чисто поле погулять,
— Въ чисто поле погулять, съ козаками поиграть [8])!—

Наши зачали палить,—только дымъ столбомъ валитъ:
Ужь какъ пули-то летѣли на Саксонски берега [9]),
На Саксонски берега, на зелёные луга.

(Запис. П. В. Кирѣевскимъ отъ 70-лѣтней старухи, мѣщанки изъ Рогожской: объ ней мы прежде говорили уже подробнѣе, ей обязаны многими Историческими Пѣснями и Стихами въ своеобразномъ ихъ видѣ).

*

Теперь уже *безъ всякого специальнаго* (отличительнаго по разряду) начала:

15 *).

(Г. Тульской).

Собирался нашъ Платовъ
Ко Французамъ на поклонъ.
Французъ на́ ноги ступалъ,

---

[5]) Дополните „тебѣ“, „смотри“ и т. п.—[6]) Это подлиннѣе, чѣмъ прежде—„только матери другой“.—Въ сложномъ „отецъ-мать“, „отца-матери“ и т. д., согласованіе со 2-ю половиной.—[7]) Ступенькамъ.—[8]) За симъ конецъ изъ пѣсней о Прусской войнѣ и Лопухинѣ (вып. 9). — [9]) Драгоцѣнная черта подлинника. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Саксонія является въ козацкихъ пѣсняхъ и при Елизаветѣ (вып. 9, стр. 91).

*) Пѣсня „тягольная“.

За бѣлы руки держалъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Въ рюмки водки наливалъ,
Онъ купчинѣ подносилъ:
«Ужь ты выпей-ка, купчина,
«Ты купеческій сынокъ!
«Я усю̀ Россію знаю,
«Всѣхъ дворяней [1]) и купцовъ,—
«Одного только не знаю,
«Я Плато̀ва козака̀:
«Кабы мнѣ кто указалъ,
«Я бы много денегъ далъ!»
— А на что̀ казну терять?
— Его та́къ можно признать:
— Его личико бѣло̀—
— Много схожо на твоё [2]);
— Какъ русъ волосъ-то на нёмъ—
— Какъ на братѣ на твоёмъ [2]). —
— Вы ребяты, вы ребяты,
— Вы подайте мнѣ коня,
—Налучшаго сокола̀!
— Вылетайте-ка, воро́ны [3]),
— Во чисто̀ поле гулять,
— Со Плато̀вымъ воевать!—

(Запис. П. В. К—мъ).

Такимъ образомъ, „*специальными* отличіями“ или „признаками,“ какъ привыкли мы называть, остается для предлежащаго разряда пѣсней о Платовѣ: заголовокъ *съ обращеніемъ къ Россіи* въ самомъ началѣ, со *вздохомъ* объ ея тяжкомъ горѣ и понесенныхъ нуждахъ (при Краснощоковѣ встрѣчается это лишь разъ, и то упоминается объ *государынѣ*, Елизаветѣ; вып. 9. стр. 150); *борода* героя, съ подробностями объ ней

[1]) Народный родительный, какъ *боярей*, *холопей* и т. п. (*ей*=*ej*ъ—*ев*ъ; предполагается окончаніе мягкое. ь, т.-е. *собирательное*, *холопь*, *холопье*, *холопья*; *дворянь-е*, *бояръ-е*, и т. д.).—[2]) Знакомое намъ желаніе отвратить догадливость Француза и близкую опасность для Платова.—За симъ его слова къ козакамъ.—[3]) А это къ Французамъ.

(тогда какъ, на примѣръ, Чернышовъ напротивъ не брѣетъ, а выращиваетъ бороду; ср. вып. 9); по нѣкоторымъ образцамъ *письмо* и *записочки*, вмѣсто живыхъ словъ Платова (отчасти это уже шагъ въ цивилизаціи и грамотности, отчасти порча противу законовъ устнаго слова, играющаго исключительную роль въ старшемъ эпосѣ); имя королевны—дочери Француза—*Арина* (отчасти для риѳмы, отчасти въ рѣзкое отличіе отъ старшихъ—Елены, Марьи и т. д.); за тѣмъ уже обстановка вся, съ Французомъ, Бонапартомъ и т. д. Особенно же выдается, противу образцовъ другой эпохи и другихъ героевъ, отсутствіе старшихъ миѳологическихъ чертъ *во врагѣ*,—онъ уже не лютый звѣрь, не котикъ, не селезень, не бѣлая рыбица, даже не чорный воронъ, а простая ворона. Всѣмъ этимъ, кромѣ облицовки самого Платова, отличается пѣсня сего разряда какъ отъ прочихъ, изображающихъ того же героя, такъ и отъ старшихъ, послужившихъ первообразомъ, — Краснощоковскихъ, Петровскихъ, Скопинскихъ и т. д.

Имѣя *одни* эти пѣсни подъ руками, мы могли бы сказать, что для народнаго Русскаго творчества Платовъ былъ *послѣднимъ богатыремъ*, въ смыслѣ древнемъ: но, къ сожалѣнію или къ счастію, зная такія же точно Историческія Былины о Краснощоковѣ, во всякомъ случаѣ старшія, первообразныя и болѣе богатыя чертами древности, а вмѣстѣ признаками творческой силы, мы означенную честь по праву оставляемъ, какъ прежде (вып. 9),—за Краснощоковымъ. Платовъ, подтверждаемъ, въ настоящемъ случаѣ „счастливъ единственно тѣмъ, что *повторилъ* при себѣ отголоски Краснощоковскихъ Былинъ, что былъ оттѣнкомъ, тѣнью Краснощокова (вып. 9, стр. 182)." Не будь прежде Краснощокова, не нашлось бы *такого* былеваго слова для Платова.

Тѣмъ не менѣе, для Русскаго пѣснотворчества *своего времени* Платовъ остается все-таки, какъ мы теперь убѣдились достаточно, первымъ, главнымъ и высшимъ представительнымъ лицомъ, исторически-былевымъ героемъ. Выше, лучше и краше его—пѣсня изъ эпохи „отечественной войны" ничего не создала: не создала бы и того, что̀ теперь имѣемъ, еслибы не было Платова въ дѣйствительности и своимъ богатырскимъ образомъ не вызвалъ бы онъ старшихъ образцовъ былеваго творчества къ *воспроизведенію* и *повторенію*.

* *

Въ соотвѣтствіе прочимъ чертамъ сходства своего со старшими былевыми героями, Платовъ не только вызвалъ сложенную про него или къ нему примѣненную пѣсню, не только занялъ ее всецѣло содержаніемъ и удержалъ на краю гроба отъ смерти или забвенія, но, подобно древнѣйшимъ и главнѣйшимъ богатырямъ, отъ Краснощокова до Муромца, *воспоминается* въ пѣсняхъ *другаго рода*, „лирическихъ," бесѣдныхъ или женскихъ, какъ образъ, если не вызывающій непремѣнно

къ эпосу, въ смыслѣ творчества производительнаю, или къ воспроизведенію былевой старины, то по крайности *неизгладимый изъ памяти*, какъ знамя чего-то, вѣчно представляющееся народному взору.—Вотъ образецъ тому, взятый (видѣли мы выше, № 6) въ заголовокъ *пѣсни о Платовѣ*, а здѣсь явно представляющій собою особую женскую пѣсню *о миломъ*, гдѣ только *вспоминаютъ* Платова:

Память о Платовѣ.

1.

(Г. Симбирской, Усть-Урень)[1].

Милый бе́зъ вѣсти пропалъ:
Въ лёгку лодочку запалъ,
Тонкій парусъ раскаталъ,
На де́ревцо поднималъ,
На синё море бѣжалъ,
Тонки сѣти разставлялъ.
Бѣлу рыбицу [2]) изловлялъ;
Онъ пыймать её [2])—не пыймалъ, —
Синё море всколыхалъ,
Среди моря потонулъ,
Мать Рассею вспомянулъ:
« «Ахъ ты матушка Рассея,
« «Свята-русская земля,
« «Свѣтъ Уральска сторона,
« «Жисть [3]) Платова козака [4])!» »

(Запис. П. В. Шейномъ отъ ратника Картавенка; ср. „Чтенія").

* *

---

[1]) Ср. Усть-Урень выше; и № 6-й записанъ также въ г. *Симбирской*.—[2]) Д. Б. „Бѣлъ-рибицу ."—„пыймать-то."—[3]) Народный выговоръ слова „жизнь:" какъ живалъ-бывалъ тамъ Платовъ.—[4]) Ср. память о Краснощоковѣ, вып. 9, стр. 221, а прежде подобныя воспоминанія о Петрѣ, объ Ильѣ Муромцѣ, и т. д.

Вокругъ Платова, представителя всей Россіи того времени, а въ особенности конечно Козачества, по вѣкъ ему благодарнаго за козацкую честь и славу, располагаются естественно разныя *Козацкія пѣсни того времени.* Хотя большею частію относятся онѣ къ „Безъимяннымъ," но мы все-таки помѣстимъ здѣсь, изъ числа ихъ, нѣсколько такихъ, гдѣ болѣе или менѣе замѣтно прямое отношеніе къ пѣснямъ о Платовѣ и Французской войнѣ, пусть хотя *по нѣсколькимъ* образамъ, чертамъ и выраженіямъ, составляющимъ для творчества извѣстный *историческій* признакъ.

И во первыхъ поставимъ ту пѣсню, гдѣ играетъ роль „борода," знакомая намъ въ пѣсняхъ о Платовѣ.

* *
*

II.

КОЗАКИ ПРИ ФРАНЦУЗАХЪ.

1.

(Станишное, г. Симбирск.).

Вы орлы мои златокрылые,
Соколы́ наши поднебе́сные!
Далекохонько орлы залетали:
Во тотъ ли же Петербургъ-городъ,
Ко нашему императору,
Къ Александру сыну Павловичу.
Ужь на нихъ государь прогнѣвался:
Онъ велѣлъ съ нихъ обрать платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, все козацкое;
Онъ велѣлъ обрядить въ платье штатское,
Что въ платье штатское, во солдатское;
Онъ велѣлъ имъ обрить всѣмъ бо́роды,—
Ужь и тутъ онѣ его ослу́шались:
« «Охъ ты гой еси, нашь батюшка,
« «Православный царь, Александръ Павловичь!
« «Не приказывай ты намъ обрить бо́роды,
« «Прикажи ты намъ рубить го́ловы!»»

(Запис. А. М. Языковымъ).

Ср. въ 8-мъ выпускѣ подобныя, и въ томъ же смыслѣ, отношенія стрѣльцовъ къ Петру Первому.

Разумѣется, на первомъ же планѣ по обычаю стоитъ *смерть козака*, гдѣ ни будь среди враговъ, изъ подъ оружія которыхъ шлетъ онъ послѣдній привѣтъ свой семьѣ на родину. Это собственно мотивъ тысячи пѣсней „Безъимянныхъ,“ воинскихъ, солдатскихъ, козацкихъ: въ послѣднихъ образы и выраженія восходятъ обыкновенно къ старшимъ Украинскимъ, потомъ къ Великорусскимъ—Донскимъ, Волжскимъ, Уральскимъ, Черноморскимъ и т. д. Но, какъ при воинскихъ вообще и солдатскихъ, видѣли мы, въ подобномъ случаѣ пріурочивались пѣсни, на примѣръ, къ *горамъ Воробьевымъ*, на „разорёной дорожкѣ отъ Можая до Москвы,“ такъ точно пріурочиваются и Козацкія, хотя, кромѣ другихъ связей съ прочими старшими козацкими пѣснями, даже такія черты, какъ „силаармія“ или „сила войская царя Бѣлаго,“ скорѣе отводятъ происхожденіе извѣстныхъ образцовъ ко времени Петровскому (ср. вып. 8 и 9), а еще первобытнѣе—ко времени царя Алексѣя Михайловича, откуда собственно они начинаются, со смерти „Стрѣлецкаго воеводы“ („Царя Бѣлаго, царя Русскаго, Алексѣя Михайловича, Тридцать три полка стрѣльцовъ:“ вып. 7, стр. 43; отсюда-то и пошла вся эта „сила войская“ при Петрѣ и далѣе).

Сахаровъ, по обычаю не указывая своего источника, приводитъ даже *имя* героя:

2.

Изъ-за лѣсу было—лѣсу тёмнаго,
Изъ-за горъ-то было—горъ высокихъ,
Не бѣлая заря занималася,
Не красно̀ солнце выкаталося [1]:
5. Не [2]) двѣ *арміюшки* [3]) соѣзжалися,—
Перва армія *отъ* [4]) царя Бѣлаго [5]),
Втора армія—славна Францiя.

Въ авангардѣ пошли полки козачьи,
Во козачьемъ полку несчастье случилось:

---

[1]) Обязательно исправляемъ вмѣсто „выкатилося.“—[2]) Извѣстный намъ отрицательный оборотъ, означающій на оборотъ положительное утвержденіе: то соѣзжалися. — [3]) Обыкновенныя Сахаровскія исправленія, слишкомъ замѣтныя всякому и означенныя, какъ принято у насъ, курсивомъ: д. б. по крайности „армеюшки.“—[4]) Совсѣмъ лишнее и неупотребительное.—[5]) Ср. пѣсни съ такимъ началомъ въ Петровскихъ, вып. 8, стр. 217 и дал., вып. 9 въ Дополненіяхъ.

Сраженьице у нихъ прилучилось [6]).
Изъ-подъ кустика—куста *ракитнаго* [7]),
Не лютая- то змѣя выползала,—
Свинцовая пуля тутъ вылетала,
Упадала она въ козачій полкъ,
Никого-то въ полку не ранила [8]):
Убила пулечка въ полку урядника,
Ферисанушку [9]) сына Григорьевича,
По фамиліи сына Манскаго.
Упадалъ онъ коню на черну̀ гриву,
Со черно̀й гривы на мать сыру̀ землю.
Ужь [10]) онъ друзьямъ-братьямъ наказывалъ:
«Ужь вы гой еси, братья-товарищи!
«Вы коли́ *въѣдете* [11]) на святую Русь,
«Вы скажите моему батюшкѣ низко̀й поклонъ,
«Родной матушкѣ челобитьице,
«Молодой женѣ своя волюшка:
«Остаюсь я, молодёцъ, на чужой сторонѣ.»

(Ср. „Сказ. Р. нар.“ 1841).

*

Нѣкоторые образцы, однако же, какъ на примѣръ слѣдующій, упорно придерживаются здѣсь исторической черты—*Французовъ*, и тѣмъ дороже намъ, что держатся въ Сѣверозападномъ и Югозападномъ краѣ, связуясь по многимъ чертамъ съ Украинскими (а на почвѣ исторической съ изображеніемъ смерти Костюшки и Потоцкаго; ср. вып. 9 и ниже 10-й):

---

[6]) Оба подчеркнутые стиха, нескладные и неумѣстные, очевидно прибавлены *для обстоятельности*.—[7]) Д. б. „ракитова.“—[8]) Отрицательный оборотъ: ранила.—[9]) Безъ сладости „народнаго“ выговора—просто „Фирсанушку.“—[10]) Лишнее, притомъ противу размѣра.—[11]) Неупотребительное: „поѣдете.“

3.

(Г. Гродненской и у. Новогрудскаго).

Бѣдна жь моя головушка [1]),
Што чужая сторонушка [2])!
А на мянé мой панъ злу̑е [3]),
Кайда́ночки [4]) да готу̑е:
Кайда́ночки на но́жечки,
А ша́бельку у ру̑чечки [5]).
А у недѣлю ранюсенько
Заказали у доро́женьку:
А у якую? Далёкую,
Подъ Француза воявати,
По́льскую зямлю̀ одобрати.

Мы Француза звоявали,
Польску зямлю одобрали.
О зъ-подъ горы́ ко́никъ бяжить,
А у доли́нѣ трава шумить,
А у той травѣ козакъ ляжить,
Да у купи́ну [6]) головою,
Накрывъ очи сукняно́ю [7]).
А якою? Чирвоною,
Коза́цкою заслу̑гою [8]).
А надъ имъ же нѣтъ никого,
Только стоить ко́никъ яго:
«Бяжи́, ко́сю [9]), дорогою,—
«А якою? Широ́кою.
«Прибяжишь ты къ воро́тикамъ,

---

[1]) Всѣ отличія Бѣлорусскія (ср. наше изданіе „Бѣлорусскихъ пѣсней“): ѣ мягкое; *о* безъ ударенія какъ *а*; мягкое *т* и *д* близко къ *ц* и *дз*; *у* краткое, почти какъ *в*, и т. д.—[2]) Начало, извѣстное въ Украинскихъ: у Великоруссовъ по своему.—[3]) Злится.—[4]) Цѣпи.—[5]) Т. е. отдаетъ въ рядовые.—[6]) Въ кустъ.—[7]) Сукнею: одеждою верхнею.—[8]) Что выслужена козакомъ, на службѣ и въ добычѣ.—[9]) Конёчикъ, ласкательное и уменьшительное.

«Стукни-грукни [10]) копытикомъ,
«Штобъ копыты защинѣли [11]),
«Штобъ ворóта зажвинѣли.
«Выйде къ тобѣ стара жона,
«Стара жона, матка моя;
«Вóзьме тябе за грúвоньку
«И поведé у стáеньку [12]),
«Буде тябѣ ѣсти давать,
«Буде у тябé правды пытать [13]).
«Одна правда гордостьлúва,
«А другая жалостьлúва [14]),
«Ужо твой сынъ ожанився,
«Узявъ жонку крулёвочку, —
«Въ чистомъ полѣ могилочку!»
— Чи я жь яму не казала [15]),
— Якъ на войнý выправляла:
— Не бярú, сынку, богатой,
— Ни богатой, ни хорошей,
— Возьмú, сынку, сиротинку:
— Штобъ умѣла горявати,
— Хлѣба й соли зароблятн [16]),
— Ойца й матки шановати [17]).—

(Запис. Р. А. Подберезскій).

*

Другіе же образцы постепенно высвобождаются отъ историческихъ чертъ, переходя въ область тысячи подобныхъ „Безъимянныхъ," сливающихся съ простыми женскими, лирическими; мы приведемъ нѣсколько:

---

[10]) Ударь.— [11]) Защёлкали.—[12]) Въ конюшню.—[13]) Расспрашивать.—[14]) Въ отвѣтѣ, о судьбѣ козака, одна сторона—сравненіе съ женидьбой на королевнѣ возбудитъ гордость, а другая, дѣйствительность—о смерти—возбудитъ жалость.— [15]) Слова матери козака; переходятъ въ лиризмъ и къ прочимъ женскимъ пѣснямъ.—[16]) Зарабатывать.—[17]) Почитать.

4.

(Г. Тульской).

При долинѣ, при могилушкѣ [1]),
Тутъ убитъ лежитъ молодой козакъ.
Въ головахъ его добрый конь стоитъ,
Своего па́ника [2]) побуживаетъ:
« «Ты вставай, панъ, садись на меня,
« «Коль не встанешь, хоть головку подними,
« «Укажи коню доро́женьку,—
« «Во которую сторонушку?» »
«Ты поди, конь, ко новы́мъ воротáмъ,
«Къ тебѣ выйдетъ моя матушка роднà,
«Возмётъ тебя за шелко́вы поводà,
«Поведетъ тебя въ конюшенку,
«Она дастъ тебѣ и сѣна, и овса,
«Еще станетъ тебя спрашивати:
«— Ты куда, конь, моего сына дѣвалъ?
«— Иль убилъ, или въ Дунаѣ утопилъ?—»
« «Я не билъ его, и въ Дунаѣ не топилъ.
« «Мы поѣдемъ на Дунай на рѣку̀,
« «Мы достанемъ желтого̀ песку̀;
« «Ты разсыпь его по ка́мешку:
« «Когда жолтъ песокъ на камушкѣ взойдётъ,
« «Тогда твой сынъ изъ службицы придётъ [3])!» »

*

[1]) Въ значеніи Западнорусскомъ и Южнорусскомъ: при холмѣ; тутъ же примѣнено къ могилѣ смертной.—[2]) Слѣдъ того же, не Великорусскаго, происхожденія.—[3]) Образъ самый извѣстный, столь употребительный въ пѣсняхъ Украинскихъ: ср. подобное и у насъ въ вып. 9. стр. 363.

5.

(Г. Тульской, у. Бѣлёвскаго, д. Зинова).

Въ чистомъ полѣ, при долинѣ [1]),
Тамъ козакъ коня пасилъ.
Онъ припялъ коня яркотичкомъ,
Яркотичкомъ къ воротичкамъ [2]):
«Ты бѣжи, конь, во чисто поле,
«Съ козацкою державою,
«Аршавою, долиною [2])!»
Стрѣлки ломалъ, огонь кресилъ [3]),
Огонь кресилъ, раскладывалъ,
Да свои раны развязывалъ:
«Да мои раны порублены,
«Порублены, пострѣлены [4]),
«Кровью сошли, къ сердцу пришли.
«Ты бѣжи, конь, къ воротичкамъ,
«Ты бей, конь, копытечкомъ:
«Да къ тебѣ выдетъ стара баба,
«Стара баба-то—мать моя.
«Не скажи, конь, что я помяръ,
«Ты скажи, конь, что я въ службѣ,
«Что я въ службѣ, службу служу:
«Я выслужу королевночку,—
«Да въ чистомъ полѣ могилочку [5])!»

---

[1]) *Долина* указываетъ собственно на продолье, доль и протяженіе въ долину или вдоль по; то, что собственно въ ней лежитъ, внутри, ложбина—изстари у Славянъ съ предлогомъ *у* или *в: удолъ, удолье, вдолина.*—[2]) Испорчено, и отъ того, что забылись историческія черты, сюда вставленныя, и самый языкъ подробностей принадлежалъ старшему козачеству Западной и Южной Руси (ср. образцы предыдущіе): можно замѣтить только испорченное имя *Варшавы*, страны Польской, откуда неслись завѣты умирающаго козака.—Разогнавши коня оврагомъ, по скату, погнадъ его къ воротамъ роднаго дома.—[3]) Высѣкалъ.—[4]) Отъ меча и стрѣлы: древнее.—[5]) Ср. предъидущіе образцы.—За симъ слова коня къ матери.

« «Да поди, мати, по бе́режку,
« «Возьми, мати, песку во горсть,
« «Ты посѣй, мати, по ка́мушку:
« «Да когда песокъ съ камня̀ сойдётъ,
« «Тогда твой сынъ съ службы придётъ!» »

(Запис. К. Дм. Кавелинымъ).

*

6.

(Тамъ же).

На долинѣ широко̀й, на дорожкѣ столбово̀й,
Тамъ лежитъ убитъ, не зарѣзанной, козакъ,
Передъ нимъ стоитъ конь—добра̀ лошадь его [1]),
Пробиваетъ онъ колѣномъ до песку,
Узбужаетъ молодаго козака:
« «Ты устань-проснись, коза́ченька молодой,
« «Ты устань-проснись, хоть головку подыми,
« «Своему коню путь-дорожку укажи!» »
«Пошолъ [2]), мой конь, по долинѣ широко̀й,
«По долинѣ широко̀й, по дорожкѣ столбово̀й!»

Приходе [3]) конь ко широ́кому двору,
Онъ бьётъ бѣлъ-копытомъ объ доску́ [4]).
Выходила къ нему молода Польша [5])—жена,
Узяла она коня за шелко́вы повода̀,

---

[1]) Древнее.—[2]) Ступай! Причастіе прошедшаго въ смыслѣ повелѣнія, угрозы на будущее, желанія въ будущемъ,—извѣстны намъ (особенно у Сербовъ: „пусто било“—чтобъ тебѣ пусто! „не знали те“—чтобъ тебя не знали! „погинуо“—чтобъ тебѣ погибнуть! и т. п). —[3]) Приходитъ. Предыдущее „пошолъ,“ какъ прошлое, обратило приказъ въ разсказъ о случившемся. —[4]) Не деревянную въ воротахъ, а ту древнюю, на которой вѣшалось кольцо, чтобъ давать знать о прибывшемъ —[5], Панья: признакъ мѣстнаго происхожденія пѣсни, ср. предыдущіе образцы.

Повела она коня по широ́кому двору,
Привела она коня ко точёному столбу,
Привязала коня за серёбрено кольцо,
Она стала коня—стала гладити-чесать,
Стала гладити-чесать, стала спрашивать-пытать:
— Ужь ты конь вороно́й, скажи, гдѣ коза́ченька молодой?—
« «Онъ лежитъ убитъ на долинѣ широко̀й,
« «На долинѣ широко́й, на дорожкѣ столбовой [6].» »
— Ты дуракъ-раздуракъ, разудалой молоде́цъ,
— Не зъумѣлъ [7] ты, дуракъ, какъ къ сударушкѣ пойтить:
— Съ вечера пойтить—вся семеюшка не спитъ,
— Со полу́ночи пойтить—всѣ воро́та запе́рты̀,
— Перелазы великѝ [8]), злы собаки азарны́.—

* *

Повторяемъ, что изъ разряда этого еще больше такихъ образцовъ, гдѣ историческіе признаки совсѣмъ стерлись (а потому объ нихъ послѣ); или вторглись мотивы иные, на примѣръ измѣна жены въ отсутствіе мужа на войнѣ; или же ко времени, о которомъ идетъ дѣло, пріурочены такія пѣсни объ удальцахъ-козакахъ, которыя переходятъ въ *разбойничьи*. Помѣщая здѣсь *кстати* нѣсколько подобныхъ, начнемъ съ извѣстной:

7.

(Москва и среднія губерніи).

Настала священная брань [1] на враговъ
И въ битву умчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ козаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ младою женой,

---

[6]) За симъ такъ называемая „Улица," конецъ житейской шутливой пѣсни.— [7]) Не съумѣлъ. — [8]) Трудны, черезъ изгородь (ср. наши „Бѣлорусск. пѣсни," стр. 147).

[1]) Такъ, на языкѣ книжномъ, называется, какъ извѣстно, по преимуществу война съ Французами или „отечественная."

Принужденъ былъ разстаться съ семействомъ [2]) своимъ.
Прощаясь сказалъ ей: «Прощай, будь вѣрна!»
— Вѣрна, вѣрна, вѣрна до могилы,—сказала она....

И т. д.

*

Уже и тутъ извѣстное сочиненіе, самою даже порчею, старались въ употребленіи приблизить къ народности. Но основа самаго „сочиненія“ была чисто-народная: столь знакомая намъ, изъ временъ „Княжескихъ“ идущая, былевая пѣсня о вернувшемся „князѣ,“ „королѣ,“ „мо́лодцѣ“ и „козакѣ,“ нашедшемъ дома измѣну или же обманутомъ слухами объ измѣнѣ. На этой основѣ „сочинили,“ а послѣ, обратнымъ путемъ, „перевели въ народъ,“ и слѣдующій образецъ уже *почти* народенъ:

8.

(Г. Саратовской).

Стояли коза́ченьки при крутой горѣ,
Изъ этихъ коза́ченьковъ одинъ былъ лихой.
Одинъ годъ проживши съ женой молодой,
Сказано коза́ченькѣ на службу иттить [1]).
Жаль ему разстаться съ женой молодой,
Сталъ съ женой прощаться, женѣ говоритъ:
«Буть ты мнѣ, жена, до могилы вѣрна,
«До могилы вѣрна, до гроба честна [2])!»

Поѣхалъ коза́ченька враговъ побѣждать,
Побѣждалъ онъ вра́женьковъ копьемъ и мечомъ,
Побѣдимши враженьковъ [3]), воротился назадъ.

---

[2]) Иначе, еще хуже, „съ блаженствомъ.“

[1]) Замѣтьте, какъ самою непослѣдовательностью словосочиненія (анаколуѳіей) выходитъ народъ изъ условнаго словосочиненія книжнаго: 3-й стихъ книжный, 4-й народный —[2]) Стихъ 8-й собственно есть отвѣтъ жены.—[3]) Потѣшное книжное выраженіе „поѣхалъ враговъ побѣждать“ народъ раздѣлилъ, по обычаю, на ступеньки и сдѣлалъ отсюда что-то сносное, хоти оно и пахнетъ еще книгою.

На встрѣчу козаченькѣ начальство большо́ [4]),
Шляпы на немъ [5]) со пера́ми, кресты на ґруди:
Козакъ имъ ни слова, та́къ—молча—прошолъ.
Поѣхалъ коза́ченька въ родительскій домъ,
На встрѣчу коза́ченькѣ родитель идётъ:
«Здорово, родимый, здорова ль семья?»
« «Мы, сынокъ, здоровы; несчастье твоё—
« «Молода́ твоя хозяюшка сына родила:
« «Мы, сынокъ, простили, прости ужь и ты!» »
Берётъ же коза́ченька шелко́вую плеть,
Ударилъ хозяюшку промежь бѣлыхъ плечь.
Пошолъ же коза́ченька изъ дому вонъ:
«Пропади ты, безмозглая-пуста голова [6]),
«Когда ты забыла коза́ченьку меня!»

(Ср. Сборн. гг. Костомар. и Мордовц. въ „Лѣтоп. Р. Л." т. IV, 1862 г.).

* *

Желая *кстати* указать здѣсь и другія Козацкія пѣсни, одинаково *новыя*, хотя сравнительно одна *старше*, другая *моложе*, лишь бы сберeглись въ нихъ замѣтные *историческіе* признаки, съ какими ни будь извѣстными *именами* изъ исторіи *внѣшней* (политической), мы помѣщаемъ во первыхъ слѣдующую, явно сродную какъ со старшими Украинскими, такъ и съ тѣми, кои отпечатаны только что передъ симъ—подъ №№ 3—6-мъ (нужды нѣтъ, что здѣсь уже *Паскевичъ*: его мы видѣли и выше вмѣсто Кутузова или Платова):

9.

За Кубанью. Грузія.

(Г. Рязанской, у. Ряжскаго).

За Кубанью огонь горитъ,—въ полѣ стало дымно:
Пошли наши коза́ченьки,—чуть збру́ицу видно [1]).

---

[4]) Ср. у насъ вып. 9, стр. 364, тотъ же образъ въ пѣснѣ Украинскаго козачества о возвратѣ козака, какъ мать „пытала всеи старшины." — [5]) На начальствѣ.— [6]) Это, по народному, должны быть собственно слова козака къ самому себѣ, когда, по убійствѣ жены, осталось пропасть ему самому, бѣдной головушкѣ.

[1]) Начало, извѣстное по многимъ Украинскимъ пѣснямъ; ср. у насъ въ 9 вып., стр. 359, „У Грицькови огни горять"...

Идутъ, идутъ козаченьки, назадъ поглядаютъ,
Назадъ, назадъ поглядаютъ, чежело вздыхаютъ:
« «Остаются наши домы, молодыя жоны,
« «Молодыя наши жоны и малыя дѣти!» »

Какъ задумалъ козаченька въ Грузьи померети [2]).
Померъ, померъ козаченько во середу рано [3]),
Положили козаченьку на травку-муравку:
« «Лежи, лежи, козаченька, съ вечера до утра,
« «Мы доложимъ полковничку,—выроемъ могилу,
« «Какъ позволитъ графъ Паскевичь,—сдѣлаемъ гробницу,
« «И мы сдѣлаемъ гробницу,—тёмную темницу.» »
Тѣло несутъ, коня ведутъ, конь голову клонитъ:
« «Проржи, проржи, конь вороной, противъ его [4]) дома [5])!» »
Услыхала его мати, въ каменной палатѣ:
— Кабы я была голубкой, была сизокрылой,
— Я взвилась бы—полетѣла въ Турецкую землю,
— Въ Турецкую землю, на крайню границу,
— На крайню границу, на его гробницу!—

(Запис. Д. Тихоміровымъ, доставлено М. П. Погодинымъ).

*

---

[2]) Такъ и слышно Малорусское: „въ Грузіи померти." — [3]) Малорусское, риѳмою: „зъ ранку." — [4]) Умершаго козака.— [5]) За симъ представляется, что конь, въ слѣдъ за повелѣніемъ, проржалъ уже и мать уже услыхала. Такъ въ народномъ представленіи, въ языкѣ и творчествѣ, *слово* и *дѣло* не разлучны: отъ того, на примѣръ, мы видѣли, что повелительное выражается неокончательнымъ, т. е. существительнымъ осуществившимся, или даже выражается (особенно у Сербовъ) прошедшимъ. Стòитъ сказать, приказать, и оно уже стало, сдѣлалось, прошло. Сравните по прежнимъ нашимъ замѣткамъ множество примѣровъ, какъ *рѣчь лица* обращается въ *разсказъ объ немъ*, умирающій (предчувствуя смерть) уже разсказываетъ про свою собственную кончину, и т. п. — Крайне любопытныя данныя. За гранью, гдѣ пресѣкается непосредственное бытіе народное и начинается періодъ „посредственности," или, чтò то же, гдѣ сознаніе народное уступаетъ по-

Другой образецъ нѣсколько подправленъ въ „патріотическомъ“ смыслѣ и дальше отъ Малорусскаго первообраза, по Великорусски:

10.

То же.

Земля Войска Донскаго).

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ да гулялъ добрый мо́лодецъ,
(Добрый мо́лодецъ) младъ Донской козакъ.
Онъ ходилъ-гулялъ, всё коня спасалъ [1]),
Самъ огонь крыса́лъ [2]) шашкой вострою,
Разводилъ-раздувалъ полынь-травушкой [3]),
Онъ грѣлъ-согрѣвалъ ключеву̀ воду,
Обливалъ-обмывалъ раны смертныя:
«Ужь вы раны мои, раны кровью изошли [4]),
«Тяжелы́мъ-тяжело́ къ ретиву̀ сердцу пришли [5])!»
Умиралъ-помиралъ добрый мо́лодецъ,
Младъ Донской козакъ, малолѣточекъ [6]),
На чужой-дальней на сторонушкѣ,

степенно личному, помянутыя свойства и явленія прекращаются. Для примѣра сравните такъ называемыя у насъ пѣсни „сочиненныя,“ съ ихъ фальшею, при всей разсудочности, и фальшею иногда „невольною:“ непосредственность народная, живущая свободой, замѣняется здѣсь неволею или, что̀ то же, рабствомъ злу и лжи.

[1]) Помнится, что козакъ отсылалъ коня цѣлымъ на родину, къ семьѣ: но собственно „пасъ, пасилъ,“ выкармливалъ.—[2]) Кресилъ, высѣкалъ.—[3]) Подбавляя ее, сухую, въ огонь.—[4]) Какъ причастіе: изошедшія; такъ названіе, имя (причастіе) переходитъ въ разсказъ о случившемся (прошедшее время глагола). Ср. замѣтку къ предыдущему образцу. — [5]) Подошли, подступили, подкатили къ сердцу (къ животу, къ жизни, къ душѣ), такъ что *пришлось отъ ранъ* умирать. — [6]) Мы видѣли уже примѣры прежде, что козаки, особенно Донцы, всегда любили выставлять своихъ героевъ „малолѣточками:“ ласкательное, или, что̀ то же, уменьшительное, какъ „млалъ-младёшенекъ,“ и т. п. Пріемъ, впрочемъ, не новый: въ самомъ языкѣ „молодецъ“ совпадаетъ съ „младенцемъ (по Польски молодецъ — młodzienec);“ на этомъ основаніи, въ Стихахъ, „младъ человѣкъ Θёдоръ Тирянинъ“ получаетъ въ творчествѣ прибавку — „всего лѣтъ двѣнадцати (ср. „Калѣки Пере́хожіе“).“

Середи степи, во темной ночи,
Отъ тяжолыхъ ранъ, отъ Черкесскихъ пуль,
Всё за батюшку царя Бѣлаго [7]).

(Ср. Сборн. г. Савельева, 1866).

* *

Вотъ и другія пѣсни:

11.

За Кумою. Богоматовъ.

(Оттуда же).

Да за славною рѣкою за Кумою,
Подъ крутыми подъ Бештовыми горами,
Стояла тутъ бѣлокаменная дугеня [1]).
Во дугени сидитъ младъ Черкесской князь Богоматовъ,
Передъ нимъ стоитъ младъ Донской козакъ,
Младъ Донской козакъ невольничекъ.
Да не такъ ли невольничекъ слезно плачетъ [2]),—
Ретивымъ сердцемъ невольничекъ воздыхаетъ,
Онъ про батюшку Тихій Донъ вспоминаетъ;
Богоматовъ князь невольничка утѣшаетъ:
«Ты не плачь, не плачь, молодой Донской невольничекъ!
«Отпущу я тебя, невольничка, на Тихій Донъ,
«Поклонися ты, невольничекъ, всему Войску Донскому,
«А еще поклонись войсковому атаманушкѣ.»

*

---

[7]) Послѣдній стихъ чуть ли не присочиненъ изъ усердія.

[1]) Восточное: лавка, холостая постройка для торговли, отдыха и т. п.; палатка; taberna, древн. „товаръ,“ Сербск. „дутянъ.“— [2]) Извѣстный намъ отрицательный оборотъ: не такъ плачетъ, сколько воздыхаетъ и про Донъ вспоминаетъ; слезно плачетъ, еще сильнѣй воздыхаетъ, воздыхаетъ отъ того, что вспоминаетъ; и т. п.

12.

Агуреевъ (Гурьевъ).

(Оттуда же).

На линіи было—на линéюшкѣ [1]),
На славной было на сторонушкѣ [2]),
Тамъ построилась новая редуточка [3]).
Во этой во редуточкѣ стояла командушка,
Команда козацкая.

Во той во командушкѣ
Приказнымъ [4]) былъ Агуреевъ сынъ [5]).
За недѣлюшку у Агуреева сердце не чуяло,
За другую стало сказывать,
Какъ за третію за недѣлюшку вѣщевать стало [6]).
Наѣхали гости не званые, не прóшеные,
Стали бить и палить во редуточку,
И повыбили всю командушку солдатскую.

Агуреевъ сынъ ходитъ-похаживаетъ,
Свои бѣлыя ручушки поламливаетъ,
Буйной головушкой покачиваетъ:
«Вы сами, ребятушки, худо сдѣлали,—

---

[1]) *Линія* въ Новой Руси (ср. вып. 9) замѣнила древнее и общеславянское—Краина, Украина, Украйна, пограничная *черта*, гдѣ краишники, у насъ козаки, встрѣчались лицомъ къ лицу съ постояннымъ врагомъ.—[2]) Историчность утрачена.—[3]) Въ женск. родѣ, по народному.—[4]) Наказнымъ отъ правительства начальникомъ.—[5]) Фамилія принята отчествомъ (какова она и есть по происхожденію).—Ср. въ 9-мъ вып., стр. 261, *Гурьянова*, *Гурьева*.—[6]) Постепенный ходъ предчувствія, какъ оно переходитъ въ дѣйствительность: сперва и не было предчувствія, потомъ оно явилось и начало сказываться, а наконецъ громко заговорило, „вѣщимъ сердцемъ,“ которое и „вѣдаетъ,“ и „вѣщаетъ (корень слова одинъ).“ За симъ по обычаю, разъясненному у насъ недавно выше, за мыслію и словомъ слѣдуетъ сама дѣйствительность, оправдавшая вѣщее сердце,—нападеніе враговъ.

«Не поставили караула, сами спать легли!
«Не бывать намъ, ребятушки, на Тихо́мъ Дону,
«Не видать намъ, ребятушки, своихъ жонъ-дѣтей,
«Не слыхать намъ, ребятушки, звону колокольнаго!»

Пѣсня эта, въ общихъ чертахъ — *объ оплошности козаковъ* и вслѣдствіе того о гибели ихъ,—повторяется, естественно, въ разные періоды времени и, во первыхъ, у козаковъ Украинскихъ, по пѣснямъ Малорусскимъ, а далѣе, у козаковъ на Великой Руси, начинается собственно съ оплошности Донцовъ подъ Азовомъ и потому развивается въ пѣсняхъ съ Петровскаго періода (ср. вып. 8, стр. 75—78 и дал.). Съ тѣхъ поръ что ни шагъ, то новый подобный образецъ, до самой послѣдней эпохи: имена историческія, личныя или мѣстныя, сколько бы ихъ не примѣшивалось сюда, не много значатъ и не измѣняютъ общаго типа.

* *

Разумѣется, при этомъ выдаются нѣкоторыя лица, около которыхъ творчество сосредоточиваетъ пѣсню и которыми ищетъ опредѣлиться. Они, почти всѣ на одинъ ладъ пѣсенный, гибнутъ среди враговъ, по преимуществу именуемыхъ въ правду или по ошибкѣ Турками, какъ жертва оплошности, чрезмѣрнаго удальства, отчаянія, рѣшимости на смерть, и т. п. Имена ихъ разыскать и сличить съ подлинными историческими данными трудно, почти невозможно, да и нѣтъ пользы,— ни для исторіи, владѣющей задачами болѣе крупными, ни для самаго творчества, которое и безъ того распредѣляется на свои группы и типы, по слоямъ и признакамъ болѣе внутреннимъ, по связи и преемству образовъ, пріемовъ, выраженій.

Изъ числа таковыхъ нижеслѣдующій, на примѣръ, *Алешенька*, очевидно „козакъ," хотя отдаленная пѣсня и окружила его „солдатами." Первообразъ его—въ томъ Запорожскомъ атаманѣ, ушедшемъ за Дунай и тамъ погибшемъ съ отчаянія, который встрѣчался уже намъ въ пѣсняхъ Украинскихъ (см. вып. 9, стр. 372, 373). Тѣ же пріемы, тѣ же слова въ устахъ героя. Г. Костомаровъ, пожалуй, заставилъ бы его гибнуть съ отчаянія отъ тяжкаго Московскаго ига (тамъ же, стр. 373); г. Мордовцевъ искалъ бы его среди тѣхъ разныхъ „поповичей" и разношорстныхъ удальцовъ, которые дали контингентъ „политическимъ движеніямъ Русскаго народа," „самозванцамъ" и „понизовой вольницѣ;" можно бы, восходя отсюда выше, вспомнить и того „Алёшу Поповича," который сдѣлался героемъ Малорусскихъ Думъ (хотя едва ли досягалъ до богатыря Алёши Поповича Ростовскаго; ср. приведенный у насъ образецъ въ 4-мъ выпускѣ). Мы же помѣщаемъ образецъ просто на́ просто и лишь кстати, дабы, выдѣляя всѣ „имянныя" въ разрядъ ис-

торическій или полуисторическій, позднѣе быть свободнѣе съ пѣснями „Безъимянными.“ И такъ:

18.

Алёшенька.

(Г. Орловской, у. Малоархангельскаго, Сабурово).

Молодой ли Алешинька—онъ по табору ходитъ,
Молодыхъ солдатушекъ [1]) онъ пробуживаетъ:
«Уставайте [2]), солдатушки молодёшенькіе,
«Осѣдлайте вы конёчковъ воронёшенькіихъ,
«Мы поѣдемъ, солдатушки, во чисто̀ поле гулять,
«Во чисто̀ поле гулять и съ Туркомъ воевать!»

Узошолъ [2]) ли Алёшинька на крутую на гору̀,
Посмотрѣлъ ли Алёшинька во подзорную трубу [3])...
Ударился Алёшинька объ сыру̀ю мать землю́:
«Земля наша Турецкая, да ты мать наша!
«Много войска приняла: прими меня молодца,
«Прими меня молодца, что одинъ сынъ у отца [4])!»

Закопаемъ Алёшиньку глубокѝмъ глубоко̀,
Укопаемъ [5]) клёнъ-дерево высокѝмъ высоко.
Расло-расло клёнъ-дерево, да сталъ листъ опадать:
Видно намъ ли, солдатушкамъ, тутъ-то всѣмъ пропадать!

---

[1]) Подлиннѣе „козаковъ.“—[2]) Вставайте; взошолъ.—[3]) Послѣдующее указываетъ, что герой погибъ тутъ отъ враговъ: стало быть въ трубу увидалъ ихъ грозныя силы и палъ въ отчаяніи.—[4]) Это уже ради риѳмы, изъ другой пѣсни („Ужь вы сѣни“). Всякая земля — „*мать*-земля: такова и Турецкая, хотя бы не родная, вражеская. Она принимаетъ, какъ приняла уже многихъ Русскихъ, на ней убитыхъ (по другимъ же образцамъ, какъ объ Запорожцахъ, принимала и укрывала бѣглецовъ). За симъ слова товарищей Алёши, также обреченныхъ на смерть: это общая жалоба солдатъ на гибель въ чужой сторонѣ.—[5]) Вроемъ, поставимъ.

Ни дай, Боже, заболѣть, когда нѣкому присмотрѣть,
Не дай, Боже, умирать, когда нѣкому поховать [6])!

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

* *

Такъ одинаково могли погибать и козаки, и всякіе удальцы, какъ за Москву, на ея службѣ, такъ и въ бѣгахъ отъ нея, съ тоски по родинѣ или въ безнадежности среди враговъ. Здѣсь переходъ къ разнымъ козакамъ *бѣжавшимъ* или *заворовавшимся* (по старинному выраженію), о коихъ пѣсни также начинаются либо съ Ивана, съ его перваго суроваго государственнаго строя, либо, еще спеціальнѣе, съ Петра, не менѣе грознаго государя, а особенно съ побѣга Некрасова (см. вып. 6, 8 и 9). Козакъ такого рода сближается въ пѣсняхъ, по одинакому ихъ строю, по образамъ, пріемамъ и выраженіямъ, съ *разбойникомъ*, съ безродными удальцами, скитальцами или гулящими людьми.

Замѣтимъ только, что въ пѣсняхъ слѣдующаго разряда либо вообще замѣшиваются черты *козаковъ*, либо самые образцы уцѣлѣли и записаны *между козаками*, либо стихіи пѣсни, снующія составъ ея, одинаковы съ творческими стихіями *пѣсенъ козацкихъ*, хотя бы герой не былъ козакомъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Козаки-бѣглецы, гулящіе люди, воры.

1.

Горемыкинъ. Побѣгъ за Дунай.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ было да на зорюшкѣ,
На восходѣ солнца краснаго,
На закатѣ мѣсяца яснаго,
На широкой было на площади,
Тамъ стоялъ полкъ Кутейниковъ.
Во полку служилъ младъ Донской козакъ,
Станицы Берёзовской [1]), Горемыкинъ сынъ [2]).

---

[6]) Слово это указываетъ на подлинникъ, хотя бы отдаленный, изъ Малороссіи.

[1]) Столь знаменитой.—[2]) Какъ и выше примѣры: фамилія (семья) то же, что отчество, по отцу; отъ того *сынъ* при фамиліи, гдѣ въ другихъ случаяхъ *Петровъ*, *Ивановъ* (сынъ) и т. п.

Служилъ онъ ровно три́ года;
Не отслужилъ [3]),—за Дунай бѣжалъ;
Перебѣжалъ онъ Дунай,—тужить-плакать сталъ:
«Сторона ты моя, сторонушка [4])!
«Прошолъ я тебя всю въ конецъ [5]),
«Не нашолъ ни отца, ни матери,
«Ни роду своего, ни племени [6]):
«Только нашолъ царёвъ кабакъ.
«Во царёвомъ кабакѣ сидятъ Донскіе казаки́,
«Тамъ сидять они—пьютъ-гуляю́тъ.
«Во кабакъ я ишолъ [7]),—какъ макъ цвѣтётъ [8]),
«Изъ кабака вышелъ,—какъ мать родила [9]).
«Мамушка моя, родимая мамушка!
«За чѣмъ ты меня, горькаго пьяницу, на свѣтъ породила!
«Лучше бъ ты меня на роду̀ [10]) придавила,
«Чѣмъ ты меня на свѣтъ пустила [11])!»

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г.).

Verte:

---

[3]) Не дослужилъ срока.—[4]) Такъ начинаются многія „Молодецкія“ пѣсни, отчасти и съ окраскою Исторической (см. наше изданіе выше), каждый разъ, когда герой переходитъ рубежъ родины и встрѣчаетъ горе на чужбинѣ; также „Солдатскія.“ — [5]) Изъ конца въ конецъ. — [6]) За симъ слѣдовало бы, по другимъ образцамъ, обращеніе къ чуждой матери-землѣ, чтобы приняла она бѣглеца, или описаніе частнаго горя, извѣстной личной бѣды. Но пѣсня, вмѣсто этого, поворачиваетъ круто къ кабаку, входя въ разрядъ многихъ подобныхъ, уже не Былевыхъ, а разнородныхъ лирическихъ.—[7]) Съ отдаленной древности у Славянъ сохраняетя здѣсь *и*, связуя *шолъ* (идѣаше, идяше, шедяше, хождаше и т. п.) съ корнемъ *и* (и-ду, и-т-ти).—[8]) Словно маковъ цвѣтъ.—[9]) Въ чемъ мать родила, голымъ. — Такимъ образомъ пѣсня, попавши, чрезъ кабакъ, въ разрядъ Молодецкихъ Безъимянныхъ, поднимается снова къ старшимъ образцамъ того же разряда—о Горѣ, о Добромъ Молодцѣ и женѣ неудачливой, и т. п., а отсюда къ Историческимъ о Молодцѣ у Короля въ службѣ и объ Настасьѣ Политовской, о Дунаѣ и Чурилѣ (ср. прежніе выпуски нашего изданія, изъ сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова).—[10]) При рожденіи, когда „на роду бываетъ написано“ о судьбѣ человѣка: оружіемъ же судьбы по пѣснямъ представляется большею частью родительница.—[11]) Это опять жалобы, сродныя еще съ рѣчами Добрыни при отъѣздѣ на чужую „сторонушку.“

Пѣсня эта соединяетъ въ себѣ слои эпохъ совершенно разнородныхъ, отъ древнѣйшихъ Былинъ до позднѣйшей Исторической окраски.

* *

2.

Засоринъ и Ковалёвъ (Ковалёчекъ) въ Ростовѣ (на Дону).

(Лихвинскій уѣздъ, Андроновское).

Завродился-то воръ Засорушка-Засоринъ въ городѣ Ростовѣ,
А теперича [1]) Засорушка-Засоринъ за́ Дономъ кочуетъ:
Онъ ни 'динъ-то [2]) воръ Засорушка кочуетъ—съ братомъ Ковалёвымъ.

Вечеру̀ поздно-позднёшунько Засоринъ Яшка спать ложился,
По ютру̀ рано Засоринъ Яшка подымался,
Онъ сы травки сы муравушки, Засоринъ, росой умывался,
Онъ на всходъ краснаго солнушка, Засоринъ, онъ Богу молился,
Что на всѣ четыре сторонушки Засоринъ Яшка поклонилси,
Онъ Засорушка съ Ростовомъ-городочикомъ, Засоринъ Яшка, распростился:
«Ты прощай-прощай, Ростовъ, славный городочикъ, съ частыми кабаками,
«Оставайся кочевать, подлый городочикъ, съ красными рядами [3])!»

---

[1]) Признакъ, что пѣсня сложена современно событію.—[2]) Не одинъ-то.—[3]) Гдѣ продается „красный товаръ:" не живи съ ними, съ богатствомъ своимъ, а кочуй, перебивайся кое-какъ, тогда какъ я товаръ повытаскаю и заживу „настоящимъ манеромъ."

Какъ по этимъ по рядочкамъ Засоринъ да Яшка гуляетъ,
Онъ ко всякому замочику, Засоринъ, ключикъ подбираетъ,
Онъ и кра́сныи товары, Засоринъ Яшка, выбираетъ,
Онъ своему́ брату Ковалёву, Засорушка, товаръ отдаваетъ.
Онъ про то, воръ Засорушка-Засоринъ, онъ думу гадаетъ,
Онъ думу всё гадаетъ, Засорушка, что никто не знаетъ:
Воръ Засорушка-Засоринъ,—вдругъ его поймали [4]),
Вругъ его поймали, Засорина, кнутомъ наказали,
Да кнутомъ наказали Засорушку, да въ Сибирь сослали.

(Доставлено П. И. Якушкинымъ).

*

3.

Тѣ же.

(Земля Войска Донскаго).

Какъ ходилъ-гулялъ младъ Засоринъ воръ,
Не одинъ-то ходилъ онъ, ходилъ со братцомъ Ковалёчкомъ [1]).
Онъ ходилъ-то гулялъ по займищу [2]).
По утру́-то рано онъ, младе́цъ, вставалъ,

---

[4]) Народный оборотъ, вмѣсто нашего книжнаго: „вдругъ поймали вора Засорина.“

[1]) Собственно: „кузнецъ (коваль); Кузнецовъ. — [2]) *Займище*, занятое мѣсто, не теперь только, а *прежде*, занятое издавна или изстари, которое *было уже* занято, на которомъ *были* извѣстныя занятія и которое *обречено* на занятія эти впредь (отъ того окончаніе *ище:* кладбище, и т. п.). 1) Прежде всего, въ битѣ религіозномъ, *заповѣдное* мѣсто (коротко *заповѣдь*), урочное, обреченное — на службу божеству, на десятину служащимъ, позднѣе на церковь и ея служителей, десятина на „ругу“ имъ, на хлѣбъ, на травы, на содержаніе;

5. **Да холодной росой, младе́цъ, умывался,**
Шелковы́мъ-то платкомъ, младе́цъ, утирался,
На восходъ-то солнца онъ Богу молился,
Помолёмши Богу, младе́цъ, поклонился:
«Ты прости-прощай [3]), славный Тихій Донъ!...»

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г.)

Не кончено.

* *

Слѣдующія пѣсни, каковъ бы ни былъ герой ихъ, связаны опять весьма тѣсно съ предыдущими, какъ изображеніе мо́лодца, погибающаго на чужой старонѣ, съ его предчувствіемъ о погибели, роковымъ сномъ и прощаніемъ, посланнымъ далекой родинѣ и семьѣ. Но, кромѣ этихъ чертъ, мо́лодецъ гибнетъ среди плаванія по Волгѣ, при „несчастливомъ перевозѣ," гдѣ оборвался онъ и попался: вмѣстѣ съ симъ, въ народной творческой памяти возстаетъ къ жизни образъ Разина, какъ онъ, по Былинамъ, „кличетъ перевозчика на другую сторону, за Дунай рѣку (картина, неизмѣнно повторяемая во всѣхъ почти пѣсняхъ, только что приведенныхъ нами о бѣглецахъ за Дунай и за Донъ),"

подъ сборища, празднества, игрища. 2) При водвореніи государственныхъ началъ, заповѣдное и обреченное мѣсто князю, казнѣ,—лѣса, луга, ловища (мѣсто ловли), пастбища (уже у Владиміра, по Былинамъ, „государево займище," мѣсто его лова, потѣшные луга и т. п.). 3) На всякую власть и во́лость, на общину и общество, для тѣхъ же цѣлей. 4) На работы и сельскія занятія, пашню, сѣнокосъ и т. п. 5) На воду, подъ воду, занимаемое разливомъ, поёмныя мѣста, что̀ вода поймётъ.—Здѣсь въ послѣднихъ значеніяхъ.—
[3]) Старшее — *прости*, по народнымъ (или, что̀ то же, языческимъ) воззрѣніямъ, при разставаньѣ,—опрости, опроста́й отъ всякой вины, обязательства и долга, свободи, чтобы разстаться въ свободныхъ отношеніяхъ другъ ко другу; дальше, въ Христіанствѣ,—прости всякія вины и грѣхи взаимные, чтобы оставаться намъ въ любви, „прости Христа ради;" при повторяющемся, частомъ разставаньѣ послѣ частой встрѣчи, учащательное „прощай," а отсю́да въ обиходномъ житейскомъ смыслѣ, въ смыслѣ простаго разставанья и поклона (безъ всякого уже „прощенія"); но древнее представленіе возобновляется чрезъ прибавку древняго „прости," напоминающаго болѣе древній смыслъ и обычай, такъ что обычное „прощай" этимъ *усиливается*: отсюда „прости-прощай." Такъ и при обветшавшихъ эпитетахъ, при словахъ, уже утратившихъ древній смыслъ, при выраженіяхъ „опошлѣвшихъ," очень часто прибавляется слово болѣе древнее, дабы освѣжить и усилить исконное представленіе, завѣщанное стариною; иногда же, для той самой цѣли, создается и прибавляется слово *новое*, возстановляющее смыслъ, цвѣтъ и духъ выдохшагося: примѣровъ много разныхъ встрѣчали мы прежде.

какъ, не нашедши, гибнетъ и прощается съ товарищами, передавая имъ видѣнный зловѣщій сонъ, предшествовавшій погибели и играющій важную роль въ преданіяхъ о Разинѣ (ср. у насъ выпуски 7, 8 и 9— въ Дополненіяхъ; о снѣ его и любовницѣ будетъ еще подробнѣе послѣ). Этого мало: ступень дальше,—и Разинъ, представитель удалаго плаванія среднихъ временъ, будитъ въ творческой народной памяти образъ еще старше, обо „удаломъ мо́лодцѣ Волжскомъ Сурѣ" и героѣ Волхова—Садкѣ Богатомъ: извѣстно (и послѣ многихъ стихотвореній, недавно порожденныхъ сими Былинами, излишне повторять), что Садко, для укрощенія бури, какъ жертва, ступилъ ногою на сходень и, оборвавшись на жеребьѣ, ему выпавшемъ, спустившись по скользкому сходню, скрылся подъ волнами. То же самое, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, повторяется на мо́лодцѣ предлежащихъ пѣсней: только дѣйствительность, быль, воспѣтая Былиной о Садкѣ, представлятся здѣсь сномъ, а сонъ и судьба историческаго Разина распускаются и мельчаютъ среди безъимянной обстановки, окружающей героя позднѣйшаго.—Такъ снова передъ нами примѣръ, какъ, словно токъ силы по слоямъ столба, словно струя жизни по частямъ единаго организма, пробѣгаетъ одна и та же искра по цѣлому зданію народнаго творчества, связуя образцы его — самые поздніе съ самыми старшими во главѣ. А съ другой стороны, прибавимъ, предлежащая пѣсня, какъ ни мало въ ней историческаго, разлагается еще на многія сотни слабѣйшихъ, Молодецкихъ и Безъимянныхъ, кои увидимъ въ послѣдствіи.

Накопецъ предлежащіе образцы чрезвычайно любопытны еще въ томъ отношеніи, что, вмѣстѣ съ преданіями, ихъ окружающими, породили подъ перомъ Гоголя знаменитый разсказъ о продѣлкахъ необыкновеннаго *Копейкина*, въ „Мертвыхъ душахъ:" герой является тамъ безъ ноги именно оттого, что по пѣснямъ оступился ногою (то лѣвою, то правою) и повредилъ ее; послѣ неудачь въ Петербургѣ, появился онъ атаманомъ въ Рязанскихъ лѣсахъ (мы помнимъ лично слышанные живые разсказы Гоголя на вечерѣ у Дм. Н. С—ва).

Копейкинъ съ Семеномъ (и Степаномъ, Соколовымъ), со Григоріемъ (Грибовымъ) на Волгѣ.

4.

(Г. Орловской).

На славнымъ островѣ на Стрижовѣ [1])
Собиралося собраньицо молодецкое:

---

[1]) Всѣ эти мѣстности—Стрижовъ, Зиминыя горы, Черноставское устье и т. д. хорошо извѣстны по Волгѣ.

Собирался воръ Копейкинъ сынъ [2])
Со своимъ приборомъ [3]) со любимымъ, —
Съ своимъ шуриномъ со Грибовымъ,
Со названыимъ своимъ братомъ съ Соколовымъ.

Онъ со вечера воръ Копейкинъ спать рано ложился,
Ко полуночи доброй молодецъ отъ сна пробудился,
Со травыньки студеной росой умывался,
Полкафтаньицомъ онъ—полóю правою утирался,
Московскiимъ чудотворцамъ самъ Богу молился [4]),
На всѣ ли четыре стóроны поклонился:
«Вы здоровы ли [5]), мои братцы, спали-почивали?
«Одному-то мнѣ, доброму молодцу, ночка не спалáся,
«Не спалася-то мнѣ темнà поченька,—во снѣ много видѣлось:
«Будто я ли, доброй мóлодецъ, гулялъ по крáй моря,
«Я лѣвою ногою въ море оступился,
«Правою рукою за дрéво схватился,
«За то ли дéрево—за крушину [6]).
«Спасибо тебѣ, скропкое [7]) дéрево, крушина,
«Что меня ли ты, добраго мóлодца, удержала!»

*

[2]) Ср. выше о фамиліяхъ. — [3]) Товарищами, свитой. — [4]) „*Богу* молиться" переходитъ въ понятіе — просто „*молиться*," — потому „Богу молиться" — чудотворцамъ, Миколѣ, на Миколу и т. п. Когда Москва соединяла въ себѣ всѣ регаліи Россіи, она соединила съ разныхъ краевъ, городовъ и мѣстечекъ святыни (подобно древнему Риму); съ тѣхъ поръ въ Московскомъ періодѣ, да отчасти и понынѣ, молиться привелось не мѣстнымъ чудотворцамъ, а главнымъ и общимъ Русскимъ — Московскимъ.— [5]) Здорово ль, по здорову ль: въ здоровьѣ ли.— [6]) *Крушина*—по самому имени, крушкое, хрупкое, ломкое дерево (*крох—крошить, крух—укрух—крушить*): потому, играя важную роль въ устройствѣ народныхъ инструментовъ (о чемъ въ своемъ мѣстѣ), въ творчествѣ оно является при образахъ ненадежной, обманчивой опоры, а вмѣстѣ гдѣ „крушится"— сокрушается сердце при кручинѣ.—Уже по тому самому, Копейкинъ непремѣнно долженъ былъ оборваться (какъ и есть въ другихъ образцахъ): но здѣсь захотѣлось почему-то спасти его, и вѣроятно, думаемъ, по созвучію съ *кувшиномъ*, при чемъ мелькнула пѣсня — „Ахъ спасибо тебѣ, синему кувшину." —[7]) Древнее общеславянское *крп-, карп-, корп-, кроп-, круп-* о рваньѣ и драньѣ, лоскутьяхъ, кускахъ, дребезгахъ, откуда *хруп-кій (круп-кій)*, а съ предлогомъ или мѣстоименною приставкой - *скропкій*, крушкій, хрупкій, ломкій.

5.

(Г. Оренбургской).

На славныемъ на устьецѣ Черноставскомъ
Собирается собраньице молодецкое:
Собирается добрый мо́лодецъ, воръ Копейникъ,
И со малыимъ соназваныимъ братцемъ со Степаномъ.

Вечеру́ воръ Конейникъ позже всѣхъ спать ложится,
По утру́ раньше всѣхъ пробуждается,
Со травыньки—со муравыньки росой умывается,
Лазоревыми-алыми цвѣточками утирается,
И на всѣ на четыре сторонушки самъ Богу молится,
Московскому чудотворцу въ землю поклонился:
«Вы здорово, братцы, всѣ спали-ночевали?
«Одинъ-то я, добрый мо́лодецъ, не здоровъ спалъ,
«Не здоровъ спалъ, несчастли́въ всталъ:
«Будто я ходилъ по коне́цъ синяго моря;
«Какъ синё море всё всколыхалося,
«Со желты́мъ пескомъ всё смѣшалося;
«Я лѣвой ноженькой оступился,
«За кропкое деревцо̀ рукой ухватился,
«За кропкое деревцо, за крушину,
«За самую за вершину:
«У крушинушки вершинушка отломилась,
«Будто буйная моя головушка въ море свалилась.
«Ну, братцы-товарищи, ступай, кто куда зна́етъ!»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

6.

(Г. Симбирской, Сызрань).

Собирается воръ Копейкинъ
На славномъ на устьѣ Карастанѣ [1]).

Онъ со вéчера воръ Копейкинъ спать ложился,
Ко полýночи воръ Копейкинъ подымался,
Онъ утренней росой умывался,
Тафтянымъ платкомъ утирался,
На восточну сторонушку Богу молился:
«Вставайте-ка, братцы полюбовны!
«Не хорошъ-то мнѣ, братцы, сонъ приснился:
«Будто я, добрый мóлодецъ, хожу по кра́й морю,
«Я правою ногою оступился,
«За кропкое деревцо ухватился,
«За кропкое дерево—за крушину.
«Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила:
«Суши́тъ да круши́тъ добра мóлодца печаль-горе!
«Вы кидайтеся-бросайтеся, братцы, въ лёгки лодки,
«Гребите, ребятушки, не робѣйте,
«Подъ тѣ ли же подъ горы подъ Змѣины!»
Не лютáя тутъ змѣюшка прошипѣла [2]),
Свинцовая тутъ пулюшка пролетѣла [3]).

(Запис. Языковымъ).

*

---

[1]) Ср. выше Черноставъ.— [2]) Какъ выше „крушина" подала поводъ разгадать сонъ тѣмъ, что горе „крушитъ" молодца, такъ здѣсь Змѣиныя горы напомнили древнее сравненіе горя со змѣею.— [3]) Слова героя, перешедшія, по извѣстному намъ пріему, въ разсказъ объ немъ самомъ и объ его смерти.

7.

(Г. Саратовской).

Вечо́ръ-то, вечо́ръ-то воръ Копейкинъ—вечо́ръ загулялся,
Со дѣвушкой-молоду́шкой — со сударушкой долго застоялся [1]).
Во второмъ часу но́ченьки спать ложился,
На но́венькой на тесовенькой короваткѣ [2]),
На мя́кенькой на пуховенькой на перинкѣ.
По утру̀-то раны̀мъ-ранёхонько пробуждался,

[1]) Это черта изъ пѣсней лирическихъ и женскихъ, привитая по тому поводу, что герой „загулялся (но онъ загулялся въ воровствѣ, какъ убѣждаютъ другіе образцы).“ — [2]) Слово это вошло почти во всѣ Европейскіе языки; форма „коровать, короватка“ доказываетъ, что основная—*„кравать* (не *кро*): такъ и есть въ Греческомъ κράβατος, κράββατος, κραβάτιον, κραββάτιον, ложе. Греки выводили это слово отъ Македонянъ: изъ среды, наполненной издревле Славянами. И точно, не имѣя корня въ Греческомъ, слово это всего ближе къ корню Славянскому (ближайше сродному съ Санскритскимъ) — *крой*, *кроить* (рѣзать, вырубать, вытесывать), въ сложномъ видѣ *краивать (вы-краивать* и. т. д.*)*, а рядомъ *край* (рубежъ—отъ рубить, отрѣзокъ, предѣлъ, крома, кромка и. т. д.). Вотъ почему, отъ двойства основной формы, пошла потомъ и *кровать*, и *кравать* (хотя все-таки послѣдняя старѣе и основнѣе). *Край=крајъ=крав-*(j = в въ смыслѣ придыханія или дигаммы): отсюда извѣстныя слова, между прочимъ *крав-ецъ* (отъ „кроить,“ портной, schneider), *крайчій и кравчій* (формы одинаково употребительныя въ нашей древности: кто кроилъ, рѣзалъ, дѣлилъ кушанья, Vorschneider, Obervorschneider) Римляне переняли grabatus уже черезъ Грековъ, а послѣ пошло по Европѣ въ разныхъ значеніяхъ - cravàtta (Итал.), cravate (Франц. и т. д. (большею частью шейный платокъ, т. е. отрѣзокъ, Слав. платъ, крпа; или прямо отрѣзокъ—канатъ, веревка и. т. п.). Древнее происхожденіе и значеніе слова возстановляются у насъ, въ дѣйствительности и творчествѣ, тѣмъ, что кровать обычно „рѣзная,“ „узорчатая“, въ особенности„ тесова́я (отъ „тесать“, рубить, вырѣзать).“ — Родство этого слова, въ области Македонскаго и Греческаго употребленія, съ корнемъ и словомъ Славянскимъ доказывается еще тѣмъ, что Аттицисты (пуристы языка) ставили при немъ. въ томъ же значеніи, хотя и предпочитали,—σκιμπ-ους, по нашему сгибень (сгибать),„складень,“—складно́е сѣдалище, употреблявшееся особенно для больныхъ въ походѣ ложемъ, для учениковъ лавкою. Соображая, что по Латыни этому отвѣчаетъ scamn-um, не сомнѣваемся, что это Славянская *скамья*, одинаково и сѣдалище, и ложе (по обычаю древности, съ Востока сохранившей это двойное употребленіе, о чемъ см. въ нашемъ изданіи „Бѣлорусск.

Ключевой-то водицей умывался,
Тонкимъ бѣлыимъ полотенцемъ утирался,
На восходъ онъ краснаго солнышка [3]) Богу молился,
На всѣ четыре сторонушки поклонился,
Онъ всѣмъ-то своимъ братцамъ-товарищамъ по поклону:
«Вы здоровы ли, братцы-товарищи, спали-ночевали?
«А мнѣ-то, доброму молодцу, мало ночи̂ [4]) спáлося,
«Мнѣ малы́мъ-мало спало́ся, много видѣлось:
«Будто я иду, добрый молодецъ, по край синя̂ моря,
«По крáюшку синяго морёчка, по крутымъ бережочкамъ;
«Я правой-то ногой, разудаленькій, въ воду оступился,
«За крушинушку [5]) я, добрый молодецъ, ухватился:
«Что не крушинушка меня, добраго молодца, сокрушила,
«Сокрушила меня, добраго молодца, чужая сторонка!»

(Ср. сборн. г. Кастомар. и Мордовцевой, „Лѣтоп. Р. литер. и древн.“ 1862, т. IV).

*

8.

(Г. Воронежской).

Воровалъ тутъ воръ Корпейкинъ со приборомъ, —
Со назвáнымъ со братомъ со Григорьемъ,
Со любимымъ со шуриномъ со Семеномъ [1]).

пѣсней“)—какъ складная кровать простѣйшаго устройства. Отъ того же, опять, у насъ скамья и бесѣда обычно рѣзная, узорчатая, даже изъ кости —„дорогъ рыбій зубъ (см. Былины прежняго изданія).“ Но, если корень *сиб-* и *склад*—есть у Славянъ наравнѣ съ другими древними языками, то отношеніе къ нему корней *скам-скамп-скаб-скамн-* требуетъ еще разъясненія.— [3]) Это гораздо древнѣе помянутой черты изъ Московскаго періода—о молитвѣ „Московскимъ чудотворцамъ:“ чисто-народное и языческое, встрѣчаемое въ старшихъ Былинахъ.— [4]) *Ночи̂* („вчерашней ночи̂“) и *ночé-съ*, какъ *вчерá* и *вчерá-съ*, старые родительные, употреблявшіеся съ особымъ удареніемъ; позднѣе стали употреблять творительный—„ночью, вечеромъ.“—Живое употребленіе родительнаго дозволяло согласовать съ нимъ другія слова какъ съ дополненіемъ: отъ того встрѣчается—„мало ночи, мало дня, мало сна спалося, много сна видѣлось“ и. т. п. (ср. ниже и особенно часто въ Стихахъ духовныхъ: „Калѣки Перехожіе“).— [5]) У г. Костамарова ошибочно „крутинушку.“

[1]) Варіантъ изъ сборника П. В. Шейна, записанъ А. Г. Пупаревымъ 1860 г. въ Казанск. губ. (ср. „Р. Стар.“ 1873):

«Вечо́ръ-то мнѣ, доброму молодцу, не спало́ся,
«Манёхонько спало́сь, много видѣлось:
«Привидѣлся во снѣ-то сонъ [2])—крута гора,
«Будто я хожу, добрый молодецъ, по кра́й Волги [3]);
«Я лѣвою ногою въ Волгу оступился,
«Бѣлой-правою рукою ухватился,
«За тоё ли за де́ревцо за крушинку:
«Не та́ ли меня крушинушка сокрушила [4]),

Во славномъ было горюдѣ въ Омскомъ,
Собиралося собраньецо вольно:
Собираетца воръ Копеечкинъ со своемъ приборомъ,
Со названнымъ съ своемъ братцомъ со Семеномъ,
Со любезнымъ своемъ товарищемъ-братцомъ Соколовымъ.

[2]) „Во снѣ сонъ“ утвердилось въ народномъ языкѣ и творчествѣ отъ того, что физическій *сонъ* не отличается здѣсь отъ *сновидѣнія* особымъ словомъ; только лишь въ глаголѣ уцѣлѣло нѣсколько различіе: физически *спитъ* (одного корня: *съп-*, Санскр. *свап-*, Греч. ὕπ-ν-ος; переходъ въ Лат. *sop-io*,— *som-n-us* вм. *sop-n-us*; наше *соп-ѣть*, храпѣть во время сна; потомъ *съпъ*, *сонъ* вм. *соп-нъ*); о сновидѣніи же—*снитъ*, *снится*. Но древность болѣе отдаленная имѣла для сновидѣнія особое слово *мьч-та*, *меч-та*, сохранившееся въ народномъ творчествѣ, въ формѣ *е-мьч-ило*, *я-мчи-ло* (ему мечталось: ср. Стихи въ „Калѣкахъ Перехожихъ“). Такъ и Греки различали ὕπνος и ὄνειρος, ὄναρ, мечта, Traum.— Какой привидѣлся сонъ, что̀ привидѣлось во снѣ? крутая гора.

[3])
Онъ со вечера, добрый молодецъ, поздно спать ложился,
По утру ранымъ-ранехонько пробужался,
Со травынки—со муравоньки росой умывался,
Шитымъ-браннымъ полотенечкомъ утирался,
На всѣ четыре стороны Богу помолился,
На восточную сторону Богу поклонился:
„Вы здоровы ли, вы, моѣ товарищи, спали-ночевали
„И спалась ли вамъ, моѣ товарищи, темная ночка?
„А мнѣ-то, доброму молодцу, малымъ-то мало темная ночка спалась,
„Не хорошъ-то мнѣ, доброму молодцу, сонъ приснился:
„И што всѣ друзья-товарищи пьютъ-гуляютъ,
„Ну одинъ-то я, добрый молодецъ, не пью—не гуляю,
„Ходилъ-то я — гулялъ, добрый молодецъ, по край синева моря.

[4]) Опять игра словомъ, переходъ къ сокрушенію сердечному и къ описанію сокрушившихъ несчастій.—Варіантъ:

„Правой ноженькой во сине море оступался,
„За кропкое деревцо сохватился,

«Со отцомъ меня со матерью разлучила,
«Со горю́шей молодой женой не простился!»

* *

Рядъ сихъ пѣсней, какъ звѣньевъ одной цѣпи, кончаемъ мы, опять на Дону и на Волгѣ, еще однимъ лишнимъ „воромъ," соединяющимъ въ себѣ, столь часто встрѣчавшіяся намъ, черты—начиная съ Ермака и Разина, кончая только что выше приведенными:

9.

Гаврюшенька-Гаврюшка (Сѣнной). Воронежъ. Донъ. Волга.

(Г. Саратовской).

Ты долина моя, долинушка, раздолье широко́е!
Ничего на тебѣ, моя долинушка, не уродилось:
Уродился на тебѣ, моя долинушка, только садикъ зе́ленъ.
Мимо садика—мимо зе́лена лежала дороженька,
Что лежала та дороженька не широкая.
Никто по той дороженькѣ не йдетъ—не проѣдетъ:
Проѣзжаетъ же по той дороженкѣ одинъ воръ Гаврюшка.
Онъ на трёхъ на своихъ троичкахъ разношорстныхъ.
Пе́рва троичка у него—коней вороныхъ [1]),
Другая троичка у него-то [2])—коней гнѣды́ихъ,
Третья троичка—коней соловы́ихъ.
Что гнали́сь-то за воромъ Гаврюшенькой три пого́ни [3]):

• „За крепкое деревце—за крушину.
„Не ты ли же меня, крушинушка, сокрушила,
„Сушитъ-то—крушитъ меня, молодца, печаль-горе,
„Печаль-то—горе меня, молодца, худая слава:
„Отъ худой-то я славы, добрый молодецъ, погибаю
„Я на чуженькой на дальной на сторонкѣ."

[1]) Должно быть: „вороныихъ." — [2]) Д. б. „Друга троичка у него—что"...— [3]) Техническое, у Южныхъ Славянъ „потера".

Первая погонюшка—всё солдаты,
Другая погонюшка—всё жандармы,
Третья погонюшка—всё козáки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты зá три.
Пріѣзжаетъ воръ Гаврюшенька во городъ Воронежъ;
Онъ отласу и бархату закупаетъ,
Никто-то вора Гаврюшку не признáетъ,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитаютъ,
Случилóсь итти вору Гаврюшенькѣ мимо темницы [4]),
Признавала вора Гаврюшеньку своя братья:
« «Ужь ты батюшка нашь, Гаврюшенька, разбей ты темницу,
« «Ужь ты выпусти насъ всѣхъ молодчиковъ на волю,
« «На ту ли на волюшку—на матушку на Волгу!» »
— Ужь вы братцы мои—товарищи, мнѣ теперь не время:
— За мной гонятъ же, за Гаврюшенькой, три погони;
— Первóй-то я погонюшки не боюся,
— Второй-то я погонюшкѣ не поклонюся,
— Третьей-то я погонюшкѣ покорюся [5])!—

(Ср. Сборн. гг. Костомар. и Мордовц., „Лѣтоп. Р. л. и др." т. IV. 1862).

* *

Мы говорили уже прежде (вып. 9), что Москва, въ періодѣ своего развитія, значительно подѣйствовала на творческій образъ разбойниковъ, удальцовъ, гулящихъ молодцевъ: взглядъ на нихъ у народа постепенно утратилъ поэзію, практиковался и отрезвился. Исторія Каина, въ самой наглядной дѣйствительности, окончательно подорвала кредитъ героевъ сего рода: какъ видите, они всѣ далеко уже ушли отъ величаваго Ермака и Разина, опошлѣли, подъ рядъ и сплошь обозвались *ворами*, и притомъ, не въ старшемъ смыслѣ — „*заворовавшихся*," т. е.

---

[4]) Гулянье по рядамъ, закупка товаровъ, роль мнимаго купца, разговоръ изъ темницы,—все это черты, одинаково памятныя изъ пѣсенъ о Засоринѣ, Краснощоковѣ, Чернышовѣ, Разинѣ (ср. выше).— [5]) Сдамся: тутъ ему и конецъ, и казнь.—Какъ во всемъ этомъ разрядѣ пѣсней, такъ и здѣсь *козаки* представляются всего ближе къ *ворамъ-разбойникамъ:* солдатамъ и полиціи не сдадутся, а имъ сдадутся.

уклонявшихся отъ виры и общины молодцовъ, разбредившихся и загулявшихъ, а просто воровъ *ворующихъ*, съ кражею, плутнями и карманничествомъ. Всякой изъ нихъ, либо—на свободѣ воръ отпѣтый, негодный и вовсе несочувственный, либо—попавщись—„несчастный," практически вызывающій милостыню и состраданіе. Никто изъ нихъ не создалъ себѣ пѣсней „особыхъ," со „спеціальными" признаками и отличіями самостоятельнаго разряда: пѣсни объ нихъ переливаются одна въ другую. Можно еще отыскать имена ихъ въ исторической дѣйствительности, въ уголовныхъ записяхъ и живыхъ народныхъ преданіяхъ; можно украсить пѣснями сего рода знаменитую портретную галлерею у г. Мордовцева: но, ни „политическихъ движеній Русскаго народа," ни даже подлинныхъ творческихъ образовъ народныхъ, а тѣмъ паче никакой исторіи собственнаго смысла нельзя отыскать въ нихъ. О ворѣ этого сорта изъ прошлаго вѣка поётся какъ о вчерашнемъ, о вчерашнемъ какъ объ вѣковомъ: Гаврюшка образомъ не разнится отъ Засорина, Копейкинъ отъ Соколова и Гусева. Потому мы не различаемъ и не дѣлимъ ни эпохи ихъ, ни періодовъ и лѣтъ: мы свели ихъ всѣхъ вмѣстѣ и подвели къ сегодняшнему дню, какъ воровъ, доживавшихъ въ нашъ вѣкъ, и какъ пѣсню, съ ними доживавшую. Со временемъ убѣдимся, что на каждаго изъ нихъ приходится по сотнѣ пѣсенъ „Безъимянныхъ" и „Молодецкихъ," гдѣ совсѣмъ расплылись послѣднія историческія и даже личныя черты ихъ.—Такъ и „тёмная темница," тюрьма,—образъ нѣкогда поэтическій, съ былями и думами объ ея темнишничкахъ, затюремщичкахъ, заключевничкахъ, народивъ отъ себя цѣлый разрядъ особыхъ пѣсенъ, отъ „Теремныхъ" до „Тюремныхъ," дошла отъ „Темничныхъ" къ темному „Острогу" и на семъ послѣднемъ кончилась. „Государственный строй," сомненный Москвѣ, восторжествовалъ здѣсь именемъ закона и уголовщины: историки „государственнаго строя" сошлись въ заключеніи съ историками „народныхъ," якобы „политическихъ" движеній. Хорошо ли то, худо ли, только творчеству извѣстнаго рода положенъ здѣсь конечный предѣлъ. Острогъ создалъ изъ себя то же, что на другомъ полюсѣ создали видѣнныя нами въ предыдущемъ выпускѣ казармы, госпитали, карантины и лагери: уже не пѣсню, а скорѣе ворчанье и мурлыканье.

Были и до сихъ поръ остаются еще кое-гдѣ въ этомъ родѣ поэтическія „были:" не поднимаются онѣ до „Былины," и изъ тюрьмы, изъ устъ несчастныхъ вылетаютъ пѣсни уже не „былевыя," не „историческія." Такъ, къ слову припомнимъ, что въ Калугѣ, при губернаторѣ Н. М. Смирновѣ, засажена была въ тюрьму красавица дѣвушка, съ баснословною косою и чудными глазами, по обвиненію въ убійствѣ ребенка. Голосъ пѣвицы, раздававшійся изъ окошка, остановилъ народнаго пѣвца И. Е. Молчанова: такъ пѣть, рѣшилъ онъ, не могла виновная; явился съ губернатору, просилъ разслѣдовать дѣло,—и заключенная оказалась правою, выдана за мужь, пристроена. Но пѣсня ея, рѣшившая

все дѣло,—„Ужь ты сизенькой голубчикъ,"—не былевая: ее увидимъ послѣ, въ другихъ разрядахъ.

Итакъ, кончимъ Острогомъ, одною изъ типическихъ, хотя и отвратительныхъ, пѣсенъ его на образецъ:

10.

Острогъ. Гусевъ.

(Саратовъ—Самара—Сибирь).

Мы заочно [1]), братцы, распростимся
Съ бѣлой-каменной тюрьмой:
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонятъ,
Мы не будемъ унывать,—
Намъ въ Сибири не бывать,
Въ глаза ея не видать:
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать;
Деревушка стоитъ къ пути близко,
На краю Самаръ-кабакъ,
Цаловальникъ намъ знакомый,
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ [2]).
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,—
Кандалы съ насъ поснимаетъ,
Можно будетъ намъ бѣжать.
Ты за чѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего [3]).
Прежде пилъ ты, веселился,

[1]) Бессмыслица.—[2]) Ср. „Бродягу" И. С. Аксакова.—[3]) Покушеніе подойти къ помянутой выше пѣснѣ о „сторонѣ-сторонушкѣ."

Какъ имѣлъ свой капиталъ [4]):
Съ товарищами поводился,—
Капиталъ свой промоталъ.
Капиталу не сыстало [5]),—
Во неволю жить попалъ,
Во такую-то неволю,—
Въ бѣлый-каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно,
Но кто знаетъ про нее [6])?
Посадили насъ на недѣлю,
Мы сидѣли круглый годъ.
За треми [7]) мы за стѣнами
Не видали свѣтлый день:
Но не бось, Господь-творецъ съ нами!
Часты звѣзды намъ въ ночи̂ сіяли,
Мы и тутъ зорю видали,
Мы и тутъ не пропадёмъ!
Часты звѣзды потухали,
Зоря бѣла занялась:
Какъ зоринька занялася,
Барабанъ зорю пробилъ;
Барабанушка пробивалъ,
Клюшникъ двери отпиралъ;
Клюшникъ двери отпираетъ,
Офицеръ съ требой [8]) идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ:
«Одѣвайтесь, ребятёнки,
«Въ свои сѣры чапаны̂ [9]),
«Вы берите сумочки-котомки,
«Вы сходите сверху внизъ,
«Говорите всѣ одну рѣчь [10]),—

---

[4]) На сценѣ современный нашь двигатель.— [5]) Не достало, не хватило, не хватаетъ: обычное нынѣ выраженіе у народа.—[6]) Какова она, сейчасъ разскажемъ. — [7]) Для стиха?—[8]) Съ перекличкой, техническое выраженіе, — какъ о священникѣ, что̀ напутствуетъ осужденныхъ.—[9]) Халаты, кафтаны. — [10]) По извѣстному намъ пріему, приказъ переходитъ въ дѣйствительную рѣчь острожниковъ.

« «Что за шутова коляска [11])
« «Проявилась въ городу?» »
Коней пару запрягаютъ,
Подаютъ ее сей-часъ;
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу;
Сажаютъ бѣднаго мальчишку—
Меня задомъ на перёдъ;
Подвозили бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Меня за руки беретъ,
Становитъ меня мальчишку
У траурнаго столба;
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться [12]),
Со всѣмъ міромъ проститься.
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Рубашонку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клали,
Руки-ноги привязали
Сыромятнымъ ремнёмъ.
Беретъ Ѳедька кнутья въ руку,
Закричалъ:—Братъ, берегись!—
Онъ ударилъ въ первый разъ,—
Полились слезы изъ глазъ;
Онъ ударилъ другой разъ,—
Закричалъ я: ««Помилуйте насъ!—»»

(Пѣсня эта, говоритъ г. Мордовцевъ,—„Самозванцы и понизовая вольница," т. 2, 1867,—про разбойника *Гусева*, нѣсколько разъ бѣгавшаго изъ Сибири и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограбившаго соборъ въ Саратовѣ....Самъ народъ утверждаетъ, что эту пѣсню сложилъ Гусевъ... Вѣроятно, что она сложена въ концѣ 40-хъ годовъ, когда Гусевъ, послѣ убійства соборнаго сторожа, былъ вторично, или въ третій разъ, пойманъ и сидѣлъ въ острогѣ).

Это еще лучшая: въ Московскомъ Острогѣ можно слышать гораздо

---

[11]) Колесница.—[12]) Зоря, молитва на восходъ солнца и. т. п.,—черты, подобныя предидущимъ пѣснямъ.

хуже, безъ всякихъ уже красокъ поэтическихъ. Но мы не поведемъ туда читателей, не принадлежа къ разряду адвокатовъ и слѣдователей, тѣмъ болѣе, что для сего предмета, по требованію современности, имѣется уже спеціальное изданіе объ „Острожникахъ."

Какъ ни слабо творчество пѣсней, помѣщенныхъ у насъ въ I-мъ Отдѣлѣ сего выпуска, имъ нельзя все-таки отказать ни въ названіи *Пѣсней*, ни въ качествѣ Пѣсней *Народныхъ*: онѣ не сочинены, не написаны и не напечатаны *для народа*, а сложились или сложены въ немъ самомъ творческими его силами, изъ устъ его записаны и только что теперь, по большой части первый разъ, являются въ печати, спустя слишкомъ полъ вѣка со времени ихъ происхожденія. Онѣ народны и въ томъ отношеніи, и на столько, на сколько война съ Французами или при Французахъ была народна; на сколько солдатъ и козакъ, партизанъ и ополченецъ были народны; на сколько самъ народъ участвовалъ въ войнѣ и существовалъ подъ образомъ сихъ представителей; на сколько удѣлилъ онъ стихій своихъ народныхъ въ содержаніе и складъ пѣсни; на сколько самъ ее пѣлъ и поетъ доселѣ.

Историчность сихъ пѣсней не широка, не многосторонна, а подавно не всеобъемлюща для эпохи: это не есть исторія *всего* народа въ пѣснѣ за данную минуту и пору; это не есть также исторія „войны отечественной," ни той, какова была она въ положительной и политической дѣйствительности, ни той, какова сознана нами, описана, изучена и отпечатана. Тѣмъ не менѣе, это все-таки пѣсни *Историческія* и примыкаютъ послѣднимъ звѣномъ къ тѣмъ, которыя предшествовали съ симъ качествомъ и названіемъ въ эпохи предыдущія, въ вѣкъ прошлый и выше его, къ тѣмъ, которыя отпечатаны у насъ прежде и въ „Восьмнадцатомъ вѣкѣ" достаточно разъяснены со всѣхъ сторонъ, сей часъ помянутыхъ. Въ предлежащихъ пѣсняхъ видимъ мы: какъ дѣйствительная исторія той эпохи, преимущественно военная, „отечественная война," „нашествіе Французовъ," „Французское разоренье," короче „Французы" и „Французъ,"—какъ все это, дѣйствительно историческое, въ извѣстной мѣрѣ прожито народнымъ сознаніемъ и отозвалось въ творчествѣ народа; на сколько поучаствовалъ въ исторіи народъ, сколь исторически къ сему отнесся и сколь творчески запечатлѣлъ свое историческое отношеніе пѣсеннымъ словомъ. Говоря сжатѣе и языкомъ отвлеченнымъ, образцы, нами представленные, изображаютъ „историческое отношеніе народа, чрезъ пѣсню, къ дѣйствительнымъ событіямъ того времени, по преимуществу военнымъ."

Мы убѣдились, что эта *Историческая народная пѣсня*, хотя въ образ-

цахъ не многочисленныхъ, не многостороннихъ и не многовидныхъ, составляетъ собою *одно особое*, пусть и не обширное, *цѣлое*: отъ появленія Французовъ до разоренья Москвы и по разорёной путь-дорожкѣ черезъ Западный Край съ Польшею до Парижа. Мы могли прослѣдить здѣсь ту историческую связь, которая остается „внѣшнею" для самого творчества и которую напротивъ мы называемъ обычно исторіей подлинной,—связь историческихъ мѣстностей, лицъ, именъ и сгруппированныхъ вокругъ его историческихъ событій; еще болѣе могли мы замѣтить здѣсь историческую связь „внутреннюю," внутри самаго пѣснотворчества, связь—образовъ, пріемовъ, выраженій, склада и слова, какъ между собою, какъ со всею областью наличнаго пѣснотворчества, такъ особенно съ прежними его періодами и съ однородными, „Историческими" же пѣснями изъ временъ давно минувшихъ. Къ симъ послѣднимъ пѣсни, только что отпечатанныя у насъ, въ минуту примкнули какъ родные потомки и, примкнувши неразрывно, на вѣки остались передъ нами заключительнымъ звѣномъ цѣлаго, вѣковаго пѣснотворчества. И мы должны еще благодарить Бога, судьбу, исторію, чтò хотите, а всего больше самый народъ, за то, что объ „отечественной войнѣ" и „Французѣ" получаемъ мы *хоть такой послѣдній* памятникъ пѣснотворческой народной силы, во всемъ его отличіи отъ „пѣсней сочиненныхъ," которыя мы вскорѣ встрѣтимъ, и отъ тѣхъ, которыми столь славится Западная Европа, преимущественно воинствующая Германія, за послѣдніе годы, въ многочисленныхъ изданіяхъ *).

---

*) Когда въ наукѣ по всей почти Европѣ, преимущественно въ Германіи и Англіи, а недавно и во Франціи, благодаря всего болѣе изданію пѣснотворческихъ памятниковъ Славянскихъ, отчасти же и нашихъ Русскихъ, распространились здравыя понятія о подлинномъ пѣснотворчествѣ *народномъ*, въ его отличіяхъ отъ литературы и письменной поэзіи, а этимъ самымъ воспитался извѣстнаго рода очищенный вкусъ: нельзя не удивляться, что воинственная, тѣмъ не менѣе ученая Германія продолжаетъ, параллельно симъ успѣхамъ, издавать монстры милитарной своей письменности, именуя ихъ „*историческими народными* пѣснями," Historische Uolkslieder. Особенно почтенъ здѣсь ревностію, но невообразимо наивенъ „*Freiherr von* Ditfurth," съ его плодущими изданіями: „Fränkische Volkslieder (wie sie *vom Volke* gesungen werden; enthält auch viele historische Lieder), 1855;—Historische *Uolkslieder* der Preussischen *Heeres* von 1675 bis 1866; 1869;—Die Historischen *Volkslieder* der Bayerischen *Heeres* von 1620 bis 1870; 1870;—Die historischen *Volkslieder* des Oesterreichischen *Heeres* von 1683 bis 1849;—Historische Volks-und volksthümliche Lieder des Krieges von 1870 bis 1871; 1871;—Die historischen Volkslieder des Siebenjährigen Krieges; 1871;—Kreuz und Schwert, Zeitklänge aus den Jahren 1870 und 1871;" 1871;—наконецъ, всего ближе къ настоящему выпуску нашего изданія, „Die historischen Volks-

Совсѣмъ другое дѣло и другіе вопросы: отчего пѣсней этого времени и разряда такъ мало, отчего—экстенсивно или пространственно—такъ сжатъ объемъ ихъ, такъ скудно содержаніе, далеко не охватившее всѣхъ событій величавой эпохи, не коснувшееся многихъ крупныхъ, и даже военныхъ, мѣстностей и лицъ, въ борьбѣ выдававшихся? Весьма мало о самой Москвѣ, ничего о Бородинѣ и Малоярославцѣ; немного о Кутузовѣ, два слова объ Александрѣ и Константинѣ; ни слова о Дохтуровѣ, Милорадовичѣ, Багратіонѣ, Растопчинѣ, даже объ Иловайскомъ и Сеславинѣ, и т. п. Тутъ нельзя уже, какъ случалось намъ прежде, прибѣгать къ предположенію, что пѣсни существовали, но не дошли до насъ, забыты и затеряны: пѣсни подобраны нами до послѣдняго отрывочка; пѣсни записывались рано, самыми лучшими собирателями, и повсюду съ 30-хъ годовъ; а вскорѣ за 12-мъ годомъ отыскивались и печатались онѣ со всѣмъ тщаніемъ, по самымъ свѣжимъ слѣдамъ, *тотчасъ* за событіями, сопровождаясь непосредственно изданіемъ „Пѣсенниковъ;" вся печать эпохи разверзала имъ радушно свои объятія, печать полная патріотизма и гордая имъ, со всѣми средствами, какія упрочиваютъ цѣлость памятника, лишь бы нашелся онъ. И всё-таки больше не нашлось. Миновали десятки лѣтъ, собраніе теперь скопилось, издано: и очень не велико. Пѣсни эти несомнѣнно историческія, поются доселѣ: и повторяются все тѣ же, и дальше не развиваются, не плодятся, только портится остальное. Пѣсни историческія поются въ народѣ тѣмъ самымъ народомъ, который поетъ еще много и хорошо о Краснощоковѣ, о Шереметевѣ, о Петрѣ, поетъ сотнями стиховъ объ Иванѣ, тысячами о богатыряхъ Кіевскихъ: хоть бы занять оттуда, передѣлать, перелицовать, переименовать, — и того нѣтъ; въ краяхъ по преимуществу „эпическихъ," какъ на примѣръ въ Вологодскомъ и въ Архангельскомъ, а еще прямѣе—въ Олонецкомъ-Онежскомъ, тамъ, гдѣ еще цѣлы громадныя и великолѣпныя Былины Богатырскія, тамъ всего меньше объ „отечественной войнѣ" и „Французъ" почти не слышенъ въ тамошней пѣснѣ. Отчего же народъ, не престающій быть обширнымъ и развивающійся населеніемъ статистически, не преставшій еще быть великимъ и лелѣющій великія надежды въ будущемъ, народъ— питающій въ современности и земскія учрежденія, и банки, и страховыя общества, и питательныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ, а съ ними всѣхъ прибывающихъ и пребывающихъ Нѣмцевъ съ Евреями, народъ—питас-

---

lieder der Freiheitskriege, von Napoleon's Rückzug aus Russland, 1812, bis zu dessen Verbannung, 1815," Berlin, 1871. Хорошо понятіе о народѣ и народности! Вотъ что значитъ задаваться понятіемъ „національности," выработанной „государственными" силами, и притомъ „на военную ногу." Сравните это съ нашими пѣснями „сочиненными" и противоставьте же нашимъ „народнымъ."

мый и воспитуемый школами, паче же классическимъ образованіемъ, отчего оскудѣлъ онъ въ настоящемъ дѣлѣ и, владѣя еще громаднымъ количествомъ *всякихъ* пѣсенъ, даже историческихъ о *давнемъ* прошломъ, оказался бѣденъ только въ данномъ, и самомъ послѣднемъ, самомъ удобномъ случаѣ, гдѣ бы блеснуть при немъ, прославить себя и прославиться? Отчего изъ своей, несомнѣнно великой, пѣснотворческой силы, изъ своего, несомнѣнно вѣковаго, историческаго сознанія—такъ мало удѣлилъ онъ для самой, по видимому, поэтической, самой живой, затрогивающей, одушевленной исторической страницы? Но, положимъ, и спорить нечего противу дѣйствительности,—удѣлилъ народъ мало на историческую пѣсню о данной эпохѣ: и это можно бы еще объяснить, по тѣмъ началамъ, кои разъяснили мы въ выпускѣ 9-мъ, примѣнительно къ XVIII вѣку. Удѣлилъ народъ мало на пѣсню, которая, по ходу самой исторіи, дѣлаясь историческою, становилась въ то же время государственною, въ государствѣ военною, а въ войнѣ солдатскою: да вѣдь этимъ все историческое бытіе народа не исчерпывалось въ данную минуту; и средь нея жилъ народъ еще другими сторонами жизни, другими началами и задачами народнаго бытія,—сюда онъ могъ обратиться сочувственнѣе, заговорить о семъ подробнѣе, запѣть обильнѣе и болѣе творчески. Могли быть еще тысячи пѣсней: о встрѣчѣ съ наглымъ врагомъ, о понесенныхъ родичами страданіяхъ, о бѣгствѣ и укрывательствѣ ихъ по лѣсамъ и пустынямъ, о семьяхъ, обреченныхъ на голодъ, разореніе и скитаніе; о бѣдахъ Москвы и другихъ, попутныхъ Французу городовъ, селъ, деревень; о поруганіи церквей и всякой святыни; объ ужасной мести за все это пришельцамъ; о геройскихъ подвигахъ частныхъ лицъ изъ народа, крестьянскихъ полчищъ, вооруженныхъ партизановъ; о наступившихъ смѣшныхъ сценахъ среди бѣгства смятенныхъ непріятелей; о состраданіи къ иноземцамъ, обратившимся въ „несчастныхъ“ среди нужды, стужи и плѣна; и т. д., и т. д. Много напечатано объ этомъ изъ воспоминаній очевидцевъ, пропасть анекдотовъ, ряды статей объ Москвѣ 12-го года, до послѣднихъ живыхъ разсказовъ въ „Вѣдомостяхъ Московскихъ;“ извѣстны тысячи всякихъ картинъ, лубочныхъ и не лубочныхъ, съ подписями, прозаическими и стихотворными; были картины сценическія, представлявшіяся народу, какъ представленія, ему и для него нарочно устроенныя: и во всемъ этомъ или слышалась книга, или послѣдствіемъ всего осталась одна книга. Не оказалось въ семъ источникѣ стихій для созданія народной пѣсни: ни даже для легенды, ибо самыя „легенды объ Наполеонѣ,“ такъ называемыя, крайне вялы, искусственны, безжизненны, скудны и кратки. Вообще же на сихъ основахъ, съ этими средствами и по этому поводу не поднялось въ народѣ ни одной лишней исторической пѣсни, сверхъ тѣхъ, кои выше приведены у насъ и между коими нѣтъ ничего подобнаго съ окраскою сколько ни будь поэтическою въ народномъ смыслѣ. Наконецъ, даже безъ всякого, положимъ, отношенія къ „Французу,“ народъ въ ту эпоху, на

окраинахъ болѣе отдаленныхъ, однако же обширныхъ, въ уголкахъ и закоулкахъ жизни земской, независимой или даже зависимой отъ политики и войны, не переставалъ жить своимъ народнымъ бытіемъ и бытомъ, сколько ни будь для него уцѣлѣвшимъ, — и мыслилъ, и желалъ, и любилъ, и горевалъ, и страдалъ, и радовался, не безъ своей „внутренней" исторіи, которая все въ себя терпѣливо принимаетъ по обязанности и на все способна отозваться: отчего, *одновременно* съ Французомъ, нѣтъ *лучшихъ* историческихъ пѣсенъ изъ той эпохи, достойныхъ прошлаго и достойныхъ самого народа? Если мы прежде отговаривались выраженіемъ, что *воспроизводить* былое въ творчествѣ Былевомъ или Историческомъ хватало еще силъ, но оскудѣла *производительность* къ новымъ пѣсеннымъ созданіямъ, такъ что старое, прежде сложенное, кое-какъ еще повторялось, а новаго ничего почти не слагалось впередъ, то остается все-таки вопросъ: откуда такая слабость, и среди эпохи, по преимуществу геройской? Отчего такой упадокъ творческихъ народныхъ силъ, и всего болѣе въ пѣснотворчествѣ „историческомъ," когда, по мнѣнію нынѣшнихъ писателей, теперь только и стало просыпаться „народное историческое самосознаніе," когда наше столѣтіе есть вѣкъ торжества „исторіи," не одной внѣшней, но и внутренней, и столько уже есть Русскихъ историковъ нашего вѣка, возникшихъ—конечно—изъ глубины народа?

Вопросы, сей часъ затронутые, не рѣдко ставились нами и прежде, въ теченіи нашихъ изданій: но, ставя ихъ и считая это непремѣнною своею обязанностію, мы весьма рѣдко отзывались на нихъ какимъ ни будь собственнымъ разсужденіемъ и предпочитали отвѣчать самимъ дѣломъ,—продолжали печатать данныя, самые образцы творчества народнаго, предоставляя каждому совершенно свободно судить по нимъ, выводить заключенія и составлять отвѣты на вопросъ, естественно возникавшій. Такъ, отпечатавъ въ настоящемъ выпускѣ I-й Отдѣлъ Историческихъ народныхъ пѣсней объ „отечественной войнѣ," когда въ слѣдъ за симъ напрашивался вопросъ,—гдѣ же и въ чемъ, сверхъ этого малаго, сказался исторической пѣснею Русскій народъ того времени, гдѣ онъ *остальной* и *остальная* его, сколько ни будь близкая къ исторіи—пѣсня; когда зарождалось недоумѣніе и естественно хотѣлось взглянуть, что̀ же это за народность сама въ себѣ, такъ мало породившая изъ себя въ данную минуту, и чѣмъ историческимъ выразилась она въ другихъ пѣсняхъ той же поры: тогда, въ отвѣтъ, мы перешли къ Отдѣлу II-му и помѣстили въ немъ всѣ тѣ собранныя пѣсни, въ которыхъ отъ Француза все дальше и дальше, но внутрь народа все глубже и глубже, и рисуется намъ—въ пѣснѣ—историческая картина того самаго народа, который въ I-мъ Отдѣлѣ у насъ пѣлъ о Французѣ, а теперь долженъ бы запѣть про себя самого, чтобъ повѣдать хоть себѣ самому, а намъ бы послушать, каковъ онъ былъ въ ту эпоху, одновременно съ Французомъ, сколько было въ немъ историческаго, чѣмъ поддержива-

лась и питалась, и жила, и дожила до насъ остальная его историческая пѣсня. И вотъ образцы II-го Отдѣла также кончились, также передъ нами на ладони, на печатныхъ страницахъ. Теперь можемъ мы судить: какова современная исторія того самаго народа, народа самого́ въ себѣ, отъ кого ждали мы историческихъ пѣсней для эпохи; много ли у него задатковъ и припасу для самого себя; и сколько отсюда, не насилуя себя искусственной литературою и личнымъ искусствомъ, не поднимаясь на цыпочки и безъ ужимокъ, въ состояніи онъ былъ удѣлить пѣснотворческихъ силъ, образовъ, пріемовъ, взглядовъ, сло́ва и голоса на историческую пѣсню о нашествіи Французовъ, о войнѣ отечественной.

Мы не могли не видѣть, что пѣсни I-го нашего Отдѣла всѣ *Военныя* и почти всѣ *Солдатскія*, побывавшія на боевомъ полѣ и оттуда въ народъ принесенныя, или вынесенныя изъ народа въ битву и тамъ окуренныя порохомъ, среди войска сложенныя и деревней подхваченныя, по селамъ зародившіяся и мундиромъ оформленныя. Только что нѣтъ еще въ нихъ „сочиненія,“ книги, которая предварила бы устное слово, и камертона, чтобъ дирижировать хоромъ народнымъ: но, если нѣтъ этой третьей, самой верхней литературной головы, то за то двѣ остальныхъ головы, голова солдата и голова поющаго крестьянина, совершенно въ ровень, подъ одну мѣрку,—въ ровень и мысль, и взглядъ, и слова, и черты, и ухватки. Нивелировка эта далеко опередила собою XVIII-й вѣкъ: тамъ, если не всегда народная голова выше, то по крайности идетъ еще качаніе и въ волнахъ на перебивку выставляется впередъ то одна, то другая. Теперь же, напротивъ, вездѣ *мы* и мы одинакіе, одни и тѣ же: здѣсь говоритъ про себя солдатъ, вѣщая за всѣхъ „прочихъ,“ а народъ говоритъ единственно черезъ солдата, живетъ и поетъ „человѣкомъ походнымъ.“ Въ этихъ *мы*, въ этихъ говорящихъ объ себѣ лицахъ, а они—герои пѣсни, они же носители и пѣвцы ея,—въ нихъ какъ будто весь народъ того времени, и народъ обмундированъ, по крайности ополченъ формально, въ походѣ, въ движеніи военныхъ событій. Но, всматриваясь ближе, различаемъ воздѣйствіе другихъ началъ, искавшихъ себѣ мѣста: не всѣ полки въ строгомъ строю, регулярность еще не та, какую встрѣтимъ ниже въ пѣсняхъ „сочиненныхъ;“ замѣтно, что строю помогала иногда нестройность, что участвовали здѣсь иные и „безъ имени“ солдата, или съ другимъ именемъ, а ближе всего и выразительнѣй—здѣсь еще *Козачество* и *Козаки*. При этомъ, во первыхъ, удивляетъ насъ, куда же дѣвались козаки Украинскіе и вообще *Малорусскіе*, то самое козачество, которое, мы знаемъ, дало еще такой значительный контингентъ пѣсенъ для XVIII вѣка? Петръ I-й ввелъ эту Русскую вѣтвь въ область обобщающей—Великой Руси: но вскорѣ она замолкла и—*объ нашемъ вѣкѣ нѣтъ уже болѣе Малорусскихъ Историческихъ Козацкихъ пѣсней*. Нѣтъ больше и тѣхъ козаковъ, которыхъ опять привыкли мы видѣть и которыхъ выводила постоянно преж-

няя Историческая пѣсня,—Гребенскихъ и Яицкихъ (а старше еще Сибирскихъ), въ постоянномъ соединеніи — „козаки Донскіе, а Донскіе, *Гребенскіе* и *Яицкіе*“ (теперь *Уралъ* поминается лишь мимоходомъ, какъ „мѣсторожденіе“ той или другой общей пѣсни). Всѣхъ дольше держится козакъ *Донской*, но и вмѣсто него постепенно выдвигается просто *козакъ*: и такъ, дѣло Петра было не напрасно, не суетно, — остался *одинъ* козакъ, *одно* козачество, и не только козачество *Великой Руси*, *Московское*, а главное—*на одинакой службѣ*, среди *строевыхъ* рядовъ или имъ на помощь. Съ этихъ-то именно поръ, съ конца прошлаго вѣка и съ начала нынѣшняго во все его теченіе, пѣсни Историческія, онѣ же *Военныя* и въ частности *Солдатскія*, совершенно *совпадаютъ съ Козацкими*, хотя и стоятъ еще рядомъ, какъ будто что ни будь особое: на каждый почти образецъ изъ перваго разряда имѣется образецъ изъ втораго. Мало того. Черезъ козацкія по преимуществу—пѣсни переливаются въ чисто—*народныя*. Мѣсторожденіемъ или, скажемъ, мѣстопѣніемъ образцовъ, у насъ отпечатанныхъ въ семъ выпускѣ, *на половину* являются земли козаковъ, края, до сихъ поръ занятые ими, или бывшіе подъ ними, или по крайности навѣщенные ихъ стоянками; рядомъ съ солдатомъ стоитъ непремѣнно козакъ; козачество половинною долею участвуетъ въ этомъ „мы,“ которое дѣйствуетъ по пѣснямъ; лучшее въ пѣсняхъ сего рода окрашено красками козацкими; самымъ высшимъ представителемъ эпохи, главнымъ героемъ, напоминающимъ стараго богатыря, является тотъ же козакъ, въ лицѣ Платова, и при немъ-то сосредоточены наиболѣе яркіе образы творчества, какіе только уцѣлѣли съ характеромъ историческимъ. Стало быть, въ данныхъ историческихъ пѣсняхъ, козачество представляетъ собою *по преимуществу* элементъ народный: по крайности *черезъ него* образуется переходъ къ народу отъ строеваго солдата, отъ регулярной арміи и отъ всѣхъ прочихъ стихій военныхъ; здѣсь склонъ къ народу, здѣсь та сторона дѣла, которую должны мы признать въ „отечественной войнѣ“ наиболѣе народною. Не могли не замѣтить сего и наши историки, особенно историки нашего вѣка: касаясь Былеваго нашего пѣснотворчества, они останавливаются на той особенности, что самый главный и старшій представитель его въ Былинахъ прозванъ козакомъ,—„старой козакъ Илья Муромецъ.“ Это собственно не находка и не новость. Вся положительная дѣйствительность, вся жизнь эпохи, о которой идетъ рѣчь, представлялась и отражалась козакомъ; онъ былъ самымъ представительнымъ лицомъ минуты, типомъ ея, лозунгомъ, знаменемъ. „Козакъ!“ вотъ что слышалось и отдавалось повсюду, хотя бы игралъ роль остальной народъ, частныя изъ него лица, люди совсѣмъ не козацкаго происхожденія и вида, даже солдаты, даже предводители и генералы; то же самое, какъ увидимъ ниже, отразилось и въ литературѣ, въ письменной поэзіи того времени; то же восклицали, пѣли, писали, печатали, представляли на сценѣ Французы, да и всѣ иностранцы; и то же по-

нятіе, по крайности представленіе о Русскомъ народѣ, изъ эпохи 12-го года до нынѣшняго дня, свято, хотя и съ громадными ошибками, соблюдено въ чужихъ краяхъ повсюду. Но другой совсѣмъ вопросъ: *исчерпывались* ли козачествомъ событія всей эпохи, а тѣмъ больше народность и весь народъ, съ его исторіей и съ его пѣснотворческой областью? Конечно нѣтъ, и мы, нѣсколько ниже, увидимъ въ этомъ глубокую ошибку эпохи, литературы, науки, историковъ, а тѣмъ паче иностранцевъ: но—разумѣется—не ошибку *самого пѣснотворчества*, которое несравненно послѣдовательнѣе въ образцахъ своихъ. Если здѣсь солдатъ, по мѣрѣ склона къ народу, долженъ былъ уступить мѣсто героя козаку, то въ свою очередь козачество, по мѣрѣ слiянія съ регулярной арміей, строевою службой и вообще текущею войною, вынуждено было передать роль свою героямъ другаго рода. Изъ „козацкихъ“ пѣсни перешли еще дальше, въ иную область: и вопросъ объ участіи въ нихъ *самого* народа возвратился къ намъ съ прежнею силою.

Потому, при II-мъ Отдѣлѣ напечатанныхъ пѣсней, спрашивая и продолжая отыскивать, гдѣ же *остальной*, *самъ* народъ эпохи съ его исторіей, мы должны ждать отвѣта опять изъ среды самихъ образцовъ пѣсенныхъ. Здѣсь, на переходѣ отъ козаковъ, игравшихъ передовую роль въ историческихъ пѣсняхъ I-го Отдѣла, намъ представились прежде всего образцы, въ которыхъ явно еще козацкое происхожденіе творчества или участіе самихъ козаковъ въ роли исторической. Но, мало-по-малу, имена козацкія, мѣстныя и личныя, постепенно мельчали передъ нашимъ взоромъ, сглаживались и даже совсѣмъ утрачивались: въ ту же мѣру, по тѣмъ же областямъ мѣсторожденія и мѣстопѣнія образцовъ, съ тою же связію былевыхъ историческихъ взглядовъ, пріемовъ, чертъ и выраженій, постепенно выступили передъ нами *другіе*, хотя и близко сродные, герои, другія творческія лица и дѣйствительныя имена; къ нимъ мы обращались съ вопросомъ и въ нихъ думали бы признать *самый народъ*, ближе къ его сути и существу, глубже и внутреннѣе. Это—извѣстнаго техническаго смысла—*разбойники*, *удальцы*, *лихіе и гулящіе люди*, *бродячіе и бродяги*, даже *воры*, какъ ни странно звучало бы это для нашего уха, а отъ старины означало бы „заворовавшихся,“ отторгшихся отъ цѣлаго народа и загулявшихъ людей, *бѣглецы* и *бѣгуны*, *люди тюремные*, *темничные*, *заключенные*, и т. д., и т. д. Явленіе по видимому дикое, а между тѣмъ подлинное явленіе. Если, *по одну сторону*, сближается оно съ козачествомъ и составляетъ отъ него переходъ, дальнѣйшій шагъ и послѣдовательное развитіе, то какъ же согласить это съ той высокой ролью козачества, какую оно играло цѣлыхъ три вѣка, начиная съ XVI-го и одушевляя своими стихіями, именами, образами и лицами длинные ряды Думъ Малорусскихъ, нашихъ Пѣсней Историческихъ? Что общаго здѣсь съ тѣмъ значеніемъ, какое, мы знаемъ, завоевали себѣ козаки въ „отечественную войну,“ въ это недавнее историческое время? Очевидно, что, сближаемое съ помяну-

тыми героями новѣйшаго закала, само козачество значительно измѣнилось въ своемъ типѣ для взоровъ народа, въ творческихъ его представленіяхъ; равно и „странные" герои, сближаясь съ козачествомъ, очевидно сближаются лишь потому, что древній типъ ихъ, памятный творчеству, совсѣмъ не таковъ, каковъ представляется намъ нынѣ; что въ древнемъ, *лучшемъ* типѣ дѣйствительно они съ козачествомъ сходились; что отъ древности захвачены лишь привычки, пріемы творчества, выраженія, и—перенесены на новыхъ героевъ; что сами герои эти лишь только одѣты и замаскированы по старому, а изъ подъ маски выглядываетъ нѣчто отнюдь не подобающее; что, стало быть, здѣсь идетъ разладъ въ самомъ творчествѣ—между формою, унаслѣдованною, и содержаніемъ, вновь нажитымъ. Да и какъ же иначе? Чтò, въ самомъ дѣлѣ, общаго у Гаврюшки, Копейкина, Засорина и tutti quanti — не только съ Краснощоковымъ и Платовымъ, но даже съ Ефремовымъ, Скорыгинымъ, Некрасовымъ? Даже Пугачовъ выше ихъ. Другое дѣло, если мы снимемъ добропорядочную творческую одежду съ этихъ господъ и примѣримъ ее къ XVIII-му, XVII, XVI-му вѣку: одежда будетъ, пожалуй, безъ складу, не въ пору, короче, неопрятнѣе, съ прорѣхами и видными бѣлыми швами, но все же это будутъ перекройки, обноски и заплаты подлинной *старины*. И если бы мысленно удалить отсюда всю порчу, ветхость и мелочь, если бы возсоздать отсюда древній типъ: тогда другое дѣло, тогда облечется во все это Палій, Флоръ Миняевъ, Разинъ, даже самъ Ермакъ, и такіе образы творческіе конечно подойдутъ къ подлиннымъ козацкимъ, и убѣдимся мы въ родствѣ ихъ.—Между тѣмъ, *по другую сторону* дѣла, во сколько странные, интересующіе насъ герои пѣсни новѣйшей составляютъ переходъ отъ козаковъ къ народу и вводятъ въ глубь его, мы тотчасъ же, признавши всю подлинность такого явленія, ни на минуту не усумнимся, что здѣсь, въ этихъ образцахъ, именахъ и лицахъ, все-таки не *самъ* и не *весь* народъ, что это вовсе не исторія народа въ его существѣ, не историческая пѣсня въ ея истинѣ, не дѣйствительные герои въ подлинникѣ. Гдѣ же, точно, въ мірѣ и когда же на глазахъ человѣчества, *воры*—въ семъ техническомъ смыслѣ, хотя бы въ поэтическомъ употребленіи слова, *воры* съ безотвязнымъ исключительнымъ эпитетомъ сего рода при личномъ имени, одушевляли и въ состояніи были одушевить пѣснотворчество до высшаго созданія Былины и Пѣсни Исторической? Какой же народъ добровольно сознаетъ *себя*, назоветъ, да еще воспоетъ творчески,—*воромъ*? Народъ такихъ господъ именуетъ по имени, народъ объ нихъ поетъ, стало быть носится съ ними, бесѣдуетъ и дѣлаетъ ихъ содержаніемъ пѣсни бесѣдной,—таково—увы—явленіе, такова дѣйствительность: но тотъ же народъ ихъ именуетъ отлученными—ворами,—воръ и значитъ собственно того, кто „отдѣлился" или „отлученъ" отъ виры и общины, отсталъ отъ общей жизни народа, и таковъ смыслъ древняго нашего выраженія—„заворовался;" народъ креститъ ихъ неблаговид-

ными прозвищами, съ видимымъ удовольствіемъ ловитъ, казнитъ въ самой пѣснѣ и наказываетъ, выталкиваетъ изъ среди своей и истребляетъ. Очевидно, что здѣсь понизился конечно уровень исторіи, интересъ историческихъ событій, типъ историческихъ героевъ и смыслъ самого историческаго творчества, понизился—незамѣтно для самого народа, хотя и въ самомъ народѣ. Но не менѣе ясно, что здѣсь опять разладъ между дѣйствительностью и творчествомъ, а въ самомъ творчествѣ разладъ между содержаніемъ и формою, и въ самомъ словѣ пѣсенномъ разладъ между именемъ, выраженіемъ и—смысломъ, предметомъ. Если же такъ, то явно, что было время, когда пониженія не начиналось и разлада не было, когда герои этого сорта были возможны и одушевительны, но когда они не были таковы какъ нынѣ, когда они были другими, и, со старшихъ, съ высшихъ, съ подлинныхъ предковъ снята и перекроена ветшающая одежда на недостойныхъ преемниковъ: вѣдь самъ Каинъ неизмѣримо ихъ лучше, выше и молодцоватѣе, попъ Емеля подавно, а подавно Гришка, еще давнѣе Ванька Клюшничекъ, еще давнѣе „Молодецъ на правежѣ,“ хотя и „былъ онъ грабить монастыря Румянцова,“ и Безсчастный Молодецъ у Литвы въ службѣ, и Горемыка съ бабищей-курвляжищей въ бѣгахъ отъ Горюшки сѣраго. „Изыдоша отъ насъ, но не бѣша отъ насъ;“ „тотъ же богословъ, да не однихъ словъ;“ „тѣхъ же щей, да пожиже влей,“—вотъ выраженія, прилагаемыя къ новымъ героямъ: нѣтъ, здѣсь не самъ и не весь народъ, ибо такимъ народъ цѣлый быть не можетъ и подлинный не проживетъ исторической минуты, а тѣмъ паче не скажется, ради одного стыда, въ исторической пѣснѣ. Видите, какъ необдуманно и глубоко, хотя бы благовидно, оскорбляютъ народъ тѣ любители народа, кои навязываютъ ему въ герои и въ любовь подобные типы, съ громкимъ еще именемъ—„политическихъ движеній Русскаго народа!“ На каждую минуту такого сближенія, на каждое звѣно сей связи существуетъ отвращеніе и самый рѣшительный разладъ. Есть еще силы привычки, есть въ ея основахъ роковыя силы, которыя держатъ типъ сей при народѣ и въ народѣ: но уже есть и нажито столько силъ отталкивающихъ. Всего выразительнѣй сказывается это, какъ и слѣдуетъ ожидать, въ самомъ творчествѣ, какъ творчествѣ, сюда направленномъ: образцы его доказываютъ ослабленіе, пониженіе творчества и близкую гибель. Пѣсни, о которыхъ говоримъ мы, кое-какъ держатся еще историческихъ признаковъ; внѣшнихъ и дѣйствительныхъ именъ мѣстностямъ, лицамъ, годамъ; внутреннихъ нитей, сцѣпляющихъ кое-какъ выраженія, нанизывающихъ образы, снующихъ усиленно привычную ткань творчества, какъ черезъ чуръ „продолженную наволоку:“ но все это такъ трудно держится, съ такимъ напряженіемъ сосредоточивается къ чему ни будь похожему на цѣльный типъ, такъ легко выпадаетъ изъ связей, расплавляется и порется нитка за ниткой. Для пѣсней сего рода мы принуждены были взять цѣлую вереницу лѣтъ, чуть не цѣлый вѣкъ, съ конца

прошлаго до нашихъ дней: и при всемъ томъ, здѣсь переходятъ и переливаются—имя въ имя, образъ въ образъ, черта въ черту, слово въ слово, пѣсня въ пѣсню, а въ концѣ концовъ, все это вмѣстѣ готово кануть въ какую-то бездонную пучину.

Пучиной же бездонной мы совершенно въ правѣ назвать ту область, которая простирается въ народномъ пѣснотворчествѣ за рубежомъ послѣднихъ образцовъ, только что отпечатанныхъ у насъ въ концѣ II-го Отдѣла. Это—громадная область *Пѣсней Безъимянныхъ* или *Молодецкихъ*: непосредственно смѣняютъ и замѣняютъ онѣ въ народѣ смолкнувшую „Пѣсню Историческую.“ Здѣсь продолжаютъ дѣйствовать и „солдатъ,“ и „козакъ,“ и тѣ „странныя,“ какъ назвали мы, лица: но не въ томъ уже качествѣ, которое привыкли мы понимать „историческимъ.“ Имена эти значатъ не болѣе, какъ *всякого* другаго „Мóлодца“ изъ народа: это не званіе, оно лишено историческихъ опредѣленій въ нашемъ смыслѣ. Само „личное“ имя, встрѣчаясь здѣсь, хотя и не всегда, и не обязательно, не ознаменовано здѣсь никакимъ признакомъ исторіи внѣшней, нашей или даже общей: оно легко смѣняется всякимъ другимъ, какъ и пѣсня сего рода переливается удобно одна въ другую; и пѣсня, и лицо остаются „Безъимянными“ на исторической „сценѣ.“ И личное, и по видимому все историческое здѣсь исчезаетъ, поглощается; во всѣхъ сихъ лицахъ, какъ безъимянныхъ мóлодцахъ, представляется намъ, и всего больше, самый народъ, одинъ и весь или цѣлый, хотя и не цѣльный: не цѣльный по тому лишь, что онъ ограниченъ предѣлами „простонародья,“ за которыми нѣтъ и мóлодцевъ сихъ, и пѣсенъ. Мóлодецъ можетъ сдаваться въ рекруты, и пока принадлежитъ сей самой области: но, когда онъ поступилъ въ солдаты и дѣйствуетъ на исторической военной сценѣ, прежде зачиналась сейчасъ пѣсня другая, „Солдатская“ или военная „Историческая,“ а нынѣ не зачинается никакой новой; возвращается онъ—и теряется мóлодцемъ въ общей массѣ народной; равнымъ образомъ ни козакъ, ни другой подобный не выходятъ изъ заколдованнаго круга, а вышедши — не принадлежатъ ему и внѣ „Молодецкой“ пѣсни не воспѣваются нынче ни въ какой другой.—Тѣмъ не менѣе, *Мóлодецъ* то же самое, что у Южныхъ Славянъ *юнакъ*, у Грековъ *герой*: пѣсни объ немъ не перестаютъ быть Молодецкими, Юнацкими или Героическими, то есть, *въ извѣстномъ смыслѣ*, *Былевыми* и даже *Историческими*: но здѣсь исторія совершенно особая, своя, не въ нашемъ и не въ общепринятомъ смыслѣ, по преимуществу „внутренняя,“ исключительно „народная,“ и въ самомъ дѣлѣ—народная „исключительно,“ именно „просто-народная.“

Чтò же это, однако, за исторія безъ общепринятыхъ историческихъ признаковъ, чтò за историческая пѣсня безъ-имянная, лицо безъ имени, имя личное безъ историческаго лица, быль народная безъ былины въ техническомъ смыслѣ, напротивъ въ особой пѣснѣ, состоящей рядомъ съ Былиною Богатырскою или Историческою,—въ пѣснѣ „Молодецкой?“

Образцы напечатаемъ въ слѣдующемъ выпускѣ и тамъ увидимъ ближе.— Но пока не можемъ не затронуть двухъ соображеній. Именно, во первыхъ: есть же, заключаемъ мы, силы, начала, власти и господства, а если есть, то зачались нѣкогда, чтобы остаться въ дѣйствіи понынѣ, такія, которыя на каждую минуту подобной исторіи, стремившейся на сцену, подрывали ее; на каждый моментъ творчества, искавшаго созданій, разрушали ихъ; на каждую слагавшуюся историческую пѣсню спѣшили разложить ее, обезличовать, безъименовать ее, обратить ее въ одинъ памятникъ былаго—безъ средствъ къ продолженію и развитію бытія, въ одну память народную—безъ способности воспроизвести ее къ исторической жизни, въ одну черту,—которую оставалось бы только вычеркнуть. И такія силы, такія явленія силъ дѣйствовали конечно въ сторону народную, на самый народъ: ибо онъ явно уступалъ имъ, онъ постепенно сдавалъ имъ лучшую часть всякого бытія—исторію, самую дорогую долю бытія народнаго—Былину и Пѣсню Историческую, а въ лицѣ ея само пѣснотворчество; сдавалъ—и тѣмъ оскудѣвалъ самъ, бѣднѣлъ, самъ безлицовался, самъ безъименовался,—чего конечно никто не сдѣлаетъ добровольно, безъ необходимости и принудительной силы обстоятельствъ.—Съ другой стороны, разумѣется, подобныя силы съ явленіями силъ дѣйствовали и въ самомъ народѣ: иначе была бы въ немъ реакція, а всякая реакція тогда лишь достойна своего имени и значенія, когда въ состояніи сдѣлать свое дѣло и довести до конца, — возвратиться на прежніе слѣды свои, in sua vestigia, возстановивъ бытіе прежнее,—чего пока не случилось; между тѣмъ всякая слабость, упадокъ и пониженіе силъ, до конечной смерти ихъ въ той или другой формѣ, какъ на примѣръ здѣсь въ формѣ Исторической Пѣсни, свидѣтельствуетъ, что силы эти отжили свой вѣкъ и много-много если уступили мѣсто собственнымъ же силамъ, только въ другой формѣ и въ иномъ значеніи.

Соображенія послѣдняго рода ни сколько не пугаютъ насъ безнадежностію среди вѣка, въ которомъ народъ освобожденъ изъ вѣковаго рабства, призванъ къ новому средоточію земства, принялъ участіе въ гласномъ судѣ дѣяній, а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ общая воинская повинность полагаетъ окончательный предѣлъ прежнему значенію солдатства и козачества, именно на томъ рубежѣ, который прежде раздѣлялъ народную жизнь и выводилъ за собою конецъ народной Исторической Пѣсни. Намъ оставалось бы только разъяснить самый *ходъ* или *процессъ* дѣла, *какъ* занимающія насъ явленія постепенно совершились и сказались въ народномъ пѣснотворчествѣ, обращенномъ къ лицу исторіи: и это мы выполнимъ нѣсколько ниже, отпечатавши послѣднія подлежащія пѣсни нашего вѣка.—Что касается до вопроса, кому и чему сдана съ рукъ на руки смолкавшая Историческая Пѣсня народа, чтобы смѣнить ее и самостоятельно вести дѣло: то здѣсь конечно встрѣчаемъ мы на

лицо *письменность* и *литературу*, съ ея—такъ названными у насъ—„пѣснями сочиненными." Къ нимъ мы и переходимъ, а сколько было здѣсь успѣха, тотчасъ увидимъ.

III.

Пѣсни Военныя (Солдатскія и Козацкія) Сочиненныя („Патріотическія“) при Французахъ.

Всѣмъ ходомъ нашихъ изданій и замѣтокъ убѣдились мы достаточно что, по мѣрѣ того, какъ образовалась исторія, „внѣшняя“ народу, самъ народъ отдѣлялся отъ сей „исторической сцены“ въ нисшіе слои, такъ сказать „подъ сцену“, пока прошлый вѣкъ торжественно призналъ его въ письменности „подлымъ“. Громъ военныхъ орудій только громче высказывалъ, блескъ торжественной славы только ярче обличалъ разстояніе: чѣмъ больше сосредоточивалась на этомъ исторія, тѣмъ меньше въ ней участвовала народная пѣсня. И, тогда кака на одной сторонѣ было все для преуспѣянія, не исключая даже имени „народа“, переносимаго сюда въ „высокомъ“ смыслѣ, съ значеніемъ „націи“,— обратнымъ путемъ въ „простонародьѣ“ все грубѣло, дичало и ниспускалось до невѣжества. Когда же „возгорѣлась отечественная война“, тогда, вмѣстѣ съ контингентомъ военныхъ силъ, сданы были на сцену и послѣднія „Историческія пѣсни“ изъ простонародья, въ видѣ солдатскихъ, козацкихъ и вообще военныхъ. Больше и нечего было чаять съ оскудѣвшей стороны: подходя лицомъ къ лицу тогдашней исторіи, „масса“ не обнаруживала въ себѣ приличнаго органа для различенія, пониманія, и творческаго воспроизведенія высокихъ событій, образовъ, чертъ,—она „перевирала“ самыя имена; не умѣла она въ этой роли сказать что ни будь достойное исторіи, и отъ себя, и изъ себя, и объ себѣ. Творческія силы оказались слишкомъ слабы, строй разстроивался, содержаніе расплывалось по сторонамъ и странностямъ, слово жизни дѣлалось неловко или непонятно „на сценѣ“. Нечего было сказать больше и, еслибы сказали, намъ нечего было бы слушать. А тутъ напротивъ, при сдачѣ, встрѣчала гостя совершенно приличная и даже

привѣтливая хозяйка: литература, съ богатымъ запасомъ прошлаго вѣка, притекшаго къ 12-му году послѣдовательными и спѣшными шагами. Съ сей стороны раздавались, въ непрерывной связи, неумолчныя пѣснопѣнія: „Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ, Ведетъ на верхъ горы высокой“; потомъ „О Россъ, о родъ великодушный, О твердокаменная грудь;“ дальше „Гремитъ, гремитъ священный гласъ Отечества, закона, славы;“ въ слѣдъ за тѣмъ „Сей кубокъ мщенью, други въ строй И къ небу грозны длани;“ „Отвѣдай хищникъ, что сильнѣй, Духъ алчности иль мщенье;“ наконецъ „Бѣгите въ Кремль, на холмѣ томъ, Гдѣ пѣли наши дѣды Побѣдну пѣснь предъ Божествомъ, Мы грянемъ пѣснь побѣды.“ Грянувшая пѣснь на священномъ холмѣ чужда была непосвященнымъ: а вмѣстѣ такъ хороша въ устахъ пѣвцовъ, что всякому другому не оставалось ничего больше, какъ отдать имъ книгу въ руки.

Потому предлежащія „Пѣсни сочиненныя“ мы заимствуемъ большею частію изъ книги, подводя лишь варіанты или, лучше, разныя „чтенія,“ ибо изъ народнаго устнаго употребленія проникло сюда весьма немного, по той простой причинѣ, что въ простомъ народѣ мудреныя вещи не употреблялись. Впрочемъ, наблюдая аккуратность, мы различаемъ здѣсь нѣсколько слоевъ; именно:

пѣсни, возникшія изъ дальнихъ основъ народныхъ или перешедшія отчасти въ народъ, а съ сей стороны, можно сказать, *народныя*;

подъ народныя пѣсни „поддѣлка“, оставшаяся въ средѣ *солдатской*;

такъ называемыя „народныя“ произведенія извѣстныхъ *писателей*, болѣе или менѣе удачныя;

тѣ, и другія, и третьи, сколько ни будь „*пѣтыя*“, а потому помѣщавшіяся въ „*Пѣсенникахъ*,“ ближайшихъ къ знаменитой эпохѣ, и черезъ нихъ проникшія если не въ народъ, то по крайности въ разные „классы“, гдѣ среди „общества“ онѣ обобщились;

произведенія, стремившіяся подойти *подъ* народъ и *подъ* пѣсни народныя, но такъ какъ ниже самаго „подлаго“ трудно уже было спуститься, по сему оставшіяся на высотѣ, доступной легкому пару, стало быть *высокопарныя*;

чисто книжныя, сочиненныя для „чистаго народа“, среди его торжествъ, баловъ и игръ, какъ-то гимны, или, *сообразно* именамъ тогдашнихъ героевъ,—Польскіе, или хоры къ „балетамъ“, и т. п.;

просто книжныя, на другомъ крайнемъ концѣ просто-народныхъ, не пошедшія дальше книги никуда, даже ни на балъ, ни на сцену.

По мѣрѣ сихъ ступеней, чѣмъ ниже онѣ у насъ или, лучше сказать, чѣмъ возвышеннѣе сами для себя, мы помѣстимъ образцы все меньше и меньше; ибо иначе, по способу обычнаго книжнаго дѣла, пришлось бы намъ изъ книгъ составить новую толстую книгу. Но и при всей этой воздержности, легко будетъ замѣтить каждому, что предлежащіе образцы далеко ушли отъ „Сочиненныхъ пѣсней“ XVIII вѣка (см. выпускъ 9): они очевидно не нуждаются ни въ извиненіи, ни въ оправданіи, ни въ общемъ участіи и сочувствіи, ни даже въ понятливости и

ясности, во всемъ томъ, что мы съ избыткомъ еще находили при пѣсняхъ Павловскихъ, Екатерининскихъ и Елисаветинскихъ.

Прежнія *Канты*, вмѣстѣ съ послѣднимъ покровителемъ ихъ Платономъ, также совершенно почти упразднились, именно въ эту пору: оттѣнокъ, который нѣкогда придавали онѣ порядочно еще процвѣтавшей пѣснѣ „народной“ и порядочной „сочиненной“, на переходѣ изъ устъ въ книгу, изъ книги въ уста, теперь вовсе оказался не нуженъ, ибо всѣ переходы и проходы заняла одна книга.

Тѣмъ не менѣе, предлежащіе образцы намъ нужны, хоть бы для продолженія XVIII-му вѣку.

Пригодились они своему вѣку и для другаго. Какъ бы ни старались сочинители „дѣятелей Александровскаго времени“ отыскать въ благородномъ писателѣ одно только любимое Его Высокоблагородіе, Карамзинъ останется по преимуществу писателемъ честнымъ и умнымъ. Съ этой стороны, если непремѣнно уже, держа въ рукахъ книгу, требовалось „пѣть“ и „воспѣвать“, то онъ лучше другихъ воспѣлъ Екатерину („Мнѣ *ли* славить тихой лирой“); раньше прочихъ остановился на Ильѣ Муромцѣ и счастливѣе подошелъ здѣсь къ тайнѣ народнаго стиха,—не въ укоръ будь глухотѣ Державина; а главное, скорѣе другихъ порадовался концу побѣдъ и пѣсней побѣдныхъ:

„Конецъ побѣдамъ: Богу слава!“

И въ самомъ дѣлѣ, до какой степени онъ угадалъ здѣсь поворотъ въ направленіи вѣка и какъ пресытилась литература собственными пѣснями военной славы, доказательство въ томъ, что именно послѣ „Отечественной войны,“ и никогда еще не такъ сильно, не такъ быстро, жадно и страстно, какъ отселѣ, устремились передовые люди къ отысканію, собиранію, изданію, изученію народной пѣсни. Калайдовичъ, кн. Цертелевъ и Востоковъ вывели впередъ цѣлую вереницу подобныхъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ все ревностнѣе, преданнѣе и счастливѣе. Такъ безпощадно отрицать все дѣйствительное по грѣхамъ нашимъ и все минувшее по счастію, такъ добровольно выпустить изъ рукъ своихъ господское достояніе привилегированной литературы, такъ глубоко низойти чтобы подняться, такъ довѣриться будущему, казалось бы неприглядному, и такъ непосредственно, минуя препоны и промежутки, перейти изъ одной эпохи Александровской въ Александровскую вторую,—могъ только Русскій, благодаря тому, что не утратилъ понятія объ народѣ при наличномъ, уцѣлѣвшемъ простонародьѣ. Потому образцы „пѣсней сочиненныхъ“ важны здѣсь какъ отрицаніе, вызвавшее жизнь положительную: „пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью;“ важны какъ мирная кончина прежняго владѣльца, а за нею вводъ во владѣніе пѣснею народной: не для однихъ крестьянъ собственниковъ, безъ того владѣвшихъ, а для всѣхъ насъ, освободившихся съ ними изъ вѣковой крѣпости.

*

Начинаемъ съ той пѣсни, въ которой по крайности есть хоть отзвукъ народный.

Начало ея скрывается въ народномъ употребленіи; появляется она „на сценѣ“ городскою и въ частности Петербургскою; потомъ одновременно и романсомъ, и въ пародіяхъ городской гулящей черни; далѣе переходитъ къ Цыганамъ: наконецъ вырабатывается для 12-го года въ сочиненную патріотическую и, въ семъ видѣ, хотя не вполнѣ, а по частямъ, снова проникаетъ изъ разныхъ „классовъ“ въ подгородные уголки народа.

Сколько мы ни искали ея въ первобытномъ цѣломъ составѣ среди народа, мы не нашли. Но ея первые стихи и по мѣстамъ дальнѣйшія выраженія обличаютъ основу склада народнаго; тѣмъ больше напѣвъ утвердился скоро и повсемѣстно съ характеромъ народнымъ. То и другое, однако, и складъ, и напѣвъ убѣждаютъ насъ, что во всякомъ случаѣ опредѣлилась она *поздно*, не раньше конца прошлаго вѣка, и притомъ *среди городскихъ жителей*. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, напѣвъ (неразлучный со складомъ) истекаетъ изъ пѣсни старшей, именно изъ чисто-народной—„Ахъ вы сѣни мои, сѣни;“ сбивается на позднѣйшую (XVIII вѣка) и вмѣстѣ городскую—„Ужь какъ по́ мосту-мосту́;“ но, выдержавъ средину между ними въ 1-мъ колѣнѣ, разнообразится и достигаетъ особенности или, лучше, новости въ колѣнѣ 2-мъ, обращая его въ „припѣвъ.“ Въ семъ послѣднемъ видѣ, съ характеромъ народнымъ, хотя и позднимъ, напѣвъ, какъ сказано, быстро распространился и утвердился повсемѣстно до того, что сто́итъ лишь напомнить—„За горами, за долами,“—и всякой городской житель съ голосомъ тотчасъ вамъ напоетъ, между тѣмъ какъ на вѣрное цѣлой пѣсни, особенно же народной, вовсе не знаетъ; напоетъ иной и подгородный крестьянинъ, хотя опять среди крестьянства своего—основной пѣсни не сыщетъ. Явленіе любопытное, но обычное, и странное лишь тому, кто не знакомъ съ исторіей пѣсни: первоначальнаго и цѣльнаго нельзя здѣсь сыскать потому, что въ самомъ началѣ пѣсня была выродкомъ, межеумкомъ и отрывкомъ.

Такимъ способомъ, какъ бы изъ подъ земли, пѣсня появляется вдругъ въ началѣ нашего вѣка, и съ разу оказывается „на сценѣ“ въ городской обдѣлкѣ:

A).

За горами, за долами,
За лѣсами, межь кустами,
Лужочикъ тамъ былъ (2: дважды).
На лужку росли цвѣточки,

Вокругъ милы ручеёчки [1])
Блистали въ струяхъ (2).
Птички *нѣжны* пѣсни пѣли,
Слышны были тамъ свирѣли,
Соловей свисталъ (2)... [2])
Подлѣ домика дубочикъ,
Гдѣ сидѣлъ душа-молодчикъ
Въ кручинѣ въ тоскѣ (2).
Поджавъ рýченьки сидѣлъ,
На цвѣточки онъ смотрѣлъ [3]),
Пѣсенку запѣлъ (2): .
«Ахъ ты, милая моя,
«Миловидная моя [3]),
«Скучно безъ тебя (2)!
«Безъ тебя мнѣ все не мило,
«Все не мило, все постыло [4]),
«*Скрылся свѣтъ изъ глазъ* (2).... [2])
«Сердце ноетъ—ноетъ—ноетъ,
«Во разлукѣ плачетъ-стонетъ
«Доброй молодéцъ (2).»
— Не тужи, не плачь, дѣтинка,
— Не жалýйся [5]), сиротинка,
— Увижусь съ тобой (2):
— *Опять будемъ мотылёчки*
— *И по прежнему дружочки*
— *Съ тобой, милый другъ* (2)! —

(Появилась печатно въ Москвѣ, у *Ильина* и *Рѣшетникова*, въ пѣсенникѣ 1811 года; за тѣмъ, съ разными варіантами, печатали другіе, прибавляя: „*Санктпетербургская* пѣсня, которую поютъ многіе (или „весьма многіе“) по веселому ея голосу;“ у нѣкоторыхъ въ числѣ „Цыганскихъ“).

*

[1]) За симъ крутой поворотъ въ книгу, означаемый у насъ, и ниже, курсивомъ —[2]) Выпускаемъ чисто-книжное.—[3]) Такая перемѣна размѣра и склада въ обычаѣ народномъ, а книга—безъ напѣва-легко и нарочно исправила бы это.—[4]) Изъ старшей сравнительно, хотя недавней же городской пѣсни—„Ахъ скучно мнѣ На чужой сторонѣ.“—[5]) Это народное выраженіе измѣнено иными нѣжнѣе—„Ты мнѣ жалокъ...“

И точно, мы видимъ черты по преимуществу Петербургскія въ образцѣ:

Б).

За долами, за горами, за лѣсами, межь кустами,
Лужечикъ тамъ былъ (2)....[1])
Не по далеку былъ холмикъ, а на холмикѣ былъ домикъ
На всей красотѣ (2).
Возлѣ домика дубочикъ, гдѣ сидѣлъ душа-молодчикъ
Въ кручинѣ-тоскѣ (2)....[1])
Не тужи, не плачь, дѣтинка, ты мнѣ жалокъ сиротинка,
Увижусь съ тобой (2) [2])!
Какъ по улицѣ по той шолъ дѣтинка молодой,
Чиномъ не простой (2).
Не простой онъ, дворянинъ, еще князь и господинъ,
Погуливаетъ (2).
А какой-то въ сертукѣ держитъ Катю на рукѣ,
Цѣлуетъ ее (2).
Она его цѣловала и цѣпочкой баловала,
Просила часовъ (2).
«Ахъ, жаль часы дорогія, отпустить въ руки чужія,
Боюсь, пропадутъ (2)!»
Духи, пудра и помада,—для дѣвчонокъ всё то надо,—
Себя украшать (2).
Опахаломъ всегда машетъ, въ маскерадахъ часто пляшетъ:
Шашурка моя, размиленькая (2)!
Она моды разбираетъ и на шлюбкахъ разъѣзжаетъ,
Что возятъ песокъ (2).
Шиньёнъ пудрой набиваетъ и на дрожкахъ разъѣзжаетъ,
Что возятъ кульё (2),
Нарумянившись, вся въ мушкахъ, и валяется на стружкахъ:
Красотка моя, размиленькая!

(Прачъ, еще не знавши ея въ 1-мъ изданія, напечаталъ во 2-мъ, 1806 года).

*

[1]) Выпускаемъ повторенія предидущаго образца.—[2]) Отселѣ начинается „спеціальность.“

Такъ перешла она въ *романсъ*:

В).

Ахъ, въ прекрасномъ во мѣстечкѣ
И при быстрой чистой рѣчкѣ
Стоялъ зе́ленъ лугъ (2).
Притомъ солнышко свѣтлѣетъ
И прохладный вѣтеръ вѣетъ
Въ зелено́й тотъ лугъ (2).
Гдѣ взяла́ся тутъ дѣво́чка,
Ищетъ красная цвѣточка,
Сплести ей вѣнокъ.
Въ зелено́мъ лужку гуляла,
Разныхъ цвѣтиковъ искала,
Сорвала цвѣтокъ (2).
Держитъ дѣвушка цвѣточикъ,
Красная плететъ вѣночикъ,
Стоя за рѣкой (2).
Сплела дѣвочка вѣночикъ
И стоитъ, какъ городочикъ,
Подпершись рукой (2).
«Не далеко тутъ, въ лѣсочикъ,
«Гдѣ я слышу голосочикъ,
«Пойду поищу (2)»....

Конецъ:

— Когда время, другъ мой, сыщешь,
— Себѣ волю какъ отыщешь,
— Прошу побывать (2).
— Когда свидимся съ тобой,
— Такъ мнѣ сдѣлаешь покой,
— Не буду тужить (2).—

(Въ печатныхъ пѣсенникахъ нѣсколько позднѣе первой, со ссылкою на нее: „Радостное свиданіе пастушковъ. На голосъ: *За горами, за долами*“).

*

Одновременно съ симъ, пѣсня обратилась на путь *не совсѣмъ* печатный, впрочемъ весьма рано, такъ что распространена была по Москвѣ въ наше малолѣтство; „сценою"—Воробьевы Горы, куда въ то время собиралось много на гулянье по праздникамъ, особенно людей „гулящихъ"; изъ приличія помѣщаемъ лишь характерные отрывки:

Г).

За долами, за горами,
За прекрасными мѣстами,
Лѣсочикъ тамъ былъ (2):
Лѣсокъ маленькій, паршивый,
Что̀ зовется «Кустикъ вшивый,»
Мѣсто хорошо (2)!
Тамъ и пьютъ и—и́ [1] гуляютъ,
Веселятся и играютъ
Вечерней порой (2).
Мнѣ случилось подъ кустомъ
Видѣть дѣвку съ молодцомъ:
Любо посмотрѣть (2)!
Пестряднàя на ней юбка,
Чепчикъ синій—точно шлюпка,
И тотъ на боку (2);
Башмаки на ней худые,
Чулки новы, шерстяные,
И тѣ всѣ въ дырахъ (2)....
Въ концѣ подходятъ къ ней подруги:
У одной былъ глазъ подбитый,
У другой затылокъ бритый,
Третья безъ скулы:
Красотки мои,
Расписаны [2]!

(Пѣсня эта обратно перешла снова въ С.-Петербургъ и породила тамъ еще прелестнѣйшую, но *вовсе* уже *непечатную:* „Какъ во Палкинскомъ трактирѣ Разыгралась—на лирѣ Очень хорошо." Утвердившійся такимъ путемъ „народный" напѣвъ взятъ нами на подлинную, театральную сцену и примѣненъ для куплетовъ во многихъ „піэсахъ," на примѣръ въ „Простушкѣ и воспитанной").

*

---

[1]) Растянуто для напѣва.—[2]) Обычный пріемъ пѣсней позднѣйшихъ—удвоивать и утроивать припѣвъ.

Изъ сихъ-то и подобныхъ „шутливыхъ" элементовъ, вскорѣ послѣ 1812-го года, сложена извѣстнымъ сочинителемъ патріотическая знаменитая пѣсня объ „Отечественной войнѣ." Но такъ какъ въ то время безпрестанно переводились произведенія наши за границей, а оттуда спѣшно переводили мы, гордясь тѣмъ, что объ насъ пѣли то и то въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, въ Парижѣ, посему тотчасъ же появился парафразъ пѣсни и по Французски. Съ тѣхъ поръ у насъ, до самого *С. М. Любецкаго*, столь почтеннаго любителя старины („Русь и Русскіе," М. 1869 г.), съ особеннымъ уваженіемъ видѣли въ пѣснѣ „подражаніе Французской:" отвлеченность Французскаго „подлинника" убѣждаетъ однако же на оборотъ, что скорѣе самъ Русскій авторъ, обрадованный успѣхомъ своего творчества между всѣми „классами," постарался придать ему вѣсъ посильною работой на иностранномъ діалектѣ. Сей Французскій плодъ мы помѣстимъ на взглядъ внизу страницы и усмотримъ легко, что никто другой не въ силахъ отбить у насъ произведенія нашего собственнаго, оправданнаго притомъ ясною исторіей его „шутливаго" происхожденія:

1.

За горами, за долами,
Бонапа́рте съ плясунами
Вздумалъ [1]) въ ровень стать (2, и т. д.).
Конь куда [2]) съ копытомъ мчится,
5. Ракъ туда жь [2]) съ клешней тащи́тся,
И давай плясать.

1.

Napoleon à danser (*bis*)
Voulut un jour s'exercer (*bis*).
Très degouté de l'Anglaise,
Jl apprend la Polonaise:
5. L'on va voir en rond
Tourner Napoleon.

*

---

[1]) Легче пѣлось: „Думалъ."—[2]) По разнымъ „классамъ" пѣлось обыкновенно: „Куды конь—Туды ракъ."

Не въ подладъ [3]) пошелъ *Англезу*,
Вздумалъ, бросивъ [4]) *Экосезу*,
Польскую пройтить [5]).
Не видавши пыли Русской,
Къ верьху вздернулъ носъ Французской,
И давай кружить [5]).
А Сарматы пустословы
Подыграть ему готовы:
« «Гостикъ дорогой!» »
Скрыпки, ба́сы заревѣли,
Звонки трубы загремѣли:
То-то пиръ горой!
Скоро *Польскимъ* онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ:
— Сѣмъ, на Русь пойду!
— Тамъ я *Барыню* [6]) пройдуся,
— Фертомъ [7]) въ бо́ки подопруся.
— Пляску заведу!—

Les Sarmates, bons garçons,
Fournissent les violons:
Au bal chez eux on s'assemble.
Planchers, fenêtres, tout tremble;
Leurs sauts et leurs bonds
Menacent les plafonds.

*

Mais la Polonaise enfin
Le lasse de son refrein [8]).
— Traversons le Borysthene!
— Là me trouvant en haleine
— La Russe—sera
— Ma danse d'opera!—

*

---

[3]) „Не въ попадъ.“—[4]) Книжное замѣняли: „Вздумалъ бросить.“—[5]) П
„пройтись—И давай, кружись!“—[6]) Пляска, привившаяся у насъ въ эпоху
гара крѣпостнаго состоянія, какъ лакейская пародія на танцы госпожи
насъ сложена и особенная пѣсня къ этому—„Барыня, барыня (въ двухъ
дахъ).“ — [7]) *Ф.*—[8]) Такъ,

Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку Москву:
— Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтиться,
— А чтобы повеселиться,
— Барынь позову!—
Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося:
Не съ кѣмъ поплясать.
Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу:
Пришлось отдыхать.
Князь Кутузовъ помнилъ [1]) слово:
«*Хоть не скоро, да здорово* [2]).
Старый воробей [3])!

Borodin du fier danseur
Ne rallentit point l'ardeur:
— Allons à la capitale!
— Là dans une grande salle
— Seront abondants
— Les raffraichissements!—

*

Napoleon à Moscou
Se foule un peu le genou:
A droite, à gauche il regarde,
Jl s'amuse à la moutarde,
Sans prèvoir un moment
La danse, que l'attend.

*

---

[1]) Пѣлось и „молвилъ.“—[2]) Пословица.—[3]) Кутузовъ: „кого на мякинѣ не проведешь,“ не обманешь.

Знавши вывертки Французски,
Заиграть велѣлъ по Русски
Музыкѣ своей:
Наши грянули по свойски—
Мы не знаемъ по заморски—
Нутка *Козачка* [1])!
Чуть прослышалъ Корсиканецъ:
— Провались, проклятый танецъ,
— Дастъ онъ мнѣ толчка!
— То ли дѣло по Нѣмецки
— Танцовать по молодецки
— Старой Алемандъ!
— Эта пляска мнѣ сходнѣе
— И для ногъ моихъ сноснѣе:
— Ну, назадъ, назадъ!—

Koutousoff l'oeil en arret
Fait tendre aux siens le jarret,
Puis ordonne à la musique
De son orchestre tragique
D'entonner un air —
Charivari d'enfer.

*

Bonaparte aux premiers sons
Tourne vite les talons:
— Tu-dieu, quelle sarabande!
— J'aime bien mieux l'Allemande;
— Danse qui voudra
— Toutes les danses là!—

*

---

[1]) Народная пляска, занесенная изъ Украйны: указаніе на роль козако

«Видно, хватъ, ты изъ Французовъ,»
Говоритъ ему Кутузовъ:
«Нѣтъ, братъ, погоди!
«Шаркать мастеръ ты ногою:
«Сѣмъ, попляшемъ мы съ тобою,
«Путка выходи!
«Захотѣлъ плясать по Русски,—
«Присѣдай-ка по Французски
«Ты, Наполеонъ!»
Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать [1] «пардонъ.»
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога.
Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало [2]):
Пляска дорога!
Моргонулъ онъ Коленкуру:
—— Сѣмъ-ка, выкинемъ фигуру
— На Цыганскій ладъ!—

Koutousoff le guoguenard
Dit à ce danseur blafard:
«A peine entrez vous en danse,
«Que vous perdez la cadence!
«Pas de rigodon,
«Monsiur Napoleon!»

*

Napoleon lui repond:
— Votre Russe me confond:
— A peine mon soulier craque,
· Que Kalmouks, Baschkirs, Cosaques
— Par leurs entrechats
— Derangent tous mes pas.—

*

[1]) „И кричитъ.“ — [2] Поляковъ.

Бросивъ пышныя ухватки,
По Цыгански [3]) безъ оглядки
Шаркнули назадъ.

Не соваться было въ воду,
Не спросяся прежде броду [4]),
Хватъ-богатырю!
Мать Россійская держава—
Силы много! Слава, слава
Бѣлому царю!

(Подписывалось въ печати: „С. Черная Слобода“ и по этому признаку наши библіографы легко могутъ догадаться, чье это сочиненіе. Съ 1814 г. отмѣчала также печать, что это „подражаніе Французской, напечатанной въ 1-й книжкѣ Вѣстника Европы 1813 года;“ тѣмъ не менѣе именовала пѣсню „народною“ и въ числѣ „народныхъ“ помѣщала ее. Равнымъ образомъ, съ самаго появленія ея въ печати, постоянно прибавлялось, что поется пѣсня на голосъ „*За горами, за долами*,“ и, стало быть, существовалъ извѣстный *старшій* ея первообразъ, о которомъ мы и говорили выше, и отчасти привели его. Кромѣ того, „Пѣсенники,“ ближайшіе къ 1814-му году, называли ее „народною,“ помѣщали въ числѣ „забавныхъ, критическихъ, сатирическихъ,“ но отличали еще прозвищемъ „*новѣйшей*.“)

Une fugue il fait jouer,
Ordonnant d'executer
Cette figure à la mode,
Par un pas fort incommode,
Jadis inconnu,
Nommé— «*Chassé-battu*.»

(Текстъ сей напечатанъ у насъ первый разъ въ „Вѣстникѣ Европы,“ который издавался М. Т. Каченовскимъ съ цензурою А. Ѳ. Мерзлякова, въ 1-й Январьской книжкѣ 1813 года, вышедшей въ Мартѣ, № 1 и 2, въ Смѣси, стр. 147—149, съ заглавіемъ „Французская пѣсня о Бонапартѣ,“ „на голосъ: „*Quand Biron voulut danser*;“ со сноскою отъ *Издателя*: „Не зная, кѣмъ сочинена эта забавная пѣсня, охотно помѣщаемъ ее [5]) въ Вѣстникѣ, и надѣемся, что многимъ изъ читателей, разумѣющихъ Французскій языкъ, она понравится.“)

---

[3]) Тогда особенно увлекала Цыганская пляска: здѣсь—по Цыганской манерѣ, воровски, нищенски, въ лохмотьяхъ, въ бѣгахъ съ воровскими лошадьми.— [4]) Пословица.—[5]) По этимъ признакамъ, она была *доставлена* въ Редакцію, конечно изъ Русскихъ рукъ.

Внезапное появленіе сей пѣсни, быстрое и громадное распространеніе, а послѣ объ авторѣ концы въ воду,—все это сближаетъ судьбы ея съ судьбами другой извѣстной, появившейся черезъ 40 лѣтъ въ Крымскую войну,—„Вотъ въ воинственномъ азартѣ.“ По тѣмъ же причинамъ нельзя ей отказать въ нѣкоторомъ характерѣ „народномъ:“ но, разумѣется, тогда какъ она пѣлась по всѣмъ „классамъ“ и мы сами въ малолѣтствѣ это застали, народъ въ смыслѣ крестьянства и простонародья пѣлъ ее лишь частями и отрывками, болѣе понятными, прибавляя собственныя вставки, пока въ нынѣшнюю пору совсѣмъ забылъ; осталась по фабрикамъ, трактирамъ и всякимъ подобнымъ „заведеніямъ“ *смѣсь* разныхъ образцовъ, послѣдовательно нами указанныхъ, съ однимъ только неизмѣннымъ *первымъ стихомъ* да *напѣвомъ*. Сего рода искаженій мы уже не собирали и не печатаемъ.

Цыгане, съ конца XVIII-го вѣка до 40-хъ годовъ нынѣшняго, по испорченности общественнаго вкуса, долго служившіе въ дѣлѣ пѣсней посредниками между „обществомъ“ или „классами“ и между народомъ „низшаго слоя,“ переводя пѣсни съ низу въ верхъ или романсы и прочіе сочиненные стихи съ верху въ низъ, обновили занимающую насъ пѣсню въ маскарадѣ 25-го Апрѣля 1814 г., въ Купеческомъ собраніи (въ домѣ Апраксина). Только что вернувшись тогда изъ Ярославля, гдѣ они хоромъ своимъ во время нашествія тѣшили „отъѣзжихъ“ Москвичей, выступили они на подмостки „сцены“ съ патріотическою пѣснею и дольше другихъ „Пѣсельниковъ“ сберегали ее въ репертуарѣ своего кружка.

* *

Ближе всѣхъ къ этой первой пѣснѣ стоитъ слѣдующая. Она одинаково „сочинена,“ но имя ея автора скоро стерлось. Какъ ни странно, только съ нѣкоторыхъ поръ „безъимянность“ сдѣлалась существеннымъ спутникомъ, по крайности параллельнымъ явленіемъ всякого „народнаго“ употребленія: и это, какъ убѣдимся послѣ, совсѣмъ не по закону и не по древнему требованію народнаго творчества, а потому, что *вся* область пѣсни, въ періодъ насъ занимающій, сдѣлалась „Безъимянною;“ мы видѣли даже, чѣмъ ближе къ исторической „сценѣ,“ тѣмъ скорѣе пропадаетъ въ теперешнемъ народѣ имя, такъ что „Безъимянныя“ или „Молодецкія“ пѣсни суть прямые наслѣдники пѣсни „Исторической.“ Потому предлежащая, по мѣрѣ ея народности, эманципировалась отъ литературнаго имени и съ разу появилась въ средѣ солдатъ, такъ что, по убѣжденію эпохи, сочинена ими самими, во время похода за Польскую границу, при первыхъ шагахъ на освобожденіе Европы. Изъ полковыхъ хоровъ перешла она къ такъ называемымъ „Пѣсельникамъ,“ то есть болѣе—менѣе искусственнымъ хорамъ, не столько нужнымъ народу, сколько обществу и публикѣ, въ особенно-

сти на гуляньяхъ: здѣсь держалась она долго, до нашихъ молодыхъ лѣтъ, разносясь по разнымъ классамъ, такъ что, помнимъ мы, не было Москвича, кто бы не зналъ ея. Семейные кружки пѣли ее за гуслями: начала она смолкать уже при улучшенныхъ форте-піанахъ. Нотъ печатныхъ мы не видали, да и не нужно было, потому что напѣвъ— Елизаветинской пѣсни, „Во селѣ-селѣ Покровскомъ," т. е., первообразнѣе, „Ахъ вы сѣни мои, сѣни," а этотъ голосъ всѣмъ былъ извѣстенъ и пѣсня держалась его строго по самому размѣру (предыдущая, мы видѣли, отступила, особенно „припѣвомъ"). Но дальше пѣсельниковъ въ народъ она не проникла, ни даже въ подмосковный. Печатные же „Пѣсенники" стали извлекать ее изъ живаго устнаго употребленія не раньше, сколько намъ извѣстно, 1818-го года: и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, печатали съ „варіантами," кои мы отмѣтимъ.

2.

Ну-т-ка, Русскіе солдаты,
Станемъ Нѣмцевъ выручать!
Нѣмцы больно трусоваты [1]:
Намъ за нихъ, знать [2]), отвѣчать.

Не боимся мы Французовъ,
Штыкъ всегда востёръ у насъ:
Лишь бы батюшка Кутузовъ
Допустилъ къ нимъ скоро насъ [3]).

Расщелкáемъ эту сволочь,
Разобьемъ мы ихъ полки:
Намъ не надобна и пóмочь,
Намъ не нужны Прусаки.

По полдюжинѣ на брата
Мы домой приволочóмъ:
Вѣдь для Русскаго солдата
Бить—играть словно мячóмъ [4]).

---

[1]) Позднѣе въ печати: „Нѣмцы что-то плоховаты."—[2]) Въ пѣніи обыкновенно слышалось: „Знать, за нихъ намъ отвѣчать."—[3]) Въ пѣніи: „Допустилъ скорѣе насъ."—[4]) Въ пѣніи: „Бить для Русскаго солдата Словно поиграть мячомъ;" позднѣе въ печати: „Бить, играть славно мечомъ."

Бонапартъ хоть и храбрится,
Но [5]) напляшется и онъ,
Какъ удастся намъ сразиться,
Гдѣ нашъ князь Багратіонъ.

Онъ Суворова Рымникска [6])
Ученикъ достойный былъ:
Подойди-тко [7]) къ нему близко,
Такъ покажетъ тотчасъ пылъ [8])!

Хоть будь [9]) въ пятеро сильнѣе,
Онъ не станетъ отступать:
Тутъ гораздо онъ смѣлѣе,
Гдѣ труднѣе побѣждать.

Мы сражаемся за вѣру,
Бьёмъ невѣрныхъ за любовь:
Не за вздорную химеру [10])
Проливаемъ свою кровь.

Вольности мы не желаемъ,
Царя любимъ какъ отца,
Всей душой къ нему пылаемъ,
Знаетъ онъ наши [11]) сердца!

(Въ пѣсенникахъ надписывалось: „Пѣсня Русскихъ солдатъ, сочиненная ими въ бытность ихъ въ походѣ противъ Французовъ, на голосъ: *Во селѣ-селѣ Покровскомъ*;“ перестали перепечатывать послѣ 30-хъ годовъ).

* *

Нѣкоторыя черты, удачно схваченныя въ предыдущемъ образцѣ, понравились и возбудили видимое желаніе „развести“ ихъ плодовитѣе, а кстати поднять „тѣнь“ Украинскаго козачества, если его образа не было въ живѣ на лицо. Въ сихъ побужденіяхъ, почти въ одно время, къ пѣснѣ предшествующей прибавила печать другую, уже на Малорус-

[5]) Въ пѣніи: „Да.“— [6]) Въ пѣніи: „Рымницка.“— [7]) —*ка*.— [8]) Позднѣе въ печати: „пыль.“— [9]) Въ пѣніи: „Будь хоть.“— [10]) Одно ужъ это помѣшало бы перейти въ народъ.— [11]) Въ пѣніи: „Наши знаетъ онъ сердца.“

скомъ „діалектѣ;“ но длиннѣйшее произведеніе это не пошло далеко изъ книги, и мы извлекаемъ изъ него только *кстати:*

3 *).

Що за гамъ такый несецьця:
Кажуть, зовсимъ Прусъ пропавъ!
Чортъ зна, що тутъ роздаецьця:
Що Прусъ зъ жинкою втекавъ!
Отъ кого же? Отъ Француза:
А задавъ ему винъ тўза,
Давъ ему такъ трепака̀,
Що жъ подскочивъ гопака̀.
Що гораздъ було дывицьця,
Якъ нашъ цезарь помылывся:
Якъ Россія стала бицьця,
Ты жъ Французу все дывывся!
Ты не йшовъ намъ помагаты,
Зъ нами славу добуваты,
Щобъ зъ Россіей роздилыты,
И Французивъ щобъ побиты!
Далы чорту Бонапарту
Да такую гарну жарту....
Якъ набравъ кишеню грошій
И Прусацького добра,
Взявъ дивчатъ, жинокъ хорошихъ,
Наробивъ богацько зла,
Тутъ и Прусъ узнавъ, що лыхо,
Бо дошло вже не до смиха:
Стари, мали, вси гудуть,
Що вси зъ голоду помруть.
Зажурывсь Прусакъ тугенько:
Якъ бы горю пособить?

*) Разумѣется, въ Пѣсенникахъ страшно исковерканы и нарѣчіе, и правописаніе.

На колинки павъ любенько,
Александра ставъ просить:
«Змилуйсь, батько, любый пане!
«Защити видъ бусурмана
«И не дай погыбнуть намъ,
«Всимъ Прусацькимъ головамъ!»
Тутъ нашъ батычко хорошій
За́разъ хлопьцямъ давъ прыказъ:
— Наберитя хлиба, ґромій,
— И въ походъ идить зара́зъ!—....
Тутъ все війско замутылось,
Мовъ якъ пщолы изъ ульивъ:
У Прусака очутылось
Куча гарныхъ козакивъ....
Скилько же, спроси́, зобра́лось
Тутъ отборнихъ козакивъ?
Сотъ шесть тисячь насмыкалось,
Окроми большихъ панивъ.
А ще скилько то по воли
Просять дать и имъ въ тымъ доли,
Щобъ въ товарыщи прынять
И звелить поганьця гнать!
Вражій сыну, псе скаже́нны,
Якъ се думаешь соби?
Се не тый вже викъ блаженны,
Що давъ панствовать тоби?
Такъ не смій взять оборону,
Зъ головы зными корону,
Прыпады царю къ стопамъ:
То винъ всимъ дасть милость вамъ!

(Надписывалось: „Козацкая пѣсня про Бонапарта.“).

Гораздо прямѣе подошолъ къ козакамъ, именно къ Донскимъ, одинъ изъ даровитыхъ писателей эпохи, какъ увидимъ ниже.

* *

Между тѣмъ складъ и напѣвъ, утвердившійся во 2-мъ, отпечатанномъ у насъ, образцѣ, заданъ былъ такъ счастливо, что въ этомъ родѣ сложился цѣлый рядъ произведеній, отчасти извѣстныхъ именемъ автора, но тѣмъ не менѣе любезно принятыхъ въ средѣ солдатской и получившихъ здѣсь даже нѣсколько варіантовъ. Мы приведемъ ихъ, хоть и не всѣ, и не цѣликомъ, наблюдая послѣдовательность по мѣрѣ успѣха ихъ среди солдатъ и по степени связи съ народными чертами или оборотами.

Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь слѣдующему образцу:

4.

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ,
Это, право, не бѣда:
Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда [1]).
Вспомнимъ, братцы, что Поляки
Встарь бывали также въ ней:
Но не жирны кулебяки,—
Ѣли кошекъ и мышей.
Напослѣдокъ мертвячину,
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ Русскимъ спину
Въ крюкъ по Польски изгибать [2]).
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ — слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

(Рано появилось въ печати и съ 1814 г. всюду распространилось; заглавлялось обыкновенно „Солдатская пѣсня,“ какою дѣйствительно и сдѣлалась она;

---

[1]) Въ пѣніи: „Это, право, ничего:
Съ нами батюшка Кутузовъ,—
Не боимся никого!“

[2]) Этотъ куплетъ позднѣе выпускался.

сочинитель *Ив. Кованько*, имя коего сначала, до перехода въ „Пѣсенники,“ постоянно печаталось, извѣстенъ и другими стихами на ту же эпоху; держалось въ употребленіи лѣтъ 20).

* *

Прочія постепенно все понижались, но еще не дурны:

5.

Вспомнимъ, братцы, Россовъ славу [1])
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою державу;
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить!
Мы впередъ, впередъ ребята,
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ!
Вѣра намъ и вѣрность свята [2]):
Побѣдимъ или умремъ!
Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь, Россіи у дверей [1]),
Будемъ биться со врагами,
Не пропустимъ злыхъ звѣрей!
Вотъ, рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечь и пламень къ нимъ несутъ.
Врагъ строптивый мещетъ [3]) громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ,
Топчетъ нивы, пáлитъ дóмы,
Змѣемъ лютымъ въ Русь летитъ.
Русь святую разоряетъ,
Нѣтъ ужь силъ владѣть собой:

---

[1]) Солдату легче было пѣть: „Русскихъ славу,“ „Русску славу.“—„У Россійскихъ у дверей.“—[2]) Позднѣе: „Вѣра наша, вѣрность свята.“—[3]) Не *мечетъ*, не *сыплетъ*, а непремѣнно *мещетъ*: дивишься, какъ лучшіе люди того времени теряли простое чутье и глохли среди литературы безъ устнаго творчества.

Бранный жаръ въ крови пылаетъ
Сердце просится на бой.
Мы впередъ, впередъ ребята,
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ!
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ или умрёмъ!

(Ветерана битвы и стиховъ, *Ѳ. Н. Глинки;* имя его печаталось до „Пѣсенниковъ;“ заглавіе „Солдатская пѣсня;“ держалось также лѣтъ 20.

* *

Былъ обычай особенно радоваться, если сочинитель подобнаго разряда, или, какъ называли, „пѣвецъ“ выступалъ „изъ народа“ и появлялся „во станѣ Русскихъ воиновъ (откуда и самое произведеніе Жуковскаго).“ Очаковъ во вкусѣ эпохи, какъ извѣстно, породилъ нѣкогда „Пастушку Очаковскихъ полей,“ выведенную на сцену И. Ѳ. Богдановичемъ съ „Одою:“

„Монархиня обширныхъ странъ,
Которой безпримѣрну славу
Гласитъ земля и океанъ“, и т. д.

Теперь, сообразно минутѣ, явился такимъ пѣвцомъ „отставной рядовой:“

6.

Братцы! Грудью пóслужите.
Гряньте бодро на врага
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!
Посмотрите, подступаетъ
Къ вамъ соломенной народъ:
Бонапарте выпускаетъ
Разныхъ націй хилый сбродъ [1]).
Не въ одной они всѣ вѣрѣ,
Съ принужденьемъ всѣ идутъ:

---

[1]) Рядовой былъ образованъ въ національномъ смыслѣ.

При чувствительной потерѣ
На него же нападутъ [2]).
Братцы! Грудью послужите (и проч.)...
Всѣмъ на вѣрно далъ онъ слово,
Что далеко къ намъ зайдетъ:
Знаетъ, до́ма нездорово,
До́ма также пропадетъ [3]).
Мыслитъ: «Коль пришла невзгода,
«Должно славу потерять,—
«Такъ отъ Русскаго народа
«Мнѣ и смерть честнѣй принять.»
Братцы! Грудью послужите (и проч.)...
Вся Европа ожидаетъ
Сей погибели его:
Бонапарта почитаетъ
За злодѣя своего.
Ахъ, когда слухъ разнесется,
Что отъ насъ сей врагъ исчезъ,
Слава русскихъ вознесется
До превыспреннихъ небесъ!

(Когда появилась эта пѣсня, съ 1814 г. заглавляли ее — „*Пѣсня* къ Русскимъ воинамъ, *написанная* (!) отставнымъ изъ Фанагорійскаго гренадерскаго полку солдатомъ *Никаноромъ Остафьевымъ* (по нѣкот. „Астафьевымъ") Іюля — дня (какъ пишется въ форменныхъ бумагахъ) 1812," и съ особеннымъ удареніемъ прописывали эти числовыя данныя, какъ раннее пророчество, въ послѣдствіи сбывшееся. Но, соображая, что въ началѣ подписывалось просто *Н. О.* и въ добавокъ, въ низу, „*Вологда*," скорѣе можно полагать, что рядовой сей былъ изъ ряду тѣхъ литературныхъ пѣвцовъ, которые покинули опасную Москву, въ народной пѣснѣ извѣстны подъ именемъ „сенаторовъ", блуждавшихъ по Ярославлю, Костромѣ, Саратову (ср. образцы выше), а въ литературѣ снабжены были на поѣздку паспортомъ отъ В. Л. Пушкина: „Примите насъ подъ свой покровъ, О Волжскихъ жители бреговъ." — „Пѣсенники" болѣе поздніе, не связанные числовыми данными пророчествъ, съ 1818 г. прибавляли, что это пѣсня изъ балета *Русскіе въ Германіи или Слѣдствіе любви къ отечеству*," гдѣ и слѣдуетъ искать подлиннаго рядоваго).

* *

[2]) Онъ зналъ термины реляцій: въ 1814 году, печатая это, съ удовольствіемъ прибавляли, что „истина сихъ словъ сбылась въ 1813 году." — [3]) Дѣла внутри Франціи были также извѣстны нашему рядовому.

Кстати приведемъ здѣсь, хотя и болѣе позднее, но за то вѣрное своими числами (1814 г.) произведеніе сейчасъ помянутаго автора, извѣстнаго не однимъ родствомъ своимъ, а столько же вѣрною службою литературѣ и этимъ вполнѣ игривымъ, незабвеннымъ стихомъ — „Изъ чести лишь одной я въ домѣ семъ служу.“ *Пѣсни* его по тому времени никакъ не хуже прочихъ, а по складу и господствовавшему напѣву совершенно одинаковы:

7.

Пойте, радуйтесь, ребята:
Александръ намъ вѣрный щитъ!
Имя Русскаго солдата
Тамъ и за́ моремъ гремитъ.
Бѣлый царь шутить не любитъ:
Онъ Французамъ доказалъ,
Что тому жить плохо будетъ,
Кто зло Русскимъ помышлялъ.
Гость незваной къ намъ явился,
Не во снѣ, а на яву,
И тѣмъ, извергъ, веселился,
Что жегъ матушку Москву
Сердца вздрогнули: ребята,
Мы въ Парижѣ!—Слава намъ!
Ужь не стало супостата!
Миръ землѣ и миръ врагамъ [1])!
Пойте, радуйтесь, ребята:
Александръ намъ вѣрный щитъ!
Имя Русскаго солдата
Тамъ и за моремъ гремитъ.

(1814 года помѣщалась въ числѣ немногихъ „Народныхъ пѣсней,“ впрочемъ съ подписью сочинителя В. Пушкина. „Пѣсенники“ болѣе поздніе полагали[illegible] что съ этою пѣснею войска наши вошли въ Парижъ, и потому заглавляли[illegible] „Торжественная пѣсня Русскихъ воиновъ при вступленіи въ Парижъ.“ Со[illegible]ственно въ Москвѣ исполнено было 1-й разъ на знаменитомъ праздникѣ 1[illegible] Мая 1814 года, въ домѣ и саду Полторацкаго; музыка аранжирована бы[illegible] *Морини*.

* *

[1]) Ср. Карамзинское: „Конецъ побѣдамъ...“

Въ особенности много образцовъ сего склада и напѣва, соединенныхъ съ именемъ Витгенштейна:

8.

Дай по чаркѣ зеленова,
За здоровье станемъ пить
Командира дорогова,
Что враговъ умѣетъ бить.
Сколько капель въ этихъ чаркахъ,
Столько лѣтъ ему чтобъ жить!
Намъ въ квартирахъ и въ бивакахъ
Все подъ нимъ чтобы служить.
Ура [1]) храбру Витгенштейну:
Онъ велѣлъ намъ отдыхать,
А Французу устрашенну, —
Носъ не смѣлъ чтобы казать.
Чтобъ въ своемъ онъ укрѣпленьи
Будто мышь въ норѣ сидѣлъ,
И въ стыдѣ, и въ изступленьи
Лучше бъ умереть хотѣлъ.
Погодите, то ль вамъ будетъ,
Князь Кутузовъ Михаилъ
Къ арміи когда прибудетъ,
Командиръ всѣхъ Рускихъ силъ.
Къ намъ пришлетъ дружины новы,
Мы опять на васъ пойдемъ:
Снимемъ съ Полоцка оковы
И въ полонъ васъ поберемъ.
Ура, Витгенштейнъ, Кутузовъ!
Ура, братцы, закричимъ:
Съ ними наглыхъ мы Французовъ
Перебьемъ, искоренимъ!

(Заглавлялось: „Пѣсня въ честь побѣдъ графа Витгенштейна;“ держалась до 30-хъ годовъ).

*

[1]) „Слава.“

9.

Чудо новое свершили
Съ Витгенштейномъ Русской духъ [1]):
Штурмомъ Полоцкъ покорили,
Разнесли враговъ какъ пухъ.
Витгенштейнъ—другой Суворовъ,
Полоцкъ—новой Измаилъ;
Изъ-за рвовъ и изъ окоповъ
Сенъ-Сиръ лыжи навострилъ.
Поскорѣе уплетайся,
Съ Магдональдомъ ты спросись,
Да назадъ не озирайся:
Витгенштейна берегись!
Намъ вошло уже въ привычку
Бить Французовъ наглецовъ;
Но что̀ скажемъ мы про стычку
Ополченья молодцовъ?
Будто звѣри разъяренны,
Съ грудью грудь и штыкъ съ штыкомъ,
Лѣзли черезъ рвы на стѣны
Съ сенатѐромъ храбрецомъ.
Бросивъ дво̀рскія [2]) забавы [3]),
Здѣсь Мордвиновъ съ ними шелъ
И на полѣ чести, славы
Рану тяжкую нашелъ.
Полководцы наши славны —
Балкъ, Гаменъ, Сибирскій, Ротъ
Получили также раны:
Лѣзли все они впередъ [4]).
Въ городъ первый кто ворва̀лся?
Нашъ Созоновъ генералъ:

---

[1]) Витгенштейнъ и Р. духъ согласованы со множ. числомъ. — [2]) Придния.—[3]) Позднѣе ошибкою: „заботы.“—[4]) Это особенно хорошо.

Какъ отчаянной онъ дрался
И «ура, ура,» кричалъ.
Господу—благодаренье,
Государю—слава, честь,
А злодѣямъ—посрамленье,
Божья праведная месть.
Подвигъ новый Витгенштейна —
Русскимъ радость, страхъ врагамъ:
А вселенна удивленна
Будетъ вѣрить чудесамъ.

(Заглавлялось: „По случаю покоренія Полоцка:“ держалось до 30-хъ годовъ).

*

10.

Ужь столицѣ возвѣстили,
Слышно съ пушечной пальбой,
Какъ Француза мы побили,
Удалой нашъ графъ, съ тобой.
Вишь, какой неугомонной!
За Двину къ намъ перешелъ:
Врагъ коварной, лютой, злобной,
Самъ напасть себѣ нашелъ.
Молодца мы потеряли:
Кульнева злодѣй убилъ;
Да за то и отчесали,—
Дорого ты заплатилъ!
Сколько тысячь межь рядами
Ты своими не дочтешь?
Сколько пулями, штыками
На плечахъ ты ранъ несешь?
Богъ поможетъ намъ великой,
И погонимъ за Двину:
Прочь бѣги скорѣй, звѣрь дикой,
Да лѣчи свою спину!

Между тѣмъ и Магдональда
Мы пойдемъ въ Люце́нъ искать:
И его побивъ, намъ надо
За́ рѣку къ тебѣ же гнать.
Такъ, уда́лый графъ, съ тобою
Русскіе вездѣ пройдутъ,
Смерть и ужасъ предъ собою
Вражьей силѣ понесутъ.
Царь тебя по царски славно
И достойно наградилъ:
Деньгами,—чтобъ жить пріятно,
И въ кресты онъ [1]) нарядилъ,
Здѣсь тебя чтобъ величали
Мы, нашъ командиръ драгой [2]),
Въ Питерѣ чтобъ вспоминали
По супругѣ подвигъ твой.
Витгенштейнъ! Съ тобой готовы
Въ воду и огонь итти:
Слава, честь, побѣды новы
Ожидаютъ насъ въ пути!

(Заглавлялось: „На случай побѣды при Клястицахъ и на взятіе штурмомъ Полоцка;“ держалось дальше 80-хъ годовъ).

*

11.

Для Россійскаго солдата
Пули, бомбы—ничего:
Съ ними онъ за панибрата [1]),
Все бездѣлка для него.

---

[1]) „васъ.“—[2]) „Здѣсь тебя чтобъ величали: Ты нашъ командиръ драгой!“

[1]) Слово перенесенное къ намъ изъ Литовской или Бѣлой Руси, а черезъ нее изъ Польши: „панъ братъ, пани сестра,“ то же, что „господинъ,“ monsieur, „госпожа,“ madame; эти обороты держатся доселѣ такъ крѣпко на Бѣлой Руси, что даже нищіе выражаются другъ о другѣ не иначе.

За царя готовъ, за вѣру,
Онъ съ охотой умереть
И не слѣдуетъ манеру—
Грать пардону, видя смерть [2]).
Можно ль сдѣлать златомъ, лестью,
Чтобъ царю онъ измѣнилъ?
Нѣтъ, онъ, въ слѣдъ стремясь за честью,
До послѣднихъ бьется силъ.
Подъ командой Витгенштейна
Всѣ солдаты таковы:
Съ нимъ прейдутъ потоки Рейна
И въ Парижъ найдутъ слѣды [3]).

(Заглавлялось: „Пѣсня солдата арміи Витгенштейна:" держалось долѣе 80-хъ годовъ).

*

Впрочемъ не одинъ Витгенштейнъ,—отчасти и Милорадовичь воспѣтъ тѣмъ же складомъ:

12.

Скоро зовъ послышимъ къ бою
И пойдемъ опять впередъ:
Милорадовичь съ собою
Насъ къ побѣдамъ поведетъ.
Надъ Дунайскими брегами
Слава дѣлъ его гремитъ;
Гдѣ ни встрѣтится съ врагами,
Вступитъ въ бой, — враговъ разитъ.
Вязьма, Красной, Ней разбитый—
Будутъ вѣкъ гремѣть у насъ.
Лавромъ мечь его обвитый
Букарестъ отъ бѣдствій спасъ.

---

[2]) „Брать пардонъ, идя на смерть;" позднѣе: „не слѣдуя."—[3]) Такъ называемое по тому времени „пророчество."

Чтобъ летѣть въ огни, въ сраженье
И стяжать побѣдъ вѣнецъ,
Дай одно лишь мановенье,
Вождь полковъ и вождь сердецъ!
Другъ солдатъ! Служить съ тобою,
Всѣ желаніемъ горятъ
И къ трудамъ готовясь [1]), къ бою,
Общимъ гласомъ говорятъ:
Милорадовичь гдѣ съ нами,
Лавръ повсюду тамъ цвѣтетъ:
Съ вѣрой, съ нимъ и со штыками
Русской строй весь міръ пройдетъ.

(Появилось въ половинѣ 1813 г. и заглавлялось: „Въ честь М. А. Милорадовича. Авангардная пѣсня, сочинена во время командованія авангардомъ главной арміи гр. М. А. Милорадовичемъ, въ Бунцлау, Марта 16 — по другимъ 10—1813;“ подпись: „Въ главной квартирѣ Россійской арміи.“ Въ Пѣсенникахъ: „на голосъ *Веселяся въ чистомъ полѣ*,“ а ближе — напѣвъ „Ахъ вы сѣни мои, сѣни.“ Держалось дольше 30-хъ годовъ).

* *

Предыдущіе пять образцовъ, скрывая имена сочинителей, называются обыкновенно то „народными,“ то „солдатскими;“ таковы же и нѣсколько послѣдующихъ:

13.

Станемъ, братья, собираться,
Весело пришлось гулять,
Станемъ пить—не напиваться,
Милыхъ нѣжно забавлять.
На Руси теперь веселье,
Время грозъ уже прошло:

---

[1]) „готовы.“

Съ славой нашей всѣхъ спасенье
Краснымъ солнышкомъ взошло.
И въ старинушку бывало
Отъ Руси не безъ чудесъ:
Мало насъ всегда пугало,
Кто бъ себя какъ ни вознесъ.
Мы Мамая поразили;
Палъ предъ нами бурный Шведъ;
Фридери́ку ль уступили
Мы на поприщѣ побѣдъ?
И теперь, какъ ополчился
Противъ насъ Наполеонъ,
Удалецъ сей посрамился
И не чуть [1]) уже, гдѣ онъ.
Видно, небесамъ угоденъ
Нашь надёжа-государь:
Онъ у насъ на все способенъ,
Онъ по сердцу Божью царь.

(Появилась прежде въ „Сынѣ Отечества,“ а съ 1814 года, въ числѣ „народныхъ“ пѣсней, повсюду до половины 20-хъ годовъ).

*

Народная „замашка“ въ образцахъ сего рода заходила иногда очень далеко:

14.

Чу!—И къ намъ ужъ налетѣла
Иноземна саранча!
Иль отвѣдать захотѣла
Богатырскаго плеча?

---

[1]) Не слыхать.

Черный гадъ на Русь святую
Наглу лапу протянулъ:
Вотъ затѣялъ мысль шальную,
Будто лишнее хлебнулъ!
На страну ты благодатну
Зубы волчьи навострилъ:
Иль забылъ ты грудь булатну,
Ихъ объ кою изтупилъ [1]?
Иль забылъ, что воевода
Русскихъ воиновъ—Самъ Богъ?
Что рукой Его народа
Онъ сотретъ продерзкій [2]) рогъ?
Иль забылъ, что нами правитъ
Царь-надёжа Александръ?
Что въ сердцахъ нашихъ [3]) пылаетъ
Вѣрности къ монарху жаръ?
Онъ отецъ, Его мы дѣти,
Онъ нашъ щитъ, его мы мечь:
Трудно ль вражьи ковы, сѣти
Намъ какъ мягкой пухъ разсѣчь?
Съ нашей матушкой Москвою
Оглядáйся да шути [4]):
Къ намъ пришедши съ головою,
Не утащишь и пяты́!
Русской рукѣ не пожалѣетъ,
Такъ те хватитъ по горбу,
Инда свѣтъ затуманѣ́етъ,
Будь хоть семь пядей во лбу.
Кожи, рожи не оставитъ,
Кости какъ въ мѣшкѣ стряхнетъ,
Словно гадину раздавитъ,
Иль какъ луковку сожметъ:
Небо съежится въ овчинку,

---

[1]) Этотъ стихъ не совсѣмъ гармонируетъ съ прочими „народными,“ з хватскими выраженіями.—[2]) Вар. „продерзкихъ.“—[3]) „У насъ.“—[4]) Не и безъ оглядки.

Искры вылетятъ изъ глазъ,
Коль Русакъ, взмахнувъ дубинку,
Треуха тебѣ задастъ.
Во́йски ваши всѣ размѣчетъ,
Махомъ сто головъ снесетъ,
Съ грязью, съ пылью всѣхъ васъ смѣситъ
И какъ щепки покладетъ;
Трупы ваши разбросаетъ
Въ чистомъ полѣ будто соръ:
Нечестивцевъ Богъ караетъ
Всему свѣту на позоръ!
Такъ послущайся жь совѣту:
Сломя голову бѣги,
А чтобъ не было въ примѣту,
Кучу глупостей налги.
Зло оставь, твори благое
И Европы не тряси:
Помни времячко худое,
Какъ бывалъ ты на Руси!

(Заглавлялась: „Народная пѣсня,—*Совѣтъ Русскаго Французамъ*.“ Не смотря на то, что начинаетъ какъ будто первымъ извѣстіемъ о нашествіи и кончаетъ пророчествами, появилась уже въ 1814 году и пѣлась въ Москвѣ послѣ извѣстія о взятіи Парижа).

* *

До какой степени однако разходились эти „народныя“ пѣсни отъ тѣхъ послѣднихъ народныхъ оттѣнковъ, кои мелькали еще въ первыхъ нашихъ „сочиненіяхъ,“ доказательствомъ служатъ слѣдующіе два образца, предлагавшіеся для исполненія „солдатскимъ хорамъ,“ при сравненіи съ помѣщеннымъ у насъ выше № 2-мъ:

15.

Здравствуйте, друзья-герои,
Храбры Прусскіе полки!
Мы разбили вражьи строи,
Съединивъ свои штыки.

Сочетавъ свои знамена
И пройдя сквозь тьмы препонъ,
Мы расторгли узы плѣна,
Что сплеталъ Наполеонъ.
Насъ поля побѣдъ сдружили:
Лести, хитрости нѣтъ тамъ,
Тамъ по братски мы дѣлили
Трудъ и лавры по поламъ.
Здѣсь, всѣ вмѣстѣ, дай, прославимъ
Двухъ героевъ и царей:
Грудь за нихъ въ бояхъ мы ставимъ,
Тверду грудь богатырей.
Для гремящихъ Русскихъ строевъ
Бить врага всегда пора.
Александръ! Кликъ общiй строевъ
Здѣсь гласитъ тебѣ: Ура!
Ура! ура! ура!
Фридрихъ-Вильгельмъ знаменитый,
Мудрый въ мирѣ, другъ добра,
Въ браняхъ славою покрытый,
Россъ гласитъ тебѣ: Ура! [1])
Ура! ура! ура!
Дайте жь чашу круговую,
Въ чарахъ [2]) медъ—солдатской кладъ:
Други, пѣснь еще другую
Запоемъ мы къ первой въ ладъ [3])!

*

16.

Веселись солдатъ съ солдатомъ,
Русской съ храбрымъ Прусакомъ:

---

[1]) Позднѣе этотъ куплетъ выбрасывался.—[2]) Вар „Въ чаркахъ слѣдующую.

Онъ привыкъ тебя звать братомъ
И владѣть, какъ ты, штыкомъ.
Веселись солдатъ съ солдатомъ,
Русской съ храбрымъ Прусакомъ:
Будь въ согласьи вѣкъ такомъ!

Хоръ.

О согласіе сердечно,
Процвѣтай межь нами вѣчно [1])!

Обними солдатъ солдата [2]),
Русской храбра Прусака:
Онъ привыкъ въ тебѣ зрѣть брата,
Обними солдатъ солдата!
Вѣкъ въ согласьи будь такомъ,
Русской съ храбрымъ Прусакомъ!
Объяви солдатъ солдату [2]),
Русской храбру Прусаку:
Что къ нему, какъ къ другу, къ брату,
По лѣсамъ, горамъ, песку,
Бурны рѣки преплывая,
Зной и голодъ забывая,
Ты на помощь прилетишь,
Съ нимъ умрешь иль побѣдишь.
Разпростись солдатъ съ солдатомъ [2]),
Русской съ храбрымъ Прусакомъ:

---

[1]) Этотъ хоръ послѣ каждаго куплета.—[2]) Такой пріемъ взятъ изъ старой Застольной Русской пѣсни, отчасти удержавшейся и доселѣ въ измѣненномъ литературномъ видѣ:

Подноси сосѣдъ сосѣду:
Сосѣдъ любитъ пить вино.
Поклонись сосѣдъ сосѣду...
Угощай сосѣдъ сосѣда...
Оботри сосѣдъ сосѣда:
Сосѣдъ выпилъ все вино.
Обними сосѣдъ сосѣда....
Поцѣлуй сосѣдъ сосѣда...
Въ шутку: Обругай сосѣдъ сосѣда....
Прогони сосѣдъ сосѣда....

Напѣвъ тотъ же: „Ахъ вы сѣни мои, сѣни.“

Кто дерзнетъ намъ быть врагомъ,
Зря въ согласьи насъ такомъ!

(Съ 1814 года обѣ пѣсни печатались рядомъ до 30-хъ годовъ, съ замѣткою что „пѣты въ Берлинѣ"—и это особенно интересовало — „на праздникѣ, данномъ Русскимъ воинамъ, возвращающимся со славою въ отечество," „на голосъ *Веселяся въ чистомъ полѣ*" или „на голосъ веселой пѣсни," которую мы уже знаемъ. Въ иныхъ Пѣсенникахъ прибавлялось, что пѣты онѣ вмѣстѣ съ тою, которая напечатана у насъ подъ № 6—мъ, среди Балета *Русскіе въ Германіи*, тогда какъ раньше увѣряли, что послѣдняя пѣсня написана „пророчески" рядовымъ Остафьевымъ: и точно, слогъ и складъ всѣхъ трехъ одинаковъ).

* *

Послѣ этихъ пѣсней, упорно провозглашавшихся „народными" и по меньшей мѣрѣ „солдатскими," слѣдуютъ произведенія другія, хотя всё того же склада и напѣва, но съ признаніемъ, что это „Польскіе," или „Гимны" и „Хоры," или съ подписью извѣстныхъ „сочинителей."

И въ предыдущихъ образцахъ, и въ послѣдующихъ, всякой легко замѣтитъ во первыхъ ту черту, что, какъ бы ни выдавались тогдашнія пѣснопѣнія за „раннія" и „пророческія," почти всѣ они, за исключеніемъ весьма немногихъ (см. выше), явились поздно и водворились лишь съ 1814 года, по самымъ числовымъ даннымъ печатанія ихъ и употребленія: и естественно, ибо въ началѣ, на долго, всѣ были оглушены ударами; болѣе подлинныя „народныя" пѣсни, и тѣ, какъ мы видѣли, сосредоточились въ творчествѣ лишь при имени взятаго Парижа,—а подавно „сочиненныя," какъ бы ни фальшивили ими.—Во вторыхъ, еще менѣе удалась попытка выдать ихъ за „народныя" и за „солдатскія," сложенныя якобы самими солдатами и записанныя изъ устъ ихъ: и книжность ихъ, и складъ съ напѣвомъ —совершенно однообразные, въ одну мѣрку, и проскользавшія имена сочинителей или подписи „мѣсторожденія",—все это обличало если не поддѣлку,—ибо поддѣлки не достигли,—то во всякомъ случаѣ метафоризмъ приданнаго заглавія и совершенно ошибочное понятіе какъ о народности, такъ о войскѣ.—Въ третьихъ, съ каждымъ нашимъ успѣхомъ, съ каждымъ шагомъ дальше и даже съ каждою новою народною „замашкою," постепенно въ сочиненіяхъ оказывается все меньше и меньше народности, такъ что заключительныя и торжественныя наши произведенія, какъ видѣли мы и сейчасъ еще увидимъ, несходны даже духомъ, характеромъ и направленіемъ съ первоначальными, по неволѣ еще подчинившимися нѣкоторому вліянію духа народнаго среди застигшей грозы: высвободившись на просторъ и заликовавши мы какъ будто оказались

похуже, очутились среди нашихъ всегдашнихъ будней и въ подъемѣ творческаго духа поослабѣли.

Кромѣ того, какъ ни скудны „народныя“ пѣсни эпохи, нельзя не замѣтить, что и съ ними сочиненія наши разошлись въ разрѣзъ, направившись совсѣмъ въ иную сторону: конечно нельзя было миновать Александра,—напротивъ къ нему все сосредоточивалось; но Платова въ особомъ стихотвореніи для пѣнія на голосъ вовсе нѣтъ, Константина также. Даже и объ Кутузовѣ въ этомъ пѣвческомъ родѣ всего только одинъ образецъ, хоть по смерти его, хоть *гимнъ*, хоть съ именемъ сочинителя, да по крайности *пѣтый*, и тѣмъ же напѣвомъ:

17.

О Кутузовъ, истребитель
Человѣчества враговъ!
Ты отечества спаситель,
Богатырь ты всѣхъ вѣковъ.
Хвала, хвала тебѣ, герой,
Поп*ра́*нъ, растерзанъ Галлъ тобой!
Слава вѣчно не затмится,
Не увянетъ твой вѣнокъ,
Гулъ чрезъ вѣки такъ промчится,
Какъ чрезъ горы чистый токъ.
Хвала, герой, тебѣ, хвала!
Россію длань твоя спасла.
Тѣнь священная, прострися
Къ намъ изъ облачныхъ долинъ,
Кликомъ нашимъ взвеселися:
Память мы твою блажимъ.
Изъ вѣка въ вѣкъ тебѣ хвала:
Россію длань твоя спасла.

(Этотъ *Гимнъ*, какъ и печаталось въ заглавіи, „пѣтъ былъ на концертѣ, данномъ Россійскими музыкантами въ домѣ Е. В—ства С. С. Апраксина, въ пользу рожденнаго и воспитаннаго въ Москвѣ“—такъ старались удалить подозрѣніе о сочувствіи иностранцамъ—„музыканта г. Рейнгардта, Янв. 7 дня 1814 г.“ Сочинитель „*Ѳ. Ивановъ*.“ Разумѣется, напѣвъ, при переходѣ по разнымъ классамъ, гдѣ произведеніе держалось до 30-хъ годовъ, попалъ изъ Нѣмецкой композиціи на привычную дорогу, сообразную съ текстомъ,—т. е. „Ахъ вы сѣни мои, сѣни“).

* *

Таковы же послѣдующіе *Польскіе*, *Гимны* и *Хоры*; изъ нихъ старшій:

18.

Громъ оружій раздавайся,
Раздавайся трубный гласъ,
Сонмъ героевъ подвизайся:
Александръ предводитъ васъ!
Славьтеся, сыны Россіи:
Александръ предводитъ васъ!
Ликовствуйте вы, герои,
Подвигамъ вашъ часъ насталъ:
Торжества героямъ—бои,
Честь тому, кто въ брани палъ!
Ликовствуйте, торжествуйте:
Александръ предводитъ васъ!...

и т. д.

(Это, какъ заглавлялось въ печати, „Польской на прибытіе И. гвардіи въ г. Вильну;“ припѣвы взяты либо изъ старыхъ Кантъ (ср. вып. 9), либо изъ хора на миръ съ Портою, 1774 г. (тамъ же у насъ, стр. 290, № 13); есть и черты *мѣстныя*, о Полькахъ: „Пламенѣютъ къ вамъ сердцами Юны дѣвы, жизни цвѣтъ;“ сочинитель извѣстный *А. Писаревъ*; держалось, благодаря водворенію автора въ Москвѣ, по концертамъ).

*

19.

Годъ преславный, возрожденный
Подъ вѣнцами Россіянъ,
Счастьемъ будь сопровожденный
Громкихъ вѣрностью племянъ!
Хоръ вселенной, трубы славы,
Разносите похвалу

Генію царю державы,
Самодержецу орлу!

И т. д.

(Это „Хоръ" также для „Польскаго," на новый 1813й годъ; сочиненъ *Николевымъ*, извѣстнымъ „Русскимъ Мильтономъ," какъ называли его современники, тѣмъ самымъ, который одновременно послалъ „въ главную квартиру" оду, гдѣ войско наше называлъ—„Земли *и неба* Геркулесъ, Чья кровь изъ рода въ родъ *нагрѣты* Для жертвы, пользы и чудесъ").

*

Слѣдующіе три (и много еще подобныхъ)—всѣ на вѣсть о взятомъ Парижѣ и на возвращеніе И. Александра, какъ „Хоры" для „Польскаго." Пѣты въ Петербургѣ, а больше въ Москвѣ, на празднествахъ 1814 года, въ Благородномъ Собраніи, на маскарадѣ у генералъ-майора П. А. Позднякова, и т. п., особыми пѣвчими:

20, 21, 22.

Вѣсть громчайшая несется
На крылахъ съ бреговъ Невы,
Радость нова въ души льется
Къ оживленію Москвы...

И т. д.

—

Богъ и слава съ нами, съ нами!
Вѣстникъ къ намъ царёвъ доспѣлъ:
Орлими махнувъ крылами,
Россъ въ вѣнцахъ въ Парижъ взлетѣлъ...

И т. д.

(Сочинитель сего хора *Николевъ*, музыка *Кашина*.

—

Что такъ рано солнце встало?
Палъ, разсыпался туманъ,
Ретивое заиграло,
Сердце вѣще не обманъ:
Други, други, вѣсть несется,
Ахъ и вѣра намъ не имётся,—
Прибылъ къ намъ нашь царь-отецъ,
Царь отрада, наша слава,
Царь сердецъ!...

И т. д.

* *

Болѣе всѣхъ здѣсь выдастся:

23.

Россиими летитъ странами
На златыхъ крылахъ молва:
Солнца новаго лучами
Освѣщается Москва.
Александръ, Елисавета,
Восхищаете вы насъ!
Облеченныхъ во порфиру
Видя въ царскихъ васъ вѣнцахъ,
Радость нашу кажутъ міру
Наши души на очахъ"[1]).
Александръ, Елисавета,
Восхищаете вы насъ!.......

И т. д.

(Составлено еще на коронацію, напечат. 1808 какъ „хоръ для Польскаго," Державинымъ (!), съ музыкою Козловскаго; примѣнялось же въ Москвѣ послѣ побѣдъ).

*

---

[1]) Въ Пѣсенникахъ: „Радость ваша кажетъ къ міру Наши души на очахъ."

Четыре послѣднихъ образца (и много имъ сродныхъ) возникли всѣ на основахъ Екатерининскихъ и Павловскихъ хоровъ, съ тѣми же почти выраженіями и припѣвами (ср. вып. 9, стр. 290, 291, 393, 394, 417, 418 и др.). *Увѣряютъ*, что нѣкоторые изъ нихъ, напр. знаменитый хоръ „Громъ побѣды" 1791, сочинены Державинымъ (см. изданіе Я. К. Грота): мы повторяемъ сказанное въ 9-мъ выпускѣ объ осторожности увѣреній въ подобныхъ случаяхъ.

* *

При всѣхъ же образцахъ, доселѣ напечатанныхъ, достойно замѣчанія, что, кромѣ двухъ-трехъ первыхъ, нѣсколько больше народныхъ, а потому избравшихъ себѣ нѣсколько отличный путь склада и напѣва—между „Ахъ вы сѣни" и „Ахъ пò мосту-мосту," въ связи съ пѣснею „За горами за долами,"—остальные *исключительно* обязаны своимъ складомъ и размѣромъ *единственной* народной пѣснѣ—„Ахъ вы сѣни мои, сѣни." Съ одной стороны и въ этомъ не выразила эпоха какой либо особой своей изобрѣтательности: и тутъ предшествовали образцы прошлаго вѣка, которые можно видѣть у насъ въ выпукѣ 9-мъ на стр. 288—291 (Румянцеву и на миръ съ Портою), 293—94 (Татищеву), 295—96 (Пушкину), 312 — 13 (Потемкину) и т. п. Съ другой стороны, если съ 1814 года и были попытки скомпоновать особую музыку для оркестра и хоровъ, то, по мѣрѣ распространенія въ разныхъ классахъ, размѣръ и складъ, однажды связанный съ помянутою пѣсней и проникнутый тономъ ея, разрѣшался въ употребленіи привычнымъ ея напѣвомъ. И такъ, по всему лицу необъятной Россіи, сколько ни будь цивилизованной и пѣвшей подъ инструментъ или безъ онаго, для всего разнообразнаго содержанія, объявшаго умы и чувства эпохи, для выраженія лучшихъ нѣсколькихъ годовъ патріотизма, какъ вдохновеніе литературныхъ пѣвцовъ, какъ творческая форма ихъ произведеній, въ исполненіи цѣлыхъ хоровъ, семейныхъ и пріятельскихъ кружковъ, первыми артистическими и всякими обиходными голосами, — во всей этой роли фигурировала—положимъ что прекрасная —но всё-таки *одна и та же, единственная народная пѣсня*. Нельзя не удивляться искусству, съ какимъ богатое достояніе цѣлаго народа сведено было, какъ говорится, въ скорлупку: тысячи разнообразнѣйшихъ размѣровъ, складовъ и напѣвовъ, разлитыхъ вокругъ въ пѣснотворчествѣ народномъ, забыты или оказались совсѣмъ неизвѣстны. Какъ безъ физической необходимости добровольно напустить на себя подобную глухоту? Это уже не бѣдность одна: это просто какая-то тупость. Почти невозможно безъ смѣха представить себѣ сотни тысячь устъ, сливающихся отовсюду въ одни ликующія уста и—въ устахъ сихъ, неизмѣнно и торжественно, повторительно и увлекательно, одни и тѣ же—„Ахъ вы сѣни мои, сѣни!" Чтò за необъятный обязательный хоръ, чтó за

громадный коръ-де-балетъ, въ одну и ту же мѣрку, выступку, тактъ и припляску! Самая плохая крестьянская деревушка изъ пяти-шести дворовъ, самая незатѣйливая чернорабочая семья изъ нѣсколькихъ мужиковъ, бабъ и ребятишекъ представляла бы въ пѣснотворчествѣ несравненно больше разнообразія, находчивости, изобрѣтательности. И прибавимъ, черезъ 40 лѣтъ, при возобновившемся нападеніи Французовъ, снова опять тотъ же размѣръ, складъ и даже въ господствовавшемъ употребленіи тотъ же напѣвъ: „Вотъ въ воинственномъ азартѣ"...

Потому мы съ радостью привѣтствуемъ пѣсню, хотя и „сочиненную," но успѣвшую нѣсколько высвободиться изъ господствовавшаго хора и, приблизившись къ другому неизбѣжному полюсу—къ пѣснѣ „Ахъ по мосту-мосту," внести съ собою нѣкоторое разнообразіе. Вотъ она, изъ разряда помянутыхъ—о Витгенштейнѣ:

24.

Удино на время, правда,
Помѣшалъ бить Магдональда:
Но не все ли намъ равно?
Мы побили Удино!
Собирай ты свою сволочь:
Русскимъ Самъ Господь на помочь,
Съ нами славный Витгенштейнъ,—
Уплетайся-ко за Рейнъ!
Нужно вамъ вино, бульоны:
Сухарями мы довольны [1];
Адскихъ воиновъ, чертей
Бьемъ равно какъ и людей.
За царя, за церковь славну,
Мать Россію благодатну,
Живота не пощадимъ
И вселенну удивимъ.
Прусаки намъ [2]) возгласили,
Витгенштейновъ родъ открыли;

---

[1]) Обычай противупоставлять изнѣженности иностранныхъ войскъ нашу солдатскую нужду завелся еще съ XVIII вѣка: тогда и въ провіантѣ Турецкой арміи видѣли сравнительно съ нами чрезвычайную роскошь. Ср. вып. 9, № 2, стр. 270, 271 и друг.—[2]) Въ другихъ: „Русаки такъ."—Вообще испорчено.

Мы жь воскликнемъ всѣ: Герой,
Ты Суворовъ намъ второй!
Такъ какъ онъ неутомимый,
Врагъ врагамъ непримиримый.
Братцы, бросимся впередъ:
Витгенштейнъ насъ самъ ведетъ [3]).

(Сочинено, по видимому, довольно рано, чуть ли не при самомъ событіи — въ Августѣ 1812 года; по крайности не попало тотчасъ въ печатную литературу, а взято Пѣсенниками нѣсколько позднѣе и, какъ кажется, изъ устъ среды солдатской, откуда и варіанты, и ошибки, а съ другой стороны близость къ народному складу, способность напѣва. Одно только выраженіе — „Уплетайся-ко за Рейнъ" похоже на „пророчество" и вставлено, можетъ быть, позднѣе. Съ 1818 г. заглавлялось: „На случай разбитія Удино подъ Полоцкомъ Августа 5 и 6 дня, 1812 года.").

* *

Вотъ все, что хотя нѣсколько было связано со складомъ и напѣвомъ народной пѣсни, а потому распространилось, болѣе или менѣе, по разнымъ „классамъ," и изъ нихъ, хоть частицею, иногда черезъ солдатъ, дошло въ остальной народъ—крестьянскій.

Сюда примыкаетъ хоть и сочиненное, но весьма удачное произведеніе умнаго писателя, почти поэта, Шатрова (его также, и гораздо справедливѣе, звали „Русскимъ Мильтономъ" послѣ постигшей его слѣпоты); не менѣе удачна была и прибранная музыка, по простотѣ дававшая возможность всѣмъ пѣть: а главная причина успѣха состояла въ томъ, что авторъ понялъ минуту народнаго настроенія,—именно роль *козачества*, преимущественно *Донскаго*. Съ этой стороны онъ *народенъ* и по праву занимаетъ мѣсто въ изданіи народныхъ произведеній:

25.

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою [1]),
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ бреговъ,

---

[3]) У нѣкоторыхъ съ этимъ непосредственно, какъ продолженіе, соединялась пѣсня: „Чудо новое свершили," ср. у насъ выше № 9.

[1]) Стихъ, подобно народному, *двойной*: можно дѣлить на двѣ половины (ср. о томъ выше во многихъ мѣстахъ).

Все запылало мщеньемъ-войною
Противъ враговъ (2-жды).
Ай Донцы,
Молодцы [2])! 2-жды.

Только взгремѣло царское слово,—
««Россы Полканы [3]), врагъ подъ Москвой!,»» —
Тотчасъ сто тысячь храбрыхъ готово
Броситься въ бой (2-жды; и т, д.).
— Кто противъ Бога, кто противъ Русскихъ?—,—
Выхвативъ саблю рекъ атаманъ [4]):
— Праха не будетъ полчищь Французскихъ!
— Гдѣ вражій станъ?
— Царь православный! Всѣ мы готовы
— На супостата бранью иттить,
— Натискомъ быстрымъ адскіе ковы
— Предупредить.
— Русскимъ знакома къ славѣ дорога:
— Съ Дона до Рейна въ мигъ пролетимъ [5]),
— Всѣхъ превозможемъ съ вѣрой на Бога [6])
— И отомстимъ!
— Вѣрь и надѣйся: Русь безопасна,
— Силъ крестоносныхъ мышца крѣпка,
— Страшенъ арканъ [7]) нашь, сабля ужасна,
— Пика мѣтка.
— Тщетны всѣ козни Наполеона,
— Не устрашитъ насъ множество силъ:

---

[2]) Припѣвъ послѣ каждой строфы, другаго склада и напѣва.—[3]) Въ смыслѣ „богатыря:“ авторъ, къ сожалѣнію, не зналъ еще, что это герой по преимуществу „сказочный,“ притомъ получеловѣкъ, полуконь, хоть это и шло къ наѣздникамъ козацкимъ, всегда поражавшимъ, до какой степени всадникъ сливался съ конемъ.—[4]) Платовъ: и съ этой стороны одинъ Шатровъ приблизился къ народу.—[5]) Къ сожалѣнію и сюда замѣшалось „пророчество,“ Пѣсенники позднѣе: „Съ Нарвы (даже съ Нарвы) до Рейна“; „вдругъ пролетимъ.“— [6]) Отчего не „съ вѣрою въ Бога?“—[7]) Для иностранцевъ, усердныхъ читателей нашего изданія, прибавимъ: веревка съ петлею, иногда изъ конскихъ волосъ, для ловли лошадей и управленія лошадинымъ табуномъ, а вмѣстѣ, у козаковъ, для ловли врага петлею; слово старое, по видимому отъ Восточныхъ кочевниковъ.

— Матери Божіей съ нами икона
— И Михаилъ [8]).
— Время на кóни: врагъ наступаетъ,
— Вѣра святая къ брани зоветъ;
— Правымъ и вѣрнымъ [9]) Богъ помогаетъ:
— Дѣти, впередъ [10])!
— Грянемъ на встрѣчу полчищь Французскихъ,
— Встанемъ какъ горы на упертѝ [11]),
— Да не посмѣютъ въ сердце странъ Русскихъ
— Далѣ итти!—
Грянули чада Тихаго [12]) Дона:
Міръ изумился, врагъ задрожалъ,
Рушилась слава Наполеона—
И побѣжалъ.
Гдѣ ни посмотришь,—пики мелькаютъ,
Граду подобно стрѣлы шумятъ [13]),
Пули какъ пчóлы роемъ летаютъ,
Сабли звучатъ.
Противъ силъ Русскихъ не устояли
Полмилліона буйныхъ головъ:
Сернамъ подобно, вострепетали
Отъ козаковъ [14]).
Бросили пушки, ружья, снаряды,
Чая спасенье въ бѣгствѣ найтить,
Всѣми корыстьми жертвовать рады,—
Только бъ уйтить.
Но не успѣли, какъ ни хитрили:
Вранъ кровожадный палъ при орлѣ [15]),
Кости и славу [16]) всѣ положили
Въ Русской землѣ.

---

[8]) Архангелъ: какъ знамя. — [9]) Позднѣе: „Правому дѣлу."—[10]) Эти слова уже не къ царю, а къ Донцамъ. — [11]) Въ упоръ на встрѣчу какъ препятствіе пути.—[12]) Народное прозвище, перенесенное съ Дуная (ср. прежніе выпуски).—[13]) Въ ряду Донцовъ, у кочевниковъ.—[14]) Здѣсь обыкновенно кончали пѣніе и кончался текстъ въ Пѣсенникахъ.—[15])Отѣнокъ народный, близкій къ пѣснямъ о Платовѣ и Краснощоковѣ: ср. выше.—[16]) Позднѣе (и вѣрнѣе): „Славу и кости."

Такъ былъ [17]) разрушенъ замыслъ крамольный,
Такъ былъ [17]) ужасный врагъ истреблёнъ,
Такъ православный, первопрестольный
Градъ свобождёнъ.
Богу силъ горьнихъ благодаренье,
Честь и спасибо мудрымъ вождямъ,
Слава монарху, царству спасенье,
Лавры Донцамъ! (2-жды)
Ай Донцы,
Молодцы! 2-жды.

(Заглавлялось: „Пѣснь Донскому воинству", „въ 1814 году." Исполнено первый разъ въ Москвѣ, 19 Марта 1814 года,—случайнымъ совпаденіемъ, когда не знали еще о вступленіи въ Парижъ: въ домѣ Апраксина, великимъ постомъ, на концертѣ Гунбина, при участіи театральныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, послѣ нѣсколькихъ романсовъ и пѣсенъ. Исполненіе сильно подѣйствовало: припѣвъ же, хоромъ, „Ай Донцы," расшевелилъ присутствующихъ до неописаннаго восторга. Съ тѣхъ поръ произведеніе быстро распространилось и держалось въ большомъ употребленіи еще до нашихъ молодыхъ лѣтъ: хотя конечно для крестьянства исполняли это особые Пѣсельники на гуляньяхъ, въ праздники.— Печаталось всюду, въ самыхъ распространенныхъ Пѣсенникахъ, до послѣдняго времени; въ ходу были и ноты, хотя къ сожалѣнію неизвѣстно хорошенько, кто прибралъ напѣвъ или, лучше, музыку инструмента. Зачиналъ обыкновенно одинъ голосъ и пѣлъ иногда всѣ три первые стиха строфы: четвертый непремѣнно подхватывался и дважды повторялся хоромъ. Первые три стиха— собственно одно колѣно; четвертый — другое, при повтореніи равнявшееся мѣрою первому: напѣвъ обоихъ соединяетъ собою старинный военный маршъ съ напѣвомъ нѣкоторыхъ старыхъ „Кантъ *)." Особый же хоровой припѣвъ въ концѣ—„Ай Донцы, Молодцы,"—чисто народный и плясовой, сопровождавшійся потому у солдатъ и пѣсельниковъ бубномъ, ложками, звонками, вприсядкою.— Если не народное, то самое *популярное сочиненіе* нацѣлыхъ полвѣка. Переведено по Нѣмецки *Крамеромъ* и, говорятъ, пѣлось въ Германіи).

* *

---

[17]) Въ иныхъ (и кажется старше Академическаго изданія, изъ подъ пера самого Шатрова): „Тако."

***) Любопытно, что тотъ же напѣвъ примѣненъ къ стихотворенію Карамзина: „Страшно въ могилѣ, хладной и темной." Даже припѣвы исполнялись одинаково:**

„Противъ враго—о—овъ, противъ враговъ." } 10 слоговъ
„Бѣ—ѣ—ѣ—ѣ—лыя кости стучатъ." } или „моръ."

Но эпоха опасна была именно тѣмъ, что по каждому данному знаку и при всякомъ малѣйшемъ поводѣ готова была расходиться до крайностей, пока уже трудно становилось унять. На бѣду, въ 1813 году, Донской козакъ *Земленухинъ* попалъ въ Лондонъ: создалась цѣлая поэма, какъ его встрѣтили Англичане еще „на берегу,“ какъ писали о немъ „Англійскія газеты,“ какъ дарилъ его „король,“ какъ дивились загнутому „по спинамъ Французовъ“ концу его пики, какъ сидѣлъ онъ „въ ложѣ съ лордами,“ какъ при появленіи его въ театрѣ раздалось—„виватъ Александръ, виватъ Платовъ, виватъ козакъ;“ какъ печатали тысячами его портретъ, какъ тамъ „говѣлъ“ онъ, какъ на прощаньѣ „Англичане“ посылали съ нимъ поклонъ Русскому войску и т. д. Но, хуже всего было то, что сочинена особая, какъ заглавлялось, „Пѣснь на прибытіе въ Англію Русскаго козака,“ или даже—„Козацкая (!) военная пѣснь, *сочинена въ Англіи*, на прибытіе туда русскаго козака.“ Для курьёзу приводимъ этотъ монстръ прося сличить его съ „подлинными“ Козацкими пѣснями:

26.

Ура! Горятъ, пылаютъ селы:
Сѣдлай коня, козакъ!
Ура, мечи отмщенья, стрѣлы:
Гдѣ скрылся лютый врагъ?
Багрово зарево являетъ,
Грабитель алчный гдѣ бѣжитъ;
Пожаръ кровавый освѣщаетъ,
Гдѣ вслѣдъ за нимъ козакъ летитъ,

Намъ Богъ и гетманъ [1]) поборают:
Ура, впередъ, козакъ!
Ни гладъ, ни бой не ужасаютъ:
Падетъ предъ нами врагъ.
Ужаснымъ гладомъ истомленный,
Трепещущь, блѣденъ, полунагъ,
Бѣжитъ позоромъ покровенный:
А въ слѣдъ за нимъ летитъ козакъ.

---

[1]) Въ иныхъ варіантахъ терялась послѣдняя тѣнь смысла: „Нашь Богъ, мы гетманъ.“

Пылая яростью, отмщаетъ
Горящую Москву,
Грозу и ужасъ низвергаетъ
На вражію главу.
Во гнѣвѣ небеса чернѣютъ,
Гдѣ убѣгаетъ врагъ:
Но тамъ, гдѣ вихри не успѣютъ,
Тамъ нашъ разитъ, ура, козакъ.

(При всей нескладицѣ, печаталось въ Пѣсенникахъ до 30-хъ годовъ).

* *

Если все предыдущее какъ ни будь еще „пѣлось,“ хоть съ грѣхомъ пополамъ, благодаря нѣсколькимъ оттѣнкамъ народнаго склада и напѣва, то окончательно убить все это призванъ былъ „десятисложный,“ такъ называемый „*Русскій стихъ.*“ Собственно и здѣсь не было какого ни будь новаго изобрѣтенія: стихъ сей дѣйствительно употреблялся для Былинъ, именно Богатырскихъ, и на нихъ кристаллизовался; Историческія Пѣсни Московскія рѣже ими пользовались, и только Безъимянныя удержали его въ нѣсколькхъ образцахъ, въ ограниченной рамкѣ коротенькихъ пѣсенъ. Впервые XVIIIй вѣкъ задумалъ прикрѣпить его къ нѣкоторымъ „сочиненнымъ“ своимъ пѣснямъ: ср. у насъ вып. 9, стр. 278—285, 309—313, 319—320 и др. Карамзинъ напомнилъ его отчасти своимъ „Ильей Муромцемъ“ (хотя стихъ здѣсь 9-тисложный, о которомъ ниже): эпоха, возбужденная 12-мъ годомъ, потребовала непремѣнно, „Подавай *Русскій стихъ*!“ И поздно, и тщетно нѣкоторые ученые, на примѣръ Востоковъ (въ „Опытѣ о Р. стихосложеніи“), умоляли остановиться, увѣряя, что все это лишь „одинъ“ изъ народныхъ размѣровъ, на которомъ нельзя же заснуть на вѣки, что онъ скученъ и однообразенъ, что писать имъ можно только что ни будь маленькое: пѣвцы успѣли уже воспѣть симъ стихомъ цѣлую кучу предлиннѣйшихъ произведеній, и это было подлинное несчастіе, истинное бѣдствіе, самый роковой бичь для времени. Не хватитъ силъ до конца прочитать, а пропѣть „по народному“ не было возможности ни одного стиха: цѣликомъ остались сіи творенія въ книгахъ либо тетрадкахъ того времени, и лишь безвкусіе „Пѣсенниковъ“ подарило имъ нѣсколько страницъ до конца 1й четверти вѣка, какъ будто для того, чтобъ удивить несчастный народъ, если ему попадется на глаза подобная диковинка. Мы выпишемъ *начало* и *конецъ* нѣкоторыхъ образцовъ, промежду же характерные ихъ *признаки*:

27.

Не труба трубитъ звóнка зóлота,
Какъ возгóворитъ православный царь:
«Охъ вы Русскіе добры мóлодцы!
«Вы сѣдлайте всѣ ретивы́хъ коней,
«Надѣвайте вы сабли вострыя:
«Что идетъ злодѣй на святую Русь.
«Есть ли Минины и Пожáрскіе?....
. . . .
Не расти травѣ по Невѣ рѣкѣ:
Не владѣть чужимъ землей Русскою!
. . . .
Ты бѣги, бѣги, нашь злодѣй отъ насъ,
Не дадимъ тебѣ поругаться намъ!
Ты взгляни, взгляни на солдатъ своихъ:
Между рёберъ ихъ ужь трава ростетъ.
Мы прогонимъ васъ изъ чужихъ земель:
Вы узнаёте, что мы Русскіе,
Что мы Русскіе, православные!

(Заглавлялось: „Пѣсня ратниковъ С. П.бургскаго ополченія." Подпись: „*М. Щулепниковъ.*").

*

28.

Ночь темна была и не мѣсячна [1]):
Рать скучна была и не радошна...
Великò чудо совершилося:
У солдатъ слёзы градомъ сыпались.,..

---

[1]) Похоже на стихъ народный.

Какъ оплакивали мать родимую,
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
. . . .
И тогда, братцы, закричимъ, друзья:
Еще дай, Боже, сто лѣтъ царствовать
Александру царю на бѣлòмъ свѣтѣ!

(Заглавл. „Солдатская пѣсня.“ Подпись: „*Николай Ильинъ*“).

*

29.

Ахъ, не ласточка, не ясёнъ соколъ,
Вкругъ теплà гнѣзда увиваются:
Увиваются—старъ-матёрой мужъ
Съ женой вѣрною, доброй матерью,
Со хозяйкою домовитою,
Вкругъ надежды ихъ—сына милаго.
Онъ идетъ отъ нихъ въ дальню стóрону,
Опоясавшись саблей острою.
. . . .
. . . .
И разсыплются злые варвары,
Не осмѣлятся нападать опять,
Уничтожится сила вражія,
И окончатся брани лютыя,
И родимой вашъ возвратится къ вамъ!

(Появилась въ Пѣсенникѣ 1813 г.,—въ Университетской Типографіи, М., 12° съ заглавіемъ: „Пѣсня, изъявляющая желаніе и ревность Руских къ службѣ отечеству. На голосъ; „*Изъ подъ камушка, изъ подъ бѣлаго,*“ но конечно пѣть было трудновато. Позднѣе съ заглавіемъ: „Пѣсня *новая*, сочинена во время *Земскаго ополченія* въ Россіи, при прощаніи молодаго *рекрута* съ своими родственниками.“)

*

30.

Не въ чисто̀мъ полѣ, не въ пустой степи,
Не въ темно̀мъ лѣсу, не въ сыро̀мъ бору̀,
Да не пташечки, не косаточки
Вкругъ тепла̀ гнѣзда увивалися:
А слеталися орлы сѣверны,
И садились вкругъ каменно̀й Москвы,
Вкругъ сердечушка царства Рускаго [1]).
. . . .
Не видать въ Москвѣ золотыхъ каретъ,
Не слыхать совсѣмъ шуму градскаго....
Ужь какъ слышно намъ, Бонапартъ злодѣй
Не однихъ скворцовъ на Москву пустилъ,
А привелъ съ собой и гусей, грачей,
И чижей, и синицъ, воробьевъ, журавлей,
И сорокъ, воронъ, коршуно̀въ, сычей,
Вислоухихъ совъ, ночныхъ филиновъ,
Да и тѣхъ дураковъ—полевыхъ [2]) дудаковъ....
Какъ поднялся крикъ да отъ мелкихъ птицъ:
«Бонапартъ злодѣй, ты ушатый сычь,
«Ажно [3]) межь орловъ ты летуча мышь....
«Будь ты про̀клятъ отъ насъ, врагъ, ощипаный сычь,
«Не изъ рода орловъ, Корсиканскій пѣтухъ!...
«Впередъ, песской сынъ [4]), не обманешь насъ!...
«Орелъ всѣмъ птицамъ царь, всему свѣту судья,
«А ощипаный сычь всему свѣту смѣхъ!»

(Заглавл. „Пѣсня на освобожденіе царствующаго града Москвы Октября 11 дня 1812 года.“ Подпись (1814 г.): „*Степанъ Юшковъ.* 26 Ноября 1812 года Бѣлгородъ.“)

*

---

[1]) За симъ описаніе бѣдствій, постигшихъ Москву.—[2]) Прозрачный намекъ.—[3]) Народность.—[4]) Весьма искусная одежда для облеченія простоты.

31.

Быстрый младъ орелъ, птица мощная,
Царь пернатаго царства славнаго
И птенцовъ своихъ нѣжный другъ-отецъ,
Какъ довѣдался, что яръ-черный вранъ
Прилетѣлъ въ его область мирную [1]....
Но быстръ-младъ орелъ, чуждъ отмщенія,
Не хотѣлъ убить—хоть врага—птицу:
Притупилъ лишь ей когти острые,
Но оставилъ жизнь для раскаянья.
Не летѣть было черну ворону
Въ лѣса мирные, возмущать покой,
Не ходить было чаду Корсики
На святую Русь съ злобнымъ помысломъ:
Орелъ сѣвера соколовъ пустилъ,—
И безъ крыльевъ сталъ Корсиканскій вранъ.

(Заглавл. „На вступленіе къ С.П.бургъ гвардейскихъ полковъ;“ съ 1818 года: „Новая пѣсня, посвящается храброй Руской гвардіи“).

*

32.

Гдѣ ты, матушка, бѣлокáменна,
Москва красная, златоглавая?...
О престольный градъ правовѣрныхъ всѣхъ [1])!
Въ тебѣ юноши обучалися
Свой законъ блюсти и царямъ служить [2])...

---

[1]) Цѣлымъ рядомъ произведеній вошло въ обычай брать образы изъ царства пернатыхъ: самое образованіе занималось оттуда же и это внушило Крылову басню „Воспитаніе льва.“

[1]) Здѣсь не разумѣли Стамбулъ. — [2]) Еще до классицизма.

Ахъ, въ тебѣ ль, Москва величавая,
Красны дѣвицы воспиталися,
Дѣти сирыя, безпризорныя,
Царской милостью воскормилися [3])....
Ужь не слышимъ мы колокольный звонъ,
Ахъ, не слышимъ мы пѣсней радостныхъ [4])....
А Москва рѣка обагрилася—
Не суда плывутъ [5]), жертвы мщенія...
Погубилъ ее врагъ неистовый,
Корсиканецъ злой, ада выродокъ [6]).

Встань, Пожарскій князь, встань великій мужь,
Отъ глубока сна пробудись на часъ[7])!..
Сокруши врага нечестиваго,
Защити еще царство славное,
Ты прославь, прославь вѣру Рускую,
Царя Бѣлаго, храбро воинство!

(Заглавл. „Русская пѣсня во время занятія Москвы непріятелями, посвященная любезнимъ соотечественникамъ.“)

*

33.

Самозванецъ злой, нечестивый врагъ,
Бичь невинности, врагъ спокойствія.....,
Вѣтромъ буйнымъ и порывистымъ
Развратилъ сердца, соблазнилъ умы
Многочисленныхъ Европейскихъ странъ.

---

[3]) Учрежденія И. Маріи.—[4]) Хотя ихъ тогда писатели очевидно не слушали, но по крайности онѣ не запрещались: пѣть по улицамъ запрещено лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, циркуляромъ полиціи.—[5]) До 1812 г. Москва рѣка была судоходною. — [6]) Такъ какъ слишкомъ длинно, то, для перевода духу, слѣдующее въ Пѣсенникахъ отдѣлялось особой пѣснею. — [7]) Пожарскаго будили только на часъ.

Всѣ сословія имъ разстроены
И всѣ правила имъ нарушены [1]....
. . . .
Не крушись Москва бѣлокаменна!...
Пуще прежняго ты прославишься,
Пуще прежняго осчастливишься!

(Загл. „Пѣснь соотечественникамъ по прогнаніи злодѣевъ изъ земли Руской." Длиннѣйшая. Вмѣстѣ съ предидущею сочинена „*А.... Н....*").

*

34.

Чтò солдатушки, чтò кручинны такъ?
Не бѣда ли вамъ отъ злодѣйскихъ рукъ?...
Ахъ не солнышко закатилося,
Не свѣтёлъ мѣсяцъ тучей кроется:
Какъ отъ насъ ли отъ солдатушекъ
Отошелъ нашъ батюшка Кутузовъ князь....
За насъ молится нашъ отецъ родной,
А мы молимся о душѣ его
И клянемся всѣ клятвой Рускою,
Послужить впередъ, какъ служили съ нимъ!

(Заглав. „Солдатская пѣсня въ память кн. Кутузова-Смоленскаго." Съ 1814 г. Подпись, обличающая сочинителя: „*Село Загорье.*")

* *

Прибавимъ нѣсколько словъ о *напѣвѣ*. Подобный 10-ти сложный стихъ, по его крайнему однообразію, трудно было пѣть въ нашъ вѣкъ и въ новѣйшее время.—Древній Эпическій напѣвъ его, неизмѣнный доселѣ у Сербовъ и сопровождавшій наши Богатырскія Былины, простой и безъис-

---

[1]) Красоту этихъ стиховъ можно сравнить только съ тѣми новѣйшими, кои мы приведемъ въ заключеніе.

куственный, мѣрный и ровный, возмѣщавшій однообразіе промежуточными разбѣгами по струнамъ народнаго инструмента, конечно исчезъ либо кристаллизовался гдѣ ни будь въ Олонецкой глуши, вовсе позабытой нашими отцами и дѣдами.—Напѣвъ развитой, „Московскій,“ усвоенный въ XVI—XVII вѣкѣ Историческимъ Пѣснямъ и державшійся по Козацкимъ кругамъ при ихъ многострунныхъ инструментахъ, также точно былъ забытъ: рукопись „Кирши Данилова,“ уже открытая и нѣсколькимъ лицамъ извѣстная, вовсе не была еще въ ходу у большинства и ноты ея не были знакомы.—Нѣсколько пѣсенъ, уцѣлѣвшихъ въ народѣ съ симъ складомъ, какъ на примѣръ „Ужь ты батюшка, Ярославль-городъ,“ слишкомъ были частны, не всеобщи, а городскимъ жителямъ, преимущественно „пѣвцамъ“ и „музыкантамъ,“ совершенно были чужды.—Между тѣмъ, по несчастной Русской натурѣ, которую никакъ не отобьешь и не выбьешь, пѣть ужасно хотѣлось: въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ выручали обыкновенно *Канты*, хранившіяся съ нотами по семинаріямъ и пѣвческимъ хорамъ *); а этимъ-то хорамъ и приходилось пѣть на патріотическихъ торжествахъ, и отсюда перенимало все общество. Такъ, въ половинѣ прошлаго вѣка, изъ Кантъ, занесенныхъ къ намъ Западной Русью (а тамъ изъ храмовыхъ „Кантычекъ“), примѣнили напѣвъ къ 10-тисложному стиху, кое-какъ подмалевали народными красками, подтасовали для „чувствительнаго“ уха **) и, съ этимъ напѣвомъ, впервые появился „на сценѣ“ одинъ изъ старшихъ Петербургскихъ „романсовъ,“ претендовавшій на имя пѣсни—

Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ.

Нѣсколько „сочиненныхъ пѣсней,“ тогда же возникшихъ (см. вып. 9), поспѣшили воспользоваться изобрѣтеніемъ. „Пѣвцы“, незнакомые съ исторіей нашей пѣсни, какъ на примѣръ Дм. А. Славянскій, воспѣли недавно тѣмъ же самымъ напѣвомъ пѣсню на смерть Петра—

Ахъ ты батюшка, младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!..
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ во славномъ городѣ,
Во соборѣ во Петропавловскомъ...

Но гораздо раньше того весь 1814-й годъ, при 10-тисложныхъ стихахъ нами указанныхъ, протрубилъ симъ напѣвомъ какъ громогласною трубою.

---

*) См. о томъ нѣсколько статей нашихъ; въ „Православномъ Обозрѣніи:“ „О судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ“, „Знаменательные года и представители въ исторіи пѣснопѣнія“, и т. п.

**) Нельзя не вспомнить при этомъ извѣстныхъ рецептовъ для состава винъ, на примѣръ Шато Икема: *„для знатока прибавь бузины.“*

Безъ нервнаго раздраженія невозможно прослушать пяти-шести стиховъ съ этимъ напѣвомъ: съ нимъ сравниться можетъ только вой поклонниковъ, ползущихъ на колѣнкахъ по Кальваріи въ нашей Западной Руси и Польшѣ.

* *

Такихъ произведеній было очень много и они даже продолжались еще нѣсколько лѣтъ послѣ отечественной войны: но главный успѣхъ ихъ съ 1812—1814 годовъ состоялъ въ томъ, что „Русскій стихъ" окончательно всѣмъ надоѣлъ и палъ безвозвратно. Лишь позднѣе когда онъ возобновился въ памяти первыми выпусками нашихъ изданій, пришла мысль примѣнить его,—изъ устъ народа, уже не къ Эпосу, не къ Исторической пѣсни, а къ *Драмѣ;* это новая эра, ожидающая послѣдствій, которыя конечно не заставятъ себя долго дожидатся судя по тому, какъ быстро и плодотворно прививается къ нашей литературѣ все живое и въ особенности народное. Въ 1869 г. издано въ Москвѣ—„*Алеша Поповичъ*, представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненное по стариннымъ Русскимъ былинамъ *Павломъ Дмитріевичемъ Голохвастовымъ* (стр. 7—247; 8; подписано „Римъ, 29 Дек. 1863)." Размѣръ „Русскаго стиха" весьма вѣрно выдержанъ; рѣчь своеобразная и, хотя очень народная по своимъ мѣткимъ выраженіямъ, но конечно, при условіяхъ драмы, не имѣетъ ничего общаго съ творчествомъ Былинъ. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ, ожидающихъ по видимому будущаго и успѣшной обработки впереди, на почвѣ грядущей литературы:

— Напиши письмо учтивое,
Но не слишкомъ низкопоклонное.

(слова дочери Владиміровой отцу, о письмѣ Поганому Идолищу).

— А прельститъ къ чему, такъ прилюбится,
Что и рада бы по лихой нуждѣ,
Да ужь мочи отчароваться-то
Нѣтъ, признаться, и врядъ ли хочется.

(ея же слова)

— Такъ по кожѣ и подираетъ дрожь,
Какъ о страшныхъ страданьяхъ ближняго
По своимъ бѣдишкамъ, печалишкамъ
Поразсудишь; вообразишь себѣ,
Что за адская мука той душѣ,
Отъ другой возлюбленной душеньки
Отлученной, отъ счастья, можетъ быть,
Обоюднаго ихъ отторгнутой.

(то же)

— Не польщу пустымъ, не скажу, чтобъ ужь
Лучше всѣхъ; однако жь, особенно
Бѣлокурой ежели, женщинѣ
И Чурило такъ не приглянется.

(то же)

— Вѣкъ невольно чего-то ждать, желать
Тосковать о чемъ-то несбыточномъ...

(слова Алеши Поповича)

— А ужь ты, Настасья Микулична,
Образъ кротости и смиренія...

(то же)

— Жизнь, ты чѣмъ полна? Горемъ. Нынче какъ
Огорчишь меня? Опечалю тѣмъ,
Что весна красавица пасмурна,
Что свѣтъ Май размокропогодился.

(то же)

— Жизнь темна; дай Богъ намъ знать прошлое,
Вѣдать сущее, а угадывать
Въ ней грядущее, гдѣ ужь! Все-таки
Разскажи мнѣ, что съ нимъ у васъ про то
Слово въ слово говорено?

Изволь.

(Слова Владиміра)

— Мнѣ не надо твоихъ пословицъ; есть
У меня, по живому опыту,
Впредь для правила, хороши свои.

(то же)

— А и все напрасно. Прости меня
И скажи мнѣ поубѣдительнѣй...

(то же)

— Радъ бы всѣмъ тебя удовольствовать,
Да ужь требуешь невозможнаго.

(то же)

— Этакъ вѣжливо попытать посла,
Дѣльно высмотрѣть можно; сверхъ того

И пріятно помыться каждому,
А вдвоемъ и забавно. Умница.
(то же)

— Кожей, волосомъ, рожей, голосомъ,
Всѣмъ понравился королевичь мнѣ.
(то же)

— Есть, охъ, есть за что, но ужь этакъ-то
Чрезъ людей карать князя, Господи,
Слишкомъ праведно. Вѣдь не буду впредь.
(то же)

— Какъ мѣняются вкусы къ старости!
(то же)

— Не вязаться орлу могучему
Съ болтуномъ скворцомъ впредь.
Покудова
Не понадобится орлу скворецъ.
(Разговоръ Владиміра съ Алешей: ср. пѣснопѣнія отечественной войны).

— За дешевкой не далеко ходить,
Тридесятое царство къ намъ пришло.
(Нищій. Голосъ изъ народа при Владимірѣ).

Каковы будутъ пути литературы дальше этого?

*

Былъ однако же еще шагъ для движенія нашей пѣсни „сочиненной:" это, вмѣсто 10-ти слоговъ, господствующихъ въ такъ называемомъ „Русскомъ стихѣ," еще особый, хотя и близкій къ нему, *стихъ въ 9-ть слоговъ*. Онъ явился у насъ собственно на переходѣ отъ старшаго Эпоса къ лиризму, въ той области, которая извѣстна, съ симъ же самымъ значеніемъ, по древней Греческой Элегіи: и примѣнялея онъ, по содержанію, большей частію къ тѣмъ пѣснямъ, гдѣ отъ образовъ горя и бѣды переходили въ заключеніе къ радостной развязкѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ нѣсколько подлинныхъ народныхъ, Историческихъ Пѣсней, сложено было симъ самымъ размѣромъ и, по ихъ поводу, мы говорили объ этомъ явленіи въ 9-мъ выпускѣ на стр. 124. „Безымянныя" пѣсни, преимущественно съ того же XVIII-го вѣка, охотно усвоили себѣ сей складъ: а

такъ какъ одновременно вошла въ большое употребленіе пѣсня „Здравствуй милая, хорошая (позднѣе растянутая до 11-ти слоговъ)", то напѣвъ ея, господствуя, сдѣлался типическимъ для всѣхъ подобнаго вида произведеній народныхъ; посредствомъ же для перехода въ литературу послужила еще пѣсня, столь же новая (XVIIIв.), но съ одной стороны 10-ти сложная, а съ другой одинакаго напѣва, и потому скоро перешедшая въ „сочиненныя", къ солдатамъ: „Ахъ на что бы огородъ городить (или „Ахъ на что было горóдъ городить", см. вып. 9)." Благодаря сему, „сочиненныя" пѣсни прошлаго столѣтія, разумѣется, не отстали отъ общаго направленія и въ нѣсколькихъ образцахъ своихъ пошли тою же самою дорогою: ихъ можно видѣть у насъ въ вып. 9-мъ на стр. 271—275, 279—288 и др. Не безъ вліянія ихъ, и приведенныя выше сочиненія, по поводу 12-го года, по мѣстамъ сбивались также своимъ стихомъ на размѣръ девятисложный; и Карамзинскій помянутый примѣръ весьма много содѣйствовалъ соблазну: а еще болѣе духъ времени овладѣлъ предлежащими образцами, гдѣ мы должны, слѣдовательно, представлять себѣ основою, носившійся въ ухѣ сочинителей, вліятельный складъ и напѣвъ народной пѣсни—„Здравствуй, милая, хорошая" и прочихъ, ей подобныхъ.

Старшій образецъ изъ этого разряда таковъ:

35.

Веселитесь, люди Рускіе:
Прекратились брани лютыя,
Возвратились дни спокойствія
И блаженный миръ воскресъ для васъ.
Усмирились Галлы рьяные
И изъ злыхъ враговъ содѣлались
Нынѣ вамъ друзьями-братьями.
. . . .
Вашъ покой, покой столь нужный вамъ....,
Подъ десницей Всемогущаго
Будетъ сладокъ и полезенъ вамъ!

(Заглавн. „На замиреніе съ Французами 1807 года." Подобно означенному выше рядовому Остафьеву, и эта пѣсня, увѣряли, „сочинена *Земскимъ*, селенія *Михайловки*.")

*

После такого добраго начала безостановочно слѣдовали:

36.

Понесися по поднебесью,
Птица милая голубушка!..
. . . .
Ты лети съ Богомъ, наша матушка,
Приведи [1]) съ собой свѣта-батюшку:
5. Не желаемъ мы и вселенной всей,
Только бъ съ нами былъ твой сердечный другъ,
Нашъ отецъ родной, православный царь!

(Заглавлялась: „Пѣсня Петербургскихъ жителей на отъѣздъ царицы-м къ царю-батюшкѣ. Декабря 19 дня 1813 года.“ Ее, на концертѣ въ домѣ сина, 10 Мая 1814 года, послѣ Турецкой музыки Фоглера и тріо и салки, въ числѣ прочихъ театральныхъ артистовъ, пѣла извѣстная пѣви времени Насова. Но, послѣ начала, стихъ по привычкѣ сбился на 10-ный „Русскій“).

Вообще такой образъ „матери“ очень былъ любимъ и ему посі было нѣсколько стихотвореній. Таково, на примѣръ, „Матери отъ на день Св. Воскресенья (размѣромъ „За горами, за долами“):

Не бушуютъ грозны бури,
Не туманитъ хладъ лазури,
Замолчалъ Борей....
Богъ воскреснетъ—расточатся,
Громомъ, молньей поразятся
Всѣ полки твои....
Укрѣпи насъ новой силой,
А любезной нашей, милой
Маменькѣ съ небесъ
Ниспошли благословенье,
Мы же скажемъ въ утѣшенье
Ей: Христосъ воскресъ!

(„Вѣстникъ Европы.“ Распространилось съ 1814 г.

*

[1]) Въ другихъ: „Привези.“

37.

Слава вамъ, герои сѣвера,
И вамъ, храбрые солдатушки!
Подшутили надъ врагомъ своимъ,
Врагомъ вѣры православныя,
Подшутили и потѣшились...
. . . .
Великъ Богъ Россійскій на небѣ,
Александръ великъ на сей землѣ.

(Заглавл. „Пѣсня богатырямъ Русскимъ“ или „въ честь богатырей Русскихъ.“ Съ 1814 г. Подпись: „*В. Колосовъ.*“)

*

Подлинный размѣръ пѣсни „Здравствуй, милая, хорошая моя,“ въ 11-ть слоговъ, возстановилъ молодой (нынѣ уже покойный) *Н. В. Сушковъ*, сочинивъ нарочно, при вѣсти о вступленіи въ Парижъ и по порученію Растопчина:

38.

Ой вы, дѣтки каменной Москвы, скорѣй,
Собирайтесь ближе, въ тѣсный кругъ, дружнѣй!
Добру вѣсточку повѣдаю я вамъ:
Добрый царь ее прислалъ, родимый, къ намъ,
Чтобы славили удалыхъ мы солдатъ,
Какъ зашли они въ Парижъ, далекій градъ....

И т. д.

(Пѣлось въ теченіе трехдневнаго Апрѣльскаго торжества 1814 года, въ домѣ Московскаго главнокомандующаго Растопчина, особыми, разряженными Пѣсельниками, вмѣстѣ съ подражаніемъ А. А. Писарева Англійскому „національному гимну“—„Прими побѣдъ вѣнецъ, храни, Господь, царя!“).

*

„Русскій стихъ", собственно 10-тисложный, смѣшивали и смѣшиваютъ неправильно съ симъ 9-ти и 11-ти сложнымъ: хотя послѣдній и вытекъ изъ перваго, но такъ какъ былъ ближе къ длившемуся народному употребленію, то писать имъ „въ народномъ стилѣ" больше было правъ и даже можно было его *пѣть*—по книгѣ. Посему онъ послужилъ переходомъ отъ крѣпостнаго крестьянскаго тягла, тяготѣвшаго надъ писателями, къ нѣкоторой свободѣ сочиненія и къ высвобожденію литературы на собственную ея почву.

Такимъ образомъ убѣдились мы, что весь народный „репертуаръ" тогдашней литературы, „по случаю отечественной войны," составлялся *изъ 4-хъ пѣсней*, изъ коихъ одна была старшая—„Ахъ вы сѣни мои, сѣни," двѣ передѣланныхъ новѣе, городскихъ,—„Ахъ пó мосту-мостý" и „Здравствуй, милая, хорошая моя (съ прибавкою однородной „Ахъ на чтò бы огорòдъ городить")", да четвертая, также позднѣйшая и городская, на основахъ 1-й и 2-й,—„За горами за долами." Благодаря имъ, въ размѣръ, складъ, напѣвъ и пѣніе проникло кое-что изъ пріемовъ народныхъ (разумѣется, сюда не относимъ мы напѣвовъ изъ Кантъ, Военныхъ Маршей, Польскихъ и прочей „аранжированной" или, вѣрнѣе, оранжированной музыки).

* *

Однако, и внѣ сего, покушенія на „жанръ народный" и „народный стиль" вторгались еще во многія стихотворныя произведенія эпохи. Приведемъ двѣ-три бѣглыхъ черты, на выдержку:

— Я винюсь и признаюся,
Что полки всѣ растерялъ
И что въ торопяхъ я мчуся,
Чтобъ въ просакъ самъ не попалъ...
Ничего хотя съ собою
Къ вамъ, друзья, я не принесъ:
Правъ я [1]..., надо мною
Руской подшутилъ морозъ!

(Загл. „Исповѣдь Наполеона Французамъ. Рускій переводъ хвастливыхъ Наполеоновыхъ бюллетеней или военныхъ извѣстій." Съ 1814 г. вошелъ этотъ размѣръ, съ напѣвомъ—хотя не народнымъ,—въ многочисленные куплеты нашего театра, въ родѣ „Здравствуй кумъ ты мой любезный, здравствуй кумушка моя...").

—

[1]) Вѣроятно въ подлинномъ сочиненіи прибавлялось „братцы" или что ни будь подобное.

— Чтобъ Бонапартьевску пѣть шайку,
Возьму нестройну балалайку,
Въ разладѣ брякну по струнамъ:
Какъ стало тошно шалунамъ,
Когда Москву они златую,
Всѣхъ Руских матушку родную,
Мечемъ ограбя и огнемъ,
И все поставя въ ней вверхъ дномъ,
Лишася хлѣба и бутылокъ,
Вернули нé хотя затылокъ...

И т. д.

(Загл. „Побѣгъ Наполеона Карловича изъ земли Руской. Шутливое стихотвореніе.“ Подпись: „*Село Старорусино.*“ Длиннѣйшее. Въ ходу съ 1814 г.).

—

Въ томъ же разрядѣ, не столь вульгарно, а болѣе романтически:

— Братья наши въ ратно поле
Гóловы за насъ несутъ...

И т. д.

Загл. „Пѣснь *Руских поселянъ* Рускимъ воинамъ.“ Подпись: *С. Г.* (Сергѣй Глинка).“ Съ 1814 г. Ее однако не рѣшились внести къ себѣ и Пѣсенники).

—

— Спѣши, нашъ добрый царь-отецъ!
Насталъ трудамъ твоимъ конецъ...
Пускай овечку, скромный даръ
Съ улыбкой прúметъ добрый царь...

И т. д.

(Загл. „Пѣснь *пасту́шки* на возвращеніе добраго царя Рускаго.“ Ср. выше пастушку съ Очаковскихъ полей. Нѣсколько позднѣе предыдущихъ).

—

Сюда же, наконецъ, примыкаетъ нѣсколько юмористическихъ произведеній, въ родѣ „Наполеоновъ бостонъ (Якова Пожарскаго);“ „Завѣщаніе Наполеона Бонапарте;“ „Имнъ, сирѣчь торжественная пѣснь піиты Тредьяковскаго на истребленіе Франц. полчищь“, и т. п.

* *

Поворотомъ къ освобожденію литературной поэзіи отъ „примѣси народной“ служило нѣсколько стихотвореній, въ родѣ слѣдующаго:

39.

Ѣздилъ Руской Бѣлой царь,
Православный государь,

Изъ своей земли далёко
Злобу поражать...

. . . .

5. О, зефиры на крылахъ
Или рѣки на волнахъ,
Принесите намъ скорѣе
Нашего царя!

(Извѣстное сочиненіе это, не безъ достоинствъ, возникло на основаніи „Пѣсни о добромъ царѣ,“ о Петрѣ, пѣсни Лефорта, переведенной съ Французскаго изъ драмы или, лучше, сочиненной Карамзинымъ).

Послѣдній представитель прошлаго вѣка по своей любви къ „Кантамъ“ и современникъ Отечественной войны, не долго ее пережившій, митрополитъ Платонъ, въ кругу своего обширнаго хора, любилъ исполненіе подобныхъ пѣсней, особенно на досугѣ въ Виѳаніи. Потому, складомъ своимъ сюда же примыкаетъ любимая его пѣсня:

Пойте, птички, во саду,
Разгуляться къ вамъ иду:
Пойте громче, пойте въ слухъ,
Да радуется мой духъ!

И т. д.

(Помѣщено у Шнора въ изд. 1791 г.).

Въ народѣ собственно нѣтъ ни склада этого, ни напѣва: то и другое возникло и окрѣпло въ городскихъ хорахъ, а въ наше время извѣстно по образцу,—

„Въ селѣ Маломъ Ванька жилъ,
Ванька Таньку полюбилъ.“

*

Самое же старшее изъ сихъ „свободныхъ“ произведеній сочиненной пѣсни, слѣдующее, и по старшинству его нужно привести:

40.

Ступай, ребята, въ чисто поле,
Когда нашъ добрый царь велитъ:
Его намъ слово всего болѣ,
Оно сердца въ насъ воспалитъ [1])...

. . . .

Чего бояться намъ? Та жь Русская въ насъ кровь:
Пойдемъ, пойдемъ,

---

[1]) Въ другихъ: „Его слова всего намъ болѣ, Въ насъ отъ нихъ вся кровь кипитъ.“—[2]) „Пускай Европа.“

Вездѣ сорвемъ,
Сорвемъ мы лавры вновь!...
Пусть свѣтъ весь громко [2]) согласится,
Что Руской выше всѣхъ солдатъ,
Пускай вездѣ поютъ стократъ,
Что Руской въ вѣкъ не побѣдится.

(„На выступленіе въ походъ 1805 года." Съ симъ заглавіемъ, какъ „Солдатская пѣсня," и со многими варіантами печаталась послѣдовательно въ разныхъ Пѣсенникахъ).

*

За симъ образцомъ, съ 1812 г. цѣлой верницей потянулись: 1) *Маршъ всеобщаго ополченія Россіянъ,"* „Къ ружью, Къ ружью, Къ ружью, Россіяне. спѣшите".—2) *„Военная пѣснь при полученіи В. Манифеста въ Нижегор. губ. объ ополченіи, Іюля 15 дня 1812 г.,"* „Стремися, грозно ополченье, Подъ сѣнью отческихъ знаменъ (*К.—въ*)."—3) *„Военная пѣснь въ честь гр. Витгенштейну,"* „Защитника Петрова града Велитъ намъ славить правды гласъ."—4) *„Пѣснь Рускаго Инвалида,"* „Боже Россійскій [1]), Боже предвѣчный, Въ радости сердца что сотворю?"—5) *„Пѣсня на баталію при Кульмѣ у Теплица,"* „Несись повсюду, громка слава."—6)*„Куплеты на возвращеніе государя,"* „Ты возвратился, благодатный (пѣты Самойловымъ на праздникѣ въ Павловскѣ).—7) „Хоръ," „Славой, лаврами вѣнчанный, Россовъ царь, прой избранный.., Славься, Александръ, на тронѣ, Славься, добрый государь (то же что „Хоръ на миръ съ Портою" 1774 г., ср. вып. 9, стр. 290, 291, „Славься симъ, Екатерина")."—8) *„Побѣдоносная пѣснь съ хорами,"* „О царь, судьбой опредѣленный (исполнено въ Москвѣ, въ началѣ Апрѣля 1814 г., на концертѣ *Морини*, съ его музыкой, соч. *Сокольскаго*).—9)*„Польской съ хоромъ, на побѣды кн. Кутузова Смоленского,"* „Лиры, арфы и тимпаны, Пиндары и Оссіаны."—10)*„Куплеты,"* „Храни, Господь, для насъ отечества отца."—11)„Хвала тебѣ, о царь отецъ (*В. Л. Пушкина*)."—12)*„Польскій и Хоръ,"* „Упалъ на дерзкія главы" (*П. А. Вяземскаго*, муз. помянутаго *Рейнгарта*).—13) *„Хоръ,"* „Многія лѣта, многія лѣта Спасшему царства праведной битвой (тѣхъ же авторовъ; №№ 10—13 исполнялись пѣвчими и пѣсельниками въ Москвѣ на помянутомъ праздникѣ 19 Мая 1814 г)."—

[1]) Съ сей же эпохи преимущественно вошло въ обычай именовать Бога „Россійскимъ" и „Русскимъ." — Что касается до „пророчествъ," то обычай видѣть ихъ въ стихотвореніи, утвердившійся съ сей же поры, восходитъ къ концу прошлаго вѣка: онъ такъ силенъ, что даже просвѣщенный издатель Державина до сихъ поръ видитъ „предсказанія" чуть не на каждомъ шагу поэта. Обоготвореніе самихъ себя не хорошій признакъ эпохи въ литературѣ: этого нѣтъ у народа. Тамъ развѣ, какъ о безсмертіи Ильи въ битвѣ бываетъ „удумано" въ писаніяхъ, да и то порою, прибавляется, „не ладно."

Изъ балетовъ „Русскіе въ Парижѣ,“ „Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій,“ и многихъ подобныхъ другихъ произведеній.

Всѣ таковыя аранжированы были на нотахъ для оркестра и вообще для музыкальнаго исполненія, а пѣлись на безпрерывныхъ праздникахъ особыми хорами *пѣвчихъ* и *пѣсельниковъ*, вслѣдствіе чего и попали въ *Пѣсенники*, начиная съ 1813 года до 30-годовъ.

*

Наконецъ, множество *чисто-книжныхъ* произведеній, не принятыхъ даже Пѣсенниками и невозможныхъ ни для какого пѣнія. Мы перечислимъ только имена болѣе или менѣе извѣстныхъ *сочинителей* сего рода, хотя, по правдѣ сказать, не было тогда ни одного, кажется, „пишущаго,“ кто бы не писнулъ стихами и не „воспѣлъ:“ *Державинъ*; *Шатровъ*; *Карамзинъ; Жуковскій; кн. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ, Ѳ. Н.* и *С. Н. Глинки; Воейковъ; Капнистъ; В. Измайловъ; Гнѣдичъ; Востоковъ*; *М. Невзоровъ; П. Г. Кутузовъ*; *Николевъ; А. А. Писаревъ*; *Сушковъ; кн. П. Шаликовъ; гр. Дм. Хвостовъ; Н. Остолоповъ; А. Бунина*; *Ѳ. Кокошкинъ*; *П. Свиньинъ; А. Измаиловъ; П. Корсаковъ; М. Милоновъ; И. Ламанскій; И. Ковалько; Маринъ; Як. Пожарскій; Ѳ. Ивановъ*; *Родзянка; Н. Иванчинъ-Писаревъ; Язвицкій; Сокольскій*; *Н. Ильинъ; В. Колосовъ; кн. Н. Кугушевъ; кн. С. Шахматовъ; гр. С. Потемкинъ; А. Аргамаковъ; Гр. Волковъ; кн. Дм. Горчаковъ; Мих. Виноградовъ; А. Урываевъ; А. Прожинъ; А. Кулаковъ*; *Д. Глѣбовъ; Степ. Юшковъ; И. Поповъ; А. Волкова; В. Левшинъ; Ап. Нестерова; свящ. Матѳей Аврамовъ*; *Г. Окуловъ; Н. Овдулинъ; М. Щулепниковъ*; и друг.

Изъ журналовъ всего больше помѣщалось это въ „Сынѣ отечества“ и „Русскомъ Вѣстникѣ;“ многое издавалось особыми тетрадками и на нотахъ; полнѣе другихъ „Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году,“ М., въ Университетской типографіи, 1814 г., въ 2-хъ частяхъ, 8-о, стр. I—VIII, 1—247, I—VIII, 1—252; въ Пѣсенникахъ, о которыхъ подробнѣе скажется ниже; выборъ въ книжкахъ и статьяхъ С. М. Любецкаго.

*

Кромѣ того, что все это, какъ противуположность, наилучшимъ образомъ оттѣняетъ, отличаетъ и поднимаетъ выше *пѣснь народную*, а вліяніе и слѣды ея обозначаются здѣсь весьма явственно до самаго послѣдняго конца ея и уничтоженія, литература наша, виновница таковыхъ явленій, обязана испить чашу, ею самой налитую, до дна: время отъ времени, хоть на страницахъ сего изданія, необходимо литературѣ повторять достославные зады свои въ назидательный урокъ и предосторожность на будущее.

* *
*

„Сочиненнымъ,“ „патріотическимъ“ пѣснямъ дальше некуда было итти по пути славы: а народная пѣсня возвратилась къ себѣ по случаю смерти царя Александра, при концѣ Александрова вѣка.

IV.

КОНЕЦЪ АЛЕКСАНДРОВУ ВѢКУ.

Умеръ Александра-царь.

1.

(Губ. Симбирской).

Выѣзжаетъ Александръ нашъ свою армію смотрѣть [1]:
Обѣщался Александръ нашъ къ Рожеству домой прибыть.

Всѣ праздпички на проходѣ,—Александра дома нѣтъ [2]).
«Пойду—выду на ту башню, которая выше всѣхъ,
«Погляжу я въ ту сторонку, въ коей Александръ нашъ былъ!»
По Питерской по дорожкѣ пыль столбомъ (она) стоитъ,
Пыль столбомъ (она) стоитъ, молодой курьеръ бѣжитъ.
«Я пойду—спрошу (курьера): «Ты куда, курьеръ, бѣжишь?
««Ты скажи-ка намъ (курьеръ) про Александру царя [3])?»»
— Вы скидайте алы шали, надѣвайте черной трауръ [4]),
— Всю правдушку вамъ скажу про Александру царя:
— Нашъ Александръ императоръ въ Таганрогѣ жизнь скончалъ!—
(Что) двѣнадцать генераловъ на главахъ царя несутъ,
Вотъ не двое ли армейскихъ [5]) ворона коня ведутъ,
Не четыре ли гвардейскихъ [5]) со знамёнами идутъ.

(Запис. Языковымъ).

*

---

[1]) Стихъ *двойной*.—[2]) За симъ голосъ изъ народа. —[3]) Испорчено; отселѣ размѣръ и складъ сбиваются совсѣмъ.—[4]) „крепъ?“ — [5]) Отрицательный оборотъ: двое армейскихъ, четыре гвардейскихъ.

Голосъ народа превращается въ голосъ матери [1]):

2.

(Усть-Урень, губ. Симбирской.)

Обѣщался царь (А)лександра [2])
Къ Рожеству домой прибыть:
Всѣ праздники на проходѣ,—
Александры (сынка) домой нѣтъ,

Его матушка родима
Тёмны нóчи мало спитъ:
«Я пойду—выду на башню,
«На дорогу на большу̀,
«Погляжу я въ ту сторонку,
«Гдѣ (А)лександра проживалъ.
«Какъ (не) пыль въ полѣ запылилась,
«Какъ по той ли по дорожкѣ
«(Что) кульеръ скоро бѣжитъ;
«Я пойду—спрошу кульера:
« «Ты отколь куда бѣжишь?» »
— Я бѣгу, бѣгу, царица,
— Я изъ арміи въ Москву;
— Вѣсть нерадошню (тебѣ) скажу,
— Вѣсть нерадошню, печальную
— Про (А)лександра сынка твоего:
— Какъ твой сынъ [3]) Александра
— Въ Таганрогѣ жизнь покончилъ свою [4]).—

---

[1]) Имя и лицо государыни-матери было очень популярно и любимо въ народѣ; ей особенно сочувствовали при смерти государя.—[2]) Обыкновенное народное произношеніе имени (*а* на концѣ). — Стихъ печатаемъ по поламъ [3]) „Какъ сынокъ твой.“ — [4]) Неосторожно записано: „Въ Таганрогѣ жизнь. скончалъ, Жизнь покончилъ онъ свою...“, или въ этомъ родѣ.

Его силушка собра́нная
Вся слезно заплакала...

(Запис. П. В. Шейномъ отъ ратника Картавенка, ср. „Чтенія“).

*

3.

(Губ. Тульской).

Обѣщался императоръ
Къ Рожеству вѣрно прибыть:
Всѣ праздничка на проходѣ,—
Александра (царя) до́ма нѣтъ.

Его маменька (вѣрно) родна́я
Всѣ минутыи (ночки) не спитъ:
«Выду-выду на ту по́ру [1]),
«На ту башню (которая)—выше всѣхъ;
«По ямской-ямской дорожкѣ
«Да не пыль, вѣрно, пылитъ,—
«Это мой (вѣрно) курьеръ бѣжитъ...»

(Отъ М. А. Стаховича сообщено А. А. Григорьеву, а отъ послѣдняго *П. И. Якушкину*: всѣ трое уже покойники. Ср. изд. 1865 г.).

*

Какъ и прежде, въ пѣсняхъ о смерти разныхъ государей и государынь, при общемъ сходствѣ есть для каждой свои отличія и „спеціальные признаки,“ нами отмѣченные, такъ здѣсь отличіемъ можно признать „обѣщаніе воротиться.“ Но и съ этой однако стороны пѣсня видимо сближается со старшими—о „князѣ Михайлѣ (см. вып. 5 и 7),“ и тѣмъ больше, что выводитъ „мать“ умершаго.

---

[1]) Гору?

эходомъ къ обычнымъ пѣснямъ „войска“ или „солдатъ“ служитъ
ощая, напоминая собою еще старшія, Петровскія (а собственно
ря Алексѣя) пѣсни о смерти военачальника (ср. вып. 8 и осо-
ѣ 9й на стр. XIV—XXI, №№ 9—17):

4.

(Губ. Симбирск.).

Россіюшка, каменна̀ Москва!
Зазвонили во Москвѣ во большой колколъ,—
Слышно было по Россіюшкѣ, по всей арміи,
Госу́дарской конной гвардіи.

Какъ во арміи сдѣлалось несчастьицо,
Несчастьицо и безвреме́ньицо:
По́меръ же у насъ православный царь,
Царь Александръ Павловичь.
Мы схоронимъ же царя
На крутой горѣ на Сіонской [1]),
Могилу вы́роемъ мы между трёхъ дорогъ,
Между Питерской, Московской, большой Кіевской,
На могилушкѣ положимъ камень мраморный,
Во голо́вушки поставимъ позлачо́ный крестъ,
Во рѣзвы́хъ ногахъ поставимъ коня во́рона,
По правую сторонушку поло́жимъ строево̀ ружье,
По лѣвую сторонушку саблю вострую.

Ты востань-ка, пробудись, православный царь,
Погляди-ка, посмотри-ка на насъ горькіихъ:
Всѣ твои полки во походъ ушли!

(Запис. Языковымъ).

* *

---

[1]) Ср. 9 вып. Примѣч. къ стр. XIV.

Плачь войска по Александрѣ.

1.

(Шенкурскъ).

У Ивана было у Великаго,
Забили-зазвонили въ больши колоколы,
Чтобы слышали гласъ по всей Москвѣ,
По всей Москвѣ, по всей арміи:
Что преставился нашъ благовѣрный царь,
Александръ Павловичь не въ своёмъ дворцѣ,
Не въ своёмъ дворцѣ, въ дальнемъ городѣ,
Въ дальнемъ городѣ, на теплыхъ водахъ,
На Таганрогѣ—лёгкихъ воздухахъ [1]).

Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоялъ, онъ ружьё держалъ,
Поклонилъ свою буйну голову ко сырой землѣ,
Улѣпилъ копье во сыру землю:
«Разступися-ко, матушка, сыра земля,
«Развернися-ко, золота парча,
«Откройся-ко, гробова доска!
«Ты встань-ко, встань, нашъ благовѣрный царь,
«Ты взгляни-взгляни да по всей Русѣ:
«По всей Русѣ, своей арміи,
«Своей арміи, по любезной конной гвардіи.
«А тебе несутъ съ церемонію,
«Съ церемонію со великою,
«Несутъ ко приходу ли, ко собору ли,
«Ко собору ли, ко Божьей церкви!»

(Запис. г. Борисовымъ, доставлено М. П. Погодинымъ).

*

[1]) Куда ѣздятъ больные подышать „лёгкимъ воздухомъ."

2.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельск., с. Критово).

Изъ подъ бѣлой зори́ кра́сно со́лнышко [1]),
Освѣти́, свѣтёлъ мѣсяцъ, каменну́ Москву [2])!

Въ каменно́й Москвѣ стоитъ кипарисный [3]) гробъ,
Во гробу лежитъ православный царь,
Во главахъ его, во ногахъ его—
Во ногахъ его стоитъ вся армія,
Стоитъ—слёзно плачутъ [4]):
«Ужь ты батюшка нашь, православный царь!
«Ты воскрой свои ясны о́чушки,
«Посмотри жь ты на всю армію,—
«Во рядахъ стоитъ твоя армія,
«Во рядахъ стоитъ—слезно плачетъ,
«Шелковы́ми платками [5]) утирается.»

(Записано и доставлено намъ К. А. Бороздинымъ).

*

Запѣвъ еще болѣе развитъ въ цѣлую картину и событіе, а вмѣстѣ появляется *козачество*:

3.

(Земля Войска Донскаго).

Сы-подъ [1]) лѣсу-лѣсу было тёмнаго,
Сы-подъ садику съ-подъ зелёнаго,

---

[1]) Стихъ *двойной*, при самомъ его зарожденіи изъ сплошнаго или цѣльнаго.— [2]) Замѣчательный запѣвъ, стремившійся *обособить* пѣсню о смерти Александра изъ общаго однороднаго круга, извѣстнаго зачаломъ своимъ — „Ужь ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ.“— [3]) Въ народѣ, до сихъ поръ съ величайшею выдержкою, краткое *у* отвѣчаетъ Греческому краткому (т. наз. *и-грекъ*, *и-псилонъ*): таково κυπρος; таково имя Евпла, произносимое *Егупъ*, *у Егупья;* таково древнее *Егуптъ*, *куръ* (господинъ); особенно же *Купала*, отвѣчающая *Кубелѣ* или *Кувелѣ*, и т. п.— [4]) Множ. при Собирательномъ, какъ при словѣ *народъ* и т. п.— [5]) Это уже позднѣе, вмѣсто „шелковымъ платкомъ.“

[1]) Изъ-подъ.

Не бѣлая зоря занимается [2]),
Солнце красное выкатается.
Выкаталося солнышко противъ мѣсяца,
Какъ и солнышко съ мѣсяцемъ поспорило:
— Ты свѣти, ты свѣти, батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ,
— Не по новому, а по старому [3])!—

Какъ у насъ было во святой Руси,
Во святой Руси, въ кременной [4]) Москвѣ,
Во соборѣ было Митривскомъ [5]),
Во придѣлѣ [6]) было во Миколинскомъ,
Стоитъ-то—стоитъ кипарисный гробъ;
Во гробу лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло царское, государское;
А вкругъ гроба три подсвѣчника;
На часахъ стоитъ младъ Донской козакъ,
Младъ Донской козакъ, малолѣточекъ [7]).

Стоитъ-то онъ трое суточекъ,
Стоитъ-то онъ—не смѣняется,
На восходъ солнышка [8]) Богу молится:
«Ты создай, Боже, тучу грозную,
«Размочи же ты матушку сыру землю [9]),

---

[2]) Оборотъ отрицательный, намъ извѣстный: занимается зоря.—[3]) Въ старшихъ образцахъ обыкновенно жалоба на мѣсяцъ, за чѣмъ онъ свѣтитъ не по старому, не по прежнему, закрывается тучею: здѣсь споръ и убѣжденіе—не свѣтить по новому. То и другое, на нынѣшнемъ языкѣ, значитъ, что мѣсяцъ, опредѣляя числа и время (народное времясчисленіе), вывелъ за собою годъ и мѣсяцъ несчастный, ознаменованный государевой кончиною. Картинно выражается это тѣмъ, что мѣсяцъ — бѣдственный—не свѣтитъ ярко, заволакивается тучею: и за это упрекаетъ его, и не велитъ такъ дѣлать—солнышко, вѣчно ясное и красное.—[4]) То же, что „каменной:“ отсюда названіе „*Кремля*,“ „*кремника* (кремень).“—[5]) Дмитріевскомъ, Дмитровскомъ: типъ извѣстнаго, старшаго собора во Владимірѣ.— Здѣсь въ Таганрогѣ, Новочеркасскѣ?—[6]) Ошибочно „въ предѣлѣ.“—Въ престольномъ придѣлѣ Миколы.—[7]) Объ этомъ обычномъ именованіи у козаковъ см. выше.—[8]) Д. б. „солнца.“—[9]) *Сыру*—эпитетъ *постоянный*, не смотря на то, что здѣсь разумѣется *твердая*, замыкающая въ себѣ тѣло государя (представляется, что онъ уже погребенъ: объ этомъ переходѣ представленій—отъ слова къ дѣлу и послѣдствію—подробнѣе говорено выше).—

«Расколи же ты гробову̀ доску!
«Ты встань, ты встань, православный царь,
«Православный царь, Александра [10]) Павловичь!
«Погляди-посмотри на свои войска До́нскія [11]):
«Во строю̀ стоятъ, обучаются,
«На нихъ платьица ровно жаръ горятъ,
«На нихъ шапочки ровно маковъ цвѣ̀тъ [12]).

«Безъ тебя-то, царь, служба поху̀жила [13]):
«Познобили насъ зимою [14]) холодною,
«Поморили насъ смертью голодною [15]).»

(Ср. сборн. г. Савельева, 1866).

Такимъ образомъ и въ этомъ разрядѣ пѣсня старается, и очень удачно, обособить или, по нашему, „специализировать“ себя отъ прежнихъ пѣсней о смерти государей и государынь.

* *
*

[10]) Обычный въ народѣ выговоръ (*а* на концѣ: оглашеніе ъ-ра).— [11]) Замѣтьте *обычное* удареніе: „Войско До́нское,“ нынѣ неправильно „Донско́е.“ — [12]) Съ красной верхушкой, какъ носили козаки, особенно Донскіе (поднявшіеся въ Московскомъ государствѣ и въ связи съ нимъ), въ отличіе отъ Украинскихъ и старшихъ „*Черныхъ клобуковъ*,“ родственныхъ съ Азіатскимъ Востокомъ (Кара-колпаки).—За симъ слова не Донцовъ, а собственно солдатъ, перенесенныя изъ старшихъ образцовъ того же разряда (ср. вып. 6—9).—[13]) Сдѣлалась хуже.—[14]) Д. б. „зимой.“ — [15]) Предупрежденіе, опять намъ знакомое: представляется, что смерть уже прошла и поющіе померли отъ голода.

V.

Во всякомъ случаѣ, какъ скоро мы вышли опять на поприще подлинной пѣсни „народной,“ снова пахнуло на насъ свѣжестью, красотою, творчествомъ. Какъ ни слабы эти образцы умирающаго пѣснотворчества, они неизмѣримо выше предыдущихъ „сочиненныхъ:“ литературѣ того времени нечѣмъ похвастатѣ даже предъ этой слабостью и смертью, одушевлявшейся самою смертію несравненно живѣе, чѣмъ литература оживлялась цвѣтущею жизнію.

Здѣсь больше и правды: слѣдующія пѣсни давно поютъ въ народѣ о томъ, о чемъ молчала пѣсня „сочиненная“ и лишь можно сказать на дняхъ громко заговорила литература (особенно въ „Русской Старинѣ:“ мы всегда уважали и уважаемъ ее, когда она на своей дорогѣ и не берется за дѣло, ей непонятное, подъ руководствомъ ея новыхъ, давно впрочемъ извѣстныхъ намъ, „глубокихъ знатоковъ этнографіи“).

Пѣсни объ Аракчеевѣ или, лучше, одна развѣтвившаяся пѣсня, вовсе не новость въ народномъ творчествѣ: это не *сложено* вновь, а только *примѣнено* къ Аракчееву. Началось это въ средѣ *козацкой* или въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ихъ больше и жили они ближе: сперва о посланцахъ изъ Москвы, потомъ о насланныхъ оттуда воеводахъ; прежде объ Астраханскихъ и Казанскихъ, а дальше послѣдовательно о Сибирскихъ. Изъ именъ историческихъ остановились больше всего на *Карамышевѣ*, потомъ Астраханскомъ *Репнинѣ*, дальше подвернулся Сибирскій *Гагаринъ*, постигла та же участь и *Меньшикова*: теперь имъ наслѣдовалъ Аракчеевъ (см. у насъ выпуски 7й и 8й).

Старшія, первообразныя, пѣсни несравнено лучше и по смыслу творчества, и по живописи, и по вѣрности съ дѣйствительностью, и даже по самому стиху, цѣльному и тягучему, не успѣвшему еще расколоться въ стихъ двойной или по поламъ. Но и туда уже, въ образцахъ пѣтыхъ позднѣе, съ низу заносилось именованіе *графа* (принадлежащее Аракчееву: ср. вып. 8, стр. 301); новаго, „спеціальнаго“ объ Аракчеевѣ прибавлено не много (мы это укажемъ) и *примѣненіе* оказалось по преимуществу въ личномъ имени да въ двухъ-трехъ чертахъ военныхъ поселеній. За то наросли въ началѣ постороннія прибавки изъ пѣсенъ „женскихъ,“ лирическихъ.

Разумѣется, мы начнемъ съ образцовъ лучшихъ, то есть ближе примыкающихъ къ старшимъ:

Аракчеевъ.

1

(Шенкурскъ).

На синенькомъ на́ морѣ,
Во Кронштатской гавани,
Полтораста кораблёй:
На каждомъ кора́бличкѣ
По пяти́ сотъ молодцовъ,
По пяти сотъ молодцовъ,—
Сорокъ пѣсенничковъ.
Они ѣдутъ и плывутъ,
Веселы̀ пѣсни поютъ,
Веселы пѣсни поютъ,—
Припасвистываютъ;
Разговоры говорятъ,
Всё Рача́ева [1]) бранятъ:
« «Что Ра́чаевъ шельма былъ,—
« «Много жалованья бралъ:
« «Что первоѐ—тепловоѐ,
« «Что другое—харчевоѐ,
« «Третье—денежное [2]).
« «Онъ на эвти всё на деньги
« «Онъ палаты (себѣ) склалъ;
« «Онъ палаты (себѣ) склалъ
« «Бѣлокаменныя.
« «Подлѣ эвтихъ же палатъ

---

[1]) По образцу: „Все Гагарина;" но старше, по складу стиха, вѣроятно было „Карамышева."—[2]) Разряды получавшагося прежними войсками содержанія или жалованья. Ср. въ старшихъ пѣсняхъ.

« «Быстра рѣчка протекла,
« «Не сама ли протекла,—
« «Съ-по фонтану спущена̀:
« «Жива рыбка пущена̀—
« «Серébряна чешуя,
« «Золотая голова;
« «Спозолóчена головка [3]),—
« «Въ лѣсу травка-мурава̀;
« «Что и травка-мурава,—
« «Тутъ есть горенка нова̀;
« «Во горенкѣ во новóй
« «Кровáтонька тесова̀;
« «На кроватонькѣ тесовой
« «Перинушка пухова̀;
« «На перинушкѣ пухóвой
« «Тутъ Рачаевъ самъ лежалъ.
« «Онъ окошко отворялъ,
« «Всё палаты выхвалялъ:
« «— Широки́ наши палаты
« «— Бѣлокаменныя,
« «— Не хуже наши палаты
« «— Государева дворца:
« «— Только тѣмъ они похуже,—

---

[3]) Въ „Р. Стар.“ 1872 г. (Ноябрь) помѣщена пѣсня, записанная *Я. П. Безуклидниковымъ* въ г. Троицкѣ, гдѣ пѣлась еще въ 30-хъ годахъ солдатами Оренбургскаго линейнаго баталіона. Мы приведемъ варіанты:

Аракчеевъ, графъ Ракчеевъ господинъ
Опиваетъ-объѣдаетъ наше жалованье,
Боевое, строевое, третье—денежное.
Онъ на эти-то на деньги, графъ, палаты себѣ склалъ,
Онъ повыстроилъ хорóмы—бѣлъ-хрустальный потолокъ,
И на этомъ потолокѣ („И на этотъ потолокъ?“) бѣжитъ рѣчкою вода,
Бѣжитъ рѣчкою вода, бѣла рыба пущена.

При этомъ записавшій дѣлаетъ замѣтку: „Не лишнимъ считаю сообщить, что между современниками Аракчеева—простолюдинами—почему-то распространилось баснословіе, что въ своемъ имѣніи Аракчеевъ устроилъ такой домъ, въ которомъ по хрустальному потолку пропущена вода и въ ней живетъ по-

« «— Золотаго угла [1]) нѣтъ,
« «— Золотало угла нѣтъ,—
« «— Серéбряпа потолкà!—» ».

(Запис. г. Борисовымъ 1844 г., доставлено М. П. Погодинымъ).

*

саженная рыба, что̀ и выражается словами пѣсни „и на этомъ потолокѣ бѣжитъ рѣчкою вода;“ это убѣжденіе очень характеристично, какъ народное указаніе на всемогущество Аракчеева.“ Если бы „Р. Старина,“ не слушая „глубокихъ знатоковъ этнографіи,“ занималась дѣломъ *своимъ*, она не оставила бы такого обстоятельства безъ разъясненій. Ей конечно должно быть извѣстно, что черты сіи относятся не къ Аракчееву, а къ Гагарину, у котораго, по сказаніямъ современниковъ, кромѣ Сибирской роскоши, въ Московскомъ домѣ на Тверской (что̀ послѣ Часовникова) именно были зеркальныя стѣны, а потолки изъ стеколъ и туда пущена была вода, тамъ плавали рыбы. Пѣсни, отпечатанныя у насъ въ 8-мъ выпускѣ, съ подробностію описывая это, опредѣляютъ даже самое мѣстоположеніе Гагаринскаго дома — „на Неглинной (или „за Неглинною рѣкой“), на Тверской, за мучнымъ большимъ рядо̀мъ.“ Впрочемъ, мы сами отчасти виноваты въ невѣдѣніи почтеннаго журнала, ибо не успѣли отпечатать обѣщанной полной „Замѣтки“ къ 8-му выпуску: но мы были прямо запуганы „прещеніями“ журнала, а теперь оказывается, что Замѣтка наша пригодилась бы ему самому.—Перенести же черты на Аракчеева помогло для пѣсни то, что его Грузино также приводило всѣхъ въ удивленіе своимъ великолѣпіемъ.—Въ нашемъ образцѣ, стихъ „спозолочена головка“ повторенъ для того, чтобы перейти къ лѣсу или саду, здѣсь помѣстить горенку, въ горенкѣ кровать, а на кровати вывести самодовольнаго хозяина. На самомъ же дѣлѣ, въ старшихъ образцахъ, здѣсь вовсе не рыбья позолоченая головка, а дѣло идетъ о „золоченыхъ верхахъ“ на домѣ, о „золотомъ орлѣ“ или „гербѣ,“ чего не доставало Гагарину и о чемъ онъ „вздыхалъ“ (ср. ниже): пѣсня позднѣйшая перевела эту черту на рыбу. — [1]) Въ старшихъ пѣсняхъ, о Гагаринѣ, „орла“ или „герба (императорскаго).“ По тому корреспондентъ „Р. Ст.“ напрасно считаетъ это „самобытною чертою“ пѣсни объ Аракчеевѣ: это идетъ также отъ Гагарина.—Конецъ помянутаго варіанта таковъ:

Бѣла рыба пущена, кровать нова взмощенà.
Какъ на этой на кровати графъ Ракчеевъ почивалъ,
Графъ Ракчеевъ почивалъ, бѣлу рыбу искушàлъ (вѣроятно „воскушалъ“),
Бѣлу рыбу искушалъ, генераловъ созывалъ,
Генераловъ созывалъ, имъ похвастывалъ:
— Я повыстрою хоромы, да не эдаки еще,—
— Я не хуже, я не лучше—государева дворца,
— Я и тѣмъ будто похуже,—золотова нѣтъ орла,
— Золотова нѣтъ орла, позолòченова.—

2.

(Губ. Оренбургской).

Ахъ по́ морю, морю си́ненькому,
Плавали-гуляли девяносто кораблей [1]).
Какъ на каждомъ кораблѣ по пяти́ сотъ человѣкъ,
Хорошо пловцы плывутъ, весело̀ пѣсни поютъ,
Разговоры говорятъ, всё Ракчеева бранятъ [2]):
« «Ты разбестія, каналья, Ракчеевъ дворянинъ!
« «Всю Россію разорилъ, *солдатъ бѣдныхъ погубилъ* [3]):
« «Пропиваешь-проѣдаешь наше жалованье,
« «Харчево̀е, пьяново̀е, третье де́нежное [4])!» »

---

[1]) Эти два стиха еще старшаго склада, до разлома стиховъ по поламъ.— [2]) Образецъ нашъ очень хорошо пополняется другимъ варіантомъ, который сообщенъ также „Р. Старинѣ (того же года и мѣсяца)“ *А. Г. Пупаревымъ* (онъ же сообщилъ П. В. Шейну) и записанъ 1854 года, въ дер. Коряковкѣ, близъ Царево-Кокшайска. Вотъ начало:

Какъ по рѣчкѣ, по рѣчкѣ („по рѣкѣ?“)
По матушкѣ по Невѣ,
Лёхка лоточка плыветъ;
За собой лотка ведетъ
Тридцать восемь („триста восемь“) караблёвъ;
Во кажённомъ во кара́блѣ
По пяти́ сотъ молодцовъ,
Гребцовъ-пѣсельничковъ.
Хорошо гребцы гребутъ,
Весёлы („весели́?“) пѣсни поютъ,
Разговоры говорятъ,
Все Рахчеева („Расчеева“) бранятъ.

[3]) Черта „спеціальная,“ ближайшая къ Аракчееву. — [4]) За симъ слова поющихъ переходятъ въ разсказъ, въ 3-мъ лицѣ.—Вар. *Пупар.*:

„ „Ты Рахчеевъ осподинъ,
„ „За столомъ сидишь єдинъ,
„ „Передъ нимъ водки графинъ:
(Или: „Вотъ Расчеевъ дворянинъ

Какъ на эти-то деньжонки *графъ*[3]) палаты себѣ склалъ,
Хороши бѣлы палаты, стѣны мраморныя,
Изъ хрусталя потолокъ, позолоченый конёкъ [5]).
Мимо этихъ ли палатъ [6]) быстра рѣчка протекла;
Не сама собой прошла, фонтанами взведена.
Какъ во этой ли во рѣчкѣ [6]) жива рыба пущена,
Жива рыба пущена, серебряна чешуя.
Возлѣ этой быстрой рѣчки [6]) кровать нова смощена,
Кровать нова смощена, перинушка пухова [7]).

За столомъ сидитъ одинъ,
Пропиваетъ" и т. д.)
„ „Пропиваёшь-проѣдаёшь
„ „Нашо жалованьё,
„ „Что другоё трудовоё („строевоё"),
„ „Третьё денежноё." "

[5]) Помянутые „верхи," гдѣ желалъ бы Гагаринъ золоченаго „орла, герба." Въ одномъ старшемъ образцѣ (вып. 8, стр. 301), этому наружному гребню съ конёчкомъ отвѣчаетъ середняя потолочная матица, по которой внутри дома, видная сквозь стеклянnаго потолка, проведена была рѣчка. — [6]) Эта болѣе поздняя пѣсня старается упростить диковинки для лучшаго вѣроятія: рѣчка проведена *мимо* палатъ, рыба пущена *въ нее*, кровать *возлѣ* рѣчки и т. д. — [7]) Вар. *Пупар.*:

Какъ на эти жо на деньги
Сталъ заводы заводить,
Сталъ полаты становить
(Онъ заводы заводилъ,
Палатушки становилъ),
Бѣлокаменны полати,
Стѣны мнаморныя (мраморныя?),
Весь хрустальной потолокъ,
Что („И") съ подвырѣзомъ окошки,
Позолоченой конёкъ:
Изъ Москвы первой домокъ,
И не хуже онъ, не лучче
Осударева дворца;
Только тѣмъ-то жо похуже, —
Золотова орла нѣтъ.

Слова „изъ Москвы первой домокъ" могли убѣдить издателей, что это вовсе не тотъ домъ, который „устроилъ Аракчеевъ въ своемъ имѣніи."

Какъ на этой на кровати
Самъ Ракчеевъ тутъ лежитъ,
На живу̀ рыбу глядитъ [1]).

(Записс. и доставлено В. И. Далемъ).

*

3.

(Губ. Псковской).

Бѣжитъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву [1]),
Въ разорёну улицу,
Къ Аракчееву [2]) двору.
У Ракчеева двора
Тута рѣчка протекла,
Бѣла рыба пущена;
Тутъ и плавали-гуляли
Девяносто кораблей [3]);

---

[1]) Совершенно тѣми же чертами рисуется и Гагаринъ (см. вып. 8), а въ другихъ, кромѣ того, глядя „вздыхаетъ (что нѣтъ орла-герба).“ Это и дополняется варіантомъ г. *Пупарева:*

— Тысячь сорокъ издержу, —
— Золотой орёлъ солью,
— Всю Русею удивлю,
— *Всю я чернедь раззорю!*

Кромѣ послѣдняго стиха, записавшій справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ варіантѣ самобытною чертою, разумѣется позднѣйшею и грубою, остается сидѣнье хозяина одного за столомъ съ графиномъ водки. Но чуть ли и этотъ *графинъ* не явился вслѣдствіе созвучія, когда поющіе встрѣтили въ пѣснѣ *графа*, вмѣсто старшихъ и привычныхъ *князей*—Меншикова, Гагарина, Репнина, Карамышева.

[1]) Неглинная, впадающая въ Москву.—[2]) Сливается: „ко Ракчееву.“—Старше: „ко Гагарину.“—[3]) Черта изъ старшихъ образцовъ, гдѣ объ Гагаринѣ, Репнинѣ и Карамышевѣ пѣли, преимущественно козаки, по большимъ рѣкамъ и по морю.

Во всякіемъ караблѣ
По пятисотъ молодцовъ,
Гребцовъ-пѣсенничковъ:
Сами пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ,
Все Ракчеева бранятъ:
« «Ты Ракчеевъ господинъ,
« «Всю Россію разорилъ,
« «Бѣдныхъ людей прослезилъ,
« «*Солдатъ гладомъ поморилъ*,
« «*Дорóженьки проторилъ*,
« «*Онъ* [4]) *канавушки прорылъ*,
« «*Берёзами усадилъ* [5]),
« «Бѣдныхъ людей прослезилъ!» »

(Образецъ замѣчателенъ тѣмъ еще, что записанъ въ 30-хъ годахъ *А. С. Пушкинымъ*).

4.

(У. Данковскій).

Вдоль по Волгѣ по рѣкѣ
Плывуть триста кораблей,
На всякимъ на кораблю
По пяти сотъ молодцовъ.
Всё-то пѣсельнички.
Они пѣсенки поють,
Разговоры говорять,
Все Ракчеева бранять:

---

[4]) Знакомый намъ переходъ отъ 2-го лица къ разсказу въ 3-мъ.—[5]) Всѣ эти мѣста курсивомъ, какъ сказано, ближе къ Аракчееву. При Гагаринѣ „канавушки“ связывались съ недовольствомъ на „Ладожскій.“

« «Ужь ты с..... сынъ Ракчеевъ,
« «Разканалья дворяничъ!
« «Всѣ дорожки покопа́лъ,
« «Частъ берёзничакъ сажалъ!» »

*

Теперь образцы, гдѣ пѣсня переходитъ въ женскія, лирическія, а потому въ началѣ обычныя вставки изъ другаго разряда:

5.

(Колпна, г. Орловской, у. Малоархангельскаго).

По горенкѣ похожу—
Платкомъ голову свяжу [1]),
Въ окошечко погляжу,
По ми́ленькомъ потужу.

---

[1]) Эта черта и даже цѣлый стихъ, весьма часто повторяемые въ нашихъ женскихъ пѣсняхъ, ускользаютъ конечно отъ вниманія незнающихъ, но сами по себѣ очень важны и характерны для народнаго быта. Въ противуположность Востоку (Азіатскому), гдѣ голова *обыкновенно* покрыта и открывается при случаяхъ *особенныхъ*,п реимущественно въ горѣ и бѣдахъ, а гдѣ нѣтъ магометанства, изстари распускались волоса (напр. у Евреевъ), обратнымъ образомъ у Славянъ, преимущественно Русскихъ и въ частности у дѣвицъ, волоса *обыкновенно* не покрыты, распущены, по крайности косою (у древнихъ Славянъ, нынѣ у Южныхъ, у старыхъ Малоруссовъ — та же самая и у мужчинъ): накрывается голова обыкновенно при выходѣ изъ дому вонъ, наружу, и то не всегда или легко. За то *непремѣнно* накрывается и перевязывается при всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, при рѣзкомъ переходѣ изъ одного состоянія въ другое и особенно при угрожающей какой либо бѣдѣ и наступившемъ горѣ. Таковы древнія наши *на́узы* на голову, какъ скоро замѣчалось на ребенкѣ „язвено“, язва, предвѣщавшая бѣды, такова повязка—при переходѣ изъ дѣвичества въ замужество; таковъ обычай доселѣ у женщинъ — непремѣнно обвязать голову платкомъ, какъ скоро она заболитъ, угрожаетъ или наступило какое либо горе. Старухи накутаютъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ голову до того, что страхъ смотрѣть,—будто огромная чалма; какъ увидишь, что женщина спѣшно обвязываетъ голову,—знай, что не добро или не къ добру.—И въ предлежащей пѣснѣ, какъ во многихъ другихъ, пріемъ такой неразлученъ съ горемъ и составляетъ первое преддверіе плача, слезъ.

Тужила я, плакала,
Заливалася слезой;
Залила жь я, дѣвушка,
Всѣ дорожки, всѣ лужка [2]),
Залила жь я, дѣвушка,
Всѣ крутые бережка [2])?

Какъ на той на рѣчушкѣ
Всё кораблики плывуть;
На тѣхъ на корабликахъ
До пяти сотъ [3]) молодцовъ,
Славныхъ пѣсенниковъ;
Хорошо гребцы гребуть,
Важно [4]) пѣсенки поють,
Все Ракчеева бранять:
« «Какъ разс..... сынъ Ракчеевъ
« «Всю Россію разорилъ,
« «*Всѣ дороженьки порылъ,*
« «*Ракитничкомъ насадилъ!*» »

(Запис. кн. Н. А. Костровымъ, доставлено черезъ П. И. Якушкина).

*

6.

(Г. Московской).

Ахъ ты ночка моя, ночка ты,
Ночка тёмнинькая!

---

[2]) Собирательное (суммарное) на *а*. — Потерявъ историческую связь съ рѣками и моремъ, не зная, откуда и за чѣмъ взялась „рѣчка", забывъ и Неглинную, творчество выручаетъ себя новымъ образомъ изъ пѣсней женскихъ: начинается горе, въ горѣ слезы, изъ слезъ рѣка, по рѣкѣ корабли. — [3]) *До* употребляемое нынче нами только въ счетѣ *приблизительномъ*, по древнему языку, въ народѣ и у Сербовъ доселѣ, ставится *непремѣнно*, при *всякомъ* числѣ, самомъ опредѣленномъ: по старшимъ образцамъ пѣсни *ровно* 500. — [4]) Въ смыслѣ народномъ. отлично, славно.

Ты головка, ты головка
Разпобѣдниинькая [1]):
Не придумала, головка, ты,
Съ кѣмъ мнѣ ночку ночевать,
Съ кѣмъ осенню коротáть!
Я одна въ лѣсу боюся,
Товарища со мной нѣтъ:
Мнѣ товарища призвать,—
Худу славушку принять [2]);
Худа славушка пройдётъ,—
Никто зá мужь не возмётъ,—
Отцу-матери безчестье,
Роду-пле́мени покоръ,
Мнѣ головушка долой [3]).
Мнѣ нельзя притти домой,
Сказать матушкѣ родной [4]).
Скажу эдакъ и вотъ эдакъ:
«Я во садикѣ была,
«Я въ зелёнымъ гулялà [5]).»
Въ саду ельнички-березнички,
Я вокругъ всѣ обойду:
А свого̀ дружка мило̀го
Нигдѣ слѣду не найду.
Ужь со го́ря со кручины
На синё море пойду [6])!

---

[1]) „Побѣдная", подверженная бѣдамъ, обидамъ (рѣже, хотя и случается переходитъ въ „бѣдовую", испытанную бѣдами, привычную, а потому удалую, торжествующую „побѣды" въ нашемъ смыслѣ).—[2]) Слова дѣвушки, какъ и въ предыдущей пѣснѣ: позвать въ товарищи милаго друга,—нажить худую славу.—[3]) Уголовное дѣло, придется умереть со стыда, какъ узнаютъ.—[4]) Оправдаться, гдѣ была и за чѣмъ.—[5]) Оправданіе, гдѣ и за чѣмъ медлила.—Отсюда, забывъ начало или, лучше, стремясь къ цѣли впередъ, пѣсня представляетъ (ср. выше „слово" и „дѣло"), что слова эти сбылись, что дѣвушка точно гуляла по саду, и разумѣется—„по садику гуляла, слѣду милаго искала, нигдѣ слѣда не нашла, заплакала да пошла (какъ въ другихъ пѣсняхъ)."—[6]) За потерею историчности замѣтьте, какіе длинные и хитрые подходы творчества, чтобы добыть нужную рѣчку или море, а съ тѣмъ вмѣстѣ корабли и пѣсельниковъ.

Какъ по си́нему по мо́рю
Плыли три́ста кораблей.
На каждомъ на кораблѣ,
По пяти́ сотъ молодцовъ,
Гребцовъ-пѣсенничковъ.
Хорошо гребцы гребутъ,
Славны пѣсенки поютъ;
Таки рѣчи говорятъ.
Все Ракчаева бранятъ:
« «Ты разбестія, каналья,
« «Графъ Ракчаевъ господинъ!
« «Запиваешь-заѣдаешь
« «Наше жалованье,—
« «Строевое, полковое,
« «Третье денежное.
« «А изъ нашихъ, графъ, изъ денегъ
« «Ты палаты себѣ склалъ,—
« «Бѣлокаменны палаты,
« «Стѣны мраморныя,
« «Бѣлъ-хрустальной потолокъ;
« «А на томъ ли потолкѣ
« «Москварѣцкая вода,
« «По фонтанамъ взведена̀,
« «Бѣла рыба пущена̀.» »

(Запис. въ 1860 г.).

* *

Въ одномъ изъ образцовъ, напечатанныхъ нами въ 8-выпускѣ (стр. 298), замѣчательный конецъ прямо относится къ Гагарину, свидѣтельствуя о подлинности пѣсни и раннемъ ея распространеніи въ народѣ:

„Ужь за эту похвальбу государь его казнилъ."

Корреспондентъ „Р. Старины" обратилъ сюда должное вниманіе: но самый журналъ пропустилъ опять удобный случай похвастать своимъ знаніемъ новой Русской исторіи, составляющей его законную спеціальность; а такъ какъ наша „Замѣтка" къ 8-му выпуску равнымъ образомъ запугана грозными прещеніями спеціальнаго журнала, посему приходит-

ся пособить ему только теперь, лучше поздно, чѣмъ никогда. Именно въ соотвѣтствіе приведенному стиху, другой образецъ, тамъ же у насъ отпечатанный (стр. 302), кончаетъ стихами слѣдующими:

Похвалялся этотъ князь *во Казанѣ* побывать,
Во Казанѣ побывать,—верхи вызолотить [1]).
Ужь какъ тамъ, братцы, князекъ и головку положилъ,
Онъ головку положилъ, *его громъ тамо убилъ.*

Къ Аракчееву это не примѣнимо и можно бы подумать, что здѣсь искаженіе подлиннаго стиха о казни Гагарина. Но мы тогда же обѣщали уяснить сію черту въ „Замѣткѣ (примѣч. 6)“. Именно припомнимъ, что пѣсни сего разряда возникли первоначально, какъ сказали мы, въ средѣ козацкой, о воеводахъ Астраханскихъ и *Казанскихъ*. Исторія пособила сему и поддержала творческій образъ позднѣе. *Князь Сергѣй Дмитріевичъ Голицынъ*, сынъ извѣстнаго „Верховника“ Дмитрія Михайловича, раздѣлилъ съ отцемъ, и въ одинъ годъ, плачевную участь (отецъ скончался въ Шлиссельбургскомъ заточеніи). По возвращеніи изъ Персіи, гдѣ онъ былъ посломъ, князь сдѣланъ *Казанскимъ губернаторомъ*. Здѣсь, на загородной охотѣ, Іюня 1-го 1738 года, *убитъ онъ былъ громовымъ ударомъ*, и этой новой чертою, тотчасъ уловленною въ народномъ творчествѣ, далъ возможность связать пѣсню XVIII-го вѣка съ пѣснями XVII-го, а Гагарина съ его Казанскими прототипами. И любопытна находчивость творчества, играющая здѣсь образами и словами: хотѣлъ вызолотить *верхи* палаты, *князька* ихъ (извѣстный *князь* или *кнесъ*), *головку* терема, а вмѣсто того самъ *князёкъ* положилъ *головку*, и не золото блеснуло надъ ней, не орелъ поднялся, не гербъ,—*блеснула молнія*, сразившая его голову громомъ.—„Р. Старина“ благоволитъ согласиться, что своими замѣтками мы могли бы принести нѣкоторую пользу—если не самому журналу, то его спеціальному дѣлу. Тщетно до сихъ поръ ожидаемъ его плодотворныхъ объясненій къ нашему 8-му выпуску о Петрѣ: запуганные сами, все еще молчимъ и терпимъ; а пока „Р. Старину“ предупредилъ уже заграничный журналъ, Revue des deux mondes (1 Авг. 1873) и мы пользуемся случаемъ принести справедливую благодарность почтенному другу, профессору *А. Рамбо* (Alfred Rambaud), за его прекрасную статью по поводу нашего 8-го выпуска (La légende de P. le Grand dans les contes de la Russie). Она съ избыткомъ вознаграждаетъ наше домашнее невѣжество въ Русской старинѣ.

*

[1]) У палатъ своихъ.

Замѣтимъ кстати интересныя числовыя данныя. Пѣсни о Карамышевѣ и Реппинѣ восходятъ своимъ происхожденіемъ и появленіемъ къ XVII вѣку; пѣсня о Меншиковѣ определилась въ половинѣ XVIII-го; о Гагаринѣ и Аракчеевѣ пѣсни поются до сихъ поръ и записаны *одновременно* еще въ 30-хъ годахъ, слѣдовательно тотчасъ за исторіей Аракчеева, а послѣ въ 40-хъ, 50 хъ и 60-хъ.

*

„Р. Стар." (Ноябрь, 1872) приводитъ еще объ Аракчеевѣ „Гласъ вопіющаго въ военныхъ поселеніяхъ" и стихотвореніе къ нему: но это уже литературный пасквиль и сатира, какихъ нельзя отнести къ „пѣснямъ сочиненнымъ" и какихъ мы по этому не помѣщаемъ, ибо иначе пришлось бы печатать походныя произведенія и объ Севастополѣ. Область народнаго пѣснотворчества гнушается такими вещами и не допускаетъ ихъ даже для сличенія.

* * *

Сказавши это, мы переходимъ однако къ произведенію, которое было бы конечно похоже на пасквиль, еслибы не было тѣсно связано съ народною пѣснею, составляя ея начало,—а изъ пѣсни слова не выкинешь,—и еслибы записалъ ее не самъ П. В. Кирѣевскій, притомъ изъ устъ народныхъ. Чтители лица, столь странно и нескладно здѣсь воспѣтаго, могутъ утѣшиться по крайности во первыхъ самою этою нескладностію, обличающею трактирный жанръ, а во вторыхъ очевиднымъ вліяніемъ какого-то книжника изъ отсталыхъ, полулитературныхъ сидней помѣщиковъ (конечно не изъ духовенства, которое всегда чтило героя, какъ „своего"). Вѣроятно черезъ лакея, подслушавшаго импровизацію въ передней подобнаго барскаго дома, стихоплетеніе проникло въ крестьянскую среду и здѣсь связалось съ искаженною народною пѣснею о Французѣ.

Вотъ сей неожиданный и загадочный образецъ:

Сперанскій.

(Г. Московской, у. Звенигородскаго, Воронки).

Былъ князь [1]) Сперанскій:
Природы не дворянской [2]),
Сынъ поповъ [3]),
Изъ большихъ плутовъ.
Летитъ гусь
На святую Русь:
Русь, не трусь!
Воробей, не робѣй!
Бей, колоти,
Одинъ до десяти [4])!
Онъ глядитъ на Русскую корону,—
Съ нашего императора
Хотѣлъ снять Русскую корону [5]):
Ощипали Русскіе
Какъ мокрую ворону.
Онъ высоко̀ взлетѣлъ,
Жизнь свою продать хотѣлъ [6]),
Былъ въ почести лентъ [7]):
Сталъ послѣдній студентъ [8]).
Былъ сосланъ въ Сибирь,
Читать псалтырь [9]).

---

[1]) Незнаніе.—[2]) Упрекъ: слѣдъ источника, откуда вышли стихи.—[3]) Пѣсня не изъ духовенства.—[4]) Изъ другихъ пѣсней: одинъ за десять, стой—не робѣй.—[5]) Нескладность, обличаемая самимъ повтореніемъ: намекъ на „замыслы“ Сперанскаго, такъ называвшіеся въ извѣстной средѣ.—[6]) Разсказы о Сперанскомъ, какъ и объ другихъ, высоко поставленныхъ лицахъ, будто онъ хотѣлъ продать душу чорту.—[7]) Въ генеральской, высокой: черта лакейская.—[8]) Опять намёкъ на происхожденіе: студентъ семинарскій, семинаристъ.—[9]) Тотъ же намёкъ; кромѣ сего доказательство, что сложено, въ слѣдъ за первымъ паденіемъ, далеко до вторичной славы.

Французъ вступилъ въ Москву въ гости,
Оставилъ свои кости [10]....

И т. д. см. выше.

(Запис. П. В. К—мъ 1833, Августа 19).

Но какъ, въ 8-мъ выпускѣ, подобныя пѣсни о Меншиковѣ и Гагаринѣ мы вынесли въ *особый отдѣлъ* изъ общаго разряда пѣсней о *Петрѣ* (иначе зложелатели поспѣшили бы сказать: „вотъ какъ народъ отзывается о *сподвижникахъ* Петровыхъ!"), такъ точно и теперь ставимъ все это *внѣ* народныхъ пѣсней о Французѣ и Александровомъ вѣкѣ.

* * *

Сюда примыкаютъ и слѣдующіе образцы. Это не исключительно *пѣсни* въ собственномъ смыслѣ, не всегда и *народныя*; иногда это скорѣе „романсы:" тѣмъ не менѣе основанные на началахъ народныхъ, широко распространенные въ пѣніи по разнымъ „классамъ", тѣсно связанные съ судьбою историческихъ лицъ и цѣлыхъ событій, сбереженные и высоко цѣнившіеся въ „Пѣсенникахъ" нашего вѣка.

Чтобы уразумѣть ихъ подлинное значеніе, нужно нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

*

[10]) Слѣдующій конецъ, цѣлую, хоть и не складную, пѣсню, см. у насъ вполнѣ выше, стр. 27, 28, № 1.

VI.

Исторія, а вмѣстѣ *историчность* народной пѣсни имѣетъ множество ступеней, отчасти уже пройденныхъ нами вмѣстѣ съ самыми образцами, отчасти только намѣченныхъ и указанныхъ, а много и такихъ, кои надобно пройти еще впереди, если достанетъ на то нашей жизни.— Когда *Исторія* перестала быть однороднымъ явленіемъ и словомъ со всякимъ *Былевымъ* или Эпическимъ пѣснотворчествомъ въ народѣ; когда постепенно возникли и на нѣсколько вѣковъ потянулись „Пѣсни *Историческія*“ въ ихъ частномъ и спеціальномъ значеніи; когда мало по малу сама исторія сдѣлалась для нихъ *внѣшнею*, какъ *предметъ*, и образовалось извѣстное внѣшнее къ ней *отношеніе*; когда, если не въ текущей дѣйствительности, то предъ изучающимъ взоромъ стало отличаться и обособляться *содержаніе* Исторической Пѣсни отъ *самого Пѣснотворчества*, какъ творчества народнаго; когда самою жизнію поставленъ былъ вопросъ *о внутренней* исторіи пѣснотворчества, зависимой или вовсе независимой отъ исторіи внѣшней; когда взаимныя *соотношенія* той и другой были *прерваны*, а *связь* ихъ, слабѣя, наконецъ совершенно *порвалась* и *рушилась*; когда, въ этой розни, потерпѣла много лишеній та и другая сторона, *пострадала та и другая историчность*; когда мы перестали находить въ образцахъ хотя какой ни будь *слѣдъ* исторіи внѣшней или нашей, а внутренняя также точно зажила одними повтореніями или осколками былаго, не выдѣляя изъ себя признаковъ текущей исторической жизни; когда, ища по привычкѣ, но столь же послѣдовательно не находя уже вовсе *никакихъ* образцовъ пѣсни, съ *подлиннымъ* или *намъ понятнымъ* оттѣнкомъ историческимъ,—когда, къ исходу изъ сего, мы кинулись впередъ послушные прежнему толчку движенія и—очутились въ какомъ-то *Безъ-историческомъ* пространствѣ, въ какихъ-то Пѣсняхъ Безъ-имянныхъ и Молодецкихъ, гдѣ оказались намъ—*исторія безъ лица, лицо безъ имени*, и такъ далѣе, и чѣмъ далѣе, все глубже, все страннѣе для нашего *историческаго* взляда: тогда, пройдя съ образцами по всему этому длинному спуску, мы въ своемъ подобающемъ мѣстѣ и благовременно, а именно въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ 9-мъ нашемъ выпускѣ (стр. 267—68, 326—29, XXXIV—VII и др.), вмѣсто жизненныхъ силъ, повѣщающихъ себя самихъ въ исторіи и живущихъ исторически отъ

себя самихъ, выставили на видъ и указали *историкамъ* для ихъ работъ другія силы, болѣе искусственныя,—силы *примѣненія* и *употребленія*. Обильно или скудно, въ довольство или въ проголодь, но только силы эти могутъ еще *питать исторію*. Пѣсня, не будучи историческою, ни по основамъ цѣльной жизни, ни по отношеніямъ, ни по внутреннимъ условіямъ творчества какъ творчества, можетъ быть *примѣнена* къ извѣстнымъ историческимъ эпохамъ, годамъ, мѣстностямъ, событіямъ, лицамъ, именамъ; также точно можетъ она появиться *на сценѣ исторической, пріурочиться* симъ къ тому или другому *историческому явленію*, *занять черты* и *признаки исторические*, войти *въ историческое употребленіе* того или другаго вѣка, періода, года, класса и слоя, пѣсеннаго кружка, семейства, лица и т. д. Очевидно, всѣмъ этимъ можетъ еще порядочно прокормиться исторія и, хоть напрасно, хоть до сихъ поръ безъ плодовъ и послѣдствій, мы не перестанемъ твердить: что это самое лучшее поле для опыта молодыхъ литературныхъ силъ, что вопросы эти—самые живые для юношества, что задачи эти самыя естественныя для студентовъ, съ университетскихъ для того каѳедръ; мы сами имѣемъ время лишь намѣчать и указывать сіи пути: подростающіе дѣятели въ состояніи будутъ развить отсюда цѣлую, и любопытнѣйшую, науку.

Въ особенности это важно потому, что на сей ступени народная устная *пѣсня* входитъ въ ближайшія соотношенія съ *письменностью* и *литературою*, а слѣдовательно исторія, обычно нами понимаемая, какъ отдѣлъ и явленіе литературы, какъ регуляторъ и рефлекторъ ея, получаетъ здѣсь всѣ права и обязанности для своего спеціальнаго дѣла. Устанавливаются интересные вопросы и задачи: вся пѣснотворческая устная область, или только извѣстный кругъ ея, или хоть Историческій отдѣлъ или образцы его и каждый отдѣльный образецъ,—въ какихъ отношеніяхъ, съ самаго начала до конца, стояли они къ письменности, къ литературѣ, къ творчеству личному, къ художественой поэзіи; какъ сюда проникали или вторгались; кто, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ сталъ впервые записывать изъ устъ, какъ продолжалось это дѣло, какіе появлялись собиратели; какіе, гдѣ и кѣмъ составились сборники; какъ письмо перешло въ печать, какія были изданія съ издателями; когда начались, изъ чего состояли и въ какомъ видѣ дошли до насъ „Пѣсенники,“ и т. д. Эта была бы *литературная исторія пѣсни, пѣсня въ исторіи литературы*. Съ тѣмъ вмѣстѣ выдвинулась на самомъ дѣлѣ и выдвигается задачею для изслѣдованія третья, „искусственная,“ сила:—*сочиненіе*: мы ея касались уже, особенно съ 9-го выпуска, и вызывали охотниковъ на работу, и намѣчали ближайшія, подсильныя свѣжимъ и молодымъ силамъ, цѣли. Здѣсь опять множество одинаково затѣйливыхъ и куріозныхъ переходовъ исторіи: отъ невѣжественной переправки и передѣлки народной пѣсни, до хитрой поддѣлки, до наивнаго воспѣванія въ народномъ стилѣ, до невинной увѣренности, что стбитъ лишь взять перо—и мы создадимъ тотчасъ народную пѣсню, а дальше до рабскаго подражанія и наконецъ до свободнаго художественнаго пріема, способнаго, на осно-

вахъ народнаго воспитанія, съ помощію артистическаго изученія и при условіяхъ искренней жизни за одно съ народомъ, подняться до созданія, которое можетъ *сдѣлаться* народнымъ и войти *въ народное употребленіе*. Съ другой стороны, точно также и пѣсня, особенно убѣжденная историческимъ ростомъ литературы и письменной поэзіи, а вмѣстѣ очевиднымъ ослабленіемъ собственныхъ силъ, и она добровольно, и невольно, и давно уже, и передъ нами на дняхъ, становилась и становится подъ вліяніе своей соперницы, въ коей можетъ видѣть подругу, замѣну и смѣну: и перенимаетъ многое, и уноситъ къ себѣ, и старается, хоть доселѣ съ большимъ трудомъ, понять новыя задачи, по возможности разжевать и переварить ихъ. Не одни города, проѣзжія дороги, постоялые дворы, трактиры, кабаки, лакейскія, всякія „заведенія" и фабрики фабрикуютъ подобное производство; слава Богу, не одни эти плоды цивилизаціи и не съ одними сими плодами желаемъ мы нынѣ удѣлить цивилизацію нашу народу въ его „простомъ", нисшемъ слоѣ „простонародья:" мы увѣрены, что подобныя задачи непремѣнно найдутъ себѣ путь и чрезъ народныя школы, какъ скоро таковыя будутъ добропорядочны, когда не будетъ завѣдывать ими, со стороны „живой," одинъ только баронъ Корфъ съ графомъ Толстымъ; пособятъ вѣроятно и камеры судовъ, и присяжныхъ, и собранія земскія, и еще болѣе общая воинская повинность. Во всякомъ случаѣ, такая встрѣча устнаго творчества съ литературою чрезъ среду сочиненія и сочинителей, и всѣ послѣдствія встрѣчи, и пути взаимнаго соглашенія или окончательнаго отвращенія и взаимнаго уничтоженія — крайне важны, будятъ собою весьма много вопросовъ историческихъ, представляютъ обильный матеріалъ для *будущей исторіи Русской словесности*, одинаково, уповаемъ, и *устной*, и *литературной*, *творческой* и *художественной*, *народной* и *національной*, *общей* и *личной*, или, короче, Русской *общенародной*, единой и цѣльной.—Съ этой же точки зрѣнія, и ни съ какой другой, обращаемся мы къ нижеслѣдующимъ образцамъ, а послѣ остановимся на подобныхъ еще пространнѣе. Нигдѣ нѣтъ лучшаго мѣста сему, какъ именно при „Историческихъ Пѣсняхъ" и въ заключеніи ихъ: прочіе отдѣлы пѣснотворчества имѣютъ менѣе отношеній „къ исторіи"; по крайности спеціальная окраска ихъ и главная особенность не состоитъ въ „историчности", которую пока мы изслѣдуемъ.

Съ этой же точки зрѣнія и выше, въ отдѣлъ Историческихъ Пѣсней и въ соотвѣтственныя соображенія допустили мы не мало такихъ образцовъ, которые не подходятъ подъ мѣрку „крупныхъ" историческихъ взглядовъ и писаній, регламентирующихъ исторію въ родѣ того, какъ нынче регламентируютъ жизнь биржи, банки и акціонерныя компаніи. Ни громкой внѣшней, особенно же политической, исторіи, ни рѣзкой внутренней, выдающейся чѣмъ либо образцовымъ, мы въ образцахъ тѣхъ не искали и не потому на нихъ останавливались. Намъ довольно было извѣстнаго историческаго *употребленія*, извѣстнаго отношенія къ исторической эпохѣ, личности, мѣстности и даже къ историческому имени. Пѣсня

Ксеніи, Лопухиной, Елизаветы, Шереметевой и тому подобныхъ—вовсе не историческая „по казенному," а между тѣмъ явилась у насъ лучшимъ украшеніемъ исторіи. Если мы допустили на страницы наши столько пѣсней „сочиненныхъ"—солдатскихъ, военныхъ, даже такихъ, которыя въ „отечественную войну" ратовали и храбрились вовсе не въ боевомъ полѣ, а въ припрыжку по страницамъ журналовъ, и, тѣмъ не менѣе, думаемъ, отъ этого много выиграла, много выяснилась исторія самой пѣсни народной: то нѣтъ причины оставить безъ вниманія тѣхъ *сочинителей*, кои выучились *пѣть* среди народа, и не писали только, а дѣйствительно *пѣли*, и пѣсня ихъ разнеслась въ *пѣніи* по разнороднымъ классамъ ихъ современниковъ, по обширнымъ странамъ и уголкамъ Россіи, и чтилась, и вызывала слезы, восторгъ, сочувствіе, и снова изъ устъ употребленія жадно захвачена въ печатные Пѣсенники, а изъ Пѣсенниковъ опять облетѣла тысячи устъ. Такое явленіе конечно есть достояніе *исторіи*: нужды нѣтъ, и тѣмъ любопытнѣе, что исторія слѣдитъ здѣсь не чисто-народную пѣсню, а сочиненіе, усвоившее себѣ признаки и черты пѣсни, даже пожалуй „романсъ," поспорившій однако своимъ успѣхомъ съ оною Былиной. Особенно же мы счастливы, что героемъ, и пѣвцомъ, и сочинителемъ-слагателемъ являются здѣсь *женщины*: дополняется та галлерея, которую подарило намъ Историческое Пѣснотворчество народа и которую, по большей части въ первый разъ, до насъ невѣдомую, подарили Русской словесности долголѣтніе труды наши въ области пѣсни.

Но, по этому поводу, спѣшимъ повторить предостереженіе, не разъ прежде высказанное нами, одинаково и для „молодыхъ" дѣятелей, и для всякой самонадѣянной „Русской старины:" какъ въ области чисто-народной пѣсни *сложеніе*, такъ и здѣсь тѣмъ больше *сочиненіе* вовсе не значитъ непремѣнно что либо небывалое, никогда прежде не виданное и не слыханное, въ первый разъ на свѣтъ Божій личной силою порожденное и къ одному лишь событію, лицу или имени въ крѣпость закабаленное. Стихіи, даже первообразы, а тѣмъ болѣе пріемы творчества, и по содержанію, и тексту, и напѣву, обыкновенно существуютъ прежде: лишь извѣстная *минута*, иногда одна *черта*, два-три *образа*, нѣсколько *выраженій*, порою одинъ *тактъ*, *звукъ*, *переливъ звука*—заручаютъ подобное произведеніе той, а не другой исторіи, тому или другому сочинителю и пѣвцу. Въ этомъ и связь съ народностію, въ этомъ и связь искусствъ, и не рѣдко тайна успѣха. Уловить такой историческій моментъ и по немъ назвать имя, отгадать творца, признать его вмѣстѣ съ остальными признающими массами, выдѣлить его изъ современниковъ и законно воздать ему честь, какъ историческую награду: въ томъ и задача.

*

Народная пѣсня обошла дорогую Наталью Кириловну Нарышкину и лишь пословица увѣковѣчила память ея на всегда, а богатство Нарышкиныхъ на цѣлый XVIII-й вѣкъ: „Не дóрого Нарышкиныхъ богатство, дорогá Наталья Кириловна." Историческая пѣсня перешла съ сочувствіемъ къ злополучной Лопухиной и къ боевому герою, ея племяннику: но на время отхлынула отъ Нарышкиныхъ, какбы вмѣстѣ со вдовою Льва Кириловича, вышедшею за Бориса Петровича Шереметева. Съ тѣхъ поръ долго любимцами пѣсни сдѣлались Шереметевы, за Шереметевыми выступили Долгорукіе—черезъ скорбную Наталью Борисовну, за тѣмъ при Елизаветѣ Чернышовъ, сама Елизавета, Румянцовъ; въ концѣ XVIII вѣка снова Шереметевы, въ родствѣ съ Разумовскими (сосѣдями Кускова, наслѣдниками Горенокъ) и въ лицѣ Прасковьи Ивановны. Между тѣмъ семейное родство, играющее столь важную роль въ передачѣ преданій и въ наслѣдствѣ пѣсенъ, по женской линіи соединило Нарышкиныхъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, и съ Разумовскими, и съ Румянцовыми (жена Льва Александровича—родная племянница Разумовскихъ, жена Александра Александровича — урожденная Румянцова). Имя Нарышкиныхъ, цѣлый вѣкъ связанное тѣсно съ событіями придворными, во второй половинѣ вѣка соединилось съ неразлучнымъ представленіемъ богатства (если не съ имѣньемъ, то съ умѣньемъ расточать), съ веселыми пирами, зрѣлищами и театромъ, со всѣми искусствами, особенно же съ музыкой, пѣніемъ и поэзіей, съ остроуміемъ и острословіемъ: довольно вспомнить Семена Кириловича, внучатнаго племянника Наталіи, знаменитаго своею роговою музыкой и домашнимъ театромъ, или Александра Львовича, заключившаго собою вѣкъ во главѣ театральныхъ зрѣлищь, среди пѣсельниковъ, Цыганъ, музыки, пляски и безчисленныхъ, перешедшихъ къ потомству, его остротъ. Такъ, дѣти вѣка и всецѣло по его образу, Нарышкины прежде, чѣмъ занять мѣсто въ пѣснѣ народной, прошли среду всѣхъ видовъ личнаго искусства и уже посредственно, черезъ нее, предстали готовыми героями для пѣснотворчества, одушевивши собою тѣ образцы его, которые коренились народными стихіями, воздѣланы художественно, распространились изъ высшаго круга по всѣмъ классамъ и въ переработкѣ снова достигли простонародья. А всѣхъ счастливѣе въ этомъ родѣ, вмѣстилищемъ и средоточіемъ Нарышкинскихъ отличій, былъ тотъ многосемейный домъ, во главѣ котораго стоялъ отецъ помянутаго Александра Львовича и внукъ Льва Кириловича, столь извѣстный об.шталмейстеръ *Левъ Александровичъ* (род. 1733, жен. 1759, ум. 1799). Собесѣдникъ Екатерины, комикъ, шутникъ и острякъ, радушный хлѣбосолъ, окруженный даровитѣйшими людьми эпохи, художниками, музыкантами, пѣвцами, которыхъ умѣлъ самъ привлекать и отыскивать, но вмѣстѣ—пріятель Суворова, сочувственно описанный иностранцами, воспѣтый Державинымъ шагъ за шагомъ и за послѣднимъ шагомъ смерти: воспоминая его облагороживался Булгаринъ; самъ Вигель, обязанный его сыну, не смогъ озлословить его. Не довольно, что, по словамъ Сегюра, въ домѣ его цѣлый день раздавалась музыка, танцовали, смѣялись, пѣли; не довольно, что передовой

по времени композиторъ пѣсней сочиненныхъ и перелагатель народныхъ, Козловскій былъ постояннымъ помощникомъ и распорядителемъ сего рода музыкальныхъ наслажденій, какъ другъ дома; не довольно, что увлеченный этимъ пѣвецъ Фелицы повторялъ не разъ въ стихахъ своихъ о томъ, какъ „родомъ богатырь, сынъ барскій“ умѣлъ „музыкой душу напитать,“ и какъ у него „подъ сладкимъ пѣньемъ музъ Козловскаго плѣняли звуки:“ Нарышкинъ былъ, сверхъ всего этого, если не народнымъ, то популярнѣйшимъ человѣкомъ эпохи. Нельзя дивиться, зная подобныя замашки Суворова и причуды Потемкина, но нельзя и пробавляться однимъ смѣхомъ, если мы видимъ Нарышкина—то наряженнаго медвѣдемъ, то спускающаго кубари и волчки: въ точномъ смыслѣ словъ и намѣренно, онъ толкался между простымъ народомъ, даже на толкучемъ рынкѣ; о праздникахъ передъ его домомъ строились народу качели и хозяинъ дѣтски радовался народному веселью; его зналъ народъ и въ его домѣ нельзя было не знать народнаго.

Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту,
Народны мысли замѣчалъ...
Какой предметъ, какъ на качеляхъ
Предъ домъ твой соберется чернь,
На свѣтлыхъ праздничныхъ недѣляхъ
Вертится въ воздухѣ весь день...
Какой восторгъ! Какъ все играетъ,
Все скачетъ, пляшетъ и поетъ,
Какъ въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣется, ѣстъ и пьетъ!
И ты, народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Саломонъ!

Вотъ слова Державина (см. изданіе Я. К. Грота): и не въ наше время, не съ нашей точки зрѣнія опустить это изъ вниманія, безъ оцѣнки и уваженія. Сближеніе съ народомъ, въ какой бы то ни было формѣ, должно было оказать плоды свои и послѣдствія въ пѣснотворчествѣ *).

Есть особыя пѣсни, чисто народныя, усвоенныя преимущественно XVIII-му вѣку и даже въ частности второй его половинѣ. Въ близкой связи съ ними, по тексту, напѣвамъ и всему складу, есть также городскія, даже Петербургскія, гдѣ выдается средина, какъ бы качаніе между творчествомъ устнымъ и письменнымъ сочиненіемъ, между голосомъ народнымъ и композиціей музыкальной. Есть пѣсенники той же поры,

---

*) Не даромъ Хомяковъ, съ этой точки зрѣнія, выражалъ часто искреннее сожалѣніе о нашихъ писателяхъ, въ особенности Петербургскихъ: „Какъ жаль, что они не игрывали въ свайку и не спускали кубарей!“

›рыхъ говорили мы уже въ выпускѣ 9-мъ и которые склонялись "ю сторону: то по преимуществу къ употребленію народному, то ·амъ другихъ „классовъ;“ а сверхъ того иные особенно посвя- ›пертуару придворному, тому, что̀ пѣлось во дворцѣ, изъ ․гамъ знати, отъ знати снова при дворѣ, или въ покояхъ вообще въ домахъ богатыхъ. Въ послѣднемъ родѣ наиболѣе ся образцы — на нотахъ у придворнаго гусляра Трутовскаго –99), въ текстѣ—у чуткаго къ высшему кругу Шнора (второе из- ıе 1791 г.) и наконецъ, въ текстѣ и нотахъ—у музыканта (доктора) Прача, послужившаго посредникомъ между высшими и низшими классами, а достояніе Екатерининской эпохи успѣвшаго перевести въ XIX-й вѣкъ (1790—1806—1815). Слѣдуя такой нити, мы помѣстимъ здѣсь на выдержку нѣсколько близкихъ между собою образцовъ.

Тоска при разлукѣ съ отъѣзжающимъ милымъ — дѣло не новое въ пѣснѣ. Дѣвушка бродитъ по полямъ-полямъ, по лугамъ-лугамъ, по горамъ-горамъ, вдоль по бережку, бродитъ—и рветъ цвѣты, слушаетъ соловья, ловитъ звуки природы, сама думаетъ и поетъ о разлукѣ, посылая дорогому грустное „прости“ свое.

У душечки у красной у дѣвицы
Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило:
Смочило бѣло личико слезами,
Тужа-плача по миленькомъ дружечкѣ....
„Ты душечка, удалой-доброй молодецъ,
„Куда ты, моя радость, снаряжаешься,
„Во которую во дальную сторонушку?...“
Какъ возго́воритъ доброй мо́лодецъ:
— *Что сказана мнѣ, молодцу, царская служба*,
— Показана широкая дорожка
— Ко славному ко городу Смоленску...—

И т. п.

(Съ 1779; см. подробнѣе въ вып. 9-мъ).

*

Или, ближе къ нашему вопросу:

А).

Ахъ *по горамъ, по горамъ, по высокимъ горамъ*
Распущалися *цвѣты алы, лазоревые*.

Сорву аленькой цвѣтокъ, совью милому вѣнокъ,
Бѣлой ручкой я сорву, алой лентой обовью,
Алой лентой обовью, поцѣлую—воздохну,
Прижму ко сердечку крѣпко и надежой назову....
Про меня, красну дѣвицу, склали небылицу,
Будто я, красна дѣвица, вечеру́ поздо стояла,
Вечеру́ поздо стояла, друга дожидала,
По утру́ рано вставала, друга провожала.
У меня, красной дѣви́цы, въ умѣ того нѣту,
Въ умѣ того во мнѣ нѣту, да и не бывало,
Въ вечеру́ поздо стояти, друга дожидати,
По утру́ рано вставати, друга провожати....

И т. д.

(1782).

*

Б).

Ахъ, *по горамъ-горамъ* [1]),
По высокимъ по горамъ,
Распущалися *цвѣты,*
Алы-лазоревые.
Я сорву алой цвѣтокъ,
Совью милому вѣнокъ,
Алой лентой обовью,
Поцалую—обойму,
Прижму къ сердцу крѣпко,
Надёженькой назову...
Подумаю, погадаю,
Головушкой покиваю:
За что̀ милой любитъ?
Ни я черноглаза:

---

[1]) Дѣлимъ стихъ „двойной" по поламъ.

Только молоденька,
Съ личика бѣленька,
Собой хорошенька.
У милаго въ огородѣ
Ростетъ трава мята:
Любилъ меня сердечной другъ,
Хоть я не богата.
У милаго въ огородѣ
Ростетъ трава лебеда:
Любилъ меня сердечной другъ,
Хоть я очень молода *).

(1791)

Послѣдніе 8 стиховъ или двѣ, видимо прибавочныя, строфы по уподобленіямъ, риѳмѣ и пріему творчества (четырехстишіе, гдѣ первая половина—снимокъ съ природы, какъ сравненіе, а вторая—отвѣтное явленіе человѣческой жизни) не принадлежатъ пѣснѣ Великорусской, чаще встрѣчаются въ Малорускої, но особенно водворены въ Польской и по связи съ ней — въ Бѣлорусской. Приведенная пѣсня извѣстна до сихъ поръ и очевидно ходила по Бѣлоруссіи, которая въ ту же самую эпоху начала рѣшительно сближаться съ нами, именно по окраинамъ Полоцкимъ, Минскимъ и Могилевскимъ.

Съ другой стороны, на Великой Руси начало пѣсни—о дѣвушкѣ, что въ тоскѣ по миломъ безцѣльно тамъ и сямъ бродитъ, а вмѣстѣ черты о проводахъ отъѣзжающаго дорогаго гостя, все это связало пѣсню съ другими образцами: на примѣръ, „Ходила я, младёшенька, по борочку, Брала-брала ягодку земляничку;“ или—„Бѣлолица-круглолица, красная дѣвица, При долинушкѣ стояла, калину ломала, Я калинушку ломала, въ пучечки вязала“, гдѣ уже прямо прощаніе—

Я въ пучечечки вязала, въ дорожку бросала,
Я въ дороженьку бросала, *друга возвращала*:
Воротись, моя надежа, воротися, сердце,
Не воротишься, надёжа, хотя оглянися....

Или съ пѣснею „Ахъ какъ тошно мнѣ, тошненько,“ гдѣ совершенно одинакія строки:

Лихи-лихи на насъ люди,
Ближніе сосѣди...
И батюшкѣ, и матушкѣ
На насъ намучаютъ,

---

*) Въ другихъ: „не очень.“

Будто я, млада-младенька,
Вставала раненько,
По утру рано вставала,
Друга провожала:...
Воротись, моя надежа,
Воротися, сердце,
Не воротишься, надёжа,
Хотя оглянися.

А въ концѣ то самое, чтò у приведенныхъ выше помѣщено сначала,— *о цвѣтахъ*, которые рветъ дѣвица и изъ которыхъ одинъ всѣхъ милѣе:

Обратись, моя кручина,
Травой муравою,
Травой-травой муравою,
Алыми цвѣтами!
Ахъ какъ всѣ цвѣты аленьки,
Одинъ поалѣе:
Хотя всѣ друзья мнѣ милы,
Одинъ помилѣе.

Отсюда же связь съ самою распространенною пѣснею—„Чернобровый, черноглазый,“ которая въ старшемъ образцѣ, изъ годовъ насъ занимающихъ, рисуетъ отъѣздъ милаго *къ войску* (1791 г.):

Ужь и такъ меня, красну дѣвицу, грусть-тоска беретъ;
Я со той тоски со кручинушки не могу ходить,
Я пойду гулять, красна дѣвица, во высòкъ терёмъ,
Погляжу въ окно, красна дѣвица, во чистò поле:
Не былинушка во чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталися тамъ головушки молодецкія,
Молодецкія головушки, *всё солдатскія.*

Пѣсня эта имѣла множество перемѣнъ и передѣлокъ, отъ простонародныхъ до Мерзляковскихъ и до судьбы въ устахъ Сандуновой; такъ, на примѣръ, въ простонародьѣ она связуется *съ алыми цвѣтами* слѣдующимъ образомъ:

Ахъ свѣтъ мои прекрасные *алые цвѣточки,*
Къ чему рано расцвѣтали въ зеленòмъ садочкѣ?
Мой миленькой, чернобровой, молодéцъ хорошій,
Выди, радость, за ворота, утѣшь мое сердце:
Твои мысли припадаютъ, мое сердце ноетъ....
Какъ разлуку-то начаетъ, что милъ покидаетъ.
Что по рынкамъ по рыночкамъ, по всѣмъ городочкамъ,

По всѣмъ, по всѣмъ городочкамъ во всѣ звоны звóнятъ:
Про насъ съ тобой, мой ласковой, всѣ люди говóрятъ....
Пускай баютъ, пусть говóрятъ, авось перестанутъ!..

Но и въ впослѣдствіи она напоминала по мѣстамъ свое происхожденіе, на примѣръ:

Злы сосѣдушки узнали,
Матушкѣ сказали,
Про меня ли молоденьку
Худа слава пала....:
Кроватушку убирала,
Постелюшку стлала,
Дружка ожидала;
По утру рано вставала,
Его провожала.

Или конецъ въ устахъ Сандуновой:

Полечу къ милóму другу
Осеннею пташкой,
Покажу другу платочекъ,
Его же подарокъ.
Востъ сыръ боръ за горами,
Мятелица въ полѣ,
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бѣдна пташка,
Запертая въ клѣткѣ...
Не отворишь ты слезами
Отеческой теремъ,
Не увидишь дорогаго,
Ни прежняго счастья.
Не ходить бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу,
Не искать было глазами
Пригожихъ-удáлыхъ....

Есть и такія пѣсни прошлаго вѣка, которыя соединяли „*поиски цвѣтка*“ съ „*чернобровымъ*“, на примѣръ:

Я по цвѣтникамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла:
Не нашла цвѣта алóго
Сопротивъ свого милóго.
Ахъ мой миленькой хорошъ,

Чернобровъ, душа, пригожъ!
Снаряжался мой милой
Онъ на Волгу на рѣку...
И я пойду-посижу,
Туда-сюда погляжу,
Куда рѣченька бѣжитъ...
Судёнушко потонуло,
А я млада воздохнула:...
„Ты прости, прости, милой,
„Прости, радость, дорогой,
„Не видаться намъ съ тобой!“

А наконецъ, извѣстнѣйшая (полуустная, полуписьменная) „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
Трава ра́сла, И я въ три косы косила
Ради друга, Ради друга, ради гостя
Дорогаго..., Заѣзжай ко мнѣ, надежа,
Другъ проститься,“ и т. д. Въ пѣсняхъ этого послѣдняго рода, покинутая бросается за отъѣзжающимъ въ порывахъ особенно страстныхъ.

Но, пока еще не дошло до сего, въ тѣхъ годахъ, о коихъ рѣчь, пѣсня опять успѣла сблизиться съ Бѣлорусскими и Малорусскими, гдѣ вмѣсто военнаго человѣка появляется отъѣзжающій „школьникъ,“ а особенно съ тѣми Малорусскими пѣснями, которыя увѣковѣчены, какъ „любимыя Потемкинымъ (подробнѣе объ нихъ послѣ),“ на примѣръ:

Нема могo миленькою,
Що каріи очи (черноглазый),
Не дождуся ёго къ соби
До самои ночи.
Нема жъ мого миленького,
Нема ёго тута:
Посходила (взошла) письля дощу
Шалвія и рута (шалфей и рожа).
Я шалвію пересію, руту перетнчу:
Таки свого миленького къ соби перекличу.
Барвиночку зелене́нькій,
Стелися низенько:
А ты, милы, чернобривы,
Присунься близенько!...
Та вже жъ мени не ходити,
Куды я ходила,
Та вже жъ мени не любыти,
Кого я любыла!

Та вже жъ мени не ходыти
Въ лисокъ по оришки:
Та вже жъ мени минулыся
Дивоцькіи смишки!

Или, изъ тѣхъ же, любимыхъ Потемкинымъ:

Ои зрада (измѣна) *чорни брови*, зрада:
Чомъ у тебе, милы, не щирая правда?
Що изъ роду чорни брови маешь:
Мене молодую теперъ покидаешь.
Казавъ милы, що сватати буду:
Теперъ бачу, що твоя не буду.
Куда, милы, теперъ одъижджаешь,
Мене молодую кому покидаешь?

И т. д.

Этихъ примѣровъ, взятыхъ нами на выдержку, изъ 80-хъ и ближайшихъ годовъ прошлаго вѣка, притомъ по преимуществу въ образцахъ городскихъ или придворныхъ, изъ пѣсенниковъ высшаго круга, совершенно достаточно, чтобы представить себѣ: какія народныя стихіи, съ соотвѣтственными живыми голосами, носились вокругъ того, кто очутился бы въ положеніи, одинакомъ съ героинею приведенныхъ пѣсней, и, умѣя пѣть, запѣлъ бы сообразно своему вкусу, присоединивъ личное сочиненіе и художественную композицію. И вдругъ, дѣйствительно, въ годахъ насъ занимающихъ и впервые по тѣмъ же пѣсенникамъ, появляется пѣсня, явно основанная на предыдущихъ, но столь же ясно „Историческая:“ съ особыми чертами и намеками, обличающими опредѣленное лицо; съ порывами страсти личной, слишкомъ замѣтно вдохнутой въ каждую строку; съ умѣньемъ, свидѣтельствующимъ о литературныхъ свѣдѣніяхъ въ складѣ и размѣрѣ стиховъ; съ музыкой, развитой отъ народныхъ основъ на нѣсколько счастливыхъ шаговъ искусства впередъ; съ обстановкою несомнѣнно богатаго дома, знатной семьи. Откуда это? Ищемъ героиню, пѣвицу.

Изъ дочерей Льва Александровича Нарышкина выдавалась красотою и очаровательной любезностью средняя, *Марья Львовна* *). Всего же больше привлекала она своею *музыкальностію*, *игрою на арфѣ и пѣніемъ*.

---

*) Родословною и вообще собраніемъ свѣдѣній, хотя конечно не полныхъ, о родѣ Нарышкиныхъ, въ частности о семьѣ Льва А., обязаны мы благородному рвенію А. А. Васильчикова („Р. Архивъ“ 1871).

Чтó могла пѣть она? Мы знаемъ изъ предыдущаго, изъ общаго положенія ея отцовскаго дома, изъ участія Козловскаго и изъ того репертуара, который сохранили намъ помянутые пѣсенники высшаго круга. Державинъ былъ совершенно очарованъ ею и преимущественно ея пѣніемъ: нѣсколько разъ онъ возвращается къ ней въ особыхъ стихотвореніяхъ, ей посвященныхъ, и каждый разъ безъ ума отъ пѣвицы; а со вкусомъ Державина мы хорошо знакомы, не столько еще изъ стихотвореній, сколько изъ прекраснаго его обозрѣнія судебъ народной пѣсни и такъ сказать изъ зависти, высказанной имъ къ вѣку Елизаветы, „вѣку пѣсенъ (см. нашъ выпускъ 9).“ Разъ, въ 1795 году, онъ выставилъ себя Анакреономъ, готовымъ сгорѣть въ обворожительномъ присутствіи пѣвицы отъ жгучихъ ея звуковъ, подобно мотыльку отъ свѣчки:

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала,—
Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣе богъ (Купидонъ),
Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жогъ.
Анакреонъ у печки
Вздохнулъ тогда сидя:
„Какъ бабочка отъ свѣчки,
„Сгорю,“ сказалъ, „и я!“

Но особенно знаменательно глубокое впечатлѣніе, произведенное Марьей Львовной на поэта, когда онъ увидалъ и услыхалъ ее раньше. Обстоятельства, при которыхъ это случилось, нѣсколько сбивчивы (см. изд. Я. К. Грота). Несомнѣнно лишь, что встрѣча имѣла мѣсто въ 1789 году, а также, что при этомъ вся сцена одушевлялась именемъ и воспоминаніемъ Потемкина, который недавно гостилъ на время въ Петербургѣ и уѣхалъ опять на войну. Нигдѣ почти не показываясь, „великолѣпный“ напротивъ часто бывалъ у Нарышкиныхъ. По Сегюру, онъ только здѣсь чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и самъ никого не стѣснялъ. Притомъ, еще особенное обстоятельство влекло его сюда: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина (Марью Львовну); въ этомъ никто не могъ сомнѣваться, видя какъ настойчиво онъ за нею ухаживалъ; посреди всѣхъ постороннихъ, онъ всегда былъ какъ будто бы наединѣ съ нею (ср. ниже). Увлеченный поэтъ, подъ живымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ, немедленно написалъ къ Нарышкиной восторженные стихи (они помѣчены — по случаю *1789-го г. Августа 24* и въ началѣ 1791 г. уже напечатаны). Сущность ихъ—впечатлѣніе прелестной красоты, игры и пѣнія: но какого пѣнія и объ чемъ? Прежде всего бросается въ глаза сопоставленіе, естественно ускользнувшее отъ изда-

телей Державина. Слѣдуя завѣтной любви своей, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній къ игравшимъ въ то время, по обычаю, на арфѣ или гитарѣ, а особенно къ пѣвшимъ подъ игру, пѣвицамъ, въ томъ числѣ къ родственницѣ, жившей у него, *Парашѣ* (дѣвицѣ Бакуниной; 1798):

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ
(Какъ румяна-бѣла каша
Съ майскимъ сладкимъ молокомъ),
Ты, которой повторяетъ
Звучну арфу нѣжный гласъ (которой голосъ вторитъ арфѣ)...

Между тѣмъ раньше еще, и того же самаго размѣра, появилась *Параша* въ другой пѣсни, которая съ XIX вѣка сдѣлалась преимущественно достояніемъ Цыганъ. Державинъ не имѣлъ и не могъ имѣть склонности къ симъ послѣднимъ: онъ написалъ къ нимъ памятное прекрасное стихотвореніе („цыганская пляска,“ 1805 г.), но по вызову упоминавшаго ихъ, въ стихахъ своихъ, Дмитріева. Какъ житель Москвы, Дмитріевъ напротивъ далеко не былъ къ нимъ глухъ: онъ къ нимъ прислушивался и обратно „пѣсни“ его всего скорѣе ими исполнялись. Вотъ почему помянутая сейчасъ „ранняя“ Параша сдѣлалась ихъ достояніемъ и должна быть приписана Дмитріеву: онъ и напечаталъ ее въ своихъ „Бездѣлкахъ“ 1795 г., а потомъ внесъ въ свой Карманный пѣсенникъ 1796-го. Но это не значитъ, что тутъ Державинъ не при чемъ: и, если бы не имѣли сейчасъ приведенныхъ данныхъ, мы сказали бы скорѣй, что „Параша“ стиховъ Державина (она и помѣщалась въ Пѣсенникахъ рядомъ съ его „Кружкой“). Стихъ одинаковъ съ Парашей „Бакунинской,“ онъ только живѣе и глаже, а мы знаемъ, что Дмитріевъ, любившій „поправлять,“ какъ поправлялъ народныя пѣсни, такъ часто гладилъ утюгомъ и стихи Державина. Вообще, Дмитріевъ ревностно прислушивался къ ходячему вокругъ народному пѣнію: но Державинъ ли слыхалъ и замѣтилъ у него „Парашу,“ Дмитріевъ ли выдалъ Державинскую исправленную, вопросъ пока не важенъ. Вотъ она:

Пой, пляши, кружись, Параша,
Руки въ бо́ки подпирай!
Мчись въ веселіи жизнь наша,
„Ай, ай, ай, жги,“ *) припѣвай.

*) Эти восклицанія принадлежатъ наиболѣе пѣснямъ Цыганскимъ.

Милъ, любезенъ василёчикъ:
Рви, покуда онъ цвѣтетъ;
Солнце зайдетъ—и цвѣточикъ,
Ахъ, увянетъ, опадетъ.
Соловей не умолкаетъ,
Свищетъ съ утра до утра:
Другу милому, онъ знаетъ,
Пѣть одна въ году пора *).
Кто бывъ молодъ не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ,
Тотъ ничѣмъ не наслаждался,
Въ жизни нé жилъ, а дышалъ.
Пой, пляши, кружись, Параша!...
И проч.

Важнѣе то, что въ одинъ годъ, какъ появилось это въ „Бездѣлкахъ" Дмитріева, Державинъ, мы видѣли, писалъ къ пѣвицѣ Нарышкиной, восторгаясь пѣніемъ, и что въ слѣдующемъ стихтвореніи, къ которому переходимъ, не только тотъ же самый размѣръ стиховъ и пріемъ творчества, но даже одинаково содержаніе: поэтъ ободряетъ поющую (хотя, кажется, и не плясавшую на праздникѣ у Шувалова) Нарышкину, къ беззаботной игрѣ, забвенію горя, къ пользованію молодостью, къ этому carpe diem въ надеждѣ на будущее. Замѣните *Парашу* только *Эвтерпой*, и отъ близкаго сходства вы не отдѣлаетесь. Какъ бы то ни было, при этомъ случаѣ въ Державинѣ замѣтно настроеніе „пѣсенное," и нѣтъ сомнѣнія, что оно вдохнуто было поэту въ пѣніи Нарышкиной не какими ни будь идилліями, романсами или пьэсами Западной музыки, а именно „пѣснями", когда не народными, то родными. Если, положимъ даже, въ Эвтерпѣ поэтъ вспомнилъ Парашу или Эвтерпа сама перешла скоро въ Парашу, вызвала послѣднюю и черезъ нее спустилась къ Цыганамъ, во всеобщее употребленіе вѣка и въ пѣсенники, то и въ такомъ случаѣ открывается намъ здѣсь связь „пѣсенная", вдохновеніе, заданное пѣснями, послѣдствія истекавшія изъ пѣсенъ и къ нимъ возвращавшіяся. Вотъ эта „*Эвтерпа*", вызванная, сказали мы, пѣніемъ Марьи Львовны:

Пой, Эвтерпа дорогая,
Въ струны арфы ударяй!
Ты, весна поколь младая,
Пой, пляши и восклицай!

---

*) И образъ *цвѣтка*, *соловья*, одинаково увидимъ мы въ пѣсняхъ Нарышкинскихъ, *особенно* у Марьи Львовны.

Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ [1]).

Браннымъ шлемомъ покровенный,
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ [2]):
Рано ль, поздно ль, побѣжденный
Голіаѳъ предъ нимъ [3]) падетъ...

Пусть придворный суетится
За фортуною своей:
Если быть ему случится
И наперсникомъ у ней,—
Рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ;
Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ быть *богатыремъ* [3]).

Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;
Идетъ осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды:
Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды [4])

---

[1]) Эти 8 стиховъ ближайше сходны съ „Парашей“, составляя лишь перифразъ ея.—[2]) Потемкинъ и предстоявшее дѣло войны, на которую уѣхалъ онъ; Нарышкиной, по убѣжденію поэта, не слѣдовало жалѣть и жалобы на отъѣздъ были безполезны.—[3]) Въ Потемкинѣ изображаетъ поэтъ двѣ стороны: „любимца счастья“, „царедворца“, „сына нѣги“ и вмѣстѣ „Марса“, „героя.“ Смыслъ: утѣшься, не все же оставаться ему въ нѣгѣ и придворнымъ; „кубарь“ — намекъ на отца Марьи Львовны, который не много же выигралъ, занимаясь предъ государыней шутками и кубарями. Но послѣдніе два стиха особенно знаменательны и слишкомъ прозрачны намекомъ: „судьба часто даетъ урокъ намъ, какъ бы среди нѣги не прослыть и не сдѣлаться „*Горе-богатыремъ*.“ Здѣсь рѣчь объ Екатерининской пьесѣ, которой посвятимъ мы вскорѣ особое разсмотрѣніе.—[4]) Дмитріевъ, по обычаю, поправилъ было „*оной* рясу.“ Строфа эта какъ напоминаетъ собою опять „Парашу“, такъ еще больше „Осень во время осады Очакова,“ особенно стихи: „Румяна осень, радость мира, Умножь, умножь еще свой плодъ! Приди, желанна вѣсть, и лира Любовь и славу воспоетъ.“ Это стихотвореніе, на осень „Очаковскую,“ напечатано

Марсъ устанетъ—и „Любимецъ
Счастья“ возьметъ свой покой,
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и герой
Брякнутъ въ кольца золотыя:
Ты, съ согласія отца,
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у нихъ сердца [5]).

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ:
Сына нѣги онъ поборетъ
И понравится тебѣ [6]).
Качества твои любезны
Всей душою полюбя [7]),
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близь тебя.

Пой, Эвтерпа дорогая,
Прелестью своей плѣни,
Бога браней усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми:

лишь въ 1798 г. и тогда только подписанъ годъ—*осень 1788-го*, какъ „предсказаніе“ объ Очаковѣ. Но оно съ половины лишь обращено „дословно“ къ Голицыну, женатому на родной племянницѣ Потемкина (см. ниже). Въ 1-й половинѣ выведенъ Потемкинъ, и помянутые стихи, да и высказанная надежда на сочетанье героя съ любовью, по немъ рвавшеюся и тосковавшею, все это, *позднѣе* и *отчасти лишь* примѣненное къ Голицыну съ супругою, гораздо ярче и живѣе рисуетъ намъ положеніе Нарышкиной въ отсутствіи Потемкина. Къ чему, на примѣръ, въ *супружескомъ* домѣ Голицыныхъ, вокругъ *жены*, такіе страхи и тайны: „Въ чертогѣ, вкругъ ея безмолвномъ, Не смѣютъ нимфы пошептать, Въ восторгѣ только музы томномъ Осмѣлились сей стихъ бряцать?“ А какъ, напротивъ, идетъ все это къ Нарышкиной, убѣдимся сей часъ послѣдовательно, и намъ понятны будутъ слова поэта, обѣщающаго, по возвратѣ Потемкина, „воспѣть *любовь* его и славу“ (пѣть въ будущемъ любовь Голицыныхъ, давно завершенную, было бы излишне).—[5]) У царедворца и героя, въ одномъ лицѣ: ясная надежда и сильная увѣренность, какъ возможно было бракосочетаніе, *съ согласія отца невѣсты*. — [6]) Броситъ придворную угодливость и, какъ герой стяжавшій самостоятельность славою, будетъ *весь твой*. Напоминаетъ стихи, вложенные въ уста Гремилы и обращенные къ Горебогатырю (ср. ниже). — [7]) Опять были исправленія Дмитріева (упоминаемъ ихъ для доказательства, какъ возможны были поправки „Параши“): „Нравъ души твоей любезной, Нѣжно сердце полюбя.“

Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ склонится твоимъ,—
И должна тебѣ вселенна
Будетъ вѣкомъ золотымъ *)!

Какъ ни важно все это стихотвореніе для исторіи того времени, особенно придворной жизни, а всего больше для нашего дѣла, но самымъ выдающимся здѣсь отличіемъ и рѣшительнымъ ключемъ для разъясненія всѣхъ намековъ, остается, по видимому брошенное мимоходомъ, выраженіе о *Горѣ-богатырѣ*. Извѣстно, какихъ усилій, какой настойчивости и даже суровости приказаній стоило Екатеринѣ вообще будить „любимца счастія" изъ его любимой, черезъ чуръ далеко заходившей нѣги, чтобы закончить дѣла, счастливо начатыя на Югѣ. Передъ взятіемъ Очакова, въ добавокъ за долгимъ неполученіемъ извѣстій съ поля дѣйствія, ожиданія и досада, распаляемая всякими толками, превратились въ императрицѣ даже въ судорожную нетерпѣливость, засвидѣтельствованную современниками. Въ эти-то тревожные дни, передъ извѣстіемъ о побѣдѣ и передъ пріѣздомъ самого побѣдителя, явившагося въ Петербургъ Очаковскимъ героемъ при началѣ 1789 года, даровитая писательница спѣшно засѣла за новый трудъ и написала комическую оперу „Горе-богатырь:" нѣсколько преувеличенное (именно вслѣдствіе помянутой тревоги и еще *особыхъ* причинъ, которыя сейчасъ увидимъ) олицетвореніе лѣни, самоувѣренно надѣющейся на одну свою силу и довольной подвигами, только что начатыми, между тѣмъ какъ они недостаточны для того, чтобы стяжать за нихъ славу, при извѣстной обстановкѣ слишкомъ легкую. Современники, боявшіеся Потемкина, не могли *вообразить* себѣ, чтобы осмѣлились его затронуть въ пьесѣ, а менѣе наивные усердно *писали*, что тутъ выведенъ король Шведскій; но то ли они говорили и дѣлали? Изъ нынѣшнихъ библіографовъ одни на скоро повѣрили *словамъ письма и печати*, другіе, видя явный раз-

*) Ты, супружескимъ вліяніемъ, смягчишь странности Потемкина, особенно начинавшую уже разыгрываться его раздражительность и грозу, ожиданную естественно всѣми по его возвратѣ, когда фаворъ переходилъ къ другому; напротивъ, наступитъ счастье, когда супружествомъ съ тобою герой окончательно отдѣлается отъ роли его при дворѣ и будетъ только на поприщѣ независимой славы, въ сочетаніи съ удовлетворенной любовью. И при дворѣ раздоръ, зависть, смуты прекратятся: съ бракомъ передоваго героя по неволѣ примирятся. Такъ наивны и даже близоруки бываютъ въ надеждахъ своихъ поэты, вмѣстѣ съ кабинетными учеными. Но, какъ велика была вѣра Державина въ личность Марьи Львовны и какъ на самомъ дѣлѣ, очевидно, высокъ былъ этотъ женственный образъ, должно заключить изъ того, что по крайности *возможно* и *не смѣшно* было чаять отсюда *золотаго вѣка для вселенной*.

Будто я, млада-младенька,
Вставала раненько,
По утру рано вставала,
Друга провожала:...
Воротись, моя надежа,
Воротися, сердце,
Не воротишься, надёжа,
Хотя оглянися.

А въ концѣ то самое, что у приведенныхъ выше помѣщено сначала,— *о цвѣтахъ*, которые рветъ дѣвица и изъ которыхъ одинъ всѣхъ милѣе:

Обратись, моя кручина,
Травой муравою,
Травой-травой муравою,
Алыми цвѣтами!
Ахъ какъ всѣ цвѣты аленьки,
Одинъ поалѣе:
Хотя всѣ друзья мнѣ милы,
Одинъ помилѣе.

Отсюда же связь съ самою распространенною пѣснею—„Чернобровый, черноглазый,“ которая въ старшемъ образцѣ, изъ годовъ насъ занимающихъ, рисуетъ отъѣздъ милаго *къ войску* (1791 г.):

Ужь и такъ меня, красну дѣвицу, грусть-тоска беретъ;
Я со той тоски со кручинушки не могу ходить,
Я пойду гулять, красна дѣвица, во высокъ терёмъ,
Погляжу въ окно, красна дѣвица, во чисто поле:
Не былинушка во чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталися тамъ головушки молодецкія,
Молодецкія головушки, *всё солдатскія.*

Пѣсня эта имѣла множество перемѣнъ и передѣлокъ, отъ простонародныхъ до Мерзляковскихъ и до судьбы въ устахъ Сандуновой; такъ, на примѣръ, въ простонародьѣ она связуется *съ алыми цвѣтами* слѣдующимъ образомъ:

Ахъ свѣтъ мои прекрасные *алые цвѣточки,*
Къ чему рано расцвѣтали въ зеленомъ садочкѣ?
Мой миленькой, чернобровой, молодецъ хорошій,
Выди, радость, за ворота, утѣшь мое сердце:
Твои мысли припадаютъ, мое сердце ноетъ....
Какъ разлуку-то начаетъ, что милъ покидаетъ.
Что по рынкамъ по рыночкамъ, по всѣмъ городочкамъ,

По всѣмъ, по всѣмъ городочкамъ во всѣ звоны звóнятъ:
Про насъ съ тобой, мой ласковой, всѣ люди говóрятъ....
Пускай баютъ, пусть говóрятъ, авось перестанутъ!..

Но и въ впослѣдствіи она напоминала по мѣстамъ свое происхожденіе, на примѣръ:

Злы сосѣдушки узнали,
Матушкѣ сказали,
Про меня ли молоденьку
Худа слава пала....:
Кроватушку убирала,
Постелюшку стлала,
Дружка ожидала;
По утру рано вставала,
Его провожала.

Или конецъ въ устахъ Сандуновой:

Полечу къ милóму другу
Осеннею пташкой,
Покажу другу платочекъ,
Его же подарокъ.
Воетъ сыръ боръ за горами,
Мятелица въ полѣ,
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бѣдна пташка,
Запертая въ клѣткѣ...
Не отворишь ты слезами
Отеческой теремъ,
Не увидишь дорогаго,
Ни прежняго счастья.
Не ходить бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу,
Не искать было глазами
Пригожихъ-удáлыхъ....

Есть и такія пѣсни прошлаго вѣка, которыя соединяли „*поиски цвѣтка*“ съ „*чернобровымъ*“, на примѣръ:

Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла:
Не нашла цвѣта алóго
Сопротивъ свого милóго.
Ахъ мой миленькой хорошъ,

Чернобровъ, душа, пригожь!
Снаряжался мой милдй
Онъ на Волгу на рѣку...
И я пойду-посижу,
Туда-сюда погляжу,
Куда рѣченька бѣжитъ...
Судёнушко потонуло,
А я млада воздохнула:...
„Ты прости, прости, милдй,
„Прости, радость, дорогой,
„Не видаться намъ съ тобой!“

А наконецъ, извѣстнѣйшая (полуустная, полуписьменная) „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,

Трава рácла, И я въ три косы косила
Ради друга, Ради друга, ради гостя
Дорогаго..., Заѣзжай ко мнѣ, надежа,
Другъ проститься,“ и т. д. Въ пѣсняхъ этого послѣдняго рода, покинутая бросается за отъѣзжающимъ въ порывахъ особенно страстныхъ.

Но, пока еще не дошло до сего, въ тѣхъ годахъ, о коихъ рѣчь, пѣсня опять успѣла сблизиться съ Бѣлорусскими и Малорусскими, гдѣ вмѣсто военнаго человѣка появляется отъѣзжающій „школьникъ,“ а особенно съ тѣми Малорусскими пѣснями, которыя увѣковѣчены, какъ „любимыя Потемкинымъ (подробнѣе объ нихъ послѣ),“ на примѣръ:

Нема мою миленького,
Що каріи очи (черноглазый),
Не дождуся ёго къ соби
До самои ночи.
Нема жъ мого миленького,
Нема ёго тута:
Посходила (взошла) письля дощу
Шалвія и рута (шалфей и рожа).
Я шалвію пересію, руту перетичу:
Таки свого миленького къ соби перекличу.
Барвиночку зелене́нькій,
Стелися низенько:
А ты, милы, чернобривы,
Присуньея близенько!...
Та вже жъ мени не ходыти,
Куды я ходила,
Та вже жъ мени не любыти,
Кого я любыла!

Та вже жъ мени не ходыти
Въ лисокъ по оришки:
Та вже жъ мени минулыся
Дивоцькіи смишки!

Или, изъ тѣхъ же, любимыхъ Потемкинымъ:

Ои зрада (измѣна) *чорни брови*, зрада:
Чомъ у тебе, милы, не щирая правда?
Що изъ роду чорни брови маешь:
Мене молодую теперъ покидаешь.
Казавъ милы, що сватати буду:
Теперъ бачу, що твоя не буду.
Куда, милы, теперъ одъиждждаешь,
Мене молодую кому покидаешь?

И т. д.

Этихъ примѣровъ, взятыхъ нами на выдержку, изъ 80-хъ и ближайшихъ годовъ прошлаго вѣка, притомъ по преимуществу въ образцахъ городскихъ или придворныхъ, изъ пѣсенниковъ высшаго круга, совершенно достаточно, чтобы представить себѣ: какія народныя стихіи, съ соотвѣтственными живыми голосами, носились вокругъ того, кто очутился бы въ положеніи, одинакомъ съ героинею приведенныхъ пѣсней, и, умѣя пѣть, запѣлъ бы сообразно своему вкусу, присоединивъ личное сочиненіе и художественную композицію. И вдругъ, дѣйствительно, въ годахъ насъ занимающихъ и впервые по тѣмъ же пѣсенникамъ, появляется пѣсня, явно основанная на предыдущихъ, но столь же ясно „Историческая:" съ особыми чертами и намеками, обличающими опредѣленное лицо; съ порывами страсти личной, слишкомъ замѣтно вдохнутой въ каждую строку; съ умѣньемъ, свидѣтельствующимъ о литературныхъ свѣдѣніяхъ въ складѣ и размѣрѣ стиховъ; съ музыкой, развитой отъ народныхъ основъ на нѣсколько счастливыхъ шаговъ искусства впередъ; съ обстановкою несомнѣнно богатаго дома, знатной семьи. Откуда это? Ищемъ героиню, пѣвицу.

Изъ дочерей Льва Александровича Нарышкина выдавалась красотою и очаровательной любезностью средняя, *Марья Львовна* *). Всего же больше привлекала она своею *музыкальностію*, *игрою на арфѣ и пѣніемъ.*

---

*) Родословною и вообще собраніемъ свѣдѣній, хотя конечно не полныхъ, о родѣ Нарышкиныхъ, въ частности о семьѣ Льва А., обязаны мы благородному рвенію А. А. Васильчикова („Р. Архивъ" 1871).

Чтó могла пѣть она? Мы знаемъ изъ предыдущаго, изъ общаго положенія ея отцовскаго дома, изъ участія Козловскаго и изъ того репертуара, который сохранили намъ помянутые пѣсенники высшаго круга. Державинъ былъ совершенно очарованъ ею и преимущественно ея пѣніемъ: нѣсколько разъ онъ возвращается къ ней въ особыхъ стихотвореніяхъ, ей посвященныхъ, и каждый разъ безъ ума отъ пѣвицы; а со вкусомъ Державина мы хорошо знакомы, не столько еще изъ стихотвореній, сколько изъ прекраснаго его обозрѣнія судебъ народной пѣсни и такъ сказать изъ зависти, высказанной имъ къ вѣку Елизаветы, „вѣку пѣсенъ (см. нашъ выпускъ 9).“ Разъ, въ 1795 году, онъ выставилъ себя Анакреономъ, готовымъ сгорѣть въ обворожительномъ присутствіи пѣвицы отъ жгучихъ ея звуковъ, подобно мотыльку отъ свѣчки:

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала,—
Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣе богъ (Купидонъ),
Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жогъ.
Анакреонъ у печки
Вздохнулъ тогда сидя:
„Какъ бабочка отъ свѣчки,
„Сгорю,“ сказалъ, „и я!“

Но особенно знаменательно глубокое впечатлѣніе, произведенное Марьей Львовной на поэта, когда онъ увидалъ и услыхалъ ее раньше. Обстоятельства, при которыхъ это случилось, нѣсколько сбивчивы (см. изд. Я. К. Грота). Несомнѣнно лишь, что встрѣча имѣла мѣсто въ 1789 году, а также, что при этомъ вся сцена одушевлялась именемъ и воспоминаніемъ Потемкина, который недавно гостилъ на время въ Петербургѣ и уѣхалъ опять на войну. Нигдѣ почти не показываясь, „великолѣпный“ напротивъ часто бывалъ у Нарышкиныхъ. По Сегюру, онъ только здѣсь чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и самъ никого не стѣснялъ. Притомъ, еще особенное обстоятельство влекло его сюда: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина (Марью Львовну); въ этомъ никто не могъ сомнѣваться, видя какъ настойчиво онъ за нею ухаживалъ; посреди всѣхъ постороннихъ, онъ всегда былъ какъ будто бы наединѣ съ нею (ср. ниже). Увлеченный поэтъ, подъ живымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ, немедленно написалъ къ Нарышкиной восторженные стихи (они помѣчены — по случаю *1789-го г. Августа 24* и въ началѣ 1791 г. уже напечатаны). Сущность ихъ—впечатлѣніе прелестной красоты, игры и пѣнія: но какого пѣнія и объ чемъ? Прежде всего бросается въ глаза сопоставленіе, естественно ускользнувшее отъ изда-

телей Державина. Слѣдуя завѣтной любви своей, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній къ игравшимъ въ то время, по обычаю, на арфѣ или гитарѣ, а особенно къ пѣвшимъ подъ игру, пѣвицамъ, въ томъ числѣ къ родственницѣ, жившей у него, *Парашѣ* (дѣвицѣ Бакуниной; 1798):

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ
(Какъ румяна-бѣла каша
Съ майскимъ сладкимъ молокомъ),
Ты, которой повторяетъ
Звучну арфу нѣжный гласъ (которой голосъ вторитъ арфѣ)...

Между тѣмъ раньше еще, и того же самаго размѣра, появилась *Параша* въ другой пѣсни, которая съ XIX вѣка сдѣлалась преимущественно достояніемъ Цыганъ. Державинъ не имѣлъ и не могъ имѣть склонности къ симъ послѣднимъ: онъ написалъ къ нимъ памятное прекрасное стихотвореніе („цыганская пляска,“ 1805 г.), но по вызову упоминавшаго ихъ, въ стихахъ своихъ, Дмитріева. Какъ житель Москвы, Дмитріевъ напротивъ далеко не былъ къ нимъ глухъ: онъ къ нимъ прислушивался и обратно „пѣсни“ его всего скорѣе ими исполнялись. Вотъ почему помянутая сейчасъ „ранняя“ Параша сдѣлалась ихъ достояніемъ и должна быть приписана Дмитріеву: онъ и напечаталъ ее въ своихъ „Бездѣлкахъ“ 1795 г., а потомъ внесъ въ свой Карманный пѣсенникъ 1796-го. Но это не значитъ, что тутъ Державинъ не при чемъ: и, если бы не имѣли сейчасъ приведенныхъ данныхъ, мы сказали бы скорѣй, что „Параша“ стиховъ Державина (она и помѣщалась въ Пѣсенникахъ рядомъ съ его „Кружкой“). Стихъ одинаковъ съ Парашей „Бакунинской,“ онъ только живѣе и глаже, а мы знаемъ, что Дмитріевъ, любившій „поправлять,“ какъ поправлялъ народныя пѣсни, такъ часто гладилъ утюгомъ и стихи Державина. Вообще, Дмитріевъ ревностно прислушивался къ ходячему вокругъ народному пѣнію: но Державинъ ли слыхалъ и замѣтилъ у него „Парашу,“ Дмитріевъ ли выдалъ Державинскую исправленную, вопросъ пока не важенъ. Вотъ она:

Пой, пляши, кружись, Параша,
Руки въ бо́ки подпирай!
Мчись въ веселіи жизнь наша,
„Ай, ай, ай, жги,“ *) припѣвай.

*) Эти восклицанія принадлежатъ наиболѣе пѣснямъ Цыганскимъ.

ироніи ея шаткаго положенія: при взаимной любви обоихъ, но при безтолковости рѣшающихъ бракъ. Между прочимъ, въ самой первой сценѣ, она выходитъ *съ трудомъ*, жалуясь, что отецъ вчера заставилъ ее протанцовать десятки танцевъ или плясокъ, а когда женихъ хочетъ при встрѣчѣ поцѣловать у ней руку, она отдергиваетъ съ гримасою отъ боли:

будто не примѣчала; и когда спрошенъ былъ Сегюръ (хорошо ли, нравится ли ему?), то отвѣчалъ искренно: qui se sent morveux, se mouche (поговорка), et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et declarations impertinentes.“ И сейчасъ же за симъ—продолженіе рѣчи о дѣлахъ на Югѣ (гдѣ былъ Потемкинъ) и о возможности раздѣлить Турцію.—Разохотившись успѣхомъ и убѣдившись, что смѣются, не утерпѣли показать еще оперу Цесаревичу Павлу (хороши библіографы, увѣряющіе, что она писана на Цесаревича!): опять успѣхъ, и опять съ особымъ удовольствіемъ повторяютъ арію *Гремилы* и дуэтъ *съ Гремилой!* Нашли смѣшное въ невѣстѣ Густава или въ бывшей невѣстѣ, а тогда супругѣ, Цесаревича! 31-го: „Въ 7-мъ часу вечера играли Г. б—ря при Цесаревичѣ и В. Кн—ѣ очень удачно, всѣ были веселы, смѣялись, били форо хору плачущихъ и дуэту Г. б-ря съ Гремилой, а по окончаніи піэсы повторенъ еще хоръ плачущихъ и первая арія Гремилы.“ 1-го февраля: „Довольны оперой; сказывали, какъ Цесаревичъ смѣялся и просилъ, чтобъ еще посмотрѣть (онъ не боялся, какъ прочіе, Густава? или, вѣрнѣе, имѣлъ основаніе не любить Потемкина?): *приказано дать 5-го числа.*“ Послѣднее крайне замѣчательно и опять не замѣчено библіографами. Одно могло быть намъ возраженіе: явно *хотѣли* расшевелить оперою Потемкина,—но какъ *рѣшились* дать при немъ? Отвѣтъ въ приведенныхъ словахъ. Испробовавши успѣхъ, надѣялись завоевать оперѣ право гражданства еще *до князя* и, сперва по просьбѣ *будто бы* В. Князей, потомъ по просьбѣ *будто бы* Цесаревича, *впередъ* назначили еще *третье* представленіе: телеграфовъ тогда не было, извѣстія шли долго, да ихъ и не любилъ Потемкинъ, на чтò постоянно жаловались, а 4-го числа, *на канунѣ пьэсы*, вечеромъ, Князь въѣхалъ въ Петербургъ! Между тѣмъ дѣло сдѣлалось очень ловко: пьэса игралась „какъ будто“ противъ воли писательницы, по неотступной просьбѣ В. Князей и Цесаревича, постепенно обыгрывалась и пріѣзжему должна была предстать въ полномъ уже успѣхѣ; и пріѣзжій долженъ былъ посѣтить ее *поневолѣ*: представленіе было назначено еще до него. Итакъ, нечего библіографамъ ссылаться на присутствіе Потемкина въ оперѣ, какъ на доказательство, что онъ былъ не противъ *пьэсы*, а противъ ея *публичности*: ни о томъ, ни о другомъ его не спросили, напротивъ *безъ него* и *для него* все подготовили; а нужно искать и мы увидимъ, былъ ли онъ въ оперѣ *по своей волѣ* и *соизволялъ ли ей?*—Повторяемъ, 4-го февраля вечеромъ прибылъ Потемкинъ, 5-го утромъ шли доклады его и торжества, а вечеромъ сего же числа, еще не опомнившись съ дороги, не имѣвши времени узнать слухи, тѣмъ больше театральные и маскированные, Потемкинъ долженъ былъ уже явиться въ Эрмитажъ на представленіе (вѣроятно и онъ шелъ слушать оперу „на Густава“). Пьэса шла опять хорошо, какъ обыгравшаяся, но Х—кій не говоритъ, доволенъ ли былъ Потемкинъ и чтò онъ изъ нея вынесъ: „Въ вечеру

„Вы не думаете о томъ, — у меня болятъ пальцы, *меня заставляютъ играть на арфѣ каждый день!*" Кто же не узнаетъ здѣсь Марьи Львовны, и притомъ выставленной въ смѣшномъ видѣ? Впрочемъ, не смотря на безпечность родительскую, предоставляющую *рѣшиться дѣлу самому собой*, или, лучше, съ тою же беззаботностью (еще не рѣшивши уча-

———

играли съ успѣхомъ Г. б—ря при Князѣ Г. А. Пот. Таврическомъ." – На другой же день по представленіи обозначился крутой переворотъ: Х—кій говоритъ обо всемъ лаконически или, лучше, вовсе не говоритъ и выставляетъ лишь послѣдствія, хотя можетъ быть, по наивности или сдѣланному ему внушенію о сатирѣ на Густава, самъ не понималъ хорошенько, откуда они истекаютъ; но сами дѣйствія и послѣдствія говорятъ громко. Пьэса предъ взоромъ обиженнаго Потемкина и по его негодованію (см. у насъ въ текстѣ) потерпѣла полное фіаско: запретили распространеніе въ печати и для Публичнаго театра. Послѣдуемъ за словами Х—го. На другой день, утромъ же, 6-го „Г. б—ря не дадутъ нынѣ (теперь, отселѣ) на публичномъ театрѣ. *Недоразумѣнія* (другая пьэса) длинна (слова Екатерины): пусть думаютъ (дожидаютъ), что̀ спросимъ.—Князь Г. А. П. Тавр. спрашивалъ у З. К. Зотова обо мнѣ, и сказалъ, *что я человѣкъ дѣльной* (на языкѣ Потемкина значило: „Это что̀ за новый писатель, распорядитель и помощникъ пародіямъ? Видно, что дѣлецъ и дока! Посмотримъ..."")." Вечеромъ того же дня началась и гроза: „*Въ вечеру поздно* прислали записку, чтобъ справиться, почему девятой мѣсяцъ актерамъ не даютъ жалованья?" Сначала Х—кій не понималъ, что это касается и его, а какъ водится на службѣ, украдкою кивалъ на Петра, полагая, что это неудовольствіе на прочихъ лицъ театральнаго управленія. Онъ надѣялся даже воспользоваться симъ и, по устраненіи другихъ, занять главное мѣсто въ управленіи, а потому 7-го, когда началось „изъясненіе о безпорядкахъ театра," предложилъ въ управленіе себя и Соймонова. Велѣли заготовить къ этому бумаги, а по выходѣ къ туалету, намекая, что поднялась гроза, писательница мимоходомъ бросила соучастнику утѣшеніе: „По выходѣ къ туалету, оборотясь ко мнѣ, изволила сказывать, что В. Князья поютъ всю оперу Г. богатырь," то есть: пусть сердится герой, цѣль достигнута, опера, аріи и дуэты уже въ памяти и устахъ.—Но это было лишь минутное спокойствіе и успокоеніе. До самаго 8-го Марта видимое раздраженіе, неудовольствіе, сознаніе необходимости и какбы не желаніе уступить Князю; болѣзни, колики, слезы. Какъ водится, раздраженіе власти обрушивалось на докладчика, который въ добавокъ, ничего какъ будто не понимая, лѣзъ впередъ, да еще съ указомъ о новомъ его назначеніи. Вотъ эти выраженія, почти что въ теченіи цѣлаго мѣсяца, очень хорошо знакомыя всѣмъ на нашей службѣ, когда поднимется такъ называемый „вопросъ о безпорядкахъ," а въ сущности о смѣнѣ лицъ и съ простымъ заключеніемъ: „развѣ не понимаете, Васъ не хотятъ, убирайтесь!" „Изъясненіе о безпорядкахъ театра – поднесъ заготовленные указы – затруднились – переписалъ указъ – и тотъ не годился – съ неудовольствіемъ изъяснялись—(въ тихую минуту) извинились, что некогда подписать указы—возвращены заготовленные указы о театрахъ, не намѣрены да-

сти дочери) оставляютъ ее на послѣднемъ шагѣ къ браку, въ крайней близости къ гостю, и даже заказываютъ приданое; парикмахеръ выдаетъ эту тайну, разсказывая: „Я не знаю, что̀ будетъ изъ этого, но M-r Complaisant, кажется мнѣ, *весьма въ ладу съ барышней* (fort bien avec M-lle); да и госпожа заказываетъ ей безъ числа платья,—все это по-

---

вать денегъ—отмолчался на вопросъ о указахъ по театрамъ—изъясненіе о театрахъ съ жаромъ—подать былъ принужденъ переправленные указы съ подробными вѣдомостями о долгахъ, которые и остались на столѣ—о театрахъ ни слова, а указы лежатъ на столѣ—разсматривали указы и счеты театральные; нѣсколько разъ призывая, гнѣвались — переправя указы, оставилъ на столѣ—осердились за представленіе" и т. д. Наконецъ ударъ разразился и Х—кій догадался, что пора вывести государыню изъ затрудненій, а для удовлетворенія Потемкину, просто на просто убираться. Февраля 19-го: „Гнѣвъ за театры (а замѣтьте, Х—кій вовсе еще не главный начальникъ театровъ и не утвержденъ съ Соймоновымъ: чѣмъ же *онъ*-то виноватъ, если не „Горебогатыремъ?"). Не хотятъ ассигновать годовой суммы. *Стоя на колѣняхъ, просилъ увольненія* и, принявъ указъ (заготовленный), сказалъ, что подамъ послѣднюю записку. Тихонько все положилъ на столъ за моимъ и Соймонова (новаго сотоварища) подписаніемъ." Послѣ такого перелома, психологически и служебно-естественно было власти подумать: за что̀, въ самомъ дѣлѣ, терпитъ человѣкъ по вопросу *о безпорядкахъ*, въ коихъ не участенъ, и раздоры идутъ ради пьесы, въ которой былъ онъ участникомъ *по приказу*, притомъ *недогадливымъ*? Всѣ эти дни шла жестокая переборка театральнымъ дѣламъ, счетамъ, лицамъ: но прямое же дѣло самого автора было сгладить впечатлѣніе и прекратить толки; Екатерина, 14-го, посѣтила даже домъ Нарышкина и была тамъ въ маскерадѣ. А главное, не таковъ былъ человѣкъ самъ Потемкинъ: раскричаться, напустить грозу, дать себя знать—было въ его характерѣ; но столько же было въ его постоянной тактикѣ уступать маленькимъ капризамъ, мирволить самимъ соперникамъ, игнорировать ихъ и потомъ тутъ же мгновенно стать выше ихъ (лишь въ послѣднее пребываніе среди Петербурга онъ уступилъ раздраженію, измѣнилъ тактикѣ и растерялся). Онъ, какъ прежде хвалилъ Завадовскаго, такъ въ эти же самые дни „миротворствовалъ" между Мамоновымъ и государыней, а послѣ жалѣлъ объ его свадьбѣ и удаленіи; ласкалъ Зубова, не смотря на горячіе отзывы государыни о семъ послѣднемъ, и съ вѣстью о побѣдѣ присылалъ курьеромъ роднаго брата Зубову, и т. п. Притомъ, какбы не понимая, Х—кій все ходитъ и ходитъ съ выжидающимъ лицомъ, будто правый! Потому еще нѣсколько дней „недовольства," и, наконецъ, 3-го Марта: „подписанъ *рано по утру* указъ Соймонову и мнѣ о театральномъ управленіи (наканунѣ велѣно Стрекалову сдать имъ дирекцію)." Но при этомъ опять тайны и загадки, понятныя лишь *при нашемъ толкованіи*: „изъяснялись, что онъ останется *между нами*." Кто *онъ?* Указъ, въ такомъ случаѣ данный *тихонько отъ другихъ*, или шумъ, его сопровождавшій, или герой пьесы, виновникъ шума? Во всякомъ случаѣ назначеніе Х—му шаткое и опасное, онъ остается среди враговъ, ибо самъ

ходитъ на свадьбу." Дѣло однако же все-таки не рѣшено, потому что въ самую серьезную минуту, когда уже заключать бракъ, отецъ спѣшитъ къ себѣ ужинать, а вдругъ, услыхавши на улицѣ игру проходящихъ маріонетокъ, бросается туда, — и здѣсь конецъ комедіи. Не смотря на яркость сихъ образовъ, такъ какъ драма жизни еще не вполнѣ

прибавляетъ за симъ: „*Я просилъ покровительства* и поцѣловалъ ручку."— Такъ, но немногу и съ помощію государыни, служба X—го вошла опять въ свою колею и непріятности на время забылись Но Горькій Богатырь съ этихъ поръ, какъ сказано, запнулся. Апрѣля 17-го, какбы *на зло Потемкину*, бывшему еще въ П—гѣ (объ этихъ дняхъ глухой борьбы см. ниже), дали его опять въ Эрмитажѣ, но такъ келейно и одинаково безъ участія Потемкина (ибо, громко не одобривъ пьесу, не могъ онъ „освящать" ея представленій своимъ присутствіемъ), что X—кій лишь замѣтилъ: „Въ Э—жѣ играли Г. б—ря." Однако и это не прошло даромъ. Въ томъ же, 1789 году, 25 Апрѣля, за 10 дней до отъѣзда Потемкина къ арміи, пьесу изгнали изъ Петербурга и сослали въ Москву, гдѣ, въ отсутствіи Потемкина, она могла бить играна безъ шума (подобно какъ туда же вскорѣ сбыли Сандуновыхъ со щекотливымъ „Ѳедуломъ"), притомъ подъ покровомъ гр. Н. П. Шереметева, на его частномъ театрѣ (ибо онъ не былъ еще начальникомъ публичнаго), такъ какъ этотъ сильный человѣкъ былъ особеннымъ приверженцемъ Павла и его вкусовъ (расходившихся, разумѣется, какъ и видѣли мы, съ ролью Потемкина). И текстъ, и всю партитуру, дорого стоившую, отослали туда же, но, разумѣется, опять предлогомъ выставлено было отношеніе къ Шведскому королю (жертвѣ отпущенія), неловкое въ Петербургѣ при иностранныхъ министрахъ: „Сказано, что можно Г. б—ря играть въ Москвѣ, а здѣсь для министровъ иностранныхъ неловко, и для того дозволено книжку и всю партитуру послать къ гр. Н. П. Шереметеву, ибо я доносилъ, что онъ того хотѣлъ (очевидно въ письмѣ къ X—му, желая удалить изъ Петербурга яблоко раздора и разъиграть у себя пьесу во вкусѣ Цесаревича), но безъ доклада я не могъ дозволить."—За симъ, уже *въ отсутствіи* П—на изъ П—га, съиграли пьесу въ Царскомъ селѣ, 12-го Іюля того же 1789 года, именно только что удалили Мамонова и *оперлись на Зубова*, этого юношу, который вскорѣ сокрушилъ самого богатыря: дали поспѣшно, какбы на радости освобожденія изъ Потемкинской опеки; а другой разъ, какъ сказано, для принца Нассау, въ томъ же году 12 Сентября. Но оба представленія, въ Царскомъ селѣ и въ Эрмитажѣ, совершились одинаково келейно и безъ огласки, можетъ статься даже съ выпускомъ щекотливыхъ мѣстъ и во всякомъ случаѣ безъ послѣдствій, такъ что X—кій записалъ опять одинъ лишь фактъ: „Играли въ Ц. селѣ Г. б—ря;" „Сегодня Г. б—рь въ Эрмитажѣ для пр. Н." (на другой и третій день послѣ сего писательница была нездорова). - Потемкинъ умеръ, далеко; X—кій успѣваетъ лишь отмѣчать—„печаль и слезы—опять слезы и отчаяніе—слезы..." Никто теперь не мѣшалъ сатирѣ на Густава, ни даже самъ Густавъ и Шведскія дѣла: а пьеса больше не возобновлялась уже, изъ уваженія къ памяти героя; устранились и обстоятельства, вызывавшія въ слушателяхъ

разъигралась, комедія ограничивается во многомъ одними намеками, не слишкомъ зла и не лишена еще характера веселости: а потому самъ Нарышкинъ, присутствуя при игрѣ піэсы въ Эрмитажѣ (15-го Октября 1788 года), много смѣялся вмѣстѣ съ прочими зрителями, волею или неволею, и на это рельефно указываетъ Храповицкій *). Но непосредственно за симъ начала императрица „Горе-богатыря" и, какъ большая часть Русскихъ ея піэсъ принадлежитъ къ такъ называемому разряду pièce de circonstance (о чемъ придется много еще говорить въ другомъ мѣстѣ), такъ особенно „намѣренность" обнаружилась рѣзко во всемъ этомъ произведеніи, до того, что подавила и художественность, и веселость: тутъ уже не намеки, а указанія пальцемъ, насмѣшка переходитъ въ сатиру, уроки резонѣрствуютъ, сама писательница сердится и вся піэса проникнута судорожною дрожью (изложеніе Храповицкаго, приводимое нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ съ объясненіями, вос-

---

столь сильный хохотъ при пѣніи героини и дуэтахъ съ нею. Но, для соучастниковъ въ оскорбленіи, дѣло не кончилось *такъ просто:* и Безбородко, и Х—кій съ Соймоновымъ, игравшіе здѣсь роль, должны еще были поплатиться разсчетомъ, отъ коего не спасло вымоленное со слезами „покровительство." Первый случай, при которомъ попался въ театральныхъ интригахъ Безбородко, а Х—кій въ потворствѣ, по поводу „Өедула" и Лизаньки Урвановой (Сандуновой, см. 9-й выпускъ), подалъ благовидную причину къ отставкѣ Х—каго отъ театра: „въ тотъ же вечеръ прислана записка къ Т—му, чтобъ заготовилъ указъ объ увольненіи насъ отъ управленія.... Мы уволены а князь Юсуповъ—Директоръ. Разсказывали (государыня) всѣмъ, даже и Турчанинову, что насъ смѣнили." Это произошло 1791 года, Февраля 11 и 12-го: и понятно, кому хотѣли этимъ угодить, ибо—28-го „*пріѣхалъ князь Григорій Александровичъ,*" какъ извѣстно—послѣдній разъ въ Петербургъ. Удаленный отъ театра вообще, Х—кій одинаково былъ удаленъ отъ участія въ театральныхъ пьесахъ Екатерины. Ни при Потемкинѣ, ни по его отъѣздѣ за симъ и скорой смерти, Х—кій уже не выступалъ на сцену въ подобныхъ работахъ. Для самой писательницы это былъ послѣдній переломъ: допущенная намѣренность, колкая, страстная, мстительная, отплатила за себя искусству скандаломъ; Горе-богатырь родилъ Өедула, тайное жало—явный соблазнъ, возвышеніе Х—го—его отставку, искусственный успѣхъ писательницы—брошенное ею перо. Съ тѣхъ поръ Екатерина перестала писать для театра, и самыя представленія при дворѣ сдѣлались все рѣже и рѣже. Досугъ поглощенъ былъ занятіями *историческими* и *археологическими.* Екатерина осталась лишь государыней, Храповицкій секретаремъ государыни.

*) Въ „Чтеніяхъ," въ изданіи г. Геннади (новымъ мы еще не пользовались), котораго такъ расхвалилъ за это дѣло г. Бартеневъ, ошибка въ семъ мѣстѣ: названъ „самъ А. А. Нарышкинъ (братъ)," тогда какъ здѣсь должно быть „самъ Л. А. Нарышкинъ." Это вошло и въ Указатель г. Бартенева, гдѣ кромѣ того и другой разъ, стр. 285, ошибочно указанъ А. А. Нарышкинъ вмѣсто Л. А.

производитъ дрожь самой дѣйствительности, отнюдь не комической въ тѣхъ дняхъ и годахъ). Недовольство медлительностію дѣлъ Очаковскихъ, тревожное ожиданіе при рѣдкихъ вѣстяхъ оттуда, выраженія, вырывавшіяся у государыни — „онъ лежитъ,“ а еще больше опасенія, что, даже въ случаѣ побѣды и торжественнаго пріѣзда въ Петербургъ, Князь по обычаю опять заляжетъ (опасенія на значительную долю осуществились и съ послѣдней побывки пришлось Потемкина почти „выгонять“ изъ Петербурга къ войску), а потому естественное желаніе дать чувствительный урокъ,—все это оправдывало сочинительницу и въ собственныхъ глазахъ ея, и предъ современниками, и предъ потомствомъ: между тѣмъ, однимъ изъ видовъ „нѣги,“ оплетавшей князя сѣтью, и чуть ли не главнымъ въ разбираемую эпоху, были для него посѣщенія Нарышкиныхъ и долгое засиживанье съ Марьей Львовною; не говоримъ уже о *чувствѣ* женщины, царившемъ въ авторѣ пьэсы. Частыя поѣздки любимца къ Нарышкинымъ за городъ (на Мойкѣ, за Поцѣлуевымъ мостомъ, и на 6-й верстѣ Петергофской дороги съ лѣва отъ П — га *); продолжительныя и слишкомъ интимныя свиданія съ дочерью, засвидѣтельствованныя даже иностранцами и близкими поэтами (да и самой Екатериною въ L'Insouciant); лѣтніе праздники, одушевлявшіеся тою же героинею, не только у самихъ Нарышкиныхъ, но и у другихъ (на примѣръ у Шувалова, не принадлежавшаго къ „Екатерининскимъ,“ о чемъ еще ниже),—все это, и подобное, не могло быть безъизвѣстно Екатеринѣ, въ тогдашней придворной сферѣ, столь занимавшейся всякими „исторіями“ (см. Храповицкаго): да еслибъ и не знала она сама, ей усердно подсказали бы доброжелатели. Сказка о Фуфлыгѣ-богатырѣ, послужившая канвою для пьэсы, указана завистливымъ Орловымъ, непримиримымъ врагомъ Потемкина, имъ похвалена и вѣроятно имъ же подсунута; съ самаго начала уже, писательница выражаетъ довѣреннымъ лицамъ прямое намѣреніе воспроизвести на этой канвѣ „l'histoire du temps“ и въ такомъ тонѣ даетъ порученіе Храповицкому,—содѣйствовать сочиненію, обработывать языкъ, писать стихи (которые, извѣстно, не давались самой Екатеринѣ); ревностный Храповицкій, въ семъ данномъ направленіи, немедленно подноситъ ей—„Мамая (для образовъ Азіатцамъ, Туркамъ)“, „Дейдамію“ съ главнымъ женскимъ лицомъ *героини* и „Ѣзду въ островъ любви.“ Все это отразилось рѣзко въ самой оперѣ. Вмѣсто сказочнаго „Фуфлыги“, новое имя (оперному

*) А съ права шелъ Нарышкинскій садъ, простиравшійся до взморья и извѣстный подъ имéнемъ *тая.* названіе, подобно Шереметевскому гаю въ Кусковѣ, взятое съ Малорусскаго,—такъ связывались вкусы ихъ съ Потемкинскими до мелочей, о чемъ еще ниже. Библіографы повѣрили и въ семъ случаѣ Булгарину, по которому это имя отъ восклицанія Екатерины — *та-та!*

богатырю), надъ которымъ долго ломалъ голову Храповицкій, добиваясь, чтобы оно, по заданному тону, подходило вмѣстѣ къ *Густаву*, начинаясь съ буквы *Г* (ибо для маскированья пущенъ былъ вокругъ слухъ, что это на Шведскаго Густава), имя дано изъ устъ писательницы и вѣроятно ею сложено: *Горе-богатырь*, особенно въ скороговоркѣ, всего ближе подходитъ къ имени *Григорій*, *Грегоръ* или *Грегуаръ*; сохранилась пословица, если не тутъ же сложенная въ насмѣшку, то по крайности по *письменнымъ* даннымъ идущая изъ той эпохи, — „Горе мое, горе, что мужъ Григорій," къ чему прибавлена 2-я народная половина,—„хоть бы болванъ, да Иванъ!" Прозвище богатыря—*Косо-метовичъ*, который мечетъ прочь, отметаетъ косу (у мыслившихъ по французски это совпадало съ mettre la main à—наложить на что руку, или съ métier—чье все занятіе о косѣ, или даже съ métivier—жнецъ, рѣзака, какъ metior, messis и т. п.): это прямо указываетъ на заботы Потемкина о внѣшности строя, которыми такъ огорчены были многіе „старые" и которыя ставили въ укоръ военачальнику, какъ занятіе наружными пустяками; Потемкинская обрѣзка косы, съ которой онъ началъ преобразованія, сопровождалась даже особымъ его приказомъ по войскамъ „о уборкѣ волосъ", 1783 г. *) Согласно съ симъ, однородное прозваніе „матушки" богатыря (о которой ниже), *Локт-мета*, столь усильно скомпонованное, чуть ли не значитъ ту, которая не терпитъ *локтей*, толчковъ и грубостей. Вообще, конечно, намъ теперь трудно войти въ этотъ міръ, царствовавшій тогда во всѣхъ искусствахъ до мелочей, съ ежеминутными аллегоріями и намеками на каждомъ шагу: но намъ достаточно и крупныхъ чертъ, рѣзко бьющихъ въ глаза. Обстановка героя и матушки его такая же почти, какъ въ L'insouciant вокругъ Нарышкина (одинъ рисовался другимъ, какъ увидимъ еще дальше): тутъ и казначей, Громкобай (Sans-caisse), и щитоносецъ (Canon), и „барскія барыни," которыя юлятъ вокругъ, то поддразнивая, то расхваливая, то плача (въ родѣ Анны Никитишны, которую еще встрѣтимъ), а главное—самъ „конюшій" (шталмейстеръ) Кривомозгъ. Начинается съ того, что герой безпрестанно „валяется", „играетъ"; но вотъ онъ поднимается на подвиги и обращается къ „Матушкѣ Государынѣ," подъ которою понятно, кто выведенъ: „Отпустите меня, я надѣлаю великіе и славные, рыцарскіе и богатырскіе, скосырьствы.... Я океанъ-море отъ края до края завоюю со всѣми наономъ находящимися островами." А дальше: „Какъ океаномъ-моремъ завладѣю и помрачу славу всѣхъ богатырей, до сего бывшихъ, тогда сдѣлаю для васъ великолѣпный пиръ на берегу океана-моря..." „Матушка Государыня" сначала говоритъ: „Слышу, статочное ли дѣло! Поди и жди моего приказанія!" Но, уступивъ хору завопившихъ барскихъ барынь, отпускаетъ:—

*) Иные относятъ это къ 1786 году.

„Куда хочешь, поѣзжай, Лишь объ полъ лба не разбивай И токомъ слезъ изъ глазъ своихъ Ты не мочи ковровъ моихъ;“ на дорогу даетъ ему деньги и *алмазы*. Онъ и самъ идетъ въ кладовую за *сокровищами*, но особенно въ вооруженіи, латахъ, шишакѣ и т. п., добивается *легкости*,—опять та же современная черта, обращенная конечно въ смѣхъ, въ бумажныя латы, косую шапочку съ перьями и т. п. Разумѣется, богатырь лѣзетъ во всѣ опасности, мнимыя и дѣйствительныя, безъ нужды, и вся забота окружающихъ — сдержать его (это повтореніе извѣстныхъ сценъ подъ Очаковымъ, въ которыхъ герой чуть не былъ убитъ и за которыя получалъ выговоры). При самомъ въѣздѣ на поле дѣйствій, оказывается, что „Лѣто нынѣшне дождливо—И вездѣ дождевиками Поле чистое покрыто, Рвами, ямами изрыто, Въ низменныхъ мѣстахъ здѣсь топко. Можно ль воевать не робко:“ картина очень знакомая (какъ говорили мы), по случаю Осени Очаковской, Лимана, ожидавшихся морозовъ, льду и т. п. Вдругъ, показался *дымъ*; докладываютъ: „этотъ дымъ, что мы видимъ, ничто иное какъ дымъ отъ непріятельской пальбы, въ который мы бы прямо въѣхали безъ всякой нужды, еслибы“ и проч. (у Храповицкаго, изъ подъ Очакова: „Рапортовъ нѣтъ... Слышно только, что городъ неоднократно загорался и при рекогносцированіи находили непріятельскія партіи...“ „Очаковъ можно было взять въ Апрѣлѣ..., тогда гарнизонъ не превосходилъ 4.000. Также и въ другой разъ послѣ побѣдъ, на Лиманѣ имъ одержанныхъ,—но все упущено“ и т. д.) При появленіи врага, рѣшаютъ, что „Надобно намъ непріятеля объѣхать съ боку или сзади:“ а герой вмѣсто того отправляется отдыхать въ избушку (у Х—го: „Донъ замерзъ—вспомнили объ Очаковѣ. *Онъ лежитъ*....“ и т. д.). Тутъ является старикъ-резонёръ, *безрукой*: маскируя, указывали на коменданта Нейшлота; но въ L'insouciant ему отвѣчаетъ Canon, vieil invalide; по имени это—Безбородко, съ шаткими отношеніями къ Потемкину и частыми отказами (у Х—го: „За секретъ прочтено письмо К. Г. А. Пот.... Еще готовы вольницы, но надобно прислать для нихъ ружья: а гр. Безбородко сказалъ, будто на все даны резолюціи....“ „Они въ Совѣтѣ все останавливаютъ.... Я не знаю, кто дѣлаетъ каверзы, но могу назвать канальею... Я сказала сіе гр. Безбородкѣ.“ „Гр. Б—ко сказалъ: Мы свое кончили, пусть кн. Потемкинъ свое кончитъ!“ и т. п.); на мѣстѣ же дѣйствій всего ближе это—Румянцовъ, старый вождь, лишенный возможности или не хотѣвшій помогать дѣлу Очаковскому (какъ безъ рукъ), естественно осуждавшій распоряженія младшаго, сѣвшаго ему на голову, возражавшій противу усиленія военнаго состава и т. п. (у Х—го: „Гр. П. А. Рум. Задун. ожидаетъ взятія Очакова и Хотина, для дальнѣйшихъ движеній своихъ.... (послѣ сдачи Хотина) Гр. П. А. Задун. почти тому смѣется... Maréchal Roum., qui parle déjà de quartiers d'hiver, je tremble, qu'il ne fasse rien... Oczakow se porte encore très bien. Le Prince Potemkine est arrêté par des murailles, mais l'autre ne l'est par rien.... Онъ (Рум.) расположилъ войска на зимнія квартиры, заботится о польскихъ

затрудненіяхъ въ дачѣ провіанта и подвозѣ онаго, и дѣлаетъ возраженіе на новый указъ о прибавкѣ солдатъ въ роты...“ и т. п.). Какъ бы то ни было, безрукій старикъ отказываетъ герою въ помощи и пищѣ, упирается и говоритъ ему рѣзкія истины: „На богатыря ты не схожъ и угрозъ твоихъ не боюсь; что же надлежитъ до пищи, еслибъ ты попросилъ въ честь, я бы тебѣ не отказалъ, а наглымъ образомъ отъ меня кромки не достанешь.“ „Безсмертія не покупаютъ, Героевъ въ Стиксѣ не купаютъ, *За деньги славы не даютъ* (указаніе на щедрые подарки) *И рыцарей шальливыхъ бьютъ*,“ если они зашалятся и забудутся. Богатырь же, въ виду врага, либо опять „опочиваетъ на войлочкѣ, имѣя сѣдло вмѣсто изголовья,“ либо при поднявшейся тревогѣ взлѣзаетъ на дерево, пока наконецъ окружающіе просто на просто совѣтуютъ ему вернуться домой и разсказывать тамъ о побѣдахъ (замѣтимъ кстати, что все это происходитъ на сухомъ пути или въ низменныхъ мѣстахъ, но никакъ не на водѣ и не на морѣ, а потому уже ни на іоту не подходитъ къ Густаву и къ дѣламъ Шведскимъ). „Мы, говорятъ, вѣнки сплетемъ себѣ и, надѣвъ на головы, въѣдемъ въ городъ (ср. у Х—го о встрѣчахъ Потемкину, о чемъ, какъ бы невзначай, чтобы только не разсердился герой, ибо пожалуй „ему захочется,“ вспомнила Екатерина)... Государыня Локтмета тебя утѣшитъ: много ли мѣста надобно твоимъ латамъ?“ Главная же приманка: „Къ Матушкѣ твоей Государынѣ Локтметѣ теперь гости пріѣхали гостить, красавица Гремила Шумиловна съ матерью, и ты пріѣдешь въ пору и кстати.“ Рѣшено, возвращаются. Теперь, главною цѣлью выступаетъ невѣста, изъ за которой и для которой всѣ подвиги богатыря. Имя *Гремилы* укладывается въ *Парашу* и *Эвтерпу*; *Шумиловна* или Шумилина (по отцу наслѣдовавшая шумную извѣстность) въ *Нарышкину*: то и другое означаетъ громкую извѣстность, шумную обстановку. Вся ея роль нисколько уже не идетъ къ положенію Густава Шведскаго и сейчасъ рисуется знакомыми для насъ чертами. Она непремѣнно является *съ матерью*, какъ M-lle Sans-souci; мать привозитъ ее представить „Матушкѣ Государынѣ“: „Наслышась довольно о склонности сына Вашего ко всему звучному, громкому и шумному, я нарочно привезла дочь мою, имѣющую вкусъ подобный.“ Гремила поётъ (что̀ заставляли на сценѣ повторять):

„Въ громѣ, звукѣ, стукѣ, трескѣ
Я всѣ утѣхи нахожу,
И въ шумной пышности и блескѣ
Свое я время провожу.
Тотчасъ куранты заиграютъ (какъ лишь пробьютъ часы, съ ранняго утра),
Лишь ферези тряхну свои,
И въ ту минуту выступаютъ,
И пляшутъ дѣвушки мои.“

Кто не узнаетъ здѣсь дома Нарышкиныхъ, вѣчно играющихъ и поющихъ, а въ средѣ ихъ Марью Львовну? Дѣвушки ея поютъ:

„Ушамъ привычливымъ не грубы
Литавры, барабаны, трубы,
И рѣзкій звонъ колоколовъ:
Ихъ звукъ и громъ для насъ не новъ.
И все то кажется намъ скучно,
Что̀ въ головѣ шумитъ не звучно."

Когда возвѣщаютъ о побѣдоносномъ возвращеніи богатыря и „Матушка Государыня" обѣщаетъ принять его „съ радостью", Гремила прибавляетъ: „А я съ восхищеніемъ!" Встрѣча. Матушка Государыня: „Въ пору и кстати ты пріѣхалъ, всѣ охотно повѣрнмъ твоимъ рѣчамъ. Побѣдоносной руки твоей въ награду (какая иронія!) вручаю тебѣ невѣсту красавицу Гремилу Шумиловну." Мать невѣсты прибавляетъ: „Я съ „Матушкой" твоей и о приданомъ уже условились (ср. заготовку приданаго въ L'insouciant)". Гремила поетъ (слѣдующее особенно и возбуждало хохотъ при представленіи, вызывая повторенія; но что̀ тутъ смѣшнаго или остроумнаго *внѣ личныхъ отношеній?)*:

„Мнѣ рыцарски дѣла пріятны
И всѣ твои разсказы внятны:
Во вѣкъ не будемъ мы тужить,
Согласно двое станемъ жить!"

Горе-богатырь:

„Плѣняясь славой и Гремилой,
Всегда супругъ я буду милой:
Тебя, Шумиловну мою,
Люблю какъ душу я свою!"

Оба:

„Горе-богатырь съ Гремилой
Бракъ составятъ не постылой:
Такъ согласны межъ собою,
Будто ряпушка съ водою!"

Въ сатирическомъ или отрицательномъ родѣ, на выворотъ, это совершенно то же, что̀ положительно и вдохновенно выразилъ Державинъ въ Эвтерпѣ.—Хоръ кончаетъ извѣстною синицею, предварившею Крылова: „Вспорхнула, полетѣла И море зажигать хотѣла, Но моря не зажгла, А шуму сдѣлала довольно!"

Теперь посмотримъ на послѣдствія пьэсы. Нарышкинъ отецъ, принужденный апплодировать комедіи L'insouciant и похвалою Горе-богатырю изъ устъ императрицы заранѣе ангажированный присутствовать съ восторгами при этомъ „бюрлескѣ," какъ называла его сама писательница, и Нарышкинъ уже, при всей терпѣливости, веселомъ нравѣ и неспособности огорчаться, и тотъ не выдерживалъ. Въ сатирическомъ очеркѣ, изготовленномъ на него же и тою же неутомимой сочинительницею, подъ заглавіемъ: „Leoniana" *), не безъ досады, хотя и въ смѣшномъ колоритѣ, приводитъ она вырвавшееся у остряка мѣткое выраженіе, какъ отзывъ о пьэсахъ, наконецъ уже переполнившихъ мѣру. Левъ Александровичъ высказалъ всю правду и ловко воспользовался заглавіями пьэсъ „Глухой" и „Метроманія", замѣтивъ, что онъ охотно предпочелъ бы „Глухаго" (роль быть глухимъ), лишь бы смѣяться (для чего и посѣщаютъ театръ), несчастной „Метроманіи", несчастному стихоплетству, облачившемуся въ страсть и его, старика, усыплявшему. „Un autre jour il lui plû de s'ecrier avec une sorte d'entousiasme qu'il n'aimoit pas du tout les piéces de theatre bien ecrite(s), qu'elle l'ennuyoit a mourir; que le bien ecrire en otoit la guayeté (gaité, вар. le bien ecrire nuisoit a la guayeté de l'ouvrage); il ajouta que toute reflexion faite, il allait au theatre pour s'amuser et non pour y bailler; que c'est pourquoi il preferait *le Sourd* qui le faisoit rire a *la Metromanie* qui l'endormoit." Понятно, какое же дѣйствіе долженъ былъ произвести „Горе-богатырь" на Потемкина, на выставленную героиню, на лицъ имъ преданныхъ и въ томъ числѣ на Державина. Не смотря на то, что герою, по пріѣздѣ изъ Очакова, не дали вздохнуть и осмотрѣться, узнать о положеніи „домашнихъ" дѣлъ (какъ звали тогда разные „случаи" и „исторіи", ср. X—го) и самому принять извѣстное въ нихъ положеніе, а черезъ сутки же, тотчасъ послѣ оффиціальныхъ докладовъ, повели его слушать новую оперу, заранѣе назначенную *на сей день*; не смотря на то, что, по всему вѣроятію, онъ входилъ въ Эрмитажъ, чтобы присутствовать при игрѣ пьэсы на Густава, о которой желали будто бы знать „политическое" его мнѣніе (таковъ былъ слухъ, распущенный и державшійся *на поверхности* событій): тѣмъ не менѣе, разумѣется, Потемкинъ тотчасъ же понялъ дѣло и, по всѣмъ свидѣтельствамъ, глубоко былъ затронутъ. Ни о „политическихъ" соображеніяхъ его, отсовѣтовавшихъ представленіе пьэсы, ни объ остановкѣ *единственно* для „публичнаго" театра, ничего нѣтъ у Храповицкаго: у послѣдняго отмѣченъ лишь крутой поворотъ въ дѣлахъ (см. наши выписки). На другой же день сказали, чтобы пьэсу въ публичныя представленія не пускать; печатные экземпляры ея, кото-

---

*) Найденъ покойнымъ Пекарскимъ. „Зап. А. Н." т. III, кн. 2; въ отрывкѣ помянуто „26 мая 1796" года, о чемъ см. ниже. — Правописаніе подлинника.

рыми такъ торопились и которые на время сочинительница остановила лишь *для раздачи*, совсѣмъ скрылись изъ употребленія, такъ что прочія театральныя произведенія Екатерины отдѣльными книжками не рѣдко можно встрѣтить, а „Г—б—рь“ составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость (мы даже не видали ея, да кажется и М. Н. Лонгиновъ). Представленія прерваны и, если возобновлялись, то совершенно келейно, безъ огласки и послѣдствій, вѣроятно съ измѣненіемъ щекотливыхъ мѣстъ (самая партитура была отослана, см. ниже), либо на перекоръ Потемкину и безъ его участія, въ отсутствіи его изъ Петербурга и для такихъ лицъ, какъ новоявленный Зубовъ или принцъ Нассау, прятавшійся отъ Очаковскаго побѣдителя, герой, бѣжавшій съ поприща южныхъ военныхъ дѣйствій. А скоро послѣ 1-го представленія, самую пьэсу, въ полномъ составѣ и съ дорогой партитурой, сбыли въ Москву, въ ссылку, къ гр. Н. П. Шереметеву, который *будто бы* просилъ о томъ Храповицкаго въ частномъ письмѣ и для частнаго своего театра (въ городскомъ Шереметевъ еще не начальствовалъ). Правда, писательница утѣшила Х—го замѣткою въ полъ-оборота, что пьэсу выучили ужь наизусть и распѣваютъ,—но участнику дѣла отъ того не легче было. Князь немедленно отозвался объ этомъ *дѣльцѣ* такимъ отзывомъ, отъ котораго обыкновенно нездоровится на службѣ: на завтра же по представленіи оперы началась *переборка* дѣлъ театральныхъ, по „безпорядкамъ;“ не причастный къ нимъ и лишь виновный своими стихами въ „Г.-б—рѣ“, Храповицкій явился въ отвѣтѣ, терпѣлъ толчки цѣлый мѣсяцъ, доведенъ былъ до просьбы на колѣняхъ объ увольненіи и, спасенный лишь „покровительствомъ“ государыни (см. „Записки“), все-таки при первомъ поводѣ, передъ слѣдующимъ пріѣздомъ Потемкина, былъ вовсе удаленъ отъ театра, отъ всякого участія въ пьэсахъ. Да вмѣстѣ съ симъ и писательница бросила совсѣмъ прежній родъ сочиненій и обратилась къ занятіямъ серьезнымъ, историческимъ и археологическимъ. Такъ дѣло, во всѣхъ отношеніяхъ дорого стоившее, спѣшно къ пріѣзду героя готовленное, а когда было готово, протянутое до той минуты, чтобы сюрпризомъ встрѣтить жданнаго гостя, веденное судорожно, съ тайнымъ трепетомъ ожиданій, обставленное сотнею маскировокъ—сказкою, пущенными слухами о Густавѣ, требованіемъ будто бы В. Князей и Цесаревича, наконецъ благословленное и Мамоновымъ, и Орловымъ, а Нарышкину обязательно расхваленное, — все это дѣло потерпѣло полнѣйшее фіаско. Непререкаемо для исторіи, хотя и заподозрѣно нашей библіографіей, остается показаніе неизвѣстнаго или, лучше, извѣстнаго сочинителя рукописи о Потемкинѣ: „Ничего не пощажено было (все для Густава!), чтобы представленіе сей оперы сдѣлать сколько можно пріятнѣйшимъ. Сочинитель музыки, г. Мартини, изобрѣтатели балетовъ и декорацій, актеры и танцовщики получили болѣе 20.000 р. Издержки же на представленіе простирались гораздо выше. Выписывали даже художника изъ Парижа, чтобы ноты для сей оперы вырѣзать на мѣди (чтобъ увѣковѣчить: о Густавъ!); однакожь

издержки на сіе, кои стоили 4.000 р., не изошли — не по бережливости, но для того, что кн. Потемкинъ сіе отсовѣтовалъ (по просту запретилъ дальнѣйшія траты), а удовольствовались только напечатаніемъ сей драмы.... Когда потребовано было на сіе его мнѣнія (отзыва о пьэсѣ), сказалъ онъ въ слухъ: „—Я не могу сочиненія сего судить критически (критикой литературной), но не одобряю *намѣренія* (такъ оно кидалось въ глаза искусственностью и намеками) въ сочиненіи сей пьэсы.“—Сіе подѣйствовало столько, что *въ бытность* Потемкина оперу сію не представляли, и уже *послѣ отъѣзда* его сыграли въ эрмитажномъ театрѣ.“ Здѣсь говорится сперва о *личномъ присутствіи* Потемкина, которымъ не могъ онъ „освящать“ представленій пьэсы, послѣ того какъ забраковалъ ее съ перваго раза, маскируя передъ Дворомъ неловкостью относительно Густава; а потомъ объ *отсутствіи* его изъ Петербурга, чѣмъ воспользовались въ Эрмитажѣ *исключительно* для пр. Нассау (а въ Царскомъ селѣ, столь же келейно, для Зубова). Но мы еще встрѣтимся ниже съ такимъ же точно показаніемъ Державина.

Державинъ, только что прибывшій въ Петербургъ того же самаго 1789 года, еще болѣе сблизившійся здѣсь съ Нарышкиными, а въ особенности увлеченный встрѣчею и пѣніемъ Марьи Львовны, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ исторіи „Горя-богатыря,“ воспользовался свѣжимъ впечатлѣніемъ пьэсы и возбужденныхъ ею толковъ, распространившихся не смотря на разные запреты. Урокъ, данный Потемкину, а вмѣстѣ и увѣренной невѣстѣ его, былъ слишкомъ силенъ: нельзя же упустить изъ вниманія, что поэтъ задался примѣненіемъ урока именно въ „Эвтерпѣ,“ обращенной къ лицу Марьи Львовны. Уже простымъ обращеніемъ словъ именно *къ ней*, несомнѣнно доказывается, что къ ней относилась вся исторія пьэсы. А что въ стихотвореніи разумѣется *опредѣленная* пьэса и образъ Горе-б—ря примѣненъ именно *къ Потемкину*, убѣждаемся изъ того, что позднѣе, составляя свои „Объясненія“ къ стихамъ, Державинъ при „Эвтерпѣ“ и словахъ—„Горемъ быть богатыремъ“ сослался на примѣчаніе къ I-й части своихъ стихотвореній, гдѣ, при одѣ „На счастіе“ и подобныхъ же словахъ, упоминающихъ „Г.-б—ря“, разсказываетъ, по своему, исторію оперы извѣстной и отношеніе къ ней Потемкина (см. ниже). Даже въ толкованіи 1-го стиха „Эвтерпы“, „Пой, Эвтерпа, дорогая,“ поэтъ повторяетъ то же самое, говоря: „Муза *пѣсней* (которыя мы еще увидимъ) или *оперы*.“ Опера, хорошо зналъ Державинъ, не одно и то же съ пѣснями; прибавка „или оперы“ даетъ намъ понять съ точностію, столь ясною при нашемъ изслѣдованіи: „Эвтерпа—муза пѣсней или оперы; Нарышкина, подъ симъ именемъ и въ семъ образѣ выведенная, Эвтерпою названная и изображенная,—муза или героиня какъ пѣсней, такъ и оперы;“ опера же, трактуемая въ стихахъ и въ самихъ „Объясненіяхъ,“ одна единственная — „Горе-богатырь.“ Итакъ, заданный и толкуемый въ Эвтерпѣ урокъ, извлеченный изъ исторіи „Г.-б—ря,“ совѣтуетъ обоимъ пострадавшимъ лицамъ поостеречься, если уже зашло такъ далеко: луч-

ше, говоритъ онъ, самому герою пожертвовать на время привычною нѣгою и разгорѣвшейся любовью, лучше было уѣхать немедля, по требованіямъ государыни, къ поприщу военныхъ дѣйствій, чѣмъ подавать поводъ къ подобнымъ раздражительнымъ сатирамъ и пожалуй вторично еще сдѣлаться ихъ предметомъ; а героинѣ лучше уступить на время, не вопить и не жаловаться на разлуку, столь необходимую по обстоятельствамъ; и тѣмъ благоразумнѣе это будетъ, что будущность сулитъ еще впереди полное счастіе и достиженіе желаній. Придворный, прибавляетъ онъ, гоняется за Фортуной и часто успѣваетъ, но не на всегда: та же самая Фортуна, оборотившись, дѣлаетъ изъ него Горе-богатыря и учитъ его симъ комическимъ образомъ, сею пародіей, чтобы обратиться на стезю богатыря подлиннаго. Обратно: и подлинному богатырю не всегда счастье; Фортуна порою заставляетъ его урокомъ своимъ обращаться въ Горе-богатыря, и симъ урокамъ учитъ. Но, „время все перемѣняетъ." Потемкинъ можетъ остаться въ обоихъ видахъ своихъ, и царедворцемъ, и героемъ еще болѣе великимъ на предстоящемъ поприщѣ славы, а тогда, какъ „царедворецъ и герой," сложитъ доблести эти къ ногамъ красавицы, увѣнчавши союзъ съ нею. Девизъ поэтическаго наставленія: не спѣшите, но предупреждайте, не жалуйтесь, а ты, Эвтерпа, пой по прежнему: и на вашей сторонѣ, и скоро, будетъ побѣда (издатель Державина по обычаю узнаетъ здѣсь „предсказанія" о взятіи Измаила и возвратѣ въ Петербургъ: къ сожалѣнію, *главное* и *существенное* предсказаніе не сбылось).

Замѣчательно, что, рисуя здѣсь въ героѣ сторону царедворческую, поэтъ употребилъ выраженіе—„рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ кубариться кубаремъ:" это одна изъ чертъ Нарышкина отца, извѣстная и по стихотвореніямъ Державина; но, еще болѣе, это черта, которой пользовался поэтъ еще прежде сего въ изображеніи Потемкина. И двойственный образъ самого князя, о коемъ идетъ дѣло, и новое двойственное, двустороннее изображеніе его въ „Эвтерпѣ" отвели поэта къ стихотворенію старшему, гдѣ тотъ же герой выведенъ подъ именемъ „*Рѣшемысла*:" оттуда и припомнилось выраженіе о „кубарѣ." Въ „Рѣшемыслѣ," сочиненномъ 1783 года, по собственнымъ „Объясненіямъ" Державина, воспѣлъ онъ Потемкина и назвалъ именемъ сказочнаго или театральнаго лица, „подъ коимъ, сколько извѣстно, разумѣла императрица кн. Потимкина." Именно, Дашкова просила поэта, когда еще онъ не былъ лично знакомъ съ княземъ, написать „привѣтствіе" сему послѣднему: Д—нъ взялъ въ основаніе Екатерининскую сказку (впослѣдствіи комическую оперу) „Февей" (Фебъ), гдѣ, какъ помянуто, фигурировалъ Потемкинъ „Рѣшемысломъ." Такъ и возникло извѣстное стихотвореніе, въ которомъ изображаетъ онъ „наперсника царицы сей (выведенной въ въ сказкѣ)" и разсказываетъ, въ числѣ разныхъ похвалъ, какъ онъ „издоимнымъ не прельщенъ богатствомъ," въ придворной жизни „*не кубаритъ кубарей*," напротивъ, опять двѣ стороны его,—„въ миру онъ кажется роскошенъ, но въ самой роскоши ретивъ и никогда онъ не

оплошенъ; хотя бы возлежалъ на розахъ, но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ готовъ онъ съ лона нѣги встать; другъ честности и другъ Минервы; ходить умѣетъ по паркету и, устремяся славѣ въ слѣдъ, готовитъ миръ и громы свѣту; искусство уловлять онъ знаетъ, своихъ, чужихъ сердца плѣнитъ;“ наконецъ—„героямъ шьетъ коты да шубы,“—объ удобствахъ солдатамъ, то же самое, что̀ повторено въ имени „Косометовича“ и о чемъ самъ Д—нъ говоритъ въ „Объясненіяхъ“ къ „Рѣшемыслу:“ „облегчилъ сей полководецъ Россійскую армію, что исходатайствовалъ у императрицы.... не пудриться и отрѣзать косы, которыя прежде были въ обыкновеніи по Прусскому манеру, а зимой въ морозы носить коты и шубы.“ Такъ, стало быть, „Эвтерпа“ своими образами напомнила и повторила подъ перомъ поэта старшаго „Рѣшемысла,“ Потемкина. Но для насъ еще важнѣе здѣсь то, какъ рано уже Екатерина начала опыты изображать своего любимца въ театральныхъ піэсахъ: слѣдовательно, не развитіе мимоходныхъ чертъ Густава (см. выше), какъ думали наши библіографы, а развитіе чертъ Потемкина, раннихъ и давно набросанныхъ, воплотилось къ концу въ образѣ Г. б—ря, въ посвященной ему оперѣ. Совершенно также какъ и въ дѣлѣ „Г. б—ря,“ Екатериною сочинена сперва сказка (1782), потомъ (конченная въ 1786 году) опера „Февей,“ представленная на Каменномъ и Эрмитажномъ театрѣ 86-го года; точно также, вмѣстѣ со сказкою о царевичѣ „Хлорѣ,“ данъ видъ, что все это предназначается для малолѣтняго В. Князя (Александра); также точно, въ числѣ матеріаловъ для оперы, употреблена та же „Дейдамія:“ и также точно примѣнены всѣ, теперь уже знакомыя намъ, аллегоріи, легко сводимыя къ роли Потемкина, но тѣмъ интереснѣе, что *въ зародышѣ*. Двѣ стороны, представленныя здѣсь (подобно Г. б—рю) въ каждомъ изъ главныхъ лицъ, именно (въ кратцѣ) одна—любовь и нѣга, другая—долгъ, подвиги и военная слава, олицетворены каждая особымъ лицомъ. Царь—государственный долгъ и отеческая заботливость, Царица же—вся любовь (это, мы знаемъ, совмѣщалось и въ одномъ дѣйствительномъ лицѣ); Февей, единственный любимецъ-царевичъ,—весь порывъ къ славѣ, къ военнымъ подвигамъ, къ исканію приключеній и отъѣзду, а Рѣшемыслъ, другая сторона его (обѣ въ Потемкинѣ),—олицетворенное благоразуміе, рѣшающее коротко,—„оставайся дома, пользуйся счастіемъ, тебѣ и здѣсь хорошо;“ о невѣстѣ скажемъ дальше. Начинается съ того, что Февей „опочиваетъ,“ но ему грезятся мечты, влекущія далеко, а вмѣстѣ и жалко разстаться „съ драгою;“ проснувшись, онъ говоритъ самъ съ собою, очень понятно для насъ послѣ всего предыдущаго: „Почто *распѣлся* здѣсь по пустому?.. Настало время *жить низко* (наскучилъ жизнію высокой)... Скучаю спокойной и единакой жизнію отцовскаго дома. Я желаю чего... Самъ не знаю что. Хочу видѣть пространный свѣтъ...., въ какихъ войскахъ какой обычай... Пойду къ своимъ родителямъ и буду проситься въ чужіе краи.“ Царица, между тѣмъ, вполнѣ счастлива и поетъ: „Нѣтъ подобной мнѣ на свѣтѣ, Ктобъ такъ счастлива была: Сколько я люблю драгова, Столько

я ему мила. Съ той минуты, какъ любовь Вспламенила нашу кровь, Мы мученія не знаемъ, Равнымъ жаромъ мы пылаемъ.“ Узнавъ о настояніяхъ Феба (Февея), этого *дитяти*, ею созданнаго и воспитаннаго (какъ называетъ его Сегюръ), она въ отчаяніи отъ разлуки: „Злой часъ пришелъ мнѣ слезы лить, Я буду безъ него здѣсь жить,“ и т. д. По ея желанію, „барскія барыни (намъ извѣстныя)“ отговариваютъ царевича, и замѣчательно, что словами пѣсенъ,—но напрасно; Фебъ рвется, и притомъ постоянно влечется впередъ къ какой-то любезной тѣни, хорошенько неопредѣленной, къ какому-то милому образу: „Лишь только ночь настанетъ, Погружая мысли въ сонъ, Въ тотъ же часъ она предстанетъ, *испуская жалкій стонъ* (ср. Эвтерпу и пѣсни ея).“ Пока тянется это состояніе души, Февей очутился „въ полѣ“ и тамъ напали на него *Татары*: но, какъ Г. б—ръ взлѣзаетъ въ подобномъ случаѣ на дерево, такъ Февей прислоняется къ дереву и готовъ къ оборонѣ: однако ему пропасть бы, если бы не подоспѣла помощь *Царская*. Враги переловлены и выражается лишь сожалѣніе, что Февей снова ихъ выпустилъ, оставя и на будущее задачу искать ихъ; Царь отецъ, олицетвореніе долга, „власти царской преемникъ и ревнитель (какъ сказано въ оперѣ),“ сердится за этотъ неосторожный поступокъ и загоняетъ царевича „домой;“ съ своей стороны Рѣшемыслъ, „первый баринъ царя,“ олицетвореніе *проснувшейся мысли*, даетъ благой совѣтъ—просто не отпускать Феба, а удержать его дома женитьбою или вообще милою. Теперь-то выступаетъ передъ нами Невѣста, по видимому сперва довольно загадочная, какъ тѣнь: но въ „окрѣпшемъ,“ главномъ образѣ подъ конецъ, хотя и сильно замаскированная, она представлена приходящею издалека, изъ Калмыцкаго или Монгольскаго рода. Замѣтимъ же кстати, что родъ Нарышкиныхъ, подобно Шереметевымъ, выводимый то оттуда, то отсюда по фантастическимъ генеалогіямъ, разумѣется всего прямѣе шелъ отъ Азіатцевъ, гдѣ безпрестанно встрѣчаемъ Нарымъ-Нарынъ-Нарыгъ-Нарышъ-хановъ и гдѣ кн. Долгоруковъ очень вѣрно указываетъ цѣлый родъ Нарышкиныхъ, Татарскаго происхожденія, богатый и долго извѣстный (угасшій лишь въ XVII вѣкѣ). Въ самой оперѣ Невѣста изображена типомъ Азіатской роскоши и во всей обстановкѣ восточнаго происхожденія: здѣсь она хотя и двоится съ лицомъ самой Царицы (также Сибирской), но, по сценическому требованію, уже отличена отъ сей послѣдней и даже противупоставлена образомъ жизни (см. ниже). Но въ сказкѣ, какъ матеріалѣ, черты Азіатскія падаютъ еще на самую Царицу: она жила въ нѣгѣ, спала подъ лисьимъ одѣяломъ, *„цвѣтъ лица ея былъ блѣденъ, она жаловалась ломомъ въ ногахъ, безсонницею* (ср. изображеніе M-lle Sanssouci);“ *„ночь она пробалагуриваетъ съ барынями и барышнями* (ср. тамъ же, Г. б—ря и мечты Февея)“ и т. п. Разумѣется, это такъ хорошо замаскировано, что на видъ бросается въ глаза Елизавета: такъ и понялъ Д—нъ въ своихъ „Объясненіяхъ“ („императрица пошутила весьма слегка на счетъ предмѣстницы ея“); такъ и выразился онъ въ самомъ „Рѣшемыслѣ,“ воспѣвая въ немъ „не онаго мужа, древле служившаго

царицѣ *той*, которая въ здоровьи маломъ блистала славой и красой подъ соболинымъ одѣяломъ," напротивъ „наперсника царицы *сей*, которая сама трудится (и прочее изображеніе противуположной Екатерины)." Но, если дѣйствительно по многимъ чертамъ здѣсь нельзя не узнать Елизаветы, то нужно вспомнить, что она-то и была чадомъ Нарышкинскаго рода (отъ Натальи Кириловны), она и была Нарышкинскимъ типомъ, отъ котораго такъ отличала себя сама Екатерина, и жизнію, и частыми ссылками на противуположную предмѣстницу. Такимъ способомъ, еще въ сказкѣ, какъ первоначальномъ рудиментѣ, проведено уже двойство въ образѣ самой Царицы: хотя и надѣта сверху маска Елизаветы, но Царица сама — царица Сибирская, именно такая, какою воспѣта Д—нымъ Фелица, только что передъ этимъ въ 1782 году, какъ „Богоподобная Царевна Киргизъ-Кайсацкія орды." Быть можетъ, очень естественно, что самый этотъ поэтическій образъ подалъ поводъ сочинительницѣ сказки о Февеѣ, писанной въ то же самое время, раздѣлить образъ на Царицу и Царевну: царицу—Екатерину и царевну — Елизавету, въ ихъ взаимномъ противуположеніи. Отсюда же двойство лица главной героини и въ самой оперѣ: уже Державинъ, видѣли мы, раздѣлилъ этотъ царскій Сибирскій образъ на двѣ стороны и заставилъ Рѣшемысла служить „сей," а не „той;" въ оперѣ же, отчасти и по требованію сцены, образъ раздѣленъ такъ, что сторона любви, благоразумія и царскаго долга отдана „Сибирской царицѣ," а роскошь и прелесть „царевнѣ Калмыцкой," невѣстѣ. Родство ихъ, чрезъ героя, видно изъ того, что Невѣста послужила орудіемъ для благополучнаго возвращенія Февея къ себѣ самому и къ дому; что Царица обрадовалась, когда Рѣшемыслъ указалъ на такое благое рѣшеніе; что съ Царевною возвратилось къ самой Царицѣ любовь ея и счастье. Однимъ словомъ, эта Царевна—сама преображенная Царица, и въ образѣ ея снова заиграла младая краса, расцвѣло прежнее счастье, ожила любовь и проснулось спокойствіе. Потому, вмѣстѣ съ ея появленіемъ, исчезла совсѣмъ эта „драгая," столь двусмысленная „тѣнь," увлекавшая прежде Февея въ невѣдомую даль исканій. По тому же, заключеніе пьэсы въ послѣднемъ хорѣ привѣтствуетъ Царевну, вѣстницу мира и любви, совершенно такъ, какъ естественно привѣтствовать возродившуюся Царицу, скажемъ больше, какъ Екатерину или Фелицу: „Играй, о сердце, сердцемъ нѣжно, Теки, о время, безмятежно, Въ забавахъ черезъ весь нашъ вѣкъ! *Ею* (кѣмъ же? разумѣется) мы благополучны: Дай судьба дни неразлучны (ей съ милымъ)!" Но, какъ мы убѣдились однажды на всегда и несомнѣнно, что Февей съ Рѣшемысломъ, выражая двѣ стороны одного и того же лица, послужили *зародышемъ* послѣдующаго, столь же двусторонняго, Царедворца съ Марсомъ или Горе-богатыря, такъ послѣдовательно должны допустить, что Калмыцкая Царевна, *хоть съ какой либо стороны*, была зародышемъ опредѣлившейся впослѣдствіи Гремилы и Эвтерпы. Двойство образа, если уже было допущено съ пособіемъ аллегорій и маскировокъ, то,

хотя бы въ данномъ случаѣ завершилось примиреніемъ и единствомъ, все-таки была причина, въ самомъ существѣ, къ двоенію и раздору: а двоеніе и раздоръ, извѣстно, вносятся въ существо, дотолѣ единое или цѣльное, наитіемъ и вліяніемъ чего либо третьяго, новаго. Покуда могли мы удовольствоваться, при объясненіяхъ своихъ, 1786-мъ годомъ и событіями его мира или примиренія: но, когда за тѣмъ прошло еще два года, когда на сцену явился Горе-богатырь, тогда многое должно передъ нами измѣниться и сами обрисованные образы должны опредѣлиться *яснѣе*. Довольно сказать, что послѣ сего, подъ впечатлѣніемъ *новой* оперы и ея обстановки, тотъ же поэтъ заставилъ служить Царедворца и Марса, бывшаго Рѣшемысла, совсѣмъ уже иной—не Царицѣ, а Царевнѣ, и кончилъ обращеніе къ сей послѣдней, къ Марьѣ Львовнѣ, почти тѣми же словами, какими недавно кончалась опера Февей: „Прелестью своей плѣни, Бога браней усыпляя, Громъ изъ рукъ его возьми (водвори миръ и счастье),—*И должна тебѣ вселенна Будетъ вѣкомъ золотымъ*!“ Сама Гремила, слишкомъ ярко уже опредѣлившаяся, заставляетъ по неволѣ искать указаній, хотя не столь еще ясныхъ, но обращенныхъ къ такому же опредѣленному образу, въ его зародышѣ, въ Невѣстѣ изъ Калмыковъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте, что мы остановились бы здѣсь на одной Елизаветѣ: къ ней вовсе не йдетъ уже блѣдный цвѣтъ или ломъ въ ногахъ; если *къ ней* возвратился и радъ возвратиться при общей радости Февей, въ лицѣ Азіатской Невѣсты, то значитъ прямо, что онъ отъ Екатерины возвращается къ Елизаветѣ и не правъ Державинъ, съ усиліемъ отвлекая его отъ сей послѣдней, отъ типа Восточнаго или Нарышкинскаго. Если же удовольствуемся одною Екатериною и превращеніемъ ея изъ Сибирской Царицы въ Царевну, то третье лицо, выведенное между Царицею и Февеемъ, совсѣмъ лишнее въ драматической пьэсѣ: и безъ новой невѣсты, вызванной искусствомъ Рѣшемысла и писательницы, любимецъ могъ возвратиться къ любящей и при ней остаться; а когда онъ возвратился подъ условіемъ преображенія, значитъ его плѣнилъ типъ, прежде небывалый, противъ котораго ратовала Екатерина жизнію и словомъ, именно вновь возникшій, Восточный типъ. Нѣтъ, тутъ вертится образъ *третій*: и, хоть прежняя „драгая тѣнь“ исчезла изъ взоровъ Февея, онъ *думаетъ*, что она ожила для него въ невѣстѣ и, не смотря на хоръ, помянутый выше, прибавляетъ: „Кѣмъ душа моя пылала, Кѣмъ владѣть судьба мѣшала, *Я владѣю нынѣ той*.“ Между тѣмъ дѣло совершенно уяснится, если на мѣсто Царевны Елизаветы мы поставимъ *новую*, наслѣдницу ея и по роду, и по Восточному Нарышкинскому типу. И точно, по оперѣ разбросаны намёками черты, которыя мы цѣнимъ и которыя, надѣемся, уяснимы лишь съ нашей точки зрѣнія. Кромѣ помянутыхъ уже выше, во первыхъ всюду вставлены народныя *пѣсни*, а особенно ими богаты „барскія барыни“ и подруги дѣвушки вокругъ Невѣсты, подобно какъ вокругъ Гремилы. Одна пѣсня въ устахъ Рѣшемысла—та же самая, которая послужила основою Нарышкинской (см. ниже): „Ты скажи-скажи, мой младой со-

ловей, Кому воля, кому нѣтъ воли гулять;“ а когда Царь велитъ искать сына, растерявшагося въ мечтахъ, прибавляетъ: „*Онъ ходитъ, чаю, по горамъ*..., Мать ему *вѣнки плететъ*,“—опять спеціальное начало пѣсни Нарышкиной и одинъ изъ главныхъ ея элементовъ. Барскія барыни, обѣщая Февею сыскать невѣсту, говорятъ, что есть такая, „Прекрасна какъ розовъ цвѣтъ, *Пятнадцать ей отъ роду лѣтъ*“ (Нарышкинъ женился въ 1759 году: къ 1786-му, а по сказкѣ къ 1782-му году, сколько приходилось Марьѣ Львовнѣ и старшей сестрѣ ея Натальѣ, ср. ниже, особенно по Сегюру). Барыни перечисляютъ ея приданое (ср. L'insouciant), между прочимъ „товары *изъ лавочки* (какъ представлялся Екатериною Нарышкинъ неоднократно, занимая и *будто бы* не платя).“ Словами вставочной пѣсни, съ прибавкою *дополнительныхъ*, Невѣста изображается въ пѣсняхъ и пляскѣ среди подругъ почти также, какъ Гремила: „Разыгрались красны дѣвки На зеленомъ на лугу, Гдѣ, собравшись хороводомъ, Скачутъ-пляшутъ во кругу, Одна дѣвушка пригожа, У ней черные глаза... (ср. ниже у Державина „чернобровую и бѣленькую рядомъ,“ а также различіе дочерей Нарышкина), Одна дѣвушка рѣзвенька, Проскакала проплясала Въ хороводѣ три разà,“—но *отецъ* воротилъ домой и пѣсня не допѣта, игра не доиграна; въ другой сценѣ, въ подобной же роли, самъ Царь прекращаетъ пѣніе посольства словами: „Каково же долго ждать, *Когда мнѣ время ужинать* (эти самыя слова, въ такихъ же точно обстоятельствахъ, вложены въ уста M-r Sansouci, Нарышкина, см. выше).“ Послѣ этого, какъ бы вставками, на сценѣ является исторія помянутыхъ выше, отпущенныхъ „изъ жалости“ Татаръ, Калмыцкое или Монгольское посольство съ просьбами или письмами, и т. п.: дѣла, извѣстныя участіемъ Потемкина въ рѣшеніяхъ и даже воспѣтыя Д—нымъ въ Рѣшемыслѣ,—„Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,“ и т. д. (ср. ниже у Сегюра). Но послы Калмыцкіе подаютъ Февею письмо отъ „Монгольскаго князя,“ „родственника Царицѣ (конечно опять по Натальѣ Кирилловнѣ или вообще по Сибирскому происхожденію Фелицы),“ который проситъ Февея о посѣщеніи: Февей отказываетъ тѣмъ, что онъ „при Царѣ Государѣ находится, безъ воли котораго пріѣхать къ нимъ не можетъ.“ По крайности (хоть не кстати), просятъ они позволенія спѣть пѣсню, и здѣсь, *въ третій разъ*, описывается Невѣста, прямо уже *Калмычкою*: „На томъ камнѣ Калмычка, Глотала каймакъ, Табакъ курила, Кумысъ варила; Приходитъ къ ней Калмычекъ,... Ты что чинишь, дѣвочка?... *Цвѣточки рву, вѣночки вью* (это опять слова пѣсни, которую мы видѣли уже и встрѣтимъ еще въ устахъ Нарышкиной)... Дай мнѣ хоть одинъ цвѣтокъ? Не токмо одинъ, хоть всѣ возьми.“ Тогда-то наконецъ, по отказѣ Февея ѣхать, сама Невѣста ѣдетъ къ нему, какъ „Царевна Лійская,“ во всемъ пышномъ великолѣпіи. Слѣдуютъ страстныя объясненія (хотя въ нѣкоторыхъ загадочныхъ словахъ, на примѣръ „Больше я не могу сказать, Принуждена скрывать“) и піэса заключается помянутыми стихами, почти повторенными Державинымъ въ Эвтерпѣ. Такъ въ оперѣ: сказка же, болѣе ранняя, глухо и короче говоритъ о бракѣ,

а вмѣсто того выставляетъ соотвѣтственную сцену, гдѣ Февей отдѣлывается отъ красавицы, осаждаемой *„должниками“* (опять „Нарышкинская“ черта: кредиторами), награждая ее богатымъ приданымъ или, лучше, дары отца обращая въ приданое дочери, чтобы „сыскался ей женихъ, который бы любилъ добродѣтель болѣе, нежели красоту ея и богатство.“ При этомъ выведенъ кстати Стремянной, падающій съ лошади (обыкновенный и частый образъ Конюшаго, отца Нарышкина; ср. у Х—го подъ 26 мъ Іюня 1786 года: „З—ій сказывалъ, что видѣлъ рѣдкость: Л. А. Н. верхомъ. Jl fallait le faire monter sur un âne. Шутка о Шведскомъ королѣ Л. А. Нар.... онъ упалъ съ лошади“): Февей въ награду ему насыпаетъ золотомъ сапогъ, чтобы утѣшить горе и „заплатить за лѣкарство.“ Тотъ и другой исходъ хорошо извѣстенъ въ „исторіяхъ“ и „случаяхъ“ той эпохи: удаленіе любимцевъ, совсѣмъ или на время и для виду, съ дозволеніемъ жениться и богатымъ вознагражденіемъ (Ермоловъ, Мамоновъ), или удаленіе юныхъ соперницъ съ подобными же выгодами. Что̀ болѣе подходило тогда къ положенію Потемкина и что̀ избралъ онъ самъ, не можемъ рѣшить теперь на вѣрное и развѣ отгадаемъ по отзывамъ Сегюра (см. ниже): во всякомъ случаѣ, на первую эту вспышку, дѣла кончились мирно; самъ Потемкинъ принималъ участіе въ постановкѣ піэсы, которая не утратила еще веселости и не пріобрѣла рѣзкой ѣдкости; впрочемъ Храповицкій, въ семъ началѣ своихъ Записокъ, не успѣвши еще всмотрѣться ближе въ дѣла Двора, очень кратокъ, сообщая только, что Февея играли дважды—на театрѣ 19 и въ Эрмитажѣ 22 Апрѣля (1786), а 23-го — „Говоря о Февеѣ, хвалили церемонимейстера и хоръ о *красотѣ невѣсты* (какъ послѣ арію и дуэтъ Гремилы).“ Писательница обратилась къ спокойнымъ драмамъ и трудамъ историческимъ (подобно какъ послѣ „Г. б—ря“), а вскорѣ за тѣмъ начались веселыя торжества и знаменитое длинное „путешествіе.“ Но дѣло не кончилось совсѣмъ: оно, какъ мы знаемъ, возгорѣлось черезъ два года, и со всею страстію, по случаю лѣнивой осады Очакова и судорожной досады на Очаковскаго героя. Изъ Февея выросъ Горе-богатырь, къ которому и возвращаемся мы, держась пока стиховъ Державина.

„Февею“ въ стихотвореніяхъ Державина сопутствовалъ 1783 года „Рѣшемыслъ,“ а „Горе-богатырю“ въ 1789 году отвѣчала „Эвтерпа“ и ода „На счастіе:“ разстояніе нѣсколькихъ лѣтъ, и какая перемѣна въ краткій періодъ! Но „Эвтерпа,“ обращенная къ страдающей дѣвушкѣ и къ семьѣ, искренно любимой поэтомъ, исполнена утѣшеній и ободряющихъ надеждъ: не то долженъ былъ высказать Д—нъ, обращаясь лично къ Потемкину, колебаніе котораго и близость къ паденію не могъ не замѣтить и дѣйствительно тотчасъ замѣтилъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, 1789 года, оставивши о томъ отмѣтку въ собственныхъ „Запискахъ.“ Къ сожалѣнію, писавши свои „Записки“ и „Объясненія“ позднѣе, авторъ, при слабѣющей памяти, безпрестанно смѣшивалъ числа и цѣлые года, такъ что, въ семъ отношеніи, данныя его безмѣрно ниже противу *точности* Храповицкаго; но, кромѣ того, какъ выше замѣтили

мы, не рѣдко терпитъ и *искренность*. Не то, чтобы извѣстный—крутой, горячій и рѣзкій Державинъ не былъ правдивъ: но, какъ простые натурою, крѣпкіе кряжемъ и „здоровые" Русскіе люди всѣхъ временъ, тѣмъ чаще Екатерининскихъ, какъ цѣлыя знатныя семьи, симъ отличавшіяся тогда отъ „легкихъ" и по новому цивилизованныхъ придворныхъ, какъ сами писатели въ родѣ Крылова, изъ той же эпохи вышедшаго, Д—нъ былъ, какъ говорится, „себѣ на умѣ". Правда его и благородство всегда были неизмѣнны *въ стихахъ*: здѣсь онъ служилъ священному своему призванію; но онъ же служилъ и на другой, „дѣйствительной" службѣ, много терпѣлъ, по неволѣ зналъ всѣ ходы и лазейки, ученъ былъ и отмалчиваться, и маскироваться, и, хоть довольно неуклюже, извиваться. Всѣмъ извѣстно, по собственнымъ Запискамъ его, что начало бѣдъ своихъ относилъ онъ къ коалиціи, въ которой участвовалъ Потемкинъ *): собственно же говоря, Потемкинъ сначала не зналъ его и даже по просту знать не хотѣлъ, какъ всѣ у насъ государственные люди, слишкомъ крупные и занятые, чтобы спускаться въ подробности текущей литературы и мелочи ея представителей; послѣ „привѣтствія," сдѣланнаго заочно и безъ личнаго знакомства въ „Рѣшемыслѣ," невниманіе князя видимо даже обижало поэта. А пріѣхавши въ Петербургъ 1789 года, онъ замѣтилъ переворотъ въ положеніи любимца и, какъ самъ засвидѣтельствовалъ, примкнулъ гораздо ближе къ новому свѣтилу, Зубову. Послѣдствія круто повернули Потемкина на сторону Д—ва, но объ этомъ ниже: а *пока* поэтъ пропѣлъ вдохновенное слово къ Эвтерпѣ и, вмѣстѣ, въ томъ же году, не преминулъ высказать рѣзкое слово правды „Любимцу Счастія" въ Одѣ на Счастіе. Конечно, нельзя сомнѣваться, что „Величество Божіе," какъ укрѣпляющую молитву, писалъ Д—нъ въ первыхъ мѣсяцахъ сего года, будучи въ Москвѣ подъ гнетомъ тяжкихъ гоненій и въ безвѣстности о предстоящей поѣздкѣ въ Петербургъ; но, если Оду на Счастіе, писанную въ томъ же году, авторъ „объясняетъ" какъ сочиненіе „въ Москвѣ, когда авторъ находился въ чрезвычайномъ гоненіи;" и если, по рѣзкимъ выходкамъ, не рѣшается печатать ее скоро, выдаетъ въ свѣтъ по смерти уже Потемкина и Екатерины, при томъ съ надписью, „что *якобы* писана на масляницѣ для забавы (самое *якобы* достаточно ясно)," а въ рукописи 90-хъ годовъ, при жизни еще Потемкина и при возмож-

---

*) „Всѣ были противъ его (говоритъ о себѣ Державинъ въ началѣ гоненій). Хотя на кн. Потемкина—и была нѣкоторая надежда; но какъ оные три сильные вельможи, П—нъ, Безбородко и Вяземскій, у коихъ были въ рукахъ бразды царственнаго правленія, чтобъ не мѣшать другъ другу, составили тогда между собою тріумвиратъ.., то и былъ онъ (Д—нъ) въ безднѣ погибели." Притомъ поэтъ *воображалъ*, что „шутки въ одѣ Фелицѣ на счетъ вельможъ, а болѣе на его (П—на) вмѣщенныя", *могли* также сердить П—на, хотя и „не обнаружили его гнѣвныхъ душевныхъ расположеній."

ности распространенія внѣ печати, ставитъ фразу, впослѣдствіи по минованіи опасности зачеркнутую, будто Ода писана „когда и самъ авторъ былъ подъ хмелькомъ:“ при такихъ обстоятельствахъ, пусть вѣритъ кто хочетъ маскированнымъ „объясненіямъ“ писателя и пусть вмѣстѣ съ нашими библіографами увѣряетъ, что эта Ода, полная колкихъ насмѣшекъ и звучнаго смѣха, сочинена авторомъ дѣйствительно въ Москвѣ, по крайности въ невѣдѣніи „исторій“ Петербургскихъ, въ горькія минуты гоненій, угрожающей бѣдности и безъ мѣста, одинакимъ перомъ съ „Величествомъ Божіимъ,“ а главное, будто все это авторъ примѣнялъ *къ себѣ*, къ *лицу Державина*, при постигшихъ его *перемѣнахъ счастія*. Довольно уже того, что по „Объясненіямъ“ самого сочинителя, убѣдившимъ и библіографовъ, съ 18-й строфы до конца идутъ колкія и рѣзкія, съ игрою самихъ „личныхъ именъ,“ изображенія Гудовича, Безбородки, Завадовскаго: почему же не попасть было въ Оду и прочимъ? Достаточно и того, что передъ симъ непосредственно, въ строфѣ 17-й, по поводу имени „Горе-богатыря“, не утерпѣлъ самъ авторъ и вынужденъ былъ разсказать въ „Объясненіяхъ“ извѣстную намъ исторію оперы и Потемкина: ничто не мѣшаетъ послѣ этого, напротивъ все *заставляетъ* видѣть, — въ самой 17-й строфѣ и выше вплоть до 10-й — полное очертаніе Потемкина, еще выше къ началу—картину Екатерининскаго царства съ самой Екатериною, а въ цѣлой Одѣ на Счастіе главный образъ „Любимца Счастія“ и произведеніе, вызванное всего больше судьбою сего послѣдняго въ данныя минуты 1789 года, при томъ съ точки зрѣнія тогдашнихъ Петербургскихъ „исторій“. Библіографы разсуждаютъ, что въ стихѣ (17-й стр.) Д—на „А нынѣ *пятьдесятъ* мнѣ било“ показаніе „не совсѣмъ точно“, ибо „въ 1789 г. Д—ну минуло только 46 лѣтъ“: разумѣется, о Державинѣ это не точно, ибо въ этотъ годъ минуло 50 лѣтъ *Потемкину* *). Страненъ имъ стихъ (той же строфы), *конечно* не примѣнимый къ Державину,—„Не страстны мной, какъ прежде, Музы,“ а еще больше непонятно натянутое и изворотливое „объясненіе“ сего у самого Д—на: разумѣется, потому что Музы, и прямо указано *какія*, оставили тогда *Потемкина*. Итакъ, окинемъ бѣглымъ взоромъ всю Оду съ самаго начала: намъ бросится въ глаза, что, обращаясь къ Счастію, авторъ обращается къ Любимцу Счастія (какъ всюду и онъ, и прочіе тогда называли Потемкина) и его рисуетъ, то *въ прежнемъ* счастьѣ, то въ *современномъ* паденіи, при чемъ вставляетъ черты *собственнаго* несчастія, которое относилъ къ невнимательности Потемкина, *упрекая*

---

*) „Р. Стар.“ 1872 г. „Фамильн. извѣстія о кн. П нѣ“: „въ 1739 г. родился чудный князь Таврическій.“ То же въ родословной у кн. Долгорукова. По другимъ же, ошибочно, 1736, а по Карабанову (въ той же „Р. Стар.“ 1871) 1738.

послѣдняго, и очень рѣзко, за то, что въ пору счастія не съумѣлъ оцѣнить услугъ поэта и воспользоваться ими (какъ это психологически вѣрно относительно поэтовъ и вообще литературныхъ людей, которые обыкновенно жалуются у насъ, что ихъ забыли „на верху,“ и простодушно вѣрятъ, что они очень бы пригодились для поддержки!) „Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья, Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья (между прочимъ, таковы воображаемые враги „Г.-б—ря“ въ комедіи), Какъ *ты лишь* (Счастье, Любимецъ Счастья) всѣмъ чудотворишь, Дѣвицъ и дамъ магнизируешь (въ одно время—Царицъ и Царевенъ), Изъ камней золото варишь, Въ глаза патріотизма плюешь (патріотическихъ писателей), Катаешь кубаремъ весь міръ (ср. выраженія Рѣшемысла и Эвтерпы о царедворцѣ; строфа 4, за симъ 5-я:).... Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ Предъ Русскимъ ты бѣжишь народомъ И лавры рвешь ему зимой (Очаковское и прочія недавнія дѣла), Стамбулу бороду ерошишь, На Таврѣ (Таврическій) ѣдешь чихардой (за симъ изображеніе общей распущенности и противуположный образъ Екатерины, тѣмъ болѣе внушительный, что такою же точно является она въ Матушкѣ Февея и Г.-б—ря, равно какъ въ „Рѣшемыслѣ“, ср. выше)... Въ тѣ дни, какъ Мудрость среди троновъ Одна не мѣситъ макароновъ, Не ходитъ въ кузницу ковать (не занимается пустяками и не куетъ себѣ искусственнаго счастья): А развѣ, временемъ лишь скучнымъ (на досугѣ), Изволитъ музъ къ себѣ пускать *И перышкомъ своимъ искуснымъ, Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ, Для общей и своей забавы, Комедьи пишетъ, чиститъ нравы* (кто не узнаетъ недавняго „Г.-б—ря“? стр. 9, за симъ 10-я)... Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна, Она, *съ тобою сопряженна*, Ни въ сказкахъ складно разсказать, Ни написать перомъ красиво (недостаточны изображенія сказокъ, комедій и оперъ), Изволитъ милость проливать, Изволитъ царствовать правдиво, Не жжетъ, не рубитъ безъ суда, А развѣ кое-какъ вельможи, И такъ, и сякъ, нахмуря рожи, Тузятъ инаго иногда (положеніе бѣдствующаго Д—на: за симъ стр. 11).... Разя враговъ, не ненавидитъ, А только пресѣкаетъ зло; *безъ латъ богатырямъ и въ латахъ* (вотъ уже на лицо самъ „Г.-б—ръ“) Претитъ давить лимоны въ лапахъ, А хочетъ, чтобы все цвѣло („Живи и жить давай другимъ;“ за симъ стр. 13)... Въ тѣ дни и времена чудесны, Твой взоръ и на меня всемѣстный Простри, *о надъ царями царь* (Счастье, Любимецъ его)! Простри—и удостой усмѣшкой Презрѣнную тобою тварь; И, если я не созданъ пѣшкой, Валяться не рожденъ въ пыли, Прошу тебя моимъ быть другомъ: Песчинка можетъ быть жемчугомъ, Погладь меня и потрепли (очевидно, такъ не просятъ: это ѣдкій укоръ за прежнее).“ Послѣ этого, со строфы 14-й до 18-й, изображая Потемкина *въ лицъ*, какъ Любимца Счастья въ цвѣтущую и потомъ въ горькую пору, поэтъ изъ понятной осторожности выставляетъ такимъ лицомъ *себя*, переноситъ черты на Д—на, употребляетъ *я*, *меня* и т. п.: но мы видѣли уже примѣры, никому не тайные, что къ самому Д—ну это не йдетъ нисколько и прямо рисуетъ фаво-

рита. „Бывало ты меня къ боярамъ Въ любовь введешь: бери все даромъ, На вексель, въ долгъ безъ платежа (ср. дѣло Сутерланда и займы Потемкина); Судьи, дьяки и прокуроры, Въ передней про себя брюзжа, Умильные мнѣ мещутъ взоры И жаждутъ слова моего; А я, всѣхъ мимо, по паркету Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету И въ грошь не ставлю никого (подобное вскорѣ повторилось съ самимъ Д—нымъ, когда онъ доставилъ Потемкину не совсѣмъ ловкіе стихи). Бывало подъ чужимъ нарядомъ (визиты и поѣздки Потемкина „запросто“: между прочимъ къ разнымъ, почти незнакомымъ, женщинамъ, о чемъ Д—нъ въ „Запискахъ“), Съ красоткой чернобровой рядомъ, Иль съ бѣленькой (двѣ соперницы, или двѣ сестры, ср. ниже), сидя со мной, То въ шашки (любимая игра князя), то въ картежъ играешь... Бывало милыя науки И музы, простирая руки, Позавтракать ко мнѣ придутъ, И все мое усядутъ ложе (обычные пріемы у Потемкина; ср. его оживленныя бесѣды съ Сегюромъ)... *А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било* (ср. выше): Полетъ свой Счастье премѣнило (переворотъ 1789 года); *Безъ латъ—я Горе-богатырь*:“ послѣднее всего яснѣе въ тогдашнемъ положеніи князя, не говоря уже о томъ, что Горе-богатырь прямо выводитъ его на сцену. „Внѣ поля битвы, среди Петербурга, безъ латъ. я сдѣлался Горе-богатыремъ, и такимъ вѣрно изобразили меня въ комедіи.“ Библіографы толкуютъ, будто „слова *безъ латъ* при имени „Г.-б—рь“ Д—нъ употребилъ основываясь на томъ, что въ оперѣ это лицо представлено въ латахъ изъ картузной бумаги:“ очень любопытное объясненіе,—потому безъ латъ, что типическое лицо пьэсы выведено въ латахъ... Но самъ Д—нъ, какъ ни уклончивъ онъ въ своихъ позднихъ „Объясненіяхъ,“ при настоящемъ выраженіи не могъ уже смолчать о Потемкинѣ; передавая распространенный слухъ, что опера задѣвала Шведскаго короля, онъ вѣрно рисуетъ *отношеніе* къ ней самого *Потемкина*, приводитъ очень мѣткія *слова его*, даже (неизвѣстную другимъ) *угрозу* его отомстить подобнымъ же произведеніемъ, и намекаетъ на *послѣдствія*, имѣвшія мѣсто съ Храповицкимъ, такъ какъ *сочинялъ стихи* сей последній: „Потемкинъ отсовѣтовалъ представлять на театрѣ сію оперу, сказавъ, что, пошутя публично *на счетъ своего брата*' (когда стали задѣвать уже не чужихъ, а своего брата, близкихъ: разумѣется, это вовсе не одинъ *царственный* братъ), дастъ (писательница) поводъ къ какимъ ни будь оскорбительнымъ сочиненіямъ (быть можетъ таковыя и скрывались въ Потемкинскихъ бумагахъ, столь спѣшно и судорожно перерытыхъ по смерти князя), и тогда непріятнѣе будетъ переносить оныя (однимъ словомъ, выйдетъ скандалъ для придворныхъ дѣлъ: котораго однакоже вовсе не боялись со стороны Шведовъ и спокойно писали противъ нихъ рѣзкія возраженія). И потому *сія опера играна не была* (послѣ фіаско, не играна *на театрѣ публичномъ* и даже *въ присутствіи* Потемкина: совершенно вѣрно). *Стихи въ ней сочинялъ А. В. Храповицкій*, бывшій при И—цѣ ст. секретаремъ.“ Такое показаніе, почти дословно съ отзывомъ рукописнаго сочиненія о П—нѣ (см. выше), крайне замѣча-

тельно и убѣдительно. Оно доказываетъ, что пьэсу именно играли потомъ *келейно*, и *безъ П—на*, о чемъ могъ знать лишь Секретарь Х—кій да иной нарочито приглашенный; но въ публикѣ, не видавшей того и однакоже толковавшей, въ обществѣ, между писателями, а особенно въ лицахъ приближенныхъ къ Потемкину и объ немъ повѣствовавшихъ, составилось и удержалось *исключительное* убѣжденіе, что пьэса забракована и пала. Отзывы, слышанные ими конечно изъ устъ самого П—на, видимое его негодованіе и все подобное „Потемкинское" не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія, что пьэса пала безвозвратно; а это, обратно, свидѣтельствуетъ объ отношеніи ея *къ Потемкину*.—Продолжаемъ Оду: „Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ (начинавшееся раздраженіе Потемкина, который очутился вскорѣ между оставленной и оставившей), Амуръ безъ перьевъ — нетопырь, Едва вспорхнетъ — и носъ повѣситъ, Сокрылся и въ игрѣ (игра Потемкина, какъ извѣстно, шла чаще на драгоцѣнные камни) мой кладъ, *Не страстны мной, какъ прежде, музы* (ср. выше, какія и вовсе не Державинскія), Бояре понадули пузы (ср. у Сегюра) И я у всѣхъ сталъ виноватъ." За симъ, давая замѣтить, что какъ ни зови теперь Счастье, оно уже не внимаетъ Любимцу *по прежнему*, благородный — всегда благородный—поэтъ и здѣсь не оставилъ героя безъ утѣшенія; онъ внушаетъ ему ту же надежду, тотъ же исходъ, какъ въ „Эвтерпѣ:" отъ *самого* все зависитъ, нужно успокоить *себя*, сосредоточиться на собственныхъ дѣлахъ и, не ожидая *прежняго фавора*, дѣйствовать самостоятельно, обрѣтая спокойствіе и счастіе внутри собственной воли, въ глубинѣ долга и сердца; это тотъ же „вѣкъ золотой," который обѣщалъ и Эвтерпѣ. „Внемли: шепни твоимъ Любимцамъ (любимцамъ счастья, Потемкину), Вельможамъ, королямъ и принцамъ: *Спокойствіе мое во мнѣ!*" Конечно, *на случай*, можно было отговориться, что это шло къ положенію угнетаемаго поэта; но Державинъ и не допустилъ случая къ подобнымъ отговоркамъ, а „Объясненія" отложилъ до поздняго будущаго, зная очень хорошо, что объясненія самихъ авторовъ къ собственнымъ произведеніямъ скорѣе всегда маскируютъ, чѣмъ разъясняютъ *личные* ихъ взгляды и случаи. При жизни Потемкина, напечатать этого конечно было нельзя; по смерти скоро — не деликатно растравлять раны въ любящихъ и оплакивающихъ; при томъ же это не клеилось бы съ „Водопадомъ:" и такъ, обставивши въ рукописи словами „подъ хмелькомъ," въ самой печати—будто писано „на масляницѣ для забавы," поэтъ напечаталъ стихотвореніе по смерти обоихъ главныхъ лицъ, въ 1798 году; въ „Объясненіяхъ" же еще позднѣе и старательнѣе стеръ искаженныя черты, а окончательно замаскировалъ и *потушилъ* все дѣло, прозвавши, передъ смертью, *Горе-богатыремъ* Наполеона *).

---

*) У г. Грота, въ числѣ стихотвореній „неизданныхъ" или „неизвѣстныхъ годовъ." Но, хоть нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно адресованы въ концѣ къ

Послѣ взятія Очакова, кратковременное, двухмѣсячное пребываніе побѣдителя въ Петербургѣ, съ 4-го Февраля по 6-е Мая 1789 г., не имѣетъ подробнаго описанія. Храповицкій половину этого времени возился съ обрушившейся на него исторіей театровъ, а въ другой половинѣ говоритъ и можетъ статься даже знаетъ о князѣ мало: то была самая глухая пора для Потемкина; со внѣшней громкой сцены далеко въ глубь ушла внутренняя борьба разгорѣвшихся страстей. Почти молчитъ и Сегюръ (ср. ниже): и лишь раннія его страницы, болѣе полныя, даютъ возможность предугадывать событія въ этомъ отрѣзкѣ времени и предчувствовать рѣшительныя послѣдствія, за симъ наступившія. Мая 6-го рано утромъ Потемкинъ уѣхалъ въ армію (у Х—го подъ 91 годомъ съ подробностію: „по Бѣлорусской дорогѣ"). Въ слѣдъ за нимъ, чтобы изобразить его подвиги въ своемъ лицѣ, поѣхалъ *Л. А. Нарышкинъ*, назначенный для сего Французскою сатирою Екатерины. Произведеніе это начато раньше, по нѣкоторымъ признакамъ въ слѣдъ за исторіей Февея, и Храповицкій переписывалъ его уже 14-го Марта 1787 года **), на пути *дѣйствительнаго* путешествія (въ Тавриду); притомъ здѣсь упоми-

---

Наполеону, въ другихъ *старшихъ* набросках очевидно вовсе не Бонапартъ, а тотъ же Потемкинъ. Таково въ особенности *Посланіе отъ Фортуны къ Горе-богатырю*: и заглавіе это, и содержаніе, и одинаковыя выраженія воспроизводятъ передъ нами „Оду на Счастіе" (жаль, что у г. Грота приведено только начало). „Чего ждешь отъ меня, шалунъ, *повѣся носъ*? Когда бы во весь ротъ кричать тебѣ „Не бось" (какъ въ Эвтерпѣ или въ концѣ Оды на Счастье), Когда бъ притворно днесь смѣяться и бодриться, Дабы въ потомствѣ тѣмъ хотя великимъ зриться, Казаться хоть орломъ (не намекъ ли на отставленнаго Орлова?), коль сталъ ужь *нетопырь,—О Баба-молодецъ, о Горе-богатырь* (ср. выраженіе Екатерины о себѣ самой, м. прочимъ въ разсказѣ Карабанова, по поводу того, что нюхала табакъ лѣвой рукою: „Какъ царь-ба ба, часто даю цѣловать руку,"—и это сказано было Браницкой, племянницѣ Потемкина; пр. де Линь называлъ ее Catherine le grand)! Куда теперь твое надмѣніе дѣвалось, Недавно чѣмъ твое тщеславіе вѣнчалось?... Почто совѣтовъ ты моихъ не принялъ къ сердцу (въ концѣ Оды на Счастіе и Эвтерпы), Когда ты *задавалъ Европѣ цѣлой перцу..., Цесарю поставлялъ и Пруссіи клистиръ*, Неугомонный сна Россійскаго будильникъ!" Это явно писано вскорѣ за двумя помянутыми стихотвореніями, именно около 1790 г. (ср. ниже).— Не знаемъ, какъ же послѣ всего этого наши библіографы и археологи продолжаютъ еще увѣрять, одни — что „Горе-богатырь" написанъ на Густава, другіе даже—на цесаревича. По крайности послѣднее увѣреніе высказано было намъ еще недавно, когда уже печаталась наша книга, и П. И. Бартеневымъ, въ которомъ привыкли мы чтить передоваго знатока подробностей изъ XVIII вѣка: ожидаемъ его доказательствъ. Всего же больше жалѣемъ мы расходясь здѣсь въ объясненіяхъ съ уважаемымъ А. Г. Брикнеромъ: онъ также остановился на Густавѣ, и мы коснемся сего позднѣе.

**) У г. Геннади снова ошибка: „sir Zeon" вмѣсто „sir Leon."

нается адмиралъ Грейгъ, умершій 15 Октября 88-го г.: но мы пріурочиваемъ сатиру сюда, и по содержанію съ разными подробностями, и потому, что прежнія подобныя пьэсы созрѣли къ сей же порѣ. Какъ Leoniana (см. выше) сохранилась въ 3-хъ спискахъ, руки Екатерины, такой же усиленной чести удостоился вѣрноподданный Нарышкинъ и въ этой пьэсѣ, имѣющей 3 редакціи и 4 списка: заглавіе „Relation veridique d'un voyage d'outre mer que sir Leon Grand Ecuyer pourroit entreprendre par l'auis de ses amis." Разумѣется, здѣсь по обычаю, какъ въ прежнихъ пьэсахъ, на сценѣ и супруга, и *все семейство*, отъ коего путешественникъ беретъ *отпускъ* (S. L. prend congé de sa chere epouse et de la famille: scene tres touchante calquee sur les adieux d'Oreste et de Pilade). Ѣдетъ онъ на Полоцкъ, потомъ на *Могилевъ*, гдѣ посѣщаетъ М-г Р. (вѣроятно Потемкина, у котораго, въ числѣ разныхъ имѣній, была тамъ Дубровна, ср. ниже) и оба вмѣстѣ перебираютъ въ памяти всѣ шалости, учиненепныя за одно въ *теченіе 30 лѣтъ* (il va rendre visite a M-r P., ils passent en revue toutes les éspiegleries qu'ils ont faits ensemble depuis 30 ans). На вопросъ о причинахъ путешествія, высказываются гостемъ недостаточныя, похожія на галиматью, что̀ заставляетъ хозяина предполагать въ мотивахъ *что ни будь политическое* (такъ злые языки говорили обычно и даже шуты болтали громко о поѣздкахъ Потемкина). Потомъ странникъ въ Кіевѣ, Херсонѣ, подъ которымъ видитъ издали Турокъ и очень пугается, а за симъ проводитъ двое сутокъ въ Севастополѣ и, съ цѣлью познакомить свѣтъ, фундаментально изучаетъ здѣсь *баснословную*, *политическую*, *церковную* и *естественную исторію Тавриды* (понятно, о комъ это). Въ Константинополѣ попадаетъ онъ въ большую бѣду, спасенный ѣдетъ по Средиземному морю и дѣлается добычею Алжирскихъ корсаровъ, отъ которыхъ едва успѣваетъ его выкупить узнавшая супруга. Достигши Балтики и при выходѣ на берегъ, онъ утонулъ было и вытащенъ собаками адмирала Грейга: наконецъ, возвращенный къ жизни сдается онъ съ рукъ на руки *дорогой супругѣ* и *дѣткамъ* (S. Leon est rappelé à là vie et rendû à sa chere epouse et à ses enfants). Въ заключеніе, какъ всегда у Нарышкиныхъ при всякомъ удобномъ случаѣ, иллюминаціи, фейерверки, аллегоріи, надписи, увеселительныя поѣздки по поводу возврата. Это любопытно намъ какъ добавочная картина, рисующая, куда и на что устремлено было въ эту пору столь повторительное вниманіе.

Между тѣмъ Державинъ, въ Іюнѣ 1789 года, ради трудныхъ обстоятельствъ своихъ и съ горемъ въ душѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ: онъ не засталъ уже здѣсь Потемкина, но за то засталъ самое *рожденіе* новаго фаворита, Зубова, „случай" котораго, по тогдашнему выраженію, произошелъ въ Іюлѣ. Красивый и чувствительный, но совершенно невѣжественный Платонъ Александровичъ поставленъ былъ на мѣсто только что удалившагося, въ сопровожденіи „исторій," изящнаго, хотя и легкомысленнаго, Мамонова: и, какъ прежде Завадовскій указанъ былъ Румянцовымъ, такъ и настоящее дѣло схлопотала двоюродная се-

стра полководца, невольнаго совмѣстника и соперника Потемкину на полѣ сраженій. Но, кромѣ этихъ понятныхъ отношеній, знаменитая Анна Никитишна была женою Александра Александровича, старшаго брата Львy. Оба супругъ и супруга, серьезные, степенные и чопорные, представляли совершенную противуположность обширной, милой, веселой и дружной семьѣ братниной; а высокомѣрная, бездѣтная, высшая придворнымъ рангомъ дама и ближайшая къ императрицѣ любимица, урожденная Румянцова, по самымъ привычкамъ Румянцовскимъ, конечно до глубины души возмущалась „исторіями,“ доходившими почти до скандала въ родственномъ Нарышкинскомъ домѣ. Хотѣла ли она, по своему, сдѣлать добро родственникамъ, отклонивши вниманіе дворца въ новую сторону и такимъ образомъ содѣйствуя той мирной, хотя весьма фантастической, перспективѣ брака, которую „предсказывалъ“ Державинъ; или же, согласнѣе съ ея характеромъ, разсчитывала хорошенько насолить гордому Потемкину: только она съ быстротой и ловкостью воспользовалась оплошностью Потемкинскаго намѣстника, Мамонова, и дѣло Зубова всѣ, до Храповицкаго, воспѣваютъ какъ ея дѣло. И нужно прибавить, не ошиблась она ни въ разсчетѣ, ни въ выборѣ лица. Разумѣется, новый любимецъ и не читывалъ стиховъ, и не имѣлъ понятія о лирѣ Державина; а пріѣзжій, какъ ни бился, долго не могъ къ нему проникнуть дальше прихожей. Сама Екатерина также естественно забывала уже Фелицу и пѣвца ея: пріятель послѣдняго, знакомый намъ Храповицкій напомнилъ при первомъ удобномъ случаѣ; о пѣвцѣ сказали нѣсколько словъ въ утѣшеніе и обѣщали ему мѣсто. Но къ несчастію его, а вмѣстѣ конечно къ чести среди нашего служебнаго быта, въ Петербургъ забѣжала передъ нимъ слава служаки, не умѣвшаго уживаться съ начальствомъ. Державинъ же, вѣскій, крупный и неповоротливый, слишкомъ грузный для новой Петербургской сферы, отличавшейся сравнительно тонкостью и легкостью, въ добавокъ настойчивый, рѣзкій и вмѣстѣ обидчивый, влетѣлъ изъ Тамбова своего и Москвы, какъ тяжелая начиненная бомба: подъ видомъ просьбъ онъ „требовалъ“ оправданія, жалованья за прежнее время, мѣста, содержанія, почтенія. Онъ горячился на самомъ первомъ представленіи, получилъ за то въ отвѣтъ какъ слѣдовало ожидать, горькія истины изъ устъ государыни и, въ замѣну обѣщаннаго мѣста, котораго долго еще не добился, отзывъ—„пусть пишетъ стихи;“ Храповицкій и записалъ объ этомъ подъ 1-мъ Августа. Собственно тутъ не было ничего обиднаго или неестественнаго: но, кромѣ раздраженнаго тогда состоянія, Д—нъ и вообще во всѣхъ неудачахъ, а тѣмъ больше теперь, видѣлъ повсюду непримиримыхъ враговъ, злостныя ихъ внушенія, презрѣніе со стороны высшихъ лицъ, передъ которыми тогда непремѣнно „благоговѣли,“ а все-таки требовали отъ нихъ „даровъ“ и оскорблялись „забвеніемъ;“ видѣлъ—и объяснялъ всячески, за исключеніемъ причинъ подлинныхъ и простыхъ,—и неуваженіемъ къ таланту, и гоненіемъ за правду поступковъ и стиховъ (хотя

послѣдніе на верху легко позабывались), и усиленнымъ заступничествомъ Дашковой, потерявшей вѣсъ и только вредившей своимъ ходатайствомъ, и Потемкинскимъ игомъ, и т. д. „Что не слонъ въ полѣ слонится“ по выраженію Былинъ, огромный и умный слонъ слонялся взадъ и впередъ по столицѣ или, какъ самъ говоритъ, „шатался по площади, проживая въ Петербургѣ безъ всякого дѣла.“ Тѣмъ не менѣе, именно этотъ самый невольный досугъ и ввелъ его въ „текущій счетъ“ окружавшей жизни, во всѣ исторіи и слухи, сожалѣнія и ожиданія. Онъ скоро всмотрѣлся въ восходящую звѣзду Зубова и въ темнѣющій свѣтъ Потемкинской, а еще больше, радушно разверзтый ему домъ Нарышкинскій въ состояніи былъ передать другу всѣ мелочныя подробности и недавняго Горя-богатыря, и событія двухмѣсячныхъ волненій въ бытность Потемкина, и давнія его „чрезвычайныя“ отношенія къ семейству. Тогда-то съ Любимцемъ Счастья, якобы его забывшимъ, разсчитался поэтъ помянутою Одою (если не цѣликомъ сочиненною, то передѣланною и расцвѣченною въ Петербургѣ), а по „обидному“ назначенію „писать стихи,“ въ отмщеніе, обратилъ ихъ на утѣшеніе плѣнительной, дружественной и страдающей Эвтерпѣ. Послѣднее стихотвореніе требовало большой рѣшимости и еще разъ доказало собою высокое благородство поэта: какъ ни сильна была „диверсія“ въ лицѣ Зубова, можетъ статься соблазнявшая надежду и умиротворявшая коллизіи, но все-таки выйти къ такому исходу, который предначерталъ Д — нъ на основаніи собственныхъ соображеній и „домашней“ увѣренности Нарышкиныхъ, людей безпечныхъ и легковѣрныхъ, удобно поддававшихся всякому призраку, выйти, говоримъ, къ такому просвѣту, въ которомъ ослабленный и почти замѣщенный временщикъ свиваетъ себѣ гнѣздо семейнаго счастія и новою славою выигрываетъ себѣ полную свободу распоряжаться личною судьбою,—это было по меньшей мѣрѣ рискованно для практики, въ особенности для человѣка, который самъ еще нуждался въ деньгахъ, въ мѣстѣ, въ службѣ. Благородный порывъ, вызванный страданіями прекраснаго существа и оправданный достаточно неотразимымъ, мгновеннымъ вліяніемъ раздавшейся изъ прелестныхъ устъ пѣсни, облекся въ могучее и рѣзкое слово, свойственное по силѣ „удара“ одному лишь Державину. Не для кабинета же и не для одной забавы писалось такое „пророческое“ вѣщаніе, сулившее „золотой вѣкъ;“ предложенное утѣшеніе достигало цѣли лишь въ слухѣ, взорѣ и сердцѣ утѣшаемой; ей и въ семьѣ ея конечно читалось: а читать въ домѣ Нарышкиныхъ и читать Державину,—значило кричать въ рупоръ. Князь Григорій былъ далеко; Платонъ, занятый совсѣмъ другою мудростью, разумѣется читалъ стихи лишь „поднесенные:“ но писательница всякая чутка къ литературѣ и поэзіи. По счастію для поэта, при Дворѣ одни пировали освобожденіе отъ Потемкинскаго ига, другіе пресыщались чувствомъ удовлетворенной мести, третьи даже не чаяли возврата былому: Льва Александровича *съ семьею* оставили пока въ покоѣ—и литература, и уси-

ленное вниманіе, и дворцовыя записки; а въ Царскомъ Селѣ, при запертыхъ дверяхъ и въ новой обстановкѣ, отъ души хохотали на игру Горебогатыря. Августъ текъ для Нарышкиныхъ мирно, благодаря при томъ загородной жизни на дачахъ, и самыя пѣсни, затронувшія поэта, раздавались, на примѣръ, среди отдаленной мызы „Елизаветинскаго“ Шувалова. „Эвтерпа,“ впервые представшая здѣсь, была довольно безопасна и, какъ ни путалъ по обычаю Д—нъ числа, самые года и даже лица въ своихъ Запискахъ, какъ ни „остерегался“ по необходимости въ печати,—все-таки чувства, впечатлѣнія, образы и стихи не запутались далеко, и мы въ состояніи еще прослѣдить ихъ опредѣленность. Въ „Объясненіяхъ,“ позднѣе составленныхъ по устраненіи всѣхъ опасеній, прямо удостовѣрилъ онъ, что „Эвтерпа“ „соч. въ Пб. по случаю частаго посѣщенія кн. Таврическимъ П—нымъ Марьи Львовны Нарышкиной, которая пѣла и играла на арфѣ.“ Печатать, разумѣется, онъ побоялся и рѣшился на это лишь въ 1791 году, когда все уже было рѣшено, при томъ послалъ (какъ сдѣлали съ „Г. б—ремъ“) въ Москву, къ скромному Карамзину, для „Московскаго журнала.“ Для печати сообщилъ онъ заглавіе, какъ и было тиснуто: „Ода къ Эвтерпѣ, по случаю пляски, бывшей на мызѣ у И. И. Шувалова 1789 г. Августа 24 дня.“ Такъ какъ въ 1-й строфѣ значилось „Пой, *пляши* (въ радости и надеждѣ: стихъ еще по вліянію „Параши“) и восклицай,“ то заглавіемъ разсчитано было представить въ печатномъ стихотвореніи *всякую*, *любую*, *просто*-плясунью съ пѣснею, въ родѣ Цыганки, а тѣмъ отвратить взоры отъ Марьи Львовны на случай распространенія стиховъ по Петербургу. Но осторожный и пунктуальный Карамзинъ при случаѣ справился у самого Шувалова и написалъ къ Д-ну, что „Шуваловъ отпирается отъ *пляски*, бывшей у него на мызѣ и подавшей поводъ къ сочиненію Эвтерпы:“ т.-е. въ дѣйствительности было лишь *пѣніе* Марьи Львовны, котораго самъ Шуваловъ могъ даже не слыхать въ другой комнатѣ. Авторъ не отвѣчалъ, вѣроятно чтобъ не смутить Карамзина, и издатель справлялся еще объ этомъ у Дмитріева, но и послѣдняго отвѣтъ неизвѣстенъ. Пріятель, гладившій Державина утюгомъ, въ рукописи 90-хъ годовъ прибавлялъ къ „Эвтерпѣ“ нѣкоторыя своеобычныя поправки (ср. выше), и лишь на концѣ стихотворенія, при „золотомъ вѣкѣ“ не могъ удержаться отъ восклицанія—„Прекрасно!“ Нечего говорить, какъ все это было истинно съ точки зрѣнія поэта и до подробностей точно передъ лицомъ Нарышкиныхъ, коимъ посвящалось и читалось, при свѣжемъ впечатлѣніи всѣхъ обстоятельствъ, недавно разыгравшихся и еще текущихъ. Позднѣе, по возвратѣ Потемкина (съ коимъ стихотвореніе прощается передъ отъѣздомъ и сулитъ славу Измаила) и послѣ 28 Февраля 91-го года, когда онъ снова пріѣхалъ въ П—гъ, уже нельзя было такъ писать, ни въ тѣхъ словахъ и выраженіяхъ, вслѣдствіе совершенной перемѣны въ положеніи и Князя, и Нарышкиной: все дѣло до того уже рѣшилось, что Д — нъ въ Апрѣлѣ 91-го года счелъ возмож-

нымъ, хотя съ помянутой маскировкою и переводомъ на простую плясунью, даже напечатать самую піэсу, какъ отзвукъ минувшаго и поконченнаго. Такимъ образомъ „Эвтерпу,“ во всѣхъ ея отношеніяхъ, какъ піэсу подъ вдохновеніемъ и перомъ Державина, какъ личность вдохновляющую поэта и поющую, съ самою пѣснею въ устахъ, мы получаемъ въ опредѣленномъ очертаніи чиселъ: *съ Мая* (отъѣзда Потемкина), *Іюня* (прибытіе Д—на въ П—гъ), *Августа* (послѣ отзыва императрицы и посѣщенія Шуваловской мызы), *до конца 1789 года* (коимъ помѣчено стихотвореніе и послѣ коего піэса сохранилась уже въ рукописи автора), во всякомъ случаѣ *до начала 1791 года.*—Мы послѣ на нѣсколько минутъ вернемся еще къ блуждающему Д—ну, чтобы вмѣстѣ съ нимъ встрѣтить пріѣхавшаго Потемкина.

А теперь перейдемъ къ *Сегюру*, столь безцѣнному вообще для той эпохи, а особенно для годовъ, насъ занимающихъ: къ его извѣстнымъ „Запискамъ, воспоминаніямъ и анекдотамъ“ *). Встрѣчаясь съ нимъ послѣ шероховатаго Державина и безцвѣтнаго Храповицкаго, вы испытываете то же впечатлѣніе, какъ еслибы послѣ Листа и Рубинштейна возвратились къ мягкимъ, изящнымъ и задушевнымъ тушамъ старшихъ піанистовъ, или, послѣ нынѣшнихъ трескучихъ скрипачей (исключая Іоахима) нашли бы стараго Вьётана. При тогдашнихъ дѣлахъ, столь затруднявшихъ успѣхи и вмѣстѣ извинявшихъ неудачи графа, когда въ отечествѣ его все старое безпощадно сокрушалось, а новое слишкомъ было молодо и кипуче, чтобы опредѣлиться рѣшительными очертаніями, конечно въ Сегюрѣ легко можно усмотрѣть не столько государственнаго дѣятеля и записнаго дипломата, сколько члена знатной фамиліи и придворнаго, не столько присяжнаго царедворца, сколько историка, литератора и даже поэта, наконецъ не столько писателя, сколько вообще умнаго, благороднаго по самому семейному воспитанію, образованнаго и наблюдательнаго человѣка: во всякомъ случаѣ нельзя заподозрить его безпристрастія, серьёзности и мѣткости выводовъ, а въ особенности его расположенія къ Россіи и въ частности къ Русскому народу. Еслибы, повторяемъ, не затрудненія со стороны его отчизны, плохо ладившія съ затрудненіями Россіи, то конечно, судя по успѣху, съ которымъ одолѣвалъ онъ на первыхъ шагахъ тѣ и другія, обращая насъ къ союзу съ Франціей, можно съ достовѣрностію сказать: останься онъ среди насъ дольше, однимъ личнымъ достоинствомъ своимъ и

---

*) По 3-му изданію, Paris, 1827, начиная со 2-го тома. У X—го онъ упоминается поздно и г. Геннади, при изданіи, дѣлаетъ опять непростительную для библіографа ошибку, будто бы Сегюръ былъ Французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ *съ 1786 года* (!).—Русскій переводъ Сегюра (СПб. 1865), хотя въ предисловіи говоритъ о писателѣ съ высока, но переводитъ его съ большою неточностію, отдѣлываясь часто отвлеченными фразами вмѣсто словъ подлинника.

положеніемъ смогъ бы утвердить онъ прочное начало къ единенію интереса обѣихъ націй и отчасти предотвратить кровавыя столкновенія XIX вѣка. Озираясь съ естественнымъ трепетомъ на историческія страницы 60-хъ годовъ, онъ, съ каждымъ новымъ шагомъ Екатерины впередъ, постепенно проникался сознаніемъ величія сей государыни, сочувствіемъ къ ея талантамъ и системѣ. Передъ Потемкинымъ отвергъ онъ недостойную роль угодника, выгодную возможность эксплоататора, легкую задачу критика и обвинителя: онъ предпочелъ личную дружбу, какихъ она ни требовала жертвъ, достигъ искренняго сближенія съ княземъ, какъ никто почти, и оставилъ намъ одушевленныя характеристики этого геніальнаго человѣка, столь вѣрныя и мастерскія, какихъ и во снѣ не грезилось Русскимъ, ни тогдашнимъ современникамъ, ни новѣйшимъ историкамъ. У Нарышкиныхъ сдѣлался онъ не только привычнымъ гостемъ, но и своимъ человѣкомъ, мирился съ ихъ странностями и положеніемъ исключительнымъ, но не оправдывалъ всего, не закрывалъ глазъ, не молчалъ и передалъ намъ самые точные разсказы. Такое отношеніе Сегюра къ тремъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ нашей драмы придаетъ показаніямъ его величайшую цѣну въ нашихъ взорахъ, тѣмъ болѣе, что подробности начинаются у него съ тѣхъ годовъ и чиселъ, когда еще слишкомъ кратокъ или развлеченъ Храповицкій, а Державина вовсе не было въ Петербургѣ. Природное благородство, благовоспитанность и постоянно высокое положеніе графа отвращали вкусъ его отъ всѣхъ мелкихъ интригъ, а дробныя сплетни занимали его лишь въ массѣ какъ матеріалъ для высшихъ соображеній и взглядовъ историческихъ: съ этой стороны онъ не можетъ быть интересенъ и милъ нашимъ Старинамъ и Архивамъ, но за то онъ дорогъ для исторіи живой. Чѣмъ менѣе современный свидѣтель, а вмѣстѣ историческій писатель, развлекается и теряется самъ въ закулисныхъ тайнахъ, тѣмъ менѣе теряются для исторіи самыя тайны, служа органическими нитями и чертами для образа живаго, цѣльнаго, творческаго. Прибывши *въ мартѣ* (*10-ю по нов. ст.*) *1785 года*, Французскій посланникъ встрѣтилъ то самое, о чемъ предваренъ былъ путемъ дипломатіи и высокими особами на пути переѣзда: общее предубѣжденіе Русскихъ государственныхъ людей противъ Версальскаго кабинета, какъ непремѣннаго покровителя Турокъ, Поляковъ, Шведовъ; суевѣрное уваженіе къ Англіи, внушенное тонкостію и стойкостъю Фицъ-Герберта, поддержанное нѣсколькими Англоманами изъ Русскихъ; сердечное влеченіе къ Австріи и Императору, укорененное всякими подручными средствами хитраго Кобенцеля; тупое противодѣйствіе слагавшейся изъ всего этого рутины политическихъ взглядовъ, готовое всегда сомкнуться въ лигу и олицетворенное всего болѣе въ Остерманѣ, Воронцовѣ и подобныхъ по нисходящей линіи, причисляя сюда Завадовскаго и даже знаменитаго Безбородку, хотя кругозоръ послѣдняго былъ нѣсколько шире еще и оборотливѣе; наконецъ даже личное нерасположеніе къ пріѣзжему, сопровождавшее его съ пути паспортомъ, благодаря нѣко-

торымъ интригамъ и случайному столкновенію его съ Румянцовымъ. Чтобы разсѣять цѣлую такого рода тучу, нужно было достигнуть до лица, отъ котораго зависѣло рѣшеніе и въ которомъ собирались всѣ молніи: но прямой доступъ къ нему былъ прегражденъ самою тучею, а первыя покушенія къ тому, съ самаго перваго же представленія, сопровождались неловкостію, въ которой молодой дипломатъ совершенно растерялся было передъ лицомъ величавой государыни, позабылъ заученную рѣчь, отдался самъ стѣснительнымъ впечатлѣніямъ личнымъ и уступилъ обаянію, казалось неодолимому. *Государыня* недоступна Франціи и Французскому дѣлу; государыня *Русская* не принадлежитъ *къ обществу* и выше его: слѣдовательно, нѣтъ къ ней и дороги, и таковъ первый выводъ Сегюра. Впрочемъ, начальный этотъ шагъ благотворенъ былъ тѣмъ, что обнаружилъ явно безнадежность какъ пути дѣловаго и дипломатическаго, такъ и общественнаго: за то онъ намекнулъ на необходимость, оставивши пока въ сторонѣ принципы и идеи, обратиться къ средствамъ *личнымъ* и искать хода посредствомъ *лицъ*. А первымъ такимъ лицомъ, за государыней, разумѣется стоялъ *Потемкинъ*: каковы бы ни были его государственные взгляды и антипатіи, сложившіеся или поддержанные, онъ былъ самое характерное *лицо* среди окружавшихъ, самъ былъ весь *личный характеръ*, доступный слѣдовательно всему *личному*. Но на бѣду, успѣхъ здѣсь затруднялся уже не столько помянутою лигою, которая всегда готова была сомкнуться и противодѣйствовать Потемкину, еслибы онъ повернулъ на другую дорогу политики, а именно исключительными странностями и причудливостью этого безпримѣрнаго почти лица въ тогдашней Европѣ, этого примѣрнаго олицетворенія всѣмъ Русскимъ достоинствамъ и недостаткамъ. Парадная формальность и высокомѣрная пышность Потемкина отталкивала или ставила въ тупикъ всякую новую, скромно подступавшую личность: а рѣзкіе переходы отсюда къ безмѣрной распущенности, эта знаменитая „нѣга и лѣнь“ любимца или, вѣрнѣе, какъ послѣ называлъ его Сегюръ, „избалованнаго и порченнаго дитяти счастія,“ презрѣніе всякого этикета и даже приличія среди домашней частной жизни, безцеремонность прихотливаго обращенія, нетерпѣливость, разсѣянная невнимательность, и т. д., все это грозило цѣликомъ подавить успѣвшую сблизиться съ нимъ личность, или же разсердить и вызвать на отпоръ лицо благовоспитанное, а всего скорѣе унизить достоинство представителя „великой націи.“ Нужно было и подступить отважно, и не отступать съ досадой; и овладѣть, и сберечь самого себя; видѣть странности, и не подчиняться имъ; затронуть личные интересы, дать имъ ходъ, войти въ нихъ и пойти съ ними рука объ руку: но не въ области мелочей или причудъ, которыя требовали рабскаго угожденія, а въ сферѣ высшей, интеллектуальной, въ вопросахъ религіозныхъ, научныхъ, историческихъ или вообще такихъ крупныхъ, къ которымъ былъ столь способенъ Потемкинъ, этотъ дальновидный прозритель. Однимъ словомъ, нужно было оріентироваться тамъ, гдѣ князь могъ выслу-

шивать, спорить, обмѣниваться, признавать и ставить съ собою рядомъ равноправную личность: лишь бы все это оставалось en gros, не раздѣваясь съ высокимъ другомъ до любимой его сорочки и не облекаясь въ его халатъ съ туфлями. Конечно, вездѣ, кромѣ тогдашняго Русскаго свѣта, и для всякого, кромѣ Потемкина, лучшимъ умѣряющимъ посредникомъ, укрощающимъ наставникомъ и исправительнымъ поприщемъ въ семъ случаѣ было бы *общество*: среда, гдѣ удобно сгладились бы странности лица и очистились бы къ свѣту его истинныя достоинства, гдѣ бы онъ выигралъ самъ и не потерпѣли бы отъ сообщества другіе. Какъ типъ по преимуществу общественный, Французъ Сегюръ подмѣтилъ тотчасъ, что въ тогдашнемъ обществѣ Русскомъ, столичномъ и свѣтскомъ, кое-гдѣ вращались уже элементы, весьма благопріятные новому направленію, въ духѣ желательномъ для Франціи и для всякой соціальной цивилизаціи. Разумѣется, впереди здѣсь, какъ всегда и вездѣ, были женщины. Сегюръ замѣтилъ въ П—гѣ „довольно значительное число лицъ, въ особенности дамъ, которыя предпочитали Французовъ прочимъ иностранцамъ и желали сближенія между Россіей и Франціей.“ „Женщины опережали мужчинъ въ этомъ прогрессивномъ движеніи.“ Сегюръ зналъ „очень многихъ дамъ изящныхъ, дѣвицъ замѣчательныхъ своею граціей: онѣ говорили одинаково хорошо на четырехъ или пяти языкахъ, *играли на нѣсколькихъ инструментахъ*, знакомы были близко съ произведеніями знаменитѣйшихъ *поэтовъ* и романистовъ Франціи, Италіи, Англіи.“ Между ними „*молодыя Нарышкины* (отчасти замужняя Наталья, но преимущественно Марья Львовна, какъ убѣдимся ниже), постарше графиня Разумовская и цѣлый рядъ фрейлинъ—украшеніе императрицына дворца—привлекали взоры, хвалы и почтительное угожденіе.“ Къ сожалѣнію Потемкинъ, особенно въ года, о которыхъ рѣчь, рѣдко бывалъ въ обществѣ и во всякомъ случаѣ не принадлежалъ къ нему: онъ или ратовалъ въ полѣ, гдѣ храбровалъ почти до безумія, или при дворѣ надувался „великолѣпнымъ княземъ Тавриды,“ или скрывался въ аппартаменты государыни, а дома распоясывался. Общество или вызывало наружу его высокомѣрные инстинкты, стѣснявшіе другихъ, или стѣсняло его самого. Этотъ человѣкъ, справедливо говоритъ Сегюръ, выдавался бы повсюду: но, внѣ Россіи, и безъ обстоятельствъ исключительныхъ, зависѣвшихъ отъ благоволенія великой государыни, Потемкинъ не ушелъ бы далеко. Его странности и непослѣдовательности ума помѣшали бы ему на первыхъ же шагахъ всякой карьеры: сама Екатерина свидѣтельствовала, что онъ не въ состояніи былъ написать одного дѣловаго письма, именно изъ желанія написать его слишкомъ уже хорошо, и что онъ былъ „изъ числа такихъ людей, которые не знаютъ ни часа, ни числа, ни года.“ *) Какъ будто это чуя или инстинктивно сознавая, Потемкинъ требовалъ

*) Письма Е—ны къ гр. Стакельбергу.

общества *особаго*, сообразнаго его *лицу*, или общества изъ извѣстныхъ только, подходящихъ къ нему *лицъ*. Нужно прибавить впрочемъ, что и человѣка, привыкшаго всего болѣе къ обществу, Сегюра поражало у насъ на каждомъ шагу именно отсутствіе общественности въ подлинномъ смыслѣ: его стѣснялъ господствовавшій обычай праздниковъ и пріемовъ по поводу рожденій, именинъ, поминокъ и т. п. „семейныхъ" случаевъ; заведенныя торжества и балы, собиравшіе избранное общество, наводили на него тоску; онъ признается, что утомительно бывать на нихъ, а еще скучнѣе ихъ описывать. Всѣ они походили другъ на друга: большіе балы безъ одушевлявшаго веселья, большіе спектакли безъ интереса, стихи „на случай" безъ мысли, блестящіе фейерверки, оставлявшіе по себѣ только дымъ, пропасть серебра, времени и усталости (въ Москвѣ онъ нашелъ исключеніе у одного только Шереметева). Понятно съ этой стороны, что и само окружавшее Русское общество не могло привлекать Потемкина. Это былъ человѣкъ обширныхъ свѣдѣній, его возвышавшихъ, и постоянныхъ „вопросовъ," интересовавшихъ его въ мірѣ просвѣщенія. Хотя онъ воспитывался въ университетѣ (Московскомъ), прибавляетъ Сегюръ, но онъ пріобрѣлъ свѣдѣнія свои больше черезъ людей, чѣмъ черезъ книги: его лѣность бѣжала изученія, а пытливость заставляла искать повсюду свѣта. Это былъ величайшій „совопросникъ," когда либо существовавшій въ мірѣ: и такимъ именемъ, „questionneur," постоянно креститъ его Французъ пріятель. А такъ какъ значеніе князя давало ему возможность располагать людьми всякого чина, класса и занятія, то онъ до того навострился разговаривая и разспрашивая, что умъ его, обогащенный всѣмъ, державшимся въ памяти, часто изумлялъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, не только политиковъ и людей военныхъ, но и путешественниковъ, ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и даже техниковъ. Извѣстны его любовь къ музыкѣ, страсть къ пѣнію, привязанность къ театру и живое участіе въ зрѣлищахъ: музыканты того времени, отъ Сарти до Бѣлорусса Козловскаго (въ особенности), всѣ обязаны были ему своею карьерой; въ самыхъ походахъ сопровождало его до 100 лошадей подъ багажъ и множество повозокъ съ труппою актеровъ (письмо о томъ принца де-Линя и шутки императрицы у Х—го въ августѣ 1790 года). Духовные концерты, устроенные трудами Сарти даже съ пушечной пальбою, гремѣли вокругъ него въ самые послѣдніе годы, въ самыхъ Яссахъ; во дворцѣ у себя пріютилъ онъ пресловутую „Нарышкинскую" *) роговую музыку; позднѣйшій праздникъ его въ Таврическомъ дворцѣ былъ праздникомъ всѣхъ музъ; знаменитое путешествіе въ Крымъ онъ

*) По имени Семена Кириловича († въ Москвѣ, 1775; ср. выше) и благодаря собственно искусству заѣзжаго къ намъ Славянина Мареча, о чемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Потемкинъ давалъ слушать эту музыку Сегюру же въ 1786 г.

обставлялъ всѣми возможными искусствами. Въ пѣніи, какъ всегда это бывало у видныхъ Русскихъ людей (ср. о томъ замѣтку нашу въ 9-мъ выпускѣ), П—нъ соединялъ пристрастіе къ церковному вмѣстѣ со всѣмъ увлеченіемъ пѣснею народною, а въ послѣдней предпочиталъ, по доступности и уловимости формъ, пѣсню и мелодію Малорусскую; Трутовскій, священникъ-гуслистъ при дворѣ, сдѣлавшій такъ много для нашего дѣла, былъ вызванъ и поддержанъ имъ же, оставивши намъ на нотахъ нѣсколько любимѣйшихъ пѣсенъ князя; но и кромѣ того, съ именемъ „Потемкина“ сбереглось много еще другихъ, „любимыхъ“ ѐго Украинскихъ пѣсенъ и мелодій *). Онъ былъ, можно сказать, подлиннымъ создателемъ Эрмитажа, этого храма всѣхъ изящныхъ искусствъ: Екатерина только регулировала здѣсь своимъ общественнымъ тактомъ, женскимъ мягкимъ вкусомъ и постоянствомъ. А что касается до представленій театральныхъ, здѣсь воцарившихся, то ихъ рѣшительно вызвалъ своимъ живымъ участіемъ Потемкинъ: талантливая писательница, въ числѣ прочихъ артистовъ, „ставила“ или „поставляла“ лишь сюда произведенія плодовитаго пера своего. Во всякомъ случаѣ, непремѣнное дополненіе этихъ пьэсъ музыкою, аріями, дуэтами, хорами, даже пѣснями народными и стихами, надъ коими такъ потѣлъ „потливый“

---

*) Таковы: 1) „Ой краче-враче да черненькій воронъ;“ 2) „Ой гай, гай, гай, Гай зелененькій;“ 3) Театр. „Ой колы я Прудиуса любила;“ 4) „Ой послала мене маты;“ 5) „Чи жъ я кому виноватъ (обработка Сковороды?); 6) Чайка (см. вып. 9); 7) „Болить моя головонька“ (см. выше въ стихіяхъ пѣсни Нарышкинской); 8) „Та ходивъ ченчикъ;“ 9) „Добре тіи Ляхи чинять;“ 10) „Ой зрада, чорни брови (см. выше);“ 11) „Ой Сербихо;“ 12) „Северинъ (хоровая);“ 13) „Ой сербине чорноусы;“ 14) „На тымъ боци, на толоци;“ 15) „Ой ихавъ козакъ доломъ - водою;“ 16) „Наихали до пана Жида Запорозьци въ гости;“ 17) „За все гораздъ;“ 18) „Ой наступивъ чорны вилъ на ноги;“ 19) „А въ поле иду;“ 20) „Взойду я на гору билыми ноженьками;“ а въ особенности 20) „На бережку у ставка.“ Эта послѣдняя пѣсня цѣликомъ положена на ноты Трутовскимъ и во всѣхъ пѣсенникахъ нашихъ обозначалась какъ самая любимѣйшая пѣсня Потемкина (ее до нашихъ дней лучшіе пѣвческіе хоры сберегали на нотахъ и исполняли). По свидѣтельству Коципиньскаго (1862, Лейпцигъ), къ проѣзду государыни и князя (1787), въ Малороссіи особенно были устроены (возникли же несравненно старше) и съ тѣхъ поръ поддерживались, съ рукописными сборниками, цѣлые оркестры и хоры народныхъ пѣсенъ. Дмитріевъ писалъ на смерть П—на: „То вопіютъ Херсонски музы: Увы, расторглись наши узы, Любитель нашь, на вѣкъ съ тобой! Давно ль бесѣдовалъ ты съ нами И лиру испещрялъ цвѣтами, Готовясь въ кровопролитный бой?“ При чемъ показаніе поэта: „Я видѣлъ рукопись одного изъ нашихъ стихотворцевъ съ поправками Кн. П—на,“—это относится конечно къ опыту сочиненія пѣсенъ. Посему понятенъ отзывъ Д—на („Не страстии мной, какъ прежде, музы“) и возможна близкая связь Натальи Львовны съ „Парашей,“ а „Параша“ съ „Эвтерпой.“

Храповицкій, дѣлалось именно *ради Потемкина*, по заданному отъ него тону и въ его угожденіе. Извѣстно, что Екатерина никакъ не могла писать стиховъ (сколько ни давалъ ей уроковъ ревностный Сегюръ), не питала склонности къ риѳмованной поэзіи и почти вовсе не имѣла уха къ музыкѣ, а за тѣмъ и ко всякой художественной гармоніи, въ чемъ откровенно сама признавалась (Сегюръ, Храповицкій, отрывки у Пекарскаго и т. п.). Въ Эрмитажъ приглашена была прекрасная труппа изъ Франціи; блестѣли здѣсь такіе таланты, какъ знаменитый актеръ Офрень (Aufrène), пѣвецъ Маркези, г-жа Тоди, композиторы и виртуозы Паэзіелло, Чимароза, Сарти; отсюда же почерпнула свое артистическое воспитаніе Лизанька Урванова, прославленная подъ именемъ Сандуновой и такъ долго пѣвшая на всю Россію. И все это, замѣчаетъ Сегюръ, „составляло наслажденіе—не императрицы, ухо которой было нечувствительно къ гармоніи, *но князя Потемкина* и нѣсколькихъ просвѣщенныхъ любителей“ (столь ограниченно допускавшихся въ Эрмитажъ: „faisaient les délices — non de l'impératrice, dont l'oreille était insensible à l'harmonie, mais du prince Potemkin, et de plusieurs amateurs éclairés“). Между тѣмъ, бывали часы, цѣлые мѣсяцы и чуть не года, въ продолженіе которыхъ, по вліянію взаимныхъ капризовъ *съ обѣихъ сторонъ*, Потемкинъ бѣгалъ самого Эрмитажа: въ особенности случалось это тогда или совпадало съ тѣми эпохами, какъ на сценѣ Эрмитажа, изъ творца и вкусителя, онъ самъ обращался въ предметъ искусства, въ роль предъ зрителями и слушателями. Натура его мирилась только съ тѣмъ положеніемъ, гдѣ онъ самъ былъ лицомъ дѣятельнымъ, хотя бы среди прихотливой, но совершенно добровольной лѣни: и никакъ не могла допустить, чтобы сдѣлаться предметомъ или ролью. Если онъ женировалъ иногда другихъ, то единственно отъ того, что женировался самъ, конфузился самого себя: потому, чтобъ не женировать другихъ, онъ искалъ первой возможности и перваго удобнаго уголка, гдѣ бы не женироваться самому. Въ эти-то, повторяемъ, часы и эпохи, стремительно удалялся онъ отъ общества, и даже отъ избраннаго Эрмитажнаго, въ то *общество среди общества*, какъ status in statu, которое находилъ *по себѣ* и гдѣ могъ быть *общественнымъ по своему*. Кабинетъ, спальня, постеля, диванъ, сорочка, фуфайка, халатъ, туфли, вся эта любимая Потемкинская декорація для эрмитажа *другаго сорта*—служила не рѣдко убѣжищемъ генія: но это былъ „эрмитажъ“ въ смыслѣ буквальномъ, это была пещера спасавшагося схимника, напоминавшая ту пору молодыхъ лѣтъ, когда вовсе не изъ разсчета, не для сцены, роли и выгодъ (какъ полагаютъ мелкіе наши біографы), а со всей искренностью увлеченія юношескаго хотѣлъ онъ быть отшельникомъ и монахомъ, мечталъ о клобукѣ и рясѣ. Среди послѣдующей жизни страстей и славы, не рѣдко возобновляя въ памяти и повторяя въ жизни эти зады ранней мечты своей, любимецъ счастья съ удовольствіемъ отдѣлывался здѣсь отъ себя самого и отъ собственнаго лица своего: но чудеса и чудотворенія, нигдѣ его не покидавшія, собирали къ нему и

сюда многочисленную толпу поклонниковъ. И *здѣсь* дѣлали его *предметомъ*: начиная объективно, входя въ интересъ бесѣды по ея содержанію, а по мѣрѣ интереса выростая постепенно въ неутомимаго совопросника, онъ чувствовалъ, что и здѣсь облекался онъ въ мощь чудотворнаго своего образа, вставалъ лицомъ-великаномъ, и — мало по малу вокругъ все стихало, разѣвало рты, старалось поддакивать, а за симъ и льстить, и угождать, и выманивать, и пользоваться. Такъ и этотъ эрмитажъ обращался снова въ Эрмитажъ придворный: частный домъ и дворъ во дворецъ царскій, кабинетный пустынникъ въ великолѣпнаго князя. Ласкать прелестныхъ и милыхъ племянницъ, примѣривать ихъ женскіе уборы или надѣвать для пробы изготовленныя куда ни будь церковныя ризы, принимать одного за другимъ попа или мелочнаго торговца съ товарами, перебирать вещички, чистить бриліанты, ухаживать за шутомъ, разсматривать ногти, засиживаться за шахматною доскою,—все это, какъ халатъ и сорочка, разоблачало знатную личность въ простаго человѣка, тѣшило, забавляло и занимало человѣческую суть, обворожало интимностью частнаго быта. Но то, что̀ условливало возможность разоблачаться симъ способомъ до крайней простоты и наготы, что̀ дѣлало способнымъ находить во всемъ этомъ вкусъ и отраду,—это все-таки были таланты лица, запасъ сильно и страстно прожитой жизни, матеріалы, наполнившіе личное развитіе: та глубина бурнаго моря, которая одна способна къ такой ровной, тихой и лазурной поверхности. Лѣность свидѣтельствовала о кипучей подвижности и дѣятельности; нѣга таила за собою силу, искавшую раскатиться широко, размыкаться привольно. Каждая случайная минута готова была всегда прервать вожделѣнную тишину, всколебать море и поднять ураганъ: на порогѣ прародительскаго рая, только что вступивъ въ него, являлся тотчасъ уму, сердцу и памяти тотъ запрещенный плодъ, который не былъ невѣдомъ для любимца счастья, отъ котораго уже вкусилъ и такъ много вкушалъ онъ. А разъ это случилось, разъ мелькнуло соблазномъ, и—созданный съ трудомъ рай готовъ былъ исчезнуть: снова, противу собственной воли, выростало громадное лицо, выростало и для самого себя, и для присутствующихъ, окружавшихъ; лицо, отъ котораго сейчасъ только хотѣлось самому, хоть на время, отдѣлаться; предъ посторонними, въ мигъ готовыми устроить изъ себя приличную обстановку для проглянувшаго лица. Сію же минуту кабинетная тишина измѣнялась въ шумную сцену, въ хоръ подпѣвающихъ, въ музыку вторящихъ, въ зрителей одинаково скучныхъ—и тѣмъ, что они подглядывали, и тѣмъ, что скромно опускали очи. Домъ частнаго человѣка обращался въ ротонду зеркалъ, и въ каждомъ, въ какое ни взглянешь, оказывалось одно и то же лицо; переходы роднаго пріюта дѣлались фамильною галлереей портретовъ, и каждый портретъ являлся все съ однимъ образомъ, съ одною физіономіей; пустыня оглашалась эхомъ, въ коемъ слышалось одно и то же имя. И вотъ, какъ изъ тюрьмы, Потемкинъ бросался изъ душнаго кабинета своего, съ такимъ же порывомъ, съ какимъ

недавно входилъ сюда (à la lettre, онъ выскакивалъ иногда опрометью: на примѣръ, прочитавъ поднесенныя для праздника стихи Державина, или при Сегюрѣ изъ за шахматной доски, когда неловко склонился разговоръ къ его подвигамъ, и т. п.). Онъ *опять* искалъ уйти отъ себя, и уйти въ *общество*, лишь бы иное, *по немъ* созданное: разгадка этой кажущейся тайны, этого перебѣганья отъ *тогдашняго общества* къ *себѣ* и отъ себя къ обществу *особому*, лежитъ въ томъ, что какъ ни былъ *личенъ* Потемкинъ, сколько ни было неотступнаго *Я* въ его характерѣ и сколько ни условливалась этимъ именно его индивидуальная *оригинальность*, тѣмъ не менѣе, въ одинаковой мѣрѣ, таланты этого необычайнаго лица были по преимуществу *общественные*, чисто-общественнаго свойства и закала. Церковность, внимательность ко всему житейскому до мелочей, широкая родственная любовь, страсть побесѣдовать и распросить обо всемъ, общительность съ самымъ послѣднимъ торгашемъ и ремесленникомъ, кипучій неизсякаемый родникъ вѣчно новыхъ замысловъ, одинъ другаго остроумнѣе, грандіознѣе, обширнѣе, а за симъ неуловимѣе и мечтательнѣе, бойкость рѣчи, жадность къ свѣдѣніямъ и просвѣщенію, искусство всѣхъ видовъ и именъ до послѣдней техники, живое участіе къ театру и всякому зрѣлищу, умѣнье всѣмъ заинтересоваться и заинтересовать, во всемъ дойти до торжества, блеска и общаго всѣмъ праздника, и все это въ безконечной пестротѣ и смѣняемости, — что́ же это такое, если не таланты, силы и задатки *общественные*? Виноваты ли они, что П—ну приходилось примѣнять ихъ не въ обществѣ, а на полѣ военномъ, въ быту придворномъ, гражданскомъ и дипломатическомъ? Меньше ли они отъ того и можно ли въ нихъ усумниться потому только, что дитя счастья рано было избаловано и долго было баловано, что лицо и личное пересилило до исключительности и чуть не до уродливости, что чудесное обратилось въ причудливое, хотѣніе въ прихоть, чувство въ страсть, простота перешла въ наготу, церковность въ суевѣріе и обрядность, праздничность въ холодный парадъ, воспріимчивость въ отупѣніе пошлыхъ пріемовъ, музыкальность въ барабанную трескотню, драматизмъ поглощался въ театральности, и такъ далѣе? Слабѣе ли въ этомъ лицѣ черты общественныя отъ того, что на одномъ туловищѣ выросло еще нѣсколько лицъ и головъ, и героя битвъ, и губернатора-намѣстника, и царедворца, и временщика-любимца? Если окружавшее общество не на столько было сильно собственными силами, чтобы умѣрить и регулировать силу такой крупной личности, чтобы воспользоваться общественными ея талантами на свою пользу, вмѣсто того чтобъ льстить его недостаткамъ, терпѣть отъ нихъ ущербъ и интриговать съ досады, — кто былъ виноватъ въ семъ? Не значитъ ли скорѣе: лицо было гораздо выше, чѣмъ положеніе общества, а общество гораздо ниже, чѣмъ уровень генія; одно оставалось параллельно себѣ лишь самому, а другой оказался вертикаленъ ко всему окружающему. Впрочемъ, соображенія эти были бы безконеч-

ны. Коротко сказать: Сегюръ искалъ *нужнаго* человѣка, и для себя, и для дѣла Франціи; такимъ, за недоступностію Екатерины, представлялся единственно *Потемкинъ;* но къ Потемкину, *полководцу, царедворцу* и *любимцу*, или жутко было подойти, или трудно передъ *лицомъ* его устоять—сохраняя собственное достоинство. Тогда, чуткій соціальными инстинктами и образованный вѣковымъ тактомъ лучшаго общества, иностранецъ скорѣе всѣхъ окружавшихъ догадался, что путь для сближенія съ такимъ лицомъ долженъ быть *чисто-общественный:* но общества или *не существовало* вокругъ въ томъ смыслѣ и видѣ, чтобы чрезъ него проложить дорогу, или Потемкинъ общества тогдашняго *явно бѣгалъ*, не подавая впрочемъ повода думать, что онъ бѣгаетъ общества *всякого*. И такъ, если Сегюръ князя въ обществѣ искалъ, но *не встрѣчалъ* на сколько было нужно, то догадливый Французъ тотчасъ же началъ осматриваться вокругъ, нѣтъ ли *такого* общества, гдѣ Потемкинъ *долженъ быть*, и *непремѣнно будетъ, и легко его встрѣтить, и съ нимъ сойтиться*. Честь привычкамъ цивилизаціи и честь личному взгляду Сегюра. Таковъ весь ходъ соображеній его и таковъ точно послѣдовательный разсказъ его, на первыхъ же страницахъ и за первые мѣсяцы пребыванія въ Петербургѣ: результатомъ соображеній и послѣднимъ звѣномъ разсказа является то, что Французскій посланникъ, на прямикъ и въ упоръ, наткнулся на *домъ Нарышкиныхъ*, оберъ-шталмейстера Льва.

Сегюръ разсказываетъ, какъ по тактикѣ, намъ понятной, онъ „оборвалъ“ Князя, вышедши изъ пріемной съ перваго же представленія, когда вельможа заставилъ долго его дожидаться: здѣсь поступилъ онъ какъ представитель великой націи и дипломатъ, хотя къ величайшему удивленію *прочихъ*. За тѣмъ оставалось „оборвать“ одинаково личныя замашки и манеры кабинетнаго сидѣльца: когда Сегюръ явился на большой обѣдъ въ парадномъ платьѣ, а Потемкинъ принялъ гостей въ фуфайкѣ, посланникъ отплатилъ ему тѣмъ же на собственомъ обѣдѣ; Князь понялъ, спохватился. Оставалось еще найти общество, лишь бы не обычное, а „Потемкинское;“ Сегюръ отправился искать: онъ вступилъ къ Нарышкинымъ и сейчасъ же описываетъ этотъ домъ.—Собственно говоря, найти было не трудно: домъ былъ распахнутъ съ утра до поздней ночи, его всѣ знали отъ царицы до простолюдина *). Потому Сегюръ немедленно входитъ и насъ туда вводитъ, давая всѣмъ контекстомъ разумѣть, что картина и сцена относится къ *первой половинѣ 1785-го*, а *продолжается до 2-й половины 1786-го года*, безъ перерыва и перемѣны, напротивъ въ возрастающей пропорціи красокъ и явленій. „Существовалъ тогда въ Петербургѣ,“ говоритъ онъ (ч. II, стр. 274—398), „домъ, не походившій конечно ни на какой другой: это былъ домъ

---

*) По преданію, Нарышкинскій домъ былъ у Исакія, гдѣ нынѣ Мятлева; другой, его же, на Мойкѣ противъ Новой Голландіи (изд. г. Грота и ср. ниже).

об.шталмейстера Нарышкина, человѣка очень богатаго, носившаго знатное имя по родству съ императорской фамиліей. Природа одарила его умомъ посредственнымъ, весьма большою веселостью, безпримѣрнымъ добродушіемъ, крѣпкимъ здоровьемъ и несравненной оригинальностію. Онъ состоялъ не столько въ довѣріи и уваженіи (en crédit), сколько въ большой милости у Екатерины: послѣдняя забавлялась его странностями, смѣялась его любезнымъ и потѣшнымъ выходкамъ, отсутствію порядка и строя въ образѣ его жизни; но, какъ онъ не стѣснялъ никого и развлекалъ всѣхъ, по этому и ему спускали все, такъ что онъ имѣлъ право дѣлать и говорить, чего бы никогда не дозволили никому другому. Съ утра до вечера слышались въ дому его клики веселья, хохотъ дурачества, звуки инструментовъ, шумъ пирушекъ; цѣлый день тамъ ѣли, смѣялись, пѣли, танцовали; сходились безъ приглашенія, уходили безъ поклона; всякое принужденіе было отсюда изгнано. Это былъ очагъ для всѣхъ забавъ и даже, почти можно бы сказать, *мѣсто свиданія для всѣхъ влюбленныхъ*: потому что здѣсь, среди смѣшанной толпы, ликующей и шумной, всякія „въ сторону,“ всякіе шопоты тайкомъ—во сто разъ были удобнѣе, чѣмъ на свѣтскихъ пріемахъ и балахъ, гдѣ царствовалъ этикетъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ видѣлъ каждый, какъ устремлено къ нему вниманіе прочихъ: напротивъ у Нарышкина шумъ заглушалъ любопытство, усыплялъ критику и *толпа служила покровомъ тайнѣ*.“—До сихъ поръ у Сегюра повторяется почти то же, что у прочихъ, даже у Булгарина *), и особеннаго мало. Разница только въ томъ,

---

*) „Воспоминанія,“ ч. I: „Въ домѣ Л. А. Н. принимаемы были не однѣ лица, имѣющіе пріѣздъ ко Двору или принадлежащіе къ высшему кругу... Каждый дворянинъ хорошаго поведенія (!), каждый заслуженный офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ Л. А. Н — ну, и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. *Литераторовъ*, обратившихъ на себя вниманіе публики (!), остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ *музыкантовъ, художниковъ* Л. А. Н. *самъ отыскивалъ*, чтобъ украсить ими свое общество. Можно было... безъ приглашенія являться къ нему. *Но на вечера пріѣзжали только хорошо знакомые въ домѣ*. Ежедневно столъ накрывался на 50 и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи... На вечерахъ была *музыка*, танцы, les petits jeux, т. е. игры общества (!), но карточной игры вовсе не было... (помимо званыхъ обѣдовъ) Въ обыкновенные дни столъ былъ самый простой: обѣдъ состоялъ изъ 6 блюдъ, а ужинъ изъ 4-хъ... Отъ имени Нарышкина и гр. А. С. Строгонова *ежедневно раздавали милостыню убогимъ деньгами и провизіей, и пособіе нуждающимся. Множество бѣдныхъ семействъ получали отъ нихъ пенсіоны*. Домы гр. А. С. Стр. и Л. А. Н. вмѣщали въ себѣ рѣдкое *собраніе картинъ, богатыя библіотеки*...“ Они „оставили послѣ своей смерти огромное состояніе и *весьма незначительные долги относительно къ имѣнію* (Екатерина рисовала часто, что Н. беретъ въ долгъ, не платитъ и т. д., подобно какъ намекала на слишкомъ большіе подарки Потемкину, ср. выше)... *Никогда я не слыхалъ*,

что другіе не могли сдержать мѣру въ отзывахъ и попеременно увлекались либо тою, либо другою стороною Нарышкина, совокупно съ характеромъ его дома. Одни выставляли его радушіе и популярность, другіе остроуміе, щедрость, артистичность и тому подобныя качества. Ближайшій современникъ, соучастникъ и во многомъ „братъ по оружію" Сегюру, принцъ де Линь называлъ Нарышкина „прекраснѣйшимъ человѣкомъ и величайшимъ ребенкомъ," отдавая честь простодушію его и наивности. Державинъ, вообще вѣрно и многосторонне рисуя, даже усиленно оправдывая Н—на (см. ниже), завлекся до того, что чуть не сдѣлалъ его генераломъ, дипломатомъ и министромъ, по собственному образу, въ родѣ того, какимъ министромъ могъ быть самъ поэтъ: „И могъ при случаѣ посольствомъ, Перомъ и шпагою блистать;" а въ „Объясненіяхъ" прибавилъ, что „ежели бы (онъ) не напустилъ на себя шутовства и шалости **), то бы могъ по своему уму быть хорошій министръ или генералъ." Отзывы же Екатерины, особенно за послѣднее время, сохраненные въ ея „Запискахъ," безъ нужды и съ излишествомъ *колютъ* Н—на, какъ мы это знаемъ уже и помянемъ еще (она разсказываетъ даже, какъ щедро изливала на Н — на добро, какъ на свой счетъ разъ омеблировала ему домъ и т. п.: все это, не проникая въ тайныя пружины, объясняли обыкновенно проницательностью и безпристрастіемъ государыни къ ея любимцу). Наконецъ историкъ Щербатовъ, почтенный ригористъ и близорукій критикъ (въ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ

чтобъ Л. А. Н. пользовался щедротами государыни... Въ домѣ Н—на было *множество дѣвицъ*, родственницъ, воспитанницъ, поживальницъ (приживалокъ), и *молодежь* въ то время *обходилась между собою свободно... Дѣвицы и молодые люди* шутили между собою, дѣлали другъ другу разныя проказы, мистификаціи, чтобъ послѣ похохотать вмѣстѣ (таковъ именно домашній кружокъ дѣвушекъ, ликующихъ и поющихъ, среди котораго представлена царевна Лійская и Гремила)... Старикъ (Н—ъ) былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но держался всегда прямо, одѣвался щегольски и никогда не казался усталымъ... Родъ Н-хъ отличался и красотою тѣлесною, и добродушіемъ, и *популярностію*. У всѣхъ ихъ была какая-то *врожденная наклонность къ изящному и каждый талантъ находилъ у нихъ пріютъ...* Л. А. Н., для шутки, убѣдилъ мою матушку одѣть меня по Польски... Иногда меня заставляли *играть на гитарѣ и пѣть Польскія пѣсенки* (ср. участіе Польскихъ элементовъ въ пѣсняхъ Нарышкинскихъ, рядомъ съ Малорусскими и Бѣлорусскими)." Разумѣется, эти разсказы нужно вымыть и крѣпко выжать, чтобъ получить чистую правду и существенное дѣло: но трудъ не пропадетъ и мы получимъ много дословно сходнаго съ показаніями другихъ современниковъ.

**) Это была у насъ, и отчасти существуетъ доселѣ, извѣстная „манера" взгляда на людей выдающихся: полагали, что и Потемкинъ, и Суворовъ постоянно „напускали на себя." Библіографы же и біографы въ родѣ Бантыша-Каменскаго усматривали въ этомъ хитрый разсчетъ, чтобы пріобрѣсти себѣ выгодное положеніе.

Россін," писанномъ 1788—89 г.), малярною кистью обмазываетъ Нарышкина подъ рядъ съ прочими, одинаково имъ выкрашенными: „Сей государь (Петръ III) имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца Л. А. Н—на, человѣка довольно умнаго, но такого ума, который ни къ какому дѣлу стремленія не имѣлъ,—трусливъ, жаденъ къ чести и корысти, удобенъ ко всякому роскошу и, словомъ, по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить, болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ, нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей." Совсѣмъ напротивъ, молодой, находчивый, отчасти поэтическій, но вмѣстѣ изящный въ смыслѣ *строгомъ*, достаточно серьёзный, по необходимости часто дѣловой, по привычкамъ своего дома степенный Сегюръ (онъ опять-таки разъ „оборвалъ" Потемкина, когда тотъ вздумалъ было подарить ему невольницу и намекнулъ на отдаленность жены) — былъ несравненно строже, отъ того безпристрастнѣе къ Нарышкину и его дому, а потому сдержанъ въ похвалѣ, свободенъ въ критикѣ, сколько мягкой, столько же правдивой и неумытной своимъ приговоромъ. Упоминая объ Нарышкинѣ очень часто въ теченіи своего разсказа, онъ обыкновенно не иначе характеризовалъ его роль, присутствіе, значеніе и лицо, какъ словами: „безумства" или, вѣрнѣе, „дурачества оберъ-шталмейстера (les folies du grand-écuyer);" мы еще увидимъ, какъ былъ онъ остороженъ и суровъ въ послѣдующихъ совѣтахъ Потемкину. Разумѣется, тѣмъ больше цѣны имѣютъ его слова въ нашихъ глазахъ, не поступаясь своею правдою ни для дружбы, ни для личныхъ интимныхъ отношеній, ни изъ опасенія затронуть Потемкина и повредить собственному дѣлу, ни для всего того, что̀, независимо отъ слабыхъ сторонъ, зналъ онъ хорошаго въ Нарышкинскомъ домѣ. А потому и приведенный очеркъ, и послѣдующій разсказъ Сегюра очевидно не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго или преувеличеннаго: это и дорого, если прибавимъ сюда еще *необыкновенную* близость автора къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, за симъ наступившую. Отмѣтимъ только еще яркую черту: другіе говорятъ о бытѣ частномъ, домашнемъ и семейномъ; Сегюръ въ самомъ Нарышкинскомъ *обществѣ* видитъ уже съ первыхъ шаговъ среду, гдѣ былъ просторъ *любви* и *секретамъ любящихъ*. Этимъ явно подготовляетъ писатель къ послѣдующему и переходитъ теперь именно къ тому, что у Нарышкиныхъ создано было для Потемкина свое *особое общество*, въ его вкусѣ. „Я посѣщалъ," продолжаетъ онъ, „очень часто эту увеселительную панораму, одинаково съ прочими членами дипломатическаго корпуса. Князь Потемкинъ, котораго нигдѣ почти не видно было въ другомъ обществѣ, учащалъ (venait fréquement) къ оберъ-шталмейстеру, такъ какъ это единственное было мѣсто, гдѣ онъ и самъ не испытывалъ нисколько и другимъ не причинялъ стѣсненія." И такъ, здѣсь именно было то особое, совершенно параллельное Потемкину общество, гдѣ въ ровень съ другими находили правильное теченіе его общественные инстинкты и таланты, смѣшиваясь въ общей родственной массѣ, не выдаваясь на пьэдесталъ, не давя ни другихъ, ни его самого: покрытые

общею безразличностью, не отражались они непремѣнно на блистательномъ лицѣ Феба и обратнымъ отраженіемъ не ослѣпляли очей другимъ. Самое лицо Потемкина, какъ характерная личность, пріобрѣтало здѣсь общественную мѣру: безъ упрека въ странностяхъ онъ могъ дать здѣсь свободу лицу своему и на встрѣчу себѣ вызывать довѣренно все личное, безъ опасеній услужливости, лести и искательности. Онъ могъ здѣсь совлекаться собственнаго своего „я", того рѣзкаго и причудливаго, которое мѣшало ему самому; и совлекаться гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ кабинетѣ своемъ раздѣваясь до сорочки: но здѣсь же, въ награду за то, лицо вступало въ истинныя личныя права свои, до послѣднихъ предѣловъ законнаго удовлетворенія, не нарушая правъ ближняго, напротивъ получая на встрѣчу самый сочувственный личный отзывъ. Лучшимъ плодомъ и дитею сей гармоніи могла быть и должна была явиться *любовь*: тотъ союзъ, гдѣ царствуетъ законъ и условіе полной безличности, тотъ плѣнъ, въ которомъ потопляется лицо единичное, то увлеченіе, которое вѣчно стремитъ къ лицу другому, и вмѣстѣ то чувство, которое изъ всѣхъ чувствъ человѣка самое личное. Князь вѣдалъ, и давно, и глубоко извѣдалъ страсти; подъ предлогомъ, видомъ или формою любви онъ имѣлъ любимицъ, скорѣе любовницъ: *самую любовь*, можемъ смѣло сказать, онъ спозналъ здѣсь лишь *впервые*, и всѣ въ одно слово сказали это отъ дипломата до поэта, отъ дѣйствительной жизни до театральной піэсы, отъ исторіи до пѣсни, и нѣтъ другихъ свидѣтельствъ съ какимъ либо намекомъ на противное. Сегюръ тотчасъ же, непосредственно за предыдущими словами, перешелъ къ этому предмету въ своемъ разсказѣ и разсказалъ обо всемъ, намъ уже отчасти извѣстномъ, въ выраженіяхъ краткихъ и тѣмъ не менѣе съ величайшею подробностью цѣлаго, какъ будто передавая намъ законченную картину и готовую драму.—Съ тѣхъ поръ собственное дѣло его, въ сферѣ человѣческой и исторической возможности, было рѣшено и цѣль достигнута. Сегюръ сблизился съ Нарышкиной и какъ никто съ Потемкинымъ; сдѣлался живѣйшимъ членомъ Нарышкинскаго и вмѣстѣ Потемкинскаго дома, ихняго общества; съ симъ качествомъ и значеніемъ возвратился въ окружавшее Русское общество, поднялся въ положеніи, выросъ въ дипломатіи, поверстался съ современниками по вопросамъ политики, сдержалъ или оттѣснилъ враговъ, поборолъ оппонентовъ, занялъ передовую роль при Дворѣ, всюду на подобающее мѣсто провелъ съ собою родную Францію; въ лицѣ Потемкина прошелъ рука въ руку съ человѣкомъ кабинетнымъ и государственнымъ, съ героемъ битвъ и царедворцемъ; крѣпко утвердился при ступеняхъ императрицына трона, очутился однимъ изъ ближайшихъ лицъ къ Екатеринѣ, сдѣлался ея собесѣдникомъ, сотоварищемъ и учителемъ въ занятіяхъ литературой, спутникомъ прогулокъ и длинныхъ путешествій, историкомъ ея для потомства и глубокимъ почитателемъ ея въ душѣ. Внѣшнимъ результатомъ, для котораго сначала и явился онъ, котораго ближе всего добивался и который всего былъ труднѣе для выигрыша, былъ извѣстный „торговый

трактатъ" между Россіей и Франціей: въ четвергъ 11-го Января 1787 года (съ торжествомъ отмѣчаетъ побѣдитель данную) онъ подписанъ.— Намъ нѣтъ надобности и не мѣсто послѣдовать теперь съ Сегюромъ за всѣми перипетіями его дѣла, ни за рѣшительнымъ успѣхомъ, ни за быстрымъ обрывомъ и крупнымъ поворотомъ, ни за отъѣздомъ посла и самымъ сочиненіемъ его, все это описавшимъ. Мы остановимся *на той точкѣ*, съ которой все это двинулось и рѣшилось, какъ только дошелъ до нея Сегюръ, и *съ сей только точки зрѣнія*, въ семъ только отношеніи, будемъ выслушивать его разсказъ, безцѣнный *для дѣла нашего*. Для насъ существуетъ отнынѣ лишь комментаторъ къ исторіи Марьи Львовны Нарышкиной, за нею Потемкина, дальше уже Екатерины и гораздо дальше относительно всего остальнаго.

Но, прежде чѣмъ продолжимъ прерванное или, лучше, перейдемъ къ главному начатому, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, отъ кого и какія показанія теперь получимъ мы для нашихъ вопросовъ. Кромѣ извѣстной уже намъ характеристики Сегюра, мы въ лицѣ его получаемъ свѣдѣнія отъ человѣка, состоявшаго въ самой близкой связи съ домомъ Нарышкиныхъ и въ личной дружбѣ съ Потемкинымъ, въ теченіе всего описаннаго времени. Слишкомъ полтора года, съ весны 1785-го до исхода 1786-го года, онъ сначала посѣщалъ „панораму," какъ самъ говоритъ, „очень часто;" потомъ, „быстро" сблизился здѣсь съ княземъ (толки города и дипломатовъ о сближеніи *не замедлили* получить справедливое основаніе къ догадкамъ, „ils *ne tardèrent pas* à trouver l'occasion d'en faire de plus justes et de mieux fondées—conjectures"; „*avant un mois*, la froideur—entre nous—dissipa," и т. п.); велъ съ нимъ обширныя и долгія бесѣды, „прохаживаясь по Нарышкинскимъ покоямъ" („un soir, se promenant avec moi dans les appartemens de M. Narischkin"), и бесѣды эти поздно „заходили за ночь," какъ въ родномъ или своемъ домѣ („cette conversation fut si longue, qu'elle nous occupa *une grande partie de la nuit*," и т. п.); наконецъ, столь же скоро („до истеченія еще мѣсяца," помянутое выраженіе, сюда относящееся), гость сдѣлался не только постояннымъ членомъ Нарышкинскаго общества, но и членомъ общества *среди* общества, семейнаго кружка *немногихъ* лицъ, засѣдавшихъ en petit comité („je *ne tardai pas* à être de ce nombre," см. ниже). Въ половинѣ 1786 г., когда Потемкинъ „проводилъ цѣлые дни у оберъ-шталмейстера," Сегюръ „счелъ своею обязанностью еще *удвоить* ухаживанье за княземъ," и, стало быть, находился при немъ у Нарышкиныхъ почти безотлучно, „каждый день" („je crus devoir dans cette circonstance *redoubler* mon assiduité près du prince, je le vis *tous les jours*," см. ниже). А въ 1787 году Сегюръ путешествовалъ *вмѣстѣ съ отцемъ Нарышкинымъ* и т. д. (заключительныя отношенія увидимъ послѣ). Съ другой стороны, но за одно съ симъ, столь же немедленно и вслѣдъ за первыми долгими бесѣдами у Нарышкиныхъ, самая близкая личная *дружба* заключена была между обоими, притомъ *самъ* князь

рѣшительно на нее вызвалъ. Разъ онъ пригласилъ къ себѣ пріѣхать Сегюра безъ церемоніи (разсказъ о томъ въ связи со всѣмъ предыдущимъ и на тѣхъ же страницахъ); гость нашелъ хозяина на постелѣ, въ одномъ халатѣ, и „безъ всякого предисловія" услыхалъ: „Любезный графъ, я чувствую истинную къ вамъ дружбу, и, если Вы также имѣете ее сколько ни будь ко мнѣ, устранимъ всякое стѣсненіе, всякую церемонію, и будемъ жить оба друзьями." „Тогда," говоритъ Сегюръ, „я сѣлъ фамильярно въ ногахъ его постели и взялъ его руку со словами: Я сочувствую Вамъ въ этомъ, дорогой князь, отъ всего моего сердца. Новое знакомство требуетъ формъ: но, разъ лишь произнесено слово *дружба*, не можетъ быть уже мѣста никакимъ скучнымъ стѣсненіямъ. Интимность и фамильярность столь непредвидимыя, основавшіяся съ тѣхъ поръ..., поразили недоумѣніемъ всѣхъ (стр. 279, 280)." О послѣдствіяхъ мы говорили уже: только съ сего времени Сегюръ вѣчно съ княземъ въ Петербургѣ, въ тѣхъ же почти отношеніяхъ среди извѣстнаго „путешествія," церемоній нѣтъ, входитъ къ нему всегда и прямо, при другихъ подсаживается рядомъ, беретъ самъ князя за руку, или руками обнимаетъ его голову, говоритъ и выслушиваетъ безъ обиняковъ, и т. д. *). Это не значитъ, разумѣется, что въ обоихъ потерялись за симъ государственные люди, дѣла, разсчеты, или не было обоюдныхъ столкновеній; напротивъ, мы все это встрѣтимъ впослѣдствіи: но, за помянутое время, но въ сферѣ *личныхъ отношеній* неизмѣнно длится та же близость, искренность, прямота. Какъ помянутая *любовь*, такъ порожденная ею *дружба* имѣется пока *единственная* въ исторіи Потемкинской и Нарышкинской: другой пока не знаемъ. Слѣдовательно, съ обѣихъ сихъ сторонъ, тѣсно связанныхъ, получаемъ мы не просто *какіе-то* отзывы *какого-то* иностранца, *чѣмъ либо* навѣянные, мимоходомъ составленные, случайно сложившіеся, по памяти набросанные, слухами и догадками пополненные: здѣсь каждое слово, напротивъ, чистое золото для нашего дѣла. Притомъ Сегюръ, замѣчали мы, не любилъ сплетней и не вдавался въ мелкія интриги, почему и не любезенъ нашимъ искателямъ дрязгъ и сора. Таковъ же былъ Потемкинъ, вовсе не герой „анекдотовъ:" какъ дитя природы и вѣка терпѣлъ онъ въ себѣ и вокругъ все мелочное, но по накопленіи обыкновенно разсѣкалъ всѣ эти узелки и хитросплетенія съ разу, какъ Гордіевъ узелъ, подводя ихъ подъ крупный ударъ свой въ цѣлой сгромоздившейся массѣ и соразмѣряя ихъ въ своемъ рѣшеніи съ планами, выводами и дѣйствіями крупными. Еслибы онъ, при странностяхъ своихъ, погрузился еще въ мелочной міръ до тонкостей, онъ погрязъ бы здѣсь и не совершилъ бы того, чѣмъ прославился въ исторіи: объ немъ больше бы писали и скорѣе бы его по-

*) Любопытно, что наши переводчики сочли эти разсказы „хвастовствомъ" Сегюра!

няли наши библіографы и біографы заднихъ дворовъ XVIII вѣка. Отъ того и въ послѣдующемъ разсказѣ Сегюра, къ коему переходимъ, и во всемъ, отсюда истекающемъ, получаемъ мы вовсе не мелкую интригу, не ходячую „исторію“ Екатерининской эпохи, не „случай,“ не курьезный анекдотъ: а нѣчто серьезное, крупное, знаменательное, драматическое, богатое силами и плодами, дѣло не минуты, не дня, не увлеченія, не каприза, а дѣло жизни лучшей, исторіи подлинной, творчества художественнаго и даже народнаго,—на языкѣ поэта, который мы уже слышали, на языкѣ народномъ, который скоро встрѣтимъ, теперь же на языкѣ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ „порядочнаго,“ писателя даровитаго, историка цивилизованнаго и знающаго цѣну словамъ своимъ.

Сказавши о томъ, какъ учащалъ Потемкинъ въ домъ Нарышкиныхъ, Сегюръ переходитъ къ главному обстоятельству и продолжаетъ: „Еще одно важнѣйшее побужденіе влекло его сюда: онъ былъ плѣненъ одною изъ дочерей Нарышкина (влюбленъ въ нее, il était épris de). Его отмѣнное и фамильярное ухаживанье за ней не дозволяло никому въ томъ сомнѣваться (никто не могъ въ этомъ сомнѣваться, видя, какъ настойчиво и фамильярно онъ ухаживалъ за нею, безпрестанно находясь съ нею): ибо, посреди всѣхъ (прочихъ постороннихъ), онъ одинъ, казалось, всегда былъ съ нею какъ будто на единѣ (съ глазу на глазъ, вдвоемъ; car, au milieu de tout le monde, lui seule semblait toujours être en tête-a-tête“). „Публичность этого союза (liaison)“ доказывала, что, по замѣчанію Сегюра, союзъ былъ единственнымъ и что внѣ его „не существовало болѣе чувства того же самаго свойства (qu'il n'existait plus de sentiment de la même nature).“ Сверхъ постояннаго пребыванія вдвоемъ среди постороннихъ, они и ужинали вмѣстѣ, за особымъ столомъ въ кабинетѣ: къ этой интимности допускались немногіе, пять — шесть избранныхъ. Сегюръ скоро допущенъ былъ въ ихъ число, воспользовался симъ сближеніемъ для помянутыхъ цѣлей, а главное — самъ видѣлъ и слышалъ все, касавшееся этого союза. „Столъ, за который садились ужинать многочисленные собесѣдники оберъ-шталмейстера, не могъ уже годиться князю Потемкину: потому въ сторонѣ (отдѣльно) въ кабинетѣ, сервировался ужинъ, къ которому приглашалось пять или шесть лицъ, привычно допускавшихся къ его интимности. Я не замедлилъ быть въ этомъ числѣ.“ Повторимъ, что не только пребываніе здѣсь Потемкина, но и самыя бесѣды его съ Сегюромъ заходили иногда за полночь, „занимая большую часть ночи *).“

Марья Львовна, героиня, здѣсь выставленная, по самому свойству „союза,“ обрисованнаго Сегюромъ въ 1785 году, должна была имѣть, при самомъ раннемъ развитіи, по крайности лѣтъ 16 — 17. Опера Фе-

---

*) Кромѣ подтвержденія у Державина, сюда же конечно относятся слова боязливаго и осторожнаго Б. Каменскаго въ біографіи П—на: „въ другое время проводилъ цѣлый мѣсяцъ вечера въ гостяхъ, забывая, по видимому, всѣ дѣла.“ Ср. ниже именно такіе *мѣсяцы*.

вей, видѣли мы, написанная около того же самаго времени, упоминаетъ невѣсту его въ 15 лѣтъ: но это, разумѣется, не больше какъ иронія, приблизительная данная съ цѣлью показать, что невѣста слишкомъ еще молода для героя въ 46 или 47 лѣтъ. Какъ нарочно и какъ всегда почти, къ сожалѣнію, бываетъ при лицахъ выдающихся (не исключая самого Потемкина), особенно же народныхъ, числовыя данныя и первоначальныя подробности или сбиты, или вовсе не существуютъ въ настоящемъ случаѣ: о героинѣ нашей всего меньше говорятъ родословныя, даже у г. Васильчикова, а „списки" Карабанова, родственнаго Потемкинымъ и много знавшаго, совсѣмъ молчатъ. Мы принуждены дѣлать выводы почти ощупью и соображаться съ *прочими* близкими лицами, съ *разными* мелкими подробностями. Такъ, Левъ Александровичъ женился, извѣстно, въ 1759 году. Черезъ годъ, *14 Апрѣля 1760-го*, родился у него первый старшій сынъ, знаменитый одинаково, *Александръ Львовичъ*. За нимъ, вѣроятно въ 1761—2-мъ годахъ, родилась *Наталья Львовна*: и въ Родословной, и у Карабанова одинаково поставленная *первою и старшею дочерью*. Она назначена фрейлиною уже въ 1775 году (Іюля 11, въ Москвѣ, при торжествѣ мира съ Турками), а Ноября 24-го 1780-го обручена съ графомъ Иваномъ Антоновичемъ *Салогубомъ* и въ 1781 году вѣнчана съ нимъ (бракъ, счастливый въ самомъ началѣ, омраченъ былъ горемъ при концѣ, и это роковое отличіе повторялось, о чемъ послѣ). Это была знаменитая и роскошная красавица, блестѣвшая при дворѣ: супруги часто наѣзжали въ Петербургъ, а зимою, когда мужъ не былъ на службѣ, жили въ немъ постоянно. Въ характеристику красоты и вмѣстѣ Нарышкинской „манеры," а равно извѣстной намъ суровости во взглядахъ Румянцова и давняго нерасположенія его, одинаково къ Потемкину и Нарышкинымъ, служитъ разсказъ у Храповицкаго подъ 22-мъ Февр. 1787 года: во время путешествія императрицы, въ Кіевѣ, на балѣ у Кобенцеля Наталья Л. Салогубъ явилась съ грудью до того открытой, что у Румянцова вырвалось восклицаніе,—„нельзя лучше представить искушенія!" Есть нѣкоторые слѣды данныхъ для достовѣрнаго предположенія, что Потемкинъ, тогда уже близкій съ Нарышкиными, первый внимательный взоръ свой бросилъ на выдававшуюся красавицу Наталью, старшую дочь. *Сказка* „Февей," написанная въ слѣдъ за ея свадьбою (императрица сама хлопотала при обрученіи—въ день своихъ имянинъ—и при вѣнчаніи, а послѣ присутствовала на пирѣ), изданная въ 1782 году, выводитъ, какъ мы знаемъ, невѣсту, которой удѣлилъ Февей (Потемкинъ) богатую долю приданаго и вообще за это время „озолотилъ" будто бы отца. Державинъ, также въ то время сошедшійся съ Нарышкиными, а позднѣе очень дружный съ семьею Салогубовъ (см. ниже), не могъ равнымъ образомъ не замѣтитить блестящаго поэтическаго образа при самомъ его появленіи на горизонтѣ: сюда вѣроятно относится по началу своему помянутая „*Параша*," которая всего ближе укладывалась въ имя „*Наташи*" и повторилась потомъ на степени

высшаго развитія въ равносложной „*Эвтерпѣ*“ (если не подходила сюда послѣдующая „Катя“ и „Аша“, то и „Маша“ получила тресложное имя, такъ сказать, по наслѣдству отъ сестры старшей). Почти въ тѣхъ же самыхъ годахъ, именно въ 1783 или около, по вызову помянутой сказки создавши *своего* „Рѣшемысла“ (ср. выше), поэтъ цѣликомъ заручилъ героя въ поклонники „*сей* царицы“ и заставилъ безъ колебаній предпочесть ее „царицѣ *той*,“ красавицѣ роскошной и полуазіатской, подъ которою иные усматриваютъ Елизавету, наслѣдницу Натальи Кириловны и первообразъ дальнѣйшихъ красавицъ Нарышкинскаго рода. Спустя еще года три, въ *оперѣ* „Февей,“ заманчивый для героя образъ „роскошный и Азіатскій“ *снова* явился и помолодѣлъ: но то, что здѣсь было „роскошнаго и Азіатскаго,“ относится опять скорѣе къ воспоминанію о старшей сестрѣ, чѣмъ къ Марьѣ Львовнѣ (ср. ниже); за послѣднею была молодость и, въ наслѣдство отъ прежняго, *роль новая*, въ которой окончательно опредѣлилась она при „Горе-богатырѣ“ въ 1788—89 г. Самыя пѣсни „Нарышкинскія“ числовыми данными своего первоначальнаго происхожденія, да отчасти и „Ода на счастіе,“ свидѣтельствуютъ то же, какъ убѣдимся еще послѣ. Во всякомъ случаѣ, по крайности со стороны красоты и передовой роли, Наталья послужила прототипомъ, который ожилъ и развился, черезъ нѣсколько ступеней и съ нѣсколькими рѣшительными дополненіями, въ Марьѣ Львовнѣ.—За сестрой Натальей слѣдовалъ другой братъ, *Дмитрій Львовичъ*, знаменитый болѣе своею супругою (о чемъ ниже) и родившійся *30-го Мая 1764 года* (жен. 1795).—Послѣ него явилась на свѣтъ *Екатерина Львовна*, одинаково въ Родословной и у Карабанова признаваемая *второю* дочерью Нарышкина: также фрейлина Екатерины, но не выдававшаяся ничѣмъ особеннымъ, ни красотою, ни талантами, ни судьбами. Она вышла за Юрія Александровича, послѣдняго въ родѣ *графа Головкина*, женившагося, сколько извѣстно, довольно поздно и потому вѣроятно бездѣтнаго (при Екатеринѣ онъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ, при Павлѣ снискавшій—какъ все Нарышкинское—приближеннымъ Оберъ-церемоніймейстеромъ, сенаторомъ и т. д., при Александрѣ посломъ въ Китаѣ и Вѣнѣ, при Николаѣ членомъ государственнаго совѣта и попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа; умеръ въ глубокой старости, около 97 лѣтъ). Хотя странно въ числовыхъ данныхъ „предполагать,“ но, по неволѣ идя такой дорогой и готовые при всякомъ новомъ открытіи легко уступить нѣкоторые выводы, мы думаемъ пока, что Головкинъ женился вѣроятно *прежде* 1785 г., когда не „загремѣла“ еще исторія Марьи Львовны; а вмѣстѣ съ тѣмъ отводимъ рожденіе Екатерины Львовны къ 1765—67 годамъ, въ слѣдъ за Дмитріемъ; умерла она 5 Ноября 1820 (старшія лица изъ этой линіи хоронились всѣ въ Петербургѣ).—Выходъ двухъ старшихъ сестеръ изъ отцовскаго дома, а отчасти и со сцены Петербургской, раскрылъ болѣе простора передовой роли для *Марьи Львовны*: ей, вмѣстѣ съ сестрою *Анной Львовной*, опредѣляется время рожденія *въ 1766—67—68-мъ годахъ*; но какая собственно была изъ нихъ

старше, трудно рѣшить. Правда, Анна Львовна въ родословной г. Васильчикова помѣщена передъ Марьею: но, въ числѣ основаній къ сему вѣроятнѣе было то, что она вышла за мужъ, за князя *Понинскаго*, нѣсколько *раньше* сестры, еще при жизни отца (таковъ смыслъ разсказовъ, по контексту, въ „Воспоминаніяхъ" Булгарина). Кн. Понинскій былъ „прекрасный мужчина," особенно „въ своемъ красномъ Мальтійскомъ мундирѣ;" Салогубъ былъ „также весьма пріятной наружности, чрезвычайно обходительный и вѣжливый;" Головкинъ передъ ними, какъ отчасти помянуто, не отличался. Соображая такимъ образомъ раннее замужство, а равно то, что Анна была еще съ 1781 года *) Фрейлиной Екатерины, подобно старшимъ сестрамъ, Марья же нѣтъ, естественно ставить ее старше сей послѣдней. И у Карабанова именуется Анна *третьею* дочерью Нарышкина; но замѣтить должно, что Марья у Карабанова *вовсе* не упомянута, по причинамъ весьма страннымъ (если бы тутъ не было щекотливыхъ исторій): а потому Анна могла являться третьею по счету фрейлинъ, хотя и „не по порядку рожденія" (о смерти ея ничего неизвѣстно). Во всякомъ случаѣ *Марья Львовна* родилась *не позже 1768 года*, ибо за ней шла еще послѣдняя сестра, *Елизавета*, родившаяся по показаніямъ Родословной *1769-го* и умершая въ дѣвицахъ 1795 года. Такимъ образомъ, дѣйствительно наша героиня, послѣ сказки „Февея," вспоминавшей еще Наталью, во время слагавшейся оперы представлялась для героя одною „тѣнью" будущаго возможнаго счастія (см. выше), выводилась сначала „15-ти лѣтъ" по 16-му году, къ концу завершенной оперы выросла—въ 1786 году—и при Сегюрѣ, въ 85—86 годахъ, предстала полнымъ созрѣвшимъ предметомъ горячей любви. Замѣчательно, что изъ сестеръ своихъ она одна не принята была Екатериною *во фрейлины*: виною конечно была ея „исторія;" если только еще, пожалуй, не была ли она „исключена" изъ фрейлинъ и потому естественно опущена Карабановымъ изъ деликатности. Вообще Нарышкины, отчасти конечно изъ за нея, не пользовались при Екатеринѣ „оффиціальными" отличіями. Потомокъ Кириловичей, ближній родственникъ Елизаветы, пріятель „Елизаветинскихъ" людей (въ родѣ Шуваловыхъ), довѣренный сотоварищъ Петра III-го (ср. выше отзывъ Щербатова), Левъ Александровичь, при всей необходимости ласкать его и безъ всякой необходимости безпрестанно колоть его, въ долгій вѣкъ свой при Екатеринѣ не ушелъ дальше оберъ-шталмейстера, какимъ сталъ съ перваго шага. Съ тѣми же прецедентами, но только безъ дочерей, старшій братъ его Александръ былъ счастливѣе, особенно въ лицѣ жены своей Анны Никитишны. Напротивъ, жена Льва, Марина Осипов-

---

*) Письмо Пикара къ Куракину отъ 14 Дек. 1781: „въ фрейлины пожалованы—дѣвица Нарышкина, моя ученица (по примѣчанію редакціи *Анна Л.*), дѣвица Энгельгардтъ (Екат. Вас., послѣ Скавронская)" и т. д. „Р. Стар." 1870, т. I.

на *), урожденная Закревская, дочь Анны Григорьевны—сестры Елизаветинскихъ Разумовскихъ, эта простая и добродушная Малороссіянка, хлопотливая хозяйка и нѣжная, хотя слабодушная, мать большаго семейства, во всякомъ случаѣ не стоившая ѣдкихъ печатныхъ нападеній, не удостоилась видной придворной чести при Екатеринѣ, хотя бы въ параллель съ Анной Никитишною (съ которою раздѣляла фаворъ еще при Петрѣ III-мъ), и возведена въ статсъ-дамы только при коронаціи Павла. То же простиралось, какъ мы видѣли отчасти, и на зятьевъ, при всей поддержкѣ имъ со стороны Потемкина, и на сыновей, которые вообще поднялись только при Павлѣ, а нѣкоторые еще при Александрѣ. Но, кромѣ оффиціальнаго невниманія и литературныхъ описаній, мы вскорѣ увидимъ еще, какъ порою надъ этими лицами тяготѣла съ верху рука судьбы и въ самой жизни личной, семейной и общественной.

При созданіи „Рѣшемысла" въ 1783 году, не дождавшись еще блестящей „царевны," появлявшейся тогда еще издалека въ смутныхъ очертаніяхъ, Державинъ прожилъ въ Петрозаводскѣ, пока она выростала „царицею." Посѣтивъ Петербургъ въ Октябрѣ 1785 года и пробывъ въ немъ до Марта 1786-го, онъ все короткое время это поглощенъ былъ отпоромъ преслѣдованій, направленныхъ со стороны новаго любимца Ермолова, и, не дождавшись еще его паденія, а вмѣстѣ развязки замутившихся дѣлъ Потемкина, уѣхалъ къ новому назначенію въ Тамбовъ; отсюда явился онъ снова къ берегамъ Невы лишь въ 1789 году, къ заключенію извѣстнаго намъ торжества и вмѣстѣ горя Эвтерпы. Храповицкій же, какъ сказано, все первое время своихъ „Записокъ" слишкомъ кратокъ и невнимателенъ къ подробностямъ. Такъ остается намъ одинъ Сегюръ, къ которому и возвращаемся среди 1785 года.—Убѣдившись въ существованіи новаго, не бывалаго дотолѣ, Потемкинскаго „союза," Сегюръ долженъ былъ самъ хорошенько осмотрѣться и остеречься: при его шаткомъ положеніи относительно императрицы, а слѣдовательно при шаткости Французскаго дѣла, ему ввѣреннаго, слишкомъ было бы рискованно для него безъ оглядки вступить въ постоянные ассистенты и партизаны щекотливаго союза. Но „публичность" сего послѣдняго, какъ мы видѣли, сама же убѣждала и въ безопасности соучастниковъ: иностранецъ удовлетворился общимъ господствовавшимъ мнѣніемъ, что „открытый" новый союзъ развязывалъ всѣмъ руки, поступки и рѣчи, что нечего было бояться, ибо иначе не допустилъ бы никто такой „откровенности." Подъ говоръ Петербургской молвы, онъ составилъ себѣ такой взглядъ, что *съ одной стороны* онъ присутствуетъ при явленіи зародившейся недавно горячей „любви," любви „первой" для обоихъ любящихъ, любви столь естественной и простой въ лицахъ,

---

*) Въ данныхъ XVIII вѣка, на прим. въ „Р. Стар.," ее называютъ безпрестанно то *Мариною*, то *Марьею.*

имѣющихъ право распелагать собою, столь обыкновенной во всякомъ обществѣ; а *съ другой стороны*, что не могло быть никакой помѣхи, ни „государственнаго“ вмѣшательства въ чувство „личное“. Іюня 25-го, 1784 года, скончался 26-ти-лѣтній Александръ Дмитріевичъ *Ланской*; въ Февралѣ-Мартѣ 1785 года, поднялся 30-ти-лѣтній Александръ Петровичъ *Ермоловъ* *): но этотъ мальчикъ или, какъ говорится въ подобномъ дѣлѣ, мальчишка, конечно не столько лѣтами, сколько неопытностью, въ силѣ своей безцвѣтный и индиферентный по физіономіи, этотъ „бѣлый негръ (nègre blanc),“ какъ называлъ его Потемкинъ, возвышенъ былъ симъ послѣднимъ. И при Ермоловѣ, по словамъ Сегюра, „Князь сохранялъ тотъ же самый кредитъ.“ Да и какъ же было Сегюру не прійти къ такому убѣжденію, когда онъ видѣлъ, что именно черезъ Нарышкиныхъ сблизился съ Княземъ до личной дружбы, а черезъ Князя столь же скоро снискалъ себѣ, казалось прежде недоступное, расположеніе Императрицы? И вотъ, Французскій посланникъ, нашедши такую прямую, а вмѣстѣ кратчайшую дорогу, поддерживалъ неусыпно роль ассистента въ теченіе долгихъ вечеровъ и ночей при мирныхъ утѣхахъ влюбленнаго князя, засиживался съ нимъ въ кабинетѣ его и въ ногахъ на постели, проводилъ свои отечественныя идеи торговли и мира съ Турками, налаживалъ спѣющій трактатъ, съ каждымъ часомъ успѣвалъ у государыни. Она брала Сегюра въ столь поучительныя свои поѣздки, въ сотоварищиществѣ съ отцемъ Нарышкинымъ, отправлялась съ Сегюромъ на дачу къ сему послѣднему, дѣлила вмѣстѣ вечера, оживлявшіяся шутливыми выходками оберъ-шталмейстера, и посылала старика на домъ къ Сегюру съ семейными порученіями. Затрудненія и непріятности казались возможны лишь въ далекомъ будущемъ, какъ точки на политическомъ горизонтѣ. Изъ нихъ больше всего пугала Француза случайность войны съ Турками, изъ за честолюбія Екатерины и подвижности Потемкина: но прочіе министры, замѣтилъ Сегюръ, не раздѣляли политическихъ видовъ князя; ихъ тайныя симпатіи были за миръ, завоеванія не сулили имъ выгодъ личныхъ; Воронцовъ боялся задержекъ въ торговлѣ, Безбородко многочисленныхъ препятствій дипломатіи, всѣ вмѣстѣ—боялись возраста Потемкинскому могуществу; дворянство, мало тронутое пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ пустынь, предвидѣло тяжести, сопряженныя съ увеличеніемъ арміи; представители Англійскіе, Прусскіе и подобные ладили въ тотъ же тонъ. Самъ Потемкинъ, какъ будто вынужденный этимъ, увѣрялъ, что не начнетъ наступательныхъ дѣйствій, собирался какъ ни будь отправиться на Кавказъ и безпрепятственно допускалъ другу Туркофилу носить новое титло „Сегюръ-Эффенди.“ Могло бы конечно сложиться при этомъ

*) Г. Геннади опять удивляетъ насъ, разсказывая при Запискахъ Х—го, что Ермоловъ, отправившійся путешествовать въ 86-мъ, *умеръ въ 85-мъ году* (собственно въ 1836).

такъ, что сила, сплотившаяся для сдержки Потемкина на поприщѣ военномъ, помѣшала бы за одно его другу въ успѣхѣ мирныхъ плановъ и торговыхъ переговоровъ: по счастью князь не измѣнялъ дружбѣ и, страшный врагъ мелочныхъ интригъ, водимый болѣе крупными планами въ дѣлахъ самой торговли, поддержалъ стойко Сегюра, защитивъ отъ главнаго врага въ семъ отношеніи, графа Воронцова. Оставалась за симъ развѣ одна, вѣчная опасность—въ личныхъ свойствахъ самого Князя. „Этотъ отмѣнный человѣкъ выказывалъ иногда орлиный геній и еще чаще непостоянство ребенка. Великіе предметы приводили его въ движеніе, мелкія подробности его отталкивали наскучивая; никто не соображалъ плана съ такою быстротою, не выполнялъ съ большею медленностью и не покидалъ съ большей легкостью. Онъ всегда, казалось, готовъ былъ продать все, только что купленное, и перевернуть къ верху дномъ созданное; любое музыкальное или поэтическое произведеніе отвлекало его отъ записки о политикѣ или торговлѣ, и очень часто, по легкости своей, терялъ онъ кредитъ въ дѣлахъ, требовавшихъ постоянства и работы.“ Чѣмъ болѣе росла его благосклонность, тѣмъ больше страшился въ немъ Сегюръ случайной перемѣны и начиналъ уже побаиваться, слыша отъ него о намѣреніи двинуться на Кавказъ. Однако отношенія къ Нарышкинымъ и тутъ осѣтили порывистаго героя, усадивъ его крѣпко въ столицѣ, какъ будто чтобы дать Французскому послу время упрочить вліяніе и доработать трактаты. Такимъ образомъ, все къ концу 85-го года сводилось къ миру, тишинѣ, любви и успѣху.

И при всемъ томъ, если бы Сегюръ, посѣщая Эрмитажъ, внимательно всмотрѣлся въ тамошнія „невинныя забавы,“ онъ замѣтилъ бы скоплявшуюся грозу со стороны, по видимому меньше всего угрожавшей, въ ходу мелочей, готовившихъ неожиданные сюрпризы. Говоря о „какой-то тайной связи,“ писатель былъ близокъ къ существу дѣла: отношенія къ Потемкину и самого Потемкина къ Нарышкинымъ были таковы, какихъ не часто встрѣчаемъ вь обиходной жизни; они были изъ того разряда, куда нѣтъ прямаго доступа сужденіямъ и суду человѣка; того свойства, что, по выраженію народа нашего, судить ихъ единому Богу. Наши біографы и библіографы размѣняли ихъ на мѣдную мелочь, дрязги и скандалы: исторія дѣйствительная, исторія подъ перомъ умныхъ писателей, поэзія Державинская и пѣсня народная возвращаетъ имъ всю необычайную цѣну и глубокое значеніе. Случаи съ Потемкинымъ, исторіи сходныя и тѣмъ болѣе разительныя своею аналогіею, повторяются не разъ въ годахъ, о которыхъ рѣчь, и своими крупными послѣдствіями выходятъ изъ ряда тогдашнихъ мелкихъ „исторій“ или „случаевъ;“ роль Нарышкиныхъ занимаетъ здѣсь не послѣднее мѣсто и, по временамъ слабѣя, чрезъ извѣстные періоды и года постоянно возстаетъ снова передъ нашими взорами, нося печать чего-то роковаго; Марья Львовна была богата одинаково какъ своимъ настоящимъ, такъ и предъидущимъ, и послѣдующимъ. Объяснимся нѣсколькими примѣрами.—Не разъ Потемкинъ бѣжитъ отъ свѣта, двор-

ца, самого себя: счастье его ищетъ и возвращаетъ; падаютъ его совмѣстники: а самъ онъ поднимается каждый разъ и выростаетъ все выше; онъ подходитъ—и теряетъ; удаляется и выигрываетъ; а между тѣмъ, въ промежуткахъ сего, совершаются величайшія событія, какъ результаты кажущихся мелочей, и временная смута разрѣшается все новымъ и новымъ блестящимъ подвигомъ героя, все новою славою десницы, его направлявшей. Въ самомъ началѣ, къ первой своей извѣстности, Потемкинъ перешагнулъ на берега Невы прямо изъ иноческихъ Московскій келій, отъ задушевныхъ бесѣдъ по предметамъ вѣры, чуть было не поглотившихъ его. Выдвинуться передъ Орловыми помогло ему удаленіе изъ столицы на военное поле за славою. Съ дивана, изъ шлафрока и глубокихъ размышленій, отъ забвенія заслугъ, грозившихъ ему ничтожествомъ, вызванъ былъ онъ въ генералъ-адъютанты. Получивъ Александро-Невскій орденъ, бѣжалъ онъ въ Александро-Невскій монастырь и готовъ былъ вступить въ тамошній орденъ монашескій: и только отсюда перешелъ онъ непосредственно во дворецъ любимцемъ счастія къ безчисленнымъ почестямъ, и съ тѣхъ поръ только сталъ здѣсь твердою стопою. Не столько политическія неудачи Гр. Гр. Орлова, сколько романтическій, воспѣтый въ романсѣ бракъ его съ Зиновьевою, освободили поприще исключительному вліянію Потемкина. Тѣмъ не менѣе, и среди подобныхъ обстоятельствъ, не оставлявшихъ желать ничего лучше, князь не рѣдко ищетъ уйти подальше отъ славы,' Петербурга и царскихъ чертоговъ. Такъ, провожая императрицу для празднованія Турецкаго мира, въ Москвѣ начинаетъ онъ жаловаться на болѣзнь, болѣзнь часъ отъ часу усиливается. Указанный Румянцовымъ, выступаетъ Завадовскій, его поддерживаютъ Орловы и Панины *): но Потемкинъ возвращается къ первенству, а Румянцовъ, съѣздивши въ Берлинъ, вернулся въ свою Малороссію чтобъ быть съ тѣхъ поръ на второй ступени подручникомъ. Путешествіе, предпринятое недавнимъ больнымъ въ подчиненное ему громадное намѣстничество для поправленія разстроеннаго здоровья, оканчивается подаркомъ ему дворца и водвореніемъ его въ смежности Эрмитажа, какъ будто для игры и представленій, а въ сущности для великихъ плановъ и дѣйствій, простершихся отсюда на Югъ Новой расширенной Россіи. Съ сей поры, послѣ столь разительныхъ и неизмѣнно повторявшихся явленій, у современниковъ героя и всѣхъ почти послѣдующихъ его біографовъ сложилось стереотипное выраженіе, твердившее съ явнымъ по видимому притворѣчіемъ: „Потемкинъ оставилъ дворъ, удалился,—такъ пролагалъ онъ дорогу къ своему возвышенію;“ „Потемкинъ захотѣлъ быть подальше отъ двора, желая удержать пріобрѣтенное могущество и усилить

---

*) Документы о Завадовскомъ съ подробнымъ толкованіемъ см. въ примѣчаніяхъ г. Грота къ изданію стихотвореній Державина, т. I, стр. 256—258.

свое вліяніе;“ „онъ уклонился на время, чтобы достигнуть вѣрнѣе предположенной цѣли,“ и т. п. *) На обыкновенные умы и сужденія какъ будто напущена была какая-то тьма: не даромъ о Потемкинѣ говорили современники, что съ нимъ „Тьма настала.“ Наконецъ, естественнымъ и послѣдовательнымъ движеніемъ событій, дошло до того, что Потемкину укрываться было уже некуда и прятаться негдѣ: если личною судьбою своею напускалъ онъ на мелкіе умы тьму, то за то вокругъ, куда бы ни простирался во внѣ, приносилъ уже съ собою сопутственный свѣтъ, и не однимъ титломъ свѣтлѣйшаго, а скорѣе свѣтомъ своего просвѣщенія, дальновидностію взора, уясненіемъ для Россіи задачъ ея и предначертаній. Все оживало и свѣтлѣло съ его прибытіемъ, какъ ожили, и населились, и просвѣтились края имъ созданные, до того чужіе и дикіе, мрачные и пустынные. Въ Эрмитажѣ онъ былъ душею, его играли и объ немъ пѣли; Москва его не укрывала по прежнему; отдаленные уголки земли Русской сдѣлались его личною областью и сценою. Онъ прятался въ кабинетѣ: кабинетъ, видѣли мы, густо заселялся вокругъ него и громко оглашался; онъ любовалъ тамъ племянницъ: мать слала ему изъ Москвы грозныя укоризны за оглашенныя тайны поведенія. Извѣданный развратъ страстей могъ скоро пресытить до отвращенія, но не могъ никогда питать великой души. Тогда-то нечаянное убѣжище для покрова тайнамъ открылось герою въ самомъ Петербургѣ, въ крайней близости; тогда-то, съ извѣстной поры, распахнулся ему, домъ Нарышкиныхъ, чтобы подъ кровомъ своимъ запахнуть его за своими дверями. Съ сихъ поръ именно и перешли на этотъ домъ всѣ тѣ и совершенно тѣ же отзывы, мнѣнія, рѣчи, характеристики и черты, которые прежде столь обильно и столь стереотипно прилагались ко всѣмъ другимъ убѣжищамъ Потемкина; понятно, отчего устремилось сюда столь пристальное вниманіе, напряглись взоры и слухи, заходило всякое бойкое описательное перо, возникъ новый сюжетъ театральныхъ пьэсъ, послышались Державинскія и прочія стихотворенія, прозвучала самая пѣсня. Бываетъ ревность не ради одной личной любви, не изъ одной физической привязанности и даже не изъ одной духовной дружбы: возможна ревность ради подвиговъ, силы, чести, геройства, славы и пользы лица близкаго, предмета ревности. Мы возвращаемъ такимъ образомъ всю силу нравственнаго побужденія такимъ явленіямъ, въ которыхъ другіе видятъ лишь матеріальность, безхарактерность или даже месть: то, чего не могъ понять узкой исторіографъ Щербатовъ, толкуется на другомъ языкѣ совсѣмъ въ иномъ, высшемъ смыслѣ. Съ этой точки зрѣнія явленіе каждаго—можетъ статься—новаго фаворита отвѣчало недавнему уклоненію По-

*) У Б. Каменскаго въ біографіи, у г. Грота въ помянутыхъ примѣчаніяхъ и мног. друг.

темкина и, возбуждая его обрѣсти прежнее равновѣсіе, сопровождалось послѣ сего вызова усиленными плодами дѣятельности въ героѣ, ростомъ его силы и славы, возвращеніемъ къ тому корню, отъ котораго пошла вся жизнь его: не даромъ говорила Екатерина о Потемкинѣ, что ему „надобно держаться за корень, а не за вѣтви (ср. ниже).“ Это же самое прилагалось всего больше и въ отношеніи къ Нарышкинымъ.

Мы упомянули объ особенномъ сближеніи съ ними Потемкина во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Кромѣ другихъ причинъ сему, уже разъясненныхъ нами, старуха Марина Осиповна, истая, простая и наивная Малороссіянка, окруженная земляками и землячками, совершенно была по вкусу Потемкина, столь склонному къ Малой и Бѣлой Руси. Троюродный братъ князя (и кромѣ того шуринъ Татьяны Васильевны, урожденной Энгельгардтъ, племянницы Григорья А—ча), съ нѣкотораго времени вступившій подручникомъ къ фельдмаршалу и ему обязанный, Пав. Серг. Потемкинъ обвѣнчанъ былъ на родной племянницѣ Марины Осиповны. Пышность красавицы, старшей дочери Натальи, поднявшейся на горизонтѣ семейномъ, общественномъ и придворномъ съ 1775 года (ср. выше, — фрейлиной назначена она въ Москвѣ, въ ту самую пору, какъ заболѣлъ тамъ Потемкинъ), привлекла такое же сердечное расположеніе Потемкина, какимъ пользовались его собственныя родныя племянницы. Замѣчательно, что пѣсни, запечатлѣнныя особой оригинальностью и послужившія основою прочимъ „Нарышкинскимъ,“ а въ частности пѣснѣ Марьи Львовны (ср. ниже), возникли именно въ этихъ годахъ, 1776—82, и впервые появились, съ музыкою, у подручнаго Князю гуслиста Трутовскаго; Державино-Дмитріевская „Параша (=„Наташа“),“ мы говорили, также послужила прототипомъ Эвтерпѣ. Отчасти отвѣтомъ на эти отношенія, отчасти ихъ объясненіемъ послужило извѣстное путешествіе Екатерины въ Бѣлоруссію, 1780 года, сближеніе съ Іосифомъ II-мъ и посѣщеніе удаленнаго Зорича (въ Шкловѣ), при чемъ въ свитѣ, рядомъ съ Потемкинымъ, Браницкой (его старшею племянницей), С. Ѳ. Голицынымъ (его зятемъ) и Л. А. Нарышкинымъ, выдается уже А. Дм. Ланской (ср. Записки Добрынина). Быстро послѣдовало за симъ обрученіе и замужство Натальи Львовны за гр. Ив. Ант. *Сологуба*, генералъ-маіора Русской службы. Начиная съ этого примѣра, послѣдующіе браки въ семьѣ Нарышкиныхъ, замужства и женитьбы, совершались по большей части съ лицами изъ знатныхъ родовъ Западной, Бѣлой или Малой Руси, а за нею естественно потянулось и родство съ Польшею. Вѣря на слово Ѳаддею *Бенедиктовичу*, библіографы наши повторяютъ, что государыня особенно покровительствовала браку Поляковъ съ Русскими и что, въ связи съ симъ, стояли замужства дочерей Нарышкина: но эти „передовые“ Поляки, „въ началѣ“ выдвинувшіеся, по большей части были такіе же, какъ мы съ вами, читатель Русскій. Присоединеніе Руси Бѣлой въ ея восточныхъ окраинахъ, къ намъ ближайшихъ) и сліяніе съ Ма-

лою (въ особенности начиная съ Разумовскихъ) вывело оттуда въ родство къ намъ много коренныхъ, древнѣйшихъ Русскихъ фамилій: разумѣется, къ нимъ примѣшивались элементы Польскіе, или чрезъ ополяченіе Русскихъ, или чрезъ обрусѣніе Польскихъ. Поляки „чистые,“ хотя и обязаны были успѣхомъ своимъ, въ этомъ отношеніи, вліянію Понятовскаго: но, за удаленіемъ его отъ Двора и по шаткости отношеній нашихъ къ Польшѣ, держались на „второмъ“ планѣ, пододвинулись только черезъ Западную Русь, отчасти и нѣсколько позднѣе, послѣ дальнѣйшаго рѣшенія ихъ участи, отчасти и по вліянію Французовъ (напомнимъ женидьбу Шуазѣля, современника, сотоварища и соратника Сегюру: онъ женился на Потоцкой, дочери Польскаго, потомъ Русскаго генерала; вторая женидьба его на знаменитой Полькѣ Тизенгаузенъ, и обратно бракъ оставленной имъ Потоцкой съ Бахметевымъ; и т. п.). Самъ Потемкинъ, будучи по роду той же смѣшанной закваски *), явился изъ „передовой“ Бѣлорусской области—Смоленской, поднялся главою южныхъ Малорусскихъ поселеній, сдѣлался народнымъ именемъ сей же племенной вѣтви и ея козачества, страстнымъ любителемъ и любимцемъ тамошней народной пѣсни (вотъ почему, между прочимъ, элементы Западнорусскіе и чрезъ нихъ Польскіе вошли въ основу пѣсней Нарышкинскихъ). Всего больше его личному вліянію, а вовсе не Екатерининскому, обязаны мы первымъ дѣятельнымъ союзомъ и родствомъ съ помянутыми фамиліями: изъ собственныхъ родныхъ племянницъ его, урожденныхъ Энгельгардтъ, Александра Васильевна—знаменитая—выдана за Браницкаго (Польскій коронный гетманъ, потомъ Русскій генералъ; нисходящая линія за Сангушкомъ, Потоцкимъ). Семья же Нарышкина расположена была въ эту сторону какъ въ лицѣ старухи, по отцу Закревской, по матери Разумовской, такъ и въ лицѣ самого Льва А—ча, давняго пріятеля Понятовскому: но еще больше простерлось сюда громадное вліяніе Потемкина, продолжавшееся даже по его смерти въ тонѣ, однажды заданномъ, и выражавшееся какъ въ выборѣ жениховъ (и невѣсты за Дмитрія Львовича), такъ въ покровительствѣ имъ на службѣ Русской (сила Потемкина выводила ихъ въ генералы), да и въ надѣлѣ ихъ имѣньями изъ присоединенной Бѣлоруссіи (гдѣ владѣлъ и Потемкинъ; ср. ниже). Что касается до самой государыни, то она какъ при жизни, такъ при паденіи и по смерти Потемкина, лишь „соизволяла“ сего рода бракамъ, сходившимся собственно на основѣ „фамильныхъ“ преданій. Послѣ Браницкой, такимъ точно явленіемъ, и и однимъ изъ старшихъ, было замужество Нарышкиной за Салогуба **).

---

*) Иностранцы даже на чисто, хотя и ошибочно, выводили его праотцевъ изъ Польши.

**) *Сало-губъ* (какъ Лизо-губъ) превратился въ *Соллогуба* по той же несчастной привычкѣ, по которой въ Западной Руси (да позднѣе и въ прочей), изъ предпочтенія всякой фамиліи, лишь бы чужой и похожей на иностран-

Въ изданной непосредственно за симъ (1782) сказкѣ о „Февеѣ", какъ мы знаемъ, герой и награждаетъ отца, и участвуетъ въ приданомъ за дочерью - невѣстою. Столь же непосредственно изъ сказки сей вырабатывается, въ теченіе 1785 года, одноименная „опера," законченная въ началѣ (Февралѣ—Апрѣлѣ) 1786-го: мы помнимъ, съ какою послѣдовательностію развито ея содержаніе изъ основъ сказочныхъ, съ какою тонкостію обрисованы черты образовъ въ главныхъ лицахъ. Двойство, колебаніе въ самомъ героѣ, то влекущемся впередъ за неопредѣленными цѣлями, то озирающемся и возвращающемся вспять, выражено въ двоеніи самаго лица — на Февея и Рѣшемысла. Еще больше двоенія въ другомъ лицѣ, какъ предметѣ любви давней и искомой новой: предметъ любви давней то предстаетъ со стороны государственнаго долга (царь), то со стороны любви (матушка царица); потомъ, сама царица либо рисуется Елизаветинскими, чтò то же—Нарышкинскими, Восточными и роскошными чертами, либо степенными и материнскими, которыя подъ конецъ и преклоняютъ Февея, особенно же мыслящую его сторону—Рѣшемысла—вырвать изъ сердца поползновеніе къ Азіатизму. Предметъ любви новой рисуется въ томъ же, Восточномъ и роскошномъ вкусѣ: съ этой стороны, повторяемъ, онъ совпадаетъ съ роскошною Натальею Львовной. Но, сверхъ сего, онъ плѣняетъ героя почти еще дитею, пятнадцати лѣтъ; представляется сначала въ туманѣ, какъ цѣль неопредѣленныхъ желаній; постепенно растетъ передъ нами; подходитъ сперва издали, а наконецъ является и во очью, царевной-невѣстою. Это никто другой, какъ Марья Львовна, смѣнившая сестру старшую, ей наслѣдовавшая и даше превзошедшая ее въ передовой роли. Такимъ образомъ, очевидно, послѣ эпохи Натальи Львовны, со времени ея замужства, въ годахъ 1785—86-мъ, въ эпоху законченной оперы и опредѣлившейся роли Марьи Львовны, отвѣтнымъ явленіемъ было возвышеніе Ермолова. Та и другая эпоха сопровождалась извѣстнымъ „удаленіемъ" Потемкина и, послѣ даннаго ему „урока," когда дѣла приходили въ равновѣсіе, возбужденіемъ героя къ новой, усиленной дѣятельности. Это могло бы войти въ руководство соображеній Сегюра, еслибы онъ не былъ еще новичкомъ въ Россіи, еслибы могъ сравнивать періоды прежніе или, по крайности, еслибы въ Эрмитажѣ съумѣлъ подмѣтить тайныя пружины, руководившія одинаково и сценою, и событіями. Ему пришлось вскорѣ описывать историческія событія въ той же самой связи, въ которой представлялись они на театрѣ.

ную, до сихъ поръ являются намъ—*Козелло* вмѣсто *Козелъ*, *Лопатто* вмѣсто *Лопата* и т. п. Булгаринъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" причислилъ къ Полякамъ даже Вельгорскаго: зналъ ли объ этомъ Михаилъ Юрьевичь и другъ его Одоевскій?

Мы знаемъ уже, какъ появилась сценическая царевна Азіатскаго Востока, въ слѣдъ за Калмыцкимъ посольствомъ, Татарами, Монголами и тому подобными лицами, смѣнявшими другъ друга на сценѣ; знаемъ роль сихъ же самыхъ лицъ въ жизни Потемкина и въ исторіи этого „опекуна иновѣрцевъ,“ преимущественно Азіатскихъ, за тѣ же годы; встрѣчаемъ тѣхъ же Сибирцевъ, Киргизовъ, Татаръ, Калмыковъ и прочихъ въ Фелицѣ, въ Рѣшемыслѣ, въ стихотвореніяхъ Державина къ Потемкину и Нарышкину; не можемъ забыть, что въ тогдашней дѣйствительности Русской фигурировали они чуть не на первомъ планѣ, такъ что и Храповицкій не могъ миновать ихъ на первыхъ же страницахъ Записокъ: теперь же, наконецъ, хотя весьма естественно и ожиданно, находимъ, что и Сегюръ, обращаясь къ описанію предлежащей катастрофы, вынужденъ былъ именно разбирать дѣла Азіатцевъ и въ „исторіи,“ ихъ касавшейся, указывать пружину наступившихъ рѣзкихъ явленій. Заканчивая 1785-й годъ, столь благополучно расположившійся для видовъ Сегюра, онъ въ заключеніи года усматриваетъ „зловѣщія предзнаменованія,“ „мрачныя тучи, поднявшіяся на Юго-Востокѣ,“ въ образѣ Ахалцигскаго паши, Кавказскаго Мансуры, Кубанскихъ Татаръ. Затронувши ихъ, писатель принужденъ говорить вообще о Кавказѣ и въ частности остановиться съ подробностію на Кабардинцахъ, изображая бытъ ихъ въ тѣхъ же совершенно картинахъ, которыя поставилъ на сцену „Февей:“ и тѣмъ больше, что Кабардинцы являлись живьемъ просить милости императрицы, Сегюръ видѣлъ ихъ лица, одежды ихъ, вооруженіе, игры. За тѣмъ, ради сходства событій, переносится онъ къ разрыву съ Китаемъ, когда императоръ послѣдняго прислалъ обидное письмо государынѣ (ср. Февея, Храповицкаго и др.), а войска наши вошли въ глубь Сибири. Но эта исторія выводитъ за собою причину: и вотъ у Сегюра, какъ въ Эрмитажѣ, на сценѣ Калмыки, въ откочевкѣ ихъ съ Каспійскаго моря, съ посольствомъ ихъ, рѣчами, славою. Мало по малу однако Кавказскія дѣла приняли благой оборотъ и, въ началѣ 1786 года, дипломатъ убѣждается, что Потемкину не за чѣмъ уже ѣхать туда и все пойдетъ отнынѣ отлично. Какъ вдругъ—„великая неожиданность,“ притомъ государственная, придворная, общественная: и кто же виною, поводомъ, вызовомъ? Тѣ же, роковые, Азіатцы, Татары, Крымскій ханъ. Выслушаемъ въ точной послѣдовательности слова Сегюра. „Къ великой нечаянности двора, оказалось, что Ермоловъ дѣлаетъ покушенія на князя Потемкина и видимо угрожаетъ его кредиту. Крымскій ханъ Сахимъ-Гирей, утрачивая свое владычество, получилъ въ замѣнъ отъ императрицы обѣщаніе, что его вознаградятъ и дадутъ ему ежегодное, значительное содержаніе. Не знаю почему, только уплата этой пенсіи замедлилась. Подозрѣвая, что опредѣленныя ему суммы кн. Потемкинъ обратилъ на какое ни будь другое назначеніе *),

---

*) Такова была обычная „манера“ П—на: при настоятельной нуждѣ, особенно военной, онъ схватывалъ деньги гдѣ попало, изъ перваго встрѣчнаго

ханъ съ живостію жаловался на это небреженіе или на эту неисполнительность, а чтобъ жалобы его вѣрнѣе дошли къ Екатеринѣ II-й, онъ адресовался къ Ермолову. Послѣдній воспользовался такимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы возбудить государыню противъ могущественнаго министра и льстился, отчасти слишкомъ уже легкомысленно, низвергнуть его."—Таковъ былъ первый видимый толчокъ: отсюда каждый послѣдующій параграфъ у Сегюра представляетъ собою шагъ за шагомъ разгаръ событій, пока невольно и почти ощупью подходитъ наконецъ къ подлинной пружинѣ всѣхъ дѣйствій. „Всѣ, недовольные высотою кн. Потемкина, сомкнулись при Ермоловѣ и тотчасъ, со всѣхъ сторонъ, Екатерину осадили доносами на администрацію князя, котораго они обвиняли даже въ поживахъ."—„Императрица обратила на это вниманіе и выказала довольно живое негодованіе. Но, вмѣсто того, чтобъ объяснить свое поведеніе и оправдаться, гордый и смѣлый князь противупоставляетъ въ отвѣтъ рѣзкія отрицанія, холодную сдержанность и по большей части молчаніе (ср. выше). Наконецъ, онъ не только вовсе перестаетъ присутствовать при своей государынѣ, но даже удаляется, бросаетъ Царское село и *проводитъ въ Петербургѣ цѣлые дни у оберъ-шталмейстера, занятой по видимому одними только пирушками, увеселеніями и любовью* *)." Въ этомъ вся суть событій, обличающихъ непростительную самонадѣянность Потемкинскаго поведенія. Но здѣсь же, на этомъ шагу, кончается, какъ мы знаемъ, и опера: естественно, что развязка ея еще не рѣшительна; герой и возвращается домой, и радуется царевнѣ; царевна „не можетъ ничего сказать, принуждена скрывать;" а хоръ поетъ двусмысленно „Ею мы благополучны, Дай судьба дни неразлучны," такъ что это прилагается одинаково и къ Державинской „Эвтерпѣ," и къ Державинской „Царицѣ" въ „Рѣшемыслѣ." Начинается глухая пора въ теченіе нѣсколькихъ, весеннихъ и лѣтнихъ, мѣсяцевъ: пора такая же, какая повторилась послѣ, мы знаемъ, въ тѣхъ же мѣсяцахъ 1789 года. Храповицкій отзывается о семъ одинаково глухо

источника, оставляя лишь расписки (ср. Державина, дѣла Военной коллегіи, Сутерланда и проч.); императрица знала это, оправдывала и, со свойственной аккуратностію, хотя не безъ труда иногда, разбирала за него и ликвидировала послѣ счеты („Записки" Д—на и Х—ій). Такъ и притязанія хана вскорѣ она оцѣнила должнымъ образомъ (Х—кій подъ 8-мъ Апр. 1787). Но хорошо у насъ обращаются съ историческими свидѣтельствами: краснорѣчивый переводчикъ „Записокъ" Сегюра (1865 г.), съ высока цѣнившій писателя, переводитъ—„Ханъ, подозрѣвая Потемкина *въ утайкѣ этихъ денегъ* (!)..."

*) Русскій переводчикъ: „Потемкинъ—выѣхалъ изъ Царскаго въ П—гъ, гдѣ проводилъ дни у Нарышкина и, казалось, только и думалъ, какъ бы веселиться и разсѣяться." Понятно, что при такихъ руководствахъ у нашихъ библіографовъ вовсе ускользала изъ глазъ роль Нарышкиной.

и лишь нѣсколько пробивающихся взрывовъ даютъ понятіе о томъ, что̀ совершалось подъ гладкою поверхностію текущей жизни. Апрѣля 22-го, первый и послѣдній разъ въ 1786 году (см. ниже) сыграли для Эрмитажа „Февея;“ 23-го государыня похвалила „хоръ *о красотѣ невѣсты*,“ и того же числа „къ обѣду переѣхали въ Царское село.“ Для однихъ это было отъѣздомъ изъ Петербурга: другіе, мы знаемъ, обратно уѣхали отсюда въ Петербургъ, къ убѣжищу иному. Съ тѣхъ поръ, до половины Іюля, у Х—го Потемкинъ исчезаетъ и его вовсе нѣтъ на сценѣ. Оперу словно забыли и занялись другими сочиненіями. Какъ передъ первымъ представленіемъ „Горе-богатыря“ захворали главные исполнители и актеры (изъ страха передъ Густавомъ! ср. выше), такъ Бразинскій, камердинеръ, котораго сочинительница почтила, давши ему 27-го Февраля прочитать Февея тихонько въ будуарѣ, внезапно захворалъ и 9-го Мая умеръ. Мая 30-го ведется разговоръ о Потемкинѣ заглазно, въ 3-мъ лицѣ; его государыня оправдываетъ противу нападеній Вяземскаго, Чернышова, Панина, Орловыхъ, прибавляя: „Кн. П—нъ *глядитъ волкомъ*, и за то не очень любимъ, но имѣетъ хорошую душу; хотя даетъ щелчка, однако же самъ первой станетъ просить за своего недруга.“ Тѣмъ не менѣе, самого Потемкина не видно. „6-го Іюня. Во время гулянья наѣхали на кладбище въ Царскомъ селѣ. Вспомнили Ланскаго. 7-го Во весь день не было выхода.“ Іюня 23-го „Отъ безпокойства не было выхода.“ Черезъ три дни, 26-го, Завадовскій острить надъ Нарышкинымъ и встрѣчаетъ еще болѣе презрительный отзывъ по поводу того, что об. шталмейстера видѣли верхомъ: „Jl fallait le faire monter sur un âne.“ За симъ у Х-го при имени Льва Александровича точки, съ замѣткою „онъ упалъ съ лошади *)(ср. въ Февеѣ щедрое вознагражденіе отъ П—на Стремянному за паденіе, „на лѣкарство“).“ Опять въ разсказѣ все точки. Подъ 5-мъ Іюля, вслѣдствіе рапорта Кавказскаго Потемкина, намеки о томъ, что между Чернымъ и Каспійскимъ Моремъ можетъ образоваться особая область, равная герцогству Курляндскому: это именно та область, куда прочили удалить Князя, наградивъ его симъ способомъ въ замѣнъ прежнихъ предположеній, льстившихъ ему титломъ и владѣніемъ герцога Курлянд-

---

*) Съ этихъ поръ только, уже при печатаніи, получили мы новое изданіе Записокъ Х—го (г. Барсукова: мнѣніе наше о семъ трудѣ предложено литературѣ въ „Моск. Вѣдом.“ № 77). Какъ и въ другихъ случаяхъ, текстъ здѣсь разнится, безъ объясненій, отчего разность, и безъ толкованій. „Завад... сказывалъ, что видѣлъ рѣдкость: Л. А. Н. верхомъ. Jl falloit le faire monter sur un âne (слова Е—ны). Шутка о Шведскомъ королѣ (?). Онъ (?) упалъ съ лошади Нар... (?).“ На оборотъ, у г. Геннади: „Шутка о Шведскомъ королѣ Л. А. Нар.... (шутка Нарышкина).... онъ (по тексту—Нарышкинъ) упалъ съ лошади.“ Текстъ у г. Геннади представляется намъ понятнѣе и во всякомъ случаѣ пріобрѣтаетъ смыслъ изъ нашихъ толкованій.

скаго. Но вдругъ, 15-го Іюля, объясненіе съ Ермоловымъ, 16-го отъѣздъ его и появленіе Мамонова на сцену; 20-го „возвратился кн. Гр. Ал. Потемкинъ,“ а 27-го, когда все уладилось, помянутый отзывъ о Потемкинѣ, урокъ ему, высказанный „въ прежнемъ тонѣ,“ т. е. въ тонѣ предшествовавшихъ событій, по отношенію къ тревожнымъ днямъ: „Разговаривая на прежній тонъ о Г. П., сказано, что „надобно держаться за корень, а не за вѣтви: доказательство—князь П—нъ, который много имѣлъ непріятелей (нов. издан. „непріятностей“).“ Такъ Храповицкій описалъ намъ дни бури со стороны *корня*: посмотримъ же у Сегюра, какъ въ этотъ промежутокъ времени Потемкинъ держался *за вѣтви*. Сказавъ, хотя весьма деликатно, что князь по цѣлымъ днямъ занятъ былъ „у Нарышкиныхъ любовью,“ писатель непосредственно продолжаетъ: „Негодованіе Екатерины бросалось явно всѣмъ въ глаза. Кредитъ Ермолова, казалось, росъ быстро. Дворъ, удивленный такою перемѣною, обращался, по обычаю, къ восходящему солнцу.“ Дипломатъ принялъ здѣсь за восходящее солнце взлетѣвшій фейерверкъ: но онъ по крайности не скрылъ, что это было для всѣхъ нечаянностью и возбудило всеобщее удивленіе, значитъ — вызвано было серьёзными и глубокими причинами. „Родные и друзья князя поверглись въ отчаяніе и говорили, что онъ губитъ себя неумѣстною гордостію. Немилость, постигавшая его, казалась вѣрною; всякій отъ него удаляется; большая часть иностранныхъ министровъ подражаетъ сему же примѣру. Фицъ-Гербертъ (представитель Англіи) держалъ себя благороднѣе, хотя и онъ собственно видѣлъ не безъ удовольствія паденіе министра, который оказывался тогда болѣе благосклоненъ къ нашимъ, чѣмъ Англійскимъ, интересамъ.“—„Что до меня, я въ этихъ обстоятельствахъ счелъ долгомъ удвоить внимательное ухаживанье за княземъ. *Я видѣлся съ нимъ ежедневно* (стало быть, въ домѣ Нарышкиныхъ, имѣя все передъ глазами) и откровенно высказывалъ, что онъ неразумно стремится къ своей погибели, *осмѣливаясь раздражать такимъ образомъ свою государыню*.“ Безпристрастіе такихъ отношеній и отзывовъ, побудившее Сегюра, какъ увидимъ, вовсе отвратиться впослѣдствіи отъ Нарышкиныхъ, тѣмъ выше поднимаетъ въ глазахъ нашихъ цѣну и истинность прочихъ его показаній. Но самъ Потемкинъ лучше, оказалось, понималъ значеніе обычныхъ пріемовъ своихъ,—этого удаленія, кончавшагося приближеніемъ. „Какъ, и Вы, сказалъ онъ мнѣ, и Вы хотите, чтобы я склонился предъ оскорбительной несправедливостію, послѣ столькихъ оказанныхъ услугъ? Я знаю: говорятъ, что я гублю себя; но обманываются. Будьте увѣрены, не *мальчишкѣ* низвергнуть меня, и я не знаю еще, кто бы *осмѣлился на это*.“ „—Остерегитесь, возражалъ я: до Васъ еще, и въ прочихъ странахъ, многіе знаменитые любимцы произносили это гордое слово— *не осмѣлятся*, и скоро въ томъ раскаявались.“ — „Ваша дружба трогаетъ меня, отвѣчалъ князь; но я слишкомъ презираю враговъ своихъ, чтобъ ихъ бояться. Поговоримте лучше объ Вашихъ дѣлахъ...“—

20*

„Мы разстались, и я, признаюсь, остался очень удивленъ его спокойной увѣренностію, которая казалась мнѣ истиннымъ ослѣпленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, буря какъ будто росла съ каждымъ днемъ: Ермоловъ принялъ явное участіе въ дѣлахъ и получилъ мѣсто въ банковомъ управленіи рядомъ съ графами Шуваловымъ, Безбородкомъ, Воронцовымъ и Завадовскимъ.“—„Наконецъ, сдѣлалось извѣстно о внезапномъ отъѣздѣ кн. Потемкина въ Нарву: родные его утратили всякую надежду; враги его воспѣли побѣдную пѣснь; опытные политики спекулировали (стр. 397 — 400)....“ — „Такъ, лишенный самой твердой своей опоры и зная, что Ермоловъ скорѣе былъ расположенъ вредить мнѣ, чѣмъ содѣйствовать (ибо онъ смотрѣлъ на меня какъ на интимнаго друга князю), я опасался за исходъ моего дѣла (о торговомъ трактатѣ), которое и безъ того испытывало слишкомъ много помѣхъ.“ Однако министры вдругъ приглашаютъ Сегюра въ засѣданіе, выказываютъ ему благосклонность, уступки. „Я не въ состояніи былъ согласить такое осуществленіе обѣщаній князя съ той немилостью, въ которую впалъ онъ и въ которой никто не сомнѣвался. Спустя немного дней, все мнѣ объяснилось: курьеръ изъ Царскаго села извѣщаетъ меня, что кн. П—нъ возвратился торжествующимъ, что онъ приглашаетъ меня обѣдать, что онъ въ силѣ больше чѣмъ когда либо, что Ермоловъ.... получилъ отпускъ на пять лѣтъ и позволеніе отправиться въ путешествіе (въ Русскомъ перев. стр. 120—22).“ — „Когда я явился ко князю, онъ обнялъ меня со словами:—Ну что̀, правду ли говорилъ я Вамъ, батюшка? Уронилъ меня мальчишка? Сгубилъ я себя смѣлостію?... По крайности на сей разъ согласитесь, господинъ дипломатъ, что въ политикѣ мои предсказанія повѣрнѣе еще Вашихъ!“—Все мгновенно измѣнилось и по видимому еще къ лучшему. Изящный, со словъ Сегюра „отмѣнный по уму и пріятной наружности,“ *Мамоновъ*, непосредственно вступившій на сцену, былъ человѣкомъ Потемкина и преданъ сему послѣднему, по крайности дѣйствовалъ всегда въ его видахъ. Никакого физическаго родства не было въ ихъ союзѣ, основанномъ *единственно* на симпатіи душевной: какъ только вернулся князь, А. М. Мамоновъ тотчасъ подарилъ ему золотой чайникъ съ надписью „plus unis par le coeur, que *par le sang*“ (Х—кій; также точно, по наслѣдству отъ Таврическаго, и въ его отсутствіе Мамоновъ поддерживалъ Сегюра, содѣйствуя успѣху главнаго дѣла—о торговомъ трактатѣ, который подписанъ 11-го Января нов. ст. 1787 года). „Февей,“ послѣ развязки въ дѣйствительности совсѣмъ уже не нужный, канулъ въ бездну забвенія, подобно послѣдующему „Горе-богатырю:“ вспомнили объ немъ лишь черезъ четыре года послѣ, при новыхъ непріятностяхъ, намъ извѣстныхъ (въ два дня распорядились тогда возобновить и съиграли піэсу въ отсутствіи Потемкина, 17-го Ноября 1790 года: скоростью возобновленія подслужился опять Храповицкій и получилъ за то благодарность). Больше чѣмъ когда либо воспрянулъ Потемкинъ, пробужденный заданнымъ урокомъ: 1786-й годъ ознаменованъ кипучей его дѣя-

тельностью по внутреннимъ преобразованіямъ, изданію устава, новому устройству войска (первый важный шагъ „Косо-метовича“), передвиженіями арміи, планомъ къ заселенію Тавриды и параднымъ приготовленіемъ ея къ предстоявшему близко посѣщенію государыни. Занявшись всѣмъ этимъ въ концѣ года, онъ отправился спѣшно впередъ: 7—18-го Января 1787 года выѣхалъ въ знаменитое путешествіе и весь поѣздъ, въ которомъ, кромѣ безотлучнаго Мамонова и приглашеннаго Сегюра, участвовалъ и добавочный, неизмѣнный спутникъ для „дурачествъ“ Л. А. Нарышкинъ, какъ видно и онъ примирившійся съ развязкою дѣлъ въ концѣ 86-го года.

Но, измѣнилось ли при этомъ и на чемъ остановилось положеніе нашей главной героини, Марьи Львовны, — нѣтъ прямыхъ и „дословныхъ“ данныхъ для рѣшенія. Въ самую лучшую свою цвѣтущую пору и въ ту благопріяную минуту, когда, при подобныхъ, хотя менѣе трудныхъ, обстоятельствахъ, старшая сестра ея нѣкогда, 1775 года, возвысилась во фрейлины, Марья Львовна сего не удостоена (или даже еще, если и блеснула на минуту при Дворѣ, то скоро скрылась отсюда и обойдена во всѣхъ запискахъ молчаніемъ). Окончательная развязка „Февея,“ удалившая его съ самой сцены Эрмитажа, намекаетъ на развязку, не совсѣмъ благопріятную для юной героини въ дѣйствительности: опасенія, если бы продолжались, заставили бы не забыть, а напротивъ поддержали бы піэсу и развили бы ее въ сильнѣйшую сатиру (чтò и случилось спустя два года, при возобновленіи исторіи). Слишкомъ явное и громкое торжество всѣхъ *прочихъ* главныхъ лицъ во 2-й половинѣ 86-го года заставляетъ сомнѣваться въ какомъ либо торжествѣ *одного* лица, какъ бы исключеннаго изъ общаго положенія: *единственное* исключеніе, *единственное* молчаніе приходится здѣсь на долю единственнаго существа. Удаленіе изъ Петербурга, общее всѣмъ прочимъ главнымъ лицамъ, въ томъ числѣ князю, сопровождалось конечно *разлукою* для лица оставшагося; рядъ тріумфовъ, предстоявшій и состоявшійся для путешественниковъ, еще сильнѣе долженъ былъ напоминать и оттѣнять собою *одиночество*, тоску безраздѣльную, утрату не замѣнимую. Какъ въ „Одѣ на Счастіе“ вырѣзался для насъ изъ среды строфъ и врѣзался взору живыми чертами своими „Любимецъ Счастья:“ такъ точно въ „Осени Очаковской,“ изъ среды образовъ „Голицынскихъ,“ легко выдѣляется намъ образъ той, которая, по словамъ поэта отсутствующему герою, „Къ тебѣ вседневно пишетъ, Твердитъ то славу, то любовь, То жалостью, то нѣгой дышетъ, То страхъ ея смущаетъ кровь, То *князю* (вмѣсто „дядѣ“) торжества желаетъ, То жаждетъ мужниной любви, Мятется, борется, вѣщаетъ: Коль долгъ велитъ, ты лавры рви!... Румяна осень, радость мира, Умножь, умножь еще твой плодъ, Приди, желанна вѣсть, и лира Любовь и славу воспоетъ (1788 г., ср. выше; не понятно, почему бы поэтъ, обращаясь здѣсь *къ Голицыной*, отложилъ печатаніе стиховъ на 10 лѣтъ, до 1798 года). Съ другой стороны, соображая отношенія Мамонова къ Потемкину; зная, что

вскорѣ послѣ пріятнаго путешествія наступила еще сильнѣйшая сатира, олицетворенная въ образахъ L'insouciant, „Горе-богатыря" и тому подобныхъ піэсъ; что была же къ нимъ вызывающая причина, и оставалась; что продолженіе Нарышкинскихъ отношеній къ Потемкину засвидѣтельствовано „Эвтерпою" и прочими равносильными документами; что отношенія сіи тотчасъ воскресли по возвратѣ Потемкина въ Петербургъ 1789 года и выросли даже до надеждъ на несомнѣнный бракъ, хотя бы во мнѣніи невѣсты, семьи и дружественнаго поэта: имѣя все это въ виду, убѣждаемся, что прежняя связь лицъ и событій не кончилась 1786-мъ годомъ, даже не считалась конченною и не прерывалась безнадежно, а только пріостановилась на былой ступени и съ конца означеннаго года *терпѣла разлуку*. Но, разумѣется, тѣмъ мучительнѣе и разлука, и прощаніе передъ нею, и послѣдовавшее одиночество, длившееся два года. А если пора предшествовавшаго счастія и первой любви, во всей борьбѣ между торжествомъ и бѣдами, оглашалась звуками поэзіи и музыки, пѣніемъ и пѣснею, всѣмъ тѣмъ, что̀ было домашнимъ въ домѣ Нарышкиныхъ и сосредоточивалось преимущественно въ лицѣ Марьи Львовны: то конечно первая разлука на долго и первый случай горя „дѣйствительнаго," задѣвшаго за живое, все это должно было *по премуществу* вызвать сродную поэзію и музыку, по преимуществу огласиться *пѣснею*. Потому, полагая, что пѣсня, къ которой скоро перейдемъ мы, возникла въ основахъ своихъ около 1775 года, при удаленіи Потемкина въ Москву и при появленіи на сценѣ Натальи Львовны; думая, что первое примѣненіе пѣсни, въ первобытномъ ея видѣ, послѣдовало около 1780 года, при выходѣ той же героини за мужь: еще болѣе увѣрены мы, что за симъ, по наслѣдству, пѣсня эта воспринята, развита, обработана, пропѣта и примѣнена всего ближе, и конечно всего спеціальнѣе, *въ 1786 году*, *въ первый разъ при разлукѣ сего года*, душею, талантомъ, голосомъ, вообще извѣстнымъ поэтическимъ лицомъ *Марьи Львовны*, съ именемъ которой и перешла пѣсня къ потомству. Закончена же въ 1789-мъ: но объ этомъ еще впереди *).

А пока, имѣя передъ собою почти пустое и безгласное пространство

*) Странно, отчего компиляторы, которые хорошо знали Сегюра и даже пользовались разными обязательными сообщеніями его относительно Потемкина, вообще же писали иногда цѣлыя страницы подъ замѣтнымъ вліяніемъ Сегюра и пр. де Линя, не говорятъ ничего о Нарышкиной: между тѣмъ какъ въ эту же эпоху разсказываютъ о роли М-е де Виттъ, вліявшей на Потемкина (а по смерти его на Шуазёля, ср. выше), равно какъ о мнимыхъ отношеніяхъ князя къ невѣстѣ Мамонова. Остается одно объясненіе: что писатели, любившіе скандалы и съ избыткомъ ихъ разсыпавшіе, не находили себѣ подобной пищи въ союзѣ чистомъ и благородномъ.

времени, съ 1787-го до конца 1788-го года, наполнимъ его отчасти краткимъ очеркомъ относящихся къ нашему дѣлу событій, держась всего больше разсказовъ путешествующаго и возвратившагося Сегюра.—Во время путешествія, Князь безпрерывно удалялся впередъ, чтобы подготовлять пріемы. Въ отсутствіи, всячески шептали на него клеветы и распространяли ропотъ; въ присутствіи, среди „Азіатскаго двора" (по выраженію Сегюра), который онъ всюду приносилъ или воспроизводилъ съ собою, ему льстили и поклонялись. Сегюръ, лишенный среды, чрезъ которую имѣлъ дотолѣ прямой и вліятельный доступъ къ Потемкину, пользовался лишь немногими случаями дружескаго сближенія и разговора, каждую минуту отставая все больше и больше. За то онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался въ дорожной бесѣдѣ съ Екатериною. Онъ видѣлъ во всемъ блескѣ красоты и роскоши, среди бала въ Кіевѣ, Наталью Львовну (ср. выше), но не видалъ Марьи Львовны. Онъ имѣлъ случай присутствовать при свиданіи съ королемъ Понятовскимъ. Еще нѣсколько переходовъ впередъ, и предсталъ графъ Фалькенштейнъ: сторонніе глаза иностранцевъ, сопровождавшихъ путешествіе, не могли не замѣтить, какъ искалъ онъ угодить „звѣздѣ Сѣвера," какъ ради того прислуживался и Мамонову, и Потемкину, при всемъ томъ, что на перваго досадовалъ, а вліянію втораго завидовалъ. „—Я понимаю, говорилъ онъ Сегюру, что этотъ необыкновенный человѣкъ, не смотря на свои странности, пріобрѣлъ и удержалъ великое вліяніе на императрицу: у него сильная воля, живое воображеніе; этимъ онъ не только полезенъ, но и необходимъ ей."—„Подсмѣиваясь надъ недостатками кн. Потемкина, императоръ понималъ очень хорошо возможность его вліянія." А чтò всего было яснѣе, и къ концу путешествія выяснилось еще болѣе, это — что парады внѣшніе скрывали за собою въ самомъ дѣлѣ торжественное настроеніе и что имъ увлечена была пылкая душа Императрицы: взоры ея блестѣли необычайнымъ блескомъ, и никому не было тайною, что по крайности въ ея умѣ и въ планахъ Потемкина новая война была уже рѣшена. Участіе Французовъ въ задорѣ Турціи, не столько какъ слѣдствіе разсчитанной политики, совершенно ускользавшей тогда изъ слабыхъ рукъ королевскаго правительства, сколько по вліянію новыхъ Французскихъ идей и въ лицѣ распущенныхъ всюду агитаторовъ, слишкомъ было замѣтно: ни подозрѣній Екатерины, ни сердитыхъ упрековъ Потемкина не въ силахъ былъ опровергнуть Сегюръ; онъ самъ не зналъ хорошенько источника дѣйствій, помогавшихъ Турціи, ни личныхъ силъ Французскихъ, ей служившихъ, а путемъ дипломатіи самъ не могъ себѣ составить опредѣленнаго понятія о направленіи, простиравшемся изъ страны, гдѣ все измѣнялось тогда съ каждымъ часомъ. Его извинительныя по незнанію увертки, его литературныя фразы вмѣсто прямаго отвѣта не могли удовлетворить Потемкина, и взаимное охлажденіе ихъ было близко; одно лишь посредство Екатерины могло нѣсколько протянуть союзъ, переходившій замѣтно въ qui pro quo: но такой сильный

членъ союза, какъ Потемкинъ, „хотѣвшій“ новыхъ битвъ на полѣ славы, очевидно, хотя и къ сожалѣнію вѣроятно, убѣдился, что съ такимъ „личнымъ другомъ,“ какъ Сегюръ, нельзя было далеко уйти при тогдашнихъ дѣлахъ Французскихъ; чтобы сохранить собственную дружбу, предстояло вскорѣ вычесть изъ нея вонъ всякое сближеніе дипломатическое. — На обратномъ пути, князь Таврическій откланялся въ Харьковѣ и вернулся на Югъ къ подготовленію неизбѣжной войны: осиротѣвшій другъ его, поскучавши балами Московскими и плѣнившись Шереметевскими, вернулся съ прочими въ Царское село 22-го Іюля. Самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать въ тогдашнемъ положеніи, это намѣреніе въ Сентябрѣ уѣхать: но событія повернули круто, Булгаковъ былъ засаженъ, Турція сама объявила борьбу Россіи, роль Англіи и Пруссіи, враждебная для насъ, была вскорѣ обличена и Франція *могла* съ полнымъ правомъ, не говоря уже о выгодахъ, перемѣнить недавнія шаткія отношенія къ намъ на рѣшительный союзъ, оборонительный или наступательный. Союзъ ладился, онъ былъ почти уже рѣшенъ въ передовыхъ умахъ, оставшійся изъ за него Сегюръ заранѣе торжествовалъ, готовясь обезсмертить имя свое гораздо болѣе чѣмъ торговымъ трактатомъ, Русскіе министры откровенно уже объяснялись съ нимъ о новомъ сочетаніи Австріи, Франціи, Испаніи и Россіи, депеши обмѣнивались съ Версалемъ, пылкая Екатерина настаивала и готова была на всѣ уступки для сближенія. Она расточала крайнія любезности Французскому писателю, ставя его драму на сценѣ Эрмитажа и даже заучивая наизусть посредственные стихи его, хотя и признавалась плохимъ въ нихъ судьею („je vais vous donner une preuve que vous avez mérité mon suffrage, sinon par la beauté des vers, dont je suis un mauvais juge, mais au moins par la noblesse des sentimens et des pensées“): какъ вдругъ, можетъ быть къ счастію перерождавшейся Франціи, тайна переговоровъ была открыта, опубликована, потеряла вѣсъ, разбудила и сблизила враговъ. Явная неловкость, въ которой долженъ былъ сознаться теперь Сегюръ передъ самимъ собою, хотя и продолжалъ сваливать вину на приближенныхъ Остермана, могла равняться только развѣ крайней неловкости самого Версальскаго двора. Но отъ этого легче было лицу, не легче было дѣламъ: и конечно, съ этихъ минутъ, государственный и военный человѣкъ въ лицѣ Потемкина окончательно переросъ чувство прежней дружбы, оказавшейся теперь немножко сентиментальною; начались уже первые успѣхи наши въ битвахъ и отдаленный миръ съ дѣятельными врагами представлялся заманчивѣе объятій съ близкимъ, но безсильнымъ другомъ. Сегюръ описываетъ за симъ постепенные шаги разрывавшихся отношеній своихъ къ Потемкину. Но *за чѣмъ* при такихъ условіяхъ онъ *оставался сидѣть въ Петербургѣ*, рѣшить трудно: конечно не для того, чтобы по взятіи Очакова возвышать безсильный голосъ свой за миръ съ Турками, и не для того, чтобы сдерживать справедливое негодованіе государыни на Польшу. Онъ остался какъ будто для того только, чтобы подтвердить извѣстную намъ исторію о медленности

Потемкина подъ Очаковымъ, о возраставшемъ негодованіи и нетерпѣніи Екатерины, о сопутственныхъ явленіяхъ на сценѣ Эрмитажа.

Послѣ того какъ начались дѣйствія подъ Очаковымъ, Хотиномъ и Бѣлградомъ, „апатія Потемкина, говоритъ Сегюръ, чрезвычайно досаждала императрицѣ: самъ ничего не предпринимая, онъ обвинялъ между тѣмъ въ бездѣйствіи Австрійцевъ. Единственнымъ его желаніемъ и одною цѣлію было взять Очаковъ, а чтобы не потерять здѣсь, онъ дѣлалъ противъ слабаго города столь же большія приготовленія, какъ будто бы ему предстояло брать Люксенбургъ.“ „Время, потерянное княземъ, обращено въ свою пользу Турками, которые усилили гарнизонъ, ускорили работы и завершили нужное для обороны.“ „Неподвижный въ Елисаветградѣ, снѣдаемый безпокойствомъ, мучимый химерическими страхами, Потемкинъ постоянно утомлялъ Екатерину своими жалобами, не указывая ни тѣхъ золъ, на которыя жаловался, ни тѣхъ средствъ, которыхъ желалъ бы для примѣненія *). Румянцовъ, *напротивъ того* (ср. выше о контрастѣ ихъ), спокойный въ Украйнѣ, но дѣятельный въ составленіи и выполненіи своихъ плановъ, подвигалъ въ порядкѣ и съ быстротою войска свои въ Польшу. Онъ не тревожился событіями, увѣренъ былъ въ успѣхѣ и каждую недѣлю посылалъ съ точностію донесенія императрицѣ, самыя полныя и удовлетворительныя. Контрастъ въ характерѣ и способѣ дѣйствій обоихъ генераловъ конечно бросался въ глаза государынѣ, но нисколько не измѣнялъ ея чувствъ, и въ томъ же самомъ отношеніи раздѣляла она свое довѣріе между двумя соперниками: одинъ внушалъ ей уваженіе и заслуживалъ благодарность, другой сохранялъ за собою ея привязанность. Потемкинъ былъ, такъ сказать, созданъ ею: государыня предсказала, что онъ будетъ великимъ человѣкомъ, изъ самолюбія держалась за свое предсказаніе и хотѣла исполненія ему во что бы то ни стало. — О бездѣятельности князя можно судить по слѣдующему: пр. де Линь началъ ко мнѣ письмо въ Елисаветградѣ, въ Декабрѣ 1787-го, и кончилъ только 15-го Февраля 1788-го, словами—*у насъ вовсе нѣтъ новостей.*“—Тотъ же принцъ писалъ изъ подъ Очакова въ Августѣ 88-го, дополняя любопытную намъ характеристику: „Я вижу здѣсь предводителя съ наружностію лѣни, но въ безпрерывной работѣ; у него нѣтъ другаго бюро кромѣ колѣнъ и другаго гребня кромѣ пальцевъ. Онъ вѣчно лежитъ, и не спитъ ни днемъ, ни ночью: потому что усердіе къ обожаемой государынѣ постоянно имъ движетъ, и каждый пушечный выстрѣлъ его тревожитъ, отъ мысли, что онъ стоилъ жизни нѣсколькимъ солдатамъ (таковъ, извѣстно, былъ взглядъ Екатерины: ср. X—го). Боязливый за другихъ, онъ храбръ, гдѣ дѣло касается его самого и останавливается подъ са-

*) Въ Русскомъ переводѣ 1865 года; „ни причинъ своего недуга, ни средствъ къ его излѣченію.“

нымъ сильнымъ огнемъ баттареи, чтобы отдавать здѣсь приказы; и все-таки скорѣе онъ Улиссъ, чѣмъ Ахиллъ (о подобныхъ отзывахъ „друга“ писалъ самъ Потемкинъ Екатеринѣ: „Дѣла много, оставляю злобствующихъ и надѣюсь на Васъ, Матушка. Пр. де Линь какъ вѣтряная мельница: у него я то Терситъ, то Ахиллесъ.“ Х—кій подъ 12-мъ Мая 1788). Тревожный передъ всякой опасностію, веселый, когда она наступила; печальный среди увеселеній; несчастливый изъ за счастья, всѣмъ пресыщенный и легко впадающій въ разочарованіе; мрачный, непостоянный; глубокій философъ, способный министръ, то возвышенный политикъ, то дитя въ десять лѣтъ; не мстителенъ, проситъ прощенія, если огорчилъ кого, и готовъ быстро вознаградить за несправедливость; увѣренъ, что любитъ Бога, и страшится дьявола, воображая его еще болѣе великимъ и важнымъ, чѣмъ самъ князь Потемкинъ. Одною рукою дѣлаетъ знаки женщинамъ, которыя ему нравятся, другою знаменіе креста; обнимаетъ икону, либо алебастровую шею любовницы (ср. ниже); получаетъ безчисленные дары отъ государыни и тотчасъ раздаетъ ихъ; принимаетъ отъ нея земли и возвращаетъ ей либо платитъ ими долги ея, не сказывая о томъ; продаетъ и скупаетъ огромныя имѣнья, чтобы обратить ихъ на какую ни будь большую галлерею и англійскій садъ... Вдается въ недовѣрчивость или въ добросердечіе, въ ревность или въ признательность, сердится или любезничаетъ... Съ генералами разговариваетъ о богословіи, съ архіереями о войнѣ.... Никогда не читаетъ и у всѣхъ разспрашиваетъ· дѣлаетъ мину самую дикую либо самую любезную, то усильно отталкиваетъ, то усильно привлекаетъ манерами, попеременно представляя то самаго гордаго восточнаго сатрапа, то самаго любезнаго куртизана изъ временъ Людовика XIV.... Какъ дитя, все хочетъ имѣть, и знаетъ, что большимъ человѣкомъ ото всего отстанетъ; воздерженъ и кажется обжорой; грызетъ свои ногти, яблоки либо рѣпу *); дурачится либо молится, поетъ либо размышляетъ.... Сзываетъ двадцать адъютантовъ и ничего имъ не говоритъ; выноситъ жаръ какъ никто и какъ будто мечтаетъ только о самой прихотливой банѣ; смѣется холоду и какъ будто не можетъ разстаться съ мѣховымъ подбоемъ; вѣчно либо безъ нижняго платья и въ сорочкѣ, либо въ расшитомъ мундирѣ на всю вытяжку; ноги голыя, либо въ шитыхъ фольгою туфляхъ, безъ шапки, шляпы.... То въ плохомъ халатишкѣ, то въ лентахъ и алмазахъ.... Согнутый, свернувшійся у себя, и выпрямленный, со вздернутымъ носомъ, гордый, прекрасный, благородный, величественный, обольстительный, когда кажетъ себя своему войску, будто Агамемнонъ среди властителей Греческихъ.... Я вижу и Русскихъ: въ траншеяхъ, среди ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ, въ

---

*) Со всѣми достоинствами и недостатками истый Русскій человѣкъ, П—нъ, извѣстно, выписывалъ себѣ съ курьерами кислыя щи и клюкву.

снѣгу и грязи, они поютъ и пляшутъ: расторонные, пристойные, внимательные, почтительные, послушные, читающіе во взорахъ офицеровъ, чтобы предупредить ихъ приказанія...“ Такъ вѣрно описывали, но такъ узко понимали П—на умные иностранцы, а еще больше соотечественники, не умѣющіе даже и писать. Безпрестанно повторяетъ Сегюръ со словъ Петербурга: „Молчаніе князя длится—;“ „со дня на день ждемъ мы нетерпѣливо его курьеровъ.“ Вотъ уже ушелъ оттуда и принцъ Нассау, закадышный пріятель Сегюра, увеличивши собою число недовольныхъ Потемкинымъ въ столицѣ; вотъ и Густавъ успѣлъ уже преждевременно расхвастаться и не успѣлъ порядкомъ ретироваться. Но, *прежде* чѣмъ онъ удалился, потерпѣвши неудачи, когда вовсе *нельзя еще было* въ точности разсчитать впередъ его затрудненій, Сегюръ разсказываетъ уже знакомую намъ исторію „*Горе-богатыря*,“ *раньше*, чѣмъ императрица съ полнымъ правомъ могла смѣяться надъ королемъ въ томъ же самомъ Эрмитажѣ и передъ тѣмъ же Сегюромъ, раньше, чѣмъ могла выразиться въ манифестѣ, что онъ „неразумно вынулъ свою шпагу противу меня,“ и *гораздо раньше* осени Очаковской (разсказъ Сегюра о пьэсѣ помѣщенъ, въ изд. 1827 г., 3-й части, на стр. 323, 324; „немного спустя времени, peu de tems aprés“ являются въ разсказѣ послѣдовавшія бѣдствія Густава; отзывы государыни въ Эрмитажѣ и содержаніе манифеста передаются на стр. 353, а взятіе Очакова еще ниже, стр. 377 и далѣе). И точно, мы знаемъ, что Горе-богатырь представленъ *гораздо позже*, почти два мѣсяца послѣ взятаго Очакова и за нѣсколько дней до пріѣзда Потемкина (ср. выше). Кромѣ того, въ самыхъ отзывахъ Сегюра о пьэсѣ явное *противорѣчіе*: у Храповицкаго онъ оправдываетъ пьэсу, а въ собственныхъ Запискахъ разсказываетъ о негодованіи, столь явномъ, что его должна была замѣтить сочинительница. Хвалить онъ могъ, понявши въ піэсѣ намеки на Потемкина, съ коимъ начиналъ уже расходиться; негодовать ему естественнѣе было за Густава, сторону котораго постоянно брали Французы и смѣяться надъ которымъ было еще преждевременно. Итакъ, всего вѣроятнѣе и сообразнѣе съ приведенными у Сегюра ранними числами, онъ видѣлъ сначала предварительные наброски піэсы, именно, *въ 1788 году*, слышалъ „Кослава,“ написаннаго дѣйствительно въ упрекъ Густаву, читаннаго Храповицкому *29-го Іюля* и вошедшаго съ позднѣйшею полнотою въ оперу „Горе-богатырь,“ а за симъ, присутствовалъ при исполненіи „Les voyages de M-r Bontems,“ или „Marton et Crispin“, піэсы, конченной также *27-го Августа*, также на хвастливость Шведскую, также для Эрмитажа (гдѣ готова была для игры *30 Августа*, но отложена по болѣзни Мамонова и играна у него *19 Сентября*). Впослѣдствіи, составляя свои „Записки“ (подъ конецъ жизни, по прежнимъ замѣткамъ и при старческой памяти), Сегюръ обобщилъ и прежніе опыты писательницы, и прежнія свои впечатлѣнія, имѣвшія въ виду короля Шведскаго, соединивъ ихъ съ позднѣйшимъ представленіемъ „Горе-богатыря.“ Но во всякомъ случаѣ, о „Горѣ-богатырѣ“ онъ *долженъ*

былъ отозваться именно такъ, какъ отозвался. Потерявши стезю, сближавшую его съ Потемкинымъ черезъ Нарышкиныхъ, въ отсутствіи князя и разошедшись съ нимъ на пути государственныхъ взглядовъ, Сегюръ не только могъ не знать, но даже не могъ знать обстоятельствъ, связанныхъ съ Нарышкинскою семьею: онъ очевидно считалъ все дѣло съ нею поконченнымъ на 1786-мъ годѣ и, по возвратѣ изъ путешествія съ государыней, *ни слова ни разу* не упоминаетъ уже о Нарышкинскомъ домѣ, конечно переставши бывать въ немъ и утративъ изъ виду героиню, которая и въ самомъ дѣлѣ скрылась за стѣнами дома и семьи, не бывая ни при дворѣ, ни въ придворныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, писатель не вѣдалъ о главныхъ сторонахъ, затронутыхъ фигурами пьэсы, и не могъ истолковать ихъ о Потемкинѣ; Потемкинъ оставался въ глазахъ его однимъ полководцемъ, со стороны неудачъ или, вѣрнѣе, нестерпимой медленности и безъизвѣстности подъ Очаковымъ: а эта сторона заслонялась сценою болѣе новою, животрепещущею и свѣжею,—неудачами Шведскими, хвастливымъ образомъ Густава. Притомъ, Сегюръ, какъ мы знаемъ, держался тогда при дворѣ исключительно однимъ почти вниманіемъ императрицы и бесѣдами съ нею: императрица же, опять знаемъ, при своей пьэсѣ выставляла на видъ всѣмъ постороннимъ, что дѣло сцены идетъ о Густавѣ. И тѣмъ не менѣе все-таки, толкуя по этому поводу о Густавѣ, какъ передовомъ лицѣ пьэсы—по его мнѣнію, Сегюръ выражается такъ, что слова его, не совсѣмъ опредѣленныя, а намеки полупрозрачные могутъ быть истолкованы, *кромѣ Густава*, отчасти отношеніями *къ Потемкину*. Вотъ его подлинное повѣствованіе. Упомянувъ о морскомъ дѣлѣ 22 Іюля, которое сопровождалось въ Петербургѣ благодарственнымъ молебномъ, равно какъ о потерѣ времени предъ Фридрихсгамомъ, Сегюръ продолжаетъ: „Впрочемъ, если своими дерзкими угрозами, довольно неумѣстной хвастливостью, своимъ Te Deum и балами, обѣщанными прежде побѣды, король Шведскій нарушилъ всѣ приличія, то нужно признаться, что съ своей стороны Екатерина.... допустила сочинить (или даже „приказала“, elle fit composer,—до такой степени Сегюръ не зналъ близко обстоятельствъ) и представить на своемъ театрѣ комическую оперу, гдѣ лицо Густава III выведено было въ шутовскомъ нарядѣ. Его представляли здѣсь подъ видомъ какого-то задорнаго хвастуна, князька-недоростка (capitan rodomont, prince nabot). Этотъ искатель приключеній, *водимый совѣтами злобной феи* (опять превратное изложеніе), досталъ въ старомъ арсеналѣ вооруженіе одного древняго и пресловутаго богатыря, котораго каска, надѣтая на голову, спускалась ему до живота, а сапоги великана поднимались до пояса: такимъ образомъ, туловища вовсе не было видно, одна голова да двѣ ноги. Облеченный симъ способомъ, онъ ограничиваетъ свои подвиги нападеніемъ на какую-то ничтожную крѣпостцу (ср. выше отзывы самого Сегюра объ Очаковѣ); комендантъ, инвалидъ, выходитъ оттуда съ гарнизономъ изъ трехъ чело-

вѣкъ и своимъ костылемъ *) обращаетъ въ бѣгство потѣшнаго рыцаря." Уже одно содержаніе, такъ не точно переданное, невѣдѣніе о подлинной сочинительницѣ, явное смѣшеніе съ другими пьэсами предшествовавшими и сбивчивое показаніе о времени представленія, *по соображенію* отнесеннаго въ позднихъ Запискахъ къ срединѣ 1788 года, къ эпохѣ, занятой именно Густавомъ, доказываютъ, какъ мало введенъ былъ Сегюръ въ суть дѣла: отсутствіе Потемкина, отдаленіе отъ Нарышкиныхъ и уединеніе среди двора лишали его прямыхъ, положительныхъ свѣдѣній. Онъ зналъ только распространенное мнѣніе, что въ Эрмитажѣ играютъ часто „на кого либо;" самъ разсказываетъ, что Испанскій посланникъ одинъ разъ отнесъ къ себѣ со сцены стихи, якобы вставленные во Французскую пьэсу l'Homme singulier; помнилъ, какъ другой разъ сама Екатерина примѣнила къ себѣ и современнымъ обстоятельствамъ тирады изъ его собственнаго Коріолана, игравшагося въ Эрмитажѣ; слышалъ мимоходомъ, что готовится еще пьэса „на кого-то" и, вмѣстѣ съ прочими, приглашенными иностранцами, остерегался было итти на представленіе, но успокоенъ былъ словами Мамонова, что „въ Эрмитажѣ спектакли *одинаковы* (ср. выше у Храповицкаго);" наконецъ, внималъ главному руководству Екатерины, давшей замѣтить, что это „на Шведовъ:" и, не ходя далеко, вынужденъ былъ остановиться на ближайшемъ, на примѣненіи къ Густаву. Заключая разсказъ объ этомъ, онъ не настаиваетъ однако на неумѣстности оскорблять *Густава*, а даетъ тонъ, что *вообще* не могла ему понравиться пьэса, направленная *на личности*, и роль, спустившаяся до подобныхъ мелочей. „Далекій отъ того, чтобъ забавляться, я напротивъ былъ опечаленъ этимъ спектаклемъ. Императрица, стяжавшая по этому случаю множество двусмысленныхъ комплиментовъ, могла, надѣюсь, прочитать въ моемъ молчаніи и въ томъ, какъ я держалъ себя, сколь глубоко я страдалъ видя, что государыня, столь благородная и великая,... дѣйствуетъ подъ внушеніями слишкомъ дѣтской отместки." Этотъ отзывъ Сегюра, говоримъ мы, редактированный въ позднихъ его Запискахъ, относится сколько къ „Горе-богатырю," столько же и къ другимъ, болѣе раннимъ, но тѣсно связаннымъ піэсамъ. Высказавши его, писатель непосредственно продолжаетъ, что „немного времени спустя открылась причина замѣшательства Густава," и переходитъ къ описанію дальнѣйшихъ Шведскихъ дѣлъ. А за симъ лишь *черезъ тридцать страницъ повторяетъ*, что былъ опять въ Эрмитажѣ и слышалъ отъ государыни помянутую ироническую насмѣшку надъ Густавомъ, сопровождавшуюся манифестомъ: на этотъ разъ конечно было *подлинное* представленіе „Горе-богатыря," въ подлинныя его *числа*, и государыня была уже совершенно права, колкіе намеки не были преждевременны, а потому Сегюръ

---

*) Въ перев. 1865 г. „деревяшкою (!)."

могъ отнестись къ нимъ сочувственно, съ одобреніемъ. Сей-то *другой* отзывъ и сохраненъ для насъ въ дневникѣ Храповицкаго, который писалъ уже не по давней памяти, напротивъ со словъ государыни, тотчасъ же, на другой день по представленіи піэсы. Правда, и тутъ со стороны Сегюра одобреніе было не безусловно, оно таитъ въ себѣ двусмысленность и легко можетъ быть истолковано въ ироническую сторону: но при этомъ случаѣ намеки на Густава Сегюръ извинялъ уже дерзкими манифестами и декларaціями короля, да и піэса теряла отчасти свою рѣзкость, ибо цѣль раздѣлялась между Густавомъ и Потемкинымъ, такъ что выходило, — мотай себѣ на усъ кто хочетъ, пожалуй и Потемкинъ. Напомнимъ, что, передавая X — му вчерашніе разговоры по поводу съигранной піэсы, сочинительница 30 Января 1789 года выражалась такъ — „Кобенцель заводилъ къ *разнымъ* уподобленіямъ:“ очевидно, онъ былъ въ числѣ помянутыхъ Сегюромъ двусмысленныхъ хвалителей и отзывался, что роли похожи на Густава, а пожалуй и на другихъ, въ томъ числѣ на Потемкина. „Но я будто не примѣчала:“ разъ задавши тонъ, о комъ *слѣдуетъ* толковать піэсу „при дворѣ,“ Екатерина избѣгала намековъ на героя, въ ту пору оправданнаго уже взятіемъ Очакова и скоро ожиданнаго во очью, чтобы прослушать урокъ сюрпризомъ. „И когда спрошенъ былъ Сегюръ,“ ловкій и находчивый, настроенный словами самой императрицы, надъ кѣмъ должно было смѣяться, „то отвѣчалъ искренно: — У кого зудитъ въ носу, тотъ и сморкайся (знаетъ кошка, чье мясо съѣла; мотай себѣ на усъ, къ кому это относится),—и что это очень деликатно, отвѣчать шутками на манифесты и дерзкія деклараціи.“—Послѣднее выраженіе, отъ уподобленій *разныхъ* обращенное къ одному *Густаву*, извиняло колкости пьэсы, сообразно новымъ обстоятельствамъ Шведскихъ дѣлъ, но не противорѣчитъ разсказу Сегюровскихъ „Записокъ,“ ибо самое „очень деликатно,“ при „печальномъ видѣ,“ о которомъ говоритъ писатель, могло быть понято въ противную сторону, — сморкайся, кому нужно. Такимъ образомъ, между показаніями обѣихъ „Записокъ,“ Храповицкаго и Сегюра, собственно нѣтъ рѣзкаго разлада, взаимно ихъ исключающаго: это *два* отзыва, въ разное время, отчасти о разныхъ піэсахъ (въ первомъ случаѣ обо всѣхъ, во второмъ единственно о „Горѣбогатырѣ“) и даже о разныхъ задѣтыхъ лицахъ (въ первомъ единственно о Густавѣ, во второмъ о Густавѣ и Потемкинѣ вмѣстѣ). А что на самомъ дѣлѣ сверхъ „оффиціальнаго“ Густава тутъ фигурировали и „домашнія“ дѣла Потемкина, доказательствомъ, при несомнѣнныхъ данныхъ, указанныхъ выше, служитъ еще слѣдующее. Передавъ сущность вчерашнихъ толковъ, Екатерина непосредственно продолжаетъ Храповицкому: „Онъ (Сегюръ) и Saint-Priest, сидящій съ Андреевскимъ орденомъ въ королевскомъ (Французскомъ) совѣтѣ, суть *нашей стороны*: они увѣрены, что *Турцію подѣлить можно*,“ значитъ прямо здѣсь связь съ тогдашними дѣлами Потемкина.—Этимъ разъясненіемъ словъ Сегюра мы

заканчиваемъ изслѣдованіе наше о смыслѣ „Горе-богатыря“ и считаемъ вопросъ о піэсѣ исчерпаннымъ *).

Самымъ лучшимъ убѣжденіемъ, что „Горе-богатырь“ примѣнялся къ Потемкину, представляется послѣдующее повѣствованіе самого Сегюра: на дальнѣйшихъ страницахъ онъ изображаетъ Очаковскаго героя такъ точно, какъ изображала пьэса, и объясняетъ самые мотивы нетерпѣливости, которыми была она вызвана. Къ этому мы и возвращаемся, прибавляя къ Сегюру пополненія со словъ де-Линя. „Между тѣмъ какъ новый врагъ (Густавъ) угрожалъ императрицѣ внезапнымъ нападеніемъ, медлители южной арміи истощали ея терпѣніе. Очаковъ не былъ еще даже осажденъ въ строгомъ смыслѣ.—Я полагаю—писалъ мнѣ пр. де Линь, — что мы начали осаду: по крайности такъ воображаютъ, ибо „сдѣланы четыре новыхъ редута... Непріятель не удостоилъ даже стрѣ„лять по нашимъ рабочимъ... Потемкинъ, какъ сонный, не думалъ, ка„залось, ни сражаться, ни защищаться: черезъ нѣсколько дней двѣ ты-

---

*) Мы обѣщали сказать о статьѣ *А. Г. Брикнера* „Комич. оп. Ек. II Горе-б—рь“ въ Ж. М. Н. Пр. 1870 Дек.—Изложеніе пьэсы полно и отчетливо, это подарокъ литературѣ: но примѣненіе къ Густаву, не говоря уже о нашихъ доказательствахъ, падаетъ по тѣмъ самымъ даннымъ, коими пользовался авторъ. *Лѣтомъ* 1788 г. Шведская война, какъ всякая война, внушила безпокойство: но Екатерина не раздѣляла опасенія *иностранцевъ* и доказала это Сегюру. Когда же Финляндская конфедерація порѣшила первый періодъ войны въ нашу пользу и Густавъ оказался въ смѣшномъ положеніи: тогда, лишь только получено было о семъ извѣстіе (27 Іюля), писательница естественно отнеслась къ сему съ насмѣшкою, немедленно—29 Іюля — начала Кослава, а въ Августѣ кончила уже Les voyages (Mart. et Crisp.). За симъ, когда на первый разъ благополучно покончились дѣла военныя, брошены были и піэсы: Кославъ не додѣланъ, другая „пословица“ кончена въ Августѣ, но играна одинъ разъ лишь въ Сентябрѣ (и то въ комнатахъ Мамонова), да другой разъ черезъ годъ (и также келейно въ Эрмитажѣ, для одного Наслѣдника съ супругою: вотъ какова была „подлинная“ осторожность съ піэсами „политическими;“ Екатерина съумѣла наблюсти ее, *не спрашиваясь* совѣтовъ Потемкина какъ при Г. б—рѣ). Тѣмъ не менѣе, насмѣшка была *преждевременна* (ибо вражда длилась еще и война разгаралась впереди), а съ точки зрѣнія Французовъ, благосклонныхъ къ Густаву, *не совсѣмъ умѣстна*: вотъ причина *перваго* отзыва Сегюрова, сохраненнаго въ его Запискахъ (редактированныхъ когда онъ зналъ уже о послѣдующемъ, о потеряхъ нашихъ благодаря принцу Нассау, о Верельскомъ мирѣ, не совсѣмъ почетномъ, а равно о позднѣйшемъ, еще болѣе личномъ и колкомъ Г. б — рѣ, котораго подвелъ вмѣстѣ съ другими піэсами подъ одинъ ударъ неблагопріятнаго отзыва). Спустя около двухъ лѣтъ послѣ первыхъ піэсъ и мира, въ П—гъ прибылъ Шведскимъ посланникомъ *гр. Стедингъ* (Stedingk): онъ узналъ о бывшей пьэсѣ на Густава, хотѣлъ было достать ее для короля, считалъ это труднымъ и неизвѣстно, досталъ ли. Письмо его (Mémoires, I): „On m'a assuré que dans ce temps-là elle (императрица) avait écrit une *comédie* contre Votre Majesté, qui a été

„сичи Турокъ неожиданно напали на эти ретраншаменты:... Князь не „посылалъ ни приказовъ, ни подкрѣпленій“.—Къ сожалѣнію, Сегюръ не ставитъ здѣсь чиселъ: но мы знаемъ, что это писано въ Августѣ 1788 года, въ то самое время, какъ въ другомъ письмѣ, приведенномъ выше, принцъ подробно описываетъ Потемкина и удивляется хотя причудливой, однако же неутомимой его дѣятельности. Вообще, съ этихъ поръ, неизмѣнные друзья между собою и такъ-называемые друзья съ Потемкинымъ, Сегюръ, де Линь и Нассау, съ каждымъ шагомъ впередъ чувствуютъ, какъ разрывается ихъ „дружба“ съ княземъ: отзывы ихъ двоятся или постепенно пріобрѣтаютъ иной, даже прямо враждебный характеръ. А потому, приходится строго различать Потемкинскую дѣятельность *въ дѣйствительности*, и то, какъ *отзывалась* она; но тѣмъ любопытнѣе намъ Записки Сегюра: значитъ, такъ отзывалась она въ

---

jouée *dans l'interieur*. Je voudrais pouvoir procurer cette pièce à V. M., mais cela sera *difficile*.“ Стедингъ называетъ *комедію*: а Г. б—рь *опера*; комедія на „пословицу“—Les voyages: ее и играли во *внутреннихъ покояхъ*; если же заглавіе не точно и могла здѣсь пониматься *опера*: то это всего ближе *опера Кославъ*, всего прямѣе написанная на Густава и которую всего *труднѣе* было достать, ибо она была не кончена, не напечатана и осталась въ рукописи. Не скрываемъ, что Кославъ по обработкѣ вошелъ въ Г. б—ря и отчасти послужилъ ему канвою, такъ что *по слухамъ* о намекахъ на Густава посланникъ могъ искать и Косометовича, который также, мы знаемъ, скрывался (хотя и менѣе Кослава, ибо существовалъ въ печати): но, если бы нашелъ его, увидалъ бы въ немъ не морскаго Густава, а сухопутнаго Потемкина. Мы сказали выше (при объясненіи Запис. Х—го), что *обстановка* Кослава и „пословицы“ не сопровождалась никакими особыми тайнами, опасеніями и толками,—Екатерина передъ лицомъ внѣшняго врага была безстрашна какъ всегда: и между тѣмъ давала играть эти пьесы только *внутри* Мамоновскихъ покоевъ да келейно въ Эрмитажѣ,—таковъ былъ ея тонкій и деликатный тактъ; а Г. б—ря всячески укрываютъ, маскируютъ, мистифирують, спрашиваются совѣтовъ князя,—и все-таки, пока не запретилъ князь,—играютъ при многочисленныхъ собраніяхъ, при иностранцахъ, при рукоплесканіяхъ, при громкихъ повтореніяхъ, — таковъ споръ съ людьми „домашними.“ Отъ нихъ же самихъ, отъ общества и даже отъ поэтовъ – посланнику легче было достать экземпляръ или списокъ Горе-богатыря. По словамъ г. Брикнера, „между тѣмъ Е. уже занялась новымъ трудомъ,“ разумѣя Г. б—ря: не *между тѣмъ*, а спустя два мѣсяца послѣ того, какъ бросила труды прежніе. Сообразите: за чѣмъ ихъ бросили? За тѣмъ, что они были *стары*, устарѣли при быстромъ ходѣ событій. За чѣмъ, бросая ихъ, перешли бы къ новому *такому же*, опять на Густава? Очевидно, новое было *совсѣмъ другое*. Но, связь того и другаго существовала, и мы повторяемъ: неудачи смѣшнаго героя *на морѣ* навели на мысль изобразить другаго досаднаго героя *на сушѣ*, съ прибавкою его „любовныхъ исторій,“ какимъ и явился „Г. б—рь.“ На этотъ разъ, при раздвоившемся образѣ и при измѣнившихся Шведскихъ обстоятельствахъ, измѣнился въ пользу и отзывъ Сегюра, записанный у Х—го.

Петербургѣ, и сердитое или насмѣшливое отношеніе къ герою, воцаряющееся въ „Запискахъ," объясняетъ собою и настроеніе Екатерины, и тонъ ея оперы, писанной въ эти дни. Приведемъ примѣры. Описывая одну изъ „послѣднихъ" побѣдъ Нассау на Югѣ, Сегюръ изображаетъ, какъ результатъ ея, положеніе Потемкина въ карикатурномъ видѣ героя, обязаннаго другимъ, но привыкшаго суевѣрно относить все къ собственной роковой судьбѣ. По счастью, мы имѣемъ при этомъ другое письмо пр. де Линя, къ Іосифу, отъ послѣдняго числа Октября (н. ст.) 1788 г., проливающее нѣсколько иной свѣтъ. Собираясь уѣхать изъ подъ Очакова (см. ниже), принцъ давалъ прощальный обѣдъ. Потемкинъ явился въ мундирѣ: „Что за немилость, отчего не въ зеленомъ халатѣ?" спросилъ хозяинъ. Князь расхохотался, бросился на шею и они обнялись. Такъ какъ съ нимъ, прибавляетъ де Линь, нельзя было иначе поговорить, какъ въ присутствіи либо поповъ, либо негодяевъ, либо интригановъ-консуловъ Востока, либо новокрещенцевъ, потому де Линь воспользовался случаемъ заявить ему, что думаетъ уѣхать и дожидается только именинъ его, св. Григорія (30 Сент. стар. ст.), „который, надѣюсь, сотворитъ для князя какое ни будь чудо," и на другой же день послѣ того, 12 Октября (н. ст.), принцъ отправится. Потемкинъ отвѣчалъ, что онъ дожидается только одного фрегата: фрегатъ не прибылъ, день св. Григорія прибылъ. Тѣмъ не менѣе, князь не сдѣлалъ никакой аттаки, даже не было объ этомъ вопроса. Онъ собирался ради именинъ, въ честь себѣ и своему патрону, устроить торжество, взять что ни будь у Турокъ: ничего не было взято. Цѣлый день оставался онъ, погруженный въ глубокую ипохондрическую меланхолію, и передъ прочими начальниками обходился не очень хорошо съ принцемъ. Но, вечеромъ, когда уже тотъ взялъ отпускъ, онъ какъ будто вышелъ изъ грезъ: „Вы все-таки отправляетесь?..." Разнѣжился, долго и нѣсколько разъ жалъ отъѣзжавшему руку, бѣжалъ за нимъ, начиналъ снова и т. д. Не знаемъ, сколько еще времени оставался де Линь въ сборахъ; только вотъ разсказъ о томъ же у Сегюра, любопытный для сопоставленія. При полученіи извѣстія о торжествѣ Нассау, „Потемкинъ расположенъ былъ близь возвышенія, названнаго Ново-Григорьевскимъ (въ честь Григорія Новаго). Восхищенный извѣстіемъ о потеряхъ у Турокъ и давъ волю суевѣрнымъ идеямъ, которыя не переставалъ беречь съ дѣтства, онъ бросается на шею пр. де Линя и восклицаетъ: — Видите ли Вы эту церковь, Григорія Новаго? Я посвятилъ ее моему па„трону, и вотъ, первое сраженіе принца Нассау совершилось именно „на другой день праздника сему святителю! Мы и сего дня при его „церкви: и вотъ флотъ мусульманскій сожженъ, вотъ новое разительное „дѣяніе моего патрона! Не явно ли это? Ахъ, я точно баловень—Божій (l'enfant gâté de Dieu: отвѣтъ на обычныя, слышанныя имъ прозвища, l'enfant gâté, у иностранцевъ и Русскихъ; у Державина „баловень" и „любимецъ счастья")!"—Очевидно, это немножко разнится отъ показаній де Линя и утрировано съ цѣлію позабавить. Таковы же были

и прочіе слухи, усердно разносившіеся тогда въ разсказахъ по Петербургу.—Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ симъ Сегюръ лишился того обильнаго, переполненнаго живостью матеріала, который, изъ писемъ де Линя съ поля дѣйствій, давалъ ему жатву для подобныхъ характеристикъ. Болѣе остроумный и свѣтскій, чѣмъ воинственный, — хотя храбрый,—и менѣе терпѣливый, чѣмъ охочій до славы успѣховъ, принцъ де Линь началъ самъ побаиваться исхода Очаковской осады, теряя вѣру въ побѣдоносность вождя, таланты коего, при всѣхъ странностяхъ, описывалъ недавно съ такимъ многословнымъ увлеченіемъ. Да и самъ Потемкинъ, судя по всѣмъ даннымъ (ср. выше), охладѣвалъ больше и больше къ своимъ прежнимъ пріятелямъ Французамъ, начиная съ Сегюра, къ друзьямъ ихъ полу-Полякамъ въ родѣ Нассау и ко всему болѣе-менѣе Польскому, состоявшему подъ ихъ покровительствомъ: ряды ихъ вокругъ затрудненнаго полководца съ каждымъ часомъ рѣдѣли. Воспользовавшись дозволеніемъ Императора, принцъ отправился къ его, союзному намъ, подвизавшемуся войску, намѣреваясь побывать по дорогѣ и у Румянцова, Потемкинскаго соперника, и въ плѣнительныхъ Яссахъ. Въ приведенномъ недавно письмѣ (отъ конца Октября) онъ описываетъ сборы. „Развѣ только какой ни будь отчаянный ударъ въ состояніи доставить намъ, говоритъ онъ, владѣніе Очаковымъ, ибо нужно отстрѣливаться и ото льду, и отъ снѣгу, и во всякомъ случаѣ отъ грязи, въ которую мы грязнемъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Браницкій уѣхалъ въ свои имѣнья; Нассау въ Петербургъ *); Юрій Долгорукій въ Москву; Ксаверій Любомірскій (ср. ниже) и Салогубъ (намъ знакомый) въ Польшу (въ свои имѣнья, Бѣлорусскія), и прочіе генералы не знаю еще куда: всѣ они получили отвращеніе и почти больны"... „Я отправляюсь," продолжаетъ онъ, „отдавая справедливость добрымъ качествамъ Потемкина, его уму, его любезности, его хорошему тону — когда онъ того захочетъ, его благородству, храбрости, великодушію и даже своего рода его обходительности. Я жалѣю объ немъ и меня жалѣютъ (не совсѣмъ согласно съ помянутымъ выше холоднымъ обращеніемъ, прерваннымъ только къ вечеру). Я сажусь въ коляску, не въ силахъ будучи выносить болѣе дурнаго мяса, дурнаго вина, дурной воды, дурнаго воздуха, холода, скуки и даже хоть того, что цѣлый годъ видѣлъ только море да пустыни.... Я покидаю дикія манеры и азіатскія утонченности одного маршала, чтобы обрѣсти дру-

---

*) Сегюръ умалчиваетъ о послѣднихъ его подвигахъ и причинахъ отъѣзда: Храповицкій же подъ 26-мь Октября, въ слѣдъ за письмомъ, гдѣ Потемкинъ расписывалъ своихъ великихъ quasi-героевъ, прибавляетъ: „Принцъ Нассау, послѣ неудачныхъ покушеній на Капитанъ-Пашу, поѣхалъ въ Варшаву, подъ претекстомъ болѣзни; К. Паша большое дѣлаетъ препятствіе, прилѣпился къ Очакову какъ шпанская муха."

гаго, европейскія формы котораго не слишкомъ выражаютъ желаніе скомпрометировать себя (Румянцова).“ Нельзя думать, чтобъ и Потемкинъ черезъ чуръ горевалъ по сотоварищамъ такого рода: но одиночество все-таки одиночество. Погруженный въ думы свои и планы, онъ оставлялъ Петербургъ безъ извѣстій, а друзья, оставившіе его въ одинокомъ молчаніи, разносили по Петербргу громкія вѣсти и предсказанія совсѣмъ другаго рода. Потому, видѣли мы, и Записки Храповицкаго за это время, съ Октября до начала Декабря, полны то раздававшимися вокругъ жалобами на безъизвѣстность, то взрывами негодованія на лѣнь и бездѣятельность. „Горе-богатырь“ зрѣлъ съ полнымъ правомъ среди Петербурга, далекаго отъ дѣйствительности и чуждаго правильныхъ понятій: лишь опять, развѣ увѣренность одной государыни продолжала поддерживать Потемкина, отзываясь о немъ благосклонно предъ посторонними, либо въ кабинетѣ готовила ему поучительные уроки за прошлое и впередъ, либо обрушивалась на самое лицо ея болѣзненными припадками страданій. Мгновенное, для всѣхъ разительное взятіе Очакова вывело наконецъ Французскаго посла изъ его скучныхъ страницъ, хотя и тутъ не переставалъ онъ описывать самое даже торжество въ новомъ усвоенномъ минорномъ тонѣ (отмѣчаемъ его курсивомъ). „Императрица начинала опасаться, чтобы войска ея, истомленныя болѣзнями, не были бы вынуждены оставить осаду Очакова.... *Потемкинъ, казалось, впадаетъ въ обычную летаргію.* Какъ вдругъ курьеръ отъ него привезъ извѣстіе, что онъ взялъ Очаковъ приступомъ. *Онъ долго колебался, работы не подвигались.* Капитанъ-Паша, передъ удаленіемъ, доставилъ въ городъ 500 человѣкъ. Но въ день св. Николая гренадеры собираются, *ропщутъ, шумятъ, окружаютъ палатку князя и возмутившись требуютъ приступа.* Генералъ *воспользовался* этими обстоятельствами.... *Бѣшенство двухъ фанатизмовъ залило городъ кровью*: не было пощады ни полу, ни возрасту.... Семь тысячъ Турокъ погибло *въ этой бойнѣ*“ и т. д. „Такъ, *не смотря на медлительность Потемкина*, недоразумѣнія между генералами, Шведскую диверсію и ошибочный планъ кампаніи со стороны императора, 1788-й годъ кончился очень счастливо.“ Наконецъ, явился въ столицу и *самъ*.

По удаленіи отъ дома Нарышкиныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по двусмысленнымъ, довольно холоднымъ отношеніямъ къ Потемкину, Сегюръ не могъ сообщить намъ за это время ни послѣдствій сюрприза, подготовленнаго „Горе-богатыремъ,“ ни прочихъ, самыхъ любопытныхъ, страницъ изъ „внутренней“ жизни князя. Но, такъ какъ эти два мѣсяца пребыванія въ столицѣ были самою „глухою порою“ среди громкой публичной исторіи Потемкина, совершенно въ родѣ той поры, которую мы видѣли уже прежде при удаленіи его со сцены въ первой половинѣ 1786 года, потому мы продолжаемъ дорожить здѣсь и мелочными подробностями, записанными у Сегюра: тѣмъ болѣе, что онѣ рисуютъ намъ скрытую подкладку подъ наружнымъ блескомъ торжествъ, удѣленныхъ побѣдителю, какъ мы знаемъ, по неволѣ, „лишь бы не обидѣлся онъ и

пожалуй этого захочетъ.“ „Взятіе Очакова,“ пишетъ Французскій посланникъ, „казалось, заставило императрицу позабыть *ея справедливые и многочисленные мотивы неудовольствія противъ князя:* удовлетворенная его побѣдою, она простила ему лѣность его. Всѣ тѣ, кои наиболѣе роптали на его нерадивость, наиболѣе вынуждены были изъявлять ему рабскую преданность.“ Сегюръ могъ бы себя зачислить въ то же число: но, болѣе правдивый, онъ отличился только тѣмъ, что, спѣша оправдаться, дозволилъ себѣ съ первыхъ же шаговъ свиданія оскорбить прежняго друга. „Князю наговорили, что я помѣстился въ число его обличителей, и онъ жаловался мнѣ на это (такъ былъ „сердеченъ“ князь) при первой же встрѣчѣ.“ Завязался разговоръ и, на упреки въ отклоненіи отъ Франціи, Потемкинъ откровенно замѣтилъ: „Когда я увидалъ, что королевство Франціи становится архіепископствомъ, что какой ни будь прелатъ удаляетъ изъ совѣта двухъ Французскихъ маршаловъ и спокойно допускаетъ Англичанъ съ Прусаками отнять у васъ Голландію безъ боеваго удара, я, признаюсь, дозволилъ себѣ шутку: я сказалъ, что охотно посовѣтовалъ бы своей государынѣ вступить въ союзъ съ Людовикомъ Толстымъ, Людовикомъ Юнымъ, Людовикомъ Святымъ, хитрымъ Людовикомъ XI, мудрымъ XII-мъ, даже съ Людовикомъ „Многолюбимымъ,“ только не съ *Людовикомъ-викаріемъ.*“ Это дало Сегюру поводъ къ явной личной дерзости. „Правда, отвѣчалъ я ему со смѣхомъ, что Французскіе короли назначали иногда министрами епископовъ и кардиналовъ: но я не думаю, чтобъ они возвысили когда ни будь въ министры такого генерала, который *оказывалъ часто желаніе поступить въ монахи.*“ Послѣ этого, Сегюръ хочетъ еще увѣрить, хоть не клянется, что, при разрывѣ въ сферѣ политической, между нимъ и Потемкинымъ держалась прежняя личная дружба: „Эта колкая бесѣда, въ которой не счелъ я нужнымъ отдавать отчетъ моему двору (еще бы!), кончилась также весело и дружески, какъ началась. Но, что̀ вѣрно, это то, что князь, не разсчитывая больше на нашу силу, существенно перемѣнилъ систему: такимъ образомъ, съ сей минуты, оставаясь со мною въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ личной дружбы, онъ не оказывалъ мнѣ больше довѣрія политическаго и напротивъ, довольно открыто, сблизился съ министрами Англіи и Пруссіи.“ Однако, не считая себя еще достаточно отомщеннымъ за измѣну старой „дружбѣ,“ Сегюръ обрадовался вскорѣ новому случаю мщенія и не менѣе радостно описалъ его намъ. Однажды онъ былъ у Потемкина и сидѣлъ съ нимъ за шахматною доскою, въ присутствіи порядочнаго числа придворныхъ и офицеровъ. Желая отклонить вниманіе отъ себя и затруднить партнёра, князь подозвалъ любимаго шута своего, Мосса, и предложилъ ему поболтать что ни будь о новостяхъ изъ Парижа, гдѣ собирались тогда генеральные штаты. По отзыву Сегюра, Моссъ былъ „оригиналенъ, довольно образованъ и, среди его болтовни, проскользали часто черты столь же колкія, сколько смѣлыя.“ По вызову хозяина, шутъ занесъ будто бы чепуху и путаницу, но кончилъ не дурно. „Приводя анекдоты

подлинные и изъ всей рѣчи сдѣлавъ картину, шутовскую и сатирическую, гдѣ въ смѣшномъ видѣ представилъ нашъ дворъ, духовенство, парламенты, дворянство и національный характеръ, онъ, въ заключеніе всѣхъ этихъ эпиграммъ, произнесъ предсказаніе о всеобщемъ переворотѣ и всемірномъ безуміи, которое охватитъ Европу, если только во главу дѣлъ не поставятъ мудрецовъ, ему подобныхъ, вмѣсто сумасшедшихъ, которые нынѣ управляютъ. Въ теченіе прекрасной этой выходки противу Франціи, присутствующіе лукаво на меня поглядывали, а князь подсмѣивался себѣ надъ затрудненіемъ, въ которое меня поставилъ.... Однако я не потерялъ головы и захотѣлъ отплатить. *Въ области политики и тѣхъ правительственныхъ дѣлъ, о которыхъ запрещали разговаривать, мнѣ не было безъизвѣстно, на какой именно пунктъ напирали тогда въ Петербургѣ, заставляя молчать и остерегаться.* Вмѣсто гнѣва на витію, я сказалъ ему:—„Любезный Моссъ, Вы человѣкъ свѣдущій, но 20 лѣтъ уже не видали Франціи и Ваша память, „правда, громадная, обманываетъ Васъ, потому что Вы дѣлаете грубую „смѣсь истинъ и ошибокъ. При всемъ томъ, прекрасная рѣчь Ваша „заставляетъ меня думать, что Вы были бы совсѣмъ въ другомъ родѣ „краснорѣчивы и занимательны, еслибы захотѣли поговорить намъ о „Россіи, которую знаете гораздо лучше, и объ войнѣ, которую она ве„детъ теперь противу Турціи. —“ При этихъ словахъ князь Потемкинъ наморщилъ брови и сдѣлалъ (будто бы?) шуту угрожающій жестъ. Но безстрашный Моссъ былъ въ ударѣ и, ободряемый похвалами, горячо пустился въ рѣчь, щадя Россію еще менѣе Франціи. Онъ съ удовольствіемъ распространился о разныхъ неудобствахъ..., о недостаточности арміи, пустотѣ казнохранилища, упадкѣ финансоваго кредита.—Что думать наконецъ, прибавилъ онъ, о „правительствѣ, которое видитъ дѣла свои въ такомъ „жалкомъ состояніи, а между тѣмъ *расточаетъ столько денегъ и людей, „чтобы пріобрѣсть нѣсколько пустынь и выиграть чуму?* Вы не отгадаете, а я скажу Вамъ: *это дѣлается, чтобы потѣшить высокаго „князя,—онъ здѣсь на лицо,—такъ какъ князь скучаетъ, и чтобы доставить ему удовольствіе,—прибавить старшую Георгіевскую ленту къ „тѣмъ тридцати или сорока лентамъ, которыми онъ испещренъ уже, но „которыхъ ему еще мало.*—Тутъ я разражаюсь хохотомъ, присутствующіе давятся, чтобъ не послѣдовать за мною, а князь Потемкинъ, въ бѣшенствѣ, опрокидываетъ столъ и бросаетъ шахматы въ голову убѣгающаго Мосса...“ „Я слишкомъ ясно раскрылъ въ депешахъ своихъ (къ Французскому двору) всѣ неудобства моего невѣрнаго положенія.“ присоединяетъ къ этому непосредственно Сегюръ. Разумѣется, итти дальше было уже не куда; черезъ нѣсколько строкъ писатель замѣчаетъ, что „императрица обнаружила довольно живой гнѣвъ противу насъ,“ ни слова не говоритъ уже о послѣднихъ дняхъ пребыванія князя въ Петербургѣ и только, спустя десятокъ страницъ, заключаетъ: „Въ то же время, императрица объявила, что кн. Потемкинъ принимаетъ начальство надъ обѣими южными арміями и отправится съ полномо-

чемъ для переговоровъ о мирѣ. Маршалъ Румянцовъ, наскучивши непріятностями, которыя приходилось ему испытывать, испросилъ себѣ удаленіе.“ Послѣднее совершилось въ концѣ Апрѣля 1789 года, Потемкинъ уѣхалъ въ началѣ Мая, а за тѣмъ, какъ мы знаемъ, Анна Никитишна приступила къ плану мщенія.

Сцена съ шутомъ была бы достойна и раздраженнаго Лира: она хорошо обрисовываетъ положеніе нашего Шекспировскаго героя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, къ которымъ мы еще вернемся. А теперь вкратцѣ покончимъ съ Сегюромъ, чтобы пользоваться еще впереди его замѣтками, но уже не останавливаться болѣе на его личности.

Сегюръ дождался еще исторіи съ Мамоновымъ и, подобно Державину, успѣлъ еще забѣжать къ Зубову, который „усиленно заискивалъ его дружбы.“ Но разрывъ съ Потемкинымъ превратился даже въ „интриги“ отсутствующаго князя къ ущербу бывшаго друга. Съ тѣмъ вмѣстѣ, продолжавшаяся до конца ласковость императрицы таила подъ собою возраставшее рѣшительное нерасположеніе къ Французамъ. Убѣждаться въ томъ и другомъ оставалось уже не столько самому Сегюру, съ каждымъ часомъ терявшему прямой доступъ: посредникомъ служилъ здѣсь по преимуществу принцъ Нассау, съ которымъ дѣлили удовольствіе 12 Сентября, повторяя для него въ Эрмитажѣ „Горе-богатыря“ (ср. выше), и который пользовался еще значительнымъ довѣріемъ государыни, пока не заплатилъ за него своими промахами и послѣдующимъ пораженіемъ на морѣ. Такъ, черезъ его посредство, Сегюръ свѣдалъ „объ интригѣ князя, который надѣялся удалить отъ насъ императрицу,“ и точно, удаленъ былъ отъ посѣщеній Эрмитажа, а вмѣстѣ „постепенно удалялись отъ него и всѣ прочіе, смотрѣвшіе на него какъ на посланника, впавшаго въ немилость.“ Нѣкоторые успѣхи въ раскрытіи англо-прусскихъ тайнъ, сдѣланные однако съ помощію того же Нассау, воротили было на краткое время прежнюю довѣренность къ Сегюру: но вскорѣ опять Потемкинъ, „искавшій постоянно вредить намъ,“ помѣшалъ благимъ послѣдствіямъ самаго дорогаго Сегюру дѣла, торговаго трактата, и никто изъ министровъ, „кредитъ которыхъ боролся тогда напрасно противу Потемкинскаго кредита,“ ни сама государыня, не могли скоро поправить испорченнаго. Спустя еще немного, посланникъ „узналъ однимъ вѣрнымъ и секретнымъ путемъ о новыхъ покушеніяхъ князя, которыми тотъ старался измѣнить положеніе“ Сегюра, совѣтуя государынѣ не слишкомъ приближать къ себѣ представителей Вѣны и Версаля въ ущербъ прочимъ. А въ слѣдъ за симъ, къ концу Сентября, военныя дѣла на Югѣ и Сѣверѣ можно было считать законченными и непризванная роль Французскаго посредничества, въ добавокъ слабаго, падала само собою. Главная же перемѣна въ отношеніяхъ зависѣла, разумѣется, отъ той причины, которая весьма замѣтно выражалась на лицѣ Екатерины, естественно условливалась принципами Россіи и, рано ли, поздно ли, должна была убѣдить самого Сегюра: это была, разыгравшаяся къ роковому рѣшенію,

революція Франціи. Былому воителю свободы, съ отличіемъ Американскаго ордена, пріятелю Ла-Файета и другихъ „передовыхъ“ въ отечествѣ, трудно было въ чуждой странѣ декорироваться дальше знатнымъ просхожденіемъ и оффиціальнымъ именемъ падающаго короля. Уже въ Августѣ того же 1789 года, императрица возмущалась извѣстностію письма къ его Ла-Файету: „Можетъ ли такъ писать Королевскій министръ?“ На представленіе Храповицкаго, что они были вмѣстѣ въ Америкѣ, государыня повторила: „Да, они двоюродные. Que dira l'Empereur quand il saura tout cela? C'est une lettre curieuse: онъ его поздравляетъ съ счастливою революціею (Х—кій).“ Съ своей стороны, посланникъ долженъ былъ серіозно подумать, какъ бы не дождаться принудительной смѣны своему посту со стороны правительства „новаго“ и вернувшись не оказаться слишкомъ отсталымъ передъ вліятельными событіями минуты. Понятно, что „сборы его были быстры,“ и, хотя онъ „жалѣлъ“ о разставаньѣ, хотя „надѣялся скоро вернуться,“ но неудержимое желаніе „повидать отчизну и семью“ пересиливало и увлекало. Въ уста Екатерины при прощаньѣ влагаетъ онъ паспортъ, который очень схожъ съ примѣтами, ему самому знакомыми, и могъ служить лучшею рекомендаціей для возврата заблудшему сыну въ лоно Франціи юной: „Тяжело мнѣ видѣть Вашъ отъѣздъ. Вы сдѣлали бы лучше, оставаясь при мнѣ и не стремясь искать бурь, всего размѣра коихъ Вы, можетъ статься, и не предвидите. Ваша склонность къ новой философіи и къ свободѣ заставитъ Васъ вѣроятно поддерживать народное дѣло: на это я буду досадовать, ибо я останусь аристократкою... Подумайте объ этомъ: Вы найдете Францію въ сильной горячкѣ и очень больною.“ Непреклонный посланникъ выѣхалъ изъ Петербурга 11-го Октября 1789 года, а 5-го Ноября, по поводу шуточнаго письма де Линя и представленій Эрмитажа, вспомнили среди Петербургскаго дворца объ удалившемся другѣ, въ связи съ однородными лицами и явленіями: „Сегюръ уѣхалъ, Мамоновъ женился, синій попугай умеръ,“ Ségur parti, Mamonof marié, le perroquet bleu mort (Х—кій).

Однако уѣхавшій, по видимому въ доказательство, съ какимъ благоволеніемъ его отпускали, заѣхалъ еще по дорогѣ въ Гатчино, гдѣ имѣлъ время убѣдиться въ возвратившемся „довѣріи“ и выслушать пространныя жалобы на Дворъ съ Потемкинымъ. За симъ въ Варшавѣ зять Потемкина Браницкій вооружилъ его пистолетами, а въ Вѣнѣ добился онъ свиданія съ умиравшимъ императоромъ, на основаніи „тѣхъ же связующихъ интерессовъ и именъ.“ „Я просилъ аудіенціи, но меня увѣряли, что государь очень тяжко боленъ и не могъ принимать никого. Впрочемъ, безъ сомнѣнія онъ вспомнилъ благосклонность, которою почтилъ меня въ Крыму, и то желаніе, которое выражалъ онъ мнѣ: уяснить тайну, подстрекавшую его любопытство (о свойствѣ отношеній, существовавшихъ при Дворѣ П—скомъ; часть III).... Потому, сверхъ общаго ожиданія, императоръ дозволилъ мнѣ свиданіе.“ Наконецъ, въ самомъ Парижѣ, Сегюръ не на столько поспѣлъ своимъ пріѣз-

домъ, чтобы избѣгнуть ареста, однако и не опоздалъ еще, чтобы спастись отъ эшафота, долго прожить и прослужить, написать много сочиненій, въ особенности историческихъ, и скончаться въ 1832 году на неконченныхъ „Запискахъ," столь много намъ пособившихъ. — Остается повторить, что онъ много потерялъ въ Россіи, разошедшись съ Потемкинымъ, почему бы то ни было; что изъ за этого, въ собственномъ нашемъ дѣлѣ, мы такъ же потеряли много любопытныхъ страницъ въ заключеніи книги, начавшейся счастливо интимными подробностями; что, наконецъ, если бы не Французскія событія, внѣ всякой власти человѣческой, не дозволившія Сегюру оставаться у насъ долѣе „ни минуты," тогда и Россія могла бы видѣть въ преждевременномъ отъѣздѣ его потерю и сожалѣть о недоконченномъ дѣлѣ союза, впервые столь успѣшно имъ практикованнаго. Во всякомъ случаѣ, союзъ духовный, сближавшій Сегюра съ Русскими и поддержанный преданіями въ его семействѣ, осуществился позднѣе наглядныиъ образомъ, въ формѣ брака со знаменитою историческою фамиліей Русской *).

Пѣсня, къ которой мы идемъ, проникнута вся личнымъ значеніемъ Марьи Львовны; Нарышкина исполнена особеннаго значенія по отношеніямъ къ Потемкину; герой Тавриды, съ самыхъ темныхъ его сторонъ, выясняется всего больше изъ отношеній къ Сегюру и на страницахъ сего послѣдняго: вотъ причина нашихъ подробностей вообще, о Сегюрѣ въ особенности, и вотъ отчего пѣсня наша вышла дѣйствительно „долгою пѣсней."

---

*) Л. Ф. Сегюръ род. 1753, ум. 80 лѣтъ 1832 (27-го Августа; въ нашей литературѣ указываютъ то 30, то 33-й годъ). По возвышеніи отца въ военные министры при Людовикѣ XVI, онъ серьезнѣе занялся службою и образованіемъ, воевалъ волонтеромъ въ Америкѣ противу Англіи, заслужилъ орденъ Цинциннати и, по возвращеніи, принялъ дипломатическій постъ въ Россіи, о чемъ Екатерина, въ началѣ дѣйствій его, отзывалась: „Гр. Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія; но министерство (Французское), обманутое своими эмисерами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. *Сегюръ, кромѣ здѣшняго Двора, нигдѣ министромъ быть не хочетъ* (X—кій подъ 21-мъ Марта 1787 г.)." О дальнѣйшихъ успѣхахъ и неудачахъ его въ Россіи знаемъ уже. Вернувшись во Францію, онъ не хотѣлъ ни эмигрировать, ни принять званіе министра иностранныхъ дѣлъ отъ Людовика. При торжествѣ революціи былъ арестованъ, но, избѣгнувъ эшафота, 10 лѣтъ до имперіи провелъ внѣ политической дѣятельности, занимаясь исторіей и литературой (онъ б. членомъ Академіи). Остальное намъ извѣстно. Дочь гр. Ѳ. В. Ростопчина, Софья Ѳедоровна, вышла за Евгенія Сегюра, роднаго внука нашему писателю. Сынъ ея, правнукъ послу и внукъ Ростопчину (онъ и называетъ себя petit-fils du c. R—ne) A. de Ségu издалъ въ 1872 г., въ Парижѣ, любопытную біографію дѣда: „Vie du comte Rostopchine (8°)," посвященную „à ma mère la comtesse de Ségur, fille du c. R—ne."—Въ 1788 г. Неаполитанскій министръ Серра Капріоли женился на Вяземской.—О родствѣ Шуазёля (знаменитаго посла въ Констан-

Не первый уже разъ подходимъ мы къ 1789 году: и съ каждымъ разомъ, возвращаясь къ нему, приносимъ какую ни будь замѣчательную черту. Немногія слова Сегюра о двухмѣсячномъ пребываніи Потемкина въ Петербургѣ, при началѣ 1789 года, характеристичны самою скудостію: писатель не рисуетъ князя ни одною почти чертою ни на сценѣ политической вообще, ни на придворной въ особенности. Единственная живая сцена ограничивается кабинетомъ Потемкина. Но, если за то описаны съ подробностію неудовольствія, интриги и клеветы противъ Очаковскаго героя передъ его пріѣздомъ; если мимоходомъ, какъ бы не хотя и по крайней необходимости устроено ему было торжество встрѣчи: то пестрая рѣчь шута вскрываетъ намъ цѣлую пропасть, подрывшуюся подъ безпечнаго и упрямаго полководца. Съ одной стороны тяжкіе ему упреки и насмѣшки надъ плодами побѣдъ, съ другой вынужденная строгость, запрещавшая даже говорить объ этой больной струнѣ текущихъ явленій и самого ихъ представителя. Если же практиковалось усиленное молчаніе массы, то тѣмъ сильнѣе были къ нему вызовы и, стало быть, всѣ рѣчи, слухи, намеки и взгляды вокругъ несли съ собою либо ропотъ на „Потемкинское иго," либо язвительную насмѣшку на безплодность, безполезность, ненужность сей тяготы. Взрывъ бѣшенства на слова шута показываетъ уже, какъ раздраженъ былъ самъ князь всѣмъ окружающимъ, какъ наболѣло въ груди его; съ откровенностію, которая дѣлаетъ честь его сердцу, но съ чувствомъ явнаго своего одиночества, жалуется онъ, что и Сегюръ сталъ въ ряды враговъ его; а между тѣмъ, зная очень хорошо, что Французъ уже не могъ быть по прежнему его другомъ, самой жалобой свидѣтельствуетъ онъ о своемъ уничиженіи. Такимъ образомъ, помня все предшествовавшее пріѣзду, въ крайней напряженности недовольства и ожиданій, казавшихся обманутыми, а по другую сторону соображая, съ какою быстротой, съ какимъ переломомъ и внезапнымъ порывомъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ, бросился Потемкинъ изъ Петербурга и стремглавъ поскакалъ опять на Югъ въ поле битвы, приходимъ къ необхо-

---

тинополѣ современно Сегюру, потомъ служившаго въ Петербургѣ) съ Поляками и Русскими мы уже упоминали. — Извѣстны также отношенія Фицъ-Герберта (этого врага по дипломатіи, но личнаго друга Сегюру) къ Щербатовой.— Такъ изъ Потемкинскаго времени брачные союзы, послѣ Западной Руси и Польши, простерлись и дальше на иностранцевъ, особенно Французовъ. Но Сегюру всего менѣе счастливится въ нашей литературѣ до сей поры. Переводъ его (1865) не точенъ и съ сокращеніями, вовсе не вызванными необходимостью. Г Геннади усвоилъ его Петербургу съ 1786 года. Новый издатель Дневника X—го совсѣмъ не означилъ времени его прибытія, ни отъѣзда, а дѣятельность политическую описалъ такъ: „сначала былъ *придворнымъ* старой Фр. монархіи..., а впослѣдствіи опять *придворнымъ* Наполеоновской монархіи."

нному выводу, что промежутокъ между тѣмъ и другимъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, былъ исполненъ для князя самой тяжкой „внутренней“ борьбы и тревоги. Мы должны заключать это по убѣдительной аналогіи съ другими подобными періодами, неоднократно и почти одинаково повторявшимися въ жизни князя. Потому-то, согласно съ изображеніемъ у Сегюра, видимое отсутствіе Потемкина со сцены „внѣшней,“ политической, придворной и общественной, сопровождается параллельно присутствіемъ его въ кабинетѣ, за шахматной доскою, въ глубокомъ раздумьѣ, изъ котораго будятъ его лишь взрывы, свидѣтельствующіе о бурѣ внутри. Храповицкій, своимъ молчаніемъ за это время подобно Сегюру, еще сильнѣе подтверждаетъ то же самое. Онъ либо поглощенъ долгими театральными послѣдствіями „Горе-богатыря,“ то есть продолженіемъ исторіи, всего болѣе непріятной Потемкину; либо занятъ исключительно самой государыней, со словъ ея—текущими дѣлами, при лицѣ ея—окружающими. Но Екатерина эти мѣсяцы слишкомъ не въ духѣ, мелочами огорчается, скучаетъ, подозрѣваетъ, припадаетъ больною, говѣетъ: время мрачное, невеселое. А главное, Потемкина почти совсѣмъ не видно при императрицѣ, при дѣлахъ, въ числѣ окружающихъ. Между тѣмъ Мамоновъ, именно съ этихъ самыхъ дней, колеблется въ прежнемъ значеніи: 11 Февраля съ нимъ непріятность, и здѣсь-то, съ самаго начала, въ первый и за тѣмъ въ послѣдній разъ, энергически еще выступилъ Потемкинъ; Февраля 12-го онъ, по выраженію Х—го, „миротворствовалъ.“ Дѣло Мамонова, близкаго и преданнаго Потемкину человѣка, какъ мы знаемъ, при извѣстныхъ отношеніяхъ было дѣломъ самого князя: улаживая одно, онъ улаживалъ свое собственное. Потому, уладивъ, князь считаетъ себя свободнымъ для своихъ дѣлъ: ради мира, 14-го Февраля посѣщаютъ маскарадъ у Л. А. Нарышкина. Но напрасно: 16-го исторія возобновляется. На бѣду, 18 Апрѣля (по свидѣтельству того же Х—го) разгорается дѣло, которое послѣ, середи лѣта, кончилось удаленіемъ Мамонова. Такимъ образомъ, Потемкинъ не спокоенъ въ самомъ уединеніи при своихъ дѣлахъ. А что онъ отдалился, что его нѣтъ съ самой половины Февраля, столь же явно. Послѣ „миротворства“ и маскарада у Нарышкиныхъ, только 16-го Марта о немъ рѣчь, и притомъ „недовольны медленностію князя въ росписаніи войскъ и генералитета;“ того же числа появляется онъ единственно чтобы дать и выслушать „изъясненіе о продовольствіи солдатъ подъ Очаковымъ,“ о томъ предметѣ, за который именно его тяжко обвиняли. За тѣмъ, 14 Апрѣля, „подписано Очаковское производеніе,“ производство отличій и наградъ за Очаковъ по письменнымъ представленіямъ князя: его самого нѣтъ, и видно, что нѣтъ, ибо 19-го замѣчаютъ, что „пребывающіе здѣсь (въ П—гѣ) чужестранные министры завидуютъ производенію и награжденіямъ,“ а это точно слышалось отовсюду, какъ мы знаемъ по Сегюру, а это значило, что само дѣло не стоитъ, однимъ словомъ это самое щекотливое для князя; подписавъ, какъ бы жалѣютъ. Итакъ, въ промежуткѣ съ самаго 16-го Марта, когда князь появился для не-

пріятнаго „изъясненія,“ по Храповицкому нѣтъ и не видно его вовсе вплоть до начала Мая. Марта 17 и 18-го разбираютъ его „замѣчанія,“ письменныя, „присланныя,“ о столь важномъ дѣлѣ,—о планѣ оборонительной кампаніи; черезъ двѣ недѣли, 6-го Апрѣля, показываютъ „присланную отъ князя записку,“ и опять о столь вліятельномъ событіи,— о смѣнѣ великаго визиря: и только, и все по запискамъ, безъ личнаго участія и присутствія князя. Апрѣля 17-го, безъ шума и послѣдствій, тихо играютъ въ Эрмитажѣ „Горе-богатыря,“ на перекоръ отзывамъ князя и, разумѣется, опять безъ него. Составляется планъ возобновляемаго продолженія войны на Югѣ, рѣшается такой крупный вопросъ, какъ удаленіе Румянцова и соединеніе двухъ армій; государыня совершаетъ этимъ все, что только могла, къ пробужденію Потемкина, чтобъ не заснулъ онъ въ Петербургѣ, чтобы ѣхалъ скорѣе да новой славы: и опять князя не видно на лицо, и безъ него объявляетъ государыня иностраннымъ министрамъ о новомъ данномъ назначеніи полководцу (ср. выше по Сегюру). Передъ самымъ его отъѣздомъ на новые тяжелые подвиги, подъ 4-мъ Мая Храповицкій намекаетъ только мимоходомъ, что съ отъѣзжающимъ былъ „разговоръ,“ но единственно упоминаемый, „дни за два“ до сего, и о послѣдствіяхъ записана единственная черта подъ 3-мъ Мая, именно, что Потемкинъ беретъ съ собою такія-то лица. Того же 4-го Мая, предвѣщая отъѣздъ князя, возвращается изъ Испаніи Нассау, сдѣлавшійся его врагомъ и удаленный съ дипломатическимъ порученіемъ на все время пребыванія Потемкина въ П—гѣ. На канунѣ отъѣзда, читаютъ—опять—лишь „записки“ князя, безъ него, съ его представленіями о производствахъ по гвардіи, ему ввѣренной: и читаютъ, чтобы тутъ же отказать нѣсколькимъ. „О Текутьевѣ отказали: Какъ быть тому маіоромъ гвардіи, кого въ глаза не знаю? Лазарева не взяли въ гвардію: На что мнѣ Армянинъ?“ Посылаютъ эти „записки“ не къ Потемкину прямо, а къ Мамонову, то есть вѣроятно *черезъ него*. И такъ далѣе, и тому подобное: а лучше сказать, другаго и нѣтъ ничего. Пусть же, если было иначе, указываютъ намъ другіе документы: предъ лицомъ государыни, въ близости ея, Храповицкій не видитъ и не поминаетъ князя, напротивъ постоянно выводитъ его отсутствующимъ. Наконецъ, безъ прощанья, безъ проводовъ, безъ шума и рѣчей, ранёхонько, первый герой времени и первое вельможное лицо Петербурга, „6-го Мая въ седьмомъ часу утра князь Г. А. П—нъ Таврическій уѣхалъ въ армію:“ вотъ все, чѣмъ лаконически заключаетъ Храповицкій, не безъ причины въ ущербъ лаконизму замѣтившій ранніе часы отбытія.

Ясно, что эти два мѣсяца — самая глухая пора для Потемкина, по справедливости и технически названная такъ нами. Эта пора, не разъ у него повторявшаяся, хотя теперь всего рѣшительнѣй и рѣзче, есть вмѣстѣ пора, достаточно намъ извѣстная: она характеризована *со стороны* обычными, весьма избитыми, выраженіями о наступавшей апатіи, летаргіи, лѣни, опущенности и т. п.; а *въ самомъ дѣлѣ*, это обычная

пора удаленія отъ другихъ и уединенія въ себя самого, пора глубокихъ думъ и раздумья, внутренней борьбы и душевныхъ тревогъ, искомаго покоя и вызывающаго раздраженія, наружнаго мира и скрытаго кипѣнія, видимой безпечности и невидимаго безпокойства, кажущагося отупѣнія и роившихся тысячами новыхъ плановъ. И начало этой поры — непріятностями, и конецъ или выходъ отсюда на усиленную дѣятельность новыхъ подвиговъ, въ соединеніи съ означенными выше чертами, все убѣждаетъ, что эта „глухая" пора одинакова съ тою, какую мы видѣли въ 1786 году, повторила послѣднюю и снова повторилась. А такая пора, мы знаемъ, не ограничивалась для князя одними стѣнами его кабинета: въ Петербургѣ она совмѣстна, непремѣнно, съ удаленіемъ князя въ домъ Нарышкиныхъ, съ водвореніемъ при Марьѣ Львовнѣ, съ желаніемъ забыться въ глубокомъ чувствѣ взаимности, съ воспоминаніемъ о призваніи лица человѣческаго, съ голосомъ сердца, съ уничтоженіемъ царедворца, воителя, политика, съ воскресеніемъ человѣка любящаго и любимаго. Пусть не говоритъ уже о семъ Сегюръ: его описаніе изъ 1786 года совершенно оживаетъ передъ нами въ 1789-мъ.

Но Сегюръ говоритъ: только не въ „Запискахъ," а въ другомъ мѣстѣ. „Записки" редактированы при концѣ жизни автора, по летучимъ замѣткамъ, веденнымъ въ Россіи: чего не видалъ самъ, въ чемъ лично не участвовалъ и гдѣ не присутствовалъ, о томъ престарѣлый, осторожный и опытный, писатель умалчиваетъ; тѣмъ больше, какъ человѣкъ въ высшей степени благовоспитанный, видимо не считалъ онъ себя въ правѣ распространяться подъ 1789-мъ годомъ о такихъ „домашнихъ" дѣлахъ, которыя достаточно изобразилъ подъ 1786-мъ въ качествѣ очевидца. Тѣмъ не менѣе, Сегюръ *зналъ* и многое еще другое, не вошедшее въ „Записки," и, гораздо прежде ихъ редакціи, вставлялъ по мѣстамъ въ прочія свои сочиненія: здѣсь руководили имъ слухи, показанія стороннихъ лицъ, справки и вообще все, съ интересомъ собранное *внѣ* очевидности и личнаго участія, въ продолженіе долгой жизни, какъ въ самой Россіи, такъ и послѣ внѣ ея. Между прочимъ, таковъ у него „*Портретъ кн. Потемкина*," талантливо набросанный уже по смерти героя, съ описаніемъ самой кончины его. Авторъ вставляетъ сюда и нѣкоторыя черты изъ 1789 года: и, какъ слѣдуетъ по извѣстному намъ типу, картину Потемкинскаго кабинета ставитъ *рядомъ* съ удаленіемъ князя въ домъ Нарышкиныхъ (эти два убѣжища были тѣсно связаны); но, съ тою же опять деликатностью, не называетъ здѣсь *именъ*, роль которыхъ задернулась смертнымъ покровомъ героя. Компиляторы, пользовавшіеся часто сообщеніями Сегюра (ср. выше), помѣщали „Портретъ" въ концѣ своихъ книгъ (на прим. въ изд. 1809 г.): и такъ же, безъ сомнѣнія по причинамъ, указаннымъ у насъ, считали неприличнымъ у себя расшифровывать намеки или вставлять имена, не внушавшія ничего кромѣ уваженія. — Мы воспользуемся этими данными, на сколько дополняется наше дѣло и безъ нужды не повторяется изложенное прежде. — „Князь Гр. А. П — нъ," по словамъ Се-

гюра, „былъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей своего вѣка: но, чтобъ сыграть столь замѣчательную роль, ему нужно было родиться въ Россіи и жить подъ правленіемъ Е — ны II... Онъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ всѣ недостатки и всѣ преимущества, самыя противоположныя... Расточительный для своихъ родныхъ, любимицъ и любимцевъ, онъ часто не платилъ ни по дому, ни кредиторамъ. Ничто не могло сравниться съ дѣятельностью его воображенія и съ лѣнью его тѣла. Никакая опасность не устрашала его отваги, никакая трудность не заставляла его отказываться отъ его плановъ: но успѣхъ внушалъ ему отвращеніе отъ предпріятія. Онъ удручалъ государство количествомъ занятыхъ имъ ролей и объемомъ своего могущества. Онъ самъ былъ удрученъ вѣскостью своего существованія, завистливый ко всему, чего не дѣлалъ, скучающій тѣмъ, что̀ дѣлалъ. Не вѣдалъ онъ ни вкуса въ отдыхѣ, ни отрады въ занятіяхъ. Все было въ немъ распущено: работа, удовольствіе, характеръ, поведеніе. Въ обществѣ всякого рода онъ имѣлъ видъ человѣка затрудненнаго и собственное присутствіе его всѣхъ стѣсняло. Онъ сердито обращался съ тѣми, кто его боялся, и ласкалъ всѣхъ тѣхъ, кто осаждалъ его съ фамильярностью. Всегда обѣщалъ, рѣдко сдерживалъ обѣщаніе и не забывалъ ничего никогда. Никто меньше его не читалъ и не многіе были лучше его образованы.... Образованіе его не было глубоко, но оно было очень обширно; ни во что онъ не углублялся, но говорилъ обо всемъ хорошо... Онъ самъ создавалъ фаворитовъ — и (рядомъ съ ними) сдѣлался довѣреннымъ лицомъ, другомъ, генераломъ и министромъ своей повелительницы....“ Война съ Турками „доставила ему случай завоевать Очаковъ, оставшійся за Россіей, и пріобрѣсть старшую Георгіевскую ленту, единственное украшеніе, какого недоставало его тщеславію. Но эти послѣднія торжества были предѣлами для его жизни. Онъ скончался въ Молдавіи, почти внезапно: его смерть была предметомъ сожалѣнія для племянницъ и небольшаго числа друзей, заняла единственно его соперниковъ, жадныхъ къ раздѣлу оставшейся добычи, и — сопровождалась тотчасъ же самымъ глубокимъ забвеніемъ. Какъ эти великолѣпные, быстро пролетающіе метеоры, блескъ которыхъ изумляетъ, но не содержитъ въ себѣ ничего прочнаго, Потемкинъ начиналъ все и не докончилъ ничего... Знаменитость Императрицы возрасла его завоеваніями: ей удивленіе, служителю ея ненависть. Потомство, болѣе справедливое, раздѣлитъ, можетъ статься, между ними и славу успѣховъ, и строгость приговоровъ. Оно никакъ не дастъ Потемкину титла человѣка великаго но оно зачтетъ его человѣкомъ необычайнымъ. И, если захотятъ изобразить его съ точностію, можно будетъ представить его какъ истинную эмблемму, какъ живой образъ государства Русскаго. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ колоссаленъ, какъ сама Россія. Подобно ей самой, и воздѣланное, и пустынное соединялось въ его духѣ. Тутъ видно было и Азіатское, и Европейское, Татарское и Козацкое, грубость XI вѣка и порча XVIII-го, поверхность наукъ и невѣжество затворничества,

внѣшность цивилизаціи и пропасть слѣдовъ варварства... Этотъ портретъ можетъ показаться гигантскимъ: но кто зналъ Потемкина, засвидѣтельствуетъ вѣрность. Онъ имѣлъ великіе недостатки: но безъ нихъ, можетъ статься, онъ не властвовалъ бы ни надъ властію, ни надъ своею страною. Судьба сдѣлала его именно такимъ, какимъ слѣдовало ему быть, чтобъ сохранить такъ долго могущественное вліяніе на женщину, столь же необыкновенную *)." Такъ, благодаря иностранцамъ, общая характеристика Потемкина почти исчерпана и довольно ясна; порядочной біографіи его нѣтъ вовсе, исторіи и подавно, а отношеніе къ Русской народности, которой былъ онъ истымъ представителемъ до мелочей, не затронуто доселѣ ни малѣйшею чертою. Судьба же личной жизни его, какъ чувства и страсти въ данномъ опредѣленномъ случаѣ, выясняется только теперь при нашемъ изложеніи, и съ этой стороны также помогаетъ намъ Сегюръ въ своемъ „Портретѣ." Именно, въ срединѣ сего послѣдняго, за общими очертаніями, писатель вставляетъ случай частный: „Видали, какъ *иногда въ продолженіе мѣсяца*, посреди всего города, *проводилъ онъ цѣлые вечера возлѣ одной молодой дѣвушки*, какъ будто забывая одинаково и всякое дѣло, и всякое приличіе." Въ „Запискахъ" Сегюръ изобразилъ такой случай однажды, въ 1786 году: *иногда* или *нѣсколько разъ* (quelquefois) указываютъ уже прямо на *повтореніе* случая, а подобный „цѣлый мѣсяцъ вечеровъ," по соображенію Потемкинскаго времени, очень скупо изочтеннаго въ исторіи, приходится *единственно* на 1789 годъ. И центръ города—Петербурга, здѣсь помянутый, и единственная молодая дѣвица, здѣсь выведенная, и нарушеніе приличія, возбудившее столько тревогъ, все это не оставляетъ сомнѣнія, о комъ здѣсь дѣло. Еще болѣе подтверждается это словами, непосредственно слѣдующими у Сегюра; онъ тотчасъ переходитъ къ сопутственному удаленію князя въ кабинетъ, и опять Петербургскій, въ извѣстные года, въ средѣ племянницъ: „Также точно иногда (не разъ), въ продолженіе *нѣсколькихъ недѣль*, удалившись къ себѣ съ племянницами своими и людьми, интимно допущенными, оставался онъ на диванѣ, безъ разговоровъ, играя въ шахматы или карты, съ голыми ногами и разстегнутымъ воротомъ, въ халатѣ, съ озабоченнымъ челомъ и надвинутыми бровями, представляя взору ино-

---

*) Болѣе остроумный, пр. де Линь, когда пускался въ подобныя характеристики, не видно было конца: но Сегюръ, способный скорѣе къ точности исторической, встрѣчалъ предѣлы, при которыхъ обрывался. Такъ, извѣстно, въ ту пору, когда Потемкинъ вынужденъ былъ не только бороться, но даже и драться, онъ потерпѣлъ ударъ въ глазъ: сдѣлался нарывъ, нетерпѣливецъ прорвалъ и—глазъ затянуло (что, впрочемъ, говорятъ, не очень портило его лица). Объяснивъ это ревностію по красотѣ, Сегюръ прибавляетъ сравненіе: „его глазъ открытый, глазъ закрытый—напоминали собою это Черное море, всегда открытое, и море Сѣверное, такъ долго запертое льдами..."

странцевъ, приходившихъ повидаться (какъ Сегюръ въ 1789 году), зрѣлище грязнаго и грубаго козака." Наконецъ, вѣрность этой картины примѣнительно къ извѣстнымъ годамъ завершается выводами, которые тутъ же непосредственно дѣлаетъ писатель относительно успѣховъ при дворѣ: „Всѣ эти странности сердили часто императрицу, но вмѣстѣ еще болѣе располагали ее. Въ юности Потемкинъ нравился при дворѣ, въ зрѣломъ возрастѣ онъ плѣнялъ еще льстя гордости, успокоивая страхи, подкрѣпляя могущество, лаская мечты о Восточной имперіи, изгнаніи варваровъ и возстановленіи республикъ Греческихъ." — Такъ оріентируетъ насъ Сегюръ, перенося своимъ Потемкинскимъ портретомъ къ 1789 году. И это вовсе не одно праздное гаданіе или шаткое предположеніе: своею „Эвтерпою" Державинъ увѣковѣчилъ доказательство и въ поэтическихъ образахъ оставилъ намъ событіе, свидѣтельствующее, что такова именно была для Потемкина и Нарышкиной пора 1789-го года, его двухъ мѣсяцевъ, самыхъ рѣшительныхъ, самыхъ громкихъ для поэзіи, хотя и самыхъ темныхъ для внѣшней дѣйствительности. Библіографы, объясняющіе „Эвтерпу," не усомнились при ней выписать характеристику любви и страсти изъ Сегюра, изъ 1785—86 года: это дѣлаетъ честь ихъ догадливости (хотя и не мѣшало объясниться, почему характеристика годилась одинаково для 1789 года). Мы же, послѣ предыдущихъ данныхъ, имѣемъ право высказать еще болѣе: 1789-й годъ, въ его цитуемыхъ двухъ мѣсяцахъ, не только повторилъ собою все, случившееся и описанное въ 1786-мъ, но еще *на высшей и крайней степени.* Эвтерпа еще разъ изображаетъ намъ въ самыхъ яркихъ образахъ: что порывистый отъѣздъ любимца счастья, полководца и царедворца, былъ вынужденъ—обстоятельствами, предначертаніями и требованіями власти, вызовомъ къ высшей грядущей славѣ, необходимостью покинуть нѣгу, надеждою завоевать себѣ личную свободу, дабы распоряжаться участью своею въ будущемъ; что на отъѣздъ любящая жаловалась, съ горемъ разставалась, со слезами провожала взоромъ, терзалась въ разлукѣ; но что это было напрасно, что видимое бѣдствіе слѣдовало считать временнымъ и къ добру; что съ согласія отца, согласіемъ невѣсты и жениха, рѣшено было завершить отношенія ихъ бракомъ по возвратѣ; что, наконецъ, этотъ рѣшенный союзъ, полный упованій, сулилъ дѣйствующимъ лицамъ и всей „вселенной," обнимаемой Русскимъ взглядомъ съ Русской точки зрѣнія, сулилъ безмятежный „золотой вѣкъ" невозмутимаго счастья. Чего же еще болѣе? Какъ далеко ушли отъ 1786 года и къ какому успокоительному рубежу пришли въ 1789-мъ!—Пора же намъ, и теперь именно во всей полнотѣ, пора перейти къ Марьѣ Львовнѣ Нарышкиной съ ея пѣснею.

Поэтъ вдохновленъ. Поэтическое произведеніе вызвано обаятельною встрѣчею, близкимъ созерцаніемъ дѣйствующаго лица въ тогдашнемъ его положеніи, а особенно слышанною изъ устъ *пѣснею.* Въ пѣснѣ высказалась вся личная судьба героини: прошлая—возрастившая изящный образъ, настоящая—цвѣтущая, будущая—уповаемая. „Пой," говоритъ

„дорогой Эвтерпѣ“ поэтъ въ началѣ, „пой“—повторяетъ въ заключеніи. Стихотвореніе стихотворца есть отзвукъ, отголосокъ, вторящее эхо, воспроизведеніе, почти перифразъ слышанной пѣсни: въ немъ все то, что было въ пѣснѣ, то же содержаніе, тѣ же лица и образы, тѣ же слова и выраженія, тѣ же жалобы и надежды, тѣ же слезы и улыбки, цвѣты и краски. Смѣнены лишь: арфа лирою, народное творческое слово риѳмованными стихами, лицо пѣвшее и живой голосъ личнымъ искусствомъ и перомъ письменной поэзіи, дѣйствительность воспроизведеніемъ, единичное явленіе цѣлымъ міромъ Русскаго стихотворчества, поспѣшившимъ благородно отозваться человѣческому страданію. Противу пѣсни, изъ запаса всемірнаго вдохновенія, прибавлено только вѣское слово ободряющей надежды: но и оно отвѣчаетъ одушевленію пѣсни, не допускавшей ничего шаткаго и двусмысленнаго.

Такова точно и есть „Пѣсня,“ вызвавшая „Эвтерпу“ и въ сей послѣдней воспроизведенная. Одна отвѣчаетъ другой, другъ друга онѣ пополняютъ и составляютъ вмѣстѣ единое цѣлое, лишь обстоятельствами внѣшней исторіи, но не внутренней жизнью, раздѣленное на пѣсню народную и поэзію художественную, на дѣло пѣвицы и поэта.

Лицо *Марьи Львовны Нарышкиной* достаточно уже обрисовалось намъ изъ всего предъидущаго, такъ что остается лишь собрать черты въ одинъ образъ. Въ 1785—86 годахъ была она лѣтъ 18—19-ти, въ 89-мъ лѣтъ 22 хъ, въ полной порѣ для красоты дѣвушки. Дважды, въ „Эвтерпѣ“ и „Анакреонѣ,“ Державинъ называетъ глаза ея „голубыми“ („Бросишь взоры голубые;“ „Стрѣлялъ съ ея небесныхъ И голубыхъ очей“). Потому, вѣроятнѣе, была она бѣлокурою, блондинкой; „Любимца Счастія (ср. выше)“ поэтъ помѣщаетъ „Съ красоткой чернобровой рядомъ иль съ *бѣленькой*:“ если чернобровая извѣстна (не Наталья?), то другая — бѣлокурая — конечно Марья Львовна. Красота старшей сестры отличалась, какъ извѣстно, блескомъ, который поддерживался роскошью въ манерахъ и нарядѣ: младшая въ красотѣ не уступала, а потому могла привлечь и такого тонкаго цѣнителя, и навлечь на себя такія невзгоды; но, судя по всему, красота ея представлялась не столь роскошною и блестящею, сколько милою, плѣнительною, симпатичною и способною глубоко дѣйствовать. Всего ярче изображается поэтомъ дѣйствіе очей („Бросишь взоры голубые И зажжешь у нихъ сердца;“ „Стрѣлялъ—Купидонъ—съ ея небесныхъ и голубыхъ очей“); но при этомъ, разумѣется, хотя отвлеченнѣе, обозначались и прочія черты красоты: „Прелестью своей плѣни;“ „И съ розъ въ устахъ прелестныхъ, И на грудяхъ съ лилей;“ „алые персты“ и т. п. Душу красотѣ влагали „качества,“ въ красотѣ сіяла по преимуществу „душа:“ „Качества твои любезны Всей душою полюбя,“ говоритъ Державинъ, а современникъ героини Дмитріевъ, конечно не менѣе ее знавшій, предлагалъ стихи—„Нравъ души твоей любезной, Нѣжно сердце полюбя.“ Очарованіе торжествовало въ особенности тѣмъ, что Марья Львовна изъ всего вокругъ поющаго дома выдавалась, отъ прочихъ се-

стеръ единственно отличалась *), у современниковъ прославилась, возбудила зависть однихъ, восторгъ другихъ, а потомству сдѣлалась извѣстна—своимъ *пѣніемъ* и *игрою на арфѣ* **). Такъ изображена она, поющею, въ оперѣ „Февей" и еще больше въ „Горе-богатырѣ;" такъ, еще дальше и выше, съ продолжительною и частою игрою на арфѣ, въ L'insouciant; такъ, въ заключеніе, у поэта въ „Эвтерпѣ" и „Анакреонѣ," а въ первой еще дважды, повторяется одинаково: „Пой, Эвтерпа дорогая, *Въ струны арфы ударяй*;" „Но *арфу* какъ Марія Звончатую взяла И *въ струны золотыя свой голосъ издала*;" по „Объясненіямъ" Державина то же. Преданная постоянно искусству своему, поддержанная въ немъ хвалами преданныхъ любителей, наполнявшихъ родительскій домъ, довольно рано извѣдавшая любовь, какъ живую душу искусства, преисполненная симъ чувствомъ и довольная взаимностью, она держалась внѣ придворнаго круга, не блистала въ большомъ свѣтѣ подобно старшей сестрѣ, являлась съ тѣмъ же завѣтнымъ искусствомъ своимъ по преимуществу у близкихъ, по родству или родовымъ преданіямъ (какъ на примѣръ у Шувалова), но гораздо больше ограничивалась въ жизни домомъ своимъ, среди хора подругъ и другихъ дѣвицъ, также пѣвшихъ и игравшихъ (см. выше), а въ самой семьѣ еще тѣснѣйшимъ, интимнымъ кругомъ, съ глазу на глазъ въ союзѣ съ любимымъ (ср. Сегюра) „Царевна" въ сказкѣ Февея (гдѣ роль раздѣляется еще со старшею сестрою) и потомъ M-lle Sans-souci предана еще, хотя больше по неволѣ или по отцовской волѣ, танцамъ, между прочимъ „характернымъ," то есть уже „пляскамъ," которыя тогда были опять въ модѣ, при самомъ Дворѣ и даже въ царской семьѣ, а среди пестрой толпы Нарышкинскихъ гостей столь умѣстны; такова же отчасти „Гремила," а у Державина „Эвтерпа" (хоть съ оговорками и съ возраженіемъ Шувалова), — „Пой, *пляши* и восклицай:" но это не было, такъ сказать, отличительной „спеціальностью," условливалось именно лишь модою, либо желаніемъ отца и поэтическимъ „дополненіемъ" въ стихотворствѣ. Прибавимъ, что очарованіе своей особы, а вмѣстѣ нѣкоторую необходимость одиночества или, лучше вѣрность роли, естественно уединявшей красавицу и выдѣлявшей ее изъ окружающаго міра, сохранила она не только до 1795 года, но и до замужства, а если относить

---

*) За исключеніемъ лишь старшей Н. Л., которая, судя по всѣмъ даннымъ (ср. выше и ниже), также *пѣла*: но и въ этомъ отношеніи младшая затмила ее, принявши отъ нея нѣкоторыя основныя пѣсни, но далеко развивши ихъ въ своемъ самобытномъ примѣненіи, творчествѣ и выполненіи.

**) Арфа въ тогдашнемъ „высшемъ" кругу пользовалась особенною модою: какъ инструментъ, она всегда была дорога, дорого на ней ученье и дорого достигаются успѣхи. По переходѣ народныхъ пѣсенъ съ низу и романсовъ съ верху въ достояніе „средняго" городскаго круга, пересилила здѣсь болѣе дешевая и легкая гитара; гусли всегда были подъ руками мужчинъ.

сюда прочія „Нарышкинскія" пѣсни, которыя встрѣтимъ послѣ, то и въ замужствѣ до старости и смерти.

Выростая и живя въ отцовскомъ домѣ, который оглашался постоянно пѣніемъ, притомъ на половину народнымъ (по вкусу самого отца, по натурѣ матери и по семейнымъ преданіямъ), въ кругу подругъ, домашнихъ дѣвушекъ и женщинъ, привычно пѣвшихъ, въ средѣ, пропитанной звуками голосовъ и разнообразныхъ инструментовъ, въ области пѣсни, поэзіи, музыки и всевозможныхъ мирныхъ искусствъ или художествъ, строившихъ особый міръ Нарышкинскій,—дѣвушка естественно, и конечно очень рано, съ дѣтства дѣвочкою, могла и должна была получить любовь къ пѣнію и музыкѣ, любовь, превратившуюся скоро въ постоянную привязанность и занятіе, потомъ въ отличительное высокое искусство. Народныя стихіи проникали въ это воспитаніе и съ улицы передъ домомъ (ср. выше), изъ толпы домашнихъ людей, и отъ отца „народолюбца," и изъ родоваго завѣта предковъ: но къ Великорусскимъ прибавились еще значительные элементы Руси Западной, особенно Малорусской, благодаря вліянію матери, коренной, простой и задушевной Малороссіянки. Выросши на такихъ корняхъ, сдѣлавшись сама отличной пѣвицею и музыкантшею, дѣвушка могла уже свободно относиться къ матеріалу, плодить его производительность въ самой себѣ своимъ талантомъ и умѣньемъ, пользоваться пѣснею сложенною и воспроизводить ее въ собственномъ, дальнѣйшемъ и высшемъ, произведеніи искусства личнаго. Она могла обращать пѣсню въ личное свое дѣло, возводить народное до сочиненія, сочинять столь властно и распорядительно, что произведеніе становилось на ступень сложенной пѣсни народной: другими словами, спускаться до основныхъ стихій и возвышаться до изящныхъ формъ, связывать народное естество съ художественной обработкою. Ея пѣсня, на которую положила бы она свою душу и въ которой выразила бы задушевные свои интересы, должна была явиться народною, хотя бы не проникла въ уцѣлѣвшій народъ — простой: и, при всей народности, не могла обойтись безъ печати искусства личнаго, безъ пріема, такта, воззрѣнія, образа, слова, звука, инструмента художественнаго. Созрѣвая, она видѣла и слышала вблизи себя Потемкина, созрѣвши имѣла его при себѣ ближе всѣхъ: а съ нимъ—завѣтную привязанность къ поэтической Малороссіи и къ Малорусской пѣснѣ, страсть и вкусъ ко всякому пѣнію, знаніе, оцѣнку, опытность, обиліе и богатство средствъ во всякой музыкѣ. Съ Потемкинымъ являлись въ домъ, безъ того полный, передовые люди сего дѣла, обращавшіеся въ домашнихъ людей и друзей: вывезенный княземъ, придворный гуслистъ (священникъ) Трутовскій, первѣйшій собиратель Великорусскихъ пѣсенъ, перелагатель ихъ на ноты, самъ Малороссъ и съ Малорусскими пѣснями; выведенный княземъ въ люди, Бѣлоруссъ Козловскій, также перелагатель пѣсней, самостоятельный сочинитель многихъ народныхъ мелодій, воспитавшій въ нихъ цѣлое поколѣніе, композиторъ къ стихамъ Державина, позднѣе къ тра-

гедіямъ Озерова, старшій соперникъ Огинскаго въ Полонезахъ, артистъ въ разнообразной композиціи, капельмейстеръ и „Директоръ“ музыки; за нимъ нѣсколько Поляковъ, о коихъ еще ниже; въ слѣдъ Мареча, которымъ прославилась роговая музыка, унаслѣдованная княземъ, другой Чехъ, медикъ Прачь, имя наиболѣе извѣстное въ дѣлѣ пѣсней; наконецъ Французъ Себастіанъ Жоржъ, положившій на ноты пѣсню Марьи Львовны съ варіаціями, Италіанцы Сарти, Паэзіелло и т. д., цѣлые хоры и оркестры. Все было готово и даже напряжено, чтобы подсказать пѣсню, подпѣть, подъиграть, записать, переложить на ноты, гармонировать, оркестровать: помогать таланту, поддерживать зародыши, ловить готовое, обработывать, проводить въ общество и распространять. Чтобы созрѣло при этомъ какое либо произведеніе особое, выдававшееся изъ другихъ, чтобы сложилась пѣсня одна, единственная изъ многихъ, нуженъ былъ только особый вызовъ, одно всепоглощающее событіе жизни: такимъ и была любовь, любовь не кратковременная, не мимолетная, взаимная, къ человѣку необычайному, въ обстоятельствахъ рѣдкихъ, въ значеніи высокомъ, почти политическомъ, вина восторговъ, тревогъ, бурь, гоненій, исторій и даже цѣлыхъ страницъ Русской исторіи; любовь, породившая не только пѣсню, но и драму, комедію, оперу, сатиру, нѣсколько лучшихъ стихотвореній лучшаго поэта эпохи, краснорѣчивые отдѣлы историческихъ записокъ, почти цѣлую вокругъ себя литературу. Любовь эта росла вмѣстѣ съ ростомъ пѣвицы и артистки: сперва въ виду старшей сестры, во всякомъ случаѣ предшественницы, потомъ въ наслѣдство отъ нея, далеко оставивши назади обвѣнчанную Наталью Львовну и сосредоточившись въ союзѣ, который совершенно наполнилъ собою два существа, сливши судьбу ихъ во едино. Но и этого мало. Любовь, съ нѣсколькими перерывами и разлуками при отъѣздахъ, въ нѣсколькихъ періодахъ, доросла до первыхъ мѣсяцевъ 1789 года и сопровождалась еще болѣе необычайнымъ событіемъ, рѣшеніемъ почти неожиданнымъ, которое сулило, по словамъ поэта, золотой вѣкъ для вселенной. Это не шутка, вызовъ былъ не слабый, голосъ не тихій: не одну пѣсню могъ вызвать, породить и пропѣть онъ, а если оказалась пѣсня одна, то конечно пѣсня по преимуществу, пѣсня превосходная, въ своемъ родѣ несравненная. Нарышкины, по родовому признаку, всегда значительно отличались увлеченіями, способностію увлекаться беззавѣтно и до самозабвенія, страстью не будничною,—порывами страстей, порывомъ единымъ, при случаѣ все поглощавшимъ собою: это мы знаемъ со временъ Натальи Кириловны до героини эпохи Александровской, на протяженіи больше чѣмъ сотни лѣтъ, и наглядно узнаемъ еще въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ пѣсняхъ. Это тотъ „порывъ,“ который называли Римляне impetus, нынѣ зовутъ Италіанцы slancio, Французы élans: чтобы воспользоваться примѣромъ изъ музыки,—тотъ порывъ, которому въ жизни Италіанской и обще-Европейской послужилъ во́ время Верди, которымъ музыкѣ своей далъ онъ увлекательное распространеніе по всей Европѣ и въ кото-

ромъ самъ погибъ для музыки непреходящей. Порывъ, которому подчинился Державинъ и съ которымъ бросился онъ, не смотря на опасность положенія, утѣшить и ободрить страдающую Эвтерпу, порывъ этотъ передался поэту и вдохновилъ его изъ устъ самой Эвтерпы, изъ личнаго ея положенія и изъ личной пѣсни, пропѣтой ею передъ поэтомъ. Въ самой пѣснѣ царилъ неудержимый порывъ, все и всѣхъ за собою увлекавшій: а порывъ пѣсни отвѣчалъ порыву дѣйствительности, ибо сама героиня поставлена была обстоятельствами въ положеніе чрезвычайное, ни чѣмъ не разрѣшимое, какъ только страстнымъ порывомъ. Въ самомъ дѣлѣ. Мало горя, столь обычнаго въ жизни; не достаточно тревогъ, сопряженныхъ со всякою жизнію страсти, а тѣмъ больше любви: надо было, чтобъ дѣвушка развитая и воспріимчивая, открытая своими талантами для впечатлѣній глубокихъ, а своей артистическою натурой способная чувствовать живо, воспроизводить быстро, сильно и ярко, какъ только можетъ художникъ, надо было, чтобы это невинное существо, виновное одною только любовью, сдѣлалось предметомъ, цѣлію и такъ сказать поприщемъ дѣйствія направленныхъ сюда упрековъ и пересудовъ общественныхъ. Чѣмъ дальше стояла Марья Львовна отъ Двора, тѣмъ меньше имѣла придворной опытности, привычной тамъ холодности, способности легко переносить, легко страдать, легко утѣшаться: сплетни и злословія, широко разливавшіяся въ обществѣ и цѣлымъ потокомъ вторгавшіяся въ мирный кровъ артистическаго дома, должны были обрушиваться на голову злополучной счастливицы, сбивать ее, растеривать, подмывать съ корня какъ ту гибкую вербу, которая въ народныхъ пѣсняхъ растетъ для сей участи надъ бурной водою. Это не были одни толки, ограниченные рѣчами и словомъ устнымъ: они переходили на письмо, въ печать и слагали цѣлую литературу, притомъ отчасти комическую, пропитанную сильнымъ талантомъ остроумнаго пера и встрѣчавшую живое сочувствіе во всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ Потемкинымъ (а сколько же ихъ было на лицо!). Такимъ образомъ литература обращалась въ дѣйствіе, и притомъ уже политическое: она относилась къ вельможѣ, къ лицу высокому, къ любимому созданію долголѣтняго періода, трудовъ и счастья, къ подвигамъ героя, къ славѣ его, къ удачѣ великихъ политическихъ дѣлъ, съ нимъ связанныхъ. Державинъ по своему могъ ожидать „золотаго вѣка для Россіи и для всей вселенной" отъ извѣстнаго союза впереди: но другіе конечно имѣли при себѣ не меньше права бояться за прекращеніе золотаго вѣка, предчувствовать въ будущемъ бѣды для Россіи и вселенной, предвидѣть роковыя судьбы историческія. Правило Екатерины—„живи и жить давай другимъ" примѣнялось къ свободѣ личныхъ увлеченій, могло спускать имъ, могло смотрѣть сквозь пальцы: но оно уравновѣшивалось и даже перевѣшивалась правиломъ другимъ, которое обращалось въ законъ для императрицы,—„не умирай слава Россіи и не давай умереть великимъ ея начинаніямъ." Такъ политика вступала во всѣ права свои. Правда, политическая и личная терпимость госу-

дарыни, вызывающая благоговѣніе всѣхъ историковъ, терпѣла и Воронцову-Полянскую, и Зиновьеву-Орлову, и Щербатову-Мамонову, а тѣмъ больше Нарышкину—возможную Потемкину: но отъ того не уменьшалась внутреннею силою опала въ жизни дѣйствительной. Министры, послы, государственные и придворные люди не удалялись отъ дома Нарышкиныхъ и разумѣется не переставали посѣщать его: но они одинаково спѣшили на сцену театра, а тамъ политическое дѣйствіе превращалось въ дѣйствіе сценическое и театральное. Сила дѣйствія конечно отъ того возрастала; еслибы представить выборъ, нельзя еще рѣшить, что̀ бы скорѣе предпочла Гремила: подъ запретомъ молчать дома и не пѣть въ хорѣ подругъ, или свободно пѣть на театральной сценѣ въ роляхъ актрисъ, подъ вызовами, аплодисментами и повтореніями Чѣмъ охотнѣе и необходимѣе ограничивалась Марья Львовна стѣнами родительскаго дома, кругомъ семейнымъ, хоромъ поющихъ подругъ, сферою артистическою, міромъ мирнаго искусства, тѣмъ больше должно было тревожить ее, когда самый этотъ міръ, хоръ, кругъ и домъ появлялся на сценѣ театральной, когда фигурировала тамъ послѣдовательно Калмыцкая царевна, m-lle Sans-souci, Гремила. Мужчина, хотя бы задѣтый недавнимъ „Горе-богатыремъ“ и всѣмъ труднымъ, отчасти комическимъ положеніемъ, въ коемъ видѣли мы недавно Очаковскаго героя за цѣлые два мѣсяца, безъ всякого сравненія могъ переносить все это легче: ближайше удовлетворенный взаимностію страсти личной, онъ при всѣхъ невзгодахъ имѣлъ за собою громадное пройденное поприще героя и впереди такое же поле, рѣдко кому данное въ Русской исторіи съ такимъ счастьемъ и съ такой славою; онъ могъ летѣть туда и дѣйствительно туда уносился; онъ развлекался, позабывалъ, оживлялся вновь. Удѣломъ дѣвушки оставались напротивъ: разлука, сосредоточенность уединенія, безпомощность лица, пустыня бездѣйствія, жизнь чувства безъ поприща дѣйствія, столь хорошо знакомая и столь обязательная всѣмъ Русскимъ женщинамъ, которыя по своему развитію сколько ни будь выдались изъ уровня потребности семейной или судьбою своею поставлены въ разладъ съ колеею привычной. У одного, въ самомъ крайнемъ случаѣ, опредѣлялась борьба, напрягавшая мужественныя силы: здѣсь на долю выпадалъ лишь порывъ силъ, возвращавшійся къ сознанію собственной слабости. Такова была эта тяжкая нравственная отвѣтственность, которую столь добровольно или, лучше, произвольно взялъ на себя Потемкинъ. Народъ нашъ по просту сказалъ бы ему пословицей: „кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.“ Сегюръ, видѣвшій не одну подобную исторію въ своемъ отечествѣ, замѣтилъ во̀ время почти то же—qui se sent morveux se mouche, а впослѣдствіи, въ „Портретѣ,“ не на кого другаго—единственно на героя сложилъ всю подлинную вину „забытыхъ приличій,“ съ Французской точки зрѣнія. Степенный Державинъ, защищавшій богатыря, невольно разсмѣялся предъ образомъ горе богатыря и еще больше посмѣялся позднѣйшему превращенію его въ „Анакреона.“ Какъ-то разочтется съ симъ отвѣтчикъ

и не падетъ ли самъ подъ бременемъ отвѣта? Увидимъ. Но пока еще судьба ждала и вся отвѣтственность обрушилась на безотвѣтную. И точно, энергія самаго порыва страсти подрывалась здѣсь мыслію о томъ, что дѣвушка была виною для огорченій любимаго: эту вину окружающіе громко ей приписывали, на нее сваливали. Безпечный отецъ не на столько былъ безпеченъ, чтобы холодно встрѣчать тревоги, нарушавшія привычный, отчасти эгоистическій покой его дома, его занятій и развлеченій; никакая добрая мать, ни сама простосердечная Малороссіянка, ни столь знатная по преданіямъ и мѣсту въ обществѣ, въ положеніи Марины Осиповны, не могла оставаться равнодушною. Когда же все это соединилось вмѣстѣ, предъ такимъ напоромъ трудно было устоять лицу *одинокому*, притомъ *женщинѣ*, въ добавокъ менѣе свободной и развязной въ нашемъ быту—*дѣвушкѣ*, а наконецъ *любящей*, какъ существу, полному одного всепоглощающаго чувства: чувство всколыхалось до дна, горемъ разливалось оно черезъ край и самый сосудъ вмѣщающій готовъ былъ разбиться. Отъѣздъ Потемкина, заключительное звѣно сей цѣпи страданій, былъ вынужденъ, совершился быстро, рано утромъ, безъ проводовъ, и самъ герой уѣхалъ видимо разстроеннымъ: и послѣдствія недавнихъ дѣйствительныхъ огорченій, и оправдавшіяся предчувствія грядущихъ бѣдъ свидѣтельствовали о чемъ-то роковомъ, приключившемся не случайно и не даромъ. Державинъ утѣшалъ: но, прежде словъ утѣхи, раздались безутѣшные вопли Эвтерпы. Если въ положеніи семъ устояла Нарышкина, когда по человѣчески устоять было почти невозможно, если не пала и не умерла, напротивъ пережила—и осталась на долго еще героиней, красавицей, талантомъ, артисткою, пѣвицею: то источникомъ сего спасенія, родникомъ жизни и нервомъ неожиданной силы послужило именно *народное творчество и личное искусство*, соединившееся на высокой степени въ лицѣ Марьи Львовны и подоспѣвшее ей на помощь въ самую критическую минуту. Вотъ тѣ нравственныя силы, передъ которыми невольно, по крайности въ данномъ случаѣ, должна преклониться человѣческая исторія. Сломленный переворотомъ обстоятельствъ, палъ самъ герой; въ виду смерти его проникла̀сь уваженіемъ власть и сила политическая, смолкло негодованіе, не долго прожила Екатерина; письменная поэзія и литература, въ лицѣ Державина, также уклонилась съ опустѣвшей сцены дѣйствія, перемаравши свои былые восторженные стихи или замаскировавши подлинное значеніе сатиръ до послѣдней невозможности; распался вскорѣ прежній домъ Нарышкинскій и развѣтвились его вѣтви; измѣнились всѣ обстоятельства и скоро измѣнилось лицо самой Россіи: а жрица искуссства и носительница творчества, соединявшая ихъ въ лицѣ своемъ, пережила все это еще на долго, и дожила до жизни новой, въ обновленномъ періодѣ, и по смерти оставила потомству неумирающій памятникъ прожитой жизни. Высокій, чистый образъ Марьи Львовны простилъ и облагородилъ самые проступки любимаго: изъ низменнаго слоя мелкихъ

исторій онъ возвелъ своего спутника до высоты исторіи оправданной. *Пѣсня* Марьи Львовны, порожденная симъ историческимъ мгновеніемъ, явилась и знаменемъ, и пальмою мирнаго торжества надъ бездною случайностей и страданій.

Такъ, логически и исторически, сама собою построилась передъ нами пѣсня и мы знаемъ уже содержаніе ея прежде, чѣмъ встрѣтимъ сейчасъ самый подлинникъ: мы извѣдали тотъ вопросъ, на который отвѣчаю стихотвореніе Державина, и слова поэта явятся намъ отселѣ лишь отзывомъ на звуки пѣсни.

Предъ нами исчерпались по возможности всѣ почти показанія литературы и печати. Но тамъ, гдѣ кончается ихъ дѣло, обычно возстаетъ на поприщѣ исторіи устная народная пѣсня, сопровождаемая изустнымъ народнымъ преданіемъ.

Историчность данной пѣсни дышетъ въ каждомъ стихѣ ея, почти въ каждомъ словѣ и звукѣ. Просимъ припомнить и вновь внимательно пересмотрѣть тѣ народныя *пѣсенныя стихіи*, которыя предложены у насъ выше, изъ годовъ той же самой эпохи, особенно подъ буквами А) и Б): вы убѣдитесь, какъ изъ нихъ легко, незамѣтными почти переходами, пользованіемъ лица и усвоеніемъ минутѣ, сложилось цѣльное, единое *Историческое произведеніе Творчества народнаго, въ совокупности съ личнымъ Искусствомъ поющей.* Вы увидите, что стихіи и окончательное созданіе раздѣляются между собою не народностью, не искусствомъ, даже не сущностью и не содержаніемъ, а именно наступившей историчностью: между тѣмъ и другимъ посредствуетъ извѣстное лицо, опредѣленное его положеніе, данная минута, условное мѣсто и сообразное примѣненіе. Благодаря такому посредству, то, что̀ было общимъ всему народу и что̀ расплывалось по дробнымъ частностямъ, сдѣлалось единичнымъ и единственнымъ, собрано и сосредоточено къ цѣлому: передъ нами, въ создавшейся заключительной пѣсни, уже не весь народъ, а одно народное историческое лицо; не безразличные образы, примѣнимые ко всякому, а единый опредѣленный образъ съ личною физіономіей; не элементы и матеріалы, а живой конкретный организмъ. Но, завися отъ стихій, опредѣленныхъ годами ихъ употребленія и распространенія въ извѣстномъ обществѣ, пѣсня тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ *первый* наглядный признакъ своего *историческаго* происхожденія.—Потомъ, мы достаточно знаемъ уже, что пѣсня Нарышкиной пѣта предъ Державинымъ лѣтомъ 1789 года, въ предѣлахъ времени до конца Августа; и это *второй* историческій опредѣлитель ея: но это не значитъ, что она тогда именно „впервые сложена,“ или „только что“ сложена, или завершена „окончательно.“ Напротивъ, какъ стихіи ея носились уже въ самомъ воздухѣ общественномъ раньше, и современно вокругъ, такъ самыя обстоятельства историческія, ее вызвавшія, слагались раньше и постепенно, повторялись періодически и созрѣвали послѣдовательно. Исторія сестры старшей, Натальи Львовны, ея роскошнаго расцвѣтанія, ея первой любви, удаленія Потемкина, выхода въ замужство и

и не падетъ ли
судьба ждала
И точно, эне
о томъ, что
окружающіе
отецъ не
воги, на
его зан
дечная
обще
нод
по

[illegible] 775—76 года вплоть до [illegible] съ нимъ, сопровождаемые [illegible]: Марья Львовна толь- [illegible] ихъ въ своей драмѣ къ [illegible] порядкѣ соотвѣтствуетъ этой [illegible]: въ нихъ появляется пѣс- [illegible] доходитъ до высшей, до сво- [illegible] Именно, пѣсня появляется [illegible] Петербургскаго круга и въ Пѣсенни- [illegible] въ Потемкину и Нарышкинымъ (см. [illegible] самое слабое проявленіе ея, отмѣ- [illegible] (въ 1-мъ изданіи 1-й части) [illegible] стихій, изъ коихъ сложилась она. За [illegible] 80-хъ годовъ, именно съ 82-го, по [illegible] Львовны, послѣ сказки „Февея“ и съ пер- [illegible] „Параши:“ но и здѣсь пѣсня нѣсколько [illegible] характерна и выразительна, такъ что стоитъ [illegible] первообразами, послужившими для нея мате- [illegible] лѣтъ, особенно послѣ годовъ 1785 и 86-го,—и [illegible] наложена рѣшительная рука исторической отдѣлки [illegible] историческія обстоятельства придали пѣснѣ особую [illegible], увлекательность порыва и красоту: такою [illegible] у Прача въ 90-мъ году (въ 1-мъ изданіи, и самою [illegible] новая, всѣхъ особенно занимавшая, притомъ *един-* [illegible] стихійныхъ отрывковъ, ей предшествовавшихъ) и у [illegible] (изд. 2-го). Здѣсь, при одинаковой музыкѣ, текстъ [illegible] законченнымъ (на первую пору) и даже разнообразнымъ; [illegible] разойтись по высшему кругу, которому служили означенные [illegible] въ нѣсколькихъ уже варіантахъ: значитъ, до печати, до [illegible] текстъ *уже* опредѣлился, и *только что* опредѣлился, безъ [illegible] въ 89-мъ году (пѣсенники ставили главной задачею схваты- [illegible] всякую *новость*). Вотъ *третій* яркій слѣдъ историчности, [illegible] въ самой печати, въ „литературной исторіи“ пѣсни.— [illegible] частнѣе, съ самаго же перваго слова пѣсни, народныя „вся- [illegible] или „неопредѣленныя“ *горы*, извѣстныя намъ по образцамъ пред- [illegible] или стихійнымъ (см. выше), получили теперь примѣне- [illegible] „историческое:“ это уже „Горы“ или „Горки.“ Къ огромному числу [illegible] Великорусскихъ, полученныхъ Потемкинымъ по большей части въ даръ, князь пріобрѣлъ еще на собственныя средства много имѣній въ любимой Малороссіи и Бѣлоруссіи (частнѣе въ Подоліи и такъ называемой Литвѣ): особенно значительны были его покупки у кн. Сапѣги и кн. Любомірскаго, о которомъ подробности ниже. Между прочимъ, таковы были помѣстья Потемкина въ нынѣшнемъ уѣздѣ Горокъ или Горецкомъ, Могилевской губерніи: изъ нихъ мѣстечко „Дубровна,“ на Днѣпрѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Горокъ и Орши, по дорогѣ

Смоленской (такъ сказать родной князю), купленное у того же Любомірскаго, оставалось за княземъ до смерти его и послужило послѣ, между наслѣдниками его и Любомірскимъ, предметомъ споровъ, памятныхъ разбирательствомъ Державина („Записки" послѣдняго, ср. ниже). Уступилъ ли Потемкинъ часть владѣній своихъ въ приданое старшей дочери Нарышкина, въ ту пору, какъ Февей наполнилъ золотомъ сапогъ Стремяннаго, и отвѣчаетъ ли это извѣстному эпизоду изъ сказки (см. выше), только Бѣлорусскія „Горы" и „Горки" связаны съ именемъ Натальи Львовны и мы застаемъ графа Салогуба ихъ владѣтелемъ: во всякомъ случаѣ, хотя бы по одной Дубровнѣ, Потемкинъ былъ ближайшимъ ихъ сосѣдомъ. „Горки," тогда обширное мѣстечко, позднѣе уѣздный городъ (сдѣлавшійся извѣстнымъ во многихъ отношеніяхъ), губ. Могилевской, на берегахъ Протвы, а по близости „Горы," мѣстечко на р. Быстрой, все это вмѣстѣ составляло одно богатое имѣніе супружеской четы. Здѣсь обыкновенно живали лѣтомъ Салогубы, отсюда уѣзжали на зиму въ Петербургъ; отсюда Наталья Львовна предстала на помянутый Кіевскій балъ у Кобенцеля послѣ проѣзда императрицы Могилевомъ; сюда, видѣли мы, вернулся Салогубъ изъ подъ Очакова. Здѣсь же гащивали и Нарышкины, старики и молодая семья ихъ; здѣсь у Салогубовъ бывалъ тотъ же, присяжный другъ дома, поэтъ Державинъ. Позднѣе, именно 1799 года, онъ праздновалъ здѣсь рожденіе старухи Нарышкиной, Марины Осиповны, привѣтствуя ее съ мужемъ: „Сегодня мы твое рожденье Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ. За здравье пьемъ и въ восхищеньѣ Тебѣ желаемъ всякихъ благъ, А то жь и твоему супругу, Чтобъ долго и пріятно жить, И недругу давать и другу, Пиры, забавы...." Спустя немного, тутъ же Державинъ воспѣвалъ не только стариковъ, но и внуку ихъ, не только чету Салогубовъ, но и дочь ихъ, Екатерину Ивановну: послѣдняя вышла за князя Гр. С. Голицына, сына Сергѣю Ѳедоровичу, тому самому, который женатъ былъ на племянницѣ Потемкина и къ которому, мы знаемъ, примѣнена отчасти ода объ Осени Очаковской. Съ этими Голицыными связана извѣстная Зубриловка, которую такъ часто посѣщалъ Державинъ, со времени еще своего пребыванія въ Тамбовѣ, а позднѣе съ подробностію описывалъ Вигель, вспоминая при этомъ случаѣ и Наталью Львовну. Въ Очаковскую осень 1788 года, когда Сергѣй Ѳедоровичъ, Салогубъ и Любомірскій находились всѣ на полѣ дѣйствій при Потемкинѣ (ср. выше), въ Зубриловкѣ оставалась жена Голицына, Варвара Васильевна, рожденная Энгельгардтъ: вотъ связь, по которой поэтъ, мы говорили уже, изобразилъ въ Очаковской одѣ Потемкина и отношенія его къ Марьѣ Львовнѣ, а потомъ, обративши все это къ Голицынымъ, напечаталъ оду въ 1798 году. Выставленный при ней позднѣе 1788-й годъ, къ которому дѣйствительно относилась Очаковская осень, ввелъ въ заблужденіе нашихъ библіографовъ и издателей, внушивъ имъ мысль, что ода написана *цѣликомъ* въ послѣдніе дни Тамбовской жизни Державина, 1788 года, и *цѣликомъ* же относилась къ Голицынымъ: но,

кромѣ явнаго несоотвѣтствія многихъ стиховъ съ положеніемъ Голицыныхъ и кромѣ столь же явнаго отношенія къ частной „исторіи" Потемкина, слѣдуетъ напомнить, что еслибы даже поэтъ писалъ оду не бывши еще въ Петербургѣ и находясь при Варварѣ Васильевнѣ, и тогда, отъ ней же самой и во всемъ Голицынскомъ домѣ долженъ былъ слышать онъ разсказы объ отношеніяхъ Потемкина къ Марьѣ Львовнѣ, а вмѣстѣ изобразить ихъ сходно съ тѣмъ, какъ повторилъ за симъ вскорѣ среди Петербурга въ „Эвтерпѣ." Однимъ словомъ, Горы и Горки тѣсно связаны съ Зубриловкой. Бывши въ Бѣлоруссіи по дѣламъ „царской службы" 1799 года, въ слѣдъ за приведеннымъ выше стихотвореніемъ къ Нарышкинымъ и непосредственно по напечатаніи „Осени Очаковской," Державинъ встрѣтилъ разъ, при возвращеніи ночью въ „Горы," хозяйскую дочь Екатерину Ивановну Салогубъ (еще въ дѣвушкахъ, переодѣтую для шутки въ жидовское платье) и написалъ ей „второе" свое стихотвореніе: „Желалъ бы вѣкъ я быть съ Жидовочкой прекрасной, Чтобъ въ Горкахъ и Горахъ съ ней время проводить: Но вмѣсто я того, *по волѣ царской, властной*, Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить. *Оставя арфы звукъ, гитары, фортепьяна, Волшебный гласъ ея* (арфы?) *и пляску* Козачка, Я долженъ разыскать," и т. д. Между прочимъ любопытно для насъ, что въ подчеркнутыхъ стихахъ и выраженіяхъ (курсивомъ) поэтъ какъ нарочно повторилъ тѣ же самые образы, которые столь знакомы намъ въ Эвтерпѣ и повторяются въ пѣснѣ Нарышкиной: о службѣ царской, отвлекающей отъ арфы, пѣнія и пляски. Такъ всякое соприкосновеніе съ Нарышкиными и потомствомъ ихъ будило въ Державинской поэзіи одинаковые, повторительные образы. Но дѣло собственно въ „Горахъ" и „Горкахъ:" связь съ ними, а черезъ нихъ съ Салогубами и Нарышкиными, Державину суждено было удержать и позднѣе 1799 года. Супружество Натальи Львовны, блестящее какъ сама красавица, но соединенное съ обстоятельствами особенными, которыя мы отчасти знаемъ уже, оказало подъ конецъ послѣдствія сихъ обстоятельствъ: уже по выдачѣ дочери, на закатѣ дней, согласіе четы омрачено было непріятностями, роковыми для гр. Салогубовъ, чтобы не сказать — громкими. Графъ вздумалъ отобрать отъ жены имѣніе и выхлопотать на него опеку, или, какъ разсказываетъ самъ Державинъ въ „Запискахъ" подъ 1803 годомъ: „Государь въ угодность.... Нарышкиной (Марьѣ Антоновнѣ, рожд. Четвертинской, родственной всему Польскому и Западно-русскому), которая покровительствовала графа Салогуба (Ивана Антоновича),... приказалъ отъ жены его отобрать имѣніе, отданное имъ ей записью (не въ возвратъ ли записи вѣнчальной?), и наложить опеку," между тѣмъ какъ постановлено было „имѣній, кромѣ малолѣтныхъ и безумныхъ, въ опеку не брать" (см. изданіе Я. К. Грота). Державину, подобно какъ въ разборѣ споровъ съ Любомірскими и наслѣдниками Потемкина, пришлось и здѣсь встрѣтиться съ Нарышкиными „по службѣ:" онъ благородно взялъ сторону Натальи Львовны, „вы-

писалъ законы и представилъ государю, сказавъ, что онъ „долгомъ своимъ почитаетъ оберегать не токмо его законы, но и славу.“ Во всякомъ случаѣ, какъ видите, имя и образъ Натальи Львовны, съ самаго начала и на долго связаны были съ „Горами:“ и почти нѣтъ сомнѣнія, что пѣсня, насъ интересующая, носилась по этимъ „Горамъ“ первоначально, въ своемъ первообразѣ, изъ устъ старшей сестры, по крайности отъ лица ея, въ сочиненіи или исполненіи ей усвоенномъ, объ ней говорившемъ, пѣвшемъ и игранномъ. Но, какъ все подобное, мы знаемъ, перешло потомъ, сосредоточилось, опредѣлилось и завершилось наслѣдствомъ при Марьѣ Львовнѣ: такъ именно она, и никто другая, въ эпоху, насъ занимающую, явилась героинею „Горъ“ и пѣсни, громко ихъ огласившей. Потемкинъ былъ свой человѣкъ и „любимый гость“ въ этихъ „Горахъ.“ Кромѣ первоначальной связи съ симъ имѣньемъ, онъ и позднѣе, до смерти, былъ здѣсь ближайшимъ сосѣдомъ, попутнымъ посѣтителемъ и дорогимъ гостемъ: вспомнимъ его поѣздки съ императрицею симъ путемъ, путешествіе такъ называемаго „Нарышкина“ черезъ Могилевъ, обыкновенные отъѣзды изъ Петербурга къ поприщу южной войны „по Бѣлорусской дорогѣ.“ Выростая подъ бокомъ старшей сестры, гостивши у родныхъ лѣтомъ вмѣстѣ съ семьею, Марья Львовна всего чаще должна была проживать здѣсь зрѣлою дѣвушкой: „Горы“ были именно тѣмъ пріютомъ, тѣмъ убѣжищемъ, и конечно въ ту пору, когда мы не находимъ героини нашей въ столицѣ, когда, по своему положенію, убѣгала она Двора, когда должна была предпочитать одиночество, противъ воли ей сужденное, а между тѣмъ столь согласное съ жизнію любви и столь отвѣчавшее настроенію природы артистической; одиночество „Горъ“ гармонировало съ художническимъ талантомъ, а тѣмъ больше съ гармоніей пѣсни и музыки. Здѣсь-то, *по этимъ Горамъ*, бродила счастливая боярышня, преемница счастливыхъ, любящихъ и любимыхъ, героинь пѣсни *народной*, старшихъ первообразовъ; здѣсь и отсюда провожала взоромъ отъѣзжавшаго, полная еще спокойныхъ надеждъ; здѣсь, среди повторявшейся медлительной разлуки, а послѣ и злополучная, закончила она образы и звуки *своей собственной* пѣсни; объ этомъ уединенномъ пріютѣ дѣвичества подъ кровомъ родныхъ, объ этомъ счастіи вспоминала позднѣе среди горя, перенесшись подъ кровлю отцовскаго дома, напѣвая подъ арфу въ Петербургѣ и предъ увлеченнымъ поэтомъ. И также точно, подобно дѣйствительности, *въ самой пѣснѣ* выразила она тѣ же переходы: самой пѣснею она переноситъ насъ съ „Горъ“ во „дворъ“ родительскій. А наконецъ, и послѣдніе шаги судьбы ея отданы были той же мѣстности, связямъ того же края: и *вспоминать* пѣсню, какъ звукъ минувшаго, приходилось ей вѣроятно тамъ же, какъ увидимъ впослѣдствіи. Такъ именно всякая „Историческая“ пѣсня, пользуясь прежними образами и звуками народными, какъ стихіями, превращаетъ ихъ своею „личною“ силою, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ „личныхъ чертъ и обстоятельствъ,“ въ достояніе исторіи тѣснѣйшаго смысла. — Теперь

пойдемъ еще дальше, слѣдя въ пѣснѣ яркую ея „историчность.“ Дѣвушка основной пѣсни народной ходитъ по горамъ, собирая *цвѣты*, примѣняя *одинъ лучшій* цвѣтокъ къ единственному *милому*, къ одному, больше всѣхъ *любимому:* не нашла она лучшаго цвѣтка „супротивъ своего милаго,“ но вскорѣ исчезъ и самъ милый; образы *природы* исчерпали сущность пѣсни, а самаго *существа* любимаго нѣтъ уже, онъ далеко, черты его не появляются явственно и *человѣческой дѣйствительности* не обрисовано въ пѣснѣ никакою исторической краскою. Что это за милый, кто онъ, отчего скрылся, среди чего и на какую долю оставилъ дѣвушку, — народная первообразная пѣсня молчитъ, оставаясь стихійною и предоставляя закончить образы какой ни будь пѣснѣ „Исторической.“ Историческая пѣсня и вступила на сцену по этому вызову. Слагательница и пѣвица Историческая, смѣнившая лирическихъ своихъ предшественницъ изъ народа, Нарышкина ходила по Горамъ дѣвушкой-боярышнею, искала и рвала цвѣты, „всѣ цвѣты видѣла,“ видѣла и тотъ, который былъ лучше всѣхъ: это было тамъ, гдѣ, страннымъ совпаденіемъ случайности, спустя сотню почти лѣтъ, также точно бродили и ботанизировали питомцы науки, Горъ-горецкой школы. Но, для дѣвушки настала пора, когда лучшій цвѣтокъ, не разъ ею видѣнный прежде, скрылся, и скрылся какъ будто на вѣки, исчезъ и пропалъ почти безслѣдно. Тогда-то начинается переломъ и рѣшительный переходъ пѣсни въ область историческую: дѣвушка бросаетъ эти Горы, бросаетъ тѣ первобытные образы, которые дали ей только краски для сравненія, только тѣни для картины. Съ Горъ переносится и насъ вмѣстѣ переноситъ она въ кипучую среду жизни исторической, въ столицу, во *дворъ* свой: во дворъ по старому и народному смыслу сего слова,— въ родной дворъ съ отцовскимъ дворцомъ, съ придворными его и дворовыми. Здѣсь-то, среди нихъ, предстаетъ намъ на своемъ собственномъ мѣстѣ Нарышкина, какъ на сценѣ показывалась намъ Гремила, среди оперъ—комедій—сказокъ хозяйская дочь и царевна. Дворъ полонъ *гостей:* какъ всегда домъ Нарышкиныхъ, какъ домъ Гремилы; но, какъ не нашла уже дѣвушка цвѣтка алаго по горамъ, такъ боярышня не находитъ больше во дворѣ своемъ *гостя милаго.* Съ этихъ поръ въ пѣснѣ выступаетъ высшая ступень искусства личнаго: нельзя не дивиться опытному мастерству, можно объяснить его однимъ лишь вызовомъ слишкомъ серьезной дѣйствительности; созданіе творчества отлито какъ монолитъ, какъ самородокъ одного существа, образа и цвѣта, нѣтъ ни составныхъ частей, ни жилки, обличающей составъ,—а между тѣмъ, вглядываясь зорко, видишь вездѣ тончайшій рѣзецъ глубокой личной страсти, художественной смѣлости и женской мягкой руки. На литературномъ языкѣ назвали бы это *сравненіемъ,* сравненіемъ *цвѣтка* съ *гостемъ:* но это было бы пошло въ данномъ случаѣ, а въ народномъ творчествѣ остальномъ нѣтъ такого сравненія и не проведено оно съ такимъ искусствомъ, свойственнымъ лишь „одному“ лицу. Образъ чередуется попеременно между алымъ цвѣтомъ и любимымъ гостемъ, между при-

родой внѣшнею и человѣческой дѣйствительностью, между народнымъ творчествомъ, откуда взятъ цвѣтокъ, и между искусствомъ историческаго лица: но это не двѣ стороны, это одна цѣльная жизнь. И дѣйствительность не та, что̀ извѣстна всякому человѣку или всему народу; дѣйствительность эта *вполнѣ историческая*, самая опредѣленная: она „боярская,“ „знатная,“ „богатая,“ даже „столичная,“ даже „Петербургская“ и почти „политическая.“ Милый гость вмѣстѣ *„другъ сердечный,“* и гость обычный, частый, его безпрестанно *„видѣли:“* а теперь вдругъ нѣтъ его. Обѣгаетъ боярышня *весь* дворъ, *всѣхъ* гостей, всѣхъ видитъ: *одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ*. Отчего же нѣтъ его, какъ бывало по обычаю? Старшій образецъ пѣсни, еще не доработанный, отвѣчаетъ обрывисто: но образецъ законченный отвѣчаетъ рисуя цвѣтокъ; и отвѣчаетъ „вопросомъ,“ такъ что отвѣтъ цвѣтка, отвѣтъ природы самъ обращается въ вопросъ и къ дѣйствительному отвѣту будитъ историческую дѣйствительность. Образецъ законченный отвѣчаетъ, говоримъ мы, вопросомъ, отвѣтъ цвѣтка дѣлается догадкой и загадкою: или милый цвѣтъ *краснымъ солнцемъ выпекло,* или его *буйнымъ вѣтромъ выдуло*, или *желтымъ пескомъ занесло* и по вѣтру *вынесло*, или его *вырвали* другія *боярышни*, другія соперницы изъ зависти, и не для себя, а только *вырвали и въ быстру рѣку*, въ бурныя волны *бросили*? Или, — говоритъ уже отчаяніе, рѣшаетъ сомнѣніе дѣвушки въ самой себѣ, — или цвѣтка *совсѣмъ въ полѣ не было*? Или не было его ни въ полѣ подъ зноемъ, вѣтромъ и ураганомъ песку, ни въ бранномъ полѣ подъ этими стрѣлами, воспѣтыми еще тоскующей Ярославной, ни предъ очами обманутыми, и „милаго лада ни мыслію было не смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати,“ и былъ онъ однимъ лишь призракомъ, и напрасно было искать его по Горамъ, по боярскому по̀ двору? Тогда-то на образы природы отвѣчаетъ подлинная дѣйствительность, отвѣчаетъ сурово, по-исторически: ему *царская служба сказана, служба царская—государева*. Но съ этимъ отвѣтомъ нельзя примириться сердцу любящему: дѣйствительность, какъ ни рѣшительна, какъ ни холодна категорическимъ отвѣтомъ, снова обращается въ вопросъ для теплаго сердца, и новый отвѣтъ возможенъ лишь изъ сердца. Объятое трепетомъ предъ роковой дѣйствительностью, сжавшись отъ ея холода, сердце внутри обливается кровью: встаютъ предъ нимъ образы похитившей зависти, роятся горькіе укоры тому, кто не далъ воли дѣвушкѣ въ самомъ родительскомъ домѣ ея, кто мѣшалъ принимать гостя, кто злословилъ и преслѣдовалъ, кто успѣлъ разлучить. Чѣмъ рѣшить эту смуту сердца, изнемогающаго предъ злобою жизни? Новымъ вопросомъ: *Али мнѣ въ своемъ домѣ воли нѣтъ*? Вопросъ давній, „вопросъ женскій,“ вопросъ Русскій до нашихъ дней. Такъ есть же воля послать къ милому посланнаго, есть же у него кони, чтобы пріѣхать самому: и проститься бы черезъ посланнаго, и самому бы пріѣхать милому, чтобы сказать „прости“ молодой хозяйкѣ дома. Но и это, столь простое рѣшеніе сердца, возможное и въ дѣйствительности, подверглось

тяжкому сомнѣнію: можетъ статься — *послать было некого*, можетъ статься—*позвать* и принять *было не къ чему*. Такъ и здѣсь возникъ вновь *вопросъ:* и вотъ что̀, этотъ рядъ неудержимыхъ вопросовъ, мы назвали *порывомъ*, отличившимъ всего больше пѣсню Марьи Львовны и отличавшимъ всѣ пѣсни Нарышкинскія, какъ и самыя судьбы ихъ. Порывъ дается здѣсь творчеству и искусству именно этими вопросами: еслибы не было порыва жизни, не было бы вопросовъ пѣсни; безъ вопросовъ исторіи, положительной и личной, не было бы этихъ порывовъ сердца. Безъ порыва въ данномъ случаѣ не создалось бы такой пѣсни, изъ устъ Марьи Львовны: безъ вопросовъ ея пѣсня не было бы отвѣтовъ въ стихотвореніи Державина. Чѣмъ старше первоначальные и стихійные образцы пѣсни, чѣмъ ближе они ко всему народу и къ судьбамъ сестры старшей, тѣмъ они блѣднѣе, безразличнѣе, грубѣе и матеріальнѣе въ своей косности: порывы выростаютъ, образы, слова и звуки *реутся*— лишь въ законченномъ образцѣ, въ томъ, которымъ уже не *пользовалась* только, который не *употребляла* и не *примѣняла* къ себѣ Марья Львовна, а который она прожила и выстрадала, который сложила и завершила сама отъ себя, оставивъ историческимъ памятникомъ подъ своимъ личнымъ именемъ; сравните образцы сего ниже. Въ пѣснѣ — какъ памятникѣ — многое застыло уже, почти окостенѣло оставомъ и окаменѣло лапидарно: онѣмѣлъ здѣсь голосъ, глухи стали намъ звуки подъ внѣшними линіями и знаками, и мы воротимся еще къ „надгробнымъ“ чертамъ симъ. За то жизнь, сюда вложенная, передается тотчасъ и доселѣ всякому живому чувству: и таковъ особенно конецъ пѣсни, въ ея заключительномъ порывѣ. „Что̀ же можно,“ спрашиваетъ онъ не досказывая отвѣта, „что̀ можно передать уѣзжавшему черезъ посланнаго, за чѣмъ дожидаться пріѣзда его?“ Нѣтъ. Послѣдній порывъ рвавшейся и метавшейся дѣвушки сказывается крайнимъ рѣшеніемъ, какое возможно лишь въ пѣснѣ *Исторической:* въ той пѣснѣ, когда горе слишкомъ лично, когда оно подступило къ сердцу и слово пѣсни переходитъ въ поступокъ. Если такъ, прочь всѣ узы державшія, всѣ оковы приличія, сжимавшія домъ знатный, стѣснявшія героя и героиню высшаго круга: *Я сама къ другу поѣхала.* Такъ сказать могла только знатная боярышня и не сказала бы ни одна крестьянская дѣвушка простому мо̀лодцу. Послѣднее слово пѣсни и послѣднее слово разставанья, сказанное уѣзжавшему: *Ты прости-прости, сердечный другъ!*

Но довольно. Чѣмъ больше говорили бы мы, какъ о памятникѣ литературномъ, тѣмъ меньше сказали бы о пѣснѣ; сколько бы ни сказали мы, сама пѣсня, благодаря ея народности, скажетъ всего лучше своимъ устнымъ словомъ и гармоническимъ звукомъ.

Печатаемъ сначала пѣсню въ самомъ первомъ ея видѣ (истекавшемъ изъ первоначальной редакціи 1782 года), въ какомъ появилась и постепенно развивалась она въ 80-хъ годахъ:

Пѣсня Марьи Львовны Нарышкиной.

1.

(С.-Петербургъ).

По Горамъ, по Горамъ,
и я по Горамъ ходила (2, дважды):
Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты,
и я всѣ цвѣты видѣла (2) [1];
Одного, одного,
одного цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ (2):
Нѣтъ цвѣта, нѣтъ цвѣта,
ахъ, нѣтъ цвѣта алаго (2),
Алаго, алаго,
моего цвѣта прекраснаго (2)!

Пó двору, пó двору,
и я пó двору ходила (2):
Всѣхъ гостей, всѣхъ гостей,
и я всѣхъ гостей видѣла (2);
Видѣла, видѣла,—
одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ (2):
Нѣтъ гостя, нѣтъ гостя,
ахъ, нѣтъ гостя милаго (2),
Милаго, милаго,
моего друга любезнаго (2)!

Аль ему, аль ему,
аль ему ли служба сказана (2),
Аль ему, аль ему,
аль ему ли государева (2) [2])?!

---

[1]) Замѣтьте здѣсь въ самомъ уже складѣ пѣсни значительное участіе личнаго искусства сравнительно съ народными стихійными первообразами: колѣна напѣва, припѣвъ, строфы, равное число стиховъ; объ этомъ еще ниже

[2]) Дополненіе сей строфы см. въ образцахъ ниже.

Али мнѣ, али мнѣ
въ своемъ домѣ воли нѣтъ (2)?
Али мнѣ, али мнѣ
послать было некого (2)?
Я сама, я сама,
я сама къ другу поѣхала (2),
Я сама, я сама,
я сама съ другомъ простилася (2) [3]:
«Ты прости, ты прости,
«ты прости-прости, сердечный другъ!»

(Ноты сохранились у Трутовскаго).

*

Въ такомъ видѣ, сказали мы, пѣсню *могла пѣть* Марья Львовна, пользуясь ею, примѣняя ее къ себѣ, усвоивая себѣ и усвоивая ей свое имя исполненіемъ, особенно въ 1786—88 годахъ. Но въ сихъ же годахъ пѣсня постепенно выработывалась подъ вліяніемъ событій, личныхъ обстоятельствъ и искусства; потому въ *собственномъ* видѣ она *цѣликомъ* принадлежитъ уже Марьѣ Львовнѣ и *дѣйствительно* пѣлась ею *въ 1789 году*, ибо въ слѣдъ за тѣмъ немедленно появляется въ печати, у Прача и Шнора, въ 1790 и 91 годахъ, по двумъ варіантамъ. Вотъ сей законченный образецъ ея, *на первую пору*:

2.

(Тамъ же).

По Горамъ, по горамъ,
и я по горамъ ходила (2; и ниже):
Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты,
и я всѣ цвѣты видѣла;
Одного, одного,
одного цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ:

---

[3]) Дополненіе строфы ниже; послѣдніе два стиха — внѣ строфъ, какъ заключеніе, завершительная „попѣвка.“

Нѣтъ цвѣта, нѣтъ цвѣта,
ахъ, нѣтъ цвѣта алаго,
Алаго, алаго,
моего цвѣта прекраснаго [1])!

Аль его, аль его
краснымъ солнцемъ вы́пекло?
Аль его, аль его
буйнымъ вѣтромъ вы́дуло?
Аль его, аль его
желтымъ пескомъ вынесло?
Аль его, аль его
боярышни вырвали,
Вырвали, вырвали,
въ быстру рѣку бросили [2])?

Аль его, аль его
совсѣмъ въ полѣ не было [2])?

Пó двору, пó двору,
и я пó двору ходила:
Всѣхъ гостей, всѣхъ гостей,
и я всѣхъ гостей видѣла;
Одного, одного,
одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
Нѣтъ гостя, нѣтъ гостя,
ахъ, нѣтъ гостя милаго,
Милаго, милаго,
моего друга сердечнаго [3])!

Али мнѣ, али мнѣ
послать было некого?

---

[1]) Варіантъ: „цвѣта самаго прекраснаго.“ — [2]) Изъ этихъ двустишій позднѣе печатали либо одно, либо другое: и точно, для *десяти* стиховъ строфы нужно одно изъ двухъ. Развѣ только 11-й и 12-й составляютъ выноску за строфу или попѣвку, подобно какъ въ концѣ? — [3]) Варіантъ: „моего друга любезнаго.“—Но почти всѣ эти варіанты, какъ видите, произошли въ печати, отъ того, что сбивались на первоначальный видъ пѣсни, у насъ подъ № 1-мъ, первыхъ 80-хъ годовъ.

33—31. Али мнѣ, али мнѣ
34—32. позвать было нé къ чему [4])?
35—33. Аль ему, аль ему
36—34. добрыхъ коней не было?
37—35. Али мнѣ, али мнѣ
38—36. въ своемъ домѣ воли нѣтъ?
39—37. Али я, али я
40—38. злодѣйка несчастная [5])?
41—39. Аль ему, аль ему
42—40. служба царска [6]) сказана?

Другой конецъ, раньше годомъ, принадлежитъ исключительно изданію Прача (1790) и всего полнѣе:

31. Аль ему, аль ему,
32. аль ему ли служба сказана [7]),
33. Аль ему, аль ему,
34. аль ему ли государева [8])?
35—33. Али мнѣ, али мнѣ
36—34. въ своемъ домѣ воли нѣтъ?
37—35. Али мнѣ, али мнѣ
38—36. послать было некого?
39—37. Я сама, я сама,
40—38. я сама къ другу поѣхала,
41—39. Я сама, я сама,
42—40. я сама съ другомъ простилася [9]):

«Ты прости, ты прости,
«ты прости-прости, сердечной другъ!»

(Ноты сохранились у Прача).

---

[4]—[5]) Опять одно изъ двустишій ad libitum: ихъ принимали позднѣе порознь, либо одно, либо другое, ибо они явно выходятъ изъ числа 10-ти стиховъ строфы. — „Злодѣйка несчастная“ можетъ быть отзывъ, который слышала объ себѣ вокругъ Марья Львовна, изъ устъ зложелателей.—Или: „Когда ни мнѣ къ нему послать, ни ему пріѣхать не даютъ, то что же это, развѣ я злодѣйка какая?“ — [6]) Варіантъ: „царская.“ — [7]) Вмѣсто редакціи: „служба царска сказана.“ — [8]) Опять вліяніе первой редакціи, и потому это двустишіе выходитъ изъ числа 10-ти стиховъ. — [9]) Послѣ этого выноска за строфу или попѣвка.

Къ этой главной, заключительной и подлинной редакціи на первую пору пѣсни, къ этимъ двумъ варіантамъ ея, разнящимся лишь мелочами и сливающимся видимо въ одинъ цѣльный образецъ, прибавимъ здѣсь на нѣсколько стиховъ еще *третій* варіантъ. Онъ стоитъ между старшими Петербургскими изданіями и позднѣйшими Московскими, принадлежитъ *исключительно одному* пѣсеннику „Московскому—Вавиловскому" 1803 года, но крайне замѣчателенъ, вышелъ изъ подъ рукъ извѣстнаго любителя старины, *Пл. П. Бекетова*, и могъ истекать изъ *главной* редакціи 1789 года (такъ что Прачь и Шноръ, сравнительно съ нимъ, воспользовались варіантомъ не лучше и короче):

Аль его, аль его
желтымъ пескомъ вынесло?
Аль его, аль его
боярышни вырвали,
Вырвали, вырвали,
въ быстру рѣку бросили?
Аль его, аль его
краснымъ солнцемъ выпекло?
Аль его, аль его
совсѣмъ въ полѣ не было?
Аль его, аль его
частымъ дождемъ выбило?
Аль его, аль его
буйнымъ вѣтромъ *вывѣяло?*
. . . .
Аль ему, аль ему
служба царска сказана,
Сказана, сказана—
дороженька дальная?

*

Итакъ вотъ эта пѣсня, во всей подлинной силѣ и красотѣ ея, почти не виданной и не слыханной по чрезвычайному сочетанію творчества народнаго съ высшимъ искусствомъ личнымъ. Не унижаемъ нисколько Шереметевой, Елизаветы, Лопухиной, а тѣмъ меньше Ксеніи Годуновой: но, если, при равной силѣ, искренности и правдѣ, въ ихъ пѣсняхъ непререкаемо творчество народное, здѣсь торжествуетъ еще сверхъ того искусство, обогащенное всѣми средствами общественнаго и лич

наго развитія. Марья Львовна по творческимъ основамъ непосредственно, минуя шесть вѣковъ, связуется съ Ярославной и, развивая дальше образы, созданные княгиней, ея обращенія къ солнцу, вѣтру, быстрой рѣкѣ, дождевымъ облакамъ и бранному полю съ ковылемъ его, въ одинаковой разлукѣ съ милымъ, но съ особенною силою порыва къ нему, возможною лишь въ XVIII вѣкѣ, выражаетъ все это рядомъ вопросовъ, сколько творческихъ народно, столь же изящныхъ художественно. Теперь совершенно понятно намъ, что, выслушавъ такіе звуки трепетнаго голоса, летѣвшіе изъ разбитой груди подъ гармонію стройной арфы, со всѣмъ обаяніемъ красоты дѣвической, со всѣмъ порывомъ страсти, виновной обстоятельствами, и любви, невинной чувствами, впечатлительный поэтъ, вернувшись домой, бросился къ стиху, стихомъ своимъ повторилъ пѣсню, лирою арфу. Хоть было бы опасно, онъ долженъ былъ по долгу поэта стать на сторонѣ пѣвицы; хоть слабъ былъ бы лучь надежды на супружество четы, онъ обязанъ былъ освѣтить и смягчить имъ мрачную и жесткую дѣйствительность.

До сихъ поръ слѣдили мы, на сколько пѣсня имѣетъ *историчность* изъ исторіи, *внѣшней* для нея, изъ обстоятельствъ ея дѣйствительности, современныхъ ей свидѣтельствъ, вторившихъ ей отголосковъ, союзной литературы, сцены и всѣхъ *прочихъ* историческихъ памятниковъ: мы шли *къ пѣснѣ*; теперь остановимся *на ней самой*. Она сама—*историческій памятникъ*, въ ней самой—*подлинная исторія*. Не для нея уже, а изъ нея самой можемъ мы почерпать теперь самыя надежныя показанія. Такъ порывъ, выразившійся вопросами, остается въ пѣснѣ какбы безъ отвѣта; отвѣтъ лежалъ въ положительной дѣйствительности, которой мы, заглазные потомки, наблюдать уже не въ состояніи: въ этомъ случаѣ самыя слова и выраженія пѣсни замѣняютъ намъ дѣйствительность грубую и предъявляютъ собою ясную дѣйствительность творческую, въ зеркалѣ своемъ отразившую лицо событій. И въ пѣсняхъ Ксеніи, и Лопухиной, и Елизаветы, и даже близкой къ намъ Шереметевой остались звуки, а въ печатаніи строки, какбы онѣмѣвшіе для насъ своими намеками: но мы воспроизводимъ ихъ быль, послушные наитію творчества, и сквозь призму ихъ не сомнѣваемся созерцать ясно подлежавшую имъ дѣйствительность. Вопросы Марьи Львовны не памятникъ смерти, а памятникъ житой жизни: имѣемъ возможность и увѣренность воспроизвести эту жизнь въ своемъ представленіи и даже дорисовать картину, хотя бы прозою. Вынужденный и молчаливый, раннимъ утромъ отъѣздъ Потемкина, 6-го мая 1789 года, совершился безъ пышныхъ проводовъ: тѣмъ больше неприличны были всякія другія, хотя бы естественныя и простыя, прощанія. Сторона правъ и долга выше мелочей: слезы видитъ одинъ лишь секретарь Храповицкій, но снаружи царствуетъ спокойствіе. Сѣти и безъ того достаточны, царедворцы настроены, языки знаютъ молчать и вмѣсто рѣчей дѣйствовать. Потемкинъ *самъ*, хоть не растерялся еще, какъ растерялся за тѣмъ вскорѣ, самъ чего-то боится. *Самъ* отецъ Нарышкинъ, этотъ присяжный безпечности, этотъ L'insouciant, M-r Sans—

зонсі, самъ Левъ Александровичъ, можетъ статься первый разъ въ жизни, встревоженъ и озабоченъ: онъ сердится на рѣчи, слишкомъ злыя и громкія, сердится и на молчаніе, необычное въ его домѣ, сердится и на то, что прерванъ потокъ обычныхъ занятій его, чуждыхъ всякого дѣла. Простодушная Марина Осиповна растеряна еще болѣе, какъ хозяйка и мать, какъ знатная дама и женщина. Домъ, вѣчно и всѣмъ распахнутый домъ веселья, сумраченъ, запертъ; слугамъ не велѣно принимать, заказано ходить съ посылками: въ своемъ домѣ дѣвушкѣ воли нѣтъ. Нѣтъ и коней у отъѣзжавшаго, чтобы заѣхать проститься: есть лишь кони, чтобы мчаться по Бѣлорусской дорогѣ. Вырвалась ли точно къ нему„ запертая пташка“, какъ называютъ сродныя пѣсни и какъ говоритъ главная,—вѣримъ послѣдней: но если вырвалась и сама ѣздила, и простилась знатная боярышня, тѣмъ хуже, тѣмъ вѣрнѣе всѣ остальныя подробности, наступившія за симъ въ домѣ. Тогда-то, перенесшись думою на мгновеніе въ ту сторону, куда лежала Бѣлорусская дорога, вспомнивъ былое, съ пустынныхъ и счастливыхъ нѣкогда Горъ тамошнихъ возвращается героиня въ свою одинокую, полную однимъ горемъ, горницу. Она всходитъ въ свою дѣвическую, завѣтную всѣмъ Русскимъ и Славянамъ, горницу, какъ Ярославна на забрала стѣны городской съ пѣснею: оттуда видна даль, свободно обратиться къ силамъ, правящимъ судьбою, можно задавать имъ вопросы и изъ глубины творчества отвѣчать на вопросы образами, звуками. Тогда-то въ комнатѣ знатной столичной красавицы, исторически связанной на вѣки съ историческими лицами, а теперь въ горницѣ старинной Русской боярышни, и простой, и столь же несчастной, какъ всякая крестьянская дѣвушка изъ простаго народа, но вмѣстѣ въ артистической рабочей высокаго таланта, тогда-то раздаются звуки арфы и пѣта пѣсня: пѣсня долетѣла къ намъ сквозь открытое окно общенароднаго творчества, общечеловѣческаго искусства. А разъ пѣсня спѣта, она съ тѣмъ же обаяніемъ, какъ готовая во всеоружіи, вторится и послѣ, вторится предъ поэтомъ, заслышана вокругъ, уловлена въ печать и изданія....

Что мы едва ли сдѣлали ошибку, связавъ въ букетъ цвѣты, роскошно разбросанные въ пѣснѣ, а краски ихъ, синонимы цвѣтовъ на языкѣ народа, перенеся на бумагу въ рамки нашей картины,—доказательствомъ могутъ служить намъ *другія* черты пѣсни, изъ *собственной* ея исторіи. *Складъ* ея, внутренній для ней самой, но вмѣстѣ внѣшній для историческаго нашего опыта, *способъ*, какимъ *слагалась* пѣсня, столь же—казалось бы—неуловимъ, столь же неотдѣлимъ отъ существа, какъ всякій темный намекъ въ содержаніи и дѣйствительности, какъ вопросы, сейчасъ нами разобранные; слагается пѣсня въ складъ свой тѣмъ же „порывомъ“ творчества и искусства, какъ всякій загадочный вопросъ: а между тѣмъ, довѣряясь свидѣтельству пѣсни, какъ памятника вполнѣ историческаго, мы можемъ убѣдиться до осязательности, *какимъ способомъ* постепенно сложилась пѣсня изъ основъ народныхъ до высшаго искусства, при посредствѣ силъ и талантовъ художественнаго

лица. Мы видимъ здѣсь ясно самый *путь*.—Такъ, по стихійнымъ, но чисто-народнымъ первообразамъ пѣсни, помѣщеннымъ у насъ выше (особенно подъ *А*) и *Б*), сначала является стихъ одинъ, длинный и длительный; потомъ зараждается въ немъ дѣленіе, претворяется онъ въ „двойной,“ распадается на двѣ половины, и въ каждой половинѣ стихъ уже краткій: на этомъ остановилось *творчество народное*, дальше не пошло, и съ этой ступени начинается уже *искусство личное*, дѣло Нарышкиной.—Здѣсь сперва дѣйствуетъ оно *по образцу народному*, примѣняясь къ первообразамъ пѣсни народной (и не однимъ уже тѣмъ, кои послужили основой со стороны *содержанія*, а еще другимъ, и болѣе древнимъ, какъ сейчасъ увидимъ). Именно, относительно *склада*, вся пѣсня сложена изъ паръ, по 2 стиха; каждый 1-й стихъ въ парѣ (1-й, 3, 5, 7 и т. д.) состоитъ изъ 6 слоговъ, каждый 2-й (2-й, 4, 6, 8 и т. д.) изъ 8 слоговъ. Относительно *рѣчи* или *слóва*, въ 1-мъ стихѣ дважды повторяется одно и то же слово или, иначе, словесная группа въ 3 слога („по горамъ, по горамъ;“ „всѣ цвѣты, всѣ цвѣты;“ „видѣла, видѣла;“ „одного, одного“ и т. д.); во 2-мъ стихѣ третій разъ повторяется одна изъ группъ стиха 1-го („по горамъ;“ „всѣ цвѣты,“ „одного“ и т. д.), но прибавляется къ сему „новая“ еще группа („и я ходила;“ „и я видѣла;“ „цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ,“ „ахъ нѣтъ алаго“ и т. д.). Относительно *напѣва* и *музыки*, каждый 1-й стихъ составляетъ одинъ *тактъ*, въ 16 дробей (или „моръ,“ единицъ времени); каждый 2-й стихъ—другой *тактъ*, того же количества, въ 16; при этомъ, *въ мелодіи*, опять 1-й стихъ составляетъ одно *колѣно*, 2-й стихъ—другое *колѣно*. Наконецъ, относительно музыкальнаго *употребленія* или практики *исполненія*, каждый 2-й стихъ или, что̀ то же, каждый 2-й тактъ и каждое 2-е колѣно еще повторяется *дважды* и при вторичномъ исполненіи образуетъ собою *припѣвъ*. Все это, говоримъ, явно обработано искусствомъ личнымъ: но—еще *по образцамъ народнымъ*; именно, на примѣръ, по древнѣйшему образцу пѣсни *обрядовой*—

Ай вó полѣ, ай вó полѣ,
ай вó полѣ липинька (2);

по образцу, древней же, *хороводной*—

Ай пó морю, ай пó морю,
ай пó морю-морю синему (2);

или—

Селезень, селезень,
селезень мой сизъ-косатый (2);

или же простой *хоровой*, особенно развитой въ употребленіи XVIII вѣка,—

Вó лузяхъ, вó лузяхъ,
Ай вó лузяхъ—зелёныихъ лузя́хъ (2).

Однако и здѣсь, слѣдуя еще образцамъ народнымъ, искусство ступило уже нѣсколько дальше и заявило особенности *свои, отъ себя*: такъ, „ай во полѣ,“ „ай по морю,“ „селезень,“ „во лузяхъ“,—*повторяются* у народа *въ той же мелодіи*, нисколько не измѣняя ея; тутъ же, для избѣжанія однообразія (при повтореніи одной и той же группы, одного и того же слова), однообразія, возможнаго еще въ музыкѣ, но утомительнаго *для чтенія*, въ дѣлѣ *литературномъ*, слагательница ввела нѣкоторое, хотя легкое, измѣненіе въ мелодіи, такъ что, на примѣръ, вторичное „по горамъ,“ „всѣ цвѣты,“ „одного“ (въ каждомъ 1-мъ стихѣ) нѣсколько *отмѣнено* въ мелодіи отъ первичнаго (и отъ того каждое 1-е колѣно какбы распадается на 2 меньшихъ половины). Во вторыхъ, *темпъ* усвоенъ артисткою для ея пѣсни *своеобразный*, въ опредѣленности *ей именно* свойственный: уже самый старшій перелагатель на ноты, Трутовскій, примѣняя къ прочимъ народнымъ пѣснямъ Andante, Adagio, Allegro, въ настоящемъ случаѣ отмѣтилъ „Tempo giusto“. — Итакъ, 1-я ступень въ творчествѣ пѣсни есть *чисто-народная* (стихійная); 2-я *по образцу народному*, на переходѣ отъ творчества къ искусству; а кромѣ того есть еще *третья*, гдѣ искусство дѣйствуетъ на всей своей волѣ, торжествуя независимую свободу. Именно, на сей ступени, въ пѣснѣ образованы уже *строфы*: онѣ не свойственны первоначальному виду пѣсней народныхъ и появляются у насъ лишь по вызову той лирики, которая ознаменовала искусство *личное*, въ текстѣ *сочиненіе*, а въ музыкѣ такъ называемую *композицію*, связанную съ инструментовкой, въ настоящемъ случаѣ съ арфою. Въ пѣснѣ Нарышкиной (см. послѣдующіе образцы, коими редижируются предыдущіе) *четыре строфы*, опредѣленныхъ и *ровныхъ*, каждая въ 10 стиховъ или въ 5 паръ ихъ. Строфами сими ощутительно раздѣлились на равныя *группы*: а) содержаніе пѣсни; б) литературный ея составъ; в) колѣна мелодіи, по 10 колѣнъ или по 5 паръ ихъ въ каждой группѣ. Это и нужно было при исполненіи *личномъ*: ибо между строфами образовалась „передышка“ для голоса поющей, а въ игрѣ на инструментѣ безъ всякого сомнѣнія употреблялись тутъ варіаціи, т. е. „разбѣгъ“ по струнамъ арфы, сообразно господствующей мелодіи или мелодической темѣ (отъ того, какъ увидимъ, немедленно за первымъ распространеніемъ пѣсни, музыканты прибавили къ ней варіаціи въ музыкѣ). Это уже *послѣдняя*, слишкомъ явная, *рука личной обработки*: крайній пріемъ личнаго искусства, выдающій собою участіе талантливаго, литературно и музыкально образованнаго лица. Такимъ образомъ, внутренній составъ пѣсни выражаетъ себя внѣшнимъ, осязательнымъ складомъ, совершенно особеннымъ и единичнымъ; внутренняя исторія пѣсни повѣщаетъ себя внѣшнею, совершенно намъ доступною: и обратно, имѣя теперь въ пѣснѣ памятникъ, предметный для нашего изученія, мы съ увѣренностью обращаемся къ изслѣдованію его внутренней жизни, и, не ошибаясь въ семъ случаѣ, вскрываемъ подъ внѣшнею дѣйствительностью его совершенно особую, внутреннюю дѣйствитель-

ность, своеобразную исторію. Потому-то, повторяемъ, ободренные на семъ пути, столь же надежно полагаемся и на то, что пѣсня, сдѣлавшись сама дѣйствительностью и памятникомъ историческимъ, *достовѣрно передаетъ намъ событія дѣйствительности*, испытанной лицомъ Марьи Львовны. То есть, дѣйствительность Нарышкиной, жизнь ея и обстановка данными обстоятельствами, по крайности въ главныхъ и существенныхъ явленіяхъ, была *именно такова въ 1789 году*, *какъ* передаетъ ее намъ *пѣсня*, въ ту самую пору завершенная, спѣтая и пѣвшаяся *).

Итакъ, помимо уже всѣхъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, сочувственныхъ пѣснѣ, связанныхъ съ нею или ею вызванныхъ, сама *внутренняя* исторія пѣсни, обличающаяся въ содержаніи ея, составѣ, сочиненіи, языкѣ, рѣчи и словоыраженіи, въ стихѣ, складѣ, напѣвѣ, музыкѣ и всемъ прочемъ, сама исторія эта опредѣляетъ намъ извѣстное лицо, въ данномъ положеніи, среди тѣхъ, а не другихъ обстоятельствъ, въ урочномъ мѣстѣ и времени, однимъ словомъ—*лицо историческое*: слагательницу, исполнительницу и вмѣстѣ героиню пѣсни. Иначе, или, что̀ то же,—это пѣсня вполнѣ *Историческая; народная* по основамъ, стихіямъ и образцамъ предшествующимъ, но народная *исторически*, со всѣми данными исторіи наглядной, и при томъ переступившая за область историческаго творчества народнаго въ область *личной* исторической воли, въ сферу личнаго *искусства*, литературнаго *сочиненія*, высоко образованнаго — *артистическаго художества*. Пѣсня эта, какъ мы видѣли, далеко оставила за собою *народные* образцы, послужившіе ей стихіями, *сообразовывалась* съ образцами старшими, древнѣйшими, лучшими, типическими; вышла отсюда къ *самобытности*, *единственности* и даже *одиночеству*. Именно, по другую свою сторону, какъ увидимъ ниже въ подробностяхъ, пѣсня не перешла къ народу *простому*, въ нынѣшнюю среду крестьянскую: она остановилась на высотѣ своей неподражаемой, непримѣнимой, неизмѣнной и не размѣняемой. Образцы, послужившіе ей *стихіями* (ср. у насъ А) и Б), кое-гдѣ проникли еще въ крестьянство, вызвали тамъ дальнѣйшее развитіе по своему, измѣнились или испортились; образцы *лучшіе*, руководившіе *искусствомъ* пѣсни (они также сейчасъ поименованы у насъ), продолжаются въ употребленіи общемъ и всенародномъ: но какъ изъ первыхъ, такъ и по вторымъ не сложилось въ простомъ народѣ ничего новаго, не только *равнаго*, но и *подобнаго* пѣснѣ Нарышкиной **). Мало того: въ закон-

---

*) Любопытнымъ совпаденіемъ случая, пѣсня Нарышкиной въ законченномъ составѣ своемъ спѣта именно въ тотъ же самый годъ, 1789-й, и тѣмъ же лѣтомъ, какъ пѣсня Шереметевой: ср. нашъ вып. 9-й.

**) Желающіе познакомиться, въ какомъ видѣ стихійные образцы, означенные у насъ выше подъ буквами *А*) и *Б*), составлявшіе такъ сказать до-историческій матеріалъ для Нарышкиной, *прежде* ея исторіи, вошли потомъ,

ченномъ видѣ своемъ, какъ опредѣленный образецъ творчества и искусства, пѣсня эта не усвоена простонародьемъ, не употребительна въ немъ, даже вовсе неизвѣстна ему (о причинахъ сему, весьма естественныхъ и понятныхъ, поговоримъ еще ниже); хоть бы разложилась тамъ и испортилась: и того нѣтъ. Между тѣмъ и въ *собственной* своей сферѣ, внѣ устной пѣснотворческой области народной, въ литературѣ и въ искусствѣ, созданная пѣсня не имѣетъ равнаго ей образца, ни совмѣстно и современно, ни впослѣдствіи: ни созданія въ томъ же родѣ, ни передѣлки, ни подражанія. Озираясь вокругъ сей пѣсни, не видимъ и не можемъ даже предположить, кто бы другой могъ создать ее саму, или такую самую, или хоть равную, подобную и нѣсколько низшую: однимъ недостаетъ народнаго творчества, другимъ искусства, всѣмъ вмѣстѣ цѣльности созданія, способности на сію цѣльность и возможности. Пѣсни народныя, *одновременно* и *мѣстно* возникшія, несравненно ниже, вслѣдствіе оскудѣнія былыхъ силъ пѣснотворчества (ср. въ семъ выпускѣ такъ-называемыя „Историческія,“ въ ихъ собственномъ отдѣлѣ у насъ). Сочиненія и литературныя произведенія той эпохи не достигли еще подобной высоты, силы и красоты въ своемъ собственномъ дѣлѣ, на своей *собственной* почвѣ: иныя не дошли

послѣ ея исторіи, въ современное употребленіе народа, могутъ найти образецъ въ „Р. Бесѣдѣ“ 1860 года. Образецъ записанъ Н. Ст. Кохановскою:

По горамъ было, по горамъ,
По высокимъ, по крутымъ,
Разстилалися цвѣты,
Цвѣты алы и (алые-) лазоревые.
Сорву-нарву ала(го) цвѣту,
Совью милому вѣнокъ,
Бѣлыми(мъ) ручками совью (сорву),
Алой лентой перевью,
Милому вѣнокъ (вѣнокъ милу) подарю,
Поцѣлую—обниму,
Обрадушкой назову:
„Обрадушка, милый другъ,
„Чѣмъ обрадуешь меня?“
Какъ свѣтёлъ мѣсяцъ взошолъ,
Милъ къ сударушкѣ пошолъ,
Онъ пошолъ поздно, не рано,
Онъ понесъ добра не мало:
На полтину кумачу (и далѣе уже нелѣпос ти.

Сатирическія передѣлки съ исторіей-бюрлескомъ (въ родѣ „Горе-богатыря“), а равно проказы И. П. Сахарова, см. ниже въ своемъ мѣстѣ, какое подобаетъ выплавкамъ, выродкамъ, исчадіямъ и уродамъ.

по содержанію, недостаточно историческому или достаточно слабому. другія языкомъ и рѣчью, третьи стихомъ и складомъ, четвертыя во отсутствіи напѣва и музыки, а всѣ вмѣстѣ опять цѣльностію творчества и художественной гармоніи. „Сочинители" пѣсней почти всѣ позднѣе эпохою, по крайности годами, а извѣстнѣйшіе изъ таковыхъ, какъ Нелединскій, Мерзляковъ и т. д., всѣ другаго совершенно рода и ниже; современные же, собственно одинъ Державинъ - или нѣсколько позднѣе—Дмитріевъ, судя по уцѣлѣвшимъ ихъ произведеніямъ въ направленіи и формѣ „пѣсенъ," не въ состояніи были произвести и двухъ стиховъ равныхъ; старшему—Сумарокову, Попову, и даже Волкову—пѣсня такая не могла присниться и во снѣ. Романсы, идилліи, элегіи тѣхъ годовъ далеки отъ сравненія (вспомните Орлова и Зиновьеву по романсу, имъ приписанному,—„Желанья наши совершились," въ нашемъ 9-мъ вып.). Чисто-литературныя „стихотворенія," „письменная поэзія" тѣхъ годовъ шла не къ пѣснѣ, а въ рознь отъ нея. Передовой современный поэтъ, Державинъ только *вторилъ* Нарышкиной, только *повторилъ* ея пѣсню, и мы знаемъ *какъ*: не вторгаясь нисколько въ *ея* область, исключительно держась *своей*. Притомъ, въ пѣснѣ оказывается не слагатель, не сочинитель, не мужчина: рука женская на всемъ; всюду жизнь, рѣчь, дыханіе и музыка женщины, даже спеціально—дѣвушки. Стало быть, соперникомъ за имя и авторство нужно бы искать лицо не мужское: а какую же другую знаемъ въ ту пору, женщину или дѣвушку, въ подобномъ историческомъ положеніи, въ такомъ воспитаніи среди творчества, съ такимъ искусствомъ, съ равнымъ музыкальнымъ исполненіемъ, съ одинаковою славою и извѣстностью? Итакъ, еслибы для сего произведенія не было дѣйствительной Марьи Львовны, мы должны бы сыскать, а не сыскавши создать такую же, равную Марью Львовну Нарышкину. Еслибы создали, въ созданной нашли бы не кого другаго, какъ только именно Марью Львовну. Но нѣтъ нужды искать и создавать, когда она есть. Пѣсня ея одинока и единственна во всей области нашего творчества и искусства: единственна и одинока въ исторіи нашей Марья Львовна Нарышкина.

Вотъ почему, наконецъ, исторія данной пѣсни такъ неразрывно связана съ *именемъ* Марьи Львовны: *имя* героини, слагательницы и исполнительницы,—вотъ та *послѣдняя* данная, которую сообщаетъ намъ исторія самой пѣсни; другими словами, пѣсня эта *Историческая* потому именно, что носитъ на себѣ неизмѣнное историческое *имя* Нарышкиной. Безъ имени сего, утраченнаго по утратѣ исторіи для народа простаго, нѣтъ въ семъ народѣ и пѣсни: тамъ, гдѣ слышна и извѣстна была пѣсня, неразлучно съ ней имя Марьи Львовны. Мы эту эпоху еще застали: это исторія *послѣдующая* за созданіемъ пѣсни, исторія *сопутственная* ея распространенію, исторія ея *употребленія* въ исполненіи потомковъ.

Пока мы не говоримъ еще здѣсь о печати и изданіяхъ. Но, всю раннюю молодость свою съ дѣтства (съ 9 до 20 лѣтъ) проводили мы

гдѣ почти на вѣрное полагали найти еще пѣсню, ради ея народности: тщетно. Окружающая практика 15-ти послѣднихъ лѣтъ не давала намъ отвѣта на вопросы, а память подробностей, слышанныхъ нами раньше, изглаживалась постепенно вмѣстѣ съ годами молодости: самыя лица, повѣствовавшія намъ нѣкогда, перемерли, такъ что оставалось рваться съ досады, либо прибѣгнуть къ послѣднему средству. Такъ мы и сдѣлали на опытѣ: и, какъ вообще, приближаясь къ XVIII вѣку Историческихъ пѣсней, нарочно для нихъ поселялись лѣтомъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, прославленныхъ тою или другою пѣснею, отъ Медвѣдкова до Кускова (ср. вып. 9), такъ одно лѣто посвятили въ особенности родовому подмосковному имѣнію Нарышкиныхъ,—Кунцову съ его древнимъ Сѣтунскимъ станомъ и окрестностями отъ Филей до Хорошова. Увы, ничего не оказалось: и вотъ почему историки, въ коихъ Кунцову недавно посчастливилось (хотя и позднѣе нашей монографіи о Кусковѣ), говоря подробно и кстати о всякихъ пѣсняхъ, и обо всемъ старо-Русскомъ, и вообще Русскомъ, не нашли также вокругъ себя въ устахъ массы ничего, что̀ бы сказать о поэтической Марьѣ Львовнѣ съ ея пѣснею. Это естественно и потому еще, что имѣнье принадлежало собственно старшему брату (Льва) *Александру* А—чу и лишь по смерти его (1795) перешло къ *сыну Льва*, брату Марьи Львовны, а за тѣмъ къ потомству Александра Львовича. Притомъ, не будучи коренными Москвичами, Нарышкины сюда лишь *наѣзжали*. Итакъ, мы убѣдились не въ первый и разумѣется въ послѣдній разъ, что, соображая весь ходъ нашей исторіи, въ данномъ случаѣ и нельзя было ничего найти, да и не слѣдовало искать. Еслибы шло еще дѣло о герояхъ и героиняхъ *старшихъ*, можно бы надѣяться на какой ни будь окаменѣвшій или кристаллизованный памятникъ: а послѣ Лопухиной, Елизаветы и вообще съ половины прошлаго вѣка, простой народъ, какъ мы знаемъ, вовсе почти оглохъ къ исторіи, сдѣлавшейся ему стороннею, такъ что пѣсня Парашина въ этомъ отношеніи гораздо еще счастливѣе, благодаря обстоятельствамъ, коими была окружена и коихъ именно недоставало Марьѣ Львовнѣ. Послѣдняя принадлежала собственно *Петербургу* (не Москвѣ, хоть и живала здѣсь, какъ увидимъ), а это очень важно; принадлежала съ рожденія цѣликомъ *высшему знатному кругу*, а это еще важнѣе; притомъ же заручена была такимъ крупнымъ и щекотливымъ *обстоятельствамъ историческимъ*, даже *политическимъ*, что тѣмъ самымъ для пѣсни преграждался доступъ къ народу простому; въ случаѣ же доступа (по силѣ народности) пѣсня сопровождалась, столь извѣстными для насъ, страхами употребленія и боязнью громкаго пользованія, будучи народно по существу своему, какъ самый зрѣлый плодъ народности, пѣсня сдѣлалась для народа плодомъ недосягаемымъ и запрещеннымъ. Не было тутъ посредствующихъ стезей для перехода. Чѣмъ выше была она своимъ народнымъ творчествомъ, а еще больше изящнымъ искусствомъ, счастливо сочетавшимся съ народностію, тѣмъ болѣе въ концѣ прошлаго вѣка и въ вѣкѣ нынѣшнемъ яв-

лялась она чужда ниспавшему пѣснотворчеству народному и заглохшимъ его интересамъ, ослабѣвшему чувству, искаженному вкусу. Конечно, пѣсни древнѣйшія, ей равныя по достоинству, въ народѣ удержались еще: но именно лишь удержались, повторяясь по преданію и наслѣдству; а здѣсь слѣдовало начинать, вслушиваться, усвоять вновь,— и такого органа, къ сему потребнаго, въ народѣ простомъ уже не оказалось. *Единственнымъ* посредствомъ могла здѣсь послужить *печать*: но мы знаемъ, какъ она мало растространена въ простонародьѣ вмѣстѣ съ отсутствіемъ грамотности и какъ мало вообще сдѣлала она для народа. А кромѣ того, и сама печать, и вся литература, въ настоящемъ случаѣ встрѣчала помѣху: чѣмъ болѣе пѣсня была народна, тѣмъ меньше она интересовала литературные органы такъ называемыхъ „образованныхъ" классовъ; стихотвореніе Державина, вызванное пѣснею, извѣстно; извѣстны, больше или меньше, другія литературныя произведенія, съ нею связанныя: а пѣсня, мы видимъ, почти вовсе было заглохла, и во всемъ свѣтѣ появляется передъ нами впервые лишь теперь. Прибавьте сюда наконецъ и тѣ всякіе, помянутые страхи, которые не меньше простонародья вѣдомы „разнымъ классамъ" и печатнымъ ихъ органомъ, благодаря такой уже сложившейся жизни, привычкѣ и отчасти надзорамъ или запретамъ. Конечно, не смотря на это, пѣсня все-таки, какъ мы знаемъ, скоро проникла въ печатную литературу, на ноты, въ изданія, значительно здѣсь распространилась, долго держалась и въ теченіе вѣка удержалась доселѣ: но за то не менѣе здѣсь потерпѣла личность героини, историчность ея, а вмѣстѣ и опредѣленность пѣсни. Когда, отчаявшись, обратились мы отъ простонародья въ эту послѣднюю сторону, *цѣлыя семь лѣтъ* пробились мы прежде, чѣмъ постепенно успѣли опредѣлить разныя данныя пѣсни и пѣвшей: мы лишены были здѣсь всякихъ подручныхъ средствъ, вынуждены предложить теперь желающимъ пространное изслѣдованіе ab ovo, и все-таки многихъ подробностей не добились еще, оставляя по себѣ обширное поле для работъ преемникамъ. Такимъ образомъ, особенность историческая и высота изящнаго искусства помѣшали распространенію пѣсни въ народѣ: а народность сдѣлала ее особнякомъ среди остальнаго, современнаго ей, искусства, Утѣшаемся лишь тѣмъ, что, если при *другихъ* условіяхъ могло быть иначе, то именно при данныхъ не должно было сложиться *ничего инаго*. Если пѣсня не поступила въ народный обиходъ, то прямо потому, что была *вполнѣ историческою* и принадлежала высокому *лицу историческому*, изъятому изъ остальной, опростѣвшей массы народа; если же пѣсня осталась особнякомъ среди прочей печатной литературы и ходячаго искусства, то опять въ силу глубокой *исторической народности*, отдѣлившей ее отъ массы всего посредственнаго и поверхностнаго. Среди народа, пѣсня и слагательница явилась вмѣстѣ историческимъ памятникомъ и лицомъ, какого не вѣдаетъ современная исторія въ простомъ народѣ; среди явленій, утратившихъ народную историчность, пѣсня явилась знаменемъ сей исторіи,

и потому лицо пѣвицы подпало участи, свойственной законно всѣмъ народнымъ пѣснотворцамъ, слагателямъ и исполнителямъ: лицо скрылось за своимъ созданіемъ, лицо тѣмъ меньше выдалось, чѣмъ больше народно было въ самомъ себѣ и въ своемъ созданіи. Еслибы Марья Львовна бросалась здѣсь въ глаза, еслибы легко было знать и узнать ее повсюду, несомнѣнно это было бы признакомъ отсутствія народности въ ней самой и въ ея произведеніи: тогда скорѣе мы могли бы заподозрить ея историчность, тогда затерялась бы она безслѣдно въ томъ ничтожествѣ, съ которымъ бы гармонировала прозябая и въ которомъ тонула бы своею параллельностію. Самыя историческія лица, а по преимуществу историческія народно, всего болѣе напрягаютъ умы къ разъисканію, именно отсутствіемъ подробностей и своею, такъ сказать, историческою стыдливостью: вспомнимъ, что и Потемкинъ, связанный съ даннымъ явленіемъ, не только не имѣетъ у насъ сносной исторіи, біографіи и монографіи, но оставляетъ даже предметомъ спора года своего рожденія, воспитанія и внутренней дѣятельности; а объ роли его въ литературѣ, сценѣ, искусствахъ, музыкѣ, пѣснѣ, — приходится говорить чуть не впервые и по крайности по самымъ первичнымъ, еще не обработаннымъ, матеріаламъ. Слѣдовательно, заключаемъ, пѣвица и пѣсня не столько *лишена* историчности, сколько отличается *историческимъ своеобразіемъ*: она не „безъимённа,“ а скорѣе слишкомъ *именита*. *Имя* ея тѣмъ больше выдается *въ Исторіи*, чѣмъ меньше сюда просится и навязывается. А когда такія своеобразныя данныя нынѣ подобрали мы, сопоставили, соединили и еще въ слѣдъ за симъ дополнимъ, исторія явно торжествуетъ здѣсь. Вмѣсто предполагаемой, мнимой или не стоющей, оказывается исторія *дѣйствительная*; вмѣсто дѣйствительности мелкой и пошлой, дѣйствительность подлинно *историческая*. Вмѣсто грубыхъ корней, недоносковъ или пустоцвѣта, цвѣтъ и плодъ Русской жизни: вмѣсто литературы нашей и пѣсни народной порознь, *единая пѣсня историческая*, то и другое совмѣстившая, какъ произведеніе творчества народнаго и искусства изящнаго.

Теперь переходимъ мы къ *исторіи*, которая *сопровождала* пѣсню и началась для нея послѣ того, какъ пѣсня была уже сложена, завершена и спѣта въ подлинникѣ живомъ, отвѣчая своей исторической минутѣ: это исторія пѣсни не изъ нея самой, а изъ повтореній и послѣдствій ея, въ *печати* и разныхъ *изданіяхъ*, то отзывавшихся окрестной жизни, то освѣщавшихъ ее, будившихъ и приглашавшихъ къ дальнѣйшей производительности.

*

Мы напечатали пѣсню *по двумъ главнымъ варіантамъ*, съ изданій 1790 и 91 годовъ: это *окончательная обработка* или, иначе, *главная редакція* пѣсни *на первую* ея *пору*, непосредственно за *историческимъ*

ея годомъ, 1789-мъ. Единство сего главнаго образца, при одной въ добавокъ музыкѣ, легко замѣтить всякому, не только привычному, но и малоопытному взгляду и слуху. Тѣмъ не менѣе, при такомъ единствѣ, разнообразіе текста, наступившее въ годахъ, ближайше смежныхъ съ 1789-мъ, убѣждаетъ несомнѣнно, что 1) пѣсня записывалась со слуха (отъ чего въ тетрадкахъ и оказались разницы), а не перепечатывалась съ какого ни будь предыдущаго изданія и вообще въ печати не была распространена *прежде* сего (хотя первоначальный видъ ея, близкій еще къ „стихійныхъ,“ и помѣщенъ Трутовскимъ въ его собраніи, исключительно „дворцовомъ,“ вовсе почти не распространенномъ); 2) что въ слѣдъ за 89-мъ годомъ она распространилась уже быстро и широко; 3) что первые шаги сего распространенія держались еще однако „высшаго“ круга, къ коему равно прислушивались и *Прачь*, и особенно *Шноръ*, но что 4) отсюда ловили и схватывали пѣсню съ живѣйшимъ интересомъ, и по новости, и по отношенію къ событіямъ Петербургской жизни или ходившимъ слухамъ, а отчасти и по отмѣнному ея характеру, способному украсить всякое пѣсенное собраніе. Въ 1-мъ изданіи Прача (на нотахъ, 1790 г.) пѣсня поставлена подъ самымъ *первымъ* нумеромъ (чего нѣтъ уже во *2-мъ* изданіи 1806 г.), какъ самая новая и интересная (такія пѣсни во всѣхъ „Пѣсенникахъ“ обычно печатались либо самыми первыми, либо самыми послѣдними).—Помѣщалась она, какъ и слѣдуетъ, всегда въ числѣ „протяжныхъ.“

Но въ нашемъ собраніи есть экземпляръ означеннаго изданія Прача, единственный потому, что онъ былъ въ рукахъ какого-то опытнаго, хотя не извѣстнаго намъ музыканта, который размѣтилъ въ текстѣ колѣна и такты напѣва, самый размѣръ долгихъ и краткихъ звуковъ, а на бѣлыхъ страницахъ или на поляхъ вписалъ разныя дополненія или другія соотвѣтственныя пѣсни. Судя по старому почерку, это также дѣло человѣка изъ XVIII столѣтія. Въ настоящемъ случаѣ, на полях при нашей пѣснѣ, приписалъ онъ другую, близкую по содержанію и складу, какой рѣшительно не встрѣчали мы ни въ устахъ народа, ни въ другихъ пѣсенникахъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе: быть можетъ, явилась она въ одно время съ Нарышкинскою, если не изъ устъ той же самой пѣвицы, или послужила однимъ изъ образцовъ для ея собственной пѣсни. Вотъ она:

В).

Злодѣи вы, злодѣи вы,
злодѣи лихіе!
Какую вы, какую вы,
корысть получили,—
Со миленькимъ, со миленькимъ
дружкомъ разлучили?

Пойду-пойду, младёшенька,
пойду въ городочикъ,
Куплю-куплю, младёшенька,
зблотъ перстенёчикъ,
Пущу его, пущу его
во быструю рѣчку,
Ко милому, ко милому,
къ милому дружечку:
Авось либо, авось либо
мой милый узна́етъ,
Возьмётъ его, возьмётъ его,
возьметъ зъ быстрой рѣчки [1]),
Прижмётъ его, прижмётъ его
къ ретиву сердечку,
Зальётся онъ, зальётся онъ
горючьмѝ слезами [2])!

*

Но пѣсня продолжалась въ печатныхъ изданіяхъ: послѣ Трутовскаго, *исключительно*-придворнаго и Потемкинскаго въ своемъ собраніи пѣсенъ, послѣ Шнора, *по большей части* придворнаго, счастливымъ посредникомъ, успѣвшимъ сочетать употребленіе Двора и высшихъ классовъ съ нисшими, а Петербургъ съ Москвою, благодаря долголѣтней дѣятельности издателя и тремъ его изданіямъ (1790, 1806 и 1815), послужилъ въ особенности Прачь, человѣкъ одинаково Потемкинскій и Нарышкинскій. Такимъ образомъ, пѣсня перешла къ XIX вѣку въ слѣдующемъ видѣ. Музыка, въ Петербургскихъ изданіяхъ до 1815 года, та же, съ самыми незначительными измѣненіями въ графикѣ (въ способѣ писанія нотъ): она есть не только для клавесина, клавикордовъ и форте-піано *), но и для гуслей, гитары и арфы; послѣдняя всего интереснѣе была бы музыкантамъ, чтобы воспроизвести вполнѣ пѣсню На-

---

[1]) *Зъ* сокращенно вмѣсто *изъ*, то же что *съ*. — [2]) И та же выноска за 20 стиховъ. — Складъ тотъ же, лишь *на оборотъ*: именно *сперва* 8, а *потомъ* 6 слоговъ по 3.

*) Для инструмента сего, между прочимъ, въ 90-хъ годахъ, аранжирована пѣсня въ Петербургѣ *Себастіаномъ Жоржемъ*: къ сожалѣнію, мы не имѣли случая провѣрить его музыку съ другими изданіями.

рышкиной (къ сожалѣнію, нынѣшніе музыканты Петербургскіе, по смерти послѣдняго Сѣрова, не интересуются ни этою, ни Парашиной-Шереметьевскою пѣснею, предпочитая музыку такъ-называемую „общую“ и „реальную“). Текстъ, также въ Петербургскихъ изданіяхъ, то есть старшихъ и долгое время лучшихъ, оставался неизмѣненъ, слѣдуя одному изъ двухъ вышеприведенныхъ видовъ законченной отдѣлки, вплоть до 20-хъ годовъ нашего вѣка: именно въ 1795, 1797, 1806, 1815, 1820 и т. д. (лишь только два Пѣсенника, 1818 и 1819 г., заняли кое-что изъ Московскихъ, о чемъ ниже).—Нѣкоторыя перемѣны послѣдовали лишь *въ Москвѣ*, частію по отдаленности ея отъ сцены событія (и Горе-богатырь, какъ мы знаемъ, по той же самой причинѣ, для безпрепятственнаго исполненія на театрѣ, испрошенъ былъ—однако же особо *испрошенъ*—Н. П. Шереметевымъ). Перемѣны произошли, впрочемъ, не вдругъ: и этому вѣроятно способствовалъ отчасти переѣздъ героини на житье въ Москву, о чемъ ниже. Съ самаго начала, именно съ 1799 года (пѣсенникъ Рѣшетникова, первый начавшій именовать себя „Московскимъ и Петербургскимъ“), по обычаю, хорошо намъ извѣстному изъ многихъ прежнихъ примѣровъ, испугавшись историческихъ и личныхъ отношеній пѣсни, какъ бы съ ними *не попасться*, печать хотѣла оправдать себя надписью (которая напротивъ гораздо больше и выдаетъ все дѣло наружу), что это пѣсня просто „одной влюбленной героини;“ но, поелику текстъ нѣкоторое время оставляли безъ измѣненій, а въ немъ поминается „царская служба,“ отозвавшая любимца, то прибавляли, что это пѣсня одной супруги, „у которой мужъ былъ на службѣ.“ Разумѣется, это нисколько не измѣняло сущности и прилагалось, если угодно, въ равной мѣрѣ и къ Натальѣ Львовнѣ, даже къ мужу ея (когда, на примѣръ Салогубъ уѣхалъ подъ Очаковъ), а еще больше къ Марьѣ Львовнѣ при отъѣздѣ Потемкина въ „осень Очаковскую“ (ср. выше) или вторично въ 1789 г. Вотъ эти надписи: „*Пѣсня одной женщины*, которой *мужъ былъ въ службѣ*. Голосъ сей пѣсни извѣстенъ всякому (1799, 1803);“ или въ другихъ: „Пѣсня, изъ которой видно, что *влюбленной дѣвушкѣ* безъ милаго всегда горе,“ и т. п. Тогда какъ въ старшихъ пѣсенникахъ Петербурга, по близкому знакомству съ воспѣтыми событіями и лицами, надписей никакихъ не дѣлалось: при наступившей искусственной маскировкѣ, и даже просто съ теченіемъ времени, особенно въ отдаленной Москвѣ, самое дѣло начинало забываться и интересъ къ пѣснѣ предстояло снова пробудить, а съ другой стороны говорить стало безопаснѣе и несравненно свободнѣе. По этому, въ *Москвѣ* же, начали прибавлять надпись, что пѣсня „сочинена *дѣвушкою*,“ и при этомъ именно „*знаменитою особою въ Россіи* (ср. подобные примѣры о Лопухиной, Чернышовѣ, Елизаветѣ, Шереметевой).“ Вотъ надписи сего рода: „Пѣсня сія сочинена знаменитою особою въ Россіи (1813, при Университетѣ, ценс. профес. Двигубскій).“—„Влюбленной дѣвушкѣ безъ милаго всегда горе. Сочиненіе одной знаменитой особы (1818, 20, 22, 25).“ Тогда и въ Пе-

тербургѣ, по Московскому примѣру и по наступившему всепрощающему забвенію, знаменитый „Театральный“ пѣсенникъ (1818) рѣшился сдѣлать такую же надпись — о дѣвушкѣ, знаменитой особѣ въ Россіи.— Любопытно при этомъ, что, указывая *сочинительницу*, притомъ *знаменитую особу*, пѣсенники нашего вѣка *постоянно* помѣщали пѣсню въ числѣ *простонародныхъ*, иногда даже на первомъ мѣстѣ (какъ у Семена): этимъ выразилось доказанное нами двойство ея характера,—на основахъ *народныхъ*, но вмѣстѣ съ историческимъ знаменемъ, приданнымъ рукою *личнаго искусства сочинительницы*.—Рѣшившись на такой шагъ въ надписяхъ, Московская печать вышла на свободу: вмѣсто прежнихъ недомолвокъ представилась возможность—совсѣмъ измѣнить содержаніе и *стереть въ немъ всѣ историческія щекотливыя черты*, которыя могли бы выдать сочинительницу и издателя, а съ другой стороны обойтись съ пѣснею какъ достояніемъ *цѣлаго народа* и ввести ее въ *обиходъ общенародный*. Подъ вліяніемъ сего новаго направленія въ исторіи пѣсни, вмѣсто „боярышни вырвали“ сдѣлали простонародное—„*красны дѣвки сорвали*;“ „*службу царскую*“ выкинули совсѣмъ и кончили отвлеченнымъ, примѣнимымъ ко „всякой“ любви, — „*али онъ осердился на меня*;“ а изъ пѣвицы образовалась при этомъ „*злодѣйка безсчастная*,“ какою могла быть „всякая“ крестьянская дѣвушка или могли такъ назвать ее; и т. п. Въ Петербургѣ, съ 1818 г., послѣдовали снова и этому Московскому примѣру. Не беремся утверждать, на сколько способствовало этимъ измѣненіямъ пребываніе въ Москвѣ самой героини и личное ея вліяніе: замѣтимъ лишь, что оно *совпадало годами*, и *новый* видъ пѣсни, заглаждавшій щекотливое прошлое, не могъ быть непріятенъ знатной и замужней особѣ въ новомъ ея положеніи (ср. выше у Бекетова замѣчательный варіантъ, который могъ быть *лично* сообщенъ пѣвицею любознательному издателю въ 1801—1803 годахъ). Во всякомъ случаѣ, вотъ сей *послѣдній*, *измѣненный* по Московски, видъ пѣсни, самый употребительный на *вторую пору* ея, а съ 1813-го всеобщій до 30-хъ годовъ (отмѣчаемъ измѣненія *курсивомъ*):

3.

(Москва).

По горамъ, по горамъ,
и я по горамъ ходила (2):
Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты,
и я всѣ цвѣты видѣла;
Одного, одного,
одного цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ:

Нѣтъ цвѣта, нѣтъ цвѣта,
ахъ, нѣтъ цвѣта алаго,
Алаго, алаго,
моего цвѣта *любимаго!*

Аль его, аль его
краснымъ солнцемъ выпекло?
Аль его, аль его
частымъ дождемъ вымыло?
Аль его, аль его
желтымъ пескомъ вынесло?
Аль его, аль его
красны дѣвки сорвали,
Сорвали, сорвали,
въ быстру рѣку бросили?

По двору, по двору,
и я по двору ходила:
Всѣхъ гостей, всѣхъ гостей,
и я всѣхъ гостей видѣла;
Одного, одного,
одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
Нѣтъ гостя, нѣтъ гостя,
ахъ нѣтъ гостя милаго,
Милаго, милаго,
моего друга [1]) сердечнаго!

Али мнѣ, али мнѣ
послать было некого?
Али мнѣ, али мнѣ
позвать было не къ чему?
Али мнѣ, али мнѣ
въ своемъ домѣ воли нѣтъ?
Али я, али я
злодѣйка безсчастная?

---

[1]) Вар. „дружка.“

Али онъ, али онъ
40. *Осердился на меня?*

(**Большинство пѣсенниковъ означенной поры, сперва Московскихъ, а потомъ и Петербургскихъ**).

*

Поелику же это печатали уже не со слуха (какъ прежде въ Петербургѣ), а просто перепечатывали другъ у друга, то въ литературѣ, на страницахъ наглядныхъ, легко замѣтили дѣленіе *строфъ* и каждой строфы *ровно на 10 стиховъ*: это и выдержали въ строгости, выкинувъ за то все историческое и щекотливое. Но напѣвъ все-таки держался весьма крѣпко, не измѣняя прежнему, и постоянно прибавляли въ надписи: *„по томно-протяжному своему голосу* (пѣсня) *весьма употребительна,“* или, раньше еще (см. выше) - *„голосъ сей пѣсни извѣстенъ всякому.“* И точно, до 30-хъ годовъ, какъ мы застали еще въ малыхъ лѣтахъ, пѣсня была еще въ значительномъ употребленіи: старые люди сопровождали ее и преданіями, именно о „Нарышкиной,“ хотя *имя* ея знали уже рѣдкіе.

Итакъ, повторяемъ: замѣчательнымъ образомъ, около 40 лѣтъ, по преданію, въ голосовомъ употребленіи и на нотахъ, напѣвъ остался одинаковымъ, какъ вышелъ онъ изъ музыкальной груди пѣвицы. Первый покусился на него и переправилъ *въ Москвѣ*, къ изданію 1833 года, *Д. Кашинъ*, извѣстный, даровитый и ревностный, но такъ называемый „самородный,“ то есть необразованный, а потому невѣжественный и, скажемъ, „дерзкій“ музыкантъ. По чуткости своей и таланту, онъ остановился въ особенности на этой замѣчательной пѣснѣ, но тѣмъ было хуже для нея: прелагатель измыслилъ для нея цѣлую партитуру въ 4 голоса, гдѣ трудно уже узнать подлинникъ. Впрочемъ, Кашинъ по крайности такъ или иначе „относился“ къ народному напѣву или къ употребительному голосу, и былъ въ семъ отношеніи *послѣднимъ*: а послѣ него, какъ извѣстно, прелагатели и издатели брали обыкновенно только *печатный рисунокъ прежнихъ нотъ*, фантазируя и варіируя на этомъ конькѣ по своему произволу. Объ этихъ господахъ не стоитъ и говорить. Новѣйшіе же, современники наши, попятились еще глубже: они либо записываютъ съ голоса фабричнаго и трактирнаго, либо къ какому ни будь „Сизенькому пѣтуну“ придѣлываютъ Баховскую гармонію. Отъ нихъ ускользаютъ пѣсни Нарышкиныхъ и Шереметевыхъ.

***

Съ тѣхъ поръ, какъ 1789-мъ годомъ прервалась—чтобы кончиться—занимающая насъ исторія Марьи Львовны, первой любви ея, питавшейся взаимностію, и первой пѣсни, завершенной послѣднимъ словомъ „прости:" исторія самого Потемкина, лишенная всего этого, теряетъ для насъ занимательность въ данномъ случаѣ. Мы ограничимся въ ней самыми краткими чертами, для перехода къ дальнѣйшему.

„— Какое меланхолическое время!...." — Такъ говорила Екатерина 5-го Мая 1789 года, наканунѣ ранняго отъѣзда Князя къ войску. „Это изъ семидневнаго рапорта губернаторскаго, и сказано," прибавляетъ Храповицкій, „въ отношеніи къ собственному безпокойству." Пробужденный, и даже слишкомъ отрезвленный суровою дѣйствительностію послѣ сладкаго сна, герой получилъ для предстоящихъ новыхъ подвиговъ все, что только можно было ожидать со стороны *государыни*, отъ блестящихъ подарковъ до обильнѣйшихъ средствъ и неограниченныхъ полномочій. Своими дѣйствіями онъ оправдалъ вполнѣ возложенныя на него надежды: свидѣтелями послужили Галацъ, Фокшаны, Рымникъ, Салча, воды Чернаго моря, Кубань, Килія, Тульча, Исакча, Измаилъ. Но, оставляя Петербургъ, онъ не оставилъ за собою того торжества, какимъ заключился нѣкогда 1786-й годъ: въ его отсутствіе скоро женился и удалился отъ Двора Мамоновъ, человѣкъ единственный, на кого могъ разсчитывать Князь въ своемъ вліяніи; тѣмъ же лѣтомъ 89-го года поднялся временщикъ Зубовъ. Черезъ чуръ долго, почти цѣлыхъ два года, Потемкинъ отсутствовалъ: того требовали дѣла военныя, другаго и не дозволялось. По прежнему ли, какъ подъ Очаковымъ, одушевлялъ безстрашнаго героя подъ Бендерами пылъ религіозный и твердилъ ли онъ передъ образомъ „Господи помилуй," или носился еще предъ нимъ образъ существа покинутаго, чтобы скоро склонить къ нему на всегда голову, „лавромъ нагбенную," какъ пророчилъ Державинъ: но достовѣрно одно то, что въ Яссахъ, въ безнадежности будущаго, среди пышныхъ пировъ, громкой музыки и пѣвческихъ хоровъ, удаленный царедворецъ топилъ и заглушалъ не одну эту память, не одну эту утрату. Не затрудненная любовь, не поколебленная дружба, а пресѣченный путь и навыкъ давнихъ страстей, съ ихъ придворными успѣхами и политическими вліяніями, вотъ что ввергаетъ подобныя лица въ отчаянный разгулъ и въ реакцію подогрѣтой—тѣмъ хуже что замирающей—страстной вспышки *). Отпечатанная нынѣ переписка Потемкина съ государыней за это время **) свидѣтельствуетъ

---

*) Къ этому-то времени относится въ особенности помянутая роль г-жи де Витть: печатныя Записки Энгельгардта, разсказъ Н. И. Надеждина въ брошюрѣ „Св. кн. Таврическій," изданіе г. Грота т. I, стр. 335, 477.

**) Старше у В. Каменскаго; съ подробностію у г. Лебедева — Матеріалы Графи Панины; еще подробнѣе въ разсказѣ г. Грота при изд. Державина т. I, стр. 599 и дал.

о начинавшемся душевномъ разстройствѣ его. „Матушка родная,“ писалъ онъ издалека: „лишась сна и пищи, я хуже младенца;“ „ежели моя жизнь чего ни будь стóитъ,“—такъ ставилъ онъ вопросъ свой, чувствуя приближеніе рѣшительной минуты. — Напрасно успокоивала его государыня, свидѣтельствуя о расположеніи къ нему Зубовыхъ: „Они всѣ люди добросердечные, mais la perle de la famille selon moi c'est Platon lui-même qui est d'un caractère vraiment aimable.“—Ссылка на „несказанную слабость“ и видимое всѣмъ „изнуреніе,“ отъ „новостей со всѣхъ сторонъ“ изъ Петербурга, могла быть предлогомъ къ отставкѣ, но въ письмахъ полководца, умолявшаго симъ о возвратѣ въ Петербургъ, не предвѣщала той тактики, съ какою, бывало, стоило лишь появиться рѣшительному Любимцу Счастія, чтобы разсѣчь всѣ Гордіевы узлы. Дозволеніе было дано: 28-го Февраля 1791 года пріѣхалъ Князь въ Петербургъ, и доказалъ,—что либо въ первый разъ измѣнилъ прежней придворной тактикѣ, либо не имѣлъ уже силъ для потребной тактики новой и безплодно истощалъ въ ней послѣднія слабѣющія. Такъ растеряться, какъ растерялся боецъ на сценѣ, столь знакомой ему прежде, растеряться до конечной крайности — нельзя ни по какимъ стороннимъ вліяніямъ: особенно при извѣданномъ, дружескомъ расположеніи со стороны государыни, которое засвидѣтельствовано единогласно современниками до самого 89-го года *) и которое всегда могъ возвратить себѣ герой, еслибъ еще хотѣлъ и умѣлъ. Но воля его направлялась не нормально, а умѣнье, свойство состоянія спокойнаго, по видимому совсѣмъ его оставило. Такъ мститъ лишь человѣку въ *собственномъ* сердцѣ—по преимуществу любовь *оставленная*: измѣна, хотя бы не сознанная, но тѣмъ хуже для совѣсти неусыпающей. „Спокойствіе мое во мнѣ,“ указывалъ вó время „Любимцу Счастія“ поэтъ, и какъ скоро спокойствіе это разрушилось внутри, и Державинъ вспоминалъ о томъ послѣ при новомъ плачевномъ образѣ „Горе-богатыря,“— оно превратилось въ тревогу и безтактность всѣхъ внѣшнихъ поступковъ. „Амуръ безъ перьевъ—нетопырь, Едва вспорхнетъ—и носъ повѣситъ:“ слишкомъ прозрачная картина для портрета тому, кто покинулъ, ради обстоятельствъ, истинную любовь какъ вспышку, и хотѣлъ послѣ напряженнымъ усиліемъ воскресить въ себѣ самомъ и въ другихъ огонь давно погасшій. Скоро, черезъ двѣ почти недѣли по пріѣздѣ, но слишкомъ поздно послѣ двухъ лѣтъ, спохватился Князь о дѣлахъ, оставленныхъ имъ нѣкогда въ Петербургѣ безъ разсчета и рѣшенія; вспомнилъ и объ Мамоновѣ: „Князь сердитъ на Мамонова, за чѣмъ, обѣщавъ,

---

*) Свидѣтельства Державина, Сегюра и въ разговорахъ съ симъ послѣднимъ умиравшаго императора Іосифа см. выше. Щербатовъ, въ помянутомъ сочиненіи „О поврежд. прав. въ Россіи“ („Р. Стар.“), около 1789 года, выражается о Потемкинѣ — „бывшій любимецъ, а оставшись всемогущимъ другомъ....“

его не дождался и оставилъ свое мѣсто глупымъ образомъ (X—кій подъ 17 Марта 91-го).“ Съ тѣхъ же чиселъ у Храповицкаго повторяются строки, знакомыя намъ по 89-му году: „Нездоровы, лежали, спазмы.... Всѣмъ скучаетъ, малое вниманіе къ дѣламъ,“ и т. д. Князь является во дворецъ (Апрѣля 9-го), чтобы оттуда итти „на исповѣдь:“ „прибѣжище несчастныхъ,“—по невольному сознанію самого Вольтера. Между тѣмъ другой не дремлющій мудрецъ, хотя и не Фернейскій Платонъ, открываетъ убѣжище всѣмъ у себя, людямъ же близкимъ къ Потемкину, а подавно прочимъ, не совѣтуетъ вовсе ходить къ прежнему Любимцу, у котораго на вѣрно ничего не найдутъ они („Записки“ Державина). Постепенно, лица всѣ отвращаются; въ свою очередь лицо, напрасно искавшее себѣ уединенія прежде, оказывается теперь одиноко, въ ту пору какъ тревожно начинаетъ искать вокругъ. Общества ему не существуетъ: Потемкинское рушилось. Къ неудовольствіямъ примѣшивается политика, въ неблагопріятныхъ слухахъ. „Надобно знать,“ дополняетъ Державинъ въ „Запискахъ,“ „что въ сіе время крылося какое-то тайное въ сердцѣ императрицы подозрѣніе противъ сего фельдмаршала: по истиннымъ политическимъ какимъ, замѣченнымъ отъ Двора причинамъ (ср. ниже), или по недоброжелательству Зубова, какъ носился слухъ тогда, что Князь, поѣхавъ изъ арміи (въ П—гъ), сказалъ своимъ приближеннымъ, что онъ нездоровъ и ѣдетъ въ П—гъ *зубы дергать* (остроуміе прежнее, оказавшееся теперь преждевременнымъ хвастовствомъ).... Великій Суворовъ, но, какъ человѣкъ со слабостями, изъ честолюбія ли, изъ зависти, или изъ истинной ревности къ благу отечества, но только примѣтно было, что шелъ тайно противъ „неискуснаго“ своего фельдмаршала.“ Въ самый Свѣтлый Праздникъ среди Эрмитажа оказана была виновнику его процвѣтанія невнимательность: „опослѣ сіе объяснилось,“ говоритъ тотъ же Державинъ, „и было ни что иное, какъ поддразниваніе или толчекъ Потемкину... Князь, узнавъ сіе, не вышелъ въ собраніе (Эрмитажное) и, по обыкновенію его, сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постелю.“ Пріемъ старый, давнишній: однако же и его Князь уже не выдержалъ. „*Однако же*,“ продолжаетъ поэтъ, „въ исходѣ Ѳоминой недѣли, т. е. 28-го Апрѣля, далъ извѣстный великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ своемъ домѣ.“ Это было достойное заключеніе всему предыдущему: писатели наши разсыпаются въ мелкихъ подробностяхъ о торжествѣ семъ, но всякой не-писатель скорѣе замѣтитъ здѣсь полное паденіе, и по преимуществу нравственное. Никогда еще никакой простой, частный и обыденный, человѣкъ не обманывалъ себя такъ добровольно ложнымъ разсчетомъ на торжество, какъ здѣсь этотъ „исполинъ XVIII вѣка,“ по единственному счастливому выраженію одного біографа. Какого блеска и наряда, чего только не надѣвалъ онъ на покои свои, на людей, на себя, на все прошлое свое и чужое, на таланты собственные и артистическіе, чтобы вышло нѣчто удивительное и, главнымъ образомъ, трогательное для посѣтителей! Какъ не укра-

шался и не рисовался самъ, до послѣднихъ „румянъ“ въ подкраску устарѣвшаго образа! Отъ великаго до смѣшнаго подлинно одинъ шагъ. Державинъ, самъ воспѣвшій при семъ случаѣ и самъ пѣтый на празднике, почувствовалъ также возможность шагнуть до смѣшнаго: онъ сочинилъ особые стихи „на *любовныя исканія*“ или „на любовныя привѣтствія Князя П. Т. во время торжества *).“ Впослѣдствіи, маскируя по обычаю и желая быть мягкимъ изъ деликатности предъ тѣнью умершаго, онъ назвалъ его „Анакреономъ въ собраніи:“ но. отъ этого не легче стало герою, превратившемуся въ Анакреона. „Нѣжный, нѣжный воздыхатель, О пѣвецъ любви и нѣги! Ты когда бы лишь увидѣлъ Столько нимфъ и столько милыхъ,—Безъ вина бы и безъ хмѣля Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился... И душа бъ твоя томилась, Уязвленная любовью:“ ибо, намъ извѣстно по другимъ словамъ поэта,—ты нетопырь, амуръ безъ перьевъ. „Лишь Паллады щитъ небесный Утолилъ бы твои вздохи,“ такъ кончаетъ стихотворецъ. Но и щитъ Минервы не могъ уже защитить героя отъ его собственнаго разстройства. Государыня все время была особеннно привѣтлива и милостива къ Потемкину, осыпая его наградами **). Тѣмъ не менѣе, праздникъ ничего не принесъ Князю новаго, ни возвратилъ бывшаго: непосредственно, съ первыхъ же чиселъ Мая, Храповицкій свидѣтельствуетъ о нездоровьѣ государыни, во дворцѣ нѣтъ пріемовъ и бесѣдъ, хотя секретарь опять потѣетъ надъ недоумѣніемъ, замѣчая—„но ходили по утру цѣлый часъ въ саду.“ Князь вынужденъ былъ понять свое положеніе и спустился изъ него туда, гдѣ никто еще не видалъ его въ прошломъ: „Князю при Дворѣ тогда очень было плохо,“ пишетъ Державинъ, спускаясь отъ смѣха къ сожалѣнію. „Злоязычники говорили, что будто онъ часто пьянъ напивается, а иногда какбы сходитъ съ ума,—заѣзжая къ женщинамъ, почти съ нимъ незнакомымъ, говоритъ несвязно всякую нелѣпицу.“ Другіе

---

*) Изданіе г. Грота.—Стихи „вставлены“ въ „Описаніе“ праздника, сочиненное поэтомъ: но такъ какъ самое „Описаніе“ напечатано цѣликомъ уже въ 1792 году, по смерти Потемкина, то вѣроятно и Анакреонъ вставленъ лишь тутъ, при печатаніи.

**) На самомъ Таврическомъ праздникѣ, она „изъявила признательность свою П—ну, который съ благоговѣніемъ палъ на колѣна передъ нею, схватилъ ея руку, оросилъ оную слезами, нѣсколько минутъ держалъ съ особливымъ душевнымъ умиленіемъ.“ Б. Каменскій въ біографіи, стр. 220. Это изъ „Описанія,“ напечатаннаго Державинымъ, который кончаетъ: „Тако оставляла божественная Минерва сына Улиссова (изд. г. Грота, стр. 418, 419).“ „П—нъ, провождая монархиню, въ залѣ купольной еще повергся къ ногамъ ея и, казалось, что болѣе прежняго былъ тронутъ. Многіе чувствительность сію сочли за предчувствованіе близкой смерти. Онъ видѣлъ монархиню въ послѣдній разъ въ своемъ домѣ. Сама императрица была тронута до слезъ при семъ прощаніи (тамъ же).“

свидѣтельствуютъ напротивъ, что „во все послѣднее время пребыванія своего въ П—гѣ онъ поражалъ своею глубокою задумчивостію и необычайною кротостью (ср. изд. г. Грота, т. I, стр. 451).“ Какъ бы то ни было, все призывало его въ Молдавію, а онъ засѣлъ въ П—гѣ, и по обычаю, намъ знакомому, и даже сверхъ обычая, не трогался съ мѣста. Екатерина „давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала отъѣзда П—на, но онъ медлилъ. Наконецъ положено было объявить ему о томъ приказаніе.... Императрица рѣшилась отдать приказаніе лично и сама посѣтила его съ этою цѣлью. Онъ принялъ изъявленіе воли ея безпрекословно (тамъ же)*)“. „Въ сіе время, заключаетъ Д—нъ, безъ его согласія княземъ Репнинымъ съ Турками миръ заключенъ (рѣшеніе о мирѣ было уже извѣстно Петербургу въ принципѣ): это его больше убило.“ Не дождавшись самого трактата, который еще больше уронилъ бы его въ Петербургѣ, столь же рано какъ въ 89-мъ году, „24-го Іюля отправился изъ Царскаго Села кн. Потемкинъ, въ 5 часовъ утра, по Бѣлорусской дорогѣ (Х—кій).“ — Съ этой минуты, и только съ этой, онъ снова былъ великимъ; безупречно вѣрный Россіи и своей государынѣ, поѣхалъ онъ умирать „средь степей,“ и умеръ подъ открытымъ небомъ: какъ умерло столько крупныхъ людей Россіи,—вдали отъ заслуженныхъ почестей; среди родныхъ безбрежныхъ пустынь, какъ умирали многіе богатыри нашего эпоса, слова и мысли; почти безъ родныхъ по крови и по сердцу (за исключеніемъ Браницкой, этой неизмѣнной сподвижницы подвижника, и С. Ѳ. Голицына), какъ умираютъ всѣ великіе люди, вручая свою душу не близкимъ современникамъ, а достоянію будущей исторіи. Въ послѣдній разъ остановился предъ симъ заключительнымъ актомъ вдохновенный поэтъ, созерцая величавое, невольно поражавшее зрѣлище въ „Водопадѣ:“ остановился—и поспѣшилъ ликвидировать прежніе счеты, передѣлывая стихотворенія, писанныя къ Потемкину, стирая или измѣняя цвѣтныя краски, ссылаясь на „хмель“ въ излишествахъ, маскируя рѣзкости и пополняя прежніе пробѣлы для печати, въ ряду послѣдующихъ изданій, о чемъ уже не разъ говорили мы выше.

Наслѣдники, не мѣшкая, заспорили о наслѣдствѣ. Много предположеній писано о смерти князя. Родственникъ покойнаго, М. С. Потемкинъ посланъ былъ на мѣсто кончины разбирать дѣла и счеты: вскорѣ „получено извѣстіе о странной смерти его...“ „Смерть сего коммиссіонера оставила дѣло безъ конца.“ Какъ у всѣхъ, главный секретарь оказался „плутомъ“ и спасся, говоритъ Х—кій, лишь „по счастію.“ Онъ

---

*) Послѣднее посѣщеніе это, сближенное съ послѣдними словами пѣсни, насъ занимающей, и надпись ея о сочиненіи „знаменитою особою“—подали поводъ предполагать, что пѣсня сочинена самой Екатериною, подобно пѣснямъ Елизаветы, Лопухиной и т. п.: но мнѣніе это, слышанное нами въ послѣдніе годы, опровергается какъ несообразность всѣмъ нашимъ изслѣдованіемъ

привезъ съ собою оставшіяся бумаги: „Искали какой-то пьесы кн. Потемкина (X—кій) *.“ Екатерина выразила глубокую скорбь не столько громкимъ признаніемъ заслугъ покойнаго, сколько тѣми горячими, частыми слезами, какія видѣлъ одинъ только ближній секретарь, Храповицкій. И продолжалось, и возобновлялось это не разъ. Уже 4-го Декабря, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, „вдругъ прыснули слезы при чтеніи письма изъ Яссъ:“ конечно это былъ лучшій памятникъ герою. Одинъ Платонъ радовался; другой, подлинный наслѣдникъ Греческаго, писалъ къ Амвросію: „Опочи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ; древо великое пало; былъ человѣкъ необыкновенный.... Я объ немъ пожалѣлъ отъ глубины сердца: не только въ разсужденіи бывшей съ нимъ дружбы и многихъ одолженій, но и въ разсужденіи *союза общественнаго* **).“ Это *второй* человѣкъ послѣ Сегюра, оцѣнившій въ покойномъ таланты общественные. Близко подходитъ къ сему и отзывъ современника въ рукописи, прибавляя еще замѣчательную черту, что смерть героя не сопровождалась ни местію никому, ни зломъ: „Палъ сей огромный дубъ, коего вѣтви утѣсняли (утѣняли?) Россію, касаясь чуждыхъ странъ, либо благотворя своею сѣнію, или заслоняя. Пало, и въ своемъ падении не раздавило ни одного птенца, то огромное тѣло.... (изд. г. Грота, стр. 455).“

Потекли года въ забвеніе прошлому. Всѣ, ближе обстоявшіе „Горе-богатыря,“ быстро удалялись со сцены. Державинъ уклонялся отъ поэзіи въ статсъ-секретари для докладовъ государынѣ. Императрица обратилась съ новой ревностію къ исторіи и археологіи: она такъ же велика здѣсь, какъ во всемъ. Успѣлъ оправдать антипатію Потемкина и бывшій посѣтитель Эрмитажа, на голову разбитый Шведами Нассау-Зигенъ: а за нимъ, Марта 5-го въ 92-мъ году, застрѣленъ и невинный виновникъ сценической маскировки, Густавъ III-й. Въ 93-мъ году „окончилъ службу при Дворѣ“ послѣдній свидѣтель драмы, Храповицкій. Одна Марья Львовна Нарышкина осталась съ тайною раной разбитаго сердца, неизмѣнно, еще на долго, на десятокъ лѣтъ: и пережила ихъ, чтобъ послѣ коротать вѣкъ свой *третьей* женою „пожилаго“ супруга.

Ея не видали мы за послѣднее время: и естественно, ибо здѣсь не мѣсто уже было этому высокому, поэтическому образу. Графъ Эстергази, пріѣхавшій къ намъ изъ Франціи слишкомъ поздно ***), чтобы знать о былыхъ отношеніяхъ князя, но успѣвшій еще наслушаться о душевномъ состояніи его въ послѣдніе годы предъ кончиной, писалъ къ женѣ изъ Петербурга: „Императрица ни разу не выходила, Эрмитажа не было, она даже не играла въ карты.... Изъ этого однако не

---

*) Критика на Іосифа и Марію Терезію при этомъ найдена (X—кій).

**) „Письма“ Платона, М. 1870.

***) Въ первыхъ числахъ Сентября 1791 года (за мѣсяцъ до кончины П—на) съ просьбою о помощи павшему королю. Во Францію вернуться уже не могъ.

слѣдуетъ, чтобы *всѣ* были слишкомъ огорчены. Многіе, какъ слышно, весьма довольны разрушеніемъ этого колосса.... Никто не станетъ отрицать въ немъ обширныхъ, геніальныхъ способностей, приверженности къ монархинѣ, радѣнія о государственной славѣ. Но ему ставятъ въ упрекъ его лѣность, нарушеніе заведенныхъ порядковъ, страсть къ богатству и роскоши, чрезмѣрное уваженіе собственной личности и разныя причуды, до такой степени странныя, что иной разъ рождалось сомнѣніе, въ здравомъ ли онъ умѣ (ср. выше Д—на о послѣднемъ пребываніи въ П—гѣ). *Отъ всего этого онъ скучалъ жизнью и былъ несчастливъ;* и ты легко поймешь это, моя милая: *онъ не любилъ ничего* *)." Дѣйствительно, уже не любилъ онъ *ничего* въ послѣдніе два года свои: но точно ли не любилъ *никого* и *кого* любилъ передъ симъ, могъ бы разсказать Сегюръ, если бы не состоялъ тогда подъ арестомъ и еслибъ самъ Эстергази могъ его выслушать, не побоявшись вернуться изъ Россіи въ измѣнившуюся Францію. А безъ Сегюра могъ бы разсказывать въ Сѣверной Пальмирѣ развѣ Державинъ, когда бы могъ и осмѣлился: но, какъ онъ путался тогда между поэзіей и службой, сейчасъ увидимъ.

Съ появленія своего въ Петербургѣ для кандидатскихъ „исканій" и особенно со вступленія въ новую „дѣйствительную" службу, въ теченіе 90-хъ годовъ, Державинъ естественно относился всего ближе и чаще, въ жизни, по службѣ и стихамъ, къ *А. В. Храповицкому*, безпрерывному спутнику нашего изслѣдованія. Связанный взаимною дружбою и обоюднымъ уваженіемъ, въ Храповицкомъ имѣлъ онъ неизмѣннаго цѣнителя, сильную поддержку предъ государыней, ревностнаго предстателя, а главное — безпристрастнаго и ежедневнаго свидѣтеля собственному неловкому положенію и неудачамъ. Рядъ стихотвореній, которыми обмѣнялись оба за разбираемую эпоху, слишкомъ достаточно проливаетъ сюда свѣтъ **). Сущность ихъ, со стороны Державина, состоитъ въ томъ, что, сознавая до извѣстной степени свои затрудненія, онъ „оправдывается"—передъ другомъ, черезъ него передъ потомствомъ, а главное—передъ собою и собственной совѣстью, если не угрызавшей, то все-таки напоминавшей: оправдывается существенно не въ винѣ, а въ той же „правдѣ," понятой по своему. Человѣческую правду, весьма сильную въ натурѣ Державина, стремился онъ возвести въ гражданскую, гражданскую облекалъ въ правосудіе, правосудіе хотѣлъ примѣнять непремѣнно на службѣ, службу по обстоятельствамъ усиливался „продолжать" до статсъ-секретаря и высшихъ должностей, а на вершинѣ этого считалъ себя юристомъ и въ заключеніе полагалъ, что та-

---

*) „Осмнадц. вѣкъ" г. Бартенева, I, два письма, 420—427.

**) Подлинники во всей обстановкѣ можно найти въ изданіи г. Грота: ч. I стр. 541—46, ч. II стр. 45—52, дополнит. примѣч. во II и III томѣ, а въ послѣднемъ еще Державинскія „Объясненія." Здѣсь и повѣряются съ подробностію наши извлеченія или ссылки.

кимъ общимъ ходомъ дѣятельности стяжалъ себѣ полное право на самое лучшее положеніе въ жизни: между тѣмъ, естественно встрѣчавшееся несоотвѣтствіе или столкновеніе между сими ступенями отъ перепрыжекъ по лѣстницѣ, а равно несовмѣстимость всего этого съ жизнію и въ особенности со стихами, съ ихъ содержаніемъ по вдохновенію и по необходимости, вотъ что желалось Державину примирить своимъ оправданіемъ. Итакъ, оправданіе попеременно простирается: на то, что онъ служитъ, ради необходимости жить или оказать правосудіе страждущимъ; на то, что терпитъ по службѣ, изъ за той же рѣзкой правды; на то, что „весьма рѣдко занимается поэзіею,“ о чемъ твердилъ другъ и къ чему склоняла сама проницательная императрица (ср. выше), а это опять ради службы, ибо „отправлялъ прилежно свою должность;“ на то, что не расточаетъ хваленій, къ которымъ всѣ будто бы вызывали, а это изъ за правды, именно „какъ ни старался онъ, не въ состояніи былъ произвести ничего достойнаго“, ибо „не могъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ. когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями,“ хотя изъ за этого терпѣлъ будто бы нападки по службѣ и обратнымъ способомъ дѣйствія снискалъ бы великія награды; на то, что изъ стиховъ своихъ не вычеркивалъ нѣкоторыхъ похвалъ, чего требовалъ даже другъ (напр. похвалъ Потемкину и Зубову), а это изъ за правды похвалъ, хотя она была неумѣстна по обстоятельствамъ; на то, что не признавалъ себя „орломъ“ въ поэзіи, какимъ честилъ его пріятель, ибо не рѣдко путался въ путахъ изъ за правды же; на то, что дѣлалъ въ правду промахи и ошибки, а за нихъ терпѣлъ, но дѣлалъ ихъ именно „въ правду,“ стремясь къ правдѣ и оставаясь правымъ; на то. наконецъ, что не оставался правымъ, ибо не могъ обрѣсти правды и вопилъ — „Гдѣ чертогъ найду я правды, Гдѣ увижу солнце въ тьмѣ?... Страха связаннымъ цѣпями И рожденнымъ подъ жезломъ, Можно ль орлими крылами Къ солнцу намъ парить умомъ?... Рабъ и похвалить не можетъ, онъ лишь можетъ только льстить,“ и т. д. Очевидно, что въ этомъ легко было запутаться всякому, а еще больше при тогдашнихъ обстоятельствахъ Д—на и среди той эпохи. На самомъ же дѣлѣ, помимо путаницы, искусственно и добровольно созданной: Державинъ и могъ не служить, и служилъ по возможности съ успѣхомъ; терпѣлъ неудачи, но порядочно и награждался, и сколачивалъ малую толику; и написалъ много — съ хваленіями и безъ оныхъ; и сознавалъ себя передовымъ поэтомъ, будучи таковымъ въ дѣйствительности, и дѣйствительно былъ шероховатъ, тяжелъ или искуственъ (сочиняя даже „по программамъ,“ которыя послѣ терялъ или забывалъ, а потому путался въ „объясненіяхъ“); и приближался къ идеалу, и творилъ невообразимые промахи; и чувствовалъ ихъ, а отъ нихъ внутреннюю неловкость, и никакъ не хотѣлъ сознаться; и бывалъ часто правъ, простирая правду свою до рѣзкихъ выходокъ, и хитрилъ весьма намѣренно, хотя неуклюже, маскируя усердно, отмалчиваясь упорно. Весь этотъ агломератъ предста-

етъ намъ въ жизни, дѣятельности и стихотвореніяхъ Державина со всею яркою наготою, цѣльнымъ самородкомъ. Знаменемъ же на верху этой громады выставилось нѣсколько лозунговъ, въ стихотвореніяхъ къ тому же Храповицкому: „Ты самъ со временемъ осудишь Меня за мглистый ѳиміамъ, За правду жь чтить меня ты будешь, Она любезна всѣмъ вѣкамъ.... За слова меня пусть гложетъ, За дѣла сатирикъ чтитъ.“ Эта шапка, приходившаяся въ пору одному только Державину и способная прикрыть одного лишь его, взята была впослѣдствіи предметомъ изслѣдованія,—есть ли это законъ и кодексъ закона для поэтовъ вообще, для Русскихъ въ частности, и породила, какъ извѣстно, прекраснѣйшія страницы у Пушкина, Гоголя и Жуковскаго. Само собою разумѣется, сколько ни высказали тутъ дѣльнаго и остроумнаго о призваніи поэта, о примѣненіи поэзіи къ практикѣ, объ отношеніи къ достоинству человѣка и требованіямъ гражданскимъ, — все это шло прямо къ поэтамъ *вообще* или къ Русскимъ *въ частности*: Державинъ, какъ лицо, соединяющее общее съ частнымъ, остался тутъ ни при чемъ или, лучше, онъ одинъ и остался подъ этою шапкой особнякомъ, она одна и осталась шапкою вдохновеннаго мурзы. Лозунгъ его знали и давнѣе: вызванные предлогомъ повторявшейся безпрестанно „правды,“ Дмитріевъ и Капнистъ задумали было, какъ извѣстно, „переправить“ Державинскую массу на лучшую колодку, „выправить“ въ ней стихи и поэзію, вытюжить и навести лоскъ или, какъ говорятъ у насъ на фабрикахъ, „напустить ворсу и пропустить черезъ голандеръ.“ Присутствовавшій при этомъ, какъ предметъ обработки, Державинъ лопнулъ терпѣніемъ и разумно возразилъ, что это значило бы пережить ему прожитую жизнь иначе и за ново. Пожалуй, можно бы представить, что онъ сошелъ бы внизъ по той лѣстницѣ, которую предъ симъ мы очертили, и сошелъ бы по всѣмъ ступенямъ. Быть можетъ, плодъ былъ бы самый лучшій: но то не былъ бы уже Державинъ, а всего менѣе Русскій, Историческій и въ эпоху Екатерины. Этого не желательно, ибо мы лишились бы Державина. Но, при всемъ томъ, нельзя не сознаться, что Державинъ — какъ Русскій человѣкъ, Державинъ поэтъ по призванію, Державинъ — какой есть — стихотворецъ и словесникъ, Державинъ частный обыватель, общественное лицо и гражданинъ, Державинъ нравственное существо и правдолюбецъ, — а вмѣстѣ юристъ, статсъ-секретарь, чиновная и знатная особа, историкъ обстоящаго вѣка и придворный: это вещи, отнюдь не совмѣщавшіяся практически. Чѣмъ менѣе онъ былъ практикомъ,—а кто же былъ его менѣе,—тѣмъ болѣе желательная практика резюмируетъ, кажется, свои выводы такъ: въ 1789 году перестать бы ему отыскивать свои права и служить, не итти бы ко Двору, зажмуриться на все представительное и — остаться бы единственно поэтомъ, среди частной жизни, окружающаго общества и особенно среди народнаго быта, къ которому имѣлъ Державинъ и вкусъ такой, и привычку, и тактъ, и любовь, – отъ румяной каши съ майскимъ молокомъ до народной пѣсни. Это очень просто, но и всего было

бы проще для цѣлесообразности: мы получили бы Званку раньше, но плоды ея уцѣлѣли бы прочнѣе. Можно наконецъ еще упростить выводъ, пользуясь собственнымъ лозунгомъ поэта, съ маленькимъ лишь измѣненіемъ, именно употребивъ названіе „мундира“ вмѣсто служебныхъ „дѣлъ“ Державина, а подлинное и собственное его дѣло признавши въ его „стихахъ:“

За мундиръ меня пусть гложетъ,
За стихи сатирикъ чтитъ.

Стихами онъ выросъ, стиху остался вѣренъ по гробъ и въ стихѣ былъ вѣренъ себѣ, всему своему лучшему Державинскому, иногда вопреки себѣ, вопреки худшимъ сторонамъ своимъ, и за стихъ же его вѣчно почтитъ великимъ всякая критика, не взирая на всевозможные недостатки и не допуская сатиры. Мундиръ же, во всѣхъ его видахъ, цвѣтахъ и покрояхъ, до самыхъ утонченныхъ и одухотворенныхъ, не шелъ къ Державину: какъ онъ ни примѣривался, выходило то же, что другу его Льву Александровичу быть полководцемъ и министромъ, Пушкин губернаторомъ, Гоголю статсъ-секретаремъ, Жуковскому юрисъ-консультомъ. Державинъ въ роковомъ мундирѣ своемъ былъ возможенъ только въ ту эпоху, при тѣхъ обстоятельствахъ Екатерининскаго вѣка и быта: и вмѣстѣ, по эпохѣ, по обстоятельствамъ и по вѣку Екатерины, при Дворѣ ея, былъ просто невозможенъ. Это не противорѣчіе: онъ былъ точно *возможенъ* — по теоріи, возможенъ, ибо личная воля, а скорѣе упрямство, превозмогли и до извѣстной степени оправдались нѣкоторымъ успѣхомъ; но въ то же время, на практикѣ такой мундирный Державинъ оказывался *невозможнымъ*, жизнь трещала подъ нимъ и не въ мочь было съ нимъ справляться, а отсюда всѣ неудачи его ради такъ называемой правды, до мозга костей теоретической. При первомъ соприкосновеніи съ чѣмъ либо подлинно-практическимъ, Державинъ дѣлался невыносимъ почти: по натурѣ тихій, кроткій и терпѣливый, тутъ—подъ мундиромъ—онъ со всякою практическою сферою не встрѣчался, не сходился, не сближался, не единился, а непремѣнно сталкивался, сшибался и расталкивался. Возьмемъ самый мирный рубежъ встрѣчи, отношенія къ Храповицкому. Мягкій, радушный и сносливый, услужливый хлопотунъ и ревностный служака, незлопамятный и памятливый на добро, умѣвшій смолчать и выиграть безъ ущерба чести, воображаемъ и знаемъ, какъ бился Храповицкій съ любимымъ своимъ другомъ: то напоминая объ немъ при Дворѣ, то видя, какъ самъ онъ портитъ себѣ службу, то отстаивая и защищая его, то склоняя немножко смягчить „правду,“ или умѣрить несвоевременныя „похвалы'“ и т. д. Въ собственномъ домѣ Державину дѣлали „сцены,“ упрекая его за потери на службѣ „изъ за мнимой правды“ или же семейными внушеніями вовлекая въ дѣйствительную „неправду:“ и это было такъ извѣстно, что сама Екатерина разсуждала о вліяніи домашнихъ дѣлъ поэта на службу („Записки“ Д—на и Х—го). Но, когда все

это становилось еще лицомъ къ лицу передъ тогдашнимъ Дворомъ и самъ Державинъ являлся туда „по дѣламъ“ собственною особою, онъ просто, повторяемъ, былъ невозможенъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, послѣ первыхъ представленій, оставившихъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе при Дворѣ, выслушавши тамъ порядочные уроки и совѣтъ черезъ Храповицкаго, чтобы „писалъ стихи (см. выше),“ а со временемъ надѣялся на „мѣсто,“ другой остановился бы здѣсь, довольный срывомъ сердца своего въ „Эвтерпѣ“ и въ „Одѣ на счастье,“ по крайности выжидалъ бы послѣдствій. Державинъ напротивъ, узнавъ о могуществѣ Зубова, стучится безпрестанно къ сему послѣднему и, получая отказы въ пріемѣ („Записки,“ ср. выше), приходитъ къ выводу: „не оставалось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту;“ то есть, непосредственно же за симъ, ко дню коронованія въ Сентябрѣ, онъ пишетъ „Изображеніе Фелицы“ и, снискавши благосклонность, проникаетъ черезъ то къ Зубову. Ни злоупотребленія со стороны сего послѣдняго, о которыхъ по Петербургу ходили неблаговидные слухи и о которыхъ даже Храповицкій, при всей своей мягкости, отзывается рѣзкими выраженіями, ни огласившіеся поступки отца Зубова, не возмущаютъ и не отвращаютъ поэта: онъ радъ, что ходитъ къ обоимъ, старику и сыну, хотя имъ же приписываетъ двухлѣтнюю задержку въ достиженіи „мѣста“ (стр. 612 по изд. г. Грота). Но вотъ пріѣхалъ (въ послѣдній разъ) Потемкинъ: при всей перемѣнѣ отношеній, князь не могъ не знать, что̀ дѣлалось въ домѣ Нарышкиныхъ, а потому тотчасъ долженъ былъ услыхать, какимъ восторженнымъ словомъ поэтъ увѣнчалъ Эвтерпу и какимъ торжественнымъ вѣнцомъ мнилъ сочетать ее съ героемъ. Весьма мало, какъ мы знаемъ, читая, а тѣмъ паче писанные стихи, и, еще естественнѣе, въ тогдашнемъ положеніи забывая ихъ, Потемкинъ совсѣмъ терялъ изъ виду Державина (за что и отплатилъ сочинитель „Оды на счастье“). Теперь же, тотчасъ по пріѣздѣ, при всемъ горькомъ своемъ настроеніи, князь снискиваетъ поэта величайшею благосклонностію: безъ всякого сомнѣнія ради сочувственныхъ звуковъ, обращенныхъ къ Эвтерпѣ, изъ благодарности за безкорыстное участіе, по признательности, которая совершенно была въ духѣ князя и его всюду, какъ извѣстно намъ, отличала. Не раздѣлять увлеченій стихотворца, какъ отзвуковъ преждевременныхъ или уже запоздавшихъ, а отплатить за Эвтерпу любезностію, — таково было конечно естественное желаніе великодушнаго князя. Онъ зоветъ къ себѣ поэта, самъ и черезъ секретаря допрашиваетъ, чѣмъ можетъ быть полезенъ автору, принимаетъ его, всячески ласкаетъ. Развѣ отчаянному чудаку могло бы вспасть на умъ, что такой передовой, политическій и придворный человѣкъ, при всей затруднительности дѣлъ, нуждается въ поддержкѣ стихотворца, заискиваетъ піэсу—по нашему статейку—въ пользу себѣ, или ждетъ литературныхъ себѣ восхваленій, тогда какъ и съ упреками дѣйствительности слишкомъ много было ему дѣла. А Державинъ именно склонился къ подобной мысли и повѣтствуетъ самъ

о тонкой своей догадкѣ: „Князь П—нъ, пріѣхавъ изъ арміи, сталъ къ автору *необыкновенно ласкаться* и чрезъ Василья Степановича (Попова) приказывалъ, что *хочетъ съ нимъ короче познакомиться*. Вслѣдствіе чего Д—нъ сталъ въѣзжь къ князю П—ну.“ Тотъ даетъ ему порученія, переводы бумагъ, — явно хочетъ къ себѣ приблизить и чѣмъ ни будь выдвинуть. И вотъ, въ домѣ князя, въ присутствіи поэта, какъ нарочно случилось происшествіе, повергавшее Зубова съ отцомъ въ неминуемый скандалъ („въ продолженіе дня говорили о семъ во всѣхъ знатныхъ домахъ, для того что отецъ фаворитовъ своимъ надменнымъ и мздоимнымъ поведеніемъ уже всѣмъ становился несносенъ“). Другіе, еслибы не порадовались за Потемкина, то конечно устранились бы отъ скандала и всякій по крайности смолчалъ бы: „Державинъ не зналъ, что̀ дѣлать“ и — „поѣхалъ къ молодому Зубову, разсказавъ ему все происшествіе, бывшее у кн. П—на (врага), слухи городскіе“ и проч. Разумѣется, онъ этимъ услужилъ молодому Зубову и, предваривъ, пособилъ ему уладить дѣло къ своей выгодѣ. Между тѣмъ старикъ отецъ, выведенный на свѣжую воду, надулся на Державина: что̀ же правдолюбецъ и практикъ? Онъ для защиты опирается на того же Потемкина, котораго если не выдалъ прямо, то стѣснилъ торжествомъ Зубова: „но ничего не могъ ему (старикъ Зубовъ поэту) сдѣлать, хотя бы желалъ, какъ по покровительству сына, такъ и *Потемкина*, который въ сіе время весьма былъ хорошъ къ автору (Державину) торжественныхъ хоровъ для праздника на взятье Измаила (посмотримъ это ниже).... Словомъ, *Потемкинъ въ сіе время за Д—нымъ*, такъ сказать, *волочился: желая отъ него похвальныхъ себѣ стиховъ*, спрашивалъ чрезъ г. Попова, чего онъ (Д—нъ) желаетъ.“ Исторія помянутыхъ сейчасъ „хоровъ,“ пѣтыхъ на знаменитомъ праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ (см. выше), не менѣе куріозна: хозяинъ былъ ими доволенъ и принялъ обѣщаніе автора составить празднику особое „Описаніе (извѣстное и отпечатанное).“ Стихотворецъ принесъ, „князь приказалъ его просить къ себѣ въ кабинетъ“..., и „весьма учтиво поблагодаря его, просилъ остаться у себя обѣдать, приказавъ тогда же нарочно готовить столъ (учтивость и ласковость, какой не видалъ Д—нъ отъ Зубова).“ „Безъ сумнѣнія,“ размышляетъ сочинитель, „князь ожидалъ себѣ въ томъ описаніи великихъ похвалъ или, лучше сказать, обыкновенной отъ стихотворцевъ сильнымъ людямъ лести.“ Отъ этого конечно легко было воздержаться, особенно правдолюбцу: но „великія похвалы“ все-таки были, да еще совершенно нечаянный сюрпризъ. Поэтъ прибавилъ и вставилъ стихи, гдѣ, не въ бровь, а въ самый (и единственный) глазъ расхвалилъ Румянцова и Орлова (изданіе г. Грота)! Съ бо̀льшимъ тактомъ, особенно при тогдашнемъ положеніи П—на, нельзя было поступить; и Державинъ еще удивляется: „князь, когда прочелъ описаніе и увидѣлъ, что въ немъ отдана равная съ нимъ честь (и чуть не больше) Румянцову и Орлову, его соперникамъ, то съ фуріею выскочилъ изъ своей спальни, приказалъ подать коляску и, не смотря на шедшую бурю, громъ и

молнію, ускакалъ Богъ знаетъ куды (ср. выше подобные случаи раздраженнаго терпѣнія и невольнаго нетерпѣнія, въ сценѣ, на примѣръ, съ шутомъ). Всѣ пришли въ смятеніе, столы разобрали—и обѣдъ исчезъ.“ Всего же лучше слѣдующее непосредственно заключеніе: „*Державинъ сказалъ о семъ Зубову* (чтобы повеселить врага) и (кто бы могъ ожидать?) *не оставилъ* однако въ первое воскресенье, при переѣздѣ князя въ Таврическій его домъ, *засвидѣтельствовать ему своего почтенія*. Онъ принялъ его холодно, однако *не сердито*,“ — подивимся снисходительности Потемкина, а лучше сообразимъ, что это могло быть именно только развѣ изъ благодарности за „Эвтерпу.“ Державинъ не могъ не знать происходившаго вокругъ и самъ безпрестанно выражается въ родѣ того, что „князю при Дворѣ тогда очень было плохо („Зап.“ стр. 620 и ср. выше).“ Слѣдуя вліятельнымъ внушеніямъ, на самомъ дѣлѣ Державинъ отступилъ совсѣмъ отъ Потемкина: и это существенная ошибка, соблазнившая нѣкогда, видѣли мы, Сегюра, а вмѣстѣ одна изъ причинъ неуспѣховъ того и другаго предъ государыней, и двухлѣтней проволочки Державина безъ мѣста. Но, одно изъ трехъ: либо, по чувству благодарности за ласку, по долгу предъ собственными заявленіями въ „Эвтерпѣ“ и по тому, что̀ извѣстно у образованныхъ народовъ, хотя рѣдко у насъ, подъ именемъ visite или lettre de condoléance, слѣдовало правдолюбцу держаться Потемкина, что̀ безъ сомнѣнія не осталось бы безъ награды, во всякомъ случаѣ безъ пользы для „безмѣстнаго,“ да конечно оцѣнено было бы и самою Екатериною, столь величавою въ подобныхъ случаяхъ; или же не перебѣгать по крайности такъ рѣзво къ Зубову, изъ понятной деликатности и видимой притомъ безуспѣшности исканій; или же, наконецъ, забывъ одну правду и служа другой, держаться уже одного, хоть бы Зубова. И ничего этого, самаго простаго, не сдѣлалъ Державинъ, такъ что не знаешь, видѣть ли въ немъ здѣсь поэта, служаку, или практика, или что̀ еще другое, во всякомъ случаѣ не обличающее характера. При рѣзкомъ раздвоеніи, „Державинъ (самъ сознается, „Зап.“ стр. 617, 620 и дал.) въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ не зналъ, что̀ дѣлать и *на которую сторону искренно предаться*, ибо отъ обоихъ (временщиковъ) былъ ласкаемъ.“ Самый вопросъ уже о семъ не хорошъ, а еще разительнѣе выводъ рѣшимости: „но Д—нъ, не смотря на то, и къ Зубову, и къ нему (П—ну) ѣздилъ,“ да еще, какъ мы видѣли, отъ одного переносилъ къ другому. Передъ тѣмъ уже, какъ ѣхалъ умирать, и тутъ Таврическій не переставалъ до конца оказывать поэту вниманіе, конечно ни чѣмъ другимъ не заслуженное и необъяснимое, какъ Эвтерпою. „Передъ отъѣздомъ въ армію, когда онъ (П—нъ) былъ уже на пути въ Ц. Селѣ, по пріѣздѣ (къ нему, Державинъ) съ нимъ откланялся. Спрашивалъ *еще* Поповъ Д—на, чтобъ онъ открылся, не желаетъ ли онъ чего,—князь все сдѣлаетъ; но онъ (Д—нъ), хотя имѣлъ великую во всемъ тогда нужду (ср. ниже), по обстоятельствамъ, которыя ниже объяснятся,

однако слышавъ запрещеніе, чрезъ Зубова, императрицы—ни о чемъ его не просить, сказалъ, что ему ничего не надобно (еслибъ не было *запрета*, это единственно могло бы еще нѣсколько мирить). Князь, получивъ такой отзывъ, позвалъ его къ себѣ въ спальню, посадилъ наединѣ съ собою на софу и, увѣривъ въ своемъ къ нему благорасположеніи, съ нимъ простился.“ По крайности уже тутъ навѣрно не ожидалъ себѣ похвалъ, стиховъ и поддержки уѣзжавшій на смерть. Державинъ и отдаетъ ему за это „справедливость:“ „онъ имѣлъ весьма сердце доброе и былъ человѣкъ отлично великодушный. Шутки въ одѣ Фелицѣ на счетъ вельможъ, а болѣе на его вмѣщенныя (которыми объяснялъ *себѣ* Державинъ мнимое нѣкогда нерасположеніе князя, вызвавшее „Оду на счастье,“ ср. выше)..., его ни мало не тронули или по крайней мѣрѣ не обнаружили его гнѣвныхъ душевныхъ расположеній...; но напротивъ того, онъ (П—нъ) оказалъ ему (Д—ну) доброхотство и желалъ, *какъ кажется* (!), всѣмъ сердцемъ благотворить, *ежелибъ вышеписанныя дворскія обстоятельства не воспрепятствовали.* Вопреки тому, по отъѣздѣ князя въ армію,... гр. Зубовъ хотя безпрестанно ласкалъ автора, и со дня на день манилъ, и питалъ въ немъ надежду получить какое либо мѣсто, но чрезъ все лѣто ничего не вышло, хотя не рѣдко открывалъ онъ ему (Д—нъ З—ву: нашелъ же довѣренное лицо, миновавъ Потемкина) тѣсныя свои обстоятельства, что почти жить было нечѣмъ.“ Прибавимъ, что обстоятельства были дѣйствительно тѣсны; но даже и въ наше время не могли бы считаться безвыходными: главное состояло въ жизни „безъ мѣста,“ въ столь же отрицательномъ „лишеніи всѣхъ оборотовъ,“ и за тѣмъ положительно — въ продажѣ двухъ деревень (хотя было что̀ продать), за которою осталась еще однако Оренбургская, „которая единственная почти была его кормилица,“ не говоря о семейномъ достаткѣ, наживномъ имуществѣ и богатыхъ друзьяхъ (стр. 621—623). Это еще не такъ ужасно, чтобы вынудить противъ воли къ отсутствію воли и характера. Собственно бѣда была не та: вся бѣда состояла въ исканіи „правды“ и оправданія „невинному страданію.“ Но пока намъ довольно по крайности того, что Потемкинъ доказалъ поэту, *гдѣ* была дѣйствительная правда, зная одну „Эвтерпу“ и не зная еще, какъ честилъ его поэтъ въ „Одѣ на счастіе“ или въ „Анакреонѣ среди собранія (ср. выше).“ Довольно, что Д—нъ, не находя „справедливости“ въ другихъ, призналъ ее въ „великодушномъ“ Потемкинѣ: а онъ еще не зналъ, какъ заботился о наградѣ ему князь передъ самою смертію (см. ниже). Довольно, что Державинъ по крайности отблагодарилъ достойно память героя „Водопадомъ,“ а впослѣдствіи передѣлалъ или совсѣмъ замаралъ, исключилъ и не печаталъ многія подготовленныя рѣзкія выходки противу князя (ср. выше). Жаль только, что почти одновременно сему поэтъ съ восторгомъ стихотворствовалъ и къ Зубову.

И такъ вотъ какой Статсъ-секретарь имѣлъ предстать предъ лицо Екатерины, добившись наконецъ „правды“ и „мѣста.“ Если предыду-

щее намъ странно, то здѣсь уже шагъ прямо къ смѣшному и комическому. Онъ „горячился“ на самомъ первомъ представленіи предъ государыней (Х—кій подъ 1-мъ Августомъ 1789, ср. выше), а наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, предъ самою смертію Потемкина, назначенъ къ опыту доклада и 13-го Декабря 1791 г. опредѣленъ у принятія прошеній. Съ тѣхъ поръ начинаются подлинныя чудеса: и конечно во всемъ мірѣ никогда ни у кого не бывало такого Ст. секретаря. По неопытности, а вмѣстѣ настойчивости, „онъ лѣзъ къ государынѣ со всякимъ вздоромъ“ (слова ея у Х — го 2-го Марта 1792); набиралъ къ докладу кучу не слѣдующихъ прошеній (и преимущественно „денежныхъ,“ подъ вліяніемъ искательной тещи, какъ объясняла сама Е—на; Х—кій Марта 4); наскучивалъ длиннотою („Зап.“ стр. 633 у г. Грота); ссылаясь постоянно на „справедливость“ и „правосудіе,“ „не токмо грубилъ, но и бранился при докладахъ (отзывъ императрицы: „Зап.“ стр. 651)“ и т. д. Только одно благодушіе Екатерины, терпимость ея и стойкая привычка, не смотря ни на что, продолжать дѣла, чтобы не перервать ихъ, могли все это сносить: но и при всемъ томъ государыня часто при докладахъ „вспыхивала,“ „краснѣла,“ „высылала его вонъ,“ называла его „мучителемъ,“ приглашала „свидѣтеля,“ чтобы не оставаться съ докладчикомъ одною и т. п. („Зап.“ Д—на стр. 636—660 и др.). Разумѣется, все это объяснялъ Д—нъ себѣ и другимъ не иначе, какъ тѣмъ, что „поручаютъ ему непріятныя дѣла, докладываетъ онъ всю истину, какова она въ бумагахъ“ (у г. Грота стр. 652); что при Дворѣ управляли „самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по *святой правдѣ*“ (стр. 654); что „по *желанію*“ государыни Д—нъ „не могъ такихъ ей тонкихъ писать *похвалъ*, каковы въ одѣ Фелицѣ“ (ibid.), а главное, конечно, что „враги“ успѣли „забѣжать,“ „наболтать“ на него, донести и т. д. Между тѣмъ, держась правила „ни о чемъ не просить и ни на что не напрашиваться, а напротивъ ни отъ чего не отказываться *),“ Д—нъ жалуется и доводитъ о томъ до свѣдѣнія потомства въ „Запискахъ,“ что „ему за всѣ труды при разобраніи помянутыхъ важныхъ и *интересныхъ* дѣлъ ниже одной

*) У г. Грота въ „Зап.“ стр. 665. Издатель справедливо замѣчаетъ, что правило это, въ тѣхъ же почти выраженіяхъ, принадлежало многимъ людямъ того времени, напр. Бибикову и Репнину. Это совершенно Русская коренная „манера,“ истекающая у народа изъ благаго источника, но, за отсутствіемъ должнаго воспитанія во всѣхъ родахъ дѣятельности, практикуемая въ приложеніи самымъ страннымъ и тяжелымъ образомъ: не просятъ обычно изъ боязни, не ищутъ и не требуютъ—отъ незнанія правъ своихъ; въ то же время сердятся, если имъ не даютъ; а когда даютъ, то опять берутъ безъ всякого разбора, по извѣстной поговоркѣ—„даютъ—бери“ и вопреки истой Славянской пословицѣ у народа, — „насильно можешь взять, но не можешь мнѣ дать.“

души и ни *полушки денегъ* въ награжденіе не дано;" что самый орденъ Владиміра былъ надѣтъ на него „*между прочими*. тучею—такъ сказать — брошенный на достойныхъ и недостойныхъ (стр. 664, 65)," и т. п. Малѣйшее благоволеніе пораждало со стороны его самыя несбыточныя грезы (основанныя конечно на самомнѣніи) или самыя безтактныя выходки (не походившія на лесть развѣ потому только, что переходили въ грубость). Зубовъ „пристально глядѣлъ въ глаза ему,"—значитъ его мѣтили въ генералъ-прокуроры и ждали только, чтобъ онъ попросилъ; государыня, по своей любезности, ласкала его, сажала рядомъ или „шептала на ухо ничего не значащія слова," — это значило, по мнѣнію его, „не имѣла ли императрица, примѣтя *твердый* характеръ его, намѣренія, поручить его нѣкотораго важнаго намѣренія (плана) касательно наслѣдія послѣ ея трона;" послѣ вынужденнаго гнѣва, желая смягчить, государыня спустя время заговаривала съ нимъ о домашнихъ дѣлахъ, предлагала пить и т. п.,—подъ обаяніемъ сего одинъ разъ, Д—нъ, „не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ:—Боже мой, кто можетъ, устоять противъ этой женщины! Государыня, Вы *не человѣкъ!* Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго *ничего съ Вами не говорить* (!); но Вы напротивъ воли моей дѣлаете изъ меня, что хотите (634—665)."—Наконецъ должно же было, рано или поздно, прекратиться такое секретаріатство и, очень рано—раньше двухъ лѣтъ, Державинъ съ нѣсколькими чиновными отличіями назначенъ въ сенаторы (2 Сентября 1793), не довольный однако ни предыдущимъ, ни новымъ положеніемъ, и продолжая почти тѣ же самыя служебныя отношенія какъ въ остальные года Екатерины, такъ и при Павлѣ, и даже при кроткомъ Александрѣ. Любопытно, между прочимъ, что въ „Запискахъ" своихъ, заканчивая эпоху того или другаго царствованія, на примѣръ Екатерины и Павла, Д—нъ аккуратно пересчитываетъ, сколько и что именно отъ нихъ *получилъ* онъ (и выходитъ—порядочно), да и по смерти крупныхъ лицъ, на примѣръ Потемкина, дѣлаетъ то же самое, отмѣчая по крайности, если *не просилъ* и *не получалъ*.

Конечно, мы не въ правѣ забыть при этомъ всѣхъ извиняющихъ обстоятельствъ, какъ историческихъ условій. Съ другой стороны, мы нисколько не думаемъ очеркомъ своимъ обличать личность Державина или подвергать сомнѣнію его поэтическій талантъ. Вопросъ не тотъ и отвѣтъ лишь въ томъ, что потребно было хорошенько сознать себя, а зная себя не пускаться въ тѣ отношенія, которыя были несовмѣстны съ достоинствомъ лица и поэта. Если же разъ соблазнился на это Державинъ, то кара была заслуженна и неудачи потерпѣлъ онъ хотя не за правду, во всякомъ случаѣ по правдѣ. Такова была *его* историческая судьба: а *наше* дѣло—по крайности радоваться тою отрадою, что, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ историческихъ, чему отчасти былъ самъ виною, остался Державинъ самъ собою и „стихи" поэта будетъ вѣчно „чтить" исторія. Въ этомъ мы уже имѣли случай убѣдиться

выше и еще вскорѣ убѣдимся.—Обратно, по дѣламъ службы и въ дѣловыхъ отношеніяхъ къ Державину, императрица засвидѣтельствовала не только справедливость вообще, но и величайшую снисходительность, мягкость и любезность, такъ что, повторяемъ, только она одна, при своемъ необычайномъ тактѣ обхожденія, могла выдержать при себѣ такого статсъ-секретаря и послѣдующаго дѣятеля на службѣ. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ сихъ случаяхъ Державинъ предстоялъ Екатеринѣ и вниманію ея не въ одномъ качествѣ *лица должностнаго*, а вмѣстѣ со всѣми другими свойствами личными, и преимущественно съ значеніемъ *поэта*, въ сферѣ произведеній художественныхъ. Уже потому, что Екатерина сама была даровитой и обильной писательницей, не могли быть чужды ей своеобразныя отношенія къ передовому въ эпохѣ сочинителю. Это также не подлежитъ сомнѣнію и этимъ многое, на взглядъ странное или рѣзкое, легко объясняется.

Послѣ первыхъ произведеній поэта, естественно и скоро забытыхъ при Дворѣ, когда Д—нъ на долго явился въ П—ъ и Храповицкій, докладывая оправдательную его просьбу, напомнилъ вмѣстѣ о Фелицѣ, Екатерина приказала утѣшить отзывомъ, что ей „трудно обвинить автора оды къ Фелицѣ“ и что ему „можно найти мѣсто (Х — кій подъ 11-мъ Іюля 1789 года).“ Едва лишь успѣлъ Д—нъ прожить въ столицѣ двѣ какихъ ни будь недѣли и конечно заявить себя чѣмъ ни будь въ общественной жизни, при тогдашнемъ его досугѣ, какъ на первомъ представленіи услыхалъ изъ устъ государыни всю строгую правду касательно прежнихъ его служебныхъ дѣйствій и, хоть былъ обезпеченъ жалованьемъ, но получилъ чрезъ Храповицкаго совѣтъ: „пусть пишетъ стихи,“ какъ наиболѣе ему сподручные, а при этомъ конечно не разсчитываетъ на дѣятельную службу, наипаче же при Дворѣ (Х—кій подъ 1-мъ Августа; ср. выше). Державинъ, какъ мы знаемъ, видимо оскорбился симъ и непосредственно вырвались изъ устъ его, почеркомъ одного пера, вдохновенная „Эвтерпа“ и колкая ода къ „Любимцу счастія,“ не поддержавшему его во время. То и другое произведеніе, при первой извѣстности, какой не могли избѣжать, особенно же первое (см. выше), не могли ни въ какомъ случаѣ снискать расположенія при Дворѣ: и вотъ самое вѣроятное объясненіе, откуда Державинъ получилъ первую помѣху, затянувшую ему пріобрѣтеніе *какого-бы то ни было* мѣста. Тѣмъ не менѣе, пока стихи не слишкомъ еще распространились въ массѣ публики, другія произведенія, „вынужденныя“ труднымъ положеніемъ по сознанію самого поэта, а именно „Изображеніе Фелицы,“ „На Шведскій миръ“ и особенно на взятіе „Измаила“—открыли Д—ну доступъ во дворецъ и близость къ Зубову, а послѣднее произведеніе сопровождалось еще замѣчательнымъ отзывомъ императрицы: „Я не знала по сіе время, что *труба* Ваша столь же громка, какъ и *лира* пріятна.“ Другими словами, это значило: „еслибъ Вы и *не писали* прочихъ лирическихъ воззваній, Вашъ успѣхъ проченъ на поприщѣ *одъ*, при воспѣваніи *торжествъ*,“ которыя всегда такъ увлекали Екате-

рину. Другому, кромѣ Д—на, одного этого было бы совершенно достаточно, чтобы бросить одну дорогу и цѣликомъ обратиться на другую, обѣщавшую несомнѣнное благоволеніе: къ воспѣванію торжествъ *всеобщихъ*, военныхъ, государственныхъ и придворныхъ, минуя всякія дѣла *частныя*. Но вотъ, въ концѣ Февраля 1791 года, пріѣхалъ Потемкинъ и началъ, какъ разсказываетъ Д—нъ, „необыкновенно ласкаться" къ нему, по причинамъ, въ которыхъ мы достаточно убѣдились. Непосредственно за симъ передаетъ Д—нъ, что Зубовъ, „призвавъ его въ одинъ день къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ ему отъ имени государыни, чтобъ онъ писалъ для Князя, что̀ онъ прикажетъ, но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ, что онъ и безъ него все имѣть будетъ, прибавя, что императрица назначила его быть при себѣ статсъ-секретаремъ по военной части („Зап." стр. 616, 617)." Здѣсь во первыхъ останавливаетъ насъ то, что государыня снисходитъ къ положенію и занятіямъ Державина, дотолѣ, какъ мы знаемъ изъ собственныхъ словъ его, „забвеннаго," „шатавшагося по площади" и „проживавшаго безъ всякого дѣла." Во вторыхъ, спрашивается, что̀ же писалъ до сего времени Д—нъ для Потемкина, какого писанья могъ желать отъ него князь и о какомъ могла знать или предполагать Екатерина? Дѣловыхъ бумагъ никакихъ, одинъ легенькій, недавно порученный, переводъ письма де Линя (см. выше), конечно не получившій извѣстности, а стиховъ *прямо* не посвящалъ Потемкину (самый „Рѣшемыслъ" писанъ по убѣжденію Дашковой въ угодность императрицѣ), даже не былъ „въѣзжь" къ нему въ домъ (ср. выше). Извѣстна при Дворѣ безъ сомнѣнія была лишь „Эвтерпа", да можетъ статься извѣстны были отчасти, связанныя съ симъ же, обращенія къ Любимцу счастія (въ „Одѣ на счастье") и картины въ „Осени Очаковской:" въ *этомъ* родѣ могъ продолжать Державинъ сочиненія для Потемкина и такихъ *могъ* желать сей послѣдній; по крайности предполагалось, что князь поддержитъ и вызоветъ поэта на дальнѣйшее развитіе произведеній въ подобномъ духѣ.' Но ихъ не могла одобрять Екатерина, даже изъ за одного того, чтобы не поддерживать въ князѣ извѣстную наклонность, опасную нѣгу и увлекательную мечту, а тѣмъ менѣе воскрешать умершую. И вотъ, въ третьихъ, Д—на *нарочно* вызываютъ и кабинетно передаютъ: писать онъ, пожалуй, можетъ, только пусть броситъ надежду, что ни будь выиграть черезъ это,—этого никогда не будетъ; ему предлагаютъ совѣтъ, равный приказанію, — не просить ничего и ничего не принимать. Въ замѣнъ того, въ четвертыхъ, *первый разъ* Державину выражаютъ заманчивую мысль и указываютъ впереди виды, что „онъ и безъ него (Потемкина) все имѣть будетъ," и сдѣлается ст.-секретаремъ, притомъ „по военной части," въ контроль распоряженіямъ Потемкина: послѣднее не исполнилось и едва ли могло сдѣлаться, но этимъ явно хотѣли отклонить отъ Потемкина. Пиши, пожалуй, но лучше не писать, ибо отъ этого не будетъ пользы, а напротивъ можно тутъ потерять, выиграть же есть полная надежда при обратномъ способѣ дѣйствія.

Человѣку стѣсненному, какъ тогда Державинъ, совѣтъ такой долженъ былъ совершенно связать руки въ одномъ отношеніи и раскрывать лестное упованіе въ другомъ: чистосердечно, какъ мы видѣли, изображаетъ онъ всю затруднительность такого положенія. Тѣмъ не менѣе, видя уже, какъ плохи обстоятельства Князя, Д—нъ хоть не проситъ и не принимаетъ, но все-таки по чести, хорошо или дурно, ловко или бестактно, пишетъ стихи къ Таврическому празднику и восторженное Описаніе его. Въ томъ же самомъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ „Эвтерпа," хотя замаскированная, хотя въ печати Московской, явилась свѣту и распространилась уже какъ извѣстнаго рода документъ, а между тѣмъ и Пѣсенники, именно придворные и высшаго круга (въ 90 и 91 гг.), подхватили пѣсню Нарышкиной и успѣшно разносили ее въ текстѣ, особенно же при пособіи музыки. Потемкинъ удвоилъ знаки вниманія и ласку столь сочувственному, хотя и упрямому, какъ будто сторонившемуся поэту: со стороны противуположной на столько же должно было возрасти нерасположеніе, и Державинъ продолжалъ томиться безъ мѣста, доходя до безнадежности. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ другихъ, частныхъ причинъ, опасенія, направленныя противу Потемкина, пріобрѣтали довольно твердую почву и могли быть серіозны даже въ политическомъ отношеніи: слово поэта, сказанное герою, могло сбыться пророчествомъ для явленій тревожныхъ, гораздо гибельнѣйшихъ, чѣмъ лѣнь, нѣга и любовь, совсѣмъ почти устранившіяся, ослабѣвшія или потухшія. Мы укажемъ на обстоятельство, которое доселѣ не достаточно интересовало нашихъ историковъ. По всѣмъ извѣстнымъ документамъ отечественнымъ и свидѣтельствамъ иностраннымъ, всею жизнію своею и дѣятельностью, Потемкинъ доказалъ, что до смерти пребылъ вѣрнымъ служителемъ Россіи и государыни: но фигура его была до того крупна, что вырѣзывалась отовсюду рельефомъ, ему не находили мѣста въ рядахъ „обычныхъ" и безпрестанно прочили его на мѣсто какое либо „особенное." Это пріемъ жизни Русской, въ теченіе двухъ вѣковъ не успѣвшей пріобыкнуть къ поступанію послѣдовательному: хочется непремѣнно перескочить, и, кто имѣетъ возможность, предполагается, что онъ непремѣнно перескочитъ. Такъ въ наши года, при появленіи нѣкоторыхъ талантовъ, научныхъ, литературныхъ и даже поэтическихъ, предсказывали съ увѣренностію, что каждый изъ нихъ будетъ несомнѣнно министромъ просвѣщенія и по крайности попечителемъ учебнаго округа. Послѣдствія конечно этого не оправдали: но предположенія все-таки были.—Совершенно въ томъ же родѣ, извѣстно, что при самомъ первомъ возвышеніи Потемкина ему льстили надеждою на герцогство Курляндское и тонкій Фридрихъ Великій особенно способствовалъ распространенію сей фантазіи.—Кавказская страна волнуется и усмирена, расчищается пространство между Чернымъ и Каспійскимъ морями, собирается туда Князь почти что отъ „нечего дѣлать," покончивши съ Крымомъ, работаетъ тамъ усердно и пишетъ оттуда рапорты родствен-

никъ его, П. С. Потемкинъ: и мы видѣли отчасти выше, что по говору Петербургскому князь готовъ былъ преобразиться въ Великаго Князя или герцога Кавказскаго, а Храповицкій записываетъ разговоръ во Дворцѣ (подъ 5-мъ Іюля 1786), что „граница будетъ Черное море, и подданство Персидскихъ владѣльцевъ, равняющихся герцогу *) Курляндскому, къ тому способствуетъ.“ — Возвращена Бѣлая Русь, укрощена Польша, подарены тамъ Потемкину и накуплены имъ имѣнья (ср. выше): Фицъ-Гербертъ пишетъ въ Лондонъ дипломатическіе слухи изъ Петербурга, что „кн. П—нъ изъ новокупленныхъ въ Польшѣ **) земель, можетъ быть, сдѣлаетъ tertium quid, ни отъ Россіи, ни отъ Польши независимое;“ и это читалось государынѣ (Х—кій подъ 16-мъ Марта 1787).—Государыня все это выслушивала и, разумѣется, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, отражала нелѣпые толки повтореніемъ привычнаго, извѣстнаго уже намъ, выраженія, въ свидѣтельство полнѣйшаго довѣрія къ герою: Je connais mon homme. Наконецъ, съѣздили въ Тавриду, утвердилось титло Таврическаго, расцвѣлъ—подобно Эрмитажу—самостоятельный Таврическій дворецъ, воздвигся въ новомъ санѣ „Великій Гетманъ“ козацкій, на развалинахъ Сѣчи Запорожской возстало Черноморье съ Таманью и Кубанью, „батько Грыцько“ сдѣлался народнымъ именемъ и типомъ для Малой Руси, въ самыхъ Яссахъ водворилось его торжество: а между тѣмъ южныя арміи слиты въ его рукахъ, уволенъ въ отставку огорченный Румянцовъ и вѣрная его родственница Анна Никитишна въ громадной силѣ вліянія при Дворѣ. Тогда-то открылось поле и внушеніямъ, и слухамъ, далеко опередившимъ все предыдущее и забѣжавшимъ къ возможному будущему. Если въ ту пору такъ увлекались у насъ предположеніемъ о независимой Греціи; если всѣ говорили о возможномъ раздѣленіи Турціи, и сама государыня, такъ еще недавно, въ бесѣдѣ, записанной у Храповицкаго, назначала центральную долю для младшаго Великаго князя Константина („увѣрены, что Турцію подѣлить можно и дать куски Англіи, и Франціи, и Гишпаніи, а остатка довольно для В. кн. Константина П—ча, pour un cadet de la maison;“ подъ 30-мъ Января 1789): то тѣмъ больше въ распоряженіи злонамѣренныхъ внушеній выростала роль „мнимаго“ герцога и „ожидаемаго“ великаго князя, роль — казалось — не знавшая границъ и въ глазахъ страха забиравшая уже самый Царьградъ, помощію преданныхъ козаковъ, приверженныхъ и резулированныхъ Татаръ, привязанныхъ Молдаванъ, закупленныхъ визи-

---

*) Новый издатель Храповицкаго, не уразумѣвши намека, „полагаетъ, что здѣсь вмѣсто *герцогу* должно быть *герцогству*.“

**) Такъ называли тогда по привычкѣ (съ XVII в.) и Бѣлую Русь, и даже иногда половину Малой.

рей и склоненныхъ султаншъ въ самомъ дворцѣ Стамбула *). И въ это-то самое время, именно какъ будто нарочно,—мы знаемъ,—не только раздается въ пѣсняхъ по Петербургу и воспѣвается въ поэтической „Эвтерпѣ,“ но еще печатается произведеніе Державина, гдѣ, въ связи съ нѣсколькими другими, одновременными піэсами, громко проповѣдуется: что спокойствіе Любимца Счастія въ немъ самомъ и, при всѣхъ потеряхъ, отъ него самого зависитъ возвратиться всегда на степень неколебимаго величія; что его глава, нагбенная новыми лаврами, склонится къ персямъ любимаго существа и, пріобрѣтенная подвигами, свобода распоряжаться собственною судьбою увѣнчается непремѣнно желаннымъ брачнымъ союзомъ, за которымъ послѣдуетъ золотой вѣкъ для цѣлой вселенной, обнимаемой Русскимъ взоромъ. Другими словами, это почти то же, что независимое герцогство, княжество и даже, пожалуй, царство съ царемъ и царицей. Для насъ, отдѣленныхъ почти столѣтіемъ и знакомыхъ съ послѣдствіями сказаннаго, сказанное имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, оставаясь лишь смѣло, величаво и вмѣстѣ несбыточно: но для современниковъ, особенно расположенныхъ въ дурную сторону или злоупотреблявшихъ симъ расположеніемъ, сказанное было слишкомъ подозрительно, дерзко и—даже опасно.—Понятно, что въ предположеніи о мнимомъ искательствѣ Державина, писавшаго подобныя вещи якобы изъ разсчета и выгодъ, дана ему была инсинуація: пожалуй, пусть продолжаетъ писать, но изъ собственной пользы лучше пусть не пишетъ и перестанетъ поддерживать въ падающемъ героѣ несбыточныя грезы. Когда же Державинъ, не смотря на это, все-таки писалъ Потемкину и бывалъ у него, всякое отношеніе ихъ между собою сдѣлалось подозрительно и невыносимо. Только что скончался князь, какъ при Дворѣ уже „говорили о *шашняхъ* Державина,“ не имѣвшаго еще ни мѣста, ни силы (X—кій подъ 30-мъ Апрѣля 1792). Тутъ же разбирались проэкты, сохранившіеся въ привезенныхъ бумагахъ умершаго Потемкина: въ числѣ ихъ было представленіе Д—на къ Владиміру 2-го класса, и поэтъ могъ убѣдиться, кто его помнилъ до кончины и кого по всѣмъ разсчетамъ слѣдовало бы держаться. Но,

---

*) О слухахъ сего послѣдняго рода, ходившихъ по Петербургу, пространно говорятъ Записки Энгельгардта и такъ называемая „рукопись современника,“ въ извлеченіяхъ перепечатанныя у г. Грота. На примѣръ: „Думаютъ, что намѣреніе П—на было воздвигнуть для себя независимое царство (Грецію), впредь-будущему принцу—такъ сказать по названію—быть опекуномъ, но въ самомъ дѣлѣ самому — въ случаѣ кончины императрицы—въ дѣйствительное вступить владѣніе, при чемъ, имѣя въ рукахъ своихъ драгоцѣнный залогъ и многочисленное войско...,“ и т. д. „Одни полагали, что онъ хотѣлъ быть господаремъ Молдавіи и Валахіи; другіе—что онъ хотѣлъ себя объявить независимымъ гетманомъ; иные думали, что онъ хотѣлъ быть королемъ Польскимъ“ и проч. (у г. Грота т. I, стр. 475—76).

говоритъ Х—кій (тамъ же) о проэктахъ,—„все худо очень принято, и *особенно о Державинѣ* отвѣчали:—Онъ долженъ быть много доволенъ, что взятъ изъ подъ суда въ секретари, а орденъ безъ заслугъ не дается.“ Дѣйствительно, Державинъ назначенъ былъ секретаремъ въ концѣ 1791 года: то есть уже *по смерти* Потемкина, и *не ради* сего послѣдняго, не по ходатайству или въ память князя, а совершенно напротивъ— во исполненіе обѣщанія, даннаго Державину прежде—*для отклоненія* отъ опаснаго союза съ героемъ. Такимъ образомъ, мѣсто дано Державину уже по минованіи всякой опасности и притомъ лишь въ силу даннаго слова: естественно, что помимо странностей и неловкостей статсъ-секретаря, оно не могло быть для него ни прочно, ни счастливо, какъ мѣсто болѣе или менѣе вынужденное. Отъ всякого государственнаго взгляда, а тѣмъ болѣе высокаго и глубокаго, не могло сокрыться, что этотъ дѣлецъ и правдолюбецъ вовсе не созданъ былъ для службы, преимущественно придворной: ему съ самого начала совѣтовали писать стихи и не переставали совѣтовать то же въ послѣдствіи. Конечно въ стихахъ вовсе не искали себѣ „похвалъ,“ какъ предполагалъ наивный стихотворецъ: но никому нельзя было также оставаться равнодушнымъ, когда стихи обращались поэтомъ въ колкость или непріятность. Если „пріятные“ не давали ему права на „мѣсто,“ то тѣмъ больше „непріятные“ являлись помѣхою для безмятежнаго пользованія мѣстомъ: вотъ коллизіи, въ которыхъ очутился Державинъ и которыя кончились его удаленіемъ — въ сенаторы. Все время въ „Запискахъ“ своихъ онъ не престаетъ жаловаться на „остуду“ предъ государыней и на то, что „остудился въ ея мысляхъ,“ ибо „правдою своею былъ непріятенъ или, лучше сказать, опасенъ (?).“ А что тутъ дѣйствовали не одни вопросы службы, но гораздо больше другіе, и прямо *стихи*,—въ этомъ самъ Д—нъ не оставляетъ намъ ни малѣйшаго сомнѣнія, объясняя свое удаленіе отъ докладовъ, въ 1793 году, именно послѣдствіемъ *стиховъ*. Мы могли бы еще колебаться, зная подозрительность Державина: но онъ устраняетъ всякую тѣнь недоумѣнія и, чего только должны мы были ожидать, поддерживаетъ вполнѣ наши выводы, указывая, что эти стихи писаны были *къ Нарышкинымъ*. Этимъ сказано все. Правда, по обычаю намъ извѣстному, спутывая года, Державинъ въ объясненіе своему паденію, случившемуся *1793-го* года, приводитъ стихи — написанные или по крайности помѣченные — *1796-мъ* годомъ. Но это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, напротивъ легко можетъ быть истолковано въ настоящемъ свѣтѣ: то есть либо строфы, обработанныя окончательно въ „особое стихотвореніе“ подъ 1796-мъ, извѣстны были и оказали свое дѣйствіе гораздо раньше, частями, фразами, стихами отдѣльными и общимъ направленіемъ; либо въ 1793-мъ году поэтъ писалъ совершенно такъ же какъ въ 1796-мъ, въ томъ же направленіи, повредившемъ ему, а посему отношеніе свое къ Двору въ 1793 году по праву могъ характеризовать отношеніями 1796 года. Однимъ словомъ, стало быть, какъ мы довели выше разсказъ нашъ до 1793 года,

такъ все остальное пространство времени, съ 1793 до 1796 года, съ удаленія отъ докладовъ до кончины императрицы, неблагопріятныя Державину отношенія объясняются, по словамъ его, „стихами," и притомъ „Нарышкинскими," писанными въ одинакомъ тонѣ и направленіи, непріятномъ для Двора. И точно, какъ помянутую „остуду" свою описываетъ Державинъ во все теченіе службы своей при Екатеринѣ, „по самую ея кончину („Зап." стр. 654)," такъ равно свидѣтельствуетъ, что нерасположеніе это *нарочито* еще увеличилось въ послѣдніе дни государыни передъ ея кончиной и что съ симъ она сошла въ могилу: „Она окончила дни свои, — не по чувствованію собственнаго своего сердца, ибо Д—нъ ничѣмъ предъ ней по справедливости не провинился, но по внушеніямъ его недоброжелателей,—*нарочито въ неблагопріятномъ расположеніи* („Записки," стр. 699)." А этотъ—1796-й—годъ и эти дни кончины были именно тѣмъ годомъ и тѣми днями, когда *закончено* помянутое стихотвореніе Державина къ *Нарышкинымъ*, приводимое имъ для разъясненія непріятностей подъ 1793-мъ годомъ. Итакъ, намъ предстоитъ разсмотрѣть столь любопытное произведеніе со всею подробностію.

Въ „Запискахъ" своихъ (стр. 664 по изд. г. Грота), разсказывая о трудахъ въ должности ст.-секретаря и переходя къ окончанію ихъ (хотя отчасти характеризуя и послѣдующее время до смерти государыни, ср. выше), Державинъ заключаетъ: „Подобными дѣлами хотя угождалъ Д—нъ императрицѣ, но правдою своею часто наскучивалъ, и, какъ она говорила пословицу *Живи и жить давай другимъ*, и такъ поступала, то онъ „на рожденіе царицы Гремиславы" Л. А. Нарышкину въ одѣ сказалъ:

Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго."

Державинъ прибавляетъ непосредственно, что эти слова, къ невыгодѣ его, примѣнены были при послѣдующемъ раздѣлѣ Польши и потому навлекли на него неудовольствіе. „А когда происходилъ Польши раздѣлъ и выбита такая была медаль, на которой на одной сторонѣ представлена колючая съ шипами роза, а на другой портретъ ея (государыни), то по тому ли, или по недоброжелательнымъ наговорамъ безпрестаннымъ и что правда наскучила,"—послѣдовало въ Сентябрѣ 1793 года удаленіе его, награжденіе Владиміромъ „въ тучѣ" другихъ и назначеніе сенаторомъ, къ описанію чего и переходитъ онъ. Мы говорили уже, что самое стихотвореніе, начатое приведенными словами, обработано было позже, въ 1796 году, и означенные стихи изъ него либо примѣнены Д—нымъ къ 1793 году, въ объясненіе одинакаго неудовольствія, либо извѣстны были въ устахъ его раньше, 1793 года, какъ фраза, вставленная послѣ въ полное стихотвореніе Нарышкину. Во всякомъ случаѣ, ни Польша, ни политика

не могла быть истинною причиною непріятностей. Поэтъ, какъ извѣстно, былъ такой глубокій политикъ и дипломатъ, что еслибы напечаталъ цѣлое разсужденіе о Польскихъ дѣлахъ и явно сталъ на ихъ сторону, и тогда для государственнаго взгляда нисколько не былъ бы опасенъ: можно было отъ души посмѣяться, но никакъ уже не прогнѣваться за это. Въ самомъ стихотвореніи читаемъ: „Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ: Такой царицы міръ не зритъ. Любовь и власть въ ея порфирѣ Благоухаетъ и страшитъ.“ Послѣднія слова дѣйствительно помѣщались на самой медали, но были одобрены при Дворѣ и, разумѣется, не вмѣщали себѣ никакого повода ко гнѣву. Итакъ, дѣло вовсе не въ политикѣ, а въ смыслѣ, въ какомъ пущены означенные стихи, въ намекахъ и аллегоріяхъ другаго рода, коими окружены, въ случаѣ, при которомъ сказаны, и въ лицѣ—Нарышкинѣ, къ которому обращены. Мы говорили уже о тьмѣ аллегорій и намековъ, которая царила тогда во всѣхъ искусствахъ, въ литературѣ и поэзіи, какъ мода эпохи, а нынѣ по необходимости и вызываетъ у насъ безпрестанно, и затрудняетъ толкованіе подлиннаго смысла. Самъ авторъ свидѣтельствуетъ въ „Запискахъ“ (стр. 701), что въ стихахъ, гдѣ касался Екатерины, употреблялъ онъ постоянно „аллегорію“ и что отсюда проистекало неудовольствіе: „Поелику же духъ Д—на склоненъ былъ всегда къ морали, то, если онъ и писалъ въ похвалу торжествъ ея (государыни) стихи, *всегда* однако обращался *аллегоріею*, или какимъ другимъ тонкимъ образомъ, къ истинѣ, а потому и не могъ быть въ сердцѣ ея вовсе пріятнымъ.“ Но аллегорія, въ эпоху ея господства, могла быть непріятна не сама по себѣ, напротивъ непріятнымъ намекомъ, въ ней выраженнымъ. А мы знаемъ уже, какъ *тонокъ* былъ Державинъ: всякій намекъ его вырѣзывался рѣзко, а колкій дѣлался просто грубымъ. Притомъ, нѣсколько разъ уже убѣждались мы и увидимъ еще дальше, что, сознавши рѣзкость или неловкость свою „по обстоятельстватъ,“ авторъ впослѣдствіи, особенно же отдавая стихи въ печать (и дѣлая это порою весьма поздно), передѣлывалъ стихотворенія до неузнаваемости,—сокращалъ одни, удлиннялъ другія, стиралъ имена историческія или дѣлалъ обращенія совсѣмъ уже къ другимъ лицамъ, маскировалъ искусственными надписями, и т. д. По тому самому впослѣдствіи, и очень уже поздно, онъ вынужденъ былъ написать къ печатному изданію своихъ произведеній особыя, столь извѣстныя „Объясненія:“ но Объясненія его обращались къ предмету, достаточно уже „измѣненному“ прежде для печати, а самъ авторъ, какъ всякій авторъ, въ добавокъ при продолжающихся особыхъ или новыхъ „обстоятельствахъ,“ не могъ ничего разъяснить иначе, какъ по симъ же „обстоятельствамъ“ и по „личному взгляду,“ который необязателенъ для потомковъ и часто противорѣчитъ прямому смыслу стиховъ, какъ историческаго памятника. Къ сожалѣнію, поэтъ, какъ извѣстно, слабъ былъ вообще памятью на числа и даже на имена: а потому, наиболѣе подъ старость, явно перепутывалъ ихъ (такъ что г. Гроту стóило часто гигантскаго труда возста-

новлять подлинность данныхъ вопреки сбивчивымъ указаніямъ автора). Сверхъ всего, онъ писалъ стихотворенія по „предварительнымъ программамъ:“ въ послѣдствіи, даже при „Объясненіяхъ,“ многія программы очевидно забывалъ или вовсе терялъ, отлагалъ справиться по нимъ, но не всегда уже могъ и успѣвалъ (самую „Эвтерпу,“ столь дорогую намъ, и при самомъ любопытномъ выраженіи о „Горе-богатырѣ,“ Д—нъ въ „Объясненіяхъ“ не могъ уже достаточно объяснить и прибавилъ лишь: „нужны программы“). Сколько кануло въ вѣчность, сколько погибло для насъ и для самого автора съ этими „программами,“ потерянными или непросмотрѣнными позднѣе! Сколько получаемъ мы стиховъ о событіяхъ совсѣмъ другихъ, о другихъ лицахъ и именахъ, въ *другихъ* уже образахъ и цѣлыхъ фразахъ, съ *другими* объясненіями, чѣмъ было въ подлинникѣ первоначальномъ и вытекало изъ сущности, изъ дѣйствительности! Мы встрѣчали тому примѣры и успѣли обрѣсти истинные перлы изъ подъ наноснаго груза. Не принять къ свѣдѣнію *всего*, сказаннаго поэтомъ, нельзя, а повѣрить „на слово“ также нельзя: и вотъ остается провѣрять слово всѣмъ, что̀ сопутственно ему и извѣстно исторически по другимъ источникамъ. Можемъ и должны при этомъ ошибаться, но обязаны слѣдовать не иначе, какъ сему пути.—Таковъ точно и настоящій случай. Устраняя вовсе Польшу и политику, находимъ въ самыхъ первыхъ стихахъ, приведенныхъ выше, рѣзкость и неловкость „аллегоріи“ въ самомъ „оборотѣ“ ея, въ перестановкѣ и дополненіи фразы. Извѣстное правило, громко выраженное и руководившее высокимъ характеромъ,—о свободѣ жизни личной („Vivons et laissons vivre les autres“), — перетасовано, обусловлено и пополнено поэтомъ такъ, какъ не могло уже быть пріятно въ устахъ его; оно дѣлалось оскорбительно, какъ рѣзкая и даже грубая фраза, вѣроятно слышанная еще въ 1793 году, и еще раньше: „Живи и жить давать другимъ—*Но только не на счетъ другаго.*“ И точно, самъ авторъ въ послѣдующихъ Объясненіяхъ къ одѣ доказываетъ, что здѣсь былъ намекъ, и намекъ колкій, вовсе безъ отношенія къ Польшѣ: „Сей стихъ былъ присловица или мудрое правило, какъ царствовать сей государынѣ; но авторъ, видя безпрестанныя войны, *прибавилъ* (!), чтобъ жить не на счетъ другаго и довольствоваться только своимъ (по изд. г. Грота т. III, стр. 653, 654).“ Какъ будто это шутка! Одна лишь наивность Державина могла не сознавать здѣсь всей неумѣстности выраженія. Напрасно же онъ подъ 1793 годомъ толковалъ о розѣ и медали: фраза была гораздо общѣе. Но, послѣ этого перваго шага, Д—нъ въ 1796 году сдѣлалъ еще второй и—поставилъ означенные стихи во главу оды, обращенной къ *Нарышкину* или, вѣрнѣе, къ *цѣлому дому Нарышкиныхъ*: вмѣстѣ съ симъ правило и упрекъ примѣнялись уже ко *всему Нарышкинскому*, а оно извѣстно намъ хорошо изъ предыдущаго. Въ третьихъ, все это стихотвореніе, въ его обработанномъ и полномъ видѣ, какъ дошло до насъ, совершенно *тенденціозно*: авторъ въ „Объясненіяхъ,“ какъ говорится, „смазалъ“ всѣ имена, отношенія личныя и рѣзкія

черты,—но онѣ бьютъ въ глаза. Если онъ хотѣлъ побесѣдовать поэтически со Львомъ Александровичемъ, за чѣмъ онъ присоединилъ Екатерину? Если желалъ воспѣть послѣднюю, подъ именемъ Гремиславы, для чего обратился не прямо къ ней, а къ Нарышкину, и обратился первыми же подлинными словами героини, переиначивши ихъ въ любимую „мораль?“ Нѣтъ, онъ явно *искалъ* сблизить то, и другое, и третье: это опять засвидѣтельствовано самимъ авторомъ, при жизни его, хотя и противъ воли. Г. Гротъ разсказываетъ въ своемъ изданіи (т. I, стр. 730), что авторъ послалъ піэсу для печатанія *въ Москву*, подальше, совершенно какъ „Эвтерпу“ (ср. выше): тамъ, въ „Аонидахъ,“ почему-то *не напечатали*, вѣроятно остановившись рѣзкими намеками. За тѣмъ вышла, въ 1796 году, „Муза“ Мартынова, въ оглавленіи указана ода, а самой оды въ текстѣ нѣтъ, ни въ слѣдующихъ книжкахъ: „изъ чего можно заключить, прибавляетъ г. Гротъ, что напечатаніе ея было остановлено (быть можетъ, скажемъ даже, самимъ спохватившимся авторомъ), вѣроятно изъ опасенія не угодить ею Зубову и другимъ сильнымъ того времени.“ Значитъ, *тогда уже* долженъ былъ понять и понялъ Д—нъ, что намѣренность стиховъ его выдается наружу: а потому рѣшился тиснуть только въ 1798 году, по смерти извѣстныхъ лицъ. Итакъ посмотримъ же, съ какою же свойственною „тонкостію“ отнесся здѣсь Д—нъ къ „истинѣ.“—„Воспѣвать“ Льва Александровича „лирическою одою“ было довольно мудрено и трудно, при всѣхъ его несомнѣнныхъ добрыхъ качествахъ, намъ извѣстныхъ: можно было шутить, сказать ему что ни будь мимоходомъ, пожалуй задѣть или похвалить, но, чтобъ подняться до паѳоса, нужно было занять таковой изъ какихъ ни будь обстоятельствъ. Обстоятельства же его, какъ мы знаемъ, въ глазахъ поэта требовали защиты и оправданія противу частыхъ насмѣшекъ и упрековъ; а „защита“ и „оправданіе“ были конькомъ Д—на, слабою струной, при которой всегда онъ готовъ былъ выйти изъ себя и нарушить всякую мѣру. Не даромъ онъ выставляетъ въ своихъ „Запискахъ“ (стр. 647) и конечно проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что „запрещать всѣмъ писать для пріятелей своихъ было бы тираническое правленіе:“ и вотъ, онъ съ торжествомъ беретъ на себя дѣла защиты давнишняго пріятеля, занимаетъ отсюда паѳосъ, создаетъ оду и „оправдываетъ“ Нарышкина, а съ тѣмъ вмѣстѣ конечно дѣлаетъ свое произведеніе чисто-тенденціознымъ. Мы исчерпали уже прежде подлежащую оду, съ той стороны, гдѣ рисуетъ она Нарышкина привѣтливымъ гостепріемцемъ и хлѣбосоломъ среди открытаго, веселаго, музыкальнаго и вообще артистическаго дома; богачомъ — для удовольствія другихъ; народнымъ человѣкомъ — при самомъ Дворѣ съ играми и даже съ кубарями, а тѣмъ паче на толкучемъ рынкѣ, съ довольнымъ взоромъ на гуляющую толпу передъ окнами; рядомъ съ подругою жизни—хозяйкою важной, домовитой, досужей, ласковой и умной; какъ „Авраама въ семьѣ,“ и семьѣ „учтивой;“ за столомъ съ роднею и съ друзьями безъ всякого принужденія, въ покояхъ, „гдѣ гость хозяина

покоемъ, хозяинъ гостемъ дорожитъ (ср. Сегюра)," и т. д. Но все это не просто какъ разсказъ или описаніе, а какъ *защита* и *оправданіе*: ибо въ самомъ началѣ выставлено правило—„жить давай другимъ, но только не на счетъ другаго," а потому ко всему описанному авторъ прибавляетъ постоянно—„пускай" дѣлаетъ Нарышкинъ безпрепятственно то и то, „что нужды," если поступаетъ такъ-то, и т. п. Стало быть, другими словами поэтъ говоритъ: „Смѣйтесь, обличайте, сердитесь,—нé на что и нé за что! Все это хорошо, и въ порядкѣ вещей, и не на счетъ другаго, хотя бы вы и шутили на счетъ этого ближняго!" А кромѣ того, если все это не дурно само по себѣ, то за этимъ скрывается еще лучшее, что обязанъ признать всякій, поставляющій правиломъ—„жить давай другимъ:" при случаѣ хозяинъ „могъ бы и посольствомъ, перомъ и шпагою блистать" (и не его вина, если ему этого не поручаютъ); онъ „всегда былъ добрый человѣкъ;" „пресчастливо провелъ свой вѣкъ;" самъ у себя царемъ и „гордъ какъ Соломонъ;" „и непорочно житіе о камень золъ не разбиваетъ;" и самъ онъ древняго рода „сынъ барскій," однимъ словомъ—никакъ не хуже другихъ, даже самихъ его порицателей.—Все это такъ: но вмѣстѣ съ симъ, въ четвертыхъ, все это написано Нарышкину и сказано объ немъ „на рожденіе царицы Гремиславы." Съ какой же стати и что тутъ за связь? Авторъ, въ позднѣйшихъ мистифирующихъ „Объясненіяхъ," усиливается натянуть связь и доказать слѣдующую естественную программу: а) ода писана *21-го Апрѣля*; б) въ этотъ день, всѣ знаютъ, *рожденіе* Екатерины; в) потому *къ ней* обращеніе; а вмѣстѣ г) желаніе и совѣтъ хозяину, чтобы *ради* такого торжественнаго дни *заманилъ* онъ къ себѣ царицу, и т. п. Примемъ, пожалуй, это на вѣру и послѣдуемъ библіографамъ, которые успокоиваются на такихъ *наглядныхъ* выводахъ и связяхъ произведенія поэтическаго. Но наглядность не должна исключать простаго смысла. Точно, поэтъ воспоминаетъ, что „Бывало, даже сами боги, Наскуча жить въ своемъ раю, Оставя радужны чертоги, Заходятъ въ храмину твою:" въ слѣдъ за авторомъ, біографы повѣствуютъ извѣстныя вещи, что государыня часто бывала у Нарышкина. Но, во первыхъ, въ числѣ помянутыхъ *боговъ* прежде всего конечно былъ великолѣпный князь Тавриды, самый частый и долгій гость: въ его время, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, и государыня посѣщала гостепріимный домъ. Во вторыхъ, самъ поэтъ выражается — *бывало*: стало быть, по крайности съ 93-го по 96-й годъ, посѣщенія эти прекратились. Въ третьихъ, по тому самому такъ желали и такъ совѣтовали *заманить* царицу вновь: ибо иначе посѣщенія продолжались бы сами собою и хлопотать было бы не о чемъ. И дѣйствительно, со времени смерти князя императрица посѣтила Нарышкина *лишь одинъ разъ*, если нельзя не вѣрить Храповицкому, аккуратно отмѣчавшему всѣ подобныя событія и отмѣтившему одинаково это (подъ 11-мъ Апрѣля 1793 г.): и то по случаю, ради пріѣзжаго графа д'Артуа, которому хотѣли сдѣлать любезность и для котораго Левъ Александровичь, по своему обычаю въ подобной оказіи,

сдѣлалъ у себя вечеринку; такимъ образомъ, это „единственное“ посѣщеніе (послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія) не было даже посѣщеніемъ самого Нарышкина. Разумѣется, если это было такъ и посѣщенія давно прекратились, а прежде бывали, то естественно было всѣми силами стараться, чтобы возстановить ихъ, и въ этомъ стараніи авторъ помогалъ хозяину дружескимъ совѣтомъ, а высокой гостьѣ напоминалъ о милости былой и продолжающемся достоинствѣ дома. „Нарышкинскій домъ достоинъ высокаго посѣщенія: вспомните былую милость къ нему.“ Вотъ все, съ чѣмъ можно еще согласиться; но за этимъ начинаются вопросы, возбуждающіе странное недоумѣніе. Державинъ, маскируя щекотливое свое стихотвореніе и еще больше забывая прежнія числа, могъ увѣрять и даже, пожалуй, какъ врагъ практики, до извѣстной степени самъ могъ вѣрить; но библіографы послѣ него, страннымъ образомъ, по видимому совсѣмъ уже отстали отъ петербургской жизни и выпустили изъ своего соображенія: какимъ же образомъ въ день высокоторжественный, въ день молебствій, выходовъ, пріемовъ, поздравленій и праздника цѣлодневнаго, какъ и за чѣмъ именно въ сей день Императрица должна была, могла, захотѣла бы пріѣхать и надѣялись бы заманить ее „на вечеринку въ домъ частнаго, хотя извѣстнаго человѣка,“ ради того только, что давно здѣсь не была и слѣдовало возобновить посѣщенія?! Это какъ-то не ладится съ нашимъ простымъ разумѣніемъ. И такъ, 21-е Апрѣля—какъ день сочиненія оды, отсюда связь съ рожденьемъ государыни, а отсюда связь рожденья ея съ посѣщеніемъ Нарышкина и самимъ Нарышкинымъ (которому приличнѣе было бы самому явиться въ этотъ день ко Двору во дворецъ), — все это, само по себѣ безсвязное и охотно выпадающее изъ связи, оставляемъ мы, какъ явную несообразность, принадлежностью позднихъ искуственныхъ „Объясненій;“ все это могло явиться лишь въ „заглавіи“ піэсы, будучи предназначено для печати, съ тою же цѣлью, съ какою большая часть надписей составлялась къ другимъ стихамъ, къ Одѣ на Счастіе, къ Анакреону въ собраніи и т. д.: то есть, — для маскированія сущности или, лучше, по словамъ самого поэта, для „аллегоріи“ и „тонкаго образа“ въ подступаніи къ „истинѣ“. Намъ остается внѣ сомнѣнія лишь *одно*: что государыня перестала посѣщать Нарышкинскій домъ, и нѣсколько уже лѣтъ; что въ половинѣ 90-хъ годовъ поводы къ этой немилости прекратились и смертію Потемкина подернулись какъ завѣсою; что потому и жалѣли у Нарышкиныхъ о быломъ, и желали возобновленія милости; что пособить этому, именно услужить другу, взялся Державинъ и написалъ для того внушительную, тенденціозную оду; что тутъ все дѣло шло о новомъ желанномъ сближеніи, какъ бы примиреніи; что имена Нарышкина и Екатерины связаны здѣсь вовсе не случайно, не днемъ сочиненія оды и не совпадавшимъ, вовсе не идущимъ сюда, рожденіемъ императрицы; что наконецъ таковъ вѣроятно и былъ „первоначальный“ видъ стихотворенія, безъ „надписи“, „заглавія“ и „объясненій.“ Такимъ образомъ, устранивши нѣсколько обиня-

ковъ, худо бѣлыми нитками пришитыхъ, думаемъ напротивъ, что день, избранный срединнымъ пунктомъ оды, скорѣе былъ *день рожденья*,— не Екатерины,—а *самого Нарышкина*. Всего естественнѣе, приличнѣе и любезнѣе было посѣтить хозяина, а симъ возобновить милостивое къ нему вниманіе,—именно *въ такой день*. И на это есть важные поводы къ предположенію, почти что доказательства. Въ самой одѣ, въ 17-й строфѣ, послѣ словъ — „Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко, Тотъ можетъ въ праздникъ погулять И зрѣть людей блаженныхъ чувство,"—вмѣсто стиха—„Въ ея (Екатерины) пресвѣтло рождество,"— по изданіямъ печатнымъ, просмотрѣннымъ при жизни поэта, гдѣ впервые явилась ода, стоитъ стихъ „Въ *свое* пресвѣтло рождество (ср. изд. г. Грота, т. I)." То есть, стало быть, дѣло идетъ о днѣ рожденія— не Екатерины,—а *самого Нарышкина*. Вся ода получаетъ такимъ образомъ смыслъ совсѣмъ иной, чѣмъ приданъ Державинымъ впослѣдствіи при „Объясненіяхъ" и въ выводахъ библіографовъ: но за то смыслъ простой, ясный и послѣдовательный. Русскій обычай праздновать подобные дни слишкомъ извѣстенъ (ср. выше, какъ затруднялъ онъ Сегюра); не только праздновали ихъ Нарышкины, которые рады были всякому случаю праздновать (ср. выше), но праздновалъ съ ними и Державинъ, и писалъ по этому поводу стихотворенія: мы знаемъ это „въ Горкахъ и Горахъ," по стихамъ поэта на рожденье Марины Осиповны (12 Іюля 1799). Въ такомъ же видѣ произведеніе, о которомъ у насъ рѣчь, могло быть написано еще раньше, по крайности въ первыхъ своихъ строфахъ, и естественно могла знать ихъ Екатерина, и совершенно у мѣста могъ цитовать ихъ Д—нъ подъ 1793 годомъ (ср. выше). Но рожденье хозяина повторялось: повторялось и обработано впослѣдствіи самое произведеніе поэта. А *въ 1796* году, по всѣмъ видимымъ даннымъ, былъ еще къ этому *особый побудительный вызовъ*. Въ своихъ „Leoniana" (ср. выше) высокая писательница, по поводу *рожденія* Льва А—ча, разсказываетъ какой-то довольно длинный анекдотъ: онъ полонъ „аллегорій" и намёковъ, которыхъ истолковать мы теперь уже не въ состояніи. Но сущность такова. Sir Leon родился, какъ извѣстно, говоритъ писательница, *въ Февралѣ* (26-го), 1731 или 1730 года, въ отцовскомъ домѣ на Фонтанкѣ: и однако, продолжаетъ сочинительница, *въ 1796 году Мая 26-го*, sir Leon самолично, въ Царскомъ селѣ, въ такомъ-то часу, въ присутствіи по крайности 20-ти свидѣтелей, громко заявилъ, что родился онъ *нѣсколькими годами позже*, въ домѣ (послѣдующемъ) Демидова. Обстановка и пикантныя стороны анекдота, повторяемъ, теперь непонятны намъ. Но выводъ опять очень простъ: Нарышкинъ вмѣсто 26-го Февраля показалъ 26-е Мая, а вмѣсто 1731 или 30 года—годъ 1733-й (въ которомъ дѣйствительно и родился, по даннымъ родословной). То есть, убавилъ себѣ два или три года и два мѣсяца, то есть вздумалъ молодиться: вотъ и вызовъ для шутки, вотъ поводъ писательницѣ посмѣяться и разсказать объ

этомъ въ видѣ потѣшнаго анекдота *). Замѣтьте же, что описанное въ анекдотѣ произошло *весною 1796 года въ Царскомъ селѣ*: почему здѣсь, въ этомъ году и съ цитатами о днѣ, числѣ, годѣ *рожденья?* Думаемъ вотъ что, весьма простое: вѣроятно Нарышкинъ случился тогда при Дворѣ и просилъ государыню, по крайности громко выражалъ желаніе, чтобы она, въ забвеніе бывшихъ неудовольствій, по старому вновь посѣтила домъ хозяина въ его рожденье. При этомъ онъ могъ погрѣшить и мѣсяцемъ рожденія, хотя не днемъ и не годомъ (1733, Февр. 26). Зная или узнавъ о такомъ желаніи и о возможности его исполненія, помня, „коль красно и добро—еже жити вкупѣ," понимая, какъ пріятно въ такой день обойтись дружески и забыть огорченія прошлаго, писавши подобнаго рода стихи на рожденье и прежде, Державинъ, по извѣстной своей идеи-фиксъ—если не себя, то непремѣнно кого ни будь защищать и оправдывать, руководимый добрымъ намѣреніемъ и благодушіемъ, захотѣлъ непремѣнно услужить доброму другу: собралъ прежніе стихи и стихотворныя фразы или отрывки, къ Нарышкину обращавшіеся, въ одну цѣльную Оду, посвятилъ, поднесъ, прочелъ и громко возгласилъ ее въ 1796 году. Ни больше, ни меньше, онъ захотѣлъ *помирить* или, какъ выражался его пріятель Храповицкій (ср. выше), „миротворствовать." Для этого онъ описалъ Нарышкина и домъ его, выставилъ достоинства, указалъ извиненія недостаткамъ, намекнулъ, что былое былью поросло, замѣтилъ, какъ благовременно къ такому праздничному дню „заманить Гремиславу," убѣдилъ, что не грѣшно такой домъ и такого хозяина посѣтить, и слѣдуетъ его обрадовать. Вотъ самая простая „программа" оды: пользуйся свободою жизни и давай такой же просторъ другимъ; такъ жилъ и поступалъ всегда самъ Нарышкинъ; явны его достоинства, извинительны недостатки, простительны ошибки и прежнія „исторіи," связанныя съ его домомъ; по крайности въ день рожденія,—слѣдуетъ попраздновать; бывало и „сами боги" это знали, и посѣщали его; хорошо бы и теперь заманить ихъ, а хозяинъ шепнулъ бы на ушко имъ, что не бѣда повеселиться, бывали часто подобные случаи въ его домѣ, и теперь есть поводъ къ ра-

*) Помянутое изданіе г. Пекарскаго („Зап. А. Н." 1863, т. III, кн. 2). „Fragment sur la naissance. Autrefois, il couroit un bruit vague, comme si la susdite naissance de sir Leon auroit eu lieu au mois de Fevrier l'année 1730 ou 1731, dans la maison de plaisance de m-r son pere située sur la riviere Fontanka.... Monté en personne le 26 May 1796, entre huit et neuf heure du soir, sur la colonade de Czarsko Celo il a declaré..., en presence de vingt temoins au moins, comme quoi il étoit né une fois pour tout, mais quelques années plus tard, dans la maison Dimidof... On ignore les causes qui ont pu porter sir Leon a transferer ainsi le lieu de sa naissance d'un lieu propre dans un improprе et ou les cinq sens sont affecté a la fois...." Дальше какіе-то намеки, что каждый годъ съ возвратомъ весны (и днемъ рожденья) sir Leon обращается въ эту часть города, и т. п.

дости; забудемъ же все горестное прошлое; новое посѣщеніе разольетъ миръ и радость, а этимъ еще крѣпче утвердится правило, выставленное въ началѣ,—не препятствуй другимъ жить и пользоваться жизнію. Воображаемъ, какъ заранѣе, простосердечный и наивный, торжествовалъ поэтъ торжество своего друга, увѣренъ будучи, что подѣйствовалъ своимъ поэтическимъ словомъ, всѣ убѣдились и — обнялись въ праздничный день. Но — это былъ „четвертый“ уже шагъ поэта, столь же неловкій, какъ и всѣ предыдущіе шаги, по самому его пріему: выставлялось примиреніе, какъ будто между равными сторонами, тамъ, гдѣ могло быть лишь прощеніе изъ особой милости. Кромѣ того, едва ли дозволительно явиться непрошенымъ третьимъ лицомъ и впутаться миротворцемъ въ дѣла почти домашнія, между лицами, на столько высокими. Примиреніе, а въ настоящемъ случаѣ „прощеніе,“ всегда могло совершиться и вѣроятно не замедлилось бы само собою безъ участія поэта: но, при участіи третьяго, всего рѣже это случается и въ послѣдствіяхъ на него же, непрошенаго, обрушивается.—Однако и это бы ничего еще: но вопросъ въ томъ, *какъ* сказать объ этомъ и написать? А мы знаемъ, *какъ* ловко и тонко способенъ былъ высказывать „аллегоріи“ Державинъ. Поэзія его осталась здѣсь со всѣми своими достоинствами, но осталась именно въ сторонѣ, ни при чемъ; чѣмъ былъ онъ поэтичнѣе, тѣмъ характернѣе, а чѣмъ характернѣе, тѣмъ рѣзче, тѣмъ непрошеннѣе и тѣмъ вреднѣе для успѣха. Всѣ данныя сходятся къ тому, что своею Одою оказалъ онъ другу такую же почти услугу, какъ извѣстный сотоварищъ пустыннику; уваженіе къ Державину, чѣмъ выше оно, тѣмъ яснѣе обрисовываетъ намъ неловкость и грубость подобнаго пріема, основаннаго конечно на почтенной, но въ иныхъ случаяхъ дубоватой Русской натурѣ. Вспомнимъ, что услуга примѣнялась къ такому „пустыннику,“ какимъ былъ Нарышкинъ, среди столь пустыннаго—Нарышкинскаго дома, въ такой пустынѣ, какъ Петербургъ, въ такомъ безлюдьѣ, какъ тогдашняя придворная жизнь. Разумѣется, слово поэта, раздавшееся въ подобной пустынѣ, раздалось тѣмъ громче, оказалось поступкомъ и дѣйствіемъ, сопровождалось сложнымъ эхомъ въ своихъ выводахъ и послѣдствіяхъ. Таковъ этотъ „пятый“ шагъ поэта, обличающій передъ нами, въ какія прозрачныя „аллегоріи“ облекъ „тонкій“ Державинъ свое произведеніе.

Именно, съ самыхъ первыхъ словъ, въ заголовкѣ произведенія выставлено правило, занятое изъ подлинныхъ словъ Екатерины и такъ сказать обязательное для нея: этимъ ставилась она въ тѣсную связь съ Одою и приглашалась къ неизбѣжному участію ради логической послѣдовательности, ради вѣрности собственному правилу. Но вмѣстѣ, какъ говорили мы, „пополненіе“ правила доходило почти до грубости: какъ противуположность ему прибавлено *но* и за этимъ *но* слѣдуетъ урокъ,— „*Но* только не на счетъ *другаго*, Всегда доволенъ будь *своимъ*, Не трогай ничего *чужаго*.“ Это значило конечно не приглашать, а напротивъ отвращать съ перваго же раза.—Далѣе, правило въ искаженномъ

его видѣ, какъ правило совсѣмъ уже иное, выставлялось единственно вѣрнымъ: „Вотъ правило—стезя прямая Для счастья каждаго и всѣхъ!“ Этой прямой стезѣ, по словамъ Оды, слѣдовалъ Нарышкинъ и, какъ герой, изображенъ удачно, мѣтко, поэтически. Разумѣется, чѣмъ лучше его изображеніе, чѣмъ больше къ самымъ странностямъ его и къ своеобразному способу его жизни прибавляетъ поэтъ—„пускай,“ „что нужды мнѣ,“ и т. п., тѣмъ глубже колетъ онъ всѣхъ тѣхъ, кто естественно шутилъ надъ симъ, смѣялся или описывалъ это комически въ статьяхъ, комедіяхъ и операхъ; выходитъ, что они не выдержали правила, гласившаго—„жить давай другимъ.“—Потомъ, если *всѣ* стремятся въ домъ Нарышкинскій, если онъ „вмѣстилъ къ себѣ *всю* радость и забаву столицы (строфа 15),“ — значитъ, внѣ его предполагается скука или стѣсненіе, въ самомъ Эрмитажѣ и придворныхъ палатахъ. Чѣмъ ярче представлены въ Нарышкинской жизни—и красота ея, и изящество, и народность, тѣмъ гуще падаетъ тѣнь на тѣ чертоги, гдѣ размѣрены часы и пріемы, гдѣ столько занятій, дѣлъ и трудовъ серіозныхъ, гдѣ меньше народности и больше политики. „Гдѣ скука и тоска забыта,“ гдѣ „соборъ цѣлой природы,“ прекрасная „семья,“ несравненная „хозяйка,“ „гость дорожитъ покоемъ хозяина, а хозяинъ гостемъ,“—тамъ конечно естественно было искать *убѣжища*, *убѣгая* отъ трудовъ и стѣсненій, тамъ пріютъ великимъ людямъ, и въ томъ числѣ князю Тавриды: событія 1786 и 89 годовъ мгновенно воскрешаются и намѣренно оправдываются.—И видно, ясно видно, что симъ теченіемъ образовъ поэтъ дѣйствительно перенесся во времена Горе-богатыря, Февея и Рѣшемысла; какъ тамъ, онъ описываетъ во всей увлекательности Восточную Азіатскую обстановку, типическую обстановку Нарышкиныхъ: „Оставя короли престолы И ханы у тебя гостятъ,—Какіе разные народы, Языкъ, одежда, лица, станъ!“ Не только сцены прошлаго, воскрешаются полузабытыя лица и имена. Вотъ и былая царевна „Гремила,“ образъ которой двоился нѣкогда съ образомъ царицы въ Горе-богатырѣ, Февеѣ и Рѣшемыслѣ: она перешла здѣсь въ „царицу *Гремиславу*.“ Что это не случайность, вы убѣждаетесь изъ разрисованной характеристики самой семьи Нарышкинской: эта „семья учтива, *не шумна*,“—стало быть противуположна той, которую въ операхъ называли „Шумиловной,“ „Шумилиной,“ или тою же „Гремилой;“ на оборотъ, употребивши стихъ—„Шумихи любятъ блескъ,“ авторъ въ „Объясненіяхъ“ (изд. г. Грота стр. 668) толкуетъ, что „это относится ко всѣмъ (временщикамъ)..., а паче на послѣдняго, кн. Зубова, которые иногда и дрянныя сочиненія предпочитали лучшимъ, когда въ первыхъ ихъ хвалили.“ „Хозяйка важная, домовитая, досужая, ласковая и умная“ очевидно противуполагается другой комической—M-me Sanssouci; хозяинъ, который „шутилъ, рѣзвился какъ дитя, но со столь легкимъ нравомъ всегда былъ добрый человѣкъ, народны мысли замѣчалъ и могъ при случаѣ посольствомъ, перомъ и шпагою блистать,“ является прямымъ укоромъ давнему образу „отца“ въ Февеѣ или въ фигурѣ M-r Sanssouci.—

Итакъ, выходитъ вполнѣ естественно, что „*бывало* сами боги, наскуча жить въ своемъ раю, оставя радужны чертоги, заходятъ въ храмину твою:“ и, стало быть, не естественно, если они перестали заходить. Но, если такъ, то нужно ихъ *заманить*: „О, еслибъ ты и Гремиславу Къ себѣ царицу заманилъ!“ Выводъ послѣдовательный, но судите о ловкости этой фамиліарной фразы въ данномъ случаѣ: конечно, услыхавъ подобное приглашеніе, кто и хотѣлъ бы пойти, не пошелъ бы ради того, чтобы не сказали, какъ *заманили* его.—Въ слѣдъ за симъ, поэтъ, вмѣсто Нарышкина, дѣлается самъ дитею и позволяетъ себѣ совершенныя ребячества: въ благодушномъ чувствѣ радости о состоявшемся примиреніи, онъ обращается уже со всѣми какъ съ „пане-братомъ“ и „пани-сестрою.“ Онъ такъ сочувственно и живо изобразилъ хозяина, что дѣйствительно выходитъ, какъ будто Нарышкинъ провелъ свой вѣкъ не только весело, но и славно, и громко: съ этимъ можно еще согласиться, хотя съ невольной усмѣшкою, и самъ поэтъ высказываетъ это не безъ ироніи. Но, этого „пожилаго“ хозяина, оберъ-шталмейстера и царедворца до мозга костей, поэтъ, какъ дитя и какъ дитятю, заставляетъ „заманить“ Гремиславу и, поднявшись на цыпочки, говоритъ ей „въ ушко:“ „Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко, Тотъ можетъ въ праздникъ погулять И зрѣть людей блаженныхъ чувство Въ свое пресвѣтло рождество!“ То есть: „Не правда ли, поживши такъ, какъ я, не грѣшно на радости и погулять, видя вокругъ счастье, въ день своего рожденья?“ Или, такъ какъ хозяинъ шепчетъ на ухо, тихонько, то можетъ прошептать что ни будь и въ слѣдующемъ родѣ: „Не правда ли, когда князь Таврическій, теперь уже покойный, провелъ свой вѣкъ столь славно и громко, не правда ли, тѣмъ больше могъ онъ погулять въ домѣ счастливомъ, въ 86 и 89 году, не только въ день рожденья самого Нарышкина, не только въ „*свое*“ рожденіе, но даже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ того и другаго года, и въ 21-й день Апрѣля, „въ ея пресвѣтло рождество?“—Сдѣлавши послѣдній шагъ въ этомъ родѣ, поэтъ почувствовалъ себя совершенно уже свободнымъ и, достигши мира, согласія, веселья, видимо захотѣлъ опять, въ память Февея, Рѣшемысла и Горе-богатыря, вывести на сцену и самую „царевну.“ Онъ назвалъ ее „Розою“ и противуположилъ „Царицѣ;“ у той и другой—свои права: „Въ цвѣтахъ другой нѣтъ *розы* въ мірѣ, Такой *царицы* міръ не зритъ.“ Итакъ вотъ подлинный смыслъ „розы,“ весьма далекій отъ политическаго толкованія. Въ заключеніе, авторъ, разумѣется, постарался замаскировать явный смыслъ приличною аллегоріей. Конецъ Оды составленъ уже по искусственной „программѣ,“ мысль пересиливаетъ собою непослушную рѣчь, складность и ясность фразы страдаетъ отъ вычурности, а желаніе, по примѣру Февея, завершить піэсу „единствомъ“ образа, совмѣщающаго все въ „царицѣ Гремиславѣ,“ выразилось стихами: „Любовь и власть въ ея порфирѣ Благоухаетъ и страшитъ. Такъ знаетъ царствовать искусство Лишь въ Гремиславѣ бо-

жество (лишь божество, въ образѣ Гремиславы, знаетъ искусство такъ царствовать)!"

Не знаемъ и лишь можемъ заключить на вѣрное, достигъ ли Державинъ такимъ произведеніемъ успѣха и пособилъ ли своему другу. Знаемъ только, что немедленно по созданіи Оды онъ вынужденъ былъ прибавить къ ней вымышленную надпись „на рожденіе (или „въ день рожденія") царицы Гремиславы:" но и въ семъ видѣ Ода встрѣтила препятствія для печати, по страхамъ ли самого автора, или издателей. Въ соотвѣтствіе съ надписью, и въ текстѣ сдѣланы перемѣны, на примѣръ „въ *ея* пресвѣтло рождество." Еще больше, въ послѣдующихъ „Объясненіяхъ," желая поддержать такое же соотвѣтствіе и замаскировать понесенную неудачу, авторъ желалъ увѣрить, что это не „пиротворная," а совершенно „мирная" ода, что она писана 21 Апрѣля, на день рожденія государыни, что пришита *по сему* къ Нарышкину, и т. д. Заглажены и всѣ выдававшіяся рѣзкости: длинно и многословно извиняется сочинитель въ извиненіе, что назвалъ царицу „Гремиславою" (будто бы изъ уваженія, „почитая непристойностію шутить!"); разсказываетъ, что Нарышкина посѣщали „часто;" что „роза" введена по отношенію къ Польской медали, и т. д. Оставляя все это „шитье" за авторомъ, а буквальное пониманіе на отвѣтственности гг. издателей Державина, мы, кромѣ вышесказаннаго, замѣтимъ еще только одно. Если вмѣсто сшивокъ и прошивокъ вообразить здѣсь произведеніе „цѣльное," съ буквальнымъ смысломъ всего сказаннаго и прибавленнаго; если точно, по словамъ „Объясненій," „Заманить Гремиславу къ себѣ на праздникъ совѣтовалъ онъ въ день ея рожденія, т. е. Апрѣля 21 дня, когда сія Ода писана;" если „*къ себѣ на праздникъ*" не противорѣчитъ здѣсь само собою табельному всенародному дню; если дѣйствительно Ода писана на рожденіе государыни (а не къ Нарышкину,—ибо эти двѣ надписи и два обращенія во взаимномъ противорѣчіи); если предполагалось, что, послушавшись убѣжденій Оды, государыня вспомнила бы—по какой-то связи идей—о Нарышкинѣ и, „оставя радужны чертоги," отправилась бы изъ дворца праздновать высокоторжественный день всей Россіи въ частный домъ царедворца (который самъ обязанъ былъ тогда явиться во дворецъ и все время тамъ оставаться въ мундирѣ); еслибы она точно плѣнилась картиною полнаго счастія въ домѣ, хозяиномъ, хозяйкою, семьею „учтивою и не шумною;" еслибы урокъ Оды, раздавшейся по Нарышкинскимъ покоямъ, окончательно убѣдилъ всѣхъ, чтобы „жить давать другимъ;" и если, наконецъ, при всемъ этомъ, по приведеннымъ словамъ поэта, въ Одѣ „онъ почиталъ непристойностью шутить:" если все это такъ, то представьте, до чего долженъ былъ забыться Нарышкинъ, до чего забылся этотъ „пристойный" поэтъ, до чего Петербургскіе критики и издатели забыли о порядкахъ столичныхъ, когда они всѣ вмѣстѣ допустили сцену, едва ли гдѣ либо въ мірѣ виданную, съ рѣчами, невозможными даже въ нашихъ Былинахъ при описаніи пировъ Владиміра! А именно, хозяинъ, „принима-

ющій у себя столь высокую гостью, оберъ-шталмейстеръ предъ императрицею, приглашаетъ ее „тихонько," на основаніи того, что она „провела вѣкъ столь славно, громко," въ „ея пресвѣтло рождество,"—приглашаетъ къ чему же и успокоиваетъ чѣмъ же? „Тотъ можетъ въ праздникъ *погулять*!..." Чувствуя всю несообразность этой комбинаціи, уже по тому одному, что государыня вовсе еще „не провела своего вѣка," Державинъ поспѣшилъ прибавить въ „Объясненіяхъ:" „Сей стихъ въ послѣдствіи времени оказался предсказаніемъ, что сей годъ былъ ея послѣдній." И гг. издатели Державина повторили, что это дѣйствительно сказано было *пророчески*, о близкой кончинѣ императрицы!—Но, если повѣрили издатели, самъ авторъ не вѣрилъ „толкованіямъ," которыя предложилъ въ своихъ „Объясненіяхъ" на аллегоріи: нарушая весь мирный смыслъ Оды, искусственно натянутый, онъ по наивности своей, едва ли имѣющей себѣ равные примѣры, при первыхъ же стихахъ Оды, какъ видѣли мы, замѣтилъ, что смыслъ ихъ былъ намѣреннымъ урокомъ морали, ибо „видя безпрестанныя войны, прибавилъ (онъ), чтобъ жить не на счетъ другаго и довольствоваться только своимъ." Дѣйствительно, наивность Державина не имѣла мѣры: онъ могъ видѣть, чувствовать свои неудачи, но никогда не сознавалъ причинъ ихъ въ себѣ и украдкою кивалъ на Петра. Понесши заслуженную мзду за стихи, именно за *эти* стихи и за то, что написалъ ихъ *къ Нарышкину*, онъ въ „Запискахъ" своихъ, какъ мы знаемъ, приписывалъ неудачи свои съ самого 1793 года *симъ же стихамъ*, но приписывалъ это *не подлинному смыслу ихъ*, не ихъ нестерпимой рѣзкости и неумѣстной „аллегоріи," а *отношенію ихъ къ дѣламъ Польши*, яко бы государыня, удивлявшая всѣхъ мудростію и терпимостію, прозрѣвъ въ немъ глубокаго политика, встревожилась предъ громовою правдою его вѣщаній!...

Изъ всего этого особенно важно намъ то, что, помимо прочихъ недостатковъ своихъ, Державинъ понесъ неудачи карьеры въ значительной мѣрѣ отъ того, что писалъ къ Нарышкинымъ, и писалъ до излишества тенденціозно, присоединяя сюда, вовсе не кстати, образъ высокой государыни, а вмѣсто примиряющаго забвенія усиливался возстановить въ памяти канувшую въ вѣчность исторію собственной „Эвтерпы."

Кончились эти попытки, упразднилась тенденціозность и намѣренность аллегорій, скончалась государыня, — и посмотрите, каковы оказались стихи *того же* самаго Державина *къ тому же* самому Нарышкину. Ноября 9-го, 1799 года, умеръ Левъ Александровичъ, и вѣрный другъ оплакалъ его смерть особымъ стихотвореніемъ. Описанія лица по прежнему живы, обильны: здѣсь есть воспоминаніе и о домѣ, гдѣ онъ „угощевалъ Фелицу и Лель своихъ—во пляскахъ—жертвъ въ цвѣточную вязалъ плѣницу,"—картина, оживляющая въ памяти разсказъ Сегюра. То же сказано, да не такъ: истинно-мирнаго выраженія чувствъ, спокойнаго теченія мысли, ясности поэтическихъ образовъ — ничто не возмущаетъ, не тревожитъ порывами и не темнитъ аллегоріями. Повторяется снова — „чужихъ стяжаній не желай:" но правило это примѣ-

няется развѣ уже къ сыновьямъ, къ ихъ наслѣдству отъ дяди Александра, скончавшагося еще раньше. Гробъ окружаютъ со слезами „три граціи," „юныя дѣвы:" это уже внучки покойнаго. Марина Осиповна пережила дорогаго супруга лишь полугодомъ и скончалась 28-го Іюля 1800-го года.

Такъ называемыя „предсказанія" поэта, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ вмѣстѣ со всею своею эпохою и за которыми по нынѣ слѣдятъ заботливо его издатели, не совсѣмъ, какъ мы знаемъ, сбывались и далеко не всѣ оправдывались. Помянутыя слова „Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко," приложимыя прямо къ Потемкину, уже отжившему тогда свой вѣкъ, и не менѣе къ самому Нарышкину, успѣвшему въ долгой жизни, хотя еще не конченной, стяжать популярную славу и сдѣлаться вполнѣ громкимъ среди своего музыкальнаго дома, а особенно при Гремилѣ,—эти слова не совсѣмъ ловко разсчелъ Державинъ примѣнить къ Гремиславѣ: въ томъ смыслѣ, будто бы она *провела уже* свой вѣкъ и въ томъ же 1796 году скончалась. Не ловко и не удачно, говоримъ, потому, что слова эти „*сдѣланы* предсказаніемъ," *послѣ* того уже, какъ были „сказаны" въ *другомъ* смыслѣ, и что въ подлинномъ смыслѣ за проведеннымъ вѣкомъ слѣдуетъ умирать, а вовсе не „погулять," какъ приглашаетъ поэтъ на основаніи пройденнаго вѣка. Тѣмъ не менѣе, хоть предсказанія вовсе не видно здѣсь никакого, самое сближеніе между Гремиславой и Нарышкинымъ, между рожденіемъ послѣдняго и кончиною первой въ 1796-мъ году,—это сближеніе имѣло въ себѣ что-то роковое. Судьбѣ угодно было, чтобы послѣдніе дни жизни Екатерины связаны были въ дѣйствительности съ именемъ Льва Александровича Нарышкина. Говорятъ, по памятникамъ, что „его дразнила императрица смертью Сардинскаго короля наканунѣ своей собственной кончины." Въ донесеніи дипломатическомъ, графъ Литта (женившійся впослѣдствіи на Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, любимой племянницѣ Потемкина, урожденной Энгельгардтъ) разсказываетъ объ этомъ такъ: „Наканунѣ удара (4 Ноября) былъ Эрмитажъ... Въ этотъ вечеръ императрица удалилась изъ Эрмитажа раньше обыкновеннаго, говоря, что она чувствуетъ себя нездоровой, слишкомъ много смѣявшись въ слѣдствіе шутокъ оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина *)." Такъ примиреніе драматическихъ событій, законченное всепримиряющей смертью, совершилось само собою, въ томъ же 1796 году, въ Эрмитажѣ, и совсѣмъ не на той почвѣ, которую заботливо, усильно и непрошенно подготовлялъ своею Одою Державинъ.

*) „Сборникъ Р. Истор. Общества," т. VI, Донесенія гр. Литты, съ пространными примѣчаніями кн. П. П. Вяземскаго.

По смерти Потемкина, въ семьѣ Нарышкиныхъ произошло много перемѣнъ, особенно въ 1795 году. Въ этомъ году, Мая 21-го, скончался старшій братъ Льва А-ча, Александръ: вдова его, двоюродная сестра Румянцова, знаменитая Анна Никитишна, волею или неволею сдѣлавшая много дурнаго дому Льва, при всей знатности потеряла силу при дворѣ, вмѣстѣ съ послѣдовавшей скоро кончиною императрицы. Но и наслѣдство отъ ихъ бездѣтнаго брака успѣло внести нѣкоторую смуту въ братнину семью, какъ поминали мы выше: доставшись по большей части сыновьямъ Льва, оно ввело ихъ въ непріятныя отношенія къ матери, Маринѣ Осиповнѣ, о чемъ намекалъ Державинъ въ стихотвореніи на смерть Льва А—ча; именно, по „Объясненіямъ" Д—на (стран. 685), они воспользовались доставшеюся долею *прямо* послѣ дяди, тогда какъ по завѣщанію имущество должно было прежде поступить къ отцу ихъ Льву, до его смерти (и вотъ почему, говорили мы, подмосковное Кунцово миновало рукъ сего послѣдняго). Вмѣстѣ съ симъ, въ томъ же 95-мъ году, младшій сынъ Дмитрій Львовичь женился на Марьѣ Антоновнѣ Святополкъ-Четвертинской и отдѣлился отъ родительскаго дома (поэтъ воспѣлъ ихъ бракъ и „Новоселье"). Старшія три дочери давно были за мужемъ (ср. выше), а въ 95-мъ году умерла самая младшая, въ дѣвицахъ, Елизавета Львовна: такимъ образомъ, въ семъ году, въ домѣ отцовскомъ (кромѣ старшаго брата Александра Львовича, женатаго на М. А. Сенявиной), осталась собственно *одна* представительница былаго, одна *въ дѣвицахъ* и одна утѣхою состарѣвшихся *родителей*, Марья Львовна. При утратахъ, которыя понесла она лично, при тѣхъ огорченіяхъ, которымъ была невинною виною для отцовскаго дома, и при исторіи, оглашенной не только злымъ словомъ устныхъ толковъ, но и печатью въ разныхъ видахъ, и поэтическимъ созданіемъ поэта, и пѣснею,—пережить все это, переболѣть глубокія раны и остаться съ обаяніемъ красоты, съ могущественнымъ вліяніемъ на окружающихъ, а особенно на высотѣ творчества и искусства, во всемъ этомъ помогло Марьѣ Львовнѣ, поддержало ее и утвердило, безъ всякого сомнѣнія, то же самое неизмѣнное творчество и искусство, своими нравственными силами, обратившимися въ плоть и кровь героини. Въ этомъ же самомъ 1795-мъ году и тѣмъ же самымъ поэтомъ, какъ мы знаемъ, изображена она въ „Анакреонѣ у печки." Мысль представить себя восторженнымъ зрителемъ красавицы, по прежнему — слушателемъ игры ея на арфѣ и пѣнія, а вмѣстѣ назваться Анакреономъ, — такая мысль истекла явно изъ стихотворенія старшаго, гдѣ, мы помнимъ, параллельно Описанію праздника Таврическаго, выведенъ былъ, въ шутливомъ же тонѣ, Потемкинъ, какъ „Анакреонъ въ собраніи дѣвицъ," рвущійся къ нимъ душою, но уже ослабѣвшій силами. Тамъ точно также, въ сонмѣ красавицъ, изображенъ летающій купидонъ, блестѣвшій въ ихъ взглядахъ и улыбкѣ, пускавшій оттуда стрѣлы, а по сравненію съ пчелами, сладкія и ядовитыя жала: уязвленный любовью и томившійся вдыхатель, искав-

шій — но въ стихотвореніи не сказано, чтобы нашедшій — защиту подъ щитомъ Паллады, въ безсиліи своемъ естественно становился однимъ лишь „пѣвцомъ любви и нѣги,“ а вмѣстѣ съ симъ обращался въ типическій образъ древняго поэта Анакреона. Между тѣмъ присутствіе сего Анакреона, остававшагося еще въ живыхъ, а равно и скорая смерть его, покрывавшая прошлое деликатнымъ покровомъ, все это помѣшало поэту дорисовать образъ яснѣе и въ выраженіяхъ быть опредѣленнѣе: образъ Анакреона употребленъ былъ тамъ лишь маскою для извѣстной намъ аллегоріи. Но, какъ всегда бываетъ у поэтовъ и какъ видѣли мы не однократно у нашего, разъ созданный образъ, въ его привлекательной обстановкѣ, продолжалъ жить въ душѣ, напоминалъ себя, искалъ воспроизведенія и обрѣлъ себѣ наконецъ *подлинное* мѣсто, въ 95-мъ году, при Марьѣ Львовнѣ: онъ здѣсь въ собственной своей роли, онъ опредѣленнѣе и живѣе. Однако и здѣсь опять не обошлось безъ аллегоріи: окончательной выразительности препятствовала еще недавняя смерть героя, а отчасти жизнь прочихъ лицъ, продолжавшаяся вокругъ и около. А потому, какъ прежде, въ подобномъ случаѣ, Любимца Счастія обратилъ маскирующій авторъ въ поэта и въ собственное—Державинское—*я*, такъ теперь героя, созерцающаго и слушающаго Марью Львовну, сдѣлалъ Анакреономъ, съ тѣмъ вмѣстѣ поэтомъ, а послѣдовательно и Державинымъ. Мы не знаемъ *первоначальнаго* вида этому стихотворенію: но что оно въ душѣ и въ воображеніи поэта истекало изъ стихотворенія предыдущаго и тѣсно связывалось съ „Анакреономъ въ собраніи дѣвицъ,“ видно изъ *повторенія* тѣхъ же почти чертъ образа и изъ общаго состава *одинаковой* картины: здѣсь такъ же точно, какъ и тамъ, въ чарующемъ ореолѣ дѣвицы-красавицы, летаетъ купидонъ, стрѣляя изъ очей ея, съ устъ, изъ подъ перстовъ, разя сердца острѣйшимъ жаломъ стрѣлъ и сжигая присуствующихъ, а мѣтою дѣйствія тотъ же Анакреонъ, въ опасности сгорѣть безъ щита и защиты. По „Объясненіямъ“ Д—на, это „Соч. въ Пб., экспромптъ во время игранія на арфѣ М. Л. Нарышкиной 1795:“ каковъ былъ экспромптъ *прямо изъ устъ* поэта и не было ли въ немъ гораздо больше непосредственной связи съ „прежнимъ“ Анакреономъ, не знаемъ. Д—нъ напечаталъ его вскорѣ, уже за Мартъ 1796 года, въ „Музѣ“ Мартынова, а въ печати—разумѣется, по привычному способу,—кое-что переправилъ. Въ *ту* пору, повторяемъ, *еще* нельзя было говорить опредѣленнѣе объ остававшихся *живыхъ* отношеніяхъ и *уже* поздно было воскрешать минувшее. Осторожность, какъ видно, еще требовалась: авторъ вмѣсто подписи своей поставилъ лишь три звѣздочки; сначала онъ назвалъ піэсу „Анакреономъ“ просто, а дальше, стирая черты и ликвидируя намеки (подобно какъ, знаемъ мы, ссылался на „веселую руку подъ хмелькомъ“), прибавилъ „*у печки*,“ то есть какъ будто воспаленный Анакреонъ, подъ жгучими стрѣлами, очутился у палящей печки,—намѣренная тривіальность, на случай извиненія въ излишнемъ восторгѣ; наконецъ, въ „Объясненіяхъ“ еще позднѣйшихъ,

считая образы все еще слишкомъ прозрачными, способными выдать, указалъ *пальцемъ*, что „подъ Анакреономъ авторъ разумѣлъ *себя*" (а не думайте, чтобы кого либо другаго).—Обезпечивъ такимъ образомъ положеніе Анакреона и самого себя, поэтъ безпрепятственно отдался *главному образу*, предмету поэтическаго взора и слуха: и нужно сказать, помимо „историческихъ отношеній," оживлявшихъ „Эвтерпу," новый образъ не уступилъ сей послѣдней, напротивъ въ нѣкоторомъ смыслѣ поднялся еще на нѣсколько ступеней выше. Прежняя красота пребывая красотою, пріобрѣла здѣсь гораздо больше страстности, не бывалой дотолѣ и въ Эвтерпѣ далеко еще не столь цвѣтной: красавица теперь сдѣлалась вполнѣ роскошною, какъ нѣкогда старшая сестра ея. Она „разитъ и жжетъ;" противъ стрѣлъ ея не возможно устоять *никому* (не одному уже, чаявшему брака), а сгорѣть можетъ *всякій;* и естественно: страданія прожитыя обратились въ страстность; ясность возгорѣлась до огня; тѣ „цвѣты," надъ которыми мечтала нѣкогда дѣвушка невѣстою, вышли теперь яркою краскою на распаленное и палящее лицо, созрѣли готовымъ, полнымъ и приманчивымъ плодомъ. Спокойствіе, свойственное творчеству и искусству артистки, осталось,— но не то былое, а высшее: спокойствіе выстраданное, спокойствіе побѣдоносное — послѣ бѣдъ понесенныхъ. Остался конечно и прежній, общій Нарышкинскій и личный „порывъ," выражавшійся особенно въ игрѣ и пѣніи: но это уже не порывъ „къ одному," а порывъ „къ другому," обѣщавшій счастіе, не менѣе былаго вспоминаемаго, всякому достойному въ будущемъ; это порывъ влекущійся въ даль и зовущій къ себѣ. Короче. красавицѣ-героинѣ, испытавшей первую любовь въ прошломъ и сохранившей все обаяніе прежнихъ талантовъ, еще далѣе развившихся, считалось въ 1795 году уже не меньше 27 лѣтъ,—пора окончательной зрѣлости для женщины. Однако вотъ само стихотвореніе цѣликомъ:

Анакреонъ (у печки).

Случись Анакреону
Марію посѣщать,
Межъ ними купидону,
Какъ бабочкѣ, летать:
Леталъ божокъ крылатый
Красавицы вокругъ
И стрѣлы онъ пернаты
Накладывалъ на лукъ,
Стрѣлялъ съ ея небесныхъ
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ устахъ прелестныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала,—
Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣе богъ,
Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жогъ.
Анакреонъ у печки
Вздохнулъ тогда сидя́:
„Какъ бабочка отъ свѣчки,
„Сгорю,“ сказалъ, „и я!“

Игра на арфѣ продолжалась такимъ образомъ и въ 1795 году, пѣніе раздавалось, пѣсни были. Въ виду „Эвтерпы,“ стихамъ которой отвѣчала *дѣйствительная* пѣсня, не можемъ допустить и тѣни предположенія, чтобы въ настоящемъ случаѣ слова поэта были пустоцвѣтомъ, чтобы не отвѣчала имъ пѣсня дѣйствительная изъ устъ Марьи Львовны. Не могло это быть и однимъ повтореніемъ разъ созданнаго: прошлое, хотя столь дорогое, миновало безвозвратно и одно повтореніе не отвѣчало бы жизни текущей; а жизнь, какъ видимъ, текла еще, и потокомъ обновленнымъ, болѣе блестящимъ и роскошнымъ, не менѣе стремительнымъ и сильнымъ. Спасенная творчествомъ и искусствомъ, не должна и не въ состояніи была измѣнить завѣтамъ его артистка и пѣвица: навыкъ, укрѣпленная опытность, свобода въ распоряженіи народными стихіями и собственнымъ художественнымъ талантомъ, все это требовало новыхъ плодовъ. Прежняя, первая и главная, пѣсня выражала собою лишь *данное* положеніе, во всей его исторической вѣрности, и сама сдѣлалась достояніемъ историческаго прошлаго; она *отвѣчала* красотѣ, извѣстному лицу, дѣвушкѣ, невѣстѣ: новая, по свидѣтельству чуткаго поэта, *увеличивала* красоту, *возвышала* личное вліяніе, *вновь вызывала* любовь—желаніями изъ глуби будущаго, *поражала* и *жгла*, — „еще *рѣзвѣе* порхалъ богъ любви, разилъ и жегъ сердца еще *острѣйшими* стрѣлами.“ Пѣсня была роскошною, страстною, разновидною и разнообразною: было *нѣсколько* пѣсней, рѣзво разбѣгавшихся звуками голоса по струнамъ арфы. Какія же были эти пѣсни, а если не можемъ указать ихъ именно, то какія изъ уцѣлѣвшихъ, особенно изъ „Нарышкинскихъ,“ подходятъ сюда ближе? Какія можемъ или должны мы приписать Марьѣ Львовнѣ, если не по созданію, то по примѣненію къ ней, по употребленію, въ ея репертуарѣ? Все это увидимъ мы вскорѣ.

Теперь же пока замѣтимъ, что вскорѣ за „экспромтомъ,“ очевидно столь же невольнымъ и восторженно, неудержимо вырвавшимся изъ груди, какъ „Эвтерпа,“ въ слѣдъ за напечатаніемъ его въ Мартѣ 1796 года, начались непосредственно стихотворные хлопоты Державина о

„миротворствѣ“ въ дѣлахъ Нарышкинскихъ, объ оправданіи старика Льва и цѣлаго его дома, о посѣщеніи его въ день хозяйскаго рожденья и о склоненіи новорожденной Гремиславы (21-го Апрѣля) къ участію въ семейномъ праздникѣ 26-го Мая (если онъ перенесенъ былъ сюда съ 26-го Февраля). Хлопоты оказались неудачны, судя потому, какъ авторъ маскировалъ ихъ въ обработкѣ и печатаніи, а нѣкоторымъ строфамъ приписывалъ неблагопріятное вліяніе на собственную служебную карьеру. Отчасти же, можемъ прибавить теперь, виною безуспѣшности могло быть то, что передъ симъ самымъ произнесенъ, сдѣлался извѣстенъ въ чтеніи и даже напечатанъ приведенный сейчасъ экспромптъ. Такъ постоянно вредилъ самому себѣ Державинъ, вдохновеннымъ перомъ, не подчинявшимся практическому и прозаическому разсчету. А между тѣмъ вскорѣ послѣдовала и кончина Екатерины: новый поводъ поэту ликвидировать прежніе счеты, переправлять и передѣлывать прежнія произведенія. Но, чѣмъ больше извѣстенъ намъ подобный способъ ликвидаціи, тѣмъ больше имѣемъ мы право искать вездѣ счетовъ „текущихъ,“ пока они потокомъ стиховъ текли за одно съ текущей жизнію, отражая ее „въ зеркальномъ лонѣ водъ своихъ“ или „какъ солнце въ малой каплѣ водъ.“ Съ минутъ „Эвтерпы,“ съ 1789 года до 1799-го, къ которому мы вскорѣ перейдемъ съ Марьей Львовной, на протяженіи *десяти лѣтъ*, не можетъ статься, чтобы поэтъ, столь увлекавшійся каждою встрѣчею своей героини, каждымъ ея аккордомъ и переливомъ голоса, тотчасъ бросавшійся къ стиху, а встрѣчавшій конечно не два лишь раза, когда пропѣлъ „Эвтерпу“ и „Анакреона,“ напротивъ чуть не ежедневно въ Петербургѣ, при своей близости къ дому, да еще въ Горкахъ и Горахъ, гдѣ царила та же героиня—по крайности своей прежней пѣснею и исторіей, въ добавокъ наконецъ, поэтъ среди лучшей поры своего творчества, — не можетъ статься, говоримъ, чтобы Державинъ не обращался къ героинѣ, столь высокой, любимой, вліятельной и привычной, *еще по крайности десятки разъ*, въ разныхъ стихотвореніяхъ, цѣльныхъ или по частямъ, отдѣльными фразами и стихами, при нѣсколькихъ случаяхъ и поводахъ. Не можемъ отдать себя и мѣста, безъ того слишкомъ пространно занятаго, на это „вскрытіе“ интересующей насъ жизни и души: для этого нужно бы пристальнымъ ножомъ вскрывать трупъ сотни стихотвореній, измѣнившихся и измѣненныхъ, намѣренно закутанныхъ или обнаженныхъ, выдохшихся или задушенныхъ, передѣтыхъ, перелицованныхъ, переименованныхъ. На это есть издатели Державина, и такіе почтенные во всякой, и такіе безпримѣрные въ нашей литературѣ, какъ Я. К. Гротъ. Ему и образованному его взгляду, рвенію и опыту доступны всѣ неуловимыя подробности: намъ остаются лишь нѣкоторыя соображенія. Но, въ качествѣ сихъ послѣднихъ, не можемъ не вспомнить по крайности объ одномъ, и одномъ изъ лучшихъ произведеній поэта, сосредоточенномъ *на Потемкинѣ*, а слѣдовательно въ неизбѣжныхъ отношеніяхъ и къ нашей героинѣ, притомъ въ годахъ,

ближайше насъ занимающихъ, уже по смерти героя, съ безпристрастнымъ и вдохновеннымъ обращеніемъ къ его образу. Это—знаменитый „Водопадъ."

Исторія сего произведенія такова же, какъ всѣхъ почти Державинскихъ, прочихъ и лучшихъ (ср. изд. г. Грота, стр. 456 и дал.). Во первыхъ, онъ началъ оду, по свидѣтельству Дмитріева, еще при жизни Потемкина, конечно убѣдившись въ неизбѣжномъ его паденіи, то есть послѣ 1789 года: смерть князя послужила лишь подтвержденіемъ началу и новымъ вызовомъ къ дальнѣйшей обработкѣ. Потомъ, со словъ того же друга, сначала состояла ода всего изъ 15 строфъ (вмѣсто послѣдующихъ 74). Слѣдовательно опять первоначальнаго вида мы не знаемъ и даже трудно гадать, что̀ именно говорилъ здѣсь поэтъ „при жизни" героя, что̀ „сейчасъ послѣ его смерти." А наконецъ, продолжалъ онъ писать долго и напечаталъ лишь въ 1798-мъ году, когда миновало все щекотливое, а былое представилось въ иномъ уже свѣтѣ: *сколько* и *какихъ* тутъ было измѣненій, рѣшить еще труднѣе. Въ „настоящемъ" видѣ, изображеніе Румянцова до того обильно и длинно, что совершенно почти подавило Потемкина: потому конечно не идетъ оно прямо къ сему послѣднему, не принадлежитъ къ первобытному составу оды и даже вставлено съ подробностями изъ другаго особаго стихотворенія. „Программъ" очевидно было нѣсколько; картины повторяются то съ одной, то съ другой стороны предмета и цѣлыми серіями отвѣчаютъ одна другой; аллегорій, намековъ и „тонкихъ" примѣненій такое множество, что ихъ не нужно уже отыскивать,—они бросаются въ глаза; позднѣйшія же „Объясненія" по обычаю многое стираютъ и нивелируютъ. Конечно, все это обнаруживаетъ „исторію" произведенія и не роняетъ высокихъ его достоинствъ: но эта исторія длится именно съ 1789 по 98-й годъ, цѣлыхъ десять лѣтъ, отвѣчая годамъ „нашего дѣла," а потому мы въ правѣ искать и находить здѣсь неизбѣжныя черты героини, связанной тѣсно съ именемъ Потемкина, какъ отзывались онѣ у поэта въ разныя эпохи пройденныхъ десяти годовъ. — Такъ, въ составѣ оды, 1) до строфы 8-й или до появленія Румянцова, идетъ *первая* серія картинъ, снятыхъ съ „природы внѣшней,"—изображеніе водопада съ его обстановкою, какъ естественнаго, хотя и дивнаго, явленія сей природы: мы увидимъ, какъ дальше отвѣчаютъ сему параллельныя картины изъ „человѣческой дѣйствительности" или „исторіи."—За тѣмъ, 2) эпизодомъ, разумѣется безъ прямаго отношенія къ „нашему дѣлу," изображается Румянцовъ, какъ созерцатель водопада и отчасти резонёръ, высказывающій уроки ему и приговоры, со строфы 8-й до 39-й: но и Румянцову однако отвѣчаютъ впослѣдствіи подобныя же фигуры, присѣдящія водопаду или обстоящія вокругъ, съ отзывами о немъ и отчасти также приговорами, въ томъ числѣ и самъ поэтъ. — Далѣе, теперь только, 3) появляется самъ Потемкинъ, съ 39-й до 55-й строфы: сперва какъ „духъ," вылетѣвшій изъ лежащаго среди степи трупа, какъ „тѣнь," несущаяся по облакамъ въ

горнія жилища, и постепенно одѣвается она плотію, и предстаетъ Потемкинъ во плоти, въ своей собственной „исторіи." Исторія этого политическаго Водопада отвѣчаетъ, разумѣется, явленію водопада природнаго; черты и образы повторяютъ собою, оживляютъ и толкуютъ „по исторически" предъидущія картины природы внѣшней, изъ серіи 1-й.—Въ строфахъ 55—58-й переходъ, и за симъ, послѣ словъ „напишется Потемкинъ трудъ (въ исторіи)," рисуется въ стр. 59—68, 4) „историческая сцена" или, по выраженію поэта, „театръ" Потемкина, какъ храмъ славы надъ его гробницей: роли здѣсь розданы разнымъ мѣстностямъ, явленіямъ, лицамъ,—но конечно „главнымъ;" они также— вокругъ, подобно амфитеатру, также съ отношеніями къ герою, также повѣтствуютъ о немъ, отзываются своими приговорами, отвѣчаютъ чертамъ и образамъ равно и 1-й, и 3-й серіи, и природнымъ, и личнымъ Потемкинскимъ. — Наконецъ, съ 69 строфы заключеніе, въ обращеніи къ „водопадамъ міра" и къ „водопадовъ *матери*"—Екатеринѣ (которая „дѣлала водопады, т. е. сильныхъ людей, и блистала чрезъ нихъ," по Объясненіямъ Д—на).—Повторяемъ, что всѣ эти серіи не исключаютъ одна другой, напротивъ одна другую проникаетъ, пополняетъ, живитъ образами: на примѣръ, картина природы внѣшней, вѣрная даже съ точки зрѣнія чисто-мѣстной, изображая въ точности водопадъ Кивача и рѣку Суну, его пораждающую, остается на этой почвѣ вполнѣ естественною, и однако же вторится въ послѣдующихъ красках человѣческой дѣйствительности, въ событіяхъ личныхъ — Потемкинскихъ, въ явленіяхъ историческихъ, и т. п.—И такъ, выберемъ же нѣсколько подобныхъ образовъ, одинъ другому вторящихъ во взаимномъ соотвѣтствіи. Такъ, *въ 3-й серіи*, „историческій и личный Потемкинъ," разумѣется, цѣликомъ отвѣчаетъ самому водопаду изъ серіи 1-й: онъ и есть Водопадъ въ личной своей исторіи. Между многими подробностями, „алмазной горѣ," „безднѣ жемчугу и сребра" (стр. 1) отвѣчаетъ „*Счастья сынъ*, великолѣпный князь Тавриды" (стр. 42),—тотъ, къ которому, мы помнимъ, обращался Державинъ въ Одѣ на Счастіе и который такъ любилъ щеголять драгоцѣнностями. „Лучу," что „чрезъ потокъ сверкаетъ скоро" (стр. 2), вторитъ строфа 48-я—„Не ты ль наперстникомъ близь трона У сѣверной Минервы былъ, Во храмѣ музъ другъ Аполлона," а особенно строфа 54-я—„Который, почестей въ лучахъ, Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронѣ, На сребророзовыхъ коняхъ, На златозарномъ фаэтонѣ, Во сонмѣ всадниковъ блисталъ:" это столь знакомый намъ—„Февей" или Фебъ, и тутъ же, замѣтьте, „Рѣшемыслъ,"— „Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ" (стр. 43). Словамъ (стр. 4)—„Сковать ли воду льды дерзаютъ, Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ," соотвѣствуетъ строфа 47-я—„Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ, Парящій замыслами думъ, Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ, Но проложилъ ихъ самъ." Здѣсь же, въ стр. 52, великому водопаду отвѣчаетъ богатырь,—когда, по смерти его, „Гранена булава упала (Гетманская, какъ палица у богатырей), *Мечъ въ полножнѣ войти чуть могъ*, Ека-

терина возрыдала:" вспомнимъ, какъ изображенъ былъ „Горе-богатырь," какъ онъ примѣрилъ было себѣ броню старшаго богатыря, — и самъ ушелъ въ нее, погрузясь до половины стана, и картина эта сопровождалась громкимъ смѣхомъ въ стѣнахъ Эрмитажа; здѣсь, на оборотъ, но съ явнымъ намекомъ на былое, по смерти богатыря мечь его пришелся намѣстникамъ не подъ силу, на половину завершено было Потемкинское дѣло, некому было покончить, и—„вдругъ прыснули слезы," какъ говоритъ Храповицкій. Изображенные здѣсь же, въ 3-й серіи, ретивые соперники и горячіе готовностью преемники Потемкину отвѣчаютъ очевидно той фигурѣ, которая вмѣстѣ съ другими составляетъ обстановку водопада въ серіи 1-й: это—„Ретивый конь, осанку горду Храня, къ тебѣ порой идетъ, Крутую гриву, жарку морду Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ И, подстрекаемъ бывъ, бодрится, Отважно въ хлябь твою стремится (стр. 7);" мы еще увидимъ ему прямое соотвѣтствіе ниже, а въ „Объясненіяхъ" Державинъ указываетъ „подъ конемъ гордость или честолюбіе." Хищный „волкъ" серіи 1-й, вторая фигура вокругъ водопада, „рыщетъ, огонь горитъ въ его глазахъ, рожденный на кровавый бой онъ воетъ" (стр. 5); Д—нъ „объясняетъ" это „злобою" врага, „который отъ ужаса стервенѣетъ или болѣе ярится:" а въ серіи 3-й, въ обстановкѣ личной исторіи Потемкина, являются на томъ же мѣстѣ „орды сильны сосѣдей хищныхъ" (стр. 45), злобныхъ враговъ, угрожавшихъ герою огнемъ и мечемъ (въ стр. 46-й слѣдуетъ Очаковъ и Измаилъ). Фигуру третью, послѣ волка и коня, мы встрѣтимъ еще далѣе. Четвертая фигура, присѣдящая водопаду съ отзывомъ и приговоромъ, есть Румянцовъ (сер. 2): въ серіи 3-й эту роль занимаетъ самъ поэтъ, съ его пѣснопѣніями. Онъ признается, что писалъ герою немного: „Се ты, небеснаго плодъ дара Кому *едва* я посвятилъ (стр. 49)." Но, подобно какъ шутливые образы Горе-богатыря мгновенно измѣнились по смерти героя и смѣхъ смѣнился горькими слезами, Д—нъ чистосердечно сознается (стр. 50), что похвалы (Рѣшемыслу, на Измаилъ) смѣнились стенаньемъ,—„Хоровъ сладкій звукъ моихъ въ стенанье превратился;" лира восторгавшаяся („Эвтерпа," „Осень Очаковская"),—„свалилась лира съ слабыхъ рукъ;" а смѣхъ (Любимцу Счастія, Анакреону) премѣнился въ слезы— „И я тамъ въ слезы погрузился." Наконецъ, какъ въ 1-й серіи, въ картинахъ природныхъ, водопадъ „Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми, Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ, Далече ревъ въ лѣсу гремитъ (стр. 1)," такъ въ серіи 3-й (стр. 44) читаемъ въ соотвѣтствіе сей картинѣ: „Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ Мощь Росса, духъ Екатерины, И, опершись на нихъ, хотѣлъ Вознесть твой громъ на тѣ стремнины, На коихъ древній Римъ стоялъ И всей вселенной колебалъ?" Въ „Объясненіяхъ" Д—нъ прибавляетъ: „основывалъ онъ великіе замыслы..., чтобы выгнать изъ Европы Турокъ;" это же самое, мы знаемъ, было послѣднимъ актомъ драмы, послужившимъ противъ героя орудіемъ подозрѣній и козней, передъ смертію. Еще яснѣе намъ это изъ устъ Румянцова, въ серіи 2-й (стр. 13): „Падутъ—и вождь непобѣди-

мый, Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ, Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы, Закрывъ лицо плащемъ упалъ, Исчезли замыслы, надежды, Сомкнулись алчны къ трону вѣжды."—Это все въ соотвѣтствіи между *серіей 1-й и 3-й* (куда немного входитъ лишь изъ 2-й). Но между *1-й и 4-й* соотвѣтствіе такое же и даже еще ярче. Помянутому волку и дикимъ ордамъ отвѣчаютъ здѣсь (стр. 60—64) гораздо прямѣе Турки: „Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ И слышенъ стонъ,—что̀ Турокъ мнитъ? Дрожитъ — и во очахъ сокрытыхъ Ему еще штыки блестятъ.... Дрожитъ—и обращаетъ взглядъ Онъ робко на окрестны виды: Столпы на небесахъ горятъ По сушѣ, по морямъ Тавриды. И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь Течетъ его и мерзнетъ кровь." А вотъ и конь ретивый, и преемники Горе-богатыря подъ его доспѣхами (стр. 67): „Алцибіадовъ прахъ!—И смѣетъ Червь ползать вкругъ его главы? Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ, Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? Увы!" При сихъ стихахъ Д—нъ прибавляетъ въ объясненіе: „отношеніе къ кн. Зубову, который, счастіемъ пріобрѣтши его власть, охуждалъ иногда (!) дѣла Потемкина, но при восшествіи на престолъ императора Павла показалъ, что самъ не имѣлъ великой души (доказательство, между прочимъ, что 4-я часть оды, болѣе опредѣленная, обработывалась въ концѣ 90-хъ годовъ)." Мѣсто Румянцова и Д—на (занятое ими при водопадѣ въ прежнихъ серіяхъ) занимаютъ теперь, въ серіи 4-й, вообще *пѣвцы*, поющіе о подвигахъ героевъ на историческомъ театрѣ (стр. 68): „Лишь истина даетъ вѣнцы Заслугамъ, кои не увянутъ, Лишь истину поютъ пѣвцы, Которыхъ вѣчно не престанутъ Гремѣть перуны сладкихъ лиръ."— Такъ строго соотвѣтствіе образовъ, вторящихъ другъ другу по разнымъ частямъ въ составѣ оды. Таково же соотвѣтствіе, въ трехъ серіяхъ, между образами, наиболѣе для насъ важными, которые и представимъ здѣсь въ заключеніе.

Именно, въ 1-й серіи, среди картинъ или фигуръ природы внѣшней, окружающихъ водопадъ, цѣлая строфа 6-я посвящена образу *лани:*

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ:
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Лань—издревле, во всякой поэзіи, служитъ образомъ дѣвушки, какъ символъ Артемиды или Діаны. Въ „Объясненіяхъ" Д—нъ это подтверждаетъ: „Подъ ланію кротость, которая робка при опасности." Отвлеченный смыслъ этой „кротости" нисколько не исключаетъ „лани дѣйствительной" на своемъ мѣстѣ, въ образѣ природы внѣшней; и столько же на собственномъ своемъ мѣстѣ остается здѣсь дѣвица, робкая, объятая страхомъ въ послѣдніе годы героя, напуганная всѣмъ,—

и этимъ стономъ падающаго Водопада, и вокругъ шумомъ, и свистомъ бурь, и самымъ хрусткимъ листомъ подъ стопою несмѣлой. — Но лань при Артемидѣ вызываетъ собою еще другой совмѣстный символъ—*луну*: являясь въ серіи 2-й (стр. 18, 19), при Румянцовѣ. конечно она подсказала поэту указаніе на Турцію. Однако, ограничилось ли этимъ подлинное значеніе луны *до вставки* длиннаго эпизода о Румянцовѣ? Конечно нѣтъ. Луна вторитъ лучезарному Фебу: а Феба мы уже видѣли, и непремѣнно ждемъ ему соотвѣтствія. Луна изображена у поэта слишкомъ нѣжною и мечтательною, тою же „робкою ланью", а это не примѣнялось къ Турціи, которая притомъ имѣетъ въ одѣ совсѣмъ другой, прямой соотвѣтственный образъ— лютаго звѣря, волка. Итакъ, вотъ эта подлинная луна:

Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.
Глядѣла—и едва блистала
Предъ старцемъ *) преклонивъ рога **):
Какбы съ почтеньемъ признавала
Въ немъ своего—того врага,
Котораго она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Эта вполнѣ „дѣвственная" луна конечно потому поставлена была въ робкія отношенія къ Румянцову, что онъ напоминалъ собою суровые отзывы о Нарышкиныхъ, вражду его противу Потемкина и двоюродную сестру свою, которая, мы знаемъ, послужила виною столькихъ золъ въ судьбѣ дѣвицы. — Въ серіи 3-й (стр. 48), на мѣстѣ лани и луны, окружаютъ Потемкина, какъ Анакреона, представительницы красоты, искусства и забавъ:

Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали,
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

Что здѣсь именно разумѣлась любовь и выведены музы или хариты, какъ робкія дѣвы, отвѣчающія лани и лунѣ, доказываетъ самъ Державинъ въ „Объясненіяхъ" къ симъ стихамъ. Разумѣется, мистифируя

---

*) Кто былъ въ первоначальномъ видѣ оды на мѣстѣ этого „старца," примѣненнаго позднѣе къ Румянцову? На виньеткѣ при стихотвореніи, вмѣсто него, изображенъ сидящій въ задумчивости богатырь, зрѣлыхъ лѣтъ и мужественной красы.

**) Ср. о лани: „преклоненные рога."

по обычаю, онъ придаетъ всему тонъ скабрёзный и указываетъ „особливо праздники, гдѣ онъ (Потемкинъ) угащивалъ своихъ *любовницъ*." Но мы, болѣе вѣрные раннему, лучшему и подлинному тону поэта, при этомъ *счастьѣ* въ союзѣ со *славой*, при этомъ вѣнкѣ изъ *лавра* и *мирта*, вспомнимъ гораздо скорѣе образы „Эвтерпы" и „Осени Очаковской," тогдашней „*любви* и *славы*," „*лавромъ* головы нагбенной"—склонившейся къ *персямъ*, *Марса* съ „*сердцемъ зажженнымъ*," „Любимца *счастія*, взимающаго *покой*," и т. д. И дѣйствительно, какъ сторонится робкая лань, какъ проглядываетъ и трепещетъ луна, такъ образы красоты и любви выставлены поэтомъ вокругъ Водопада чтобы уступить его паденію, устрашиться его смерти.—Наконецъ, въ серіи 4-й, наиболѣе опредѣленной, на мѣстѣ, соотвѣтственномъ лани, лунѣ и дѣвицамъ, является сама *Любовь*, какъ человѣческій образъ въ замѣнъ всѣхъ прежнихъ образовъ изъ природы внѣшней, какъ образъ единственный вмѣсто общаго или совокупнаго (стр. 65). Любовь, подобно Румянцову, поэту и вообще пѣвцамъ, присѣдитъ Водопаду или тому самому Богатырю, который на виньеткѣ стихотворенія изображенъ олицетвореніемъ водопада, сего величаваго зрѣлища природы: она присѣдитъ падающему, она склонилась надъ богатыремъ павшимъ. Ея образъ—таковъ же, какъ въ „Осени Очаковской," какъ въ „Анакреонѣ" и особенно въ „Эвтерпѣ": она задумчива, она играетъ на цитрѣ, смѣнившей арфу, она поетъ — и голосъ ея мчится всюду по вѣтру, она глубоко вздыхаетъ „перловой грудью," какъ Эвтерпа „лилейною." Единственная *новая* черта въ ея положеніи: она надъ мертвымъ, она думаетъ оживить геройскій образъ—въ памяти, въ пѣснѣ, въ потомствѣ, которому поетъ. Нельзя удержаться отъ улыбки предъ наивностью Державина, когда онъ въ позднихъ „Объясненіяхъ," растерявъ свои програмы, позабывъ поводы собственнымъ стихамъ или слишкомъ помня о наступившемъ замужствѣ героини, старается массивною натяжкой увѣрить потомковъ, что живые образы свои въ настоящемъ случаѣ занялъ онъ отъ тѣхъ „грудей," которыя, мы знаемъ, пугали нѣкогда Румянцова на балахъ Кіевскихъ, а подъ перомъ Гоголя губили Чичикова на балахъ провинціальнаго города: „Многія почитавшія кн. Потемкина женщины носили въ медаліонахъ его портреты на грудныхъ цѣпочкахъ; то, вздохами движа, его, казалось, оживляли." Предпочитаемъ конечно самые стихи въ ихъ подлинникѣ:

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво Любовь сидитъ:
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ;
Геройскій образъ оживляетъ....

Кто же не узнаетъ здѣсь Марьи Львовны Нарышкиной, съ ея неиз-

мѣнными пѣснями? Въ изображеніяхъ поэта мы дошли съ нею отъ 80-хъ годовъ до конца 90-хъ.

*

Здѣсь разстаемся мы на долго съ Державинымъ, столь глубоко почтительные къ его высокой поэзіи, столь благодарные ему за обильныя, живыя, яркія и повторительныя черты въ образѣ нашей героини, столь признательные за полное сочувствіе къ ней, какое только достойно истиннаго поэта и передоваго лица эпохи. Не менѣе мы благодарны и издателямъ, особливо Я. К. Гроту, который успѣлъ вложить душу въ историческія показанія Державина и опредѣленную исторію въ его чистую, увлекавшуюся, порою безпамятную, поэтическую душу: позволяемъ себѣ только ожидать обильнѣйшихъ подробностей при разборѣ произведеній поэта съ *новой* точки зрѣнія и въ *особомъ* примѣненіи.

А теперь, отъ поэтической Марьи Львовны обращаемся къ *дѣйствительной*, хотя все-таки неизмѣнно изящной и артистической.

*

Наступилъ 1799-й годъ: красавицѣ, всё еще остававшейся въ дѣвицахъ, было уже *за тридцать*. Она продолжала обворожать окружающихъ, а старики родители имѣли въ ней единственную отраду себѣ и утѣху дома. Дочь жила вся въ прошломъ: и конечно, послѣ такого героя первой любви, трудно было избрать кого либо другаго. Однако пора была рѣшаться: или на вѣкъ уже остаться дѣвицей, или избрать, когда не предметъ любви, то по крайности мужа. Братья и сестры имѣли уже взрослыхъ дѣтей; родители, чувствуя приближеніе смерти, хотѣли при жизни пристроить послѣднюю дочь: наконецъ выборъ ея остановился на счастливцѣ и жребій выпалъ. По извѣстнымъ намъ привычкамъ Нарышкинскаго семейства и особенно по преданію, усвоенному подъ вліяніемъ Потемкина, домъ отцовскій полонъ былъ Малоруссовъ, Бѣлоруссовъ, а за ними и кровныхъ Поляковъ. Высшее общество Петербурга успѣло наполниться сими послѣдними, и даже войти съ ними въ родственныя связи: то были Иллинскіе, Потоцкіе, Ржевусскіе, Чарторыйскіе, Огинскіе и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ, и въ домъ Нарышкинскій прибывало ихъ все болѣе и болѣе: благодаря старшему зятю, извѣстному для насъ, гр. Салогубу (хотя и не Поляку по крови), успѣвшему выйти уже въ отставку генераломъ; благодаря другому зятю, кн. Адаму Понинскому, кровному Поляку, покрывшему себя военною славою въ 90-хъ годахъ; наконецъ, съ 95-го года, воспѣтаго Державинымъ, благодаря всего больше браку Дмитрія Львовича съ Марьей Антоновной, кн. Святополкъ-Четвертинской. Въ числѣ этихъ-то лицъ обозначился постепенно *князь Любомірскій, Францъ Ксаверій.*

Онъ выдавался прежде всего знатностію, въ ряду тѣхъ немногихъ Польскихъ родовъ, которые получили княжеское достоинство еще до вступленія въ Русское подданство и удержали его въ семъ послѣднемъ. Съ самаго XIII вѣка вся Польская исторія, а особенно Краковъ, связаны тѣсно съ знаменитыми лицами, мужскими и женскими, изъ этой непрерывной фамиліи. Отецъ нашего Любомірскаго, женатый на отрасли знаменитаго Берестейскаго семейства Потѣевъ (или такъ называемыхъ по Польски Поцеевъ), дѣдъ—воевода Сендомирскій, прадѣдъ въ супружествѣ съ Екатериной Сапѣгой, прапрадѣдъ Юрій-Себастіанъ— гетманъ и великій маршалокъ коронный, славный герой въ половинѣ XVII вѣка, вдохновившій дѣяніями своими историковъ и судьбою своею нѣсколькихъ поэтовъ, а наконецъ отецъ сего послѣдняго, первый князь изъ Любомірскихъ, Станиславъ, воевода Краковскій и великій полководецъ, въ свою очередь старшій сынъ перваго въ роду графа Себастіана, прославленнаго воинскими подвигами и умомъ, — вотъ какая прямая линія вела родъ нашего героя къ началу XVII вѣка и концу XVI-го. Нисходящая линія съ каждой ступенью приближалась все больше и больше къ Россіи, и поприщемъ дѣйствій, и своими имѣньями, которыя оказались напослѣдокъ въ присоединенной къ намъ Бѣлой Россіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ явилась возможность поступать въ Русскую службу, и Францъ Ксаверій рано ее началъ подъ прямымъ покровомъ расположеннаго Потемкина. Столь же рано онъ женился, сперва на Антуанетѣ Потоцкой, потомъ на Теофилѣ Ржевусской, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей и дочь *). Вторая супруга была въ особенности представительна. На пути въ Россію, чрезъ Польшу, Литву и Бѣлую Русь, въ 1785 году, знакомецъ нашъ Сегюръ разсказываетъ, между примѣрами геройства Полекъ, поступокъ княгини Любомірской: какъ, разъ зимою, въ саняхъ, ѣдучи по дорогѣ въ густомъ лѣсу, она подверглась нападенію медвѣдя. Гайдукъ съ переломившейся саблею стиснутъ былъ объятіями разъяреннаго звѣря, но княгиня, не потерявши присутствія духа, двумя выстрѣлами изъ пистолетовъ положила медвѣдя мертваго къ ногамъ своимъ **). Во время путешествія въ Тавриду, 1787 года, въ числѣ знати Польской, явившейся въ Кіевъ представиться лицу Императрицы, между Браницкими, Потоцкими, Мнишками, Сапѣгами, и за одно съ Натальей Львовной, прибывшей по близости попутныхъ имѣній, пріѣзжала изъ помѣстій своихъ и княгиня Любомірская. Князь, мужъ ея, тогда былъ уже на службѣ нашей въ чинахъ, а въ 1788 году, подъ Очаковымъ, въ арміи покровителя своего Потемкина, состоялъ

---

*) „Р. Родословная книга“ кн. Долгорукова.—Старшій изъ нихъ, Константинъ Кс. р. 7-го Ноября 1786, служилъ Русскимъ генер. лейт., жен. на гр. Ек. Никол. Толстой; младшій Евгеній р. 1790, † 1834, жен. на Чацкой, потомъ на кн. Святоп. Четвертинской; дочь Изабелла за Цетнеромъ.

**) „Mémoires“ etc. 1827, т. 2.

уже генераломъ и, какъ мы видѣли, осенью уѣзжалъ оттуда въ отпускъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ гр. Салогубомъ, въ Польскія и Бѣлорусскія свои помѣстья. Въ послѣднихъ онъ приходился близкимъ сосѣдомъ, по Могилевской губерніи, съ Салогубами, а чрезъ то съ Нарышкиными и съ Потемкинымъ. Здѣсь-то впервые, изъ Горокъ и Горъ, должна была узнать его и познакомиться съ нимъ будущая невѣста, когда еще онъ былъ женатъ на второй супругѣ: а впослѣдствіи, удаляясь двора и шумнаго свѣта, гостивши у сестры въ краяхъ, столь дорогихъ по воспоминаніямъ, Марья Львовна конечно встрѣчала Любомірскаго уже овдовѣвшимъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ, Таврическій, плѣнившись имѣньемъ, принадлежавшимъ Любомірскому, помянутымъ у насъ выше, мѣстечкомъ *Дубровною* (по Польскому выговору *Домбровна*, на Днѣпрѣ, Могилевской губерніи, въ 38 верстахъ отъ Горокъ, по Смоленской дорогѣ), прикупилъ себѣ это желанное помѣстье. По обычаю, онъ завелъ здѣсь разныя промышленныя заведенія, между прочимъ отличную суконную фабрику, и произведеніями хозяйства своего хвалился передъ гостями, въ томъ числѣ, проѣзжая послѣдній разъ (на смерть), въ 1791 году, при остановкѣ въ Могилевѣ, передъ извѣстнымъ *М. Огинскимъ*, который по этому поводу оставилъ намъ любопытный разсказъ о князѣ въ своихъ „Запискахъ *).“ Но, также точно, къ со-

*) „Mémoires,“ T. I, Paris 1826, chap. VII, p. 146 et s. При проѣздѣ Потемкина все пришло въ движеніе на 50 верстъ въ окружности; дворянство стеклось изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей провинція, всѣ дамы были разодѣты. Изъ губернаторскаго дома, гдѣ ждали, бросились къ низу лѣстницы, чтобы увидать, какъ вылѣзалъ изъ экипажа князь, одѣтый въ широкій лѣтній халатъ и покрытый весь пылью: онъ пробѣжалъ толпу придворныхъ не поклонившись и не удостоивъ ее даже взглядомъ. Предупрежденный прежними свѣдѣніями, какъ презиралъ князь всѣхъ, унижавшихся передъ нимъ изъ боязни или преувеличеннаго почтенія, Огинскій не спускался съ лѣстницы: князь тотчасъ его замѣтилъ въ покояхъ, спросилъ у Пассека, кто это, вѣжливо раскланялся и черезъ четверть часа прислалъ Баура съ приглашеніемъ къ обѣду. Общее, распространенное мнѣніе было то, что Потемкинъ имѣлъ виды сдѣлаться Польскимъ королемъ: всѣ вокругъ спѣшили заискивать. Огинскій предвидѣлъ затрудненія при распросахъ о Варшавѣ и рѣшился быть откровеннымъ, — это и удалось ему. За обѣдомъ участниковъ бесѣды было человѣкъ двадцать. „Князь разговаривалъ со мною объ Голландіи, въ которой я былъ недавно и которую онъ зналъ какъ будто прожилъ тамъ всю жизнь, потомъ объ Англіи, правленіе которой, обычаи, привычки и національные нравы были въ совершенствѣ ему извѣстны. Вошедши въ подробности объ Англійскихъ фабрикахъ и мануфактурахъ, проведя параллель между ними и Русскими, онъ остановился на отдѣлѣ музыки и живописи, прибавивъ, что Англичане не знаютъ въ нихъ толку: и вдругъ послѣ того, назвавши двухъ современныхъ живописцевъ, Лампи и Грасси, обернулся въ мою сторону“ и заговорилъ о смѣшныхъ портретахъ обоихъ Понятовскихъ. Чтобы

жалѣнію по обычаю своему, Потемкинъ позабылъ хорошенько разсчитаться съ подручнымъ себѣ, прежнимъ хозяиномъ, Польскимъ княземъ. По смерти покровителя, послѣдній вышелъ въ отставку генералъ-поручикомъ, занялся устройствомъ состоянія, счелъ старые долги свои на Потемкинѣ, а подполковникъ Маркловскій, также Полякъ, управлявшій фабрикою, по словамъ Державина, „изъ раболѣпства" къ свѣтлѣйшему, „не получая по обѣщанію жалованья" и дѣлая „прочія издержки на князя" Потемкина, въ концѣ 96-го года вступился равнымъ образомъ въ искъ: такъ возникло тяжебное дѣло между Любомірскимъ, Маркловскимъ и сонаслѣдниками Таврическаго, которые вообще, какъ сказано выше, ссорились изъ за крупнаго наслѣдства. Дѣло это памятно тѣмъ, что его пришлось разбирать и мирить тому же Державину, который, мы знаемъ, призванъ былъ вскорѣ за симъ защищать Наталью Львовну въ ссорахъ состарѣвшейся четы Салогубовъ: онъ чуть было не навлекъ на себя гнѣвъ императора Павла и за то оставилъ намъ любопытныя страницы о семъ дѣлѣ въ „Запискахъ *)." Изъ одной уже этой тяжбы, въ спорѣ за десятки тысячь, видно хорошее состояніе Любомірскаго: но и кромѣ того извѣстно, что вообще онъ былъ, кромѣ знатности, человѣкъ богатый. Хваля его сотоварищей, сверстниковъ и новыхъ

отвратить отсюда разговоръ, въ который пускался князь, съ большою охотою, учащая остроты и насмѣшки, собесѣдникъ наименовалъ извѣстнаго тогда живописца Смуглевича: Потемкинъ посовѣтовалъ ему заняться картиной, которая представила бы учрежденіе конституціи 3-го Мая, а при этомъ разсыпать по картинѣ цвѣты, „называемые по Нѣмецки Vergissmeinnicht (незабудки)." Огинскій горячо и твердо вступился, высказалъ нѣсколько суровыхъ истинъ, и въ томъ же тонѣ продолжалъ за ужиномъ. Повторилась извѣстная намъ исторія Сегюра. Князь поглядѣлъ на собесѣдника проницательно, не показалъ обидчивости, сдѣлался чрезвычайно вѣжливъ и на другой день бросилъ уже всякую стѣснительность. „Онъ говорилъ со мною много о земледѣліи, ботаникѣ, обо всѣхъ улучшеніяхъ, которыя имѣлъ въ виду, чтобы развести фабрики и мануфактуры въ той части Польши (Западномъ Русскомъ краѣ), гдѣ онъ имѣлъ владѣнія, а вообще чтобы расширить и облегчить торговлю въ цѣлой странѣ. Онъ показалъ мнѣ сукна и другіе образчики производства у него въ *Домбровнѣ*, въ помѣстьѣ, которое онъ купилъ незадолго передъ тѣмъ у князя *Ксаверія Любомірскаго* въ Бѣлоруссіи (однако очевидно нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ, ибо достигъ успѣховъ въ фабрикаціи)." Въ этотъ день былъ у него завтракъ-обѣдъ около полудни: сидѣли вблизи Пассекъ, Сестренчевичъ-Богушъ и Огинскій; прочіе, мужчины и женщины высшаго класса, держались въ почтительномъ отдаленіи, въ залѣ и окрестныхъ покояхъ. „Въ заключеніе князь простился съ нами, исчезъ—и уѣхалъ среди такой же суматохи, съ какою прибылъ."—Мы воспользовались случаемъ привести эту маленькую картинку, столь характерную для Потемкина и всего, выше нами сказаннаго, не встрѣчая ея въ ходячей нашей литературѣ.

*) По изданію г. Грота, стр. 712—718, дѣло 1797—1800 г.

родныхъ, кого за красоту, кого за ловкость, образованность, общественную свѣтскость, и т. п., современники умалчиваютъ только о подобныхъ качествахъ въ Любомірскомъ. Во всякомъ случаѣ, по крайности, онъ далеко былъ не молодъ въ пору, о которой у насъ рѣчь: соображая, что второй разъ женился онъ не позже 1785 года (ср. выше о старшемъ сынѣ), когда Марья Львовна только что расцвѣла для своей роли всей юностью, а подъ Очаковымъ былъ уже генераломъ, должны мы заключить, что къ 1799 году ему причиталось не менѣе *пятидесяти лѣтъ*. Но, оставивши по себѣ память хорошаго служаки и честнаго человѣка, съ извѣстной военной выдержкою, то, что называется brave homme (близко—хотя не совсѣмъ—„молодецъ" по Русски), онъ еще былъ подъ стать въ женихи для *третьей* жены (овдовѣлъ онъ послѣ второй въ 90-хъ годахъ). Самой невѣстѣ, повторяемъ, было уже за 30, да кромѣ того у ней были особенности, не всѣмъ сопутственныя; если же взять въ разсчетъ отличія уцѣлѣвшей красоты ея, талантовъ, искусства, прелестнаго нрава и высоты нравственной, то естественно представить, что мужъ съ полнымъ правомъ надѣялся на прочное счастье, соединяя съ нимъ конечно и благодарную память къ фельдмаршалу, и не менѣе богатое приданое. Много ли пріобрѣтала сама Марья Львовна, вступая въ положеніе третьей супруги, по обыкновеннымъ понятіямъ нелестное, трудно судить: нужно вспомнить только, что во всякомъ случаѣ она получала здѣсъ „поддержку" въ виду близкой родительской смерти и независимое, почетное положеніе княгини для остатка жизни, чтобы такъ или иначе оглашать ее любимымъ творчествомъ своимъ и искусствомъ, за стѣнами семейнаго дома и щитомъ солиднаго мужа. Такъ подошла весна 1799 года. Кутузовъ, какъ извѣстно, бывшій нѣкогда подъ Очаковымъ (и получившій тамъ вторую тяжелую рану въ голову), имѣлъ случай при этомъ познакомиться съ соратникомъ Любомірскимъ. Въ 1799 г. отъ 11-го Апрѣля онъ писалъ къ женѣ изъ Фридрихсгама *): „Ко мнѣ пишетъ князь Ксаверій Любомірскій, что онъ помолвленъ на Марьѣ Львовнѣ Нарышкиной. Ему надобно отвѣчать, и не знаю, какъ зовутъ по Русски (вѣроятно —по отчеству). Сдѣлай милость, провѣдай поскорѣе и напиши." Благодаря этому поводу, мы узнаёмъ время брака: а вскорѣ скончались родители Марьи Львовны, отецъ въ томъ же году Ноября 9-го, а мать 28-го Іюля 1800 года. Супруги—хотя нельзя назвать молодые—отправились въ Западный Край, въ остававшіяся за ними имѣнья: такое удаленіе героини отъ Двора и столицъ, имѣвшее мѣсто, какъ мы знаемъ, и прежде, послужило между прочимъ виною того, что въ пѣсняхъ ея, и въ главной первой, именно въ исторіи употребленія и распространенія, замѣтенъ нѣкоторый перерывъ,—между Петербургскимъ періодомъ и Московскимъ, а при началѣ Московскаго появляются зна-

*) „Р. Стар." 1870, т. II.

чительныя измѣненія въ редакціи. Для послѣдняго обстоятельства была также своя причина. Въ ту пору подмосковнымъ Кунцовымъ съ окрестностями, послѣ дяди, владѣлъ братъ нашей героини, Александръ Львовичъ: по всему вѣроятію, это самое впервые привлекло героиню въ нашу Московскую сторону; и очень жаль, что ни Карамзинъ, съ 1800 года плѣнившійся означенной мѣстностью и жившій тутъ, ни Дмитріевъ и подобные ихъ сверстники, не вникли при столь благопріятномъ случаѣ въ драматическую судьбу Нарышкиной, о которой могли бы тогда собрать живыя свѣдѣнія и которая подавала богатую пищу романтизму. Они, такъ сказать, проглядѣли подъ руками обильный себѣ матеріалъ, нити котораго отчасти держали сами въ рукахъ при печатавшихся стихотвореніяхъ Державина (ср. выше): мы знаемъ (вып. 9), что равнымъ образомъ ускользнула отъ нихъ и Параша Кусковская. Отъ того, послѣ Державина, не получили мы поэтическаго продолженія любопытной были о существѣ интереснѣйшемъ, пѣсни глохли въ употребленіи постепенно, а печатнымъ пѣсенникамъ, кромѣ памяти о „знаменитой особѣ,“ не было поддержки отъ литературы. Но за то, сказали мы, сама редакція пѣсенъ въ Москвѣ пріобрѣла *второй* себѣ періодъ. Способствовало этому переселеніе четы, искавшей спокойствія (—супругу по его лѣтамъ, а супругѣ по полнотѣ прожитой ею духовной жизни), въ Москву, въ первыхъ годахъ нашего столѣтія. Здѣсь родились у нихъ дѣти, старшіе — и кажется единственные — два сына: *Антонъ*, родившійся 1-го Сентября 1801 г., впослѣдствіи полковникъ Русской службы, женатый на г-жѣ Крашевской; *Александръ*, родившійся 30-го Іюля 1802 года и женатый послѣ на кн. Юліи Николаевнѣ Радивилъ (Радзивилъ *). Какъ видите, по отцу и по женидьбѣ, оба они были Поляками: въ семействѣ некому было поддержать о матери преданій, преимущественно Русскихъ, поэтическихъ и пѣсенныхъ; а отъ того, столь легко, едва не забыли у насъ совсѣмъ эту высокую героиню, и только неизмѣнная Пѣсня сослужила ей и намъ вѣчную свою службу, смѣло вызывая скрывшуюся тѣнь къ новой исторической жизни. Домъ Любомірскихъ, сколько извѣстно, былъ на Тверскомъ бульварѣ, по лѣвой сторонѣ отъ Тверскихъ воротъ, близь церкви Дмитрія Солунскаго **). Мы еще застали его въ старомъ видѣ: особенно помнимъ въ верху балконъ, куда выходило Италіанское большое окно съ дверями, украшенное въ полукругѣ лѣпными работами, внизу же, по обѣимъ сторонамъ средняго подъѣзда, двѣ массивныхъ мраморныхъ статуи въ нишахъ (помнится, одна была Марсъ, другая, кажется, Апол-

*) „Р. Родословн. книга“ кн. П. Долгорукова.

**) Посредственно или непосредственно, по родству Польскому или другимъ побочнымъ связямъ, только этотъ домъ перешелъ позднѣе къ г. *Ладомірскому* и съ этой фамиліей извѣстенъ былъ въ половинѣ нашего вѣка: нынѣ же бар. Корфъ.

лонъ или Діонисъ; нынѣ не осталось тому и слѣдовъ). Долго ли жила здѣсь Марья Львовна, когда скончалась и гдѣ схоронена,—неизвѣстно пока ничего, столько же, сколько и объ мужѣ ея (надѣемся разыскать въ послѣдствіи). Но во всякомъ случаѣ Пѣсня, безъ сомнѣнія не оставленная героиней, сама ее не оставила и пронесла на себѣ нѣсколько слѣдовъ позднѣйшей исторіи. Новыя обстоятельства пѣвшей вывели за собою вторичную редакцію, отчасти довольно круто повернутую, хотя и сильно распространившуюся, и вліявшую на самый Петербургъ, гдѣ первобытный видъ произведенія къ концу XVIII столѣтія позабылся. Притомъ, тутъ подоспѣли старѣющіе года, преимущественно въ лицѣ супруга, скучная Московская жизнь съ ея однообразіемъ, тѣснота семейнаго круга, не оглашавшаяся весельемъ и искусствами прежняго дома Нарышкинскаго, а частію конечно и узкость Польскаго быта или склада сравнительно съ потребностями Русской души. Все это, разумѣется, способствовало не столько новому творчеству или творчеству вновь, сколько повторенію, видоизмѣненію и употребленію (въ пѣніи и игрѣ) творчества прежняго, съ искусствомъ болѣе или менѣе столь же слабѣвшимъ.

*

Такъ распространились, — если не возникли, — *Пѣсни*, съ именемъ „*Нарышкинскихъ*," по преданію, которое мы еще застали въ Москвѣ и по окрестнымъ ея округамъ, успѣвши и вслушаться въ него, и привыкнуть къ нему на пути занятій, очерченныхъ нами выше: однѣ пѣсни явно старшія, непосредственно въ слѣдъ за пѣснею первою, другія позднѣе и наконецъ видимо послѣднія; однѣ распространились больше, другія меньше; однѣ въ зависимости отъ Петербурга, другія преимущественно отъ Москвы. Слѣдуя всегдашнему, неизмѣнному своему правилу, мы относимся къ сему пѣсенному преданію, какъ наслѣдству, съ величайшимъ довѣріемъ: а потому не сомнѣваемся, что по крайности распространенію сихъ пѣсенъ способствовала сама Марья Львовна, собственнымъ ея употребленіемъ въ пѣніи и игрѣ. Но, покинутые руководствомъ „внѣшнихъ" историческихъ подробностей, тѣмъ больше, что онѣ со временемъ вовсе исчезли для героини, а съ другой стороны желая точности и не полагаясь безусловно на одни слухи или голыя рѣчи, мы никакъ не рѣшаемся здѣсь именовать прямо „Марью Львовну Нарышкину" или „княгиню Любомірскую;" и преданіе, внушившее намъ эту вѣроятность, не знало опредѣленныхъ именъ лицу. Можетъ быть, и мы отчасти это увидимъ, здѣсь опять перешло многое отъ Натальи Львовны; а очень легко также можетъ статься, что здѣсь въ „происхожденіи" той или другой пѣсни участвовала еще какая ни будь другая, или третья, четвертая героиня, намъ пока неизвѣстная. Предоставляемъ рѣшеніе о семъ изыскателямъ послѣдующимъ, болѣе счастливымъ, если это только не минуетъ опять нашихъ рукъ и соображеній.

Остановимся пока на одномъ томъ, что для насъ несомнѣнно: названіе „Нарышкинскихъ“ перешло къ пѣснямъ, о которыхъ рѣчь, по вліянію Марьи Львовны, въ силу того, что творчество ея, искусство, имя и лицо были преимущественно извѣстны; и преданіе держалось сихъ признаковъ тѣмъ охотнѣе, что вѣроятно самую извѣстность и славу симъ пѣснямъ придало исполненіе нашей героини, въ ея общественномъ и семейномъ или дружескомъ кругу; тѣмъ больше, что по содержанію своему пѣсни эти связаны тѣсно съ извѣстными обстоятельствами и отличіями „Нарышкинскими,“ а вмѣстѣ, по связи со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ, выдаются разительною оригинальностію, которая всюду и во всемъ ихъ отличаетъ отъ прочихъ пѣсенъ и романсовъ *).—Къ нимъ теперь и переходимъ мы.

Мы уже упомянули мимоходомъ, что въ однихъ народныхъ пѣсняхъ дѣвушка, бродя по горамъ, крутымъ бережкамъ, борамъ, садамъ, или вообще подобнымъ пріютамъ уединенія, встрѣчаетъ алые цвѣты, любуетъ изъ нихъ любой себѣ и милый, рветъ его — но вскорѣ теряетъ; либо въ виду его, переходя отъ образовъ природы внѣшней къ человѣческой дѣйствительности, теряетъ изъ глазъ исчезшаго милаго. Въ другихъ, совершенно параллельныхъ, она будитъ здѣсь, манитъ, ловитъ соловья, другую какую ни будь пташку, или яснаго сокола: и такъ же вдругъ теряетъ его изъ взоровъ, изъ рукъ, горюя безутѣшно о

*) Подобно „Нарышкинскимъ,“ въ наслѣдствѣ нашего пѣснотворческаго преданія существуютъ еще, съ опредѣленнымъ техническимъ именемъ, пѣсни— такъ называемыя—„Молчановскія“ (по И. Е. Молчанову), „Сандуновскія“ (по Л. С. Сандуновой), „Шереметевскія“ (о разныхъ событіяхъ въ родѣ Шереметевыхъ), „Каиновы“ (по Ивану Осиповичу), „Танькины“ (по Татьянѣ Растокинской), „Елизаветинскія“ (по Елизаветѣ Петровнѣ), „Петровскія“ (изъ временъ Петра I-го), „Разинскія“ (по Степану Тимоѳеевичу, любимицѣ его и сыну), и т. п. Мы отчасти привели уже ихъ въ выпускахъ предыдущихъ и довольно много приведемъ еще послѣ — при Безымянныхъ или Молодецкихъ. Также точно мы доказали уже и еще больше убѣдимся впослѣдствіи, разъяснивши фактически связь пѣсней сего рода съ Безымянными, что нѣкоторыя изъ нихъ прямо относятся къ историческимъ судьбамъ извѣстнаго историческаго лица (и таковыя мы помѣстили по большой части въ разрядѣ „Историческихъ“), другія же, и многочисленнѣйшія, отнюдь своимъ именемъ не означаютъ слагателя и слагательницу, а скорѣе лишь „употребленіе“ извѣстнымъ лицомъ, его пѣніе и игру, всего чаще „кругъ“ его или „репертуаръ,“ не рѣдко же одно только время его и эпоху, вокругъ извѣстнаго лица сосредоточившую своеобразный циклъ пѣсенъ, подобно, на примѣръ, какъ сосредоточенъ онъ вокругъ Петра, Ивана, Владиміра. Ср. „Замѣтки“ наши при выпускахъ 9-мъ, 8-мъ, 7-мъ, 4-мъ и ниже въ продолжающемся изданіи.

мимолетномъ счастіи. Соловей и соколъ обертывается въ творчествѣ молодцемъ: скрывшійся любимый молодецъ оставляетъ часто по себѣ, во власти разочарованной красавицы, постылаго мужа,—и вотъ источникъ противуположенію образовъ, вотъ начало двухъ половинъ пѣсни. Изъ множества подобныхъ, одна пѣсня поетъ, на примѣръ, „какъ пошли дѣвки въ сыры боры, загуляли красны въ лѣсъ по ягодки." Всѣ понабрáлись, одна не набрáлась, и проситъ подругъ сложиться, удѣлить ей по ягодкѣ. „У меня-то, говоритъ, у младёшеньки," — и здѣсь переходъ ея въ замужнюю, — „у меня ли горемычной — чужой отецъ, чужая мать,"— это свёкоръ и свекровь при мужѣ. Но дѣвушки не сложилися и сурово отвѣтили:

„Не ктó велѣлъ по кустамъ бродить,
Не ктó велѣлъ соловья ловить!"

Такимъ образомъ, пойманный соловей скоро превращается въ постылаго мужа, и тогда пѣсня выходитъ на новое широкое поле, въ новомъ количествѣ другихъ образцовъ: либо сѣтуетъ она о мимолетномъ, какъ соловей, счастіи; либо, вспоминая о прошломъ, ищетъ вокругъ взорами новаго соловья и не рѣдко находитъ, а вмѣстѣ развивается уже контрастъ между другомъ новымъ—молодымъ и старымъ—постылымъ, который, въ свою очередь, быстро превращáется пѣснотворчествомъ въ дряблаго старичишку. Этимъ путемъ выступаютъ извѣстныя „половинчатыя" пѣсни, съ двумя противуположными половинами, изъ коихъ въ одной фигурируетъ старый мужъ, въ другой милый другъ. Сама старшая, обрядовая наша пѣсня, которой не одна тысяча лѣтъ вѣку (ибо первообразъ ея есть еще и въ Индіи, и въ древней Греціи, о чемъ на другомъ мѣстѣ), „Во полѣ берёзынька стояла," основана вся на этомъ контрастѣ двухъ половинъ, хотя въ ней, подъ образомъ стараго и молодаго, дѣйствуютъ еще міровоззрѣнія космогоническія и миѳологическія. Пѣсни, болѣе новыя, разумѣется, не столь строго выдерживаютъ параллель соотвѣтственныхъ двухъ частей. Но и здѣсь, на примѣръ, извѣстно: „Какъ у насъ во садочкѣ, Какъ у насъ во зелёномъ, Хорошо пташки пѣли, Хорошо воспѣвали, А я ль молодéнька Охоча гуляти," и прочее. Въ одной ея половинѣ тяжесть родныхъ (новыхъ, мужнихъ, съ побоями за гульбу), во второй другъ милый, и самые побои его лёгки, отъ нихъ встаетъ красавица да припѣваетъ. Еще шире въ народѣ пѣсня:

Я пойду ли во зелёный садъ гулять,
Поищу я молодаго соловья:
„Соловеюшко, мой батюшка,
„Ты скажи-скажи, мой млáдый соловей,
„Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?"

Отвѣтъ ожиданный: „Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять, Молó-

душкамъ (замужнимъ) нѣту волюшки,"—и развертывается картина тяжкихъ супружескихъ сценъ, столь несходныхъ съ жизнію вольною, съ милымъ другомъ. И т. п. Все дѣло въ томъ, на сколько вѣрно и умѣло выдержана здѣсь параллель: но что̀ утрачивается постепенно въ творчествѣ, тому уже помогаетъ личное искусство. Такъ, изъ подобныхъ же, народныхъ и первичныхъ, элементовъ, сложилась *первая* пѣсня Марьи Львовны, съ „алыми цвѣтами," и пошла своей особою, историческою дорогой; но изъ тѣхъ же стихій, съ прибавкою сейчасъ обозначенныхъ и однородныхъ, возможна была еще пѣсня другая,—съ *„соловьемъ"* и совершенно особымъ примѣненіемъ, по требованію новыхъ обстоятельствъ. А что здѣсь, въ помощь народнымъ началамъ, подоспѣваетъ дальнѣйшее *искусство*, въ добавокъ *то же* самое, какъ при первой пѣснѣ, убѣждаетъ насъ та же искусственная, стихотворная „Параша," одинаково Державинская и Дмитріевская, близкая родственница и даже, можетъ статься, родоначальница „Эвтерпѣ." Одинъ, „предшествующій," куплетъ ея отвѣчаетъ явно первой Нарышкинской пѣснѣ:

Милъ, любезенъ василёчикъ:
Рви, доколѣ онъ цвѣтетъ!...
Солнце за̀йдетъ—и цвѣточикъ,
Ахъ, увянетъ, опадетъ:
Пой, скачи, кружись, Параша!...

А „слѣдующій" куплетъ, *съ соловьемъ*, выводитъ за собою *вторую* пѣсню Нарышкинскую, которую сейчасъ встрѣтимъ:

Соловей не умолкаетъ,
Свищетъ съ у́тра до утра̀:
Другу милому, онъ знаетъ,
Пѣть одна въ году пора.
Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ,
Тотъ ничѣмъ не наслаждался,
Въ жизни не́ жилъ, а дышалъ.

И вотъ, говоримъ, является передъ нами другая Нарышкинская пѣсня, непосредственно смѣняющая первую, съ тѣмъ же основнымъ народнымъ творчествомъ и съ тѣмъ же высшимъ искусствомъ въ обработкѣ, съ тѣмъ же Нарышкинскимъ „порывомъ" и съ тѣмъ же стремленіемъ къ наслажденію, какъ видѣли мы Эвтерпу: только Эвтерпа созрѣла здѣсь въ такую же роскошную красавицу, какъ при „Анакреонѣ," успѣла извѣдать постылаго „стараго" мужа и встрѣтила „стараго" въ мужѣ новомъ.

Но, тогда какъ первая и „собственная" пѣсня Марьи Львовны, срав-

нительно съ народною основою художественно развитая, представляетъ каждымъ 1-мъ своимъ стихомъ *одно колѣно* (хотя въ немъ и повторяются одни и тѣ же *слова*), а каждымъ 2-мъ *другое* (повторяемое *въ пѣніи*, ср. выше), народная пѣсня, послужившая сему основою (ср. выше подъ *А*) и *Б*), равно какъ пѣсни, сейчасъ у насъ приведенныя, образуютъ стихъ длинный и „двойной", изъ коихъ каждый можетъ дѣлиться еще на 2 половины, такъ что изъ двухъ такихъ двойныхъ стиховъ слагается 4 половинки или 4 краткихъ стиха. Искусство, ступивши далѣе первой Нарышкинской пѣсни, и совсѣмъ другимъ путемъ, составило, изъ сихъ элементовъ, два длинныхъ „двойныхъ" стиха, въ 10+10 слоговъ, съ дѣленіемъ каждаго на 2 половинки въ 5 + 5:

Ахъ, на что жь было | да къ чему жь было,
По горамъ ходить, | по крутымъ бродить.

Что касается напѣва и музыки, то, подобно народнымъ основамъ, образованы *два колѣна*, каждое по 3 такта, каждый тактъ въ 12 моръ (какбы 12 уже слоговъ вмѣсто 10-ти слоговъ текста), а кромѣ того, *сверхъ* народныхъ образцовъ, въ каждомъ колѣнѣ вторая половинка *повторяетъ* первую,—и въ этомъ опять явный, дальнѣйшій шагъ искусства личнаго. Слѣдовательно, новый образецъ, и по складу стиха, и по напѣву, составляетъ *самостоятельное развитіе* изъ *тѣхъ же* народныхъ основъ, какъ первая пѣсня нашей героини, и *параллельно* сей самой, только дальше: это двѣ вѣтви отъ одного корня. Появляется же новый образецъ *въ одно время* съ употребительными простѣйшими народными и *по тѣмъ же* нотнымъ Пѣсенникамъ „высшаго круга," какъ собственная пѣсня Марьи Львовны, только лишь нѣсколько позднѣе, такъ что во всемъ видимо отстаетъ отъ нея на нѣсколько шаговъ или на какой ни будь десятокъ лѣтъ, преимущественно въ распространеніи и употребленіи. По первымъ же стихамъ своимъ, по характеру порывистому и страстному, по содержанію съ историческими намеками и признаками, эта вторая пѣсня очевидно „слѣдуетъ" за первою, начинаетъ съ послѣднихъ словъ предыдущей и смѣняетъ ее, выходитъ дальше и раскидывается шире, образуя собою какбы выводъ и заключеніе. Напрашивается догадка, и можно бы сказать, что это одна и та же рука, одинъ и тотъ же талантъ, въ послѣдовательномъ, хотя и близкомъ развитіи по времени, создали изъ одной и той же народной стихіи, одинакимъ искусствомъ, двѣ пѣсни, развѣтвившіяся отъ корня двумя разными вѣтвями, съ разнообразіемъ содержанія и пріема, соотвѣтственно различнымъ, смѣнившимъ другъ друга, историческимъ обстоятельствамъ.

Пѣсня въ первичномъ, стихійномъ составѣ и видѣ своемъ появилась въ Петербургѣ около 1779—80-хъ годовъ, притомъ въ пѣсенникахъ по преимуществу *„нотныхъ,"* такъ какъ музыкальность ея прежде всего выдавалась впередъ и бросалась въ слухъ. Въ ней на первую уже

пору есть діэзы, чего, разумѣется, нѣтъ въ народныхъ образцахъ, послужившихъ ей основою, и въ чемъ обличается искусство личное, образованное по Западному Европейскому. Да и вообще искусство здѣсь примируетъ, хотя и не въ ущербъ еще народности. Кромѣ помянутаго дѣленія стиховъ и колѣнъ, въ цѣломъ составѣ выдержаны съ необычайною точностію двѣ большія и равныя половины, одна другой мѣтко отвѣчающія въ древнѣйшемъ, типическомъ духѣ народномъ, успѣшно и изящно воспроизведенномъ. Далѣе, каждая изъ сихъ двухъ большихъ половинъ распадается еще на двѣ ме́ньшія, подобно какъ раздѣлены самые стихи и колѣна, такъ что, согласно съ ними, въ цѣломъ составѣ образуется равнымъ способомъ какбы 4 меньшихъ строфы, по числу стиховъ почти равныя 4-мъ строфамъ старшей, собственной пѣсни Марьи Львовны. И такъ же, помѣщая „вмѣстѣ“ съ сею послѣднею, пѣсню относили въ печати, какъ и слѣдуетъ, къ числу „протяжныхъ.“

По *содержанію*, въ первой половинѣ на сценѣ *старый мужъ*, и *не въ любви живетъ*; во второй *милый другъ* и *въ любви живетъ*: сообразно сему разныя чувства, разные образы и выраженія, разныя послѣдствія въ самой жизни, общія только знакомою намъ страстностію и порывомъ, достигшимъ здѣсь свободнаго исхода стѣсненію. Первые стихи каждой половины — явная реакція, протестъ и упрекъ противу той пѣсни, гдѣ дѣвушка ходила по горамъ и искала цвѣтка любимаго, или же, по другимъ, будила и ловила соловья, вольную пташку; горькая насмѣшка прошлому и иронія: „Ахъ на что жь было да къ чему жь было, по горамъ ходить, соловья ловить? Все это миновало, все это кончилось однимъ и тѣмъ же—старымъ мужемъ.“—Во второй половинѣ жизнь воскресаетъ: за старымъ найденъ милый другъ, и — забѣлилось снова лицо бѣлое зарумянились щеки, зачернѣли брови, обвилось и раскинулось богатое, пышное, цвѣтное платье. Стало быть, не даромъ же по горамъ ходила, по крутымъ бродила когда-то дѣвушка: ею завоевана свобода жизни на будущее.—Но вотъ сама пѣсня, въ старшемъ ея видѣ по тексту, законченномъ *на первую пору*, въ томъ типѣ, съ какимъ она только что явилась тогдашнему высшему кругу Русскаго общества, въ стройномъ складѣ и въ искусномъ музыкальномъ положеніи на нотахъ (дальнѣйшія отмѣны указаны у насъ въ примѣчаніяхъ):

Пѣсни Нарышкинскія.

II *).

а)

(Петербургъ).

Ахъ на что жь было
Да къ чему жь было [1])

---

*) I-я помѣщена у насъ выше, какъ пѣсня Марьи Львовны.

[1]) Варіанты 1787 и 1790 года: „Ахъ почто было, Ахъ къ чему было.“—1-й изъ этихъ краткихъ стиховъ составляетъ въ пѣніи 1-е колѣно; 2-й лишь по-

По горамъ ходить,
По крутымъ бродить [2])?
5. Ахъ на что жь было
Да къ чему жь было [3])
Соловья ловить [4]),
Соловья ловить?
У соловушки
10. У младёнькаго [5])
11—12. Одна пѣсенка (2, дважды):
13—14. У меня младой [6]) (2)
15—16. Одинъ старый мужъ (2),
17—18. Да и тотъ со мной (2)
19—20. Не въ любви живётъ [7]) (2)!

21—22. Не бѣлись моё (2)
23—24. Лицо бѣлое (2),
25—26. Не румяньтеся (2)
27—28. Щоки алыя (2),
29—30. Не сурмитеся [8]) (2)
31—32. Брови чорныя (2),
33—34. Не носись моё (2)
35—36. Платье цвѣтное [9]) (2)!
(37—38.
39—40).

*

вторяетъ его. Сообразно старшему „длинному" стиху и первичнимъ народнимъ образцамъ, двойной стихъ можно писать и печатать здѣсь такъ:

Ахъ на что жь било да къ чему жь било,

какъ и печатали старшіе пѣсенники. — [2]) Опять, 8-й стихъ составляетъ 2-е колѣно, а четвертий лишь повторяетъ.—То, что въ этихъ первыхъ стихахъ, подъ взглядомъ личнымъ историческимъ и теперешнимъ нашимъ, должно было представляться сожалѣніемъ или протестомъ, въ народномъ употребленіи составляетъ лишь знакомий намъ „отрицательний оборотъ," который въ сущности значитъ то же, что: „И я по горамъ ходила, и я соловья ловила."— Вар. 1790: *„по горамъ* ходить" дважды (не „по крутимъ").—Въ позднѣйшихъ, для разнообразія, во 2-й разъ „бродить" вмѣсто „ходить." — [3]) Варіанти тѣ же.—[4]) Вар. 1787 и 90: „будить."—[5]) 1787: „у голубчика."—[6]) 1787: „У меня младой, У младёшеньки."—[7]) И того 20 стиховъ или 10 двойнихъ, какъ 1-я строфа, за которой слѣдуетъ 2-я.—[8]) То же, что „не чернѣйте."—[9]) За симъ, для 2-й строфы, недостаетъ 4-хъ краткихъ или 2-хъ длинныхъ стиховъ; это восполняется варіантомъ 1787-го года:

41. Ахъ на что жь было
42. Да къ чему жь было
43. По горамъ ходить,
44. По крутымъ [10]) ходить?
45. Ахъ на что жь было
46. Да къ чему жь было
47. Соловья ловить,
48. Соловья ловить [11])?
49. У соловушки
50. У младе́нькаго
51—52. Одна пѣсенка (2):
53—54. У меня младой (2)
55—56. Одинъ милый другъ (2),
57—58. Да и тотъ со мной (2)
59—60. Во любви живётъ [12]) (2).

61—62. Ты бѣлись моё (2)
63—64. Лицо бѣлое (2),
65—66. Вы румяньтеся (2)
67—68. Щоки алыя (2),
69—70. Вы сурьмитеся (2)
71—72. Брови чорныя (2),
73—74. Ты носись моё (2)
75—76. Платье цвѣтное [13]) (2)!
(77—78
79—80).

(Ноты сохранились; объ измѣненіяхъ см. далѣе. Недостающіе здѣсь въ концѣ два длинныхъ или четыре короткихъ стиха не восполняются для насъ ничѣмъ и безъ сомнѣнія въ подлинникѣ заключали обращеніе къ „милому другу,“ по чему либо щекотливое для современниковъ).

Не любитъ меня,
Не любитъ меня
Ужь мой старый мужъ,
Ужь мой старый мужъ.

Такъ и слѣдуетъ ожидать по всему складу: но самые стихи плохи, очевидно „придѣланы“ на мѣсто другихъ и потому конечно выбросили ихъ лучшіе пѣсенники; подлинные же вѣроятно были слишкомъ щекотливы какимъ ни будь личнымъ намекомъ.—[10]) Такъ и 1790 года.—[11]) Въ лучшемъ варіантѣ вѣроятно было, въ одномъ изъ сихъ случаевъ, „манить“ или „будить,“ какъ въ народныхъ образцахъ.—[12]) У Прача въ изд. 1806 г. вторично (ошибкою?): „Не въ любви живетъ.“—[13]) Опять недостаетъ стиховъ, но уцѣлѣвшіе варіанты уже не дополняютъ.

Какъ видите, за самые первые года, варіантовъ уже довольно: свидѣтельство о томъ, что записывалось со слуха и ходило въ тетрадкахъ, значительно было распространено и интересъ былъ возбужденъ въ обществѣ. Но замѣчательно, что варіантъ 1787 г. помѣщаетъ *одну* только *первую* половину, о *старомъ мужѣ*, съ заключеніемъ „*Не* любитъ меня Ужь мой старый мужь (см. примѣч. 9);“ а Прачь въ изд. 1806 г. и во второй половинѣ повторилъ то же самое *о миломъ другѣ*: „Да и тотъ со мной *Не въ любви живетъ*.“ Судя по этому, очень можетъ быть, что первоначально пѣлась лишь одна первая половина, съ *жалобами на стараго мужа*, а вторая, за симъ прибавленная, значила также: у меня *старый мужь*, онъ же *одинъ милый другъ*. Въ такомъ случаѣ, сначала выражалось горе обращеніемъ къ лицу, ланитамъ, бровямъ и одеждѣ; если же у поющей старикъ, да онъ же одинъ и милый другъ, и не въ любви живетъ, то въ концѣ прибавлялось съ отчаянія: „Когда такъ, то бѣлись, румяньтеся, чернѣйче, носись!“ Таковъ *могъ быть* первоначальный составъ пѣсни. *Когда* же и *кѣмъ*, тою ли самою, прежнею слагательницей, или новою, и въ какомъ смыслѣ вторая половина сдѣлана противуположеніемъ, другими словами, когда и какой нажитъ новый, молодой, милый другъ въ замѣнъ стараго, и пѣсня явилась въ своемъ законченномъ, типическомъ видѣ, рѣшить *на вѣрное* мы не можемъ.

Намъ остается лишь держаться исторіи *печатныхъ изданій*, по одному *тексту*. На *первую пору* пѣсни, для законченнаго состава ея въ первоначальномъ и старшемъ видѣ, получаемъ мы всего какой ни будь *десятокъ лѣтъ*. Въ теченіе его пѣсня быстро развилась и широко распространилась, но съ тѣхъ поръ лишь *повторялась*, а самая исторія развитія ея въ текстѣ и въ употребленіи прервалась. Что̀ тутъ дѣйствовало, знакомые ли намъ страхи печати, или щекотливость жизненныхъ отношеній, прикосновенность крупныхъ историческихъ лицъ, или еще что ни будь, поговоримъ ниже. А теперь пока замѣтимъ, что наиболѣе осторожный въ придворныхъ отношеніяхъ (о чемъ мы замѣчали уже прежде), Шноръ 1791 года вовсе не помѣстилъ у себя пѣсни; Сопиковъ и подобные ему старшіе въ Петербургѣ издатели также точно на долго смолкли.

Между тѣмъ въ музыкальномъ мірѣ исторія пѣсни за первое ея время была не менѣе того громка: едва прошло нѣсколько лѣтъ ея происхожденію, какъ придворный гуслистъ,—потому всего ближе передававшій арфу, — пѣвецъ, перелагатель на ноты и издатель Трутовскій помѣстилъ уже пѣсню у себя въ сборникѣ, вмѣстѣ съ предыдущею пѣснею Марьи Львовны; въ ближайшіе годы Прачь напечаталъ у себя ноты уже съ нѣкоторыми, хотя и не очень значительными, измѣненіями, во всякомъ случаѣ съ усовершенствованіями графики и въ гармонизаціи, сравнительно съ Трутовскимъ гораздо болѣе развитой. Вообще въ изданіи Прача 1790 года находимъ весьма полный видъ пѣсни, со стороны *музыкальной*, *въ первомъ ея періодѣ* (то же самое, безъ измѣ-

ненiй, повторено у него въ 1806 и 1815 г.); а славный гитаристъ Сихра обработалъ для Петербурга тему пѣсни въ нѣсколькихъ варiацiяхъ *).

При быстромъ развитiи и обширномъ распространенiи пѣсни въ *первый* ея перiодъ, изумительно, какъ, въ слѣдъ за нимъ, Петербургскiе Пѣсенники, столь сочувственные, какъ намъ извѣстно, къ первой пѣснѣ Марьи Львовны и вообще столь чуткiе къ интересамъ пѣнiя среди тогдашняго общества, въ выборѣ умные, въ изданiи изящные, упорно молчатъ въ настоящемъ случаѣ и, кромѣ Прача, „нотнаго," всѣ остальные, печатавшiе одинъ текстъ, какъ будто вовсе не знаютъ о пѣснѣ съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка въ теченiе 30-ти почти лѣтъ. Не менѣе удивительно, что и Московскiе, изъ коихъ главные, на примѣръ, Рѣшетниковскiе, начались съ Петербурга, какъ будто сговорились въ этомъ отношенiи. *Одинъ* только изъ нихъ, со всѣхъ сторонъ особнякъ, но особенно близкiй, какъ мы видѣли, къ нашей героинѣ, Пѣсенникъ „Вавиловскiй," напечатанный любителемъ старины Пл. Петр. Бекетовымъ въ Москвѣ *1803 года*, откуда мы привели выше замѣчательный варiантъ къ пѣснѣ Марьи Львовны, одинъ онъ напечаталъ и предлежащую, въ текстѣ, сходномъ съ Прачемъ. За исключенiемъ его, въ Москвѣ, въ теченiе 60-ти лѣтъ слишкомъ, сколько знаемъ, никто не тронулся, чтобы помѣстить у себя эту пѣсню, между тѣмъ какъ столь близко сродную, старшую пѣсню Марьи Львовны, перепечатывали на расхватъ и даже создали ей особую редакцiю, да и вообще печатали и перепечатывали сплошь народныя пѣсни „всякiя" вмѣстѣ со „всякими сочиненными." Даже чуткiй Кашинъ миновалъ ее. Сахаровъ, несомнѣнно употреблявшiй всѣ старшiе и главные пѣсенники матерiаломъ своего искаженiя или, какъ называлъ онъ, „собранiя" и „изданiя," Сахаровъ, обязательно испортивши *первую*, все-таки пропустилъ у себя *вторую* пѣсню **), носившуюся „по горамъ." Только уже въ 1866 году

---

*) Одинъ изъ Славянъ, столь много сдѣлавшихъ нѣкогда *для* нашей музыки, въ ряду Мареча, Прача, Черната (Черны или, какъ его звали у насъ долго — *Черни*) и подобныхъ, *А. Осип. Сихра* (Sychra) издавалъ „Петербургскiй журналъ для гитары (продававшiйся у Пеца въ Большой Морской)," гдѣ въ тетр. 2-й подъ № 14-мъ помѣстилъ съ разными гитарными варiацiями „Ахъ на что жь было да къ чему жь было по горамъ ходить."

**) Мы, къ сожалѣнiю, никакъ не можемъ забыть здѣсь той передѣлки, которую онъ, по обычаю, дозволилъ себѣ, обративши нашу пѣсню въ *свадебную*, якобы пѣтую *на дѣвичникѣ*, изъ устъ подругъ дѣвицъ, *выбросивши* всѣ повторенiя и историческiе личные намеки, *прибавивши* свои любимыя „ужь какъ," *преобразивши* изъ милаго гостя „родимаго батюшку" невѣсты, *вставивши* безсмыслицу о томъ, что отца „нѣтъ нигдѣ, совсѣмъ здѣсь не было," и вообще услужливо надругавшись надъ пѣсней, какъ могутъ судить читатели изъ предлагаемаго образца, въ которомъ конечно уже трудно будетъ имъ узнать

г. Дюбюкъ перепечаталъ ее изъ Прача, придѣлавши въ концѣ какой-то эквивокъ съ діэзомъ и отнесши при текстѣ къ „полупротяжнымъ (!) и скорымъ,“ а при нотахъ къ „хороводнымъ“ (! Таковы почти всѣ перепечатки въ его „собраніи“). Въ народъ же простой она вовсе не проникла и не держится здѣсь даже въ такихъ искаженіяхъ первообраза, какъ пѣсня Марьи Львовны. Между тѣмъ, подобно сей послѣдной, она вся, какъ могутъ судить теперь читатели, проникнута насквозь стихіями народными и, сколько вѣрна народному типу, столько же носитъ на себѣ печать высокаго личнаго искусства. Съ первой стороны прибавимъ, что даже такой знатокъ, какъ П. В. Кирѣевскій, въ экземплярѣ Пѣсенника Вавиловскаго отмѣтилъ ее какъ *„настоящую народную пѣсню;“* а что касается до личнаго искусства, на нее положеннаго, то мы спрашиваемъ опять: гдѣ у насъ бывали такіе сочинители и писатели въ 70—80—90-хъ годахъ прошлаго вѣка, да и позднѣе? Не только Державинъ, но и Дмитріевъ, Нелединскій, Мерзляковъ, Дель-

---

пѣсню Марьи Львовны (прибавимъ еще подстрочныя примѣчанія къ этому курьёзу):

Сахаръ И. П. Сахарова.

По горамъ, по горамъ ходила [1]),
Всѣ цвѣты, цвѣты видѣла;
Одного цвѣта, нѣтъ какъ нѣтъ,
Ужъ какъ нѣтъ цвѣту алаго,
Алаго, самаго моего прекраснаго [1]).
Иль его [2]), краснымъ солнцемъ выпекло?
Иль его частымъ дождемъ выбило?
Иль его совсѣмъ во саду [1]) не было?
По двору, по двору ходила [1]),
Всѣхъ гостей, гостей видѣла;
Одного гостя, нѣтъ, какъ нѣтъ,
Ужъ какъ нѣтъ гостя милаго,
Милаго, *моего батюшки родимаго;*
Нѣтъ нигдѣ его, совсѣмъ здѣсь не было [3]),
Моего гостя милаго, *батюшки родимаго.*
Иль мнѣ послать было некого,
Иль мнѣ самой сходить было нѣкогда [1])?

[1]) Никогда не обращая вниманія на напѣвъ, авторъ воображалъ, что это складно и возможно въ пѣніи.—[2]) Поставивши здѣсь, во всѣхъ изданіяхъ, запятую, авторъ изобличилъ себя, доказавъ, что передѣлывалъ съ печатнаго образца, гдѣ точно стоитъ запятая *при повтореніи*: „Иль его, иль его...“— [3]) И народно, и складно, и пѣвуче, и притомъ со смысломъ: у невѣсты нѣтъ нигдѣ отца и совсѣмъ его здѣсь не было!

Всѣ умныя, новѣйшія біографіи Сахарова ничто передъ этимъ свидѣтельствомъ. По счастію, не покусился онъ на пѣсню 2-ю, „Ахъ на что жь было:“ вѣроятно не понравилась.

виг и прочіе неизмѣримо въ этомъ отношеніи ниже. Остается допустить на вѣрное, что, внѣ круга нашихъ поэтовъ-мужчинъ, если въ пѣснѣ этой говоритъ отъ себя „замужняя женщина,“ вообще женщина, побывавшая такъ или иначе „за мужемъ,“ то дѣйствительно она и была *первою сочинительницей*, совсѣмъ не изъ ряду литературныхъ звѣздъ и не изъ синихъ чулковъ, тѣмъ не менѣе близко знакомая съ народнымъ пѣснотворчествомъ и его пріемами, свѣдущая въ пѣніи и музыкѣ высоко образованная въ искусствѣ. Рука женская (если можно такъ выразиться) замѣтна здѣсь въ нѣжности, въ мягкости слова, звука и музыкальныхъ переходовъ, въ тонкой отдѣлкѣ, а вмѣстѣ однако въ глубокой страстности „особой“ женской натуры, наконецъ въ этой щеголеватости и—скажемъ—суетности, выражавшей горе и восторгъ одинаково заключительнымъ стихомъ—„Не носись моё платье цвѣтное,“ „Ты носись моё платье цвѣтное!“ Съ этой точки зрѣнія, послѣ мгновеннаго и высокаго роста, загадочное исчезаніе пѣсни изъ печати Петербургской и совершенное невѣдѣніе въ Московской, а вмѣстѣ пресѣченный путь для перехода изъ высшихъ „классовъ“ въ простой народъ если даже не допускать обычныхъ „страховъ,“ вся эта загадка вызываетъ непремѣнно разгадку и разгадкѣ способствуетъ (такъ крѣпости, извѣстно, строятся для того, чтобы непремѣнно ихъ брали). Объяснимъ это.

Если первая у насъ Нарышкинская пѣсня „По горамъ“ дѣйствительно сочинена „знаменитою особою“ своего времени, въ связи съ лицами, сюда замѣшанными и еще болѣе знаменитыми; если таковою она гласно признавалась въ печати, съ симъ интересомъ заносилась въ пѣсенники, а чрезъ пѣсенники, отдѣльные оттиски нотъ, тетрадки и тому подобные мосточки внутрь жизни, разносилась всюду, поддержанная преданіемъ о самомъ „имени“ сочинительницы: то примите только прочь всѣ эти условія, и вы получите послѣдствія, постигшія предлежащую нашу пѣсню. Стóило героинѣ пѣсни или сочинительницѣ сойти со сцены придворной и выступить изъ отношеній высшаго круга столицы; стоило лишиться блестящаго спутника или вообще перестать быть „знаменитою“ по тогдашнимъ понятіямъ; стоило, послѣ пышныхъ „выѣздовъ“ барышни и домашнихъ „пріемовъ“ для нея, выйти за мужь и обратиться въ обыкновенную барыню, хотя бы по роду и прежнимъ связямъ знатную; стóило пріобрѣсти мужемъ человѣка не виднаго или не особенно виднаго, особенно же не чисто-Русскаго; стоило уѣхать съ нимъ изъ столицы, или „въ имѣнье,“ или даже просто замкнуться среди домашняго круга, съ мужемъ ли, или безъ онаго съ „милымъ другомъ;“ стóило, въ добавокъ, по естественному ходу вещей, „войти въ лѣта и въ тѣло,“ если не постарѣть еще и не обзавестись кучею дѣтей: и, по нашему незавидному и невидному положенію Русской женщины, она вышла бы столь же мгновенно, быстро и обрывисто, изъ прежняго ореола, превратившись въ обычную „жену,“ чуть-чуть не „бабу.“ Въ первое время, особенно по прежней „знаменитости“ и прежнимъ отно-

шеніямъ, сложенную пѣсню могли еще подхватить, развить, распустить въ отдѣлкѣ ближайшіе къ дому и родству музыканты, пѣвцы, поэты, собиратели, издатели, всѣ слышавшіе лично, заинтересованные, знакомые: но пѣсня должна была скоро остаться у нихъ однихъ на рукахъ, какъ и вышло на примѣръ съ Прачемъ. Чтобы пойти ей дальше,—самой сочинительницѣ и пѣвицѣ нужно было бы по крайности выѣзжать *съ нею*, носиться и такъ сказать напрашиваться, агитировать—подобно позднѣйшимъ и нынѣшнимъ писательницамъ (и то не всегда съ успѣхомъ), — пѣть ее или читать, собирать слушающихъ: кто не дѣлалъ этого или не могъ дѣлать, хотя бы имѣлъ высокій талантъ и прекрасныя произведенія, тотъ не могъ заблистать широко на литературномъ и музыкальномъ горизонтѣ. Могло, и то послѣ, по причинамъ, о которыхъ сейчасъ скажемъ, держаться преданіе, что это „пѣсня Нарышкинская,“ но какой Нарышкиной по имени — не умѣли уже сказать, или, хоть *называли* пѣсню по первому стиху, не знали ее *всю* — ни прочитать, ни пропѣть, а подавно не умѣли растолковать въ историческомъ смыслѣ. Прилагается ли все это, вполнѣ или отчасти, подлинно и прямо къ Марьѣ Львовнѣ, мы опять не рѣшаемъ по скудости свѣдѣній объ ея дальнѣйшей участи: лишь представимъ двѣ-три догадки въ заключеніе.

Но есть еще обстоятельство, которое съ новой стороны разъясняетъ частію загадочное исчезаніе пѣсни въ столичномъ кругу. На что̀ у насъ никто почти не обращаетъ вниманіе и что̀ мы давно замѣчали (а высказали въ статьѣ о драматическихъ произведеніяхъ Екатерины, въ „Зорѣ,“ и послѣ того въ 9-мъ выпускѣ), — это важность нашей *драматической литературы* въ связи съ *пѣснею*, для взаимнаго объясненія той или другой *). Первая пѣсня Марьи Львовны, вмѣстѣ съ пѣснопѣніями Державина и Дмитріева, стала въ близкія отношенія, какъ мы видѣли, къ оперѣ „Горе-богатырь:“ другая, предлежащая, испытала подобную же судьбу. Пока устное народное пѣніе еще въ ходу среди общества или хоть есть здѣсь какая ни будь пѣсня, да если она что ни будь „затрогиваетъ,“ по крайности хоть есть интересы общественные, которые можно затронуть ею,—въ такомъ случаѣ драма, наиболѣе чуткая ко всему, что̀ затрогиваетъ или затронуто, спѣшитъ обыкновенно вывести на сцену—либо самую пѣсню, либо интересы, съ нею связанные, а всего чаще — лица прикосновенныя, подобныя или изъ „пѣсенныхъ“ героевъ и героинь возведенныя въ „драматическій“ типъ. Такъ, мы знаемъ уже, ворвалась на сцену пѣсня „Во селѣ-селѣ Покровскомъ;“ такъ увидимъ еще подобные случаи послѣ, на судьбѣ Шереметевыхъ; такъ въ Горѣ-богатырѣ Гремила выставлена комически съ пѣніемъ въ устахъ, среди хора поющихъ и ликующихъ. И мы видѣли примѣръ, что „Горе-богатыря,“ не удавшагося въ Петербургѣ, тотчасъ

---

*) Это опять одна изъ многоплодныхъ задачь, какую предлагаемъ мы въ будущемъ для молодыхъ и свѣжихъ талантовъ на поприщѣ литературы.

перепросили на Московскую—Кусковкую сцену. Совершенно подобнымъ образомъ, въ тотъ самый годъ, 1779-й, какъ пѣсня, насъ занимающая, только что появилась съ нотами среди Петербурга, въ своемъ первичномъ составѣ, хотя и не достигши еще дальнѣйшей отдѣлки, извѣстной по изданію Прача, на Московскомъ театрѣ поставлена была остроумнымъ и искуснымъ Аблесимовымъ извѣстная его комическая опера „*Мельникъ*,“ дожившая въ употребленіи до нашихъ дней. Имѣлъ ли находчивый и чуткій къ общественнымъ вопросамъ авторъ, чрезъ Сумарокова или Княжнина, какія либо прямыя отношенія къ Нарышкинымъ, только его піэса сходится прямо съ фамильными обстоятельствами сихъ послѣднихъ, столь извѣстными намъ, хоть по тогдашнему браку Натальи Львовны, выданной за Салогуба, вообще по связямъ съ выходцами Западной Руси и Польши. Желаніе (простодушной) крестьянки Фетиньи выдать дочь свою непремѣнно за дворянина (почему это?) и отца (представителя народности)—обвѣнчать ее съ крестьяниномъ—примиряется мельникомъ, колдуномъ и плутомъ, который выставляетъ имъ обоимъ равно угоднаго—*однодворца*, такого, который „самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ, самъ холопъ и самъ бояринъ,“ именно такого, какіе, извѣстно, существуютъ у насъ въ особенности на Югѣ и Западѣ Россіи, въ Малой и Бѣлой Руси или по наслѣдству отъ Польши. Видимо мѣтило это на заѣзжихъ баръ, недавно, какъ мы знаемъ, захватившихъ выгодное родство съ нашими коренными и спѣсивыми. Общій выводъ драмы конечно — стремленіе къ знати въ бракахъ и поученіе для тѣхъ, кто за симъ гоняется: у ловкаго писателя урокъ и сатира этого рода сглаживаются быстротою въ ходѣ дѣйствія, остроуміемъ, искусствомъ изображенія и смѣшною обстановкою. Но нельзя не замѣтить, что, при этой ловкости, одинъ разъ выдается наружу намѣренность, такъ сказать навязчивость и тенденціозность — не совсѣмъ кстати. Фетинья хотѣла бы жениха дворянина,—понятна слабость эпохи: но, проживши уже вѣкъ свой, она начинаетъ, одна, передъ публикой, жаловаться, за чѣмъ она сама вышла „*не за барина*“ и за чѣмъ „навязался“ ей „*старый мужь*, некошнóй (негодный) старикъ,“ тогда какъ, разумѣется, она сама крестьянка и уже сама не молоденькая, со взрослой дочерью. Пѣсни кое-гдѣ примѣшаны отрывками ко всей оперѣ: но означенная монологическая сцена сдѣлана, оказывается, для того только, чтобы Фетинья пропѣла *особую пѣсню*. Пѣсня видимо такъ нужна, что въ ней и есть вся соль фабулы, весь ядъ сатиры. Что же это за пѣсня? Вотъ она (нынче ее поетъ, хоть и портитъ утрируя, г-жа Акимова):

B).

Ахъ, на что жь было, ахъ, къ чему жь было [1])
Мнѣ на свѣтѣ быть,
Во кручинѣ жить?

[1]) Ради „близости къ народу“ сначала печатали „на што жъ бола.“

Я роди́лася, я родилася
Не крестьянкою,
А дворянкою.
Меня о́тдали, меня отдали
За крестья́нина,
Не за барина.
Навязался [2]) мнѣ, навязался мнѣ
Некошно́й [3]) старикъ:
Всё съ нимъ шумъ да крикъ,
Изсушилъ меня, изсушилъ меня
Какъ лучиночку,
Какъ былиночку.
Горе [4]) мыкаю, горе мыкаю
Я отъ старости
И до младости!

Всякой видитъ, что это пародія, намѣренная, злая и подстрочная, на нашу пѣсню. Кто усумнился бы, пусть взглянетъ на первыя изданія „Мельника:" въ нихъ сказано, что арія поется „на голосъ *Ахъ на что жъ было, ахъ къ чему жъ было*," т. е. на голосъ Нарышкинской второй пѣсни, насъ занимающей, и, стало быть, указано на нее пальцемъ; это же прибавляли и другіе, перепечатавшіе Пѣсенники. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, старшіе Московскіе, на примѣръ Рѣшетниковскіе (начавшіеся или, такъ сказать, зажегшіеся изъ Петербурга), 1799 и 1803 года, ступили еще дальше: они поставили эту „вставную арію" въ прямое отношеніе къ *первой* пѣснѣ (Марьи Львовны), прибавляя, что она (по сходтству размѣра, а потому по близости и примѣни́мости мелодіи) поется на голосъ „*По горамъ, по горамъ*." И это вѣроятно сдѣлалось постепенно въ Москвѣ, на сценѣ и въ обществѣ, ради той причины, что вторая пѣсня, „На что жь было," извѣстна была меньше, а пѣсня Марьи Львовны, мы помнимъ, знакома была тогда въ Москвѣ „всякому," и по тексту, и по голосу. Слѣдовательно, куда ни *направлена* была пародія, она *попадала* прямо въ пѣсню Марьи Львовны, язвила преданіе, исторію и лица, съ нею связанныя. Когда, нѣсколько позже историческихъ годовъ своего подлиннаго происхожденія, одна эта пѣсня ходила вокругъ въ обществѣ, когда ее не обинуясь называли здѣсь „пѣснею Марьи Львовны," выводили въ печати слагательницу подъ прозрачнымъ покровомъ „знаменитой особы," а интересова-

---

[2]) „Навезался."—[3]) Негодный.—[4]) „Горя."—„*Горе* мыкаю"—*по горамъ*, созвучіе, въ замѣнъ пропущеннаго при началѣ „Ахъ на что было *по горамъ* ходить."

лись пѣснею потому, что она несла подъ своими образами кучу разсказовъ, чертъ и сплетней изъ быта придворнаго, изъ жизни лицъ знаменитыхъ: тогда, разумѣется, слыша со сцены, всѣмъ доступной, громкую пародію, съ подстрекающимъ комизмомъ и задирающею сатирой, съ соотвѣственнымъ содержаніемъ, съ одинакими выраженіями, съ одною музыкой (нынѣ въ исполненіи она коверкается) и съ однимъ складомъ, напѣвомъ, голосомъ,—слыша все это, разумѣется, трудно и странно было удержаться, чтобы не перевести новой сценической постановки и театральныхъ толкованій, съ комическимъ тономъ, на исторію Марьи Львовны, по скольку она извѣстна была обществу въ преданіи и въ пѣснѣ. Но тѣмъ самымъ, естественнымъ ходомъ вещей, не смотря на маскирующіе покровы, пѣсня „Ахъ на что жь было“ съ разу поставлена въ тѣсную связь съ другою—„По горамъ,“ а вмѣстѣ съ лицомъ Марьи Львовны: эта связь является теперь нагляднымъ фактомъ, засвидѣтельствованнымъ въ печати. Ошиблись ли тутъ или нѣтъ современники эпохи, была ли вторая пѣсня, насъ занимающая, сложена какою либо знатною барынею въ Петербургѣ, которая знала пѣсню „По горамъ,“ но творила независимо, во всякомъ случаѣ будучи одного таланта, одного словоповыраженія и музыкальнаго склада, при томъ же въ сходномъ положеніи: только трудно теперь отринуть, что, примѣняя арію къ обѣимъ пѣснямъ „Нарышкинскимъ,“ съ тѣмъ вмѣстѣ вторую пѣсню примѣняли одинаково къ Марьѣ Львовнѣ, а положеніе героини не противорѣчило сему, такъ что либо сама она *пѣла* „Ахъ на что жь было, по горамъ ходить,“ либо *пѣли объ ней* и *ее* здѣсь *разумѣли*—знающіе—распѣвая. Что бы ни было, современники поняли „вставную арію“ именно какъ сатиру и пародію на „опредѣленную пѣсню“ и на „опредѣленную въ творчествѣ героиню:“ это доказывается и надписями аріи, объ ея голосѣ на ту и другую пѣсню, а еще больше замѣчательнымъ чередованіемъ въ употребленіи. Только что Трутовскій, говорили мы, затянулъ въ Петербургѣ самую пѣсню, въ первобытномъ ея составѣ: Москва того же года отвѣчала пародіей—аріей; развилась пѣсня у Прача въ изданіи 1790 года: 91-го Шноръ, въ его пѣсенникѣ придворномъ или высшаго круга, помѣстилъ уже арію (не напечатавъ однако же самой пѣсни, какъ Прачь не напечаталъ у себя аріи); половину пѣсни удѣлилъ Москвѣ Новиковъ, 1787 года: 1789, при И. Академіи Наукъ, въ „Россійскомъ Θеатрѣ“ тиснули арію; остальные пѣсенники Петербургскіе, миновавшіе пѣсню, тотчасъ отпечатали у себя арію; Москва, взлелѣявшая „Мельника,“ въ сотнѣ своихъ пѣсенниковъ, вовсе какъ бы не зная пѣсни, съ 1799 года до послѣднихъ лѣтъ выставляла впередъ арію. Арія эта вставлялась въ Пѣсенники какъ Пѣсня, съ голосомъ опредѣленной пѣсни, не отличаясь отъ прочихъ пѣсенъ своими оборотами: ясно, что если не содержаніемъ и не толкованіемъ, то „внѣшнимъ, нагляднымъ образомъ“ арія совершенно замѣстила пѣсню, а съ тѣмъ вмѣстѣ вытѣснила ее изъ употребленія; но, замѣщая, она сходнымъ содержаніемъ, выраже-

ніями и оборотами, голосомъ и надписями о голосѣ постоянно *напоминала* подлинную пѣсню, и даже потому именно держалась, потому замѣщала, что напоминала, воспроизводила пародически замѣняемое. Если бы печатать обѣ рядомъ, это было бы повтореніемъ,—такъ онѣ сходны: предпочли болѣе ходкую, шутливую, въ задирающей сценической обстановкѣ и съ комическимъ тономъ. „Мельникъ" издавался не разъ, и отдѣльными книжками; выдержками изъ него наполнялись всѣ пѣсенныя изданія; „особы знаменитой," опасной ради „страховъ," въ аріи не выдавалось; особа мало по малу потонула въ общихъ волнахъ обыденной жизни и — только всплылъ къ верху кругъ — сатирическая усмѣшка театральной выходки.

Еще любопытнѣе, что этимъ для пѣсни кончился только *первый періодъ* и за нимъ начался *второй*: развѣ не удивительно это потому лишь, что, начиная съ Натальи Кирилловны, какъ мы видѣли, имя Нарышкиныхъ хотя временно и скрывается, но не тонетъ въ душѣ и пѣснотворчествѣ народа; пойдетъ ли кó дну, отзовется и всплыветъ съ низу, изъ простаго народа, пѣснею совершенно въ его характерѣ, словѣ и звукѣ; бродитъ ли по самому пó верху, даже по горамъ, носитъ съ собою историческій интересъ; то и дѣло какъ будто спускается, чтобы занять жизнь, краски и силу изъ народа; то и дѣло поднимается, чтобы заговорить языкомъ и голосомъ высокаго искусства. Въ томъ и тайна всѣхъ истинно историческихъ и общественныхъ, національныхъ и народныхъ явленій. Жаль, что при этомъ, для потребнаго разъясненія, мы лично не знакомы съ родовыми преданіями Нарышкиныхъ и ихъ архивомъ, на столько, какъ на примѣръ съ Шереметевскими. Но, для насъ по крайностя замѣняется это близкимъ и долговременнымъ знакомствомъ съ присною областію Русской пѣсни и всякой пѣсни народной. Ея мы держимся крѣпко и она-то открываетъ намъ безпрестанно такія стороны исторической жизни, какія не доступны литераторамъ и историкамъ „на верху." Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ. Послѣ перерыва 30-ти почти лѣтъ, когда все, казалось, замолкло о пѣснѣ, насъ интересующей, и сама она забылась подъ пародіей аріи,—вдругъ, какбы ни съ того, ни съ сего, изъ подъ земли ли отъ народа, или съ вершинъ искусства, начиная съ 1818 года, въ 1819-мъ, 1820-мъ и въ ближайшихъ годахъ Александрова вѣка, въ Петербургѣ, пѣсня появляется вновь, *во второмъ періодѣ* и *въ новой ея обработкѣ*. Мы покорнѣйше просимъ гг. библіографовъ *искать* того, кто потрудился надъ этой обработкой, но вмѣстѣ никакъ *не указывать* намъ съ разу имя *сочинителя* или *писателя*, изъ литературнаго круга: если гг. библіографы его знаютъ, то вѣроятно и мы знаемъ; да кромѣ того мы знаемъ *еще*, и говаривали прежде, а если доживемъ, докажемъ еще впослѣдствіи, что почти всѣ эти такъ называемые сочинители и писатели „пѣсней," изъ ряда извѣстныхъ „поэтовъ и литераторовъ," по крайности до 40-хъ годовъ нашего вѣка, ничего больше не дѣлали, какъ обрабатывали, подправляли и литерализировали пѣсню устную,

до нихъ сложившуюся или сложенную, при скрывшихся или забытыхъ первичныхъ слагателяхъ. Если этого до сихъ поръ не знали, возвѣщая, что такой-то „сочинилъ“ пѣсню, и если пѣсня эта точно похожа на „пѣсню,“ то это потому лишь, что не знали самихъ пѣсенъ, послуживших литератору матеріаломъ. По невѣдѣнію подобнаго рода можно, пожалуй, дойти до того, что пѣсню, сложенную въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка и обработанную въ 1818—20-хъ годахъ, приписать Кольцову, читая у него:

Ахъ за чѣмъ меня
Силой выдали
За немилаго
Мужа стараго?

Марья Львовна, какъ и сочинительница второй параллельной пѣсни, вовсе не принадлежитъ къ означенному кругу „литераторовъ“ и не „сочинительница въ ихъ смыслѣ:“ всѣ черты, какія мы успѣли разъяснить читателю, убѣждаютъ, что это „слагательница“ въ смыслѣ „слагателей“ устныхъ и „пѣвцовъ“ народныхъ, хотя и не „безъискусственныхъ.“ Весь успѣхъ, по коему пѣсни ея сочтены „настоящими народными,“ весь отсюда; отсюда же извѣстный неуспѣхъ ея среди литературы; и только чрезъ литературу, отъ препонъ, литературою поставленныхъ, остановка въ дальнѣйшемъ успѣхѣ между народомъ „простымъ,“ который нынѣ дичаетъ, постепенно опускаясь въ глубокое невѣжество. Но это не мѣшаетъ самой пѣснѣ быть народною *по существу*, столько же, сколько принадлежитъ она личному искусству и образованному художеству. Это не помѣшало, а именно содѣйствовало распространившемуся преданію, по поводу *втораго* періода нововозникшей пѣсни, что она „Нарышкинская.“ Сколько тутъ подлинно Нарышкинскаго, не утверждаемъ: увѣрены напротивъ, что подлинность пѣсни по преимуществу за періодомъ *первымъ*; тѣмъ не менѣе, въ этой дальнѣйшей *чьей-то* обработкѣ, пѣсня и дошла къ намъ по преданію какъ „Нарышкинская.“

Вотъ она:

б)

(Петербургъ—по изданіямъ, Москва и округъ ея—по устному употребленію).

Ахъ на что жь было
Да къ чему жь [1]) было
По горамъ ходить,
По крутымъ бродить?
5. Ахъ на что жь было
Да къ чему жь было

---

[1]) Варіантъ: „Да къ чему.“

Мнѣ младёшенькѣ
Соловья ловить [2])?
У соловушки
10. У младёнькаго [3]),
Бѣдной пташечки [4]),
Одна пѣсенка:
13—14. У меня младой (2) [5])
15. Одинъ старой мужь,
16. *Одинъ дряхлой чортъ* [6]);
17—18. Да и тотъ со мной (2)
19. *Не въ ладу* живетъ
20. *И не любится* [7])!

21—22. Не бѣлись моё (2)
23. Лицо бѣлое,
24. *Лицо полное* [8]),
25—26. Не румяньтеся (2)
27—28. Щоки алыя (2),
29—30. Не сурьмитеся (2)
31—32. Брови чорныя (2),
33—34. Не носись моё (2)
35—36. Платье цвѣтнос (2) [9])!

37. *Мнѣ* на что жь было,
38. *Мнѣ* къ чему жь было

---

[2]) Старшій подлинникъ представлялъ лучшую возможность разнообразія: „Соловья будить, Соловья ловить.“ — [3]) Вар. „молоденькаго (безъ отношенія къ музыкѣ).“—[4]) Это дѣлается вставкой и, какъ вставка, не допущено было бы ни народомъ, ни искусствомъ подлинника; притомъ сладко, изъ цукерень Александровской литературы.—[5]) Съ этихъ поръ у обработчика не хватило силъ оразнообразить каждый второй стихъ и онъ началъ повторять, какъ въ подлинникѣ.—[6]) Это для разнообразія: рука мужчины; въ самомъ простомъ народѣ была бы рѣзко, ибо это пѣсня отнюдь не разгульная и не плясовая.—[7]) Произошло такъ: сперва обработчикъ придумалъ, для пополненія стиховъ, „*и не любится*,“ выраженіе, котораго не употребили бы въ настоящемъ случаѣ ни народъ, ни слагательница изъ высшаго круга; но при этомъ выраженіе подлинника „Не въ любви живетъ“ являлось повтореніемъ и замѣнено—„*не въ ладу*.“—[8]) На сценѣ уже баба: да и та въ пѣснѣ не стала бы этимъ хвалиться въ такомъ выраженіи.—[9]) Обработчикъ не замѣтилъ, что въ подлинникѣ, до насъ дошедшемъ, недостаетъ здѣсь, въ этой четверти, четырехъ краткихъ стиховъ, дополненныхъ въ варіантѣ 1787 года.

39. По горамъ ходить,
40. По крутымъ бродить?
Мнѣ на что жь было,
Мнѣ [10]) къ чему жь было
Соловья *манить* [11]),
Соловья *ловить*?
45. У соловушки
46. У младёнькаго [12])
47—48. Одна пѣсенка (2) [13]):
49—50. У меня младой (2)
51. Одинъ милой другъ,
52. *Милъ* [14]) *сердечненькой*;
53—54. Да и *онъ* со мной (2)
55. Во любви живетъ,
56. *Вѣрно любится* [15])!

57—58. Ты бѣлись моё (2)
59. Лицо бѣлое,
60. *Лицо полное*,
61—62. Вы румяньтеся (2)
63—64. Щоки алыя (2),
65—66. Вы сурьмитеся (2)
67—68. Брови чорныя (2),
69—70. Ты носись моё (2)
71. Платье цвѣтное
72. *И нарядное* [16])!

(Старше, хотя еще съ ошибками, по видимому отъ дурнаго чтенія, въ „Театральномъ" пѣсенникѣ Петербургскомъ 1818 года: откуда, со сцены, былъ ударъ, оттуда же по видимому и лѣченіе. Потомъ, въ Петербургѣ же, 1819—20 гг. и т. д.: *а въ Москвѣ опять-таки не печатали*, помнили лишь по преданію или заучивали *по Петербургскимъ пѣсенникамъ*.—Музыки *новой* уже не было при семъ образцѣ; не перепечатывалась и старая; есть выраженія, убѣжда-

---

[10]) Вар. „Да." — [11]) Хуже, чѣмъ въ прототипахъ „будить;" но все-таки обработчикъ замѣтилъ возможность избѣжать выраженія „Мнѣ младёшенькѣ" и сдѣлалъ поворотъ къ первообразу пѣсни.—[12]) Вар. выше.—[13]) Опять обработчикъ воротился къ повтореніямъ подлинника, успѣвши скоро наскучить себѣ самому „бѣдною пташечкой." — [14]) Старшій пѣсенникъ 1818, не разобравши, напечаталъ „Мнѣ." — [15]) Это уже и повторительно, и никуда не годится. — [16]) Для разнообразія: между тѣмъ цвѣтное и есть нарядное.

юція, что музыка и вовсе не входила въ соображеніе, — обработчикъ *всмотрѣлся* въ складъ и старался его поддержать: однако, не замѣтилъ, что въ подручномъ подлинникѣ недоставало нѣсколькихъ стиховъ, самъ не додѣлалъ ихъ, а отъ того, какъ говорятъ, „соборъ вышелъ кривой.“ — Обработки и добавки какъ противу истиннаго подлинника, такъ и народнаго первообраза, обозначены у насъ курсивомъ, объясненіе ихъ въ примѣчаніяхъ).

*

Остается намъ вывести заключенія, по большей части какъ догадку. Не сомнѣваемся, что, на основахъ народныхъ, подлинникъ пѣсни съ помощію личнаго искусства сложился въ семействѣ и домѣ Нарышкиныхъ: первоначально при участіи Натальи Львовны, вѣроятно въ отношеніи къ судьбѣ ея замужства, и съ этой стороны былъ оправданъ послѣдствіями. На сей ступени засталъ пѣсню, слухи и преданіе Аблесимовъ, сочинивши на все это пародію, воспользовавшись для комической оперы и въ такомъ видѣ оставивши потомству „Мельника“ по смерти своей въ 1784 году *). Одновременно съ этимъ, пѣсня вошла въ репертуаръ Марьи Львовны и скоро за тѣмъ примѣнена ею къ собственному положенію, по сходству его въ 1789—90 годахъ. Какъ приданная страстность, какъ вложенный порывъ, такъ и ближайшая внутренняя связь, въ которую поставлена „вторая“ пѣсня относительно „первой,“ силами одинакаго высокаго таланта и искусства, — все это, почти безъ сомнѣнія, есть дѣло нашей героини. Таковъ *первый періодъ* пѣсни, въ Петербургѣ, уцѣлѣвшій памятникомъ въ старшихъ Петербургскихъ изданіяхъ.—Съ этихъ поръ, вслѣдствіе того, что обѣ сестры постепенно сошли съ громкой общественной сцены, и сама пѣсня перешла постепенно въ забвеніе среди общества, а съ другой стороны уединилась въ употребленіе домашняго или интимнаго пріятельскаго кружка, въ которомъ Марья Львовна имѣла полное право пѣть то же самое о жизни и чувствахъ своихъ за послѣдніе 90-е и первые 800-е годà, равно какъ возможность и досугъ къ тому, чтобы запасъ прежняго своего пѣснопѣнія воспроизводить, переработывать и доработывать. Это *промежутокъ*, въ теченіе котораго, сверхъ внутреннихъ несомнѣнныхъ признаковъ, самая музыка и голосъ, надписи, печать, употребленіе и стойкое преданіе засвидѣтельствовали окончательно связь оперной аріи съ обѣими пѣснями, одинакое ихъ про-

*) Въ разборѣ „Мельника“ („Вѣстн. Евр.“ 1817, ч. 92, стр. 113—120), А. Ѳ. Мерзляковъ говоритъ между прочимъ: „Всѣ пѣсни въ оперѣ Мельникъ хороши вообще, забавны, пріятны, а нѣкоторыя черты въ нихъ прекрасны своей простотою и нѣжностію чувствованій... Много способствуетъ успѣхамъ Мельника конечно выборъ голосовъ изъ Русскихъ пѣсенъ, къ которымъ всегда мы были привязаны.“ Мерзляковъ самъ передѣлывалъ многія пѣсни, между прочимъ „Нарышкинскія,“ какъ убѣдимся при слѣдующемъ 11-мъ выпускѣ.

исхожденіе, зависимость и послѣдовательность второй пѣсни относительно первой, а въ частности при второй—именованіе и общее свойство пѣсни „Нарышкинской.“ За симъ наступилъ для пѣсни *періодъ второй*, вѣроятно уже по смерти слагательницы и героини, хотя еще по явному наитію творчества ея и искусства, лица и судьбы. То есть, по всему видно, что, *всмотрѣвшись* (а не вслушавшись) въ оригиналъ (печатный) старшаго времени и заинтересовавшись какъ яркимъ складомъ очень хорошей пѣсни (честь вкусу), такъ вѣроятно и ходившими преданіями — если не о слагательницѣ, то о воспѣтой героинѣ, господинъ, взявшійся *за перо* (а не за пѣніе), предпринялъ благородное намѣреніе, какъ говорятъ, *обработать* пѣсню, нѣсколько измѣнить, главное—приблизить „къ народу,“ а этимъ снова распространить въ употребленіи, что̀ и подхвачено было пѣсенниками позднѣйшими, съ 1818 года. Наивность нашихъ сочинителей въ этомъ отношеніи (отчасти продолжающаяся доселѣ: ср. вставки пѣсенъ въ піэсы на сценѣ) поразительна и презираетъ всѣ препоны. Усмотрѣвъ въ извѣстной ходячей пѣснѣ годный матеріалъ, они всегда спѣшили его привести въ порядокъ и выгладить утюгомъ, печатая вслѣдъ за тѣмъ подъ названіемъ „пѣсни,“ иногда даже „Русской народной,“ хотя бы и съ подписью своего собственнаго „имени.“ Если же, сохрани Богъ, заподозривали въ ней старшаго или недавняго слагателя, а таковой конечно представлялся не иначе, какъ „писателемъ,“ права же „литературной собственности,“ какъ извѣстно, на пѣсню, особенно печатную, не простираются (но крайности ихъ совершенно отвергаетъ „Русская Старина“): то старанія усугублялись и торопились исправить прежняго „писателя,“ примучивая его выражаться по „народному.“ Въ семъ послѣднемъ направленіи, хоть держатся аксіомы, что „народъ—мы“ (l'état c'est moi), и этимъ особенно гордятся, ревниво обличая всѣхъ сомнѣвающихся, но, тѣмъ не менѣе, изъ любви къ „народному“ берутъ обыкновенно „простонародное,“ по большей части изъ черни кабацкой, трактирной и тому подобной, вообще „вульгарное.“ И въ настоящемъ случаѣ обработчикъ полагалъ, что онъ попалъ, какъ говорятъ, пальцемъ въ небо, прибавивши „не любится,“ „лицо полное,“ „дряхлаго чорта“ и т. п. Но все-таки и ему спасибо, что снова пустилъ пѣсню въ ходъ и извѣстность, до насъ уцѣлѣвшую.

*

Прибавимъ кстати, что обѣ пѣсни, носившіяся „По горамъ,“ вызвали не одну драматическую сатиру, но отчасти комическій откликъ среди самаго пѣснотворчества. По натурѣ смѣшливый, народъ нашъ, все трагическое, болѣе или менѣе возвышенное и напряженное, любитъ разрѣшать шуткою: по мѣрѣ, какъ пѣсня переходила въ руки „господъ“ и въ ихнихъ обстоятельствахъ становилась Историческою, народъ нерѣдко какъ бы отплачивалъ за такое владѣніе, обращавшее-

ся въ исключительную собственность верхнихъ слоевъ, и первообразъ народный, изъ котораго поднимались пѣсни барскія, низводилъ съ пьедестала до уровня простонароднаго, а при этомъ, естественно, самъ грубѣя и дичая въ невѣжествѣ, подбавлялъ порою черты вовсе не казистыя и выходки рѣзкія. Передняя, дремавшая обычно на услуги, не дремала въ настоящемъ случаѣ и лакейство усердно сообщало крестьянству матеріалъ, обработанный въ гостиныхъ, для новой переработки. Такъ явилось въ Москвѣ нѣсколько пѣсенъ съ началомъ „На горѣ-горѣ" или „При горѣ-горѣ, на крутомъ бережку," гдѣ дѣйствіе совершается въ городѣ и у домовитаго, многосемейнаго хозяина, щеголиха дочка „нечаянно понесла" сыночка: по однимъ образцамъ, вину свалили на „конюха;" по другимъ провинившуюся „Палагу," эту простонародную „Эвтерпу" или „Парашу," погубилъ собственный ея любезный, человѣкъ военный, „маіоръ" (мы знаемъ по прежнямъ выпускамъ, что всѣ почти дѣла исторически-пѣсенныхъ нашихъ героевъ въ концѣ концовъ сваливались обыкновенно на „маіора"). А есть еще пѣсня, наиболѣе лакейская, въ которой дѣвушка, гулявши „по горамъ," сыскала себѣ — только не соловья, а „сокола:" „поймавши сокола, изъ рукъ его упустила," и силится снова поймать, привлекая выраженіемъ лакейскихъ нѣжностей. Мы встрѣтимъ впослѣдствіи изъ пѣсни Параши Шереметевской подобныя же лакейскія передѣлки.

* *

Однако рядъ „Нарышкинскихъ" пѣсенъ этимъ еще не кончается и идетъ дальше: хотя съ каждымъ шагомъ теперь мы все дальше отъ опредѣленнаго имени; въ „сочиненіи" и содержаніи легко здѣсь усмотрѣть нѣкоторое отношеніе къ Натальѣ Львовнѣ, но участіе княгини Любомірской скорѣе можемъ допустить лишь въ „употребленіи" и распространеніи. Во всякомъ случаѣ, къ какой *именно* Нарышкиной это относится, какая изъ нихъ жаловалась на бракъ и вынуждена была назвать мужа своего „дуракомъ," какая боролась и громко воспѣвала борьбу красоты со старостью, прежняго блеска и былаго свѣтскаго успѣха съ одиночествомъ, и какая доживала вѣкъ въ Москвѣ,—предоставляемъ рѣшить будущему, и вѣроятно, не далекому, а для этого ожидаемъ пособія изъ фамильныхъ преданій и архивовъ отъ самихъ Нарышкиныхъ. Въ пѣсняхъ все меньше и меньше искусства, меньше народности, и онѣ ближе къ обычнымъ въ ту эпоху „романсамъ *)."

И вопервыхъ, одна появляется съ конца прошлаго вѣка (въ первичномъ составѣ съ 1780-хъ годовъ) изъ Москвы, распространяется позднѣе, съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ, преимущественно съ подновле-

*) Тѣсную связь ихъ по составу и „складу" съ двумя предыдущими, а равно отношеніе къ Западнорусскимъ и Польскимъ, разсмотримъ на своемъ мѣстѣ при слѣдующемъ выпускѣ изданія.

ніемъ языка, по Петербургу (особенно съ 1818 г.), равно какъ по другимъ городамъ, гдѣ держится до 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Печатныя ноты ея намъ неизвѣстны, но голосъ въ свое время былъ распространенъ.

III.

а)

(Москва, Петербургъ, другіе города и помѣстья).

Бракъ за счастье почитала,
Какъ я въ юности была;
Въ немъ все счастье полагала,
Въ немъ [1]) прямыхъ утѣхъ ждала (2, дважды).
Но, вкусивши его нынѣ,
Я совсѣмъ нашла не такъ:
Гробъ готовится судьбинѣ
Въ день, назначенной на [2]) бракъ (2).
Всякъ день праздникомъ казался,
Какъ невѣстой я была:
Онъ всякъ часъ ко мнѣ ласкался
И всегда дарилъ меня (2);
Матери [3]) моей старался
Всѣ угодности [4]) казать:
Чрезъ то [5]) только домогался
Любовь нашу увѣнчать (2).
Нынѣ, какъ мы оженились [6]),
Цѣлый годъ ужь [7]) не дарилъ:
Въ томъ всѣ счастья заключились,—
Ка́къ и звать меня забылъ (2).
Въ дѣвкахъ я [8]) была прекрасна,
Женой стала я дурна:
Если въ зеркалѣ согласна [9]),

---

[1]) Варіанты состоятъ всѣ почти въ подновленіи языка, и таковы послѣдующіе.—„И.“—[2]) Вар. „намъ въ.“—[3]) „Маменькѣ.“—[4]) „учтивости.“—[5]) „Чрезъ что.“—[6]) Старое выраженіе. — Вар. „Нынѣ, какъ лишь онъ женился, — Онъ совсѣмъ перемѣнился.“—[7]) „мнѣ.“ – [8]) Опять старое выраженіе, не чуждое самыхъ знатныхъ особъ; вар. „Въ дѣвушкахъ.“—[9]) Если я въ зеркалѣ согласна съ собой,—опять старое выраженіе; вар. „Если зеркало согласно.“

Вижу, что я всё-равна [10]) (2).
Нынѣ завсегда бранится [11])
И на всѣхъ онъ сталъ сердитъ:
Для чего на мнѣ женился, —
Онъ весь свѣтъ за то винитъ (2).
Тѣмъ единымъ утѣшаюсь,
Что не мной то сталось вновь [12]),
Не одна я сокрушаюсь:
Бракомъ кончится [13]) любовь [14]) (2)!

(Помѣщалась въ числѣ „Нѣжныхъ.“ Надписи при печати были: „Пѣсня нѣжной женщины, жалующейся на холодность своего любезнаго, произведенную бракомъ. Голосъ изъявляющій унніе и томность, трогающую душу.“ Или: „Голосъ унылый и томный.“ И т. п.

*

Особый, нѣсколько *исключительный* видъ, послѣ старшаго 1780-хъ годовъ и прежде подновленій изъ 10-хъ годовъ нашего вѣка, получила эта пѣсня въ Москвѣ же, въ „Собраніи *новѣйшихъ* пѣсенъ“ у Окорокова (см. о немъ вып. 9), отпечатанныхъ 1791 г. въ Университетской Типографіи (отличія отмѣчаемъ *курсивомъ*):

б)

(Москва).

Бракъ *прелестнымъ воображала,*
Какъ я въ юности была.... (и проч.).
Но, вкусивши его нынѣ,
Я совсѣмъ нашла не такъ:
Гробъ готовился *любови*
Въ день, назначенной на бракъ....
Но съ тѣхъ поръ, какъ мы женились,
Цѣлой годъ ужь не дарилъ:

---

[10]) Такая же, какъ прежде, или, какъ говорятъ; „всё равно.“—[11]) Вар. „бранился.“—[12]) Не я первая.—Вар. „Что не мною стало;“ „Что не мной то стало.“—[13]) Кончается.—[14]) Послѣдній куплетъ позднѣе выпускался, вѣроятно по цензурнымъ причинамъ.

Мысли въ немъ перемѣнились,—
Какъ и звать меня, забылъ....
Нынче завсегда бранится
И на всѣхъ онъ сталъ сердитъ:
Для чего на мнѣ женился,—
Цѣлой свѣтъ за то винитъ.
Въ дѣвкахъ я была *прекрасной,*
Стала ужъ женой дурна:
Если зеркало согласно,
Вижу, что *я всѣмъ ровна.*
Сердце тѣмъ лишь облегченно,
Что не *мною* сталось вновь,—
Такъ во свѣтѣ все премѣнно,—
Бракомъ кончится любовь!

Вообще эта пѣсня (или романсъ), принадлежа по происхожденію преимущественно *Москвѣ*, ближайше соотвѣтствуетъ послѣдующей, которая первоначально явилась въ одномъ году съ предлежащимъ образцомъ—въ 1791-мъ—и составляетъ въ свою очередь, по мѣсту, откуда разошлась, преимущественное достояніе *Петербурга*.

* *

Нѣсколько позднѣе предыдущей, именно въ печати съ 1791 года, съ придворнаго пѣсенника Шнора, вообще изъ Петербурга идетъ другая пѣсня, съ самаго начала ярко запечатлѣнная духомъ вѣка; потомъ она постепенно подновляется, распространяется болѣе предыдущей (въ Москвѣ съ 1799 г.) и длится также до 30-хъ годовъ нашего вѣка. О нотахъ и голосѣ мы должны сказать то же, что о предыдущей; съ тѣмъ отличіемъ, что пѣсня перешла къ Цыганамъ (при чемъ просимъ вспомнить Эвтерпу и Парашу), примкнувши своимъ напѣвомъ къ извѣстному произведенію, которое довольно близко по содержанію, „Общество наше намъ запрещаетъ, Чтобъ не жениться вѣкъ ни на комъ“ (послѣднее произведеніе пѣлось у Цыганъ до нашего времени; но прежде распространена была увѣренность, что его сочинили или передѣлали съ иностраннаго Масоны, а потому нѣкоторое время его удаляли изъ пѣсенниковъ). Въ добавокъ, пѣсня приписывалась „*знатной женщинѣ*:“ и дѣйствительно отличается чертами, знакомыми для насъ изъ первыхъ двухъ пѣсенъ, именно яркой страстностію и особеннымъ порывомъ; языкъ же ея, совершенно въ духѣ вѣка и тогдашнихъ барынь, выдается привычкою къ слову „теперя.“

IV.

(Петербургъ, Москва, другіе города и помѣстья, Цыгане).

Я когда была дѣвицей,
Всѣ влюблялися въ меня;
Я гордясь летала птицей,
Чла счастливѣй всѣхъ себя [1]):
«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,» говорила я тогда,
«Кто можетъ плѣнить меня когда (2, дважды)?»
Видно такъ судьба хотѣла,
Чтобы гордою [2]) мнѣ быть,
И теперя мнѣ велѣла [3])
О прошедшемъ потужить:
Жаль, жаль, жаль теперя мнѣ того,
Что польстилась за мужь за него (2)!
Я теперя [4]) проклинаю,
Что польстилъ мя [5]) интересъ,
Горькихъ слезъ не осушаю:
Онъ всю пагубу нанесъ,
Жаль, жаль, жаль теперя [6]) мнѣ того,
Что я страдаю [7]) чрезъ него [8])!
Вотъ желаніе къ богатству
До чего доводитъ насъ:
Подвергая своенравству,
Налагаетъ цѣпь тотчасъ [9])!

---

[1]) За симъ припѣвъ, подобно Цыганской пѣсни. „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не хочу же я того.“—[2]) Чтобы горькою?—[3]) Языкъ сей, какъ и въ предыдущей пѣснѣ, имѣетъ всѣ права и въ особенности рисуетъ намъ барыню конца прошлаго вѣка; подновленія начались въ Петербургѣ же, съ 1820 года, и таковы почти всѣ варіанты.—Вар. „И теперь мнѣ повелѣла.“—[4]) „Я теперь ужь.“—[5]) Старое и обычное; вар. „Что меня льстилъ.“—[6]) „теперь.“—[7]) „Что нынѣ я стражду.“ При этомъ *подновленіи* къ слову *теперь* прибавлено еще *нынѣ*.—[8]) Слѣдующій куплетъ, какъ испорченный въ печати, съ 1819 г. въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ выпускался.—„*Желаніе* къ богатству“—стремленіе; Французское вліяніе прошлаго вѣка.—[9]) Недослышка въ пѣнія и потомъ плохая рукопись породили здѣсь кучу нелѣпостей, пока кое-какъ исправили. Въ 1791 году: „Повергаяся *тѣмъ* нравству (выговаривалось *своендравству*);“ 1799:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, никто не льстись обмана [10]),
Совѣтую всѣмъ бѣгать тирана (2) [11])!
Посвятила я невинность
И драгую красоту,
Съ ними прелести и нѣжность
Я вручила [12]) дураку!
Жаль, жаль, жаль теперя мнѣ того,
Что пошла я за мужь за него (2)!

(Надписей было много: „Раскаяніе. Пѣсня сія сочинена женщиною, вышедшею за мужь за такого, который богатъ, но при всемъ томъ ей не милъ; голосъ печальной (Петерб. и Москва, 1799, 1803).“—„Пѣсня *знатной женщины* (только съ этихъ поръ, подобно предидущимъ примѣрамъ, рѣшились сказать о „знатной“—вмѣсто простой „женщины“), вышедшей за мужь не по любви, но по разсчетамъ, и раскаявающейся въ томъ. Голосъ жалостной и досаду изъявляющій (Пет. и М. 1818, 1822).“ И т. п. Помѣщалась въ „любовныхъ и нѣжныхъ;“ въ Петерб. 1820 г. *рядомъ* съ предидущею пѣснею „Бракъ за счастье,“ а по другимъ въ близкой связи).

* *

Судьбы слѣдующей за симъ пѣсни во многомъ весьма сходны, какбы шагъ въ шагъ, съ пѣснею II-ю—„Ахъ на что жь было.“ Именно, при концѣ прошлаго вѣка, по первоначальному тексту, представляетъ она въ печати нѣсколько ошибокъ, явно происшедшихъ отъ того, что печаталось со слуха, изъ устнаго употребленія, т. е. прямо съ голоса и пѣнія, ходившаго тогда вокругъ, съ помощію переписанныхъ тетрадокъ (а не такъ, какъ дѣлалось и дѣлается позднѣе—съ подлинной рукописи отъ сочинителя или въ перепечаткѣ, когда готовую печатную пѣсню вновь аранжируютъ для пѣнія и употребленія). Но, лишь только успѣлъ захватить ее кое-какъ Новиковъ, она исчезаетъ со сцены общественной: ни Шноръ, ни Сопиковъ и всѣ подобные, какбы вовсе не знаютъ ея, слишкомъ 20 лѣтъ, до самаго конца вѣка. Потомъ, вторично возраждается она среди Москвы, въ 1803 году, и свидѣтелемъ сего служитъ пѣсенникъ, выручившій насъ именно въ подобныхъ же случаяхъ, при первыхъ двухъ пѣсняхъ,—Вавиловскій, изъ рукъ Пл. Петр. Бекетова. Здѣсь ошибки прежней печати уже устранены, нѣкоторыя выраженія возстановлены въ ихъ народности или общепринятомъ употребленіи, а вообще пѣсня предстаетъ въ лучшемъ своемъ видѣ.

„Повергаюсь *тесмъ* нравству, Налагая ц. тотч.“; 1818: „Подвергаетъ *судьбы* нравству, Налагая ц т.“ и т. д.—[10]) Льститься *чего* — опять словосочиненіе вѣка.—Позднѣе: „его обмана.“—[11]) Позднѣе: „Совѣтую бѣжать всѣмъ сего тирана (богатства и его обмана).“—[12]) Т. е. „Посвятила—и вручила“....

какъ воспроизведеніе основныхъ началъ ея при пособіи личнаго искусства. Тѣмъ не менѣе, въ первыхъ годахъ вѣка она держится еще тѣснаго кружка, пока съ 1818-го года, въ 19-мъ, 20-мъ и такъ далѣе, проникаетъ она въ Петербургъ, сѣверная столица просыпается съ живымъ интересомъ къ пѣснѣ, наперерывъ печатаетъ по Московскому лучшему ея тексту, и отсюда же, изъ Петербурга, снова распространяется она по Москвѣ, по Московскимъ пѣсенникамъ, по другимъ городамъ, по усадьбамъ помѣщичьимъ и т. д.; здѣсь и держится она до 30-хъ годовъ, а послѣ еще въ памяти многихъ старушекъ, разныхъ барынь и полубарынь, поучавшихъ насъ въ молодости своими разсказами и преданіями. Очевидно, если какая либо изъ видныхъ Нарышкиныхъ проживала, а можетъ быть доживала въ Москвѣ подъ конецъ прошлаго вѣка или въ началѣ нынѣшняго, то очень естественно воспользовалась она достояніемъ предшествовавшей слагательницы, изъ 80-хъ и 90-хъ годовъ XVIII вѣка, въ употребленіи и пѣніи своемъ обновила пѣсню, а изъ дому ея разошелся воспроизведенный образецъ въ 10-хъ годахъ нашего столѣтія. Въ числѣ такихъ дамъ, пѣвшихъ и примѣнявшихъ пѣсню къ себѣ, *могла быть* всего ближе Марья Львовна. Но во всякомъ случаѣ о связи пѣсни съ прочими Нарышкинскими, кромѣ преданія, свидѣтельствуютъ пріемы и замѣтки самой печати: такъ, выдающійся въ сихъ отношеніяхъ Пѣсенникъ Вавиловскій или Бекетовскій номѣщаетъ пѣсню *рядомъ* (а это во многихъ случаяхъ важный признакъ въ дѣлѣ пѣсенниковъ) съ пѣснею—„По горамъ,“ тотчасъ за сею послѣднею; а другіе пѣсенники, даже старшій Новиковскій, весьма рѣдко допускающій подобныя отмѣтки, прибавляетъ, что пѣсня пѣлась „на голосъ: По горамъ.“ Замѣтимъ еще, что, подобно двумъ первымъ пѣснямъ Нарышкинскимъ, слишкомъ яркимъ своею народностію, всѣ почти пѣсенники нашего вѣка, какбы по привычкѣ, относятъ предлежащую къ „*простонароднымъ*“ и помѣщаютъ въ семъ разрядѣ, хотя достаточно одного взгляда, чтобъ усмотрѣть здѣсь присутствіе образованнаго искусства и совершенное отсутствіе того, что̀ называется простонароднымъ въ нынѣшнемъ смыслѣ.—Нотъ особыхъ мы не знаемъ и не было ихъ нужно, ибо пѣлось на голосъ прежней, достаточно установившейся и музыкально обработанной, пѣсни Нарышкинской. И такъ:

V.

(Москва, Петербургъ, прочіе города, дворянскія усадьбы).

Я въ Москвѣ въ горестя́хъ [1)]
Живучѝ иоста́рилась (2, дважды):

[1)] Удареніе сло́ва и все выраженіе это принадлежитъ городской жизни прошлаго вѣка.

Вся краса [2]) съ нѣжностью
Моя ужь умáлилась (2).
Кто жь меня, бѣдную,
Приводитъ въ несчастіе (2)?
Милый другъ, милый другъ—
Все мое злосчастіе (2)!
Роду я—племени [3]),
Младéнька [4]), на слушалась (2):
День и ночь, бѣдная,
Сердцемъ своимъ мучилась (2)!
Всѣмъ мукамъ-гóрестямъ
Сама я причиною (2):
Можно ли взять кому
Мое сердце силою [5]) (2)?
Все *въ свѣтѣ* [6]) нé мило
И отрады нѣтъ ни въ чемъ (2):
Горести лютыя
Терпѣть, вижу я, во всемъ [7]) (2)!
Мысли встревожились,
Мое сердце въ слабости (2):
Нѣтъ въ любви, бѣдной мнѣ,
Ни малѣйшей радости (2)!
Чтò стану, бѣдная,
Чтò начну я къ радости [8]) (2)?
Горестную жизнь мою
Печаль ведетъ къ старости (2).
Томно мнѣ, грустно все:
О жизнь, ты несчастная [9]) (2)!
Почто я, бѣдная,
Почто я, злосчастная (2),
Съ горестью, съ муками,

---

[2]) Позднѣе „краска.“ — [3]) Я роду-племени... — [4]) Ср. пѣсню 2-ю: „У соловушки, у *младенькаго*.“ — [5]) Т. е. сама я виновата, что по собственной волѣ вышла за мужъ. — [6]) Позднѣе „въ сердцѣ.“ — [7]) Вижу я, приходится терпѣть. — [8]) Позднѣе: „въ радости.“ — [9]) За этимъ обстоятельства личныя и черты историческія: всѣ бѣды героини отъ того, что когда-то прежде любовь ея била открыта и за эту любовь, невозвратимую, терпѣла она въ замужствѣ.

Въ любви сей открылася [10]) (2)?
Всѣхъ утѣхъ радостныхъ
За любовь лишилася (2)!
Всѣ, вижу съ мукою,
Ѣдутъ *въ клобы* [11]) съ радостью (2):
Я дóма со скукою
Сижу, какъ со старостью (2);
Всѣмъ радость дѣлаютъ
Гулянья *воксальныя* [12]) (2):
Только [13]) мои мысли
Всякой день печальныя (2)!

(Голосъ—„По горамъ," то есть голосъ пѣсни Марьи Львовны, измѣнившійся нѣсколько по требованію новаго текста, при развитіи старшаго напѣва въ общемъ употребленіи.—Мѣста, означенныя у насъ курсивомъ, измѣнены во вторичной редакціи, которая и кромѣ того многое усовершенствовала).

*

Всѣ эти ***пять пѣсней***, помѣщенныхъ у насъ одна за другою, тѣсно связаны въ своемъ содержаніи и послѣдовательны. Женская мысль, рѣчь, рука, женское сердце, чувство, слово и искусство, все женское такъ ярко и очевидно здѣсь. Если во всѣхъ нихъ дѣйствуетъ не одно лицо *дѣйствительное*, то во всякомъ случаѣ одно ***типическое***, которое такъ живо и такъ легко себѣ представить: яркій образъ его одушевлялъ собою непрерывное преданіе и самому распространенію пѣсенъ давалъ нерасторжимое единство. По крайности, онѣ рисуютъ намъ вполнѣ, до мелочей и даже оригинальныхъ выраженій, жизнь барышни и барыни знатной, изъ конца XVIII вѣка, въ переходѣ къ XIX-му: съ первыхъ лѣтъ ея молодости и блеска при дворѣ, до первой любви и трагической катастрофы, до прозаическаго брака, до спуска въ жизнь обиходную, въ дѣйствительность скучную, до уединенія въ помѣстьѣ, въ замкнутомъ пріятельскомъ кругѣ и въ большомъ — но тѣсномъ и душномъ—домѣ, потомъ послѣдній взрывъ чувства—къ новому, возмож-

[10]) Ср. „Ахъ почто жь было по горамъ ходить, ахъ почто жь было соловья ловить? У соловушки одна пѣсенка:" одна была любовь дѣвушки, и та кончилась горестью.—[11]) Не разслушавши или не разобравши тетрадки, сначала печатали „въ клопы (!)." Во вторичной редакціи: „*въ гости*." — [12]) Опять печатали „васкальныя." Во втор, редакціи: „*веселыя*." — [13]) Позднѣе: „Ахъ только."

ному еще, другу, а за симъ конечное уже замираніе въ старой Москвѣ, еще съ силами таланта, но уже съ грустнымъ взоромъ на собственную увядающую красоту, среди сверстниковъ, предпочитающихъ клубы, и юныхъ подростковъ, жадныхъ къ удовольствіямъ свѣта. Это богатая канва если не для драмы, то для характернаго романа: и надобно только удивляться, какъ наши „сочинители“ глухи и слѣпы къ подобнымъ „сюжетамъ.“ Въ прошломъ 9-мъ выпускѣ изданія мы вывели героиню, вполнѣ *народную* по самому происхожденію, но изъ народа, изъ области его исторіи и пѣснотворчества, возведенную какимъ-то чудомъ судьбы на степень высшей Русской знати: здѣсь, совершенно на оборотъ, представляется намъ героиня, по роду, воспитанію, привычкамъ и всей обстановкѣ съ самыхъ первыхъ лѣтъ до конца принадлежавшая лучшему барскому кругу, тому „верхнему классу,“ который вообще такъ спѣшно французился и даже полячился чрезъ брачные союзы; и однако на высотѣ своей, при видимомъ разрывѣ съ собственнымъ народомъ, героиня эта осталась столь же народною, какъ самая простая крестьянка, а чрезъ пѣсни, проникнутыя одинаково творчествомъ и искусствомъ, вступила съ торжествомъ полнаго успѣха въ область пѣснотворчества народнаго, въ рядъ достойнѣйшихъ историческихъ героинь его, до того, что самые лучшіе знатоки не могли отличать пѣсенъ ея отъ „самыхъ простонародныхъ.“ Отчасти потому же, въ явную противуположность Парашѣ, мы допустили пробѣлъ въ XVIII вѣкѣ и при Шереметевыхъ умолчали объ Нарышкиныхъ, оставивши ихъ нашему вѣку. Пѣснотворческія преданія о сихъ послѣднихъ мы слышали и собирали сами: мы лично застали еще, въ молодыхъ лѣтахъ и въ первой половинѣ нашего вѣка, всю эту жизнь вѣка XVIII-го, замиравшую и глохшую, хотя еще съ пѣснею на устахъ, въ исконномъ пріютѣ Руси, для сего и отстроенномъ,—въ Москвѣ и по развѣтвившимся отъ Москвы помѣщичьимъ усадьбамъ. И еслибы мы захотѣли или имѣли бы время передать все, интересовавшее насъ здѣсь въ словоохотливыхъ устахъ, то конечно многое не уступило бы одушевленнымъ разсказамъ Н. Ст. Кохановской, которая черпала изъ того же источника дворянской усадьбы и жившей тамъ пѣсни. Но, съ другой стороны, мы перешли бы тогда въ область Русской старины и Русскаго архива, а это самое именно всего больше и удерживаетъ насъ: имѣя ближайшее дѣло съ пѣсней народною, съ этой жизнію вѣковѣчною и вѣчно текущею, въ самой дряхлости молодою и изъ дѣтскихъ пеленъ способною всегда воспрянуть въ тысячелѣтній величавый ростъ, мы боимся превратить такое достойное дѣло въ сплетню барыни-старушки. Кромѣ того, пѣсни Нарышкинскія просились вонъ изъ XVIII вѣка потому еще, что развивались послѣдовательно и перешли въ XIX вѣкъ новымъ звѣномъ, которое тѣсно съ ними связано, даже по самому имени героини, а между тѣмъ всецѣло принадлежитъ вѣку Александра. Къ этому новому, заключительному ихъ звѣну, къ

этой пѣснѣ, столь слышной еще въ наши дни, мы и перейдемъ при слѣдующемъ выпускѣ, во второй половинѣ нашего изслѣдованія. *)

---

*) Но, для успѣха этого дѣла, ничто не можетъ намъ замѣнить потеря старинныхъ *Пѣсенниковъ*, особливо *рукописныхъ изъ XVIII вѣка*: безъ нихъ мы какъ безъ рукъ, не отъ куда извлечь разнообразныхъ примѣровъ въ подтвержденіе, а память наша, разумѣется, не въ состояніи возобновить всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ замѣтокъ, которыми нѣкогда испестрили мы страницы рукописей при самой разработкѣ пѣснотворческихъ вопросовъ и при сличеніи рукописей съ пѣснями, оставшимися въ устахъ. Въ 9-мъ выпускѣ (стр. 408) мы замѣтили, что все это на значительную долю поглощено Библіотекою покойнаго *С. А. Соболевскаго*, а послѣ того, вмѣстѣ съ нею, перешло за границу. Книгопродавцы гг. Листъ и Франке выгодно пріобрѣли и спѣшно перевезли Библіотеку изъ Москвы въ Лейпцигъ. Собранная съ величайшимъ трудомъ, на огромныя суммы, въ теченіе долгой жизни за границей (между прочимъ въ Римѣ, Мадридѣ, чрезъ монаховъ и духовенство, по глухимъ угол-камъ Италіи, Испаніи и Португаліи), вмѣщала она много величайшихъ рѣдкостей, даже униковъ, особенно по исторіи путешествій, первопечаткамъ, народнымъ памятникамъ: при жизни владѣльца и при насъ самихъ, ему предлагали *въ двое* больше послѣдней цѣны, съ условіемъ еще—оставить за хозяиномъ все, относившееся къ Россіи. Но, по смерти его, никто изъ Русскихъ (за исключеніемъ насъ самихъ), ни отъ учрежденій въ родѣ Импер. Публичной Библіотеки (которая столько одолжена трудамъ Соболевскаго вмѣстѣ съ другомъ его Корфомъ, ни отъ Музеевъ, ни отъ Университетовъ и т. п., сколько извѣстно, *не былъ даже въ Библіотекѣ*, чтобы осмотрѣть ее по предложенію наслѣдниковъ о продажѣ. Въ короткое время, по общимъ слухамъ, и даже еще до напечатанія каталога, нынѣшніе владѣльцы выручили уже всю уплаченную сумму *за нѣсколько лишь изданій*; послѣ 1-го каталога, все лучшее быстро было расхватано за границею книгопродавцами, такъ что многое *отъ сихъ уже послѣднихъ* поступало, какъ убѣдились мы, обратно въ Россію по выпискѣ. Съ нетерпѣніемъ дожидались мы *2-го каталога* („Русская Б—ка С—го,“ Лейпцигъ, 1874) и, какъ надѣялись, встрѣтили здѣсь нѣсколько помянутыхъ рукописныхъ пѣсенниковъ изъ собственной нашей коллекціи (на прим. № 421, рукопись съ 277 народн. пѣснями; № 603, пѣсенникъ со 131, другой болѣе чѣмъ съ 200 пѣсенъ и стиховъ, и т. п.): поспѣшили мы выписать, предлагая вторично плату за свою собственность, Общество Л. Р. Сл. также выразило желаніе пріобрѣсти,—но было уже тщетно, роковое „vergriffen“ (столь убійственное библіографамъ) было намъ отвѣтомъ. Мы умоляемъ тѣхъ, кому это досталось, за границею или въ Россіи (а узнать экземпляры легко по содержанію, по припискамъ П. В. Кирѣевскаго и особенно по многимъ нашимъ), сообщить намъ *условія продажи или обмѣна*, по крайности нельзя ли сдѣлать за извѣстную цѣну *списокъ* (копію), или даже, не знаетъ ли кто, *въ чьи руки это попало*.

По счастію, въ числѣ *книгъ*, обратно купленныхъ изъ за границы въ Россію многими любителями, отчасти и нами, благовременно пріобрѣтены гр. С. Дм. Шереметевымъ всѣ переплеты, вмѣщающіе *переписку* покойнаго за цѣлые пол-вѣка съ передовыми людьми Россіи и Европы (неизвѣстно, какимъ образомъ уступленные распорядителями за границу *въ числѣ книгъ*!). Этимъ хоть нѣсколько спасено достояніе Россіи, на пользу ея литературы и исторіи.

VII.

Послѣ Александра.

Не много памятниковъ мы помѣщаемъ въ этомъ Отдѣлѣ, не считаемъ нужнымъ съ подробностію говорить объ нихъ и не находимъ возможности сказать многое. Во первыхъ, это уже не *Пѣсни* въ собственномъ смыслѣ и отношеніе ихъ къ пѣснямъ подлиннымъ достаточно разъяснено въ предыдущихъ замѣчаніяхъ. Во вторыхъ, если это и Пѣсни въ какомъ либо отношеніи, то онѣ слишкомъ еще *не опредѣлились* въ народномъ смыслѣ и употребленіи, а событія, которыхъ онѣ касаются, простираясь до нашихъ дней, чрезъ чуръ еще *свѣжи*, чтобы творчество на нихъ и сужденіе объ нихъ могло устояться. Въ третьихъ, такъ какъ здѣсь въ большинствѣ образцовъ господствуетъ уже „*сочиненіе*“ и притомъ примѣненное наиболѣе къ *войнамъ* или *солдатамъ*, то пополненіе сего Отдѣла зависитъ отъ изученія *полковыхъ хоровъ*, въ ихъ уцѣлѣвшемъ или дѣйствующемъ репертуарѣ, къ чему мы имѣемъ надежды впредь, владѣя пока матеріалами довольно еще сырыми и отрывочными.

Начало войны Восточной. Угрозы Туровъ. Паскевичъ.

1.

(Уѣздъ Ливенскій, село Волово).

Пишетъ-пишетъ да Султанъ Турецкій,
Пишетъ къ Бѣлому своему Царю [1]):
«Ты отдай, намъ, царь, землю!
«А не отдашь, царя разорю,

---

[1]) Ибо, по народному воззрѣнію, „Бѣлый царь надъ царями царь.“

«Разорю ужь я царя, разорю,
«Въ Москву каменную жить пойду:
«Ужь я стану, я Султанъ Турецкій,
«Въ Николаевскомъ новомъ дворцѣ,
«Я разставлю своихъ гвардіонцевъ,
«По всей каменной своей Москвѣ.»
Сидитъ-сидитъ нашъ царь Бѣлый
За дубовымъ—за новымъ столомъ,
Онъ и думаетъ думу, гадаетъ:
— Ужь вы братцы,—купцы, сенатóры!
— Вы подумайте думу со мной:
— Хочетъ-хочетъ насъ Султанъ Турецкій,
— Хочетъ землю отъ насъ отымать.—
««Ты не бойся, Бѣлъ царь, не пужайся,
««Ты не вѣшай буйной головы:
««Три набора у годъ [2]) мы берёмъ,
««Три набора—да мы молодцовъ,
««Отъ матушекъ, братцы, отъ отцовъ,
««Отъ женушекъ да все молодыхъ,
««Отъ дѣтушекъ да все отъ малыхъ.»»

(Записано П. И. Якушкинымъ, лѣтомъ 1843 г.)

*

2.

(Лихвинскій уѣздъ).

Пишетъ Салтанъ Турецкій, пишетъ къ Бѣлому царю [1]):
«Ты отдай-ка-ся [2]), отдай, царь, землю, не то я тебя
разорю:
«Разорю я да царя, разорю, всеё землю отобью;

---

[2]) Въ годъ.

[1]) Стихъ на пути образованія въ „двойной."—[2]) Такія глагольныя формы, отвѣчающія древнимъ классическимъ „Отложительнымъ (Deponen·)" и „Среднимъ," въ старшемъ и подлинномъ употребленіи имѣютъ *си* (себѣ), сокращаемое въ *сь* (дай-ка-сь, гляди-т-ка-сь, возми-т-ка-сь, на-т-ка-сь), откуда уже позднѣе появляется *ся* (сокращаемое также въ *сь*).

«Поразставлю я своихъ гарнадеровъ по всей матушкѣ Москвѣ,
«А самъ я, Салтанъ Турецкій, во Московскомъ дворцѣ!»
Какъ востужитъ царь—возгорюетъ, самъ онъ ходитъ по граду:
— Господа вы,—купцы, енаралы, всѣ помѣщички мои!
— Вы придумайте-пригадайте, вы подумайте-ка мнѣ:
— Хочетъ-хочетъ воръ Салтанъ Турецкій, хочетъ меня разорить.—
Какъ возго́ворилъ генералъ Бабынинъ, за дубовымъ сидя за столомъ:
« «Не тужи-ка, Бѣлый царь, ни объ чемъ, не тужи, Бѣлый царь, ни объ чемъ!
« «Ты и сдѣлай-ка три года набору, набери-ка три полка солдатъ,
« «Я пойду-пойду, разорю я Турецкаго царя.» »

(Запис. Кн. Костровымъ, доставлено П. И. Як—нымъ).

*

Въ слѣдующемъ образцѣ опредѣляется уже Паскевичъ:

3.

(Уѣздъ Ефремовскій).

Пишитъ-пишитъ Султанъ Турецкій
Къ нашему Бѣлому царю:
«У разоръ [1]) я тебе разорю,
«Во Москву стоять ввойду [2]),
«Поставлю́ своихъ солдатовъ
«По всей каменной Москвѣ,
«Штаповъ-офицеровъ по купеческимъ домамъ,
«Самъ стану, Султанъ Турецкій,
«Въ Миколаивскомъ славномъ дворцѣ!»

---

[1]) Въ разоръ.—[2]) Иначе „увойду": двойное *въ*, для усиленія, образующее въ Новоболгарскомъ постоянный предлогъ *въвъ*.

Какъ растужить нашь Николай Павлычь,
Самъ гулянить по Москвѣ,
Говорить онъ своимъ Синатбрамъ:
— Вы подумайте, братцы, со мной:
— Пишить Султанъ Турецкій,
— Хочить землю у насъ отобрать,
— Обѣшшаиться Султанъ Турецкій
— Вы Москву итить стоять.—
Обозвалси графъ Пашкеевъ
За дубовымъ сидя за столомъ:
« «Не тужите, нашь императоръ,
« «Вы не думайте ни'бъ чемъ:
« «Набирайте силы [1]) много,
« «Мы пойдёмъ съ Туркой воевать,
« «Мы усѣхъ Турокъ побьемъ,
« «Вы полонъ ихъ заберемъ,
« «Вы Россеюшку возьмемъ,
« «По полкамъ ихъ разберемъ,
« «По хватерамъ разведемъ!» »

Первообразъ этихъ пѣсенъ начинается съ Войны Шведской при Елизаветѣ (см. вып. 9), откуда истекли и предлежащіе образцы съ нѣсколькими видоизмѣненіями.

Пѣсенъ объ Николаѣ и особенно о 1-й войнѣ его съ Турками очень много у Сербовъ (отчасти и у Болгаръ: см. наше изданіе 1855 г.). Часть ихъ напечатана и, если мы не приводимъ ихъ здѣсь, то потому, что онѣ не имѣютъ ничего общаго съ нашими. Дорогой нашь кн. А. Н. Цертелевъ, въ недавнемъ путешествіи по Сербіи, выслушалъ одну очень длинную пѣсню о томъ, какъ Николай „дѣлилъ мейданъ (поле, поединокъ) съ царомъ" (Турецкимъ, отъ коего Австрійскій отличается именемъ „тесара," кесаря) въ Адріанополѣ. Послѣ вызова отъ Николая, сначала царъ просилъ у него сроку, подождать годъ („єрбо сила ние спремлена," ибо не снаряжена сила): императоръ далъ срокъ на годъ и потомъ побѣдилъ.

*

Слѣдующій образецъ по происхожденію нѣсколько ранѣе помѣщенныхъ сейчасъ: но мы ставимъ его здѣсь по тѣсной связи съ послѣдующими.

---

[1]) „Войской," какъ говорилось въ старину и отчасти осталось въ пѣсняхъ (см. вып. 8 и 9).

Персіяне. Взята Эривань. Паскевичъ. Сборы въ Царьградъ, подъ Турка.

1.

(Москва).

Не двѣ тучи, не двѣ грозны по поднёбесью идутъ:
Наши храбрые солдаты въ барабаны марші бьютъ.
Они марши марширують, промежду собой говорятъ:
« «Трудно, трудно намъ, ребята, Эривань намъ городъ брать,
« «Намъ еще того труднѣе — намъ подъ пушки подходить [1])!» »
Мы подъ пушки подходили, закричали всѣ: « «Ура!» »
Графъ Паскевичъ Ериванскій громкимъ голо́сомъ вскричалъ:
«Не робейте вы, солдаты, потряслися стѣны вонъ!
«Вы проклѧ́ты Персіяне, покори́тесь всѣ вы намъ:
«Не поко́ритесь вы намъ, пропадете какъ трава!»
Наши бодры какъ солдаты [2])! что-то храбро говорятъ:
« «Доберёмся мы, ребята, мы до Турка самого̀!
« «Въ Царѣ-градѣ не найдемъ,—въ острова́ [3]) за нимъ пойдёмъ,
« «Въ острова за нимъ пойдёмъ, на арканѣ его приведёмъ!» »

(Запис. П. В. К—мъ отъ мѣщанки Т. А.: ср. выше и прежніе выпуски).

*

Этотъ образецъ близокъ къ послѣдующимъ: творчество отъ Персіянъ и Турокъ переходитъ къ Варшавѣ и Полякамъ, какъ было и въ дѣйствительности, а главнымъ образомъ отъ того, что пѣсни эти связывались именемъ одного и того же героя—Эриванскаго.

---

[1]) Въ слѣдъ за симъ переходъ отъ 3-го лица и разсказа къ 1-му.—[2]) Ужъ какъ наши бодрые солдаты.—[3]) Греческіе.

Походъ подъ Варшаву.

1.

(Губ. Орловской, у. Малоарх., Сабурово).

Ночи тёмныя, тучи грозныя
По поднéбесью идутъ:
Наши храбрые солдаты
Тихимъ маршикомъ идутъ [1]).
Они идутъ—маршируютъ,
Промежъ себя говорятъ:
« «Трудно, трудно намъ, братцы, солдатамъ,
« «Намъ Варшаву-городъ взять:
« «Что труднѣй того не будетъ [2])—
« «Намъ подъ пушки подбѣжать!» »
Какъ пріѣхалъ графъ Паскевичь,
Сорокъ пушекъ заряжалъ,
Закричалъ графъ Паскевичь
Своимъ громкимъ голосóмъ:
«Ужь вы бейте, не робѣйте,
«Поддаются стѣны намъ!
«Распроклятые шельмы Поляки,
«Покоритеся вы намъ!
«Если вы не покоритесь,
«Пропадёте что трава:
«Мы васъ порубимъ, посѣчемъ,
«Во полонъ съ собой возмемъ!»

(Запис. П. И. Якушкинымъ въ 40-хъ годахъ).

Образецъ „обнародился," благодаря тому, что попорченъ; но замѣтно, что въ первоначальномъ видѣ своемъ „сочиненъ" и конечно первые стихи написаны въ такомъ родѣ: „Ночи тёмны, тучи грозны (или „грозныя") По поднебесью плывутъ: Наши храбрые солдаты (или„ солдатушки") Тихимъ маршикомъ идутъ." Смѣна восьмисложнаго (эпическаго) стиха съ семисложнымъ (лирическимъ) возможна и въ творче-

---

[1]) О складѣ такихъ стиховъ см. замѣчаніе подъ текстомъ.—[2]) Извѣстный намъ оборотъ „отрицательный:"—„А всего будетъ труднѣе."

ствѣ народномъ, а особенно держится въ смыслѣ „элегіи“ (какъ понимали древніе Греки) или въ пѣсняхъ „женскихъ,“ какъ убѣдимся въ выпускѣ 11-мъ: но краткій стихъ образуется здѣсь по большей части въ видѣ „отрѣзка“ отъ длиннаго или цѣлаго стиха, готовъ перейти въ „припѣвъ“ и всегда способенъ съ другимъ стихомъ снова слиться въ „одинъ цѣльный“ или по крайности „двойной“ и половинчатый стихъ (примѣровъ сему встрѣчалось намъ выше очень много). Такого же „казеннаго“ и условнаго чередованія съ однообразною смѣною 8-мисложнаго стиха 7-мисложнымъ—у народа въ устномъ творчествѣ не бываетъ, какъ не бываетъ и „строфъ“ въ смыслѣ піитики.

Любопытно, какъ въ извѣстную эпоху „народъ,“ спустившійся до „простаго народа“ или „нисшаго класса,“ начинаетъ относиться къ „верхнимъ:“ народность появляется только въ слѣдствіе и въ видѣ „порчи“ образцовъ, сообщенныхъ съ верху. Отсюда и рождается обычное недоумѣніе: „неужели народность состоитъ только въ грубости, дикости и порчѣ?“ Высказываютъ это побѣдоносно и—совершенно напрасно: конечно не въ этомъ.

*

Еще дальше ступила подобная народность въ слѣдующемъ образцѣ:

2.

(Губ. Тульской).

Ночьки тёмны,
Тучки грозны
Изъ поднебесья идуть:
Наши храбрые драгуны
Тихимъ маршыцемъ идуть.
Они йдуть—марширують,
Промежь себе говорять:
« «Трудно, трудно намъ, ребята,
« «Аршавъ-городъ взять:
« «А труднѣй того не будеть—
« «Намъ подъ пушки подбѣжать!» »

Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричимъ усѣ: « «Ура!» »
Графъ нашъ Падскѣевъ
Громкимъ голосомъ кричалъ:

«Ну-те, братцы, бейте, не робѣйте,
»Подается [1])! сила намъ!
«Вы проклятые Поляки,
«Покоритеся вы намъ!
«Не покбритесь вы намъ—
«Всѣхъ порубимъ васъ—побьемъ,
«Точно траву подсѣкёмъ [2]),
«Во полонъ васъ заберёмъ!»

(Запис. въ 1849 г.).

*

3.

(Г. Орловской).

Ночью тёмной тучи грозны
По поднéбесью идутъ:
Ахъ да наши храбрые—они [1])—ребята
Тихимъ маршицемъ идутъ.
Они и́дутъ—маршируютъ,
Промежь себя говорятъ:
« «Завтра надобно, ребята,
« «Намъ Варшаву-городъ взять,
« «Намъ Варшаву-городъ взять
« «Да подъ пушки подбѣжать.» »
Мы подъ пушки подбѣжали,—
Закричали всѣ: « «Ура!» »

---

[1]) Начинаетъ уступать.—[2]) Замѣчательно, что, при всей мягкости характера, народный языкъ нашъ далеко не всегда прибѣгаетъ къ претворенію въ шипящіе звуки и любитъ держаться 1-й ступени смягченія, не рѣдко возвращая ей даже твердость: *толкёмъ, сѣкёмъ* (вм. че), *побьёмъ* (вм. *жи*), *серьчиться* и отсюда *серьгусь* (вм. *жу*), *не дыхи* (вм. *ши*) и т. п.

[1]) „Ахъ да—они:“ это такъ называемый „разводъ“ голоса, отвѣчавшій въ старину „разбѣгу струнъ“ или „по струнамъ.“ Какъ бы онъ ни былъ дліненъ, онъ не измѣняетъ нисколько ни размѣра въ складѣ стиховъ, ни счета времени и тактовъ въ пѣніи.

Братцы, бейте—не робѣйте,
Подаются силы намъ!
Ужь вы слушайте, Поляки,
Покоряйтеся вы намъ!
Не покбритесь, Поляки,—
Всѣхъ порубимъ-посѣчемъ
И въ полонъ всѣхъ заберемъ!

(Записана и напѣвъ переложенъ на ноти М. А. Стаховичемъ въ 1852 г.).

*

4.

(У. Касимовскій, дер. Ибердусъ).

Ночи тёмны, тучи грозны,
Изъ подъ неба дождикъ льётъ [1]):
Наши храбрые солдаты
Со ученія идутъ.
Они идутъ—маршируютъ,
Промежь себя говорятъ [2]):
« «Трудно, трудно намъ, ребята,
« «Намъ Аршаву-городъ взять:
« «Но еще труднѣе [3]) будетъ
« «Намъ подъ пушки подбѣжать!» »
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали всѣ: « «Ура!» »
Нашъ батюшка императоръ
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
«Охъ вы, дѣти, не робѣйте,
«За морями знаютъ насъ [4])!»

[1]) Вѣроятно: „дожди льютъ."—[2]) Такія, однообразно повторяемия, выраженія показиваютъ память въ старшихъ однородныхъ пѣсняхъ—козаковъ и солдатъ—про Астраханскаго воеводу, Гагарина, Аракчеева: см. выше и прежніе випуски.—[3]) Книжное, и потому обращено изъ любимаго отрицательнаго выраженія въ положительное.—[4]) Изъ солдатскихъ, сочиненныхъ пѣсней, помѣщенныхъ выше.

Вы проклятые Поляки,
Покоритеся вы намъ:
Если вы не покоритесь,
Всѣхъ порубимъ, посѣчёмъ [5])!

(Ср. „Русс. нар. пѣсни, собранныя и переложенныя Прокунинымъ подъ ред. г. Чайковскаго.“ Если собранный текстъ плохъ, то переложеніе уже слишкомъ хитро: ср. простоту у Стаховича. За чѣмъ-то еще пѣсня раздѣлена на строфы по 4 стиха: отъ 1872 года можно бы ожидать лучшаго собранія и изданія).

*

Тогда какъ образцы, сколько ни будь народные, быстро перешли отъ Эривани къ Варшавѣ, съ Дуная и Балкана на Вислу, гдѣ и утвердились на любимой битвѣ съ Поляками, почти перезабывши все предъидущее (такъ какъ оно само не имѣло въ творчествѣ самостоятельной прочной основы и лишь перефразировало старые зады), литература, спѣшившая „сочинить пѣсню,“ разумѣется, фиксировалась и, благодаря печати, на вѣки осталась въ Адріанополѣ, на Балканскихъ вершинахъ, съ Греками и отчасти съ Южными Славянами того времени. Сюда, изъ множества подобныхъ, относятся извѣстныя произведенія:

За Дунай, за Балканъ мы ходили
Воевать супостатъ,
Магометову мощь разгромили,
Потрясли Цареградъ.
Съ Арарата, съ вождемъ Эриванскимъ
Мы орлами взвились....
. . . .

Конецъ: Мы сходили (!) въ Парижъ, въ Византію
И исходимъ весь свѣтъ.
(*М. Лобанова*).

Или, еще извѣстнѣе:

На брань призвалъ насъ царь державный....

И весьма поэтическое:

Друзья, друзья! Крылатою мечтою
Мы пролетимъ волшебство нашихъ сѣчь.
. . . .

---

[5]) Вотъ уже и претвореніе гортаннаго звука въ шипящій, какъ ступень позднѣйшая.

Конецъ:

И вѣрится, что къ башнямъ Византіи
Мы, *какъ Олегъ*, прибьемъ державный щитъ,
И Эллинамъ орелъ и мечь Россіи
За крестъ Христа спасенье подаритъ.
Предъ Богомъ силъ, о братья, въ прахъ главою:
Онъ нашъ всегда среди кровавыхъ сѣчь,
Къ Нему съ мольбой завѣтною, святою:
О *Русскій Богъ*, храни Россійскій мечь!

(О происхожденіи образовъ и выраженій сего рода сказано нами выше въ эпохѣ Французовъ).

И т. п.

Изъ произведеній этихъ ни одно не перешло въ народъ, ни даже черезъ посредство порчи. И тѣ, кои назначались для „полковыхъ хоровъ,“ остались при сихъ послѣднихъ; такъ постепенно возникли, большею частію на старыхъ основахъ Екатерининскаго и Александровскаго времени, а съ нѣсколькими измѣненіями утвердились до нашихъ дней „спеціальныя“ пѣсни тѣхъ или другихъ „полковъ,“ какъ на примѣръ: „Лейбъ-гвардіи коннаго полка“ (начало: „Гей, товарищи, ребяты, Конной гвардіи солдаты, Стройно пѣсню запоемъ, Какъ въ полку славно живемъ;“ другая: „Мы ребятушки лихіе, Конной гвардьи удалые, Вспомнимъ, братцы, что̀ мы были, И теперь что̀ мы есть?“ Конецъ: „Вотъ ура, ура, ура, Намъ коней холи́ть пора!“), „Уланскаго“ („Молодцамъ солдатамъ Не объ чемъ тужить.... Пика удалая, Штыку сестра, Отъ царя роднаго Для враговъ дана;“ Конецъ: „Поучась въ манежѣ, Ѣдемъ мы домой, Спимъ въ казармахъ сладко Богатырскимъ сномъ“), и т. д. Народу онѣ неизвѣстны вовсе ни въ какой формѣ. Но, еслибы *И. Е. Молчановъ*, нѣкогда состоявшій при этомъ дѣлѣ, остался при немъ дольше и доселѣ, онъ, при замѣчательной народности своего хороваго пѣнія, при опытности и вліяніи, могъ бы оживить многое древнее и проложить пути, по которымъ пѣсня обобщалась бы между народомъ и полками, заимствуя отъ перваго стихіи, отъ вторыхъ историчность примѣненія и нѣкоторую регулярность личнаго участія въ сочиненіи. Наступившая „Всеобщая воинская повинность“ ставитъ сей вопросъ всего ближе на чеку: въ новомъ составѣ полки не обойдутся безъ пѣсней, и самыхъ обильныхъ. Историческій поводъ и вызовъ, родникъ стихій народныхъ, исчерпанный только въ извѣстномъ резервуарѣ, но не въ собственной силѣ, участіе личнаго искусства и даже сочиненія, путь изученія—и старины, въ уцѣлѣвшихъ ея образцахъ, чему мы, кажется, даемъ своимъ изданіемъ посильную услугу, и новизны—пока вся она обнаружится собираніемъ полныхъ сборниковъ и убѣдитъ всѣхъ, какъ въ ней мало,—все это конечно дастъ намъ, для дѣла нашего, новую фазу, а въ концѣ породитъ издателя, по крайности своего—помянутаго выше Дитфурта. Дай Богъ только,

чтобы въ этомъ дѣлѣ, крайне не шуточномъ, участвовали люди умѣлые, способные направить и повести его, съ одной стороны не стѣсняя самобытности творчества, а съ другой предохраняя его отъ той тенденціозности, которая воцарилась въ скандальныхъ или сатирическихъ куплетахъ солдата Французскаго, въ эгоистическихъ и тяжелыхъ погудкахъ Прусскаго. Послѣ славнаго и совершенно иначе настроеннаго своего прошедшаго, не только въ пѣснотворчествѣ историческомъ вообще, но частнѣе и въ войсковомъ, намъ не къ стати было бы усильно сбиваться на подобную дорогу.

Но, тѣмъ любопытнѣе становятся намъ произведенія, изъ разбираемой эпохи проникшія какимъ либо способомъ въ народъ, къ нему приближенныя или въ немъ акклиматизованныя. Къ числу такихъ относится сочиненная пѣсня въ Турецкую войну о *Храбровѣ*, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „*Трубки*" и возрастающая въ пѣніи, которое слыхали мы чаще у чернорабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ, до 300 стиховъ. Мы сообщимъ простѣйшій, самый краткій ея видъ:

Трубка. Храбровъ.

1.

«Послушай-ка, служивый,
«Ты куришь табачокъ:
«Но трубка—что за диво!
«Дай посмотрѣть, дружокъ.
«Какая позолота
«Съ рѣзьбою по краямъ:
«Не по тебѣ работа,
«Продай-ка лучше намъ!»
— Хоть, сударь, и замѣтна
— Охота въ томъ твоя,
— Но трубки сей завѣтной
— Продать не воленъ я.
— Она со мной въ сраженьѣ
— Была за сапогомъ
— И въ грозномъ злоключеньѣ
— Служила мнѣ щитомъ.
— Она у сераскира
— Отбита на войнѣ
— И въ память командира

— Теперь досталась мнѣ.—
«Послушай-ка, служивый,
«Кто командиръ былъ твой?»
— Храбровъ. — «Храбровъ, о диво,
— Онъ дядя мнѣ родной!»

(Далѣе разпросы и разсказъ о судьбѣ погибшаго).

*

Кстати приведемъ здѣсь, хоть нѣсколько и позднѣйшую, но въ томъ же „Восточномъ“ духѣ происхожденія, пѣсню, сочиненную по способу и напѣву извѣстной намъ „За горами, за долами;“ сему самому счастливому пріему она и обязана нѣкоторымъ успѣхомъ своимъ среди народныхъ массъ.

Ахалцихъ. Андрониковъ.

За высокими горами,
Между быстрыми рѣками,
Ахалцихъ стоитъ (2; и ниже).
Вдругъ, несмѣтными толпами,
Съ регулярными полками,
Турокъ къ намъ валитъ.
Ахалцихъ атаковали,
Штурмомъ взять его мекали,
Заняли Суплисъ [1]),
И султану доносили,
Русскихъ будто бы разбили
И берутъ Тифлисъ.
Князь Андроникъ съ егерями
Да съ Гурійскими [2]) князьями
Вó время поспѣлъ.
Приготовился онъ къ бою,
Взялъ и Виленцевъ [3]) съ собою,
Да итти [4]) велѣлъ.

---

[1]) „Суфлисъ.“—[2]) „Горійскими.“—[3]) „милицію.“—[4]) „Всѣмъ.“

Тутъ-то пушки заревѣли,
Пули-ядра засвистѣли,
Затряслась [5] гора [6].
Вдругъ отважно, молодцами,
Наши бросились штыками,
Гаркнули: «Ура!»
Турки дрогнули, бѣжали,
Пушки-ружья побросали,
Еле [7] уплелиль.
Всѣ пожитки побросали [8]
И бѣжавши повторяли:
««Вотъ тѣ и Тифлисъ!»»

*

Возвращаясь къ пѣснямъ, болѣе или менѣе самостоятельнымъ и портившимся, разлагавшимся, или не успѣвшимъ окрѣпнуть до истиннаго творчества *въ самомъ народѣ*, при стихійномъ круговращеніи въ средѣ его, припомнимъ, какъ въ эпоху Французовъ (ср. выше) пѣсня съ Юга, въ слѣдъ за полками, подвигалась къ Сѣверу и Сѣверо-Западу, по разнымъ городамъ, пока придвинулась къ Смоленску, за нимъ къ Польшѣ и подъ конецъ перешагнула уже въ Парижъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляется обыкновенно, какъ отличительная черта сего разряда пѣсенъ, „несчастливый перевозъ" черезъ ту или другую рѣку, а въ слѣдъ за нимъ, передъ боемъ, появленіе въ полкахъ Цесаревича Константина или другихъ лицъ передовыхъ. То же самое было, при одинакихъ выраженіяхъ, рабски наслѣдованныхъ, съ пѣснею, отчасти нами уже приведенною, когда она двигалась съ Дуная къ Варшавѣ, вспомнила „перевозъ" и встрѣтила императора Николая среди полковъ. Вотъ отрывки сего рода:

Тотъ же походъ съ Юга и Востока подъ Варшаву. Императоръ Николай.

1.

(Г. Владимірская, у. Суздальскій).

На границѣ мы стояли,
Не думали ни объ чемъ [1],

---

[5] „Потряслась."—[6] Слѣдующіе 3 стиха не всегда поются.—[7] „Кой-какъ."
[8] „Растеряли."
[1] Стихъ двойной, раздѣляемый здѣсь нами по поламъ.

Только думали-гадали,—
Снарядиться хорошо,
Снарядиться, пріубраться,
Вдоль по городу пройти.
Не успѣли снарядиться,
Намъ указы скоро шлютъ:
Мы указы прочитали,
Во походъ скоро пошли.
Во походѣ маршъ мы шли,
Къ Дунай-рѣчкѣ подходили;
Перевозъ скоро подали:
Несчастливый перевозъ!
Повстрѣчались два врага
Посередь бѣлаго дня.
Ужь мы въ пушки [2]) загремѣли—
Какъ грозная туча шла [3]),
Какъ мы въ ружья запалили—
Застонала мать-земля.

(Запис. П. В. К—мъ).

*

2.

(Г. Рязанской, у. Скопинскаго).

Полно намъ, братцы, крушиться,
Перестанемъ тосковать,
Лучше станемъ веселиться,
Съ горя пѣсни запоемъ [1])!
Запоемъ, братцы, такую [2]),—
Про солдатскую про жизнь.

---

[2]) По древней привычкѣ „ходить въ палицы, въ топоры," потомъ „въ штыки," народъ обыкновенно гремитъ или палитъ не „изъ пушекъ," а „въ пушки."— [3]) Пушки загремѣли такъ, какъ будто шла туча громовая.

[1]) Обычный наборъ словъ при солдатскомъ досугѣ: ср. выше подобный.— [2]) Пѣсню.

Гдѣ жь мы жили-проживали?
За Дунаемъ за рѣкой.
Дунай—рѣчка не велика [3]):
Перевоза на ней нѣтъ.
Мы на это не взирали,
Вели плѣнъ мы за собой [4]).

Лѣто въ лагеряхъ стояли,—
Государь явился къ намъ;
Передъ нами разъѣзжалъ,
Передъ нами, гарнадеры,
Слово ласково сказалъ:
«Вы здорово, гарнадеры,
«Здравствуй [5]), славны молодцы!
«Вы скажите, гарнадеры,
«Про походы про свои [6])?»

---

[3]) Эта кажущаяся несообразность устраняется: 1) тѣмъ, что это обычное выраженіе очень многихъ пѣсней, уже встрѣчавшихся намъ, гдѣ точно рѣчки бывали и не велички; а существеннѣе 2) тѣмъ, что это знакомый намъ, столь обычно царствующій въ народномъ языкѣ, „отрицательный оборотъ:“ „Не то, что Дунай не великъ, да перевозу нѣтъ на немъ,“ „Ничего бы, что Дунай великъ, да безъ перевозу онъ;“ „Не та бѣда, что Дунай великъ, а та, что перевозу нѣтъ!“ Итакъ, вопреки ожиданію, отрицаніе обращается въ самое сильное и положительное утвержденіе.—[4]) По этому поводу „плѣна“ мы прибавимъ ниже особую замѣтку.—[5]) Повтореніе (удвоеніе) того же, что „здорово.“ Старинное „по здорову:“ всё ли по здорову, здоровы ли по прежнему, всё ли здорово, всё ли здоровъ? Это о *настоящемъ*, въ связи съ *прошлымъ*: за симъ у народа начинается уже пожеланіе *на будущее*—„здравствуй, будь здоровъ!“—[6]) За этимъ переходъ отъ разговора къ разсказу, отъ 1-го лица къ 3-му, и притомъ переходъ изъ одного времени въ другое: всѣ пріемы, уже хорошо извѣстные намъ изъ прежнихъ примѣровъ. Вопросъ касался *прошлаго*, о житьѣ на Дунаѣ, и какъ пришли оттуда, и каково солдатамъ *теперь*, въ *настоящемъ*; но, какъ, сейчасъ видѣли мы, „здорово, по здорову ли“ переходитъ въ будущее—„здравствуй, будь здоровъ,“ такъ отъ прошлаго переходятъ въ разсказѣ къ послѣдующему, къ будущему послѣ Дуная, и, взявъ—будущее дѣло—Варшаву, разсказываютъ о ней, уже какъ о прошломъ, *что подъ ней совершили*. Не вникнувъ въ подобные переходы народной рѣчи, мы никогда не поймемъ ея, какъ слѣдуетъ, въ народной пѣснѣ, а слѣдовательно не поймемъ ни эпохи, ни сущности самой пѣсни (такъ до сихъ поръ и живые разговоры, вставленные въ нашу лѣтопись, „переводятъ“ на литературный языкъ по большей части весьма неправильно).

Мы въ походѣ проходили,
Проходили по степямъ,
Мы свою кровь проливали
Подъ Варшавой на штыкахъ,
Какъ въ четвертомъ, пятомъ звонѣ [7]),
Со знамёнами впередъ.
Какъ шестой и седьмой звоны [7]),
Закричали всѣ: «Ура,
«Государю честь-хвала!»

(Записано и доставлено намъ М. П. Лисицинымъ).

*

Ближайше сходна:

3.

(Самарскій Край).

Полно, братцы, намъ крушиться,
Перестанемъ горевать,
Лучше будемъ веселиться,
Съ горя пѣсню запоемъ,
Запоемъ мы съ горя пѣсню
Про солдатское житье:
Какъ мы жили—веселились
За Дунаемъ за рѣкой.
Дунай—рѣчка не широ́ка:
Перевоза на ней нѣтъ.
Мы на это не смотрѣли,
Вели плѣнныхъ за собой.
Лѣтомъ въ лагеряхъ стояли,—
Государь явился къ намъ;
Передъ нами разъѣзжаетъ:
«Вы здорово, мои дѣти,

---

[7]) Взводѣ, взводи. Забывши подлинникъ, народъ истолковалъ себѣ слова пѣсни „звономъ," то есть уже о *времени* и *часѣ приступа*, по древнему способу считать время церковными звонами.

«Здравствуй, храбры егеря́!
«Вы скажите, мои дѣти,
«Про походы про свои?»
Мы походы проходили
Подъ Аршавой-городкомъ,
Кровь горячу проливали
Подъ Аршавой на штыкахъ.

(Ср. сборникъ г. Варенцова 1862 г.).

* *

Мало по малу изъ сихъ самыхъ образцовъ вырабатывается одинъ отдѣльный и, можно сказать, „отвлеченный“ образъ, гдѣ, безъ отношенія уже къ мѣсту и времени, представляется Императоръ Николай передъ арміей. Между тѣмъ другія, сродныя же, пѣсни „о Турецкомъ походѣ,“ въ которыхъ, видѣли мы, угроза Султана отражается надеждою набрать много силы въ отпоръ, подаютъ поводъ распространиться о тогдашнемъ пополненіи войска посредствомъ рекрутскаго набора. Изъ этихъ двухъ сторонъ и сплачивается слѣдующая пѣсня:

Императоръ Николай передъ арміей. Наборъ.

1.

(Губ. Моск., у. Звенигор., Воронки).

Николай государь по армеюшкѣ гулялъ,
Онъ солдатушекъ-ребятушекъ выспрашиваетъ:
«Хорошо ли вамъ, ребята, на приступикѣ стоять,
«На правыемъ на крылѣ, на камышевой травѣ [1])?»
Что камы́шева трава много горя принясла,
Много горя принясла, много слезъ пролила [2]).

[1]) Стойка на камышахъ и приступъ съ камышей, какъ дѣло неудобное войску, очень часто упоминается въ Солдатскихъ (Безъимянныхъ) пѣсняхъ: это начинается еще съ войнъ Екатерининскихъ, съ Румянцова, Потемкина и Суворова.—Въ настоящей пѣснѣ представляется сначала, что стойка и приступъ еще продолжаются, а Императоръ, объѣзжая полки, спрашиваетъ о состояніи дѣла. Слѣдующія за симъ слова представляютъ отвѣтъ солдатъ.— [2]) Здѣсь передается, что стойка уже кончилась и приступъ совершился, стоивши много горя, слезъ и урона. А за тѣмъ уже идетъ возвратъ изъ похода на родину, для пополненія урона.

Мы дождёмся весны,—во Росеюшку пойдемъ,
Во Росеюшку пойдемъ,—некрутиковъ [3]) наберёмъ,
Некрутиковъ наберёмъ,—отъ матушекъ отъ отцовъ,
Отъ матушекъ отъ отцовъ, отъ жонушекъ молодыхъ,
Отъ жонушекъ молодыхъ, отъ дѣтушекъ малыихъ [4]).
Холостаго-то везутъ,—съ горя пѣсеньки поютъ,
А женатаго везутъ,—въ три ручья слезы текутъ.
« «Отойдите, мiроѣды [5]), намъ топеря не до васъ,
« «Намъ топеря не до васъ, разставаться пришолъ часъ [6])!» »

(Запис. П. В. К—мъ 1883 года Iюля 18).

*

---

[3]) *Некрутъ*, осмысленное народомъ изъ иностраннаго „рекрутъ," по производству чрезъ отрицанiе изъ слова *крутъ*, означаетъ, судя по словоупотребленiю и сопутственнымъ образамъ пѣсенъ, а) молодаго (юнкеръ), слабаго, нѣжнаго, б) еще не связаннаго (не скрученнаго) окончательно формою и обязанностiю солдатской. — [4]) Эти-то слова, цѣликомъ перенесенныя изъ пѣсней о началѣ Восточной войны (см. нашъ № 1-й), именно и дали предлогъ распространиться вновь о наборѣ. — Всё послѣдующее встрѣчается тысячу разъ въ особыхъ пѣсняхъ Рекрутскихъ и Солдатскихъ (Безъимянныхъ). — [5]) Это слова самихъ рекрутовъ и семействъ ихнихъ, обращенныя къ *мiроѣдамъ*, тѣмъ, кои не попали въ очередь и жеребiй, остались середь „мiра" ѣсть „мiрской" (общинный) хлѣбъ, потому безучастны къ горю очередныхъ и новобранцевъ, обстоятъ праздною толпою, мѣшаютъ только прощаться.—Кромѣ этого значенiя, *мiроѣдъ* имѣетъ еще два другихъ значенiя, тѣсно впрочемъ связанныхъ по смыслу: а) лѣнивца и растеряхи, который живетъ на чужой счетъ, пользуясь общею мiрскою долей, но, вмѣсто собственнаго труда надъ нею, потребляетъ плоды труда чужаго; б) не бѣдняка уже, подобно предъидущему, а мужика разжившагося и разъѣвшагося на счетъ другихъ, съ помощiю ссудъ, лихвы, намѣреннаго раззоренiя ближнимъ, притѣсненiй, насилiя и т. п.; онъ обыкновенно умѣлъ избѣгнуть отъ очереди и жеребья.—Всѣ таковые, а въ настоящемъ случаѣ, какъ сказано, не попавшiе въ наборъ, будутъ *мiроѣды* относительно тѣхъ, которые идутъ *за мiръ*, въ интересахъ *мiра*, но идутъ прочь *съ мiрскаго хлѣба*, каковы рекруты.—[6]) Этотъ складъ пѣсни представляетъ собою образецъ „искусственнаго" Двойнаго стиха, въ которомъ каждая 1-я половина есть *повторенiе* 2-й половины изъ стиха предъидущаго. „Подлинный" же Двойной стихъ, которому мы видѣли много примѣровъ, происходитъ вслѣдствiе естественнаго распаденiя одного цѣльнаго стиха на двѣ половины.

2.

(Губ. Тульской).

Николай нашъ государь,
Онъ по ярміямъ [1]) гулялъ,
Своихъ дѣтей поздравлялъ [2]):
«Ужь вы здраствуйте, ребята,
«Удалые молодцы!
«Хорошо ли вамъ, ребята,
«(Что) на приступѣ стоять,
«Всё на правомъ на крылѣ,
«На камышь—горькой травѣ [3])?»
Камышь горькая трава
Много горя придала.
Много горя придала,
Вы Россію жить пошла [4]).
У Россіи пожила,
Некрутничковъ набрала,
Некрутничковъ молодцовъ,
Отъ матушекъ отъ отцовъ,
Отъ жонъ молодыхъ.

*

---

[1]) *Я* смягчено въ силу предъидущаго гласнаго звука *о*.—[2]) Спрашивалъ ихъ о здоровьѣ („здорово, по здорову ль, здорови ли?“) и желалъ имъ здоровья. („здравствуйте и будьте здорови;“ о томъ и другомъ ср. выше). Другое значеніе, одинаково древнее, почти исчезло у насъ, но сохранилось за словомъ „поздравити“ у Сербовъ: передать вѣсть, слова чьи либо съ порученіемъ или же предложить даръ (ибо при этомъ разумѣется сопутственний спросъ „о здоровьѣ“ и желаніе „на здоровье“). У насъ въ „образова́нномъ“ языкѣ осталось одно лишь третье значеніе: поздравить съ праздникомъ, ангеломъ, счастьемъ, удачей и т. п., а при этомъ пожелать также—„на здоровье“).— Смыслъ же „дара“ и „подарка“ образуетъ у Сербовъ еще другое равнозначащее слово—*поклонити*, *на поклонъ* („поклонио нему, у дар“), ибо даръ также сопровождается поклономъ; отсюда у насъ древнее—ходить къ кому ни будь „съ поклономъ“=съ дарами.—[3]) На камышь-травѣ, горькой.—[4]) Камышь трава, тѣ, которые сжились съ ней, сила-армія.—За симъ, не только уже ушла, но и успѣла пожить въ Россіи.

3.

(Губ. Орловской).

Императоръ Николай
По всей арміи прошолъ,
Во [1]) солдатушекъ спросилъ:
«Хорошо ли вамъ, ребята,
«На приступѣ стоять?»
Мы стояли на приступѣ—
Что на правомъ на крылѣ,
Что на правомъ на крылѣ—
На камышевой травѣ [2]).

(Запис. П. И. Якушк. въ 40-хъ годахъ).

* *

По поводу упомянутаго въ приведенныхъ пѣсняхъ „плѣна" изъ Турецкой земли слѣдуетъ сдѣлать особое замѣчаніе. Тогда какъ въ Древней Руси существуютъ двѣ-три Былины, изображающихъ Татарскіе набѣги, а нѣсколько другихъ варіантовъ сводится къ одному, весьма замѣчательному, образцу Пѣсни (хотя не Исторической, а Безымянной или Молодецкой)—именно о *Татарскомъ полонѣ*, гдѣ играетъ роль увезенная съ Руси дѣвушка (см. выпуски предыдущіе): въ Руси Новой, именно съ Петра, начинается Пѣсня содержанія обратнаго, — именно, какъ изъ Турецкаго похода ведутъ на Русь „дѣвицу полонёную, полонёную — дочь не Русскую." Въ исторіи дѣйствительной, послѣ Петра повторялись такіе случаи всего чаще при Екатеринѣ, и мы видѣли даже недавно, при Потемкинѣ (и Сегюрѣ), какъ привычно и какъ легко относились къ явленіямъ сего „плѣна." Еще въ живѣ у насъ фамиліи, которыя ведутъ свое происхожденіе отсюда по женской линіи въ недавнемъ прошломъ: къ несчастію, одинъ только суевѣрный страхъ гласности мѣшаетъ прямо перечислить и наименовать ихъ. Тѣмъ не менѣе, сама Пѣсня, какъ мы видѣли, продолжаетъ твердить о „плѣнѣ" сего рода, до самой предпослѣдней войны Турецкой—по исторіи и до нашихъ дней—по употребленію въ пѣніи. Но, поелику, сказали мы, „особая" Пѣсня этого разряда возводится въ своемъ первообразѣ къ эпохѣ Петровской, то и позднѣйшіе варіанты ея съ самимъ прото-

[1]) У, въ.—[2]) Лишь 1-я половина и не успѣла привиться 2-я о наборѣ.

типомъ (весьма замѣчательнымъ: „Ахъ ты матушка Москва-рѣка!“) мы приведемъ на своемъ мѣстѣ въ „Дополненіяхъ“ при одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.

*

А теперь, подобно какъ выше при Французѣ пѣсня, бродившая своими стихіями, опредѣлилась въ образцы возможно-полные лишь при заключеніи—подъ Парижемъ, такъ точно пѣсни, слагавшіяся въ Турецкую войну при государѣ Николаѣ, послѣ замѣченнаго нами блужданія и длинныхъ переходовъ, нашли себѣ средоточіе въ наступившемъ вопросѣ внутреннихъ событій и въ законченномъ видѣ своемъ вышли уже изъ подъ Варшавы. Въ нихъ замѣтны еще ярко слѣды происхожденія съ поприща Восточнаго и Южнаго; Полякъ также точно, какъ Султанъ Турецкій, собирается на Москву и грозитъ постоять въ Россіи, хочетъ зимовать здѣсь зиму и преждевременно расписываетъ себѣ квартиры; подъ Варшавой, также точно, какъ подъ Бендерами и Очаковымъ, выступаетъ на окружіи „городской стѣны“ представительница ея дѣвушка или „панночка“ съ переговорами (ср. вып. 9-й): но здѣсь уже достигнута крайняя историческая точность, къ какой способна лишь наша „новая“ пѣсня,—и годъ событія, и собственныя имена героевъ. Дальше сего предѣла образецъ пѣсни не пошелъ уже и остался на всегда „при Варшавѣ.“

Польская война на Москву. Дибичъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Какъ при стёжкѣ, при дорожкѣ,
Стоялъ бѣлъ шатёрикъ;
Какъ изъ этого шатрóчка
Выходилъ молодчúкъ,
Молодой полковникъ [1]);
Онъ и книги раскладáетъ,
Указы читаетъ,
Онъ указушки читаетъ,
Козакóвъ пытаетъ [2]):
«Отъ чего вы, козáченьки,
«Всѣ худы и блѣдны?»

[1]) Это то же, что „Добрый молодецъ подъ Очаковымъ,“ сынъ Румянцова и самъ Румянцовъ подъ Бендерами, Енералушка и т. п., ср. 9-й вып.—[2]) Спрашиваетъ.

« «Отъ того мы худы-блѣдны,
« «Что есть наша бѣдность [3]):
« «Мы день идёмъ во походѣ,
« «А ночь въ караулѣ;
« «Съ караула насъ смѣняютъ,—
« «Гонятъ на пикеты,
« «(И разуты, и раздѣты [4]) ...» »

А козацкіи квартиры
Всѣ потлѣли, погорѣли;
Оставался, оставался
Зеленой садочикъ,
Во зелёномъ во садочкѣ
Груша зеленая [5]);
(Подъ грушею подъ зелёной [6]))
Панья молодая [7]);
Паняночка молодая
Съ Дибичемъ [8]) гуляла,
(Она съ Дибичемъ гуляла)
Во глаза его ругала [9]):
— Распустилъ (Дибичь) козаковъ
— По всей славной Польшѣ,
— Побили они—порубили [10])
— Много у насъ [11])! Поляковъ! —

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.)

*

---

[3]) Что такова уже наша бѣда.—[4]) Такъ слѣдуетъ вмѣсто „исправленнаго" въ печати — „Ни разутыя, ни раздѣтыя." Не было нужды такъ портить: вся эта картина есть давній и установившійся эпическій пріемъ, по которому и подъ Очаковымъ „перезябъ-передрогъ Добрый Молодецъ въ одномъ полушубкѣ на распашечку" и т. п (см. вып. 9).—[5]) Все это—искусственный подходъ, чтобы выиграть мѣстность, на которой появилась бы изъ отдаленной древности дѣвица.—[6]) Таковы необходимыя пополненія.—[7]) Дѣвица.—[8]) Роль его здѣсь та же, какъ разныхъ генераловъ въ XVIII вѣкѣ,—Краснощокова, Румянцова, Потемкина и т. п.—[9]) По первобытнымъ воззрѣніямъ она собственно защитница города и туземныхъ интересовъ: лишь позднѣе, по любви къ герою, она измѣняетъ и измѣняется.—[10]) Д. б „Что побили-порубили."—[11]) Д. б. „Въ насъ."

То же. Паскевичъ.

1.

(Г. Владимірской, у. Ковровскаго).

Въ тридцать первыемъ году
Объявлялъ Полякъ войну
На матушку на Москву,
Ту-то [1]) любо да люли [2]),
На матушку на Москву [3]),,
На матушку на Москву,
На Смоленску губерню [4]),
Ту-то любо да люли,
На Смоленску губерню.
Полякъ съ Москвой воевалъ,
Смоленскаго подкупалъ [5]),
Всѣ фатеры расписалъ:
Хотѣлъ зиму зимовать,
Въ Росеюшкѣ постоять,
Ту-то любо да люли,
Въ Росеюшкѣ постоять,
Въ Росеюшкѣ постоять,
Съ Росейскими [6]) погулять,
Ту-то любо да люли,
Съ Росейскими погулять.

[1]) Мѣстное произношеніе вм. „то-то." — [2]) *Любо* и *люли* въ сущности по смыслу народному одно и то же, равняется Нѣмецкому Hoch, къ верху (и потому при позорныхъ казняхъ, какъ извѣстно, въ старину кричали у насъ изъ толпы—„Любо намъ!"). О миѳическомъ и прадревнемъ источникѣ сихъ частицъ рѣчи см. наши замѣтки при 1-мъ выпускѣ „Бѣлорусскихъ пѣсней."— [3]) Образованіе „подобнаго" припѣва—дѣло самое позднее: въ старшихъ Эпическихъ и Историческихъ пѣсняхъ его нѣтъ, а „припѣвъ" вырабатывается изъ нихъ „иначе" (ср. Замѣтку при 8-мъ вып. и друг.). — [4]) Изстари всякая Польская война соединяется непремѣнно съ ролью Смоленска (ср. вып. 7-й и друг.). — [5]) Добивался Смоленскаго, Смоленска. — [6]) Женщинами, дѣвушками.

Графъ Почтевичь [7]) генералъ
Долго нé спалъ, не дремалъ,
Т. л. да л., Д. не сп., не дремалъ,
Долго нé спалъ, не дремалъ,
Свою силу снаряжалъ,
Т. л. да л.... И т. д.
Свою силу снаряжалъ—
Подъ Поля́ковъ подправлялъ [8]).
Полякъ видитъ, что бѣда,—
Бѣжалъ въ темные лѣсà.
Силы-арміи [9]) въ догонъ,—
Полякъ бросился въ огонь;
Закричалъ: « «Подай патронъ [10])!
« «Я таперича весь вашь,
« «Отберите экипажъ;
« «Отберите экипажъ,
« «Отошлите въ Польшу насъ;
« «Отошлите въ Польшу насъ,
« «Мы служить будемъ за васъ!» »

(Ср. сборн. А. Смирнова, 1847 г.)

Этимъ періодомъ собственно кончается послѣдняя „опредѣленная форма“ Пѣсни Народной въ области сколько ни будь Исторической (по нашему смыслу), и за тѣмъ остаются лишь ея проблески, лежатъ слѣды или бродятъ стихіи.

Венгерская война не породила пѣсни народной. Изъ сочиненій же, предназначавшихся полковымъ хорамъ, но и тамъ не удержавшихся долго, наиболѣе извѣстны:

Выступаетъ рать лихая
Царя Бѣлаго въ походъ,
Въ помощь Бога призывая,
Усмирить крамольный родъ....

---

[7]) Въ выговорѣ конечно „Поштевичь:“ осмыслялось словомъ „почтенный“ (Югослав. „поштенъ, поштованъ“).—[8]) Справлялъ, правилъ *подъ* Поляковъ: выраженіе, родившееся вѣроятно изъ приступовъ „*подъ*“ городъ, ограду, стѣну.—[9]) Древнее „сила войская,“ потомъ „сила-армія:“ у г. Смирнова ошибочно „силой-арміи.“—[10]) Пардонъ.

Живъ Паскевичь и Радецкій;
Та же храбрость, какъ и въ старь,
И штыкъ Русскій—молодецкій,
И надёжа-государь!
Не дадимъ же въ посмѣянье
Права Австріи родной,
Приведемъ въ успѣхъ желанье
Сохранять Союзъ Святой!...

Или:

Чу, Венгерцы взволновались....
Ну, друзья, скорѣй въ походъ!
Съ своевольемъ, вишь, спознались
Экой буйственный народъ!
Не боимся мы Кошута,
Усмиримъ мы ихъ войной:
Лишь Радецкій былъ бы тута,
Да Паскевичь—нашъ герой!...
(Очень длинное сочиненіе).

И т. п.

*

Въ Севастополѣ было не до пѣсней: и однако же онѣ слагались.

Говоря это, мы ни сколько на разумѣемъ какихъ ни будь „писанныхъ" шутокъ или сатиръ: народъ нашъ не только не усвоиваетъ ихъ, не поетъ, не можетъ пѣть, да вовсе и „не читаетъ." Французская школа къ намъ не примѣнима въ семъ отношеніи: а потому произведеніямъ сего „сорта" не можетъ быть мѣста и въ нашемъ серіозномъ изданіи. Народная Историческая Пѣсня неизмѣнно строга, важна и строя самаго высокаго; это мы видѣли во всѣхъ примѣрахъ на лицо, съ Владиміра до Александра.

Таковы же пѣсни, слагавшіяся въ народѣ или по народному образцу о Севастополѣ и Крымской войнѣ, пѣсни, уже слышанныя нами: но, во первыхъ, онѣ не имѣли еще достаточнаго времени, чтобы опредѣлиться въ народномъ употребленіи и достичь хоть какой либо единой законченной формы, которая не дала бы стихіямъ сливаться съ прочею однородною массою пѣснотворчества вокругъ (а мы знаемъ изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ, что такой потребный періодъ длится иногда довольно долго); во вторыхъ, мы не успѣли еще провѣрить слышаннаго по нѣсколькимъ варіантамъ и по тѣмъ сборникамъ, которые скрываются въ рукахъ у разныхъ лицъ (на примѣръ, послѣ *Василья Александровича Костылева*, собравшаго, какъ намъ извѣстно, на мѣстѣ битвъ значительное количество пѣсенъ).

Что до „сочиненій" разнаго рода и всякой формы, претендовавшихъ

на пѣсню или отчасти приближавшихся къ ней, то ихъ, всѣ помнятъ, было множество. Они печатались въ обиліи съ 1853 года, въ „Моск. Вѣдом.," „Сѣверн. Пчелѣ," „Вѣдом. Моск. и С.Петерб. Гор. Полиціи," „Москвитянинѣ," и т п. газетахъ и журналахъ, а цѣлыми собраніями въ отдѣльныхъ книжкахъ—„Заморскіе гости," „Сборникъ патріотическихъ стихотвореній" (М. 1854), „Собраніе новѣйшихъ военныхъ и друг. Русс. пѣсенъ" (М., два изданія), въ повторявшемся „Собраніи" у И. Е. Молчанова, въ дальнѣйшихъ Пѣсенникахъ, при современныхъ войнѣ Картинахъ (внизу), и т. д. Въ народъ „простой" они не проникли, въ полковыхъ хорахъ нѣкоторыя держатся (но тамъ многое, съ корня сложившееся, еще не записано, а съ записаннаго еще не напечатано). По складу, доступному хоть нѣсколько солдатамъ или похожему на простонародный, наиболѣе выдаются:

1.

Бьютъ походъ, трубятъ тревогу.
Къ Севастополю пойдемъ:
Помолясь усердно Богу,
Англичанина побьемъ....

2.

Какъ пошли наши ребяты,
Наши храбрые солдаты,
Глупыхъ Турокъ колотить,
Уму-разуму учить....

(То и другое пѣлось напѣвомъ, который знакомъ для насъ по успѣху при Французахъ:—„Ахъ вы сѣни мои, сѣни;" второе ближайше слажено по пѣснѣ того же напѣва: — „Какъ пошли наши подружки Въ лѣсъ по ягодкамъ гулять").

3.

Станемъ, братцы, въ круговую,
Грянемъ пѣсню удалую!
Ой ка́лина, ой ма́лина....

(Примѣнялось это на Кавказѣ и воспѣвало кн. Андроникова, а нѣкоторый успѣхъ имѣло потому, что почти слово въ слово списано съ Екатерининской пѣсни, напечатанной у насъ въ 9-мъ вып., „Гренадеры молодцы, Други, братья, удальцы, Ой ка́лина, ой ма́лина, Станемъ, братцы, въ круговую, Грянемъ пѣсню удалую;" напѣвъ же сей послѣдней, повторявшійся и въ 1854 году, взятъ съ голоса старшей еще пѣсни народной — „Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза." На оборотъ, другія сочиненія падали именно отъ неудачнаго выбора образцовъ въ текстѣ или напѣвѣ: напр. „Ура, на трехъ ударимъ разомъ, Не да-

ромъ нашъ трехранный штыкъ,“—по тексту еще сносно, но примѣнявшійся напѣвъ вредилъ,—„Прощаюсь ангелъ мой съ тобою“ или „Подъ вечеръ осенью ненастной Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ;“ или, хорошее стихотвореніе—„Ты помнишь ли, товарищъ неизмѣнный, Такъ капитанъ солдату говорилъ“—теряло отъ первообраза, хотя онъ самъ по себѣ равно хорошъ,—„Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткій, Мой старый фракъ, другаго не сошью,“—T'en souviens tu въ передѣлкѣ Ленскаго).

Еще удачнѣе, по сочувствію, съ какимъ встрѣчено въ средѣ Черноморцевъ:

4.

Любо, братцы, любо намъ,
Черноморскимъ морякамъ!
Дождались мы чести славной:
Наградилъ насъ царь державный....

(Нельзя не замѣтить, что припѣвъ, много пособившій успѣху, взятъ изъ старшей пѣсни, у насъ приведенной выше,—„Тѣ-то любо да люли,“ и самый складъ сходенъ).

5.

Всего же замѣчательнѣе конечно и по достоинству знаменито:

Вотъ, въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ....

Кто этого не зналъ изъ грамотныхъ и до сихъ поръ не помнитъ изъ людей образованныхъ? И внезапное появленіе въ устахъ безъ замѣтныхъ предшественниковъ въ томъ же родѣ (сколько знаемъ, въ печати 1-й разъ на страницахъ Сѣверной Пчелы, 1854, марта 4, № 47), и быстрое, громадное распространеніе въ массахъ, и столь же скорое забвеніе объ авторѣ, характеризующее почти всякій поступокъ „народный,“ все это сближаетъ (какъ мы и сблизили выше) счастливое произведеніе единственно съ сотоварищемъ одинаковой судьбы—„За горами, за долами,“ при Французахъ. Манера изображать комически союзныхъ противниковъ уже извѣстна была въ эту пору по другимъ стихотвореніямъ; и самыя выраженія, съ риѳмами въ родѣ—„будетъ дѣйствовать какъ въ старь, Ею двигаютъ три слова—Богъ, да родина, да царь,“—близки къ прежнимъ попыткамъ (напр. на Венгерскую войну, ср. у насъ выше); и самый напѣвъ, съ какимъ распѣвали массы въ большинствѣ, именно опять „Ахъ вы сѣни мои, сѣни;“ и нѣкоторая

связь съ лучшими произведеніями изъ эпохи Французовъ, по складу стиха и удобному напѣву (ср. у насъ примѣры выше, въ томъ числѣ на Ахалцихъ): такіе прецеденты, какъ и всегда бываетъ, существовали въ дѣйствительности, но не выдавались впередъ, никого другаго не воспитали, никому не пришли на умъ и въ сердце, пока воспитался ими глубоко и, незамѣтно себѣ самому, выросъ изъ нихъ авторъ съ мѣткимъ творческимъ словомъ. Явленіе такъ поразило, что ему отозвались и неграмотные въ безграмотномъ простомъ народѣ: сами не читая, охотно слушали напѣвавшихъ, понимали по своему, интересовались толкованіемъ непонятнаго и, до сихъ поръ, хоть отсюда „пѣсни народной" не вышло, слѣдъ „сочиненія" въ простомъ народѣ остался. Все же, что повыше простаго, по всѣмъ сложнымъ и разнообразнымъ классамъ Руси, безъ исключенія подхватило подарокъ какъ свое исконное родное, отъ мала до велика, отъ чтенія по печати и тетрадкамъ до распѣванія цѣлыми хорами. Въ нашъ вѣкъ не случалось намъ испытать, чтобы какое ни будь другое „стихотвореніе" произвело такое безпредѣльное вліяніе на массы, сейчасъ помянутыя, такъ затронуло бы и всколебало, даже до смѣшнаго — заставило бы такъ разинуть ротъ и вытаращить глаза передъ счастливой находкой слова, такъ подтягивать—самыхъ безголосыхъ, такъ подпрыгивать съ радости — самыхъ неповоротливыхъ. Талантливые рисунки (сдѣлавшіеся нынѣ уже рѣдкостью, г. Боклевскаго) еще болѣе содѣйствовали внѣшнему успѣху. Съ этихъ точекъ зрѣнія, въ своей области внѣ крестьянства, произведеніе „народно," не менѣе многихъ другихъ, вращающихся въ „самомъ народѣ." Ни литературной критики, ни сатиры и памфлета, ни фортепіанъ, шарманки и гармоніи сюда не привилось: тонъ остался очень высокъ, не смотря на колкость выраженій, и въ немъ произведеніе легко роднится со многими лучшими „чисто-народными." Только въ другой области,—въ „прозѣ" (не менѣе поэтической), помнимъ мы за свой вѣкъ „подобное" же дѣйствіе быстротою, силой и широтою,—когда появились Мертвыя Души Гоголя въ 1 й части, когда наборщики фыркали себѣ подъ носъ набирая строчки, а плохіе грамотники перерывали тяжелый разборъ печатныхъ строкъ взрывами хохота. Не сомнѣваемся, что когда весь остальной, и самый простой, народъ сдѣлается наконецъ грамотнымъ, получивъ возможность легко усвоить себѣ и удержать въ образованной памяти стихотворныя строки сочиненія, оно еще породитъ изъ себя какую ни будь пѣсню чисто-народную.

*

Теперь же пока кончимъ мы обратившись къ произведенію совсѣмъ иному, изъ полюса противуположнаго, но тѣмъ не менѣе въ своемъ родѣ любопытному. Не изслѣдуемъ его первоначальнаго остава, литературнаго и книжнаго: оставъ обросъ плотью новѣйшихъ „Духовныхъ

Стиховъ," извѣстныхъ читателю по „Калѣкамъ Перехожимъ," во плоти сей прошелъ по многимъ монастырямъ и старообрядческимъ скитамъ, а намъ достался уже въ тетрадкахъ, съ безчисленными ошибками и измѣненіями, рядомъ съ такими Стихами, какъ „Торжествуй днесь вселенна," „Когда на гробъ взираю Предъ келіей моей," „Потопъ страшный умножался," и т. п. Вотъ сіе произведеніе, какъ

6.

Стихъ о нападеніи Англичанъ на Соловецкій монастырь.

Не голубушка средь поля
Скорбно стонетъ о дѣтя́хъ:
Пустынь иноковъ средь моря
Скорбна духомъ во слезахъ.
Грустно ей, не въ мочь кручины
Пересилить, перенесть;
Грустно вдвое безъ причины
Отъ враговъ обиду несть.

Какъ Іуда омраченный,
Сребролюбіемъ горя,
Олсманéй [1]) ожесточенный
Сталъ въ виду монастыря.
Онъ привѣтствовалъ святыню
Не молитвой, а ядромъ:
Перешелъ морей пучину,
Чтобъ разграбить Божій домъ.
И депешку [2]) съ бѣлымъ флагомъ
Въ пу́стынь къ инокамъ прислалъ,
Комендантъ чтобъ отдалъ шпагу,
Гарнизонъ оружье сдалъ:
По своей судя отвагѣ,
Вѣрно, думалъ и узналъ [3]),
Настоятелю при шпагѣ
Нужно быть на этотъ разъ.
А забылъ, что воля Бога

[1]) Англійскій Олофернъ.—[2]) Вар. „Депешку."—[3]) Нужно дополнить: „что."

Бдитъ надъ Русью всей святой:
Безъ нея ни до порога,
Съ ней на миръ и съ ней же въ бой.

Горсть смиренныхъ богомольцевъ [4]),
Уповая на Святыхъ,
Стала грудью: и когда,
Градомъ бомбъ, калёныхъ ядръ,
На оградѣ кровлю рвáло,—
Архимáндритъ Александръ [5]),
Съ чудотворною иконой,
Крестомъ знаменье творя,
Всѣхъ кропилъ водой священой
По стѣнамъ монастыря.
И подъ градомъ, канонадой,
Онъ прощалъ своимъ врагамъ.
Страшно было за оградой:
Лишь [6]) покоенъ Божій храмъ.

Въ немъ, предъ ясною иконой
Дѣвы—Матери Творца,
Клали иноки поклоны
За царя Русú, отца,
И неслись мольбой къ престòлу
Бога-Сына въ небеса,
Уповая въ Его волю,
Въ неисходны чудеса.

Богъ имъ внялъ: какъ ни громила
Вся громада вражьихъ силъ,
Но вреда не причинила,—
Господь видимо хранилъ.
Да Заступница Святая,
Пресвятаго Бога Мать,
Враговъ свыше поборая,

---

[4]) Съ этихъ поръ Стихъ начинаетъ измѣнять риѳмъ.—[5]) Тогдашній извѣстный настоятель монастыря. — [6]) Вар. „тамъ."

Соизволила принять
От безбожныхъ оскорбленье:
Бомбой рану въ Образъ Свой.
То за насъ, во искупленье [7])
Ея милости святой!

Въ послѣднее возстаніе Поляковъ, слагались еще пѣсни въ самомъ народѣ, именно въ Бѣлорусской его вѣтви, а отчасти и въ Малорусской (нѣкоторыя были даже напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, на примѣръ въ „Днѣ“): но это или опять не получило еще, по времени, окончательной и опредѣленной творческой формы, или относится ближе къ тому изданію, которое начали и ведемъ мы же подъ заглавіемъ „Бѣлорусскихъ пѣсней.“ Съ другой стороны и въ полкахъ сочинялись своего рода хоры, между прочимъ слышанные нами въ Вильнѣ, преимущественно въ честь М. Н. Муравьева: имъ, кажется, не пора еще появляться въ печати, пока не установятся нѣкоторые варіанты.

*

Съ тѣхъ поръ событія для народной жизни совершались необычайныя; они достаточно сильны, могучи и дѣйствительны, чтобы вызвать Историческую Пѣсню: но, какова будетъ эта пѣсня, мы еще не знаемъ. Она слагается пока не слышно намъ и не видимо: дѣло идетъ „внутри“ народа и конечно подготовитъ намъ что либо, столь же особенное, какъ самый вызовъ.

А пока мы знаемъ лишь „поверхность,“ гдѣ болѣе или менѣе, въ литературѣ или путемъ ея, „простираются“ на жизнь народа. Многое сюда „относится:“ и статьи объ народномъ обученіи, и печатные труды страховыхъ обществъ, и думы о народномъ хозяйствѣ, и проекты нравственности въ народѣ, и все тому подобное. Но, достигнетъ ли это самого народа, войдетъ ли въ жизнь его, а главное намъ—затронетъ ли силу творческую и скажется ли пѣснею, которая отвѣчала бы подобной исторической чертѣ и минутѣ, не можемъ рѣшить, ни даже гадать. Конечно, и въ помянутой, доступной намъ, области появляются своего рода „богатыри,“ и здѣсь вѣетъ духомъ или складомъ „эпическимъ,“ оживляющимъ Историческую Пѣсню. Что̀, на примѣръ, можетъ быть сходнѣе съ народнымъ богатыремъ, съ его извѣстными эпическими подвигами въ лонѣ природы внѣшней на пользу исторической жизни, какъ не слѣдующее объявленіе, довольно недавно (въ 1869 г.) появлявшееся въ газетахъ (печатаемъ стихами близко напоминающими Ивана Осиповича въ нашемъ 9-мъ выпускѣ):

---

[7]) Вар. „во искушенье.“

Управляя имѣніями отсутствующихъ владѣльцевъ,
Я получаю за трудъ 10% съ рубля.
Усадьбамъ даю видъ и доходность фермъ.
Возстановляю запущенныя поля,
Средствами искусственныхъ удобреній,
Весьма дешево стоющихъ владѣльцу.
Ведя хозяйство на новыхъ основаніяхъ,
Обработку земель ввожу товариществами—
Благонадежныхъ крестьянъ.
Привожу въ доходность отрѣзныя,
Оставшіяся за надѣломъ крестьянъ.
Дѣйствія мои по управленію имѣній,
Отрѣзныхъ земель и лѣсныхъ дачь,
Сосредоточиваю въ Костромской
И смежныхъ съ нею губерніяхъ [1]).
Особенное вниманіе обращаю на лѣса [2])—
И бездоходность ихъ обращаю въ непрерывный доходъ.
Въ лѣсахъ истощенныхъ,
Большею частію вырубленныхъ
И не имѣющихъ сплава,
Еще бо́льшую доходность доставляю,
Сухою перегонкою дерева и пеньевъ.
Во всѣхъ имѣніяхъ,
Поступающихъ въ мое управленіе,
Я произвожу межеванія,
И вообще ходатайствую по всѣмъ дѣламъ.
Нѣкоторыя имѣнія продаю—
По волѣ владѣльцевъ.
Желающихъ прошу обращаться ко мнѣ письменно [3])....
И т. п.

Но и здѣсь нельзя еще также опредѣлить, старая ли это пѣсня въ повтореніи, или это стихіи для новой въ будущемъ. Въ другихъ однородныхъ опытахъ еще менѣе опредѣленныхъ признаковъ для нашего дѣла.

***

Во всякомъ случаѣ, съ постепеннымъ ходомъ Исторической Пѣсни, мы вошли изъ области устнаго пѣснотворчества народнаго въ область

[1]) Т. е. снуется даже центръ эпоса, въ родѣ Кіева, Новгорода, Москвы, и является возможность мѣстнаго цикла; или опредѣляется мѣстороженіе богатыря, какъ въ древности Муромъ, Рязань, Суздаль, Ростовъ.—[2]) Это напечатано крупно: вспомнимъ, что подобнымъ образомъ сосредоточивалъ подвиги на лѣсахъ, начиная съ Муромскихъ, Илья, рубилъ, выворачивалъ пенья, губилъ на семи дубахъ Соловья-разбойника и т. п.—[3]) Ср. древнія надписи при перекресткахъ, адресы къ богатырямъ или собственныя ихъ приписки и т. п.

литературы, художественной поэзіи и личнаго искусства. Пѣсня, на глазахъ нашихъ, не только въ слухѣ, но и по страницамъ печатнымъ, вросла въ литературу, а литература сплелась съ пѣснею. Съ послѣднею Историческою Пѣсней, замолкшей передъ нами въ жизни и оконченной въ изданіи, совершена одна, первая и во многихъ отношеніяхъ главная, половина предпринятаго нами дѣла, начатаго въ типографіяхъ четырнадцать лѣтъ назадъ и предначатаго въ нашей личной жизни съ малолѣтства. Единый, великій, историческій вполнѣ памятникъ народной жизни, еще дышащей, но за печатнымъ словомъ уже отлетающей въ прошлое, теперь передъ нами въ цѣломъ, въ нашихъ рукахъ, подъ печатью: какъ наслѣдство духа, какъ его духовная, и вмѣстѣ какъ внѣшнее завѣщаніе - въ хартіи, съ передачею намъ Русскимъ всѣхъ правъ наслѣдства. Оцѣнимъ ли мы завѣщанное по достоинству; вдохнемъ ли изъ него обновляющія силы; оживимся ли народнымъ смысломъ; разбогатѣемъ ли поэтическими образами и будетъ ли намъ въ помощь это богатство; развернется ли сжатый прозою письменною языкъ нашъ; послышится ли снова голосъ, смолкшій подъ нѣмою печатью, которая столь наглядна и удобна — одному взору; а бытъ нашъ, скучный бытъ — если только нѣтъ въ немъ тревожныхъ страстей или безстрастныхъ поползновеній, разцвѣтетъ ли онъ снова въ своихъ будняхъ хотя отцвѣтомъ той, по истинѣ праздничной и торжественной, поэзіи, которая когда-то играла въ немъ, какъ на солнцѣ,—при пѣснѣ народной: вотъ задача времени и вопросъ для счастливыхъ наслѣдниковъ. Труда личнаго, положеннаго на дѣло общества (и при томъ „Общества"), посвященнаго народу и — ничего больше не искавшаго, конечно не могутъ признать тѣ, кои не признаютъ или вовсе не знаютъ народа, а силы его и средства общественныя привыкли обращать въ пользованіе личное. Но вѣрно одно: если народъ, прошедши вѣка развитія народнаго, переживетъ еще нынѣшнее простонародье и цѣликомъ выростетъ въ единую націю, а недоросшею сюда частью, въ послѣдовательномъ пути, спустится до нисшаго слоя общеевропейской черни,—и тогда, послѣдній пролетарій скажетъ еще спасибо тому Обществу, которое, больше чѣмъ десятками лѣтъ и съ послѣдними скудными средствами, обратило силы своихъ Членовъ на то, чтобы сберечь былую цѣльную жизнь народа, ради самого народа, въ его историческомъ пѣсенномъ словѣ.

Намъ предстоитъ еще возвращаться и къ Эпическимъ, и къ Историческимъ пѣснямъ, безпрерывно открывающимся, собираемымъ или вновь опредѣляющимся: но то лишь „Дополненія" къ законченному составу изданія.

Конецъ 10-го выпуска

и

Пѣсней Историческихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ III.

ВЫПУСКЪ 10-й.

Выписка изъ протоколовъ общества л. р. сл.

Русь Петровская.

Нашъ вѣкъ

въ Русскихъ историческихъ пѣсняхъ.

Стран.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ 10-го ВЫПУСКА.

				Напечатано:	Исправить:
Стран.	44	*строка*		4: слѣдують.	слѣдують:
„	61	„	(снизу)	8: назначалис-	назначались
„	„	„	„	7: въ нѣдъ	въ нѣд-
„	62	„		18: стелетси	стелется
„	182	„		20: дальнихъ	давнихъ
„	218	„		11: походныя	подобныя
„	224	„		18: съ оною	съ иною
„	435	„		15: видѣля	видѣли
„	437	„		7: и музикѣ	и музикѣ,
„	„	„		17: народъ	народъ,
„	458	„		28: Корфомъ,	Корфомъ),

U.C. BERKELEY LIBRAI
C006107269

558148
UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY